ПУШКИН
СОЧИНЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1997

ПУШКИН

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ
(ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ)

РУКОЮ ПУШКИНА

ВЫПИСКИ И ЗАПИСИ РАЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ИЗДАНИЕ 2-е, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
Я.Л.ЛЕВКОВИЧ, С.А.ФОМИЧЕВ

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1997

ББК 84.5
П 91

По заказу государственного Газетно-журнального объединения "Воскресенье"

Подготовили к печати:
С.В.Денисенко, А.В.Дубровский, Т.В.Евдокимова, Т.И.Краснобородько,
Я.Л.Левкович, С.А.Фомичев (руководитель коллектива составителей).

С благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

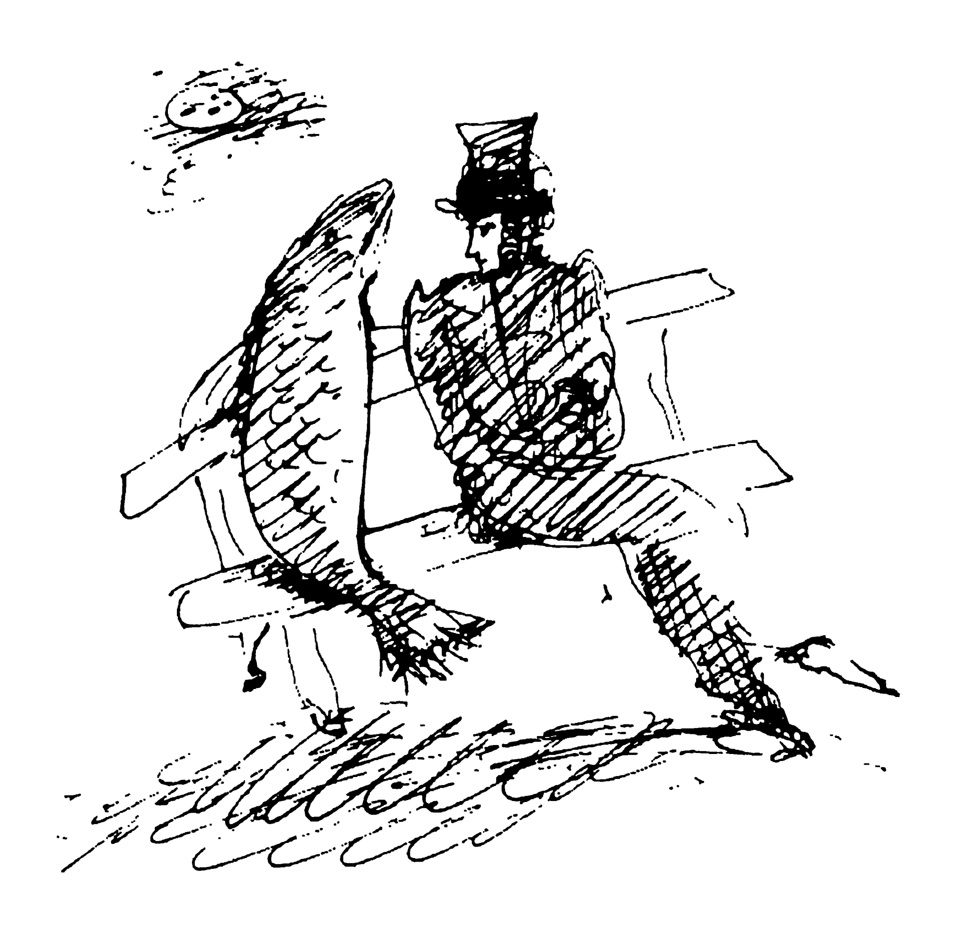
Пушкин А.С.
П 91 Полное собрание сочинений в 19 томах (тома 17 и 18 — дополнительные). Т. 17 (дополнительный). Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. / Отв. ред. Я.Л.Левкович, С.А.Фомичев. — М.: Воскресенье, 1997. — 744 с.; ил.

ISBN 5—88528—102—5 (Т. 17)
ISBN 5—88528 — 052—5

Настоящий том является вторым, существенно переработанным и дополненным с учетом новейших достижений пушкиноведения изданием книги "Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты" (М. — Л., Academia, 1935), подготовленной М.А.Цявловским, Л.Б.Модзалевским и Т.Г.Зенгер.

В том вошли малоизвестные переводы Пушкина с иностранных языков, черновые наброски, приходо-расходные записи, списки долгов и сметы расходов, деловые документы, шуточные "протоколы" празднования лицейских годовщин, надписи на книгах и записи в альбомах, другие материалы с подробными научными комментариями.

П $\frac{4702010106—018}{К\ 56\ (03)—97}$ подписное ББК 84.5



А.Г.Тышлер. Пушкин с золотой рыбкой. 1940-е годы

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов.

Пушкин о Вольтере

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Уже первый исследователь рукописей поэта П.В.Анненков обратил внимание на ряд «пометок», вторгающихся в черновики его произведений[1], и с тех пор каждое новое обращение к автографам Пушкина, как правило, сопровождалось не только прочтением новых строк, но и более или менее удачными попытками осмыслить сопутствующие им «числа, имена да буквы, тайны письмена».

Помета в творческих рукописях Пушкина — это концентрированный пушкинский текст, хранящий подчас уникальную информацию, которую мы должны научиться читать по-пушкински. Для этого необходимо понять основные приемы пушкинской скорописи и в каждом конкретном случае цель ее.

Пушкинская помета — неотъемлемая часть пушкинской рукописи и должна анализироваться в общем ее контексте. Эту мысль выразительно иллюстрирует Р.Е.Теребенина следующим примером: «В рабочей тетради (альбоме) Пушкина 1828 — 1833 гг. на л. 15 об. находится черновик стихотворения "Ты и вы". Под концом его дата: "23 мая"; у первых стихов сбоку справа помета: "20 мая 1828 При". <...> "При" — это начало названия усадьбы Олениных "Приютино". Если напечатать эту помету как дневниковую запись, то, кроме факта пребывания поэта в этот день в усадьбе, мы ничего из нее не извлечем. Если же мы укажем ее местоположение, то помета заиграет, ибо станет понятным, что, очевидно, именно во время этого посещения Анна Алексеевна и сказала Пушкину "ты", а он — уже 23 мая — написал по этому случаю стихотворение»[2].

«При» — вовсе не шифр, а обычная для творческой манеры Пушкина сокращенная запись, вполне понятная ему.

Привычка Пушкина работать преимущественно не на отдельных листках, а в черновых тетрадях, сменяя один замысел другим, придает особое значение его пометам, которые подчас позволяют проследить логику зарождения нового замысла.

Так в тетради *ПД* № 838 на л. 17 об. мы находим регистрацию дошедшей до поэта вести о смерти Арины Родионовны: «Няня✝». Анализируя историю заполнения этой тетради, В.Б.Сандомирская справедливо замечает: «По-видимому, воспоминаниями об Арине Родионовне вызван замысел сказки в стихах ("Сказка о царе Салтане") — первые четырнадцать стихов и программа продолжения, записанные (в прямом направлении) на л. 16 об. — 17, пропущенных ранее. Эта

---

[1] Материалы для биографии А.С.Пушкина. СПб., 1857, с. 115, 133, 195, 227.

[2] Теребенина Р.Е. Пометы Пушкина на рукописях. Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980, с. 99.

сказка в числе нескольких других была записана Пушкиным со слов Арины Родионовны в Михайловском. <...> Начало этой работы, законченной лишь в 1831 году, и представляет запись на л. 16 об. — 17. По положению в тетради она датируется июнем-июлем 1828 г.»[1].

Уже приведенные примеры показывают, насколько важен учет всех пушкинских помет в творческих рукописях и их всесторонний анализ.

В составе академического Полного собрания сочинений А.С.Пушкина (выпущенного ныне репринтно издательством «Воскресенье») предполагалось издать том, содержащий «Записи официального назначения. Выписки и записи разного содержания». Том этот, однако, был исключен из издания 1937 — 1949 гг. по настоянию «директивных органов». Тем самым, не по вине редакции, была не выполнена в полном объеме задача, намеченная изначально: «Настоящее издание представляет собой полное собрание всего, писанного Пушкиным. В него входят в первую очередь произведения Пушкина в стихах и прозе, затем переписка, автобиографические и деловые записи, а также все сделанные им записи и выписки, поскольку выписки для Пушкина почти всегда имели значение подготовки материала для творческих работ. <...> Таким образом из собрания не устранено ничего, что бы было записано собственною рукою Пушкина» (*Акад*., т. I, с. VIII).

В 1935 году эта задача была частично решена изданием тома «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», подготовленного М.А.Цявловским, Л.Б.Модзалевским, Т.Г.Зенгер (Цявловской). Этот том положен в основу настоящего издания, которым завершается переиздание Полного собрания сочинений Пушкина 1937 — 1949 гг. Переработка шла по трем направлениям:

— в основном, было исключено все, что вошло в тома Полного собрания сочинений, ныне воспроизведенного полностью;

— были добавлены выписки и пометы Пушкина, выявленные и напечатанные, как правило, в научной литературе после выхода тома «Рукою Пушкина»;

— во многих случаях предложены новые толкования отрывочных текстов Пушкина и его помет, основанные на выявленных за последние пятьдесят лет источниковедческих данных о жизни и творчестве Пушкина (уточнения к старым комментариям даются в настоящем издании обычно под строкой со значком* и пометой *Ред*.).

В настоящее время все рукописи Пушкина сосредоточены в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и имеют новые архивные шифры (фонд 244, опись 1). Все они введены в настоящее издание (в комментариях указываются только номера хранения автографов с пометой *ПД*). При этом старые архивные шифры сохранены, так как именно на них даны ссылки в источниковедческих справках академического Полного собрания сочинений.

Все сказанное выше привело к необходимости несколько изменить структуру первого издания: в некоторых случаях по-новому скомпоновать пушкинские записи разного назначения (тем самым, по возможности, снять противоречия, отмеченные в предисловии к первому изданию), а также устранить деление тома на две части и дать все его разделы в сплошной последовательной нумерации.

С. Фомичев

---

[1] *Пушкин: Исследования и материалы. Т.10, с. 243.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1935 ГОДА

Задача настоящей книги — собрать воедино тексты Пушкина, которые, не являясь «произведениями», плодом его творчества, не входят в полные собрания его сочинений.

Признание того или иного писания «произведением», продуктом творчества, достойным в качестве такового включения в собрание сочинений, часто дело весьма условное. Поэтому, если рассмотреть с этой точки зрения состав «полных собраний сочинений» Пушкина, окажется, что одна часть писаний Пушкина входит во все эти «собрания», другая часть — в одни «собрания» входит, в другие не входит, и, наконец, третья часть писаний ни в одно из «собраний» не входит.

Тексты последних двух категорий и явились предметом регистрации и изучения составителями настоящей книги.

Для выявления указанных писаний Пушкина были, страница за страницей, изучены все рукописи Пушкина. В результате этой большой, кропотливой работы было собрано значительное количество текстов, часть которых не только никогда не включалась в собрания сочинений, но и вообще не опубликовывалась.

Все эти тексты по происхождению своему могут быть разделены на две основные группы. Первую составляют тексты, находившиеся в личном архиве Пушкина, его писания интимного характера, для себя, вторую — тексты, находившиеся в архивах государственных учреждений и частных лиц, писания, по природе своей предназначавшиеся для других, писания, так сказать, публичного характера.

Деление это, до известной степени, конечно, условно. Относительно некоторых текстов трудно определить, к какой категории они должны бы быть отнесены. Так, черновики писем, написанных Пушкиным для Е.Шишковой и неизвестного, помещенные нами во второй части в качестве текстов, явно предназначенных для других, могли бы быть отнесены и в первую часть как черновики, оставшиеся в архиве Пушкина. Наоборот, исправления Пушкина в стихотворении Вяземского «К ним», помещенные во втором отделе первой части, формально, как находящиеся в архиве Вяземского, было бы правильнее поместить во второй части книги.

Тексты первой категории разбиты нами на одиннадцать групп, расположенных в порядке убывающей творческой значимости писаний.

Первый отдел составляют переводы Пушкина с иностранных языков. Лишь небольшая часть этих переводов вошла в некоторые собрания сочинений Пушкина, а семь переводов совсем не опубликовывались.

Второй отдел занимают исправления Пушкина, сделанные им в тексте других авторов, — это, во-первых, замечания Пушкина на стих П.А.Вяземского «К ним»; во-

вторых, впервые публикуемые исправления в переводе Жуковского «Слова о полку Игореве» и, в-третьих, тоже впервые публикуемые исправления, сделанные Пушкиным в тексте «Воспоминаний» П.В.Нащокина. Второе — часть большой работы, проделанной Пушкиным над «Словом», свидетельствующей о глубоком интересе поэта к этому замечательному памятнику. Третье — чисто редакторская правка. Как пользовался Пушкин правом редактора, печатая чужие произведения в своем «Современнике», мы не знаем, так как рукописи этих произведений не сохранились. Тем интереснее правка Пушкина, которой он подверг синтаксически часто беспомощный, но в целом колоритнейший рассказ своего друга.

В третий отдел входят фрагменты произведений в виде черновых набросков, не приурочиваемых к произведениям, известным в печати, черновые отрывки писем, беловые тексты которых неизвестны, заметки при чтении книг (среди последних особенно интересны впервые публикуемые заметки при чтении II тома «Истории русского народа» Полевого), записи мыслей и т.п. Все эти писания или оставались до сих пор «невыявленными» в рукописях поэта, или по своей «незначительности» не включались в собрания сочинений.

В четвертый отдел входят составленные Пушкиным проекты и планы изданий собственных произведений и томов «Современника», дающие картину работ Пушкина над композицией своих книг, начиная с лицейского проекта 1816 года издания книжки стихотворений и кончая неосуществленным планом 30-х годов собрания сочинений в восьми или девяти томах.

Пятый отдел — списки собственных произведений, составлявшиеся Пушкиным по разным поводам для памяти.

Шестой отдел, самый большой по числу входящих в него номеров, составляют записи самого разнообразного содержания: интимные, «тайны письмена», по выражению Пушкина, пометы о событиях в жизни Пушкина, списки лиц, кому нужно написать письма, списки покупок вещей, адреса, рецепт, стихи народных песен с метрической схемой, тексты обложек рукописей произведений, подсчеты стихов и т. п. Из ста двух записей этого отдела тридцать одна запись печатается впервые.

В особый, седьмой, отдел выделены приходо-расходные записи, списки долгов и сметы расходов, представляющие собой исключительный по значению биографический материал, лишь частично использованный покойным П.Е.Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики».

Восьмой отдел составляют подписи к рисункам и карта Приднепровья. Как известно, многочисленные рисунки Пушкина, испещряющие сотни страниц его рукописей, обычно не имеют при себе текста. Исключение составляет лишь небольшая серия печатаемых рисунков.

В девятом отделе даны записи народных сказок и песен, впервые собранные полностью.

В десятый отдел входят, во-первых, копии, сделанные Пушкиным с текстов стихотворений русских и иностранных авторов. Копии эти — драгоценный материал для суждения о Пушкине как ценителе поэтических произведений — дополняют те высказывания поэта, какие мы находим на эту тему в его сочинениях и письмах. Затем сюда же отнесены нами выписки из книг, журналов и газет, цитаты, неиспользованные эпиграфы и копии с документов. Записи эти, в большей своей части публикуемые

впервые, красноречиво свидетельствуют о тех широких умственных интересах, какими жил поэт.

Заключает первую часть книги одиннадцатый отдел — надписи на книгах: о принадлежности их Пушкину, о времени их покупки и т.п.

Вторая часть книги — писания Пушкина, хранящиеся в государственных и частных архивах, — заключает в себе также одиннадцать отделов.

Первый отдел составляют переводы одиннадцати русских народных песен на французский язык, сделанные Пушкиным в 1836 г. для Леве-Веймара.

Во второй отдел входят записи в альбомы. Сюда относятся, во-первых, записи Пушкина прозаические («донжуанский» список и другие); во-вторых, записи собственных его стихотворений; в-третьих, записи стихотворений других авторов.

В третий отдел выделены подписи Пушкина к рисункам, находящимся главным образом в альбоме Ушаковых.

Четвертый отдел составляют записи, сделанные Пушкиным на рукописях других лиц.

Пятый отдел составляют надписи Пушкина на книгах собственных сочинений и сочинений других авторов.

В шестой отдел входят шуточные «протоколы» празднований лицейских годовщин.

В седьмой — показания по делам о распространении стихов из элегии «Андрей Шенье» и «Гавриилиады».

Восьмой отдел заключает в себе разного рода деловые документы — прошения, доверенности, контракты и т.п., характеризующие главным образом материальный быт Пушкина.

В девятом отделе собраны векселя и денежные обязательства, которые многократно вынужден был выдавать всегда нуждавшийся в деньгах Пушкин.

В десятый отдел вошли черновики писем, составленные Пушкиным для Н.Н.Раевского, Е.Шишковой и неизвестного.

Наконец, одиннадцатый отдел заключает в себе официальные документы, относящиеся к службе Пушкина в качестве чиновника Коллегии иностранных дел.

Тексты внутри отделов расположены в хронологическом порядке их написания. Почти все печатаемые пушкинские тексты воспроизводятся по подлинникам, причем они выделены корпусом; тексты, писанные не Пушкина рукою, набраны петитом, за исключением случаев, каждый раз особо оговоренных; петитом набраны также и комментарии к каждому отдельному номеру самостоятельного текста; переводы с иностранных языков набраны корпусом, но без шпон. Транскрипции автографов, хранящихся в Москве, сделаны Т.Г.Зенгер, а ленинградских — Л.Б.Модзалевским. Д.П.Якубовичем сделаны транскрипции и комментарий к «Роману о Лисе», ленинградскому тексту «Цыганочки» Сервантеса и к выписке из Бэкона. Д.П.Якубовичем же сделана транскрипция записей в библиотеке Вольтера. И.А.Лихачеву принадлежат транскрипция московского текста «Цыганочки» Сервантеса, комментарий переводов Пушкина с испанского и перевод фрагмента «Романа о Лисе» с старофранцузского языка на русский. Н.Г.Зенгеру принадлежат перевод немецкой биографии А.П.Ганнибала и комментарий к ней. Перевод двух песен Сафо и комментарий к ним сделаны М.Е. Грабарь-Пассек. Переводы французских текстов сделаны М.Г.Муравьевой, которой

проделана большая работа по отысканию источников выписок и цитат Пушкина и собран материал для комментариев к ряду его записей.

Все переводы, кроме одного, английских текстов сделаны А.А.Ахматовой, один текст переведен Г.О.Винокуром.

Перевод стихотворений Мицкевича сделан Н.К.Гудзием. Запись арабских букв объяснена Л.И.Жирковым, запись турецких слов прокомментирована Б.В.Миллером, а запись еврейских букв объяснена Г.О.Винокуром.

Ценными указаниями и транскрипцией нескольких трудночитаемых мест составители обязаны С.М.Бонди. Заметка о книге Мандзони написана Б.А.Грифцовым. П.С.Поповым написан комментарий к «Маршруту от Тифлиса до Арзрума». Рецепт объяснен доктором А.П.Савельевым. Ряд справок и указаний сделаны: В.С.Арсеньевым, Н.С.Ашукиным, В.В.Виноградовым, Г.О.Винокуром, А.М.Де-Рибасом, Н.П.Киселевым, Ю.Г.Оксманом, Н.Н.Столовым, Б.В.Томашевским, М.М.Чистяковой и Н.П.Чулковым.

Хранитель рукописей Пушкина в библиотеке СССР им. Ленина Г.П.Георгиевский с неизменной готовностью оказывал свое содействие в нашей работе.

К.П.Богаевская принимала ближайшее участие в техническом оформлении оригинала набора.

Всем им приносим нашу благодарность.

М. Цявловский

10 февраля 1935 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

А — Сочинения Пушкина. Изд. П.В.Анненкова. СПб., 1855. Т.1. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина; Т.2—6; 1857. Т.7.

Ак — Пушкин. Сочинения. Изд. Имп. Академии наук. СПб., 1899—1929. Т.1—4, 9, 11.

Акад. — Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949. Т.1—16; 1959. Справочный.

Ал[1] — Альбом Московской Пушкинской выставки 1880 года. Изд. Общества любителей российской словесности. Под ред. Л.Поливанова. М., 1887.

Ал[2] — Альбом Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея в Москве 29 мая — 13 июня 1899 года. Изд. К.А.Фишера. М., 1899.

Ал[3] — Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899. Под ред. Л.Н.Майкова и Б.Л.Модзалевского. Изд. К.А.Фишера. 1899.

АП — Сочинения Пушкина. Изд. Имп. Академии наук. Переписка под ред. и с примеч. В.И.Саитова. СПб., 1906. Т.1; 1908. Т.2.; 1911. Т.3.

Б — Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. Ред.; вст. ст. и коммент. В.Брюсова. М., 1919. Т.1. Ч.1.

БЗ — Библиографические записки.

Бр — Бартенев П.И. Рукописи А.С.Пушкина. — Русский архив, 1881, кн.1.

Бр[1] I — А.С.Пушкин: Новонайденные его сочинения; Его черновые письма; Письма к нему разных лиц; Заметки на его сочинения. Собр. П.И.Бартенев. М., 1881. Вып. 1. (Бумаги А.С.Пушкина).

Бр[1] *II* — А.С.Пушкин: Новонайденные его сочинения; Его черновые письма, Письма к нему разных лиц; Биографические и критические статьи о нем. Собр. П.И.Бартенев. М., 1885. Вып.2. (К биографии А.С. Пушкина).

В — Пушкин. [Соч.]. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Т.1; 1908. Т.2; 1909. Т.3; 1910. Т.4; 1911. Т.5; 1915. Т.6. (Библиотека великих писателей. Под ред. С.А.Венгерова).

ВЕ — Вестник Европы.

ВПД — Временник Пушкинского Дома. 1913. Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг. (1915).

ВПК — Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966. Временник Пушкинской комиссии. 1964—1981. Л., 1967—1985. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986—1991. Вып. 20—24. Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1993—1996. Вып. 25—27.

ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (Москва).

ГД — [Гастфрейнд Н.А.] Пушкин: Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства Иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг. СПб., 1900.

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

ДМ — Пушкин А.С. Дневник (1833—1835 гг.). Под ред. В.Ф.Саводника. М.; Пг., 1923. Труды Государственного Румянцевского музея. Вып. 1.

ДП — Пушкин А.С. Дневник. 1833—1835 гг. Под ред. и с объяснит. примеч. Б.Л.Модзалевского и со ст. П.Е.Щеголева. М.; Пг., 1923.

Е[1] — Сочинения А.С.Пушкина. Ред. П.А.Ефремова. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1878—1881. Т.1—6.

Е[2] — Сочинения А.С.Пушкина. Ред. П.А.Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1882. Т.1—7.

Е[3] — Пушкин А.С. Полн. собр. его соч. Под ред. П.А.Ефремова. СПб., 1887. Т. 1—7.

Е[4] — Сочинения А.С.Пушкина. Ред. П.А.Ефремова. Изд. А.С.Суворина. СПб., 1903. Т.1—7; 1905. Т.8.

ИВ — Исторический вестник.

КА — Красный архив.

КН — Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930—1931. (Приложение к журналу «Красная нива на 1930 г.»).

Л — Пушкин А.С. Дневники. Записки. Изд. подг. Я.Л.Левкович. СПб., 1995.

ЛБ — Публичная библиотека СССР им. Ленина (современное название — Российская Государственная библиотека).

Лет. — Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. 1799—1826. Сост. М.А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991.

М[1] — Сочинения А.С.Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, под редакцией и с объяснительными примечаниями П.О.Морозова. Семь томов. СПб., 1887.

М[2] — Сочинения и письма А.С.Пушкина. Под ред. П.О.Морозова. СПб., 1903—1906. Т.1—8.

М.акад. — Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Под ред. Б.В.Томашевского. Л., 1977—1979. Т.1—10.

НП — Неизданный Пушкин. Собрание А.Ф.Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Пг., 1922.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. Изд. гр. С.Д.Шереметева. СПб., 1899—1910. Т.1—3. Под ред. и с примеч. В.И.Саитова.

ОП — Пушкин: Статьи и материалы. Под ред. М.П.Алексеева. Одесса, 1925—1926. Вып. 1—3 (Одесский Дом ученых. Пушкинская комиссия).

П — Пушкин. Письма. 1815—1830. Под ред. и с примеч. Б.Л.Модзалевского. Труды Пушкинского Дома АН СССР. М.; Л., 1926—1928. Т.1—2.

ПБЛ — Публичная библиотека РСФСР им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (современное название — Российская Национальная библиотека).

ПГ — Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Под общ. ред. Д.Бедного, А.В.Луначарского, П.Н.Сакулина, В.И.Соловьева, П.Е.Щеголева. М.; Л.: ГИХЛ, 1931—1933. Т.1—5.

ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

ПИМ — Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956—1967. Т.1—5. Л., 1969—1986. Т.6—12; 1989. Т.13; 1991. Т.14. СПб., 1995. Т.15.

ПК — Песни, собранные П.В. Киреевским (новая серия). Изд. Обществом любителей российской словесности при Имп. Моск. ун-те; под ред. В.Ф.Миллера, М.Н.Сперанского. М., 1911. Вып. 1. (Песни обрядовые); под ред. М.Н.Сперанского. 1929. Вып. 2. (Песни необрядовые).

ПП — Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством «Скорпион». Ред. и примеч. В.Брюсова. М., 1903.

ПС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903—1913. Вып. 1—16; Пг., 1914—1917. Вып. 17—28; Л., 1927—1930. Вып. 29—39.

ПХ — Письма Пушкина к Е.М.Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. (Труды Пушкинского Дома. Вып. 48).

Пушкин. ВПК — Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936—1941. Т.1—6.

РА — Русский архив.

РП — Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. к печ. и коммент. М.А.Цявловского, Л.Б.Модзалевского, Т.Г.Зенгер. М.; Л., 1935.

Рук.П. — Модзалевский Л.Б. Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР и Пушкинского комитета Государственного института истории искусств. Л., 1929.

РС — Русская старина.

СД — Дела III Отделения собственной его имп. величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. Предисл. С.С.Сухонина. СПб., 1906.

СН — Старина и новизна.

СО — Сын Отечества.

СПД — Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922.

ТМ — Театральный музей им. А.А.Бахрушина (Москва).

УА — Ушаковский альбом.

ЦМЛ — Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики (современное название — Государственный Литературный музей; Москва).

Ш — Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг А.С.Пушкина. СПб., 1903.

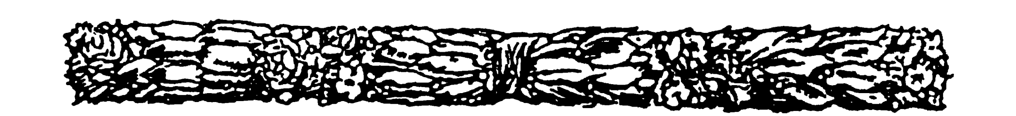
ЩМ — Щеголев П.Е. Пушкин и мужики: По неизданным материалам. М., 1928.

ЩП[1] — Щеголев П.Е. Пушкин: Очерки. СПб., 1912.

ЩП[2] — Щеголев П.Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931.

Э — Эфрос Абрам. Рисунки поэта. М., 1930.

Я — Якушкин В.Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — Русская старина. 1884, № 2—12.



I

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДЫ

Собранные здесь тексты являются упражнениями Пушкина при изучении им языков — начиная с записей букв, отдельных слов и выражений и кончая обработанными переводами. Из последних не включены в отдел «Записки Моро де Бразе», «Джон Теннер» и все стихотворные переводы, печатающиеся во всех собраниях сочинений Пушкина.

Прежде всего поражает обилие языков, которых в той или иной степени касался Пушкин. Французский, старофранцузский, итальянский, испанский, английский, немецкий, древнегреческий, латинский, древнерусский, церковнославянский, сербский, польский, украинский, древнееврейский, арабский, турецкий — шестнадцать языков.

С французского Пушкин перевел отрывок из очерка английской литературы Шатобриана, с старофранцузского — отрывок «Романа о Лисе», с испанского — два отрывка из «Цыганочки» Сервантеса, с английского — отрывки из «Гяура» и «Чайльд Гарольда» Байрона, из «Странника» Вордсворта, из «Марциана Колонна» Барри Корнуола и неизвестный фрагмент, с немецкого — биографию Ганнибала, с греческого — начало «Одиссеи» Гомера, с латинского — отрывок из X сатиры Ювенала, с церковнославянского — отрывок из «Песни Песней» царя Соломона, с сербского — отрывок песни «Три печали» из сборника Вука Караджича и, наконец, с турецкого — отдельные слова и выражения.

Из всех этих языков Пушкин в совершенстве владел лишь французским. Известны слова французского исследователя русской литературы графа Алексея Сен-При о том, что «слог французских писем Пушкина сделал бы честь любому французскому писателю»[1].

При глубоком знании французского языка, при интересе Пушкина к истокам литературы, к фольклору, Пушкин делает перевод на современный ему французский язык со старофранцузского («Роман о Лисе») и, наконец, на французский для своего знакомого Леве-Веймара переводит одиннадцать русских народных песен, переводит в прозе, чтобы в возможно точном виде дать французу понятие о русской народной поэзии.

Вот что писал современник, очевидно Сенковский, об изучении Пушкиным языков: «Из языков он тогда в Лицее знал один только французский и весьма слабо латинский. После, уже в зрелом возрасте, выучился по-итальянски, по-немецки, по-английски и по-польски, и то в той степени только, в какой это знание было необходимо для чтения великих образцов поэзии и литературы. В

---

[1] См.: Бартенев П.И. А.С.Пушкин. Материалы для его биографии. «Московские ведомости», 1854, № 71, с. 7 отд.отт.

самом чтении он отличался тою же быстротою соображения и проницательностью, которые давали ему возможность и на зеленой лавке равняться в успехах с прилежнейшими товарищами: часто, не понимая буквально Шекспира, Гете, Байрона, он угадывал их, постигал и толковал вернее и остроумнее, чем иногда хорошие знатоки языка, переводчики и комментаторы по званию»[1]. Относительно знания Пушкиным итальянского языка исследователи этого вопроса, после сомневавшегося Корша, сошлись на том, что Пушкин этот язык знал. Разногласие могло быть только о степени знания этого языка[2]. Между тем выписка Пушкина, как теперь выяснилось, из Мандзони, сделанная с середины абзаца в конце книги, говорит, что он прочел эту книгу, — значит, к 1835 году свободно читал по-итальянски.

Сенковский не говорит, что Пушкин занимался испанским языком, но об этом писал отец поэта в своей ответной статье на биографию его: «Справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по испански»[3]. Следы этих занятий находим в рукописях поэта, где имеются два переводных отрывка из новеллы Сервантеса «Цыганочка» («La Gitanilla»). Занятия эти относятся к весне 1832 года.

Английским языком Пушкин специально занимался[4], и свидетельством этого является ряд переводов с 1821 до 1836 года.

Немецкому языку в детстве, как сообщает в своих воспоминаниях О.С.Павлищева, Пушкин не учился. В записи этих воспоминаний сказано: «Немецкого же учителя у них <т.е. у Ольги и Александра Пушкиных> никогда не бывало; была одна гувернантка немка, но и та всегда говорила по-русски»[5]. Не лучше обстояло и в Лицее, где немецкий язык и даже немецкая литература преподавались на французском языке[6].

О своем знании немецкого языка сам Пушкин говорил Ксенофонту Полевому: «Только с немецким не могу я сладить. Выучусь ему и опять всё забуду: это случалось уже не раз»[7]. Говорить это мог Пушкин не ранее осени 1826

---

[1] «Портретная и биографическая галлерея словесности, наук, художеств и искусств в России». I, Пушкин—Брюллов. СПб., 1841, с. 2.

[2] Смотри работы: Ф.Е.Корша в *ПС* VII, Ю.Н.Верховского в *ПС* XII, В.Я.Брюсова в *РА* 1908, XII, М.Н.Розанова «Пушкин и Данте» в *ПС* XXXVII, с. 15—17. Ср. другие работы М.Н.Розанова: «Пушкин и Петрарка» («Московский пушкинист», II, 1930, с. 116 сл.), «Пушкин и Гольдони» (*ПС* XXXVIII—XXXIX, 1930, с. 141 сл.) и «Об источниках стихотворения Пушкина "Из Пиндемонте"» («Пушкин». Сборник второй, под ред. Н.К.Пиксанова, 1930, с. 111 сл.).

[3] «Отечественные записки», 1841, XV, с. I—IV «Особого приложения».

[4] См. статью М.А.Цявловского «Пушкин и английский язык» (*ПС* XVII—XVIII).

[5] «Воспоминания о детстве А.С.Пушкина, со слов его сестры О.С.Павлищевой». Рукопись хранится в Литературном музее в Москве.

[6] «Записка графа Корфа» в книге Я.К.Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». СПб., 1899, с. 231.

[7] «Живописное обозрение», 1837, III, л. 10, № 80.

года, когда он впервые познакомился с Полевым в Москве. А о 1826 же годе рассказывает и Шевырев: «Гете и Шиллера он не читал в подлиннике»[1]. Поэтому нельзя сказать, на каком языке он читал «Фауста». Возможно, что со слов Полевого писал и Булгарин в 1833 году: «Пушкин даже не мог постигнуть всех красот немецкой поэзии, ибо он не столь силен в немецком языке, чтобы понимать красоты пиитического языка»; и еще: «Может быть А.С. Пушкин теперь и понимает совершенно Байрона и Гете в подлиннике, но когда он начал писать, он не знал столько ни английского, ни немецкого языка, чтобы понимать высшую поэзию. Это всем известно»[2].

Если не считать перевода из Шиллера («Пуншевая песня»), возможно, принадлежащего Льву Сергеевичу Пушкину, и эпиграфов из Гете и Виланда, то у нас имеется лишь один документ, свидетельствующий об обращении Пушкина к немецкому языку, — это перевод биографии Ганнибала с немецкого на русский язык.

О занятиях Пушкина греческим языком не было никаких сведений. В письме к Н.И.Гнедичу от 6 января 1830 года Пушкин писал: «Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору Илиады вашей». Выписка первых строк Одиссеи и попытка перевода их указывают на какие-то начальные занятия.

О латинском языке мы знаем больше. Тот же Ксенофонт Полевой сообщает следующее: «Уже во время славы своей он выучился, живя в деревне, латинскому языку, которого почти не знал вышедши из Лицея»[3]. Полевой разумеет очевидное занятие Пушкина латинским языком в тридцатых годах, потому что вот что сам поэт писал в 1830 году: «С тех пор как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык»[4].

Первый известный нам перевод Пушкина с латинского языка «Мальчику» из Катулла сделан 18 февраля 1832 года. Как этот, так и другие переводы латинских поэтов сделаны Пушкиным если не с французского перевода, то во всяком случае при его посредстве. В библиотеке Пушкина имелась серия изданий латинских писателей, где латинский текст напечатан en regard с французским переводом. Попытка перевести стихи Ювенала непосредственно с латинского была оставлена в самом начале, и стихотворный перевод Пушкин сделал, конечно, больше руководствуясь французским текстом, чем латинским.

С помощью французских переводов Пушкин латинских писателей понимал прекрасно, о чем свидетельствует рассказ Соболевского о том, как «Сергею Сергеевичу Мальцеву, отлично знавшему по-латыни, Пушкин стал объяснять Марциала. Тот не мог надивиться верности и меткости его замечаний. Красоты Марциала ему были понятнее, чем Мальцеву, изучавшему поэта»[5]. Эта встреча от-

---

[1] Майков Л.Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 330.

[2] «Сын Отечества и Северный архив», 1833, т. 33, № 6.

[3] Цявловский М.А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 370.

[4] Заметки об «Евгении Онегине» («Шестой песни Онегина не разбирали»).

[5] Цявловский М.А. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым. М., 1925, с. 39 и 105.

носится к тридцатым годам. О гениальном даре Пушкина постигать иностранных поэтов даже при небольшом знании языка свидетельствуют и Сенковский, и Ксенофонт Полевой, и Шевырев.

Очень интересен рассказ Нащокина, записанный Бартеневым: «Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гульянов, встретясь с ним у Нащокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гульянова своими светлыми мыслями, некоторыми верными замечаниями. Раз, Нащокин помнит, у них был разговор о всеобщем языке. Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих с в е т, б л е с к, слышится буква "л"»[1].

Интересовался Пушкин и славянскими языками. Знание церковнославянского языка было естественно для каждого грамотного человека сто лет назад. Библия была читаемой книгой. На русском языке ее еще не было — ее читали на французском или церковнославянском языке. Пушкин, сидя в Михайловском, в ссылке, несколько раз писал, чтобы ему прислали две Библии, т.е. на этих двух языках. Еще в 1821 году сделал он перевод из «Песни Песней» царя Соломона с церковнославянского языка. Занимался Пушкин и древнерусским языком, и им проделана большая работа над текстом «Слова о полку Игореве».

С сербского языка Пушкин перевел две «Песни западных славян», а материалом для третьей была книга Вука Караджича.

Списанные Пушкиным в свою рабочую тетрадь стихотворения Мицкевича свидетельствуют, насколько непривычно было для Пушкина писание на польском языке, и вместе с тем сделанные в это же время переводы баллад Мицкевича доказывают понимание польского подлинника.

Украинский язык встречается в рукописях Пушкина однажды. Им записаны четыре стиха из песни, вошедшей в сборник украинских песен Максимовича 1834 года.

Были у Пушкина попытки ознакомления с древнееврейским и с восточными языками. Так, в марте 1832 года поэт сделал запись еврейской азбуки; язык этот Пушкин, по собственному признанию, хотел изучить для того, чтобы переводить Книгу Иова[2].

Пушкиным записано несколько обиходных выражений на турецком языке в русской и французской транскрипции, с французскими переводами. Сделано это было во время пребывания поэта в Кишиневе. Более интересны запись арабских букв с объяснением фонетики их и попытка записи арабского слова.

Изучение языков у Пушкина не носило систематического характера, но в его библиотеке отдел языкознания занимает видное место[3]. *Анализ и характеристика книг этого отдела (как впрочем и всех других) — благодарная задача для будущих исследователей.*

---

[1] Цявловский М.А. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым. М., 1925, с. 39.

[2] Из письма П.В.Киреевского к Н.М.Языкову от 12 октября 1832 г. См.: *ИВ* 1883, № 12, с. 535.

[3] См.: Систематический каталог библиотеки Пушкина. *ПС* IX—X, с. 429.

Характерным для Пушкина приемом перевода был следующий: непонятные в переводимом тексте слова он писал в переводе на языке оригинала или же ставил временно, начерно слова, которые нужно было впоследствии заменить другими. Во всех таких случаях сомнительные слова подчеркивались Пушкиным для памяти. Иногда непонятные слова выписывались отдельно, чтобы не задерживать работу, и потом уже находили себе соответственный перевод. Нередко русские переводы Пушкина пестрят французскими словами, свидетельствующими о том, что поэт думал по-французски. Любопытно отметить, что Пушкин почти всегда брал текст для перевода с начала какого-нибудь произведения, как бы оставляя себе надежду, что он когда-нибудь закончит его перевод. Это говорит о больших планах поэта, но долго быть «почтовой лошадью просвещения» он не мог.

Не случайным кажется нам, что именно тридцатые годы, отмечаемые убылью лирического творчества Пушкина, заполнялись жадным изучением языков и стихотворными художественными переводами.

Транскрипция №№ 1, 2, 5, 13 сделана Л.Б.Модзалевским, №№ 7, 12 и 14 — мною, № 3 — С.М.Бонди и Л.Б.Модзалевским, №№ 6 и 8 — Д.П.Якубовичем, № 7 — И.А.Лихачевым, № 10 — М.А.Цявловским, № 11 — С.М.Бонди и мною.

Комментарии к переводу Пушкина из «Гяура» Байрона (№ 1), к переводу из Вордсворта (№ 11), из сербской песни (№ 12), из Бари Корнуола (№ 13), из «Чайльд Гарольда» Байрона (№ 14) сделаны мною. Комментарий к переводу турецких слов (№ 2) принадлежит Б.В.Миллеру, к записи еврейских букв (№ 5) — Г.О.Винокуру, к переводу «Романа о Лисе» (№ 6) — Д.П.Якубовичу и И.А.Лихачеву (последние шесть абзацев), к переводам из Сервантеса (№№ 7—8) — И.А.Лихачеву с моим участием, к переводам из Одиссеи (№ 10) — М.А. Цявловскому, к записи арабских букв (№ 15) — Л.И.Жиркову и мне. Французский текст (№ 1) переведен М.Г.Муравьевой, английский (№№ 1, 11 и 13) — А.А.Ахматовой, сербский (№ 12) — С.М.Бонди, старофранцузский (№ 6) — И.А.Лихачевым, которым сообщен и оригинальный текст.

Т. Зенгер

*Текст и комментарии к Биографии Ганнибала (№ 4) подготовлены Н.К.Телетовой (перевод Биографии с немецкого — А.Г.Сулимовой), к переводу из Четий-Миней (№ 9) — С.А.Фомичевым (при участии Н.И.Николаева). — **Ред.***

1.

Байрон. «Гяур»

traduction litterale

pas un souffle d'air pour briser ce flot, qui roule sur la greve d'Athenes; pres de cette tombe [qui] [apparait] élevée [haut] sur le rocher (стремнина) [sur la] [de] premier objet et que salue [le premier] sur cette terre qu'il sauva en vain le vaisseau qui s'en revient: quand revivra un tel herois?

. . . .

.... Doux climat! où chaque saison sourit doucement sur les <*нрзбр*> iles benies qui vues des hauteur de Colonna enchantent le coeur, qui rejouit l'oeil et l'<*нрзбр*> plonge [sur] dans une contemplation rêveuse.

La la surface riante de l'Ocean réflecte

Перевод:

буквальный перевод

ни одного дуновения воздуха, чтобы разбить этот вал, накатывающийся на Афинский берег; близ этой могилы [которая] [является] воздвигнута [высоко] на скале (стремнина) [на] первый предмет и который приветствует [первый] на этой земле, напрасно им спасенной, корабль оттуда возвращающийся, когда возвратится к жизни такой герой?

. . . .

....Мягкий климат! где всякое время года сладостно улыбается на *нрзбр* благословенные острова, которые когда видишь их с высоты Колоны, очаровывают сердце, которое радует глаз и *нрзбр* окунает [на] в мечтательное созерцание.

Там смеющаяся поверхность океана отражает

Автограф находится в *ПД* № 49, л.1, куда поступил из Онегинского собрания (*ПС* XII, 20—21, № 53). Текст написан на первой странице сложенного пополам полулиста писчей бумаги с водяным знаком фабрики Хлюстиных и годом ... 8 (т. е. 1818).

На смежной странице (л. 2 об.) в том же направлении написан черновой текст начала «Братьев-разбойников» («Не стая воронов слеталась»), датируемого 1821—1822 гг. Те же чернила и почерк позволяют так же датировать и перевод.

Впервые напечатано, до слов d' Athènes, в указанном номере *ПС*. Целиком текст напечатан Моровозым в *Ак* III, 190, в *В* VI, 178 и затем в *НП* в обоих изданиях.

Оригиналом перевода Пушкину послужили начальные двенадцать с половиной строк «Гяура» Байрона, читающиеся в оригинале так:

The Giaour

No breath of air breack the wave
That rolls below the Athenian's grave,
That tomb which, gleaming o'er the cliff,
First greets the homeward-veering skiff,
High o'er the land he saved in vain;
When shall such hero live again?
. . . .
Fair clime! where every season smiles
Benignant o'er those blessed isles,
Which, seen from far Colonna's height,
Make glad the heart that hails the sight
And lend to loneliness delight.
There mildly dimpling, Ocean's cheek
Reflects <the tints of many a peak
Caught by the laughing tides that lave
These Edens of the eastern wave>

Перевод:

В воздухе нет дуновения, которое могло бы разбить волну,
Катящуюся к подножию могилы афинянина,
К той гробнице, что высоко над страной,
Спасенной им напрасно, блестит на утесе
И первая приветствует плывущий на родину корабль.
Когда вновь будет жить такой герой?
. . . .
Прекрасный край, где каждое время года улыбается,
Благосклонное к благословенным островам,
Которые, когда их завидишь с далекой высоты Колонны,
Веселят сердце, приветствующее этот вид,
И дарят усладу одиночеству.
Там нежно улыбающаяся щека океана

Отражает <оттенки горных вершин,
Пойманных смеющимися потоками, которые омывают
Сии Эдемы восточного моря>

Вслед за дословным французским переводом в рукописи поэта имеется попытка переложить его в русские стихи. Из чернового наброска вычитываются три стиха[1]:

Нет ветра — синяя волна
На прах Афин катится[2]

Высокая могила зрится <...>

но и начало это было отвергнуто Пушкиным, и он перечеркнул его. Еще Морозов в своей публикации текста (*Ак* III, 191) отметил неточность перевода Пушкина: английское слово *grave* — *могила* он передает французским *la grève* — *берег*. Но любопытно, что в русском переводе он передал правильный смысл словом *прах*.

Это — первый из известных нам переводов Пушкина. Может быть, относится он даже к 1820 г., когда Пушкин в Гурзуфе занимался с Н.Н.Раевским изучением английского языка (см. статью М.А.Цявловского «Пушкин и английский язык» в *ПС* XVII—XVIII).

Пушкин очень любил «Гяура» Байрона, находя его достоинства «в пламенном изображении страстей», так что его выбор даже для начальных занятий не случаен. Байрона он считал прежде всего «певцом Гяура и Жуана», «певцом Леилы». Оригинальность Байрона он видел в «Чайльд-Гарольде», «Гяуре» и «Дон Жуане». 1 декабря 1823 г. Пушкин писал А.И.Тургеневу и спрашивал о Жуковском: «Правда ли, что он переводит Гяура?» В середине июня 1824 г. поэт писал Вяземскому по поводу смерти Байрона: «Гений Байрона бледнел с его молодостью. — В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уж не тот пламенный Демон, который создал Гяура и Чильд Гарольда», и еще к нему же в середине апреля 1825 г.: «...Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. — Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидосской невесте и проч.». Наконец, благодаря А.П.Керн за присылку ему в деревню последнего издания Байрона, Пушкин писал ей (8 декабря 1825 г.): «Байрон получил в глазах моих новую прелесть, — все героини его облекутся в моем воображении в черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в Гюльнаре и в Леиле: самый идеал Байрона не мог быть более божественно прекрасен».

---

[1] Печатается в том или ином виде в собраниях сочинений Пушкина, начиная с *Ак* III.

[2] Стих явно неполный. Третий стих не написан.

2.

Перевод турецких слов

Гетирь	apportez
bré	Holà
capii capà	fermez la porte
iok	нѣту
calmadî	— — — уже
mahameròlane	je vous remercie
verbana	donnez moi
Guzèl	
Eck meck	
Sabanis Hairolsuu	[que] heureux jour b j
[Hozgeldin	[le bien venu]
= = = = buldum	&
buldou	avez vous trouvé
bulmadi	je ne l'ai pas trouvé
Ke fe nisi imi —	votre santé?
[Ch] [Chukir] Sukir	bien
à baamanet	à Dieu
bas	tête
verbana sick meck	donnez moi pour boire

Даем перевод французских слов:

Apportez — принесите; Holà — эй; fermez la porte — затворите дверь; je vous remercie — благодарю вас; donnez moi — дайте мне; heureux jour — счастливый день; b j — bon jour — добрый день; le bien venu — дорогой гость; avez vous trouvé — нашли ли вы?; je ne l'ai pas trouvé — я его не нашел; votre santé? — ваше здоровье?; bien — хорошо; à Dieu — прощай (с богом); tête — голова; donnez moi pour boire[1] — дайте мне пить.

[1] У Пушкина описка: pour вместо à.

Автограф хранится в *ПД* № 698. Бумага ветхая с водяным знаком: J. Wha<tman>; листок разорван пополам. Кроме записи, на нем большое количество рисунков. Впервые напечатано: *РП*, с. 30. Факсимильно воспроизведено в Пушкинском номере «Литературного наследства», с. 275—276, при статье Б.В.Томашевского. Здесь текст записи Пушкина сопровождается обстоятельным лингвистическим анализом Н.К.Дмитриева (с. 319—320). Текст представляет собою запись турецких слов с переводом их на французский язык.

На основании рисунков, имеющихся на листке, запись нужно датировать 1821 г. В 1829 г. во время поездки в Закавказье, Пушкин вспомнил одну фразу из своей кишиневской записи.

В «Путешествии в Арзрум» поэт рассказывает, как он в ответ на непонятные речи турецкого старшины отвечал одно: *вербана ат* (дай мне лошадь).

Передаю слова, записанные Пушкиным, тем латинским алфавитом, который в настоящее время (с 1928 г.) принят в Турции, вместо бывшего арабского, и который довольно близко передает фонематику турецкого языка.

Прилагаю точный перевод разобранных турецких слов:

getir — принеси.
bre — ну, ты! эй! ну!
kapīyī kapa — дверь закрой!
yok — нет.
kalmadī — он не остался (может быть понято: «уже не осталось»).
muammer olun(uz) — будьте долговечны!
ver bana — дай мне.
güzel — красивый.
ekmek — хлеб.
sabahīnīz hayīr olsun — утреннее приветствие («утро ваше да будет во благо!»).
hoşgeldin — добро пожаловать!
buldum— я нашел.
buldun — ты нашел.
bulmadī — он не нашел. Je ne l'ai pas trouvé было бы onu bulmadim,
keyifiniz iyi mi — как ваше здоровье? (буквально: «здоровье ваше хорошо ли?»).
şükür — благодарю (буквально: благодарность).
à baamanet текста — малопонятно. Emanet — значит «препоручение», «отдача на хранение», — здесь, очевидно, богу (формула прощания).
baş (баш) — голова. У Пушкина — bas (бас).
ver bana sikmek — дай мне coïre — фраза построена грамматически неправильно.

Вышеприведенные слова и фразы воспроизводят так называемый османско-турецкий язык, распространенный в Турции. Записал их Пушкин в Бессарабии. В его эпоху как в соседней Молдавии, так и в ней самой турецкий язык был еще достаточно распространен.

3.

Въ началѣ [міра] [все] не было ни
жизни, ни свѣта — земля [и во] была
ю
разведена вода[ми] — воздухъ не
густо и
движимъ. Небо, √ черно [вдругъ]
блеснула яркая
вдругъ На небѣ [загорѣлась] точка, она
[была]
разгоралась болѣ и болѣ и стало солнце.
[голубое]
міръ освѣтился — небо [стало чисто] [и]
|[цвѣтомъ] е
стало прозрачно-голубо[ва] [цвѣт] земля
у солнце двинулось
[о]далилась отъ воды — √ и вѣтры
+ ы и
повѣяли — таков[ъ] был[ъ] первый
и первая ночь
день [міра].

Солнце [з] зашло за край міра
новый міръ испуг
и все померкло снова, [но не прежнимъ]
тысячи хъ
тогда заблистали новы[я] точки и
съ другого края міра явилась луна
чтобъ успокоить +

<оборот листка>

[На др. день]
и вѣтры повѣяли
[Солнце взошло снова]. Земля вспотѣла
[дно] травы, деревья
[даже] [и воды] и породила мно[го] жи
же
вотныхъ —

[На третій день] согрѣлось дно водное

и породило рыбъ —

вы

[На 4 день] Птицы [при]летѣли изъ

облаковъ и сѣли на вѣтви древесныя

произвело

Такъ Солнце [породило] [все] свѣтъ и жизнь.

Автограф из Майковского собрания хранится в *ПД* № 266 (см. *ПС* IV, 22, № 5). Он написан с двух сторон четвертки голубой бумаги верже с водяным знаком Ф. Д. Я. На обороте жандармская помета «37».

Почерк середины двадцатых годов.

Впервые напечатано: *РП*, с. 34. Текст представляет собою, по-видимому, опыт перевода, вероятнее всего с какого-то английского источника, установить который пока не удалось.

4.

А.К.Роткирх. Немецкая биография А.П.Ганнибала. (Подлинник, 1786/87 г.)

Awraam Petrowitsch Hannibal war wirklich dienstleistender General-Enchef in russisch-kaiserlichen Diensten; Ritter der Orden: des Heiligen Alexander-Newskij und der Heiligen Anne. Er war von Geburt ein afrikanischer Mohr aus Abessinien, der Sohn eines dortigen mächtigen und regierenden reichen Fürsten, der seine Abkunft noch stolz aus gerader Linie dem Geschlechte des berühmten Hannibals, dem Schröcken Roms, herleitet. Sein Vater war ein Vasalle des türkischen Kaisers oder des Ottomannischen Reiches, welcher gegen Ende des vorigten Jahrhunderts* (XVII) mit anderen abessinischen Fürsten, seinen Landsleuten und Bundesgenossen, sich wegen Druck und Belästigung gegen seinen Oberherrn, den Sultan, aufgelehnt hatte, worauf verschiedene kleine, aber blutige Kriege erfolgten, in denen aber doch zuletzt die Macht gesiegt und dieser Hannibal noch als Knabe und jüngster Sohn des herrschenden Fürsten in seinem achten Jahre nebst anderen Jünglingen von ansehnlicher Geburt als Geiseln nach Constantinopel gesandt.

Zwar seiner Jugend nach hätte ihn dieses Los so früh noch nicht treffen sollen, doch da sein Vater der mohammedanischen Gewohnheit nach sehr viele Frauen, ja derer sogar bis auf die etliche dreißig gehabt, von die dem Verhältnisse gemäß

* Рукою В.И.Роткирха вставлено: "XVII". В копии "XVII" отсутствует.

auch eine Menge Kinder gezeugt gewesen, so haben die vielen alten Fürstinnen und ihre Kinder in einer gemeinschaftlichen Absicht, sich und die Ihrigen zu schonen, es dahin zu vermögen gewußt, daß er als der jüngste Sohn einer der Jüngsten Gemahlinnen, die bei Hofe nicht so vielen Anhang gehabt, durch List und Intrigen fast mit Gewalt auf ein türkisches Fahrzeug gesetzt und der ihm zubereiteten Bestimmung überantwortet.

Seine einzige leibliche Schwester Lahann, die etliche Jahre älter als er gewesen, hatte noch Mut genug, sich dieser Gewalttatigkeit zu widersetzen. Sie versuchte alles, mußte zuletzt doch der Mehrheit weichen, begleitete ihn bis an den Bord dieses Schiffleins in noch schmeichelnder Hoffnung, die Freiheit dieses vielgeliebten Bruders durch Flehen zu erhalten oder durch ihre Kostbarkeiten zu erkaufen; doch da sie auch bis zuletzt ihr zärtliches Bemühen fruchtlos fand, stürzte sie sich aus Verzweiflung ins Meer und ertrank. Noch bis ans Ende dieses verehrungswürdigen Greises flossen ihm Zähren der zärtlichsten Freundschaft und Liebe, wenn er sich ihrer erinnerte; denn obgleich er bei diesem tragischen Auftritte noch sehr jugendlich gewesen, so wurde doch jedesmal dieses betrübte Andenken für ihn neu und vollkommen, wenn er an sie dachte; denn dieses Opfer verdiente ihre schwesterliche Zärtlichkeit umso viel mehr, weil sie so sehr für seine Freiheit gestritten und sie nur beide die einzigen Geschwister von einer Mutter waren.

Nicht lange nach dieser Trennung auf ewig kam Hannibal in Constantinopel an und wurde nebst den übrigen jugendlichen Geiseln zum Erzug ins Seralio unter die Edelknaben des Großherrn eingeschlossen, wo er ein Jahr und etliche Monate zugebracht.

Wahrend dieser Zeit regierte Kaiser Peter der Erste in Rußland und war bemüht, bei Einführung der Künste und Wissenschaften in seinem Reiche, letzte auch auf dem vornehmsten Teile seiner Untertanen, dem Adel, zu verbreiten. Es gelang ihm zwar, in diesem Vornehmen einigermaßen fortzuschreiten, doch in Erwägung der so großen Menge von Ritterschaft des weitläufigsten Reiches in der Welt war die Anzahl der zum Lernen Lustbezeigenden zu gering; und eben dieses erweckte dem hochseligen Kaiser den bekümmerndsten, den kränkendsten Schmerz. Er sann auf Mittel, seinem Volke etliche auch dem äußeren Scheine nach auffallende Urbilder zu ziehen und dann zum Muster und Beispiele aufzustellen; verfiel endlich auf den Gedanken, an seinen zu der Zeit sich in Constantinopel befindlichen Gesandten zu schreiben: daß er ihm etliche afrikanische Mohrenknaben von guten Fähigkeiten verschaffen und übersenden sollte. Sein Minister befolgte diese Befehle aufs treulichste; machte sich mit dem Vorsteher des Seralio, wo des Großherrn Edelknaben erzogen und unterrichtet

werden, bekannt, bemerkte sich etliche der besten zu seinem Zwecke tauglichen und erhielt endlich auf eine geheime, nicht wenig gefährliche Weise durch Vermittlung des damaligen Großwesirs drei dergleichen muntere, fähige Knaben, wie die Folgen zeigen werden.

Wahrend dieser Zeit war der Vater von dem seligen General-en-chef Hannibal, den er in einem schon reifen und fast unvermögenden Alter verlassen, gestorben und die Folge der Regierung einem seiner Stiefbrüder zuteil geworden, der ungefähr um diese Zeit zu herrschen anfing.

Der russisch-kaiserlich Minister, erfreut, den Willen seines Monarchen zu befolgen, sandte diesen Ibrahim Hannibal, noch einen schwarzen Knaben seiner Landsleute von ansehnlicher Herkunft (der unterwegs aber an den Blattern verstorben) und einen Ragusen von fast gleichem Alter, unter zehn Jahren, nach Moskau.

Der Kaiser war, obgleich er den Verlust des dritten bedauerte, doch mit der Erhaltung dieser beiden angelangten Knaben zufrieden und übernahm selbst die Besorgung ihres Erzuges, umso viel eifriger, weil er, wie schon gesagt, Beispiele aus ihnen ziehen, die er mit der Zeit seinem Volke zum Muster und zur Beschämung aufstellen wollte, um es zu überzeigen, daß aus einem* jedem Volke und nicht minder aus fast wilden Menschen, aus Negern, die unsere gesitteten Nationen nur dem Sklavenstande widmen, Männer können gebildet werden, die durch Fleiß Kenntnisse und Wissenschaften zu erwerben imstande sind, durch die sie geschickt und fähig würden, ihrem Herrn in allen Fällen als taugliche und brauchbare Diener behilflich und nützlich zu sein.

Kaiser Peter der Große, als nicht minder großer Menschenkenner, erforschte im voraus die Neigungen seiner angekommenen Objekte, bestimmte seinen Hannibal als einen raschen, munteren und feurigen Knaben zum Militär; der Raguse aber, der nachgehends unter dem Namen des Grafen Ragusinsky in Rußland bekannt gewesen, als stillerer und tiefsinnigerer kam zum Zivil-Etat. Was Hannibal betrifft, so schlief er ständig in des Kaisers Nebenkabinette in der Drechselkammer und wurde bald darauf in vielen wichtigen Fällen der Geheimschreiber seines Herrn des Kaisers, der beständig über seinem Bette etliche Schreibtafeln hängen hatte, auf welche sein stets geschäftiger großer Geist zum Wohle seiner Untertanen, so sehr er auch durch Arbeiten des Tages ermüdet gewesen und der erquickenden Ruhe bedurfte, dieser fast nie rastende Geist ihn doch oft geweckt und munter gehalten, er dann im Dunkeln ohne Licht wichtige

---

* В копии einem — пропущено.

und lange Entwürfe nach dem Gefühle hingeschrieben, welche sein Zögling den anderen Morgen ins Reine geschrieben und selbe nach gehöring geschehener Unterschrift nach den Collegien und Behörden, wie es erforderlich gewesen, als neue Gesetze und zu befolgende Befehle abgesandt.

Der große Monarch, der nie Verdienste und gute Eigenschaften verkannte, überzeugte sich auch hier von Tag zu Tag von den Fähigkeiten dieses Jünglings, welche mehr als Schreiber Geschick versprachen; um nun also selbe vollkommener zu entwickeln, auszubilden und den Mann aus ihm zu bilden, den er nachgehends gewährte, gab er ihm unter seiner eigenen Aufsicht die besten, die wirksamsten Belohnungen und in vielen, besonders mathematischen Wissenschaften und anderen Kenntnissen nebst Sprachen die geschicktesten Lehrer. Diese Übung dauerte selbst auf den beschwerlichsten Reisen, Campagnen und Märschen des Kaisers, wo Hannibal beständig zugegen gewesen, mit ununterbrochenem Fleiße fort, und ungefähr im Jahre 1707 wurde er in Polen in der Griechischen Religion getauft, und selbst der Kaiser nebst der Königin von Polen, Augusti des 2ten Gemahlin, beehrten diesen Taufakt mit ihrer hohen Gegenwart als Taufzeugen. Er bekam nach seinem hohen Taufzeugen, dem Kaiser, den Namen Peter. Da er aber in seinem Vaterlande vorher Ibrahim, das ist in der arabischen Sprache Abraham, genannt worden, so ist durch allgemeine Gewohnheit, da er so lange ungetauft Abraham genannt worden, nicht sein neuer Taufname, sondern der vorige alte bis an sein Ende in Gebrauch geblieben, mit welchem er sich zu nennen und zu unterschreiben nachher Erlaubnis erhalten, und nur in den Kirchenbüchern ist er Peter genannt worden. Mit des Vaters Zunamen, dem griechischen Gebrauche nach, Petrowitsch hieß er, wie gedacht, nach seinem allerdurchlauchtigsten Taufzeugen. Während dieser Zeit hat sein regierender Stiefbruder, ich glaube auf Anlaß der zu der Zeit noch lebenden Mutter dieses europäischen Hannibal, diesen seinen der Meinung nach sich noch als Geisel in Constantinopel befindlichen Halbbruder durch andere auslösen wollen und in dieser Absicht einem seiner jüngeren Brüder den Auftrag dazu übertragen; welcher auch der Spur dieses mit Gewalt entführten zweiten Joseph nachgegangen; hat ihn zuerst in Stambul gesucht und ist darauf in Petersburg gewesen, wo er ihn durch großes Lösegeld loszukaufen und mit sich zu nehmen gedachte. Doch da es unmöglich gewesen, einen sich schon als überzeugten Christ fühlenden und so viels Gute versprechenden Jüngling dem Heidentum und der Barbarei zu überantworten, wozu er der europäischen Lebensart schon gewohnt, auch selbst keine Lust bezeuget, so ist diesem suchenden Bruder sein Gesuch abgesagt, worauf er, seinen jüngeren Bruder mit kostbaren Gewehren und arabischen Schriften

ihres Herkommens wegen beschenkend, nach seiner Heimat unverrichteter Sache mit vieler Wehmut von beiden Teilen abgereist. Laut diesen Schriften und Beweisen hat der selige Stammvater des jetzt in Europa lebenden Hannibalschen Geschlechtes lange nachher in unseren schon neueren Zeiten auf seine fürstlichen Ahnen und Geburt Ansprüche machen, dieses Prädikat produzieren und erneuern wollen; doch sein ältester Herr Sohn, der General-leutnant und Ritter Iwan Abramowitsch Hannibal, hat ihm dieses Unternehmen widerraten aus Ursache, weil die fürstliche Würde auch fürstliches Vermögen und Auskommen erfordert.

Diese Erfordernisse die vorige Zeit über in gehörigem Maße zu erlangen, würde dem seligen Haupte dieses Geschlechtes in unserem Reiche, wo Verdienste so hinlänglich belohnt werden, auch leicht genug geworden sein, wenn er mindere Genügsamkeit und Mäßigung besessen hätte. Denn die höchstselige Kaiserin Elisabeth war eine besonders gnädige Beschützerin und Wohlwollerin von ihm, hat ihn nicht selten mit dem Bruder-Namen beehrt gehabt und ist ihm stets mit besonderer Auszeichnung für viele andere begegnet. Doch hat er nie eine Gelegenheit zu seinem Vorteil genutzt oder selbst um was für sich noch die Seinigen gebeten; daher es auch nur bei den Geschenken geblieben, die in der Folge angezeigt werden sollen, und zu welchem Vermögen er durch sein eigen Wohlerworbenes sich noch etliche Güter zugekauft, so daß nach seinem Tode seine Nachlassenschaft kaum eintausendvierhundert Seelen männlichen Geschlechts betrugen.

Der Kaiser Peter der Große sah mit Vergnügen den sich beschleunigenden Fortgang in den Kenntnissen und Wissenschaften seines Paten, und um sie nach damaligen Zeitumständen noch vollkommener zu machen, schickte er ihn mit einer ansehnlichen Pension und besonderen Empfehlungen an den damaligen Regenten von Frankreich, den Herzog von Orleans, mit der sehnlichsten Bitte, die Aufsicht über ihn auf sich zu nehmen, wo er auch in der Ritterlichen Militärschule seine Kriegs-Studia und besonders seine mathematischen Kenntnisse unter dem großen Belidor* völlig beendet, von da als Offizier zu der Artillerie versetzt und nachgehends in dem Spanischen Erbfolgekrieg als Artilleriehauptmann alle Feldzüge mitgemacht, auch zur Zeit im Ingenieurwesen in den Galeeren zu Minen gebrauchen lassen, all da unterirdische Kriege mitgeführt und in dieser seiner Pflicht bei einer solchen Begebenheit im Kopf sehr stark verwundet und zuletzt gefangen worden.

Peter der Große hatte während der Zeit beständig und unablässig acht auf ihn gegeben und alle seine Handlungen vermerken lassen.

* В копии — Belior.

Liebte der Kaiser ihn zuvor fast väterlich, so wurde der Herr durch den guten Ruf und die Empfehlungen wegen seines Fleißes, seiner Geschicklichkeit und guten Führung ihm noch gnädiger. Er wünschte also diesen seinen Zögling, zu dessen Erzug er die erste Grundlage gelegt, in seinem Dienste selbst zu benutzen; rief ihn also nach Verlauf von 6 bis 7 Jahren ins Land zurück; doch die merklichen Vorzüge, die Frankreich zu der Zeit für Rußland hatte, die damalige Pracht des Hofes und selbst die angenehmere Himmelsgegend, die der Natur eines Afrikaners angemessener waren, hatten für ihn so viele unwiderstehliche Reize, daß er seinem Beruf nach Norden nicht sogleich gefolgt, sondern noch nah zwei Jahren sich teils mit noch nicht völliger Erlernung aller mathematischen Wissenschaften, teils mit mißlichen Gesundheitsumständen entschuldigt, und seine Rückreise von Zeit zu Zeit verlängert. Die wahre Ursache dieses verzögernden Betragens konnte dem Scharfsinn des Kaisers nicht entgehen. Er schrieb an den Herzog-Regenten, daß er Hannibal nicht zu seinem Dienste zwänge und ihn hierdurch für völlig frei erkläre, nach seinem eigenen Gewissen und nach Willkür zu handeln. Der Herzog zeigte ihm den Brief des Kaisers. Die Erkenntlichkeit wurde bei ihm rege, neu, und seine Dankbarkeit zu seinem besten Wohltäter zwang ihn sogleich, sich für den französischen Dienst, alle genossene Ehre und Gnade zu bedanken. Er nahm seinen Abschied und eilte, sich seinem Herrn aufs untertänigste von neuem zum Dienste darzustellen. Der Kaiser bekam von seiner Näherung Nachricht, fuhr ihm aus Petersburg bis Kraßnoje-Selo mit seiner Gemahlin, der Kaiserin Catharina, auf die 27-ste Werste entgegen und machte ihn darauf im 28sten Jahre seines Alters zum Kapitanleutnant der Bombardier-Kompanie des Preobrajenskischen Garderegimentes, von welchem jeder regierende Monarch selbst stets Kapitän ist und in welchem Posten zu der Zeit also täglich sichere Gelegenheit war, seinen Hauptmann, ohne vorgestellt zu werden, oft selbst zu sprechen.

Hiernach wurde er schon als Mann von geprüftem Verdienst in verschiedenen wichtigen Geschäften gebraucht und setzte sich bei Erledigung eines jeden fester und fester in der Gunst seines Wohltäters.

Kurz vor dem Tode des Kaisers wurde er zur Anlegung etlicher neuer Festungswerke nach Riga beordert. Er hatte zu seinen eigenen Ausgaben Mangel an Geld, meldete dieses dem Kaiser, der sogleich den Befehl gab, ihm 2000 Holländische Species Dukaten zu übersenden, selbst aber kurz darauf verstarb. Noch mehreren Beweis von der vollkommensten Gnade des höchstseligen Kaisers gibt dieses: daß er selbst auf seinem Sterbebette seinen Hannibal nicht vergessen, sondern seiner hohen Nachfolgerin seiner kaiserlichen Gemahlin und seiner hohen

Prinzessin Tochter nachmaligen Kaiserin Elisabeth, für ihn weiter zu sorgen und ihn als Ausländer zu beschützen, in Gegenwart aller der die bei dem Tode des höchstseligen Herrn zugegen gewesen, aufs angelegentlichste empfohlen. Er kam bald nach vollendeter Verrichtung aus Riga nach Hofe zurück, half mit den dem gottseligen Kaiser ergebenen, nachgebliebenen treuen Dienern, den so schmerzhaften unersetzlichen Verlust eines so sehr vielgeliebten Herrn aufs aufrichtigste beweinen, und erhielt nach sehr viel angewandter Mühe und Suche doch endlich durch Vermittlung der Prinzessin Elisabeth die ihm zugedacht gewesenen zweitausend Dukaten. (Eine nicht geringe* zu der Zeit.)

Die Kaiserin Katharina die Erste übertrug ihm sogleich darauf den Unterricht, besonders in den mathematischen Wissenschaften, als erstem und bestem Ingenieur in Rußland, bei ihrem Enkel dem Kronprinzen Peter Alexejewitsch nachmaligem Kaiser Peter II., welchem Auftrag er die Zeit ihrer Regierung über mit allem Fleiße und Eifer vorgestanden; von diesem Herrn vollkommen geliebt und beständig ungetrennt zu seiner Seite gewesen.

Nach dem Tode der höchstseligen Kaiserin Katharina der Ersten bestieg dieser Kronprinz den großväterlichen Thron, und zu eben dieser Zeit wurde Hannibal vom Hofe entfernt. Diese Entfernung war keine Ungnade. Er als ein Mann, der in dem Kabinett Peters des Ersten, dieses großen Schöpfers von einem so mächtigen und weitläufigen Reichs erzogen, in selbem auch selbst nicht untätig gewesen, alle Pläne oder Entwürfe auch auf viele Jahre im voraus vollkommen gewußt und innegehabt, war seiner geprüften Treue und Redlichkeit wegen also nicht der Mann, der in diesem Zeitpunkte und in einer solchen Nähe bei Hofe neben einem so verschlagenen und mächtig Gewalt habenden Minister, als Fürst Menschikow war, sein Glück machen konnte. Er fand ihm also eine dem Anschein nach höchst wichtige Verrichtung und entfernte ihn von der Residenz bis nach jenseits des Amur-Stromes, an die damalige chinesische Grenze in einem Geschäfte, das fast nur bloß zu dem Ende sein Dasein erhalten zu haben schien, um Hannibal so weit und lange als nur möglich abseits in der Ferne zu halten und bei Hofe in Vergessenheit zu bringen. Auch selbst nach dem Falle Menschikows hatten die am Ruder des Reiches sitzenden Fürsten Dolgorukows ebenso weniges Verlangen, Hannibal bei Hofe zu sehen, und er blieb wie zuvor an der Grenze von China.

Nach seinem tätigen Fleiße hätte er wohl mehr denn nur diesen Auftrag beenden können; er war alsbald fertig. Er schrieb und meldete dieses, er wiederholte es etliche Male, doch es war fruchtlos, und keine Antwot folgte. Zuletzt fehlte es

* В копии вставлено слово — Summe.

sogar in diesem wüsten Orte an den notwendigsten Bedürfnissen und Unterhalt. Er glaubte, daß sein Rapport in Erwägung der unendlich weiten Entfernung verloren gegangen, und war schon in der äußersten unangenehmsten Lage, weil sein zur Tätigkeit gewohnter Geist bessere Nahrung und er demselben Verrichtungen wünschte, die seinen Eigenschaften und der Laufbahn seiner Ehre angemessener wären.

Während dieser Zeit regierte schon die Kaiserin Anna Iwanowna. Bei dem Ansehen des damaligen Ministers Graf Biron (nachmaliger Herzog von Kurland), der nicht minder Ursache als selbst Menschikow oder Dolgorukis hatte, Hannibal als Zögling von Peter dem Großen ebenso wenig in der Nähe der Residenz zu dulden, achtete man also sehr wenig auf seine so sehr kümmerlichen notklagenden Berichte aus Sibirien; aber sein alter wahrer Freund Graf Münnich wurde ihm zu seiner Zurückkunft aus Sibirien behilflich und versteckte ihn in gewisser Weise nachgehends als Ingenieur Major in die Pernausche Garnison (in welchen Charakter er während der Zeit seiner Abwesenheit wirklich zurückgesetzt worden). Hier war er doch wenigstens wieder in einer bewohnten Gegend unter Menschen, aus dem Gesichte seiner Neider ziemlich weit und sozusagen unbemerkt. Ihm aber als einem Manne, der sich fühlte, der zu was Größerem als Festungsflicker bestimmt war, wurde also dieser neue Aufenthalt zwar langweilig genug, er trug es aber so lange als möglich mit Geduld. Während der Zeit hatte er zum zweiten Male geheiratet, und zwar eines dasigen Hauptmanns Matthias von Schöberg Tochter. Dieser Kapitän Schöberg war ein geborener Schwede, seine Gemahlin aber eine Livländerin, eine geborene von Albedyl. Er entschloß sich also, den für ihn nicht mehr vorteilhaften Dienst, ohne weitere Aussichten zu neuem Glücke und weiteren Beförderungen, zu verlassen; er nahm seine 2000 und was er während seiner Dienste von seinem Gehalte erspart hatte, und kaufte für sich das unweit Reval gelegene kleine Gut Karriküla von 1 $^1/_2$ revalschen Haken und lebte als Landwirt, als genügsamer Weiser mit einer anwachsenden Familie (die er, ohne dieses zu unternehmen, nicht so füglich hätte versorgen können) so gut und zufrieden als es sein Geschick ihn hieß.

Nun näherte sich ihm zum anderen Male ein neuer Zeitpunkt seines Glückes. Elisabeth die Erste, Peter des Großen Tochter, bestieg den ihr rechtmäßig gehörigen väterlichen Thron. Zu sehr von ihr gekannt, schrieb er an sie nur diese Worte: "Herr, gedenke mein, wenn Du in Deinem Reich bist". Sie als eine hulreiche gnädige Prinzessin erinnerte sich des treuen Dieners ihrer Eltern, des, der bei ihrem Anwuchse stets zugegen gewesen, sogleich; verschrieb ihn zu sich, beschenkte ihn zu kaiserlich, gab ihm das

Gut Ragula in Livland* unweit Reval und 600 Erbbauern in der Pleskowschen Provinz. Machte ihn zum Brigadier und Oberkommandanten von Reval, und gleich darauf zum Generalmajor. Nach diesem ist er General-Ingenieur, hierauf General-en-chef und Direktor der Kanäle: des von Peter dem Großen in Kronstadt und des Ladogaschen Kanals gewesen; bis er in der Regierung Kaiser Peter des Dritten wegen seiner kränklichen Gesundheitsumstände, besonders seines heftigen Podagras und der in französischen Diensten erhaltenen Blessuren wegen, seinen Abschied nahm und zum zweiten Male als Weiser in stiller Ruhe ein ländliches Leben anfing, welches er da beschlossen. Er starb 1781 den 14ten Mai im 93sten Jahr seines Alters und ist neben seiner seligen Gemahlin in der Kirche seines Hauptgutes Suida im Sophienschen Kreise, 58 Werst von St. Petersburg gelegen, begraben. Noch acht Tage vor seinem Tode war er bei einer schon heftigen Entkräftigung noch bei so gutem Gedächtnisse, daß er sich mit aller Genauigkeit Begebenheiten von vielen Jahren zu besinnen und selbe zu erzählen wußte.

Seine erste Gemahlin war eine Griechin von Geburt und hieß Awdakia Alexejewna, die ihm eine Tochter Awdakia geboren und kurz darauf in der Stadt Tifin sich als Nonne einkleiden ließ, wo sie auch ihr Leben beendet. Diese Tochter aber starb als versprochene Braut in ihren besten Jahren.

Seine zweite Gemahlin Christina Regina v. Schöberg starb am 13ten Mai 1781 in derselben lutherischen Religion, in der sie erzogen, im 76 ten Jahre ihres Alters; ist auch in derselben Suidischen Kirche begraben. Mit ihr hat er elf Kinder gehabt; von denen leben noch folgende (bis hierher).

Söhne:

1. Iwann Abramowitsch Hannibal, Generalleutnant, gewesener General-Zeugmeister der Flotte und Mitglied vom Reichs-Admiralitäts-Collegio. Ritter verschiedener Orden, als: vom Heiligen Alexander Newskij, des Hl. dem Apostelgleichen Fürsten Wolodimer Großkreuz von der ersten Staffel (Militär), des Heil. Großen Märtyrers und Siegers George von der dritten Staffel und der Heiligen Anna. Er ist der Erbauer der Stadtfestungen und Admiralität von Cherson, nebst verschiedenen Linienschiffen der ersten Größe daselbst. Er hat mit der siegreichen Flotte seiner großen Kaiserin alle Campagnen auf dem Mittelländischen Meer mitgemacht, hat die rühmlichen Verrichtungen unter Cirona** und Modona mit ausführen helfen; eroberte Novarino, war bei der

* В копии — Rahola in Estland.

** Cirona — правильно Corona.

Verbrennung der türkischen Flotte unter Tschesma gegenwärtig, bei der die Flotten-Artillerie, welche die Hauptszene gespielt, von ihm als General-Zeugmeister befehligt wurde. Er war mit auf dem Admiralschiffe Jewstafi einlogiert, welches während der Seeschlacht zwischen der Insel Chio und dem Ufer von Natolien* 1770 den 24sten Mai in seiner Abwesenheit, eben da er zur Besichtigung der Flotten-Artillerie in einer Schaluppe abgefahren war, durch Entzündung des Pulvermagazins (von dem gefallenen brennenden Maste des feindl Schiffes mit welchem es abbordiert gewesen) in die Luft flog; wodurch er seine eigene ganze Equipage und Bedienung verloren. Er war gegenwärtig bei der Expedition von Mittellino**, nebst vielen anderen dergleichen; und hat überdies dem ganzen Preußischen Krieg mit beigewohnt. — Er ist geboren 1735 den 13ten February und hat seit dem Ende des 1783sten Jahres seine Demission, mit Beibehaltung seines völligen Gehaltes und der Pension zweier seiner Ritterorden als eine Belohnung der seiner großen Monarchin und dem Vaterlande geleisteten treuen Dienste. Sein rühmliches Verhalten im Archipelago, besonders bei der Eroberung von Novarino, ist an einer marmornen Säule auf einer in Bronze gegossenen Tafel mit vergoldeten Buchstaben in dem kaiserlichen prächtigen Lustgarten bei Zarskoje-Selo zu ewigen Zeiten der Nachwelt zum Zeugnis und Andenken zu sehen; wo auch andere vortreffliche Denkmäler der Verdienste großer Männer des vorigen Türkenkrieges gestiftet sind.

2. Peter Abramowitsch geboren 1747, dienste bei der Artillerie und hat seit 1784 als Generalmajor seinen Abschied. Ist vermählt mit einem Fräulein Olja*** Grigorjewna von Dannenstern, einer Tochter des Collegienrats von Dannenstern (der ein Bruder des Patsalschen Lghn**** von Dannenstern ist, welcher in Livland unweit Pernau wohnt), die aber durch ihre russische Mutter in der griechischen Religion erzogen. Aus dieser Ehe sind Kinder am Leben: ein Sohn Wenjamin geboren...

Перевод:

Авраам Петрович Ганнибал был генерал-аншефом, состоявшим на действительной российской императорской службе, кавалером орденов святого Александра Невского и святой Анны. Он был родом африканский арап (Mohr) из Абиссинии[1], сын одного из

* Natolien — правильно Anatolien.
** Mittellino — правильно Mytilene.
*** Olja —Оля.
**** Lghn — Landgutsherrn.

тамошних могущественных и богатых князей, возводившего свое происхождение по прямой линии к роду славного Ганнибала, грозы Рима. Его отец был вассалом турецкого султана, то есть Оттоманской империи, вследствие гнета и налогов он восстал в конце прошлого века вместе с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего властелина, за этим последовали разные небольшие, но кровопролитные войны.

Но в конце концов победила сила, и этот Ганнибал, младший сын владетельного князя, на восьмом году жизни с другими знатными юношами был отправлен в Константинополь в качестве заложника.

Собственно, по его молодости этот жребий должен был миновать его, однако как отец его по магометанскому обычаю[2] имел много жен, и даже чуть ли не тридцать, от которых соответственно этому было множество детей, то эти многочисленные старые княгини с детьми, объединенные стремлением спасти себя и своих, нашли способ хитростью и интригами почти насильно посадить его как младшего сына одной из младших княгинь, не имевшей при дворе достаточно приверженцев, на турецкое судно[3] и предоставить уготованной ему судьбе.

У его единственной единоутробной сестры Лагани (Lahann), бывшей на несколько лет старше его, нашлось достаточно мужества, чтобы воспротивиться этому насилию. Испытав все средства, но принужденная, наконец, уступить большинству, все еще в надежде вымолить или выкупить за свои драгоценности свободу возлюбленного брата, сопровождала она его до борта маленького корабля, однако, найдя, что и все последние усилия ее нежности тщетны, в отчаянии бросилась она в море и утонула. Даже и в конце своих дней сей достопочтенный старец проливал слезы, вспоминая об этой нежнейшей дружбе и любви, ибо, хотя он был очень молод во время этого трагического происшествия, печальное воспоминание вставало перед ним во всех подробностях каждый раз заново, когда он думал о сестре; нежность сестры заслуживала этой слезной жертвы: ведь она так отчаянно боролась за его свободу, и оба они были единственными детьми своей матери.

Вскоре после этой разлуки навсегда Ганнибал прибыл в Константинополь и был с прочими юными заложниками заключен в сераль для воспитания среди пажей султана, где и провел он год и несколько месяцев.

В это время в России царствовал император Петр Первый, который стремился, насаждая искусства и науки в своем государстве, распространять их среди дворянства, благороднейшей части своих подданных. Хотя ему удалось до некоторой степени продвинуться в этом намерении, однако в рассуждении великого множества дворян обширнейшей империи мира число проявлявших охоту к учению было весьма незначительно; и именно это вызвало болезненное огорчение и заботу у блаженной памяти императора. Он искал способ воспитать несколько учеников, поражающих самой внешностью, и представить их для своего народа в качестве образца и примера; наконец ему пришло на ум написать в то время находившемуся в Константинополе посланному[4] о том, что он должен достать и переслать ему нескольких африканских арапчат с хорошими способностями. Его министр в точности последовал этому приказу; он познакомился с начальником сераля, где воспитывались и обучались пажи властелина, заметил нескольких лучших из них, пригодных для его целей, и, наконец, получил тайным, отнюдь не безопасным способом

через посредство тогдашнего великого визиря[5] трех резвых и способных мальчиков, что и обнаружило себя впоследствии.

В это время умер отец покойного генерал-аншефа Ганнибала, которого он оставил в зрелом и почти преклонном возрасте, и наследование власти досталось одному из его единокровных братьев, который и начал править примерно в это время.

Российский императорский министр, счастливый исполнить волю своего монарха, отправил этого Ибрагима Ганнибала, еще одного чернокожего мальчика, его соплеменника знатного рода (который однако скончался в пути от оспы) и одного рагузинца, почти сверстника, менее десяти лет, в Москву.

Государь, хотя и сожалел о потере третьего, однако остался доволен приобретением этих двух прибывших мальчиков и взял на себя заботу об их воспитании с тем большею охотою, что, как уже говорилось, они должны были стать образцом, который бы он мог ставить своему народу в пример и в посрамление как доказательство, что из каждого народа и в не меньшей степени из почти диких людей, из негров, которых наши цивилизованные нации определяют только в сословие рабов, можно воспитать людей, которые, благодаря прилежанию, в состоянии приобрести познания и усвоить науки, с помощью которых они могли бы стать искусными и способными во всех случаях помогать и быть полезными своему господину в качестве дельных и пригодных его слуг.

Император Петр Великий, будучи не менее великим знатоком людей, сразу определил склонности своих прибывших питомцев и предназначил своего Ганнибала как живого, расторопного и горячего мальчика к военной службе; рагузинец же, который стал известен позже в России под именем графа Рагузинского[6] как более спокойный и глубокомысленный пошел в статскую службу. Что касается Ганнибала, то он постоянно спал в соседней с государевым кабинетом токарне и вскоре затем стал во многих важных случаях тайным писарем своего государя императора, у которого над постелью висело несколько грифельных досок; его великий дух, всегда занятый благом своих подданных, как бы он ни был утомлен и ни нуждался в отрадном покое, этот никогда не отдыхающий дух часто пробуждал его и заставлял бодрствовать, и тогда в темноте, без света, наощупь, вчерне записывал он на них важные и длинные свои наброски[7], которые его питомец наутро переписывал набело и после надлежащего подписания рассылал, как это требовалось, по коллегиям и присутственным местам в качестве новых законов и приказов для последующего их исполнения.

Великий монарх, которому не свойственно было проглядеть заслуги и хорошие качества, и здесь день ото дня убеждался в способностях этого юноши, которые обещали ему более, чем судьбу писаря; теперь, чтобы лучше их развить, усовершенствовать и сделать из него мужа, за которого впоследствии он мог бы поручиться, он под собственным своим надзором поощрял его наилучшим и действенным образом и дал ему искуснейших учителей по многим, особенно математическим наукам, а также и для прочих знаний вместе с языками. Эти занятия продолжались с неослабевающим тщанием даже в тяжелейших путешествиях, кампаниях и походах, при которых Ганнибал непременно присутствовал, и около 1707 года он был окрещен в Польше в греческую религию, и сам император вместе с королевой польской, супругой Августа Второго, почтили этот обряд крещения своим высоким присутствием

как воспреемники[8]. По имени своего высокого воспреемника императора был он назван Петром. Но поскольку прежде на родине его именовали Ибрагим, что по-арабски значит Абрам, и ввиду того, что он так долго оставался некрещенным, то по общей привычке называть его Абрамом сохранилось за ним в употреблении не новое имя, данное при крещении, а старое, которым он получил разрешение называть себя и подписываться, и только в церковных книгах он назван Петром. По отчеству, в согласии с греческим обычаем, он именовался Петрович, как полагают, по своему августейшему крестному отцу.

В это время его правящий единокровный брат, побуждаемый, я думаю, еще здравствующей матерью этого европейского Ганнибала, в предположении, что его полубрат еще находится в качестве заложника в Константинополе, захотел через посредников освободить его и с этим намерением передал такое поручение одному из своих младших братьев, который и отправился по следам этого силою похищенного второго Иосифа: сначала искал его в Стамбуле, затем был в Петербурге, откуда он думал при помощи больших денег выкупить[9] его и взять с собой. Но было уже невозможно чувствовавшего себя убежденным христианином и столь многообещающего юношу возвратить в язычество и варварство, к тому же он привык уже к европейскому образу жизни и сам не проявил никакого желания, так что этому ищущему брату было отказано в его попытке, почему он, хотя и одарив своего младшего брата дорогим оружием и арабскими грамотами о их родословии, отбыл на свою родину ни с чем, к большой печали с обеих сторон.

Покойный основатель ныне живущего в Европе рода Ганнибалов много позже, уже в наше новое время, хотел, согласно этим грамотам и свидетельствам, привести в соответствие свое княжеское происхождение и рождение, предъявить свой титул и обновить его, но старший сын его, господин генерал-лейтенант и кавалер Иван Абрамович Ганнибал, возражал этому предприятию по причине того, что княжескому достоинству должно соответствовать и княжеское могущество, и княжеское состояние.

Достичь этих требований в прежнее время в надлежащей степени покойному главе этого рода было бы легко в нашем государстве, где заслуги достаточно вознаграждаются, если бы он не обладал такой скромностью и умеренностью. Ибо блаженной памяти императрица Елизавета была его особо милостивой защитницей и благодетельницей, нередко оказывала ему честь, называя братом, и неизменно перед всеми встречала особыми знаками внимания.

Но у него не было обыкновения использовать это к своей выгоде или самому что-либо просить для себя или своих; поэтому все ограничивалось подарками, которые далее будут названы и к каковым он присовокупил некоторые самим им благоприобретенные имения, так что после его смерти наследство его едва составляло тысячу четыреста душ мужского пола.

Император Петр Великий с удовлетворением видел растущие успехи в познаниях и науках своего крестника, и, чтобы еще более усовершенствовать их соответственно обстоятельствам того времени, он послал его с приличествующим пенсионом и особыми рекомендациями к тогдашнему регенту Франции герцогу Орлеанскому с горячей просьбой взять на себя попечение о нем: там он полностью закончил военную подготовку и особенно изучение математических наук под началом великого Белидора[10]; выпущенный оттуда[11] в офицеры артиллеристы и затем участвовавший во всех похо-

дах войны за испанское наследство в качестве капитана артиллерии, он был тогда же использован и в инженерном деле для делания подкопов; при исполнении своего долга сражавшийся в подземных переходах во время одного из таких случаев был он очень сильно ранен в голову и затем взят в плен.

Все это время Петр Великий уделял ему постоянное и неотступное внимание и приказывал примечать все его поступки.

Если государь любил его прежде как отец, то стал к нему еще милостивее вследствие его доброй славы, отзывов об его усердии и учтивости, его способностях и хорошем поведении. Итак, он хотел употребить на своей службе этого питомца, воспитанию которого сам заложил основания; по прошествии срока от 6 до 7 лет он позвал его назад. Однако заметные преимущества, которые Франция имела в то время перед Россией, тогдашняя роскошь двора и сам приятный климат, которые более соответствовали природе африканца, имели для него столь много неотразимой прелести, что он не сразу последовал зову с севера, но еще около двух лет отговаривался частично не полным еще завершением своих познаний разных математических наук, частично дурным состоянием здоровья, и его обратный путь откладывался из года в год. Истинная причина этого медлящего поведения[12] не могла укрыться от острого ума императора. Он написал герцогу-регенту, что он не приневоливает Ганнибала к своей службе и предоставляет ему полную свободу поступать по своей совести и воле. Герцог показал ему письмо государя. Признательность ожила в нем с новой силой, и благодарность своему лучшему доброделателю[13] заставила его тотчас благодарить за французскую службу, все оказанные ему милости и честь. Он вышел в отставку, чтобы верноподданически предоставить себя своему государю для возобновления службы. Император получил известие о его приближении, выехал со своей супругой императрицей Екатериной ему навстречу до Красного Села, на 27-ю версту, и назначил затем на 28-м году его жизни капитан-лейтенантом бомбардирской роты Лейб-гвардии Преображенского полка, в котором каждый правящий монарх сам всегда являлся капитаном; для чина капитан-лейтенанта в то время было обязательным обыкновением ежедневно без предварительного уведомления являться к своему капитану с докладом.

Затем как муж проверенных достоинств он использовался в разных важных предприятиях и по мере их исполнения оказывался все более и более в милости у своего доброделателя.

Незадолго до смерти государя он был послан в Ригу для закладки нескольких новых крепостных верков. Имея недостаток денег на личные расходы, он сообщил об этом императору, который тотчас дал распоряжение переслать ему 2000 голландских дукатов, но сам вскоре скончался. Еще большее свидетельство высочайшей милости блаженной памяти императора показывает следующее: на смертном одре не забыл он своего Ганнибала, но в присутствии всех, находившихся около во время кончины блаженной памяти государя, настоятельнейшим образом поручал наследнице, августейшей супруге и своей высокородной дочери принцессе Елизавете, впоследствии императрице Елизавете, и далее о нем заботиться и защищать его как чужестранца. Вскоре после завершения исправлений он вернулся из Риги ко двору, вместе с преданными, сохранившими верность почившему в Бозе императору слуга-

ми искреннейше оплакал столь болезненную, невосполнимую утрату так горячо любимого государя и после приложения долгих усилий и разысканий получил наконец при посредстве принцессы Елизаветы предназначенные ему 2000 дукатов (немалые* по тому времени).

Императрица Екатерина Первая сразу затем приставила его как первого и лучшего инженера России преподавать науки, особенно математические, своему внуку, наследнику принцу Петру Алексеевичу, позже императору Петру II, каковое поручение во время ее правления и исправлял он со всем прилежанием и усердием; этим государем был очень любим и постоянно неотлучно при нем находился.

После смерти блаженной памяти императрицы Екатерины Первой наследный принц взошел на дедовский трон, и в это же время Ганнибал был удален от двора. Это удаление не было немилостью. Он как муж, воспитанный в кабинете Петра Первого, этого великого создателя столь могущественного и обширного государства, в котором и сам он не был бездеятелен, знал в точности все планы и проекты на многие годы и был по причине своей верности и честности таким образом не тем человеком, кто в этот решающий момент и в такой близости ко двору мог строить свое счастье около столь прилипчивого и властительного министра, каким был князь Меншиков. Он нашел ему с виду в высшей степени важное поручение и отправил его таким образом из столицы до другого берега Амура, на тогдашнюю китайскую границу по делу, которое казалось почти только для того и поддерживалось до конца своего существования, чтобы удерживать Ганнибала так далеко и долго в отсутствии, как только возможно, и добиться забвения его при дворе. Даже после падения Меншикова находившиеся у кормила власти князья Долгоруковы имели столь же мало желания видеть при дворе Ганнибала, и он, как и прежде, оставался на границе Китая.

При своем деятельном прилежании он мог бы, конечно, закончить большее, чем это поручение: оно было быстро завершено. Он написал и сообщил о том, он повторил это несколько раз, но все было тщетно и ответа не последовало. К концу в этом пустынном месте он испытывал нужду в необходимейшем и не получал содержания. Он думал, что его рапорт пропал вследствие бесконечно далекого расстояния и был в высшей степени неприятном положении, потому что он, привыкший к деятельности, желал лучшей духовной пищи и свершений, которые более соответствовали бы его достоинствам и путям чести.

В это время уже царствовала императрица Анна Ивановна. При влиянии тогдашнего министра графа Бирона (будущего герцога Курляндского), который имел столь же мало причин, как и сам Меншиков или Долгоруковы, терпеть вблизи столицы Ганнибала, воспитанника Петра Великого, почти не внимал его скорбным, жалующимся на нужды донесениям из Сибири; но его старый верный друг граф Миних помог ему в его возвращении из Сибири и известным образом спрятал его затем в гарнизоне Пернова в качестве инженер-майора (в каковой чин во время своего отсутствия он был действительно понижен). Здесь он был по крайней мере вновь в обитаемой местности, среди людей, довольно далеко от лица своих завистников и, так сказать, неприметен. Но ему, человеку, чувствовавшему себя предназ-

* В копии вставлено "Summa" — то есть немалая сумма...

наченным к чему-то большему, чем латание крепостей, это новое назначение было достаточно скучным, однако он нес его как только мог долго и терпеливо. В это время он женился во второй раз, а именно на дочери тамошнего капитана Матиаса фон Шёберга. Этот капитан Шёберг был по рождению швед, а его супруга лифляндка, урожденная фон Альбедиль. Итак, он решил покинуть не выгодную для него более службу, не имея в ней более никаких видов на новые удачи и дальнейшее повышение в чинах; он получил свои 2000 и все, что он сберег из своего жалования во время службы, и купил себе неподалеку от Ревеля лежащее имение Каррикюла в полтора ревельских гака и зажил как сельский хозяин, как довольствующийся малым мудрец с растущим семейством (которое он не смог бы, не предприняв этого, достаточно хорошо обеспечить) столь хорошо и удовлетворенно, сколь к тому призывала его судьба.

Тут в другой раз приблизился к нему момент его счастья. Елизавета Первая, дочь Петра Великого, вступила на отцовский трон, принадлежавший ей по праву. Тот, кого она знала слишком хорошо, написал ей только эти слова: «Помяни мя, Господи, егда придеши во царствие Свое!» Она как милостивая благосклонная принцесса вспомнила тотчас верного слугу своих родителей, того, кто постоянно был около, когда она подрастала, вызвала его к себе, одарила по-царски, пожаловала ему имение Рагула в Лифляндии*, неподалеку от Ревеля, и 600 крепостных в Псковской губернии[14]. Сделала его бригадиром и оберкомендантом Ревеля и сразу затем генерал-майором[15]. После он производится в генерал-инженеры, потом генерал-аншефы и состоит директором каналов Петра Великого в Кронштадте и Ладожского, пока при правлении императора Петра Третьего по болезненному состоянию здоровья, особенно из-за тяжелой подагры и по причине полученного во французской службе ранения, не вышел в отставку и во второй раз как мудрец не начал в тишине и покое деревенскую жизнь, которую здесь же и завершил. Он умер 14 мая 1781 года на 93-м году своего возраста и был погребен в церкви своего главного имения Суйда Софийского уезда, в 58 верстах от С.-Петербурга, и положен рядом со своей блаженной памяти супругой. Еще за восемь дней до своей кончины при сильном уже упадке сил находился он в столь ясном сознании, что припоминал со всей точностью события многих лет и мог их рассказать.

Его первая супруга была по рождению гречанка и называлась Авдакия Алексеевна, которая родила ему дочь Авдакию, и вскоре затем в городе Тифине[16] она дала себя постричь в монахини, где и окончила свою жизнь. Дочь же эта умерла помолвленной невестой в расцвете лет[17].

Его вторая супруга Регина ф<он> Шёберг умерла 13 мая 1781 на 76-м году своей жизни[18], оставаясь в той же лютеранской вере, в которой была воспитана, погребена в той же Суидовской церкви. С нею он имел одиннадцать детей[19], из которых еще здравствуют <до сих пор> следующие:

Сыновья:

1. Иванн Абрамович Ганнибал, генерал-лейтенант, бывший генерал-цейхмейстер флота и член Императорской адмиралтейств коллегии. Кавалер разных орденов, как то: Святого Александра Невского, Святого равноапостольного князя Владимира Большого креста первой степени (за военные заслуги), Святого великомученика Георгия

* В копии — Рагола в Эстляндии.

Победоносца третьей степени и Святой Анны. Он был строителем городских укреплений и адмиралтейства в Херсоне, там же различных линейных кораблей первого класса. С победоносным флотом своей великой императрицы Екатерины он проделал все кампании на Средиземном море, помог свершить славные дела под Короной и Модоной[20], завоевал Наварин, был при сожжении турецкого флота под Чесмой, при этом распоряжался в качестве генерал-цейхмейстера морской артиллерией, игравшей главную роль. Он располагался на адмиральском корабле "Евстафий", который во время морского сражения между островом Хио и Анатолийским берегом 24 мая 1770 года[21] во время его отсутствия, как раз когда он отплыл на шлюпе для осмотра флотской артиллерии, взлетел на воздух из-за вспыхнувшего порохового погреба (от упавшей горящей мачты вражеского корабля, который брали на абордаж), отчего он потерял весь свой экипаж и обслугу. Среди других он был в экспедиции под Митиленой; и сверх того прошел всю Прусскую войну[22].

Он родился 13 февраля 1735 и с конца 1783 года вышел в отставку[23] с сохранением полного содержания и двумя орденскими пенсиями в награду за исполненную верную службу своей великой государыне и отечеству. Его славные подвиги в Архипелаге, особенно при взятии Наварина, запечатлены на вечные времена как свидетельство и память для потомков позолоченными буквами на бронзовой литой доске мраморной колонны в великолепном императорском увеселительном саду Царского Села, где также установлены другие превосходные памятники в честь заслуг великих мужей, участников прошедшей Турецкой войны.

2. Петр Абрамович родился в 1747 году[24], служил в артиллерии и с 1784 в отставке в чине генерал-майора. Женат на Оле* Григорьевне фон Данненстерн[25], дочери коллежского советника фон Данненстерна (брата владельца поместья Патсаль фон Данненстерна, который живет в Лифляндии, неподалеку от Пернау[26]), которая однако воспитана своей матерью в греческой религии. От этого брака живы дети: сын Вениамин, родившийся[27]...

«Немецкая биография» написана скорописью, готическим шрифтом. Расшифровка текста — профессора К.-В.Шрика (Гамбург). Ему же принадлежит расшифровка копии Биографии, выполненная вторично после 1935 г. для сличения текста с подлинником.

Подлинник и копия хранятся в Пушкинском доме, С.-Петербург. Подлинник — *ПД* № 19. Копия — *ПД* № 163.

¹ Немецкое *Mohr* — мавр принято было в России переводить как арап. В свою очередь слово это имело чрезвычайно многообразное значение, сводившееся к одному — темнокожий.

² По утверждению Д.Гнамманку, в княжестве Логон на конец XVII в. еще господствовала древняя африканская религия, по которой правитель обязан был иметь столько жен, сколько племен объединяла территория его государства. Жены эти являлись таким образом как бы представительницами своих племен и подчеркивали равенство их перед князем. Государство Логон окружено было более сильными и обширны-

* Olja.

ми странами, уже принявшими магометанство, жители их похищали и продавали туркам рабов-немусульман.

[3] У Роткирха — Fahrzeug — средство передвижения. Вероятно, речной кораблик, увозивший подростка по р. Логон.

[4] Здесь переведено как *посланному*, ибо речь идет о Савве Лукиче Владиславиче-Рагузинском, действительно в то время находившемся в Константинополе и замещавшем с начала до осени 1704 г. посла П.А.Толстого, уезжавшего в Москву. Рагузинский и доставал из сераля арапчат.

[5] В.В.Набоков в комментариях к «Евгению Онегину» (см.: Nabokov V. Eugene Onegin. Translated from the Russian, with a commentary. V. III, N.Y., 1964, p. 418) дает характеристики всем визирям за несколько лет и приводит имя того, кто должен был помочь Рагузинскому в его задаче — это визирь Хасан, в должности находившийся с 16 ноября 1703 по 28 сентября 1704 года. Он был зятем султана Ахмета III. «Это был честный и сравнительно гуманный паша, грек по происхождению, и его уж никак нельзя было заподозрить в продаже иностранцу пажей султана». Однако именно на его время падает факт получения трех арапчат из сераля.

[6] Роткирх путает дядю Савву Лукича и племянника Ефима Ивановича (1691—1749) Владиславичей, однако и младший из них к арапчатам не мог быть причислен.

[7] Причину ночных записей, впотьмах, которые делал Петр I, объяснял Д.Н.Бантыш-Каменский со слов, возможно, Пушкина: арапчик не понимал русского языка и мог своему крестному лишь подать грифельную доску. (См.: Словарь достопамятных людей русской земли в 5 т. М., 1836, т. 2, с. 12.)

[8] Абрам был крещен (второй раз, с именем Петра) 13 июля 1705 г. в Вильне. Август II и его супруга Христиана-Эбергардина там не присутствовали. Выдумка Роткирха с целью возвеличения рода.

[9] О брате, прибывшем с родины, чтобы выкупить Абрама — по-видимому, чистая выдумка Роткирха, хотя известен старший брат Абрама Алексей, с ним привезенный и упомянутый в последний раз в 1716 году (см.: «Неделя», 1969, № 44, с. 19).

[10] Белидор—Бернар Форе де (1693—1761) — автор многих книг, в частности им написан «Краткий курс военной, а также гражданской архитектуры и гидравлики». Знаменитый инженер и ученый.

[11] Неясное *оттуда* следует понимать как указание на крепость в Ла Фере, где преподавал Белидор. Однако обучение там могло происходить не ранее 1720 года, когда по повелению короля от 5 февраля того года открыт был «Центр инструктажа» (см.: Daniel P. Histoire de la milice française. Paris, 1721) в городке Ла Фер. До войны 1719—1720 годов Абрам мог обучаться в Меце.

[12] Двусмысленная фраза об *истинной причине медлящего поведения* спровоцировала, по-видимому, Пушкина на сюжет о романе с графиней Д.

[13] Именно это слово — *добpоделатель* (нем. Wohltähter) употребил Абрам Ганнибал в подписи последнего известного нам письма его к сыну Петру от 10 ноября 1780 г. (см.: *ВМП*, ф. 3, д. 3): «Ваш добpоделатель Абрам Ганибал». Вероятно, Роткирх воспользовался словом своего зятя.

[14] В указе № 8183 от 23 января 1741 г. сообщается «О пожаловании маиора Аврама Петрова Ганибала артиллерии в подполковники и об отдаче ему в пожизненное арендное содержание деревни Рагала в Ревельском уезде». (См.: Баранов П.И. Опись

высочайшим указам за 18 век. III (1740—1762). СПб, 1878, с. 26.) Затем при Елизавете Петровне 28 сентября 1743 г. в указе № 9113 дана «высочайшая резолюция на прошении ревельского обер-коменданта генерал-маиора Аврама Ганибала об отдаче ему в вечное и потомственное владение пожалованного ему в правление принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской деревни Рагола Ревельского уезда» (см.: Баранов П.И. Опись, с. 133). Псковские поместья, и среди них Зуево-Михайловское, с 569 душами крестьян пожалованы были 12 января 1742 г. (указ № 8728, Опись, с. 85). Закрепление пожалования грамотой на владения состоялось 6 февраля 1746 г. Грамота хранится во Всероссийском музее Пушкина (С.-Петербург).

[15] Ганнибал не был никогда бригадиром. Его из подполковников, через два чина, произвели в генерал-майоры (тем же указом № 8728) 12 января 1742 г. Это был «Именный указ о пожаловании подполковника Аврама Ганибала в генерал-майоры». (См.: Баранов П.И.Опись, с. 85.)

[16] *Тифин* — Тихвин. В Тихвине при женском монастыре Введения Божьей Матери во Храм жила до своей смерти Евдокия Андреевна (названная в рукописи Авдакия Алексеевна) Ганнибал, переведенная в него из Староладожского монастыря, куда увезена была 24 января 1754 г. после суда и развода с Абрамом Ганнибалом. Однако в монастыре она жила «белицей», то есть не принимала пострига. Последнее о ней упоминание там — 1764 год (см.: Мордвинов И.П. Тихвинская старина. Новгород, 1911, с. 102).

[17] Дочь Евдокии, тоже Евдокия, умерла 14 мая 1754 г. на 23-м году жизни и погребена близ Благовещенской церкви на Васильевском острове в Петербурге. Документ об этом (РГИА, ф. 19, оп. 111, № 37, л. 162) обнаружен Ларисой Бройтман (см.: «Вечерний Ленинград», 14 апреля 1988 г.). Возраст девушки в документе убавлен до 17 лет, чтобы скрыть ее происхождение от первого брака отца, хотя мать ее уже была отправлена в монастырь и не могла претендовать даже на свидания. Верные даты жизни Евдокии-младшей указаны в исповедных ведомостях.

[18] Христина-Регина Ганнибал, урожд. Шёберг, умерла не 13 мая, а в феврале 1781 года. Об этом свидетельствует письмо ее сына Ивана брату Петру от 25 марта 1781 г.: «Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно». (В кн.: Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937, с. 119.) П.А.Ганнибал в своих «Воспоминаниях» указывает датой смерти матери февраль 1781 г. Родилась она в 1717/18 гг., о чем прежде всего свидетельствуют даты рождения ее детей. Первенец Иван родился в 1735, а последний ребенок, дочь София — в январе 1759 года.

[19] Из 11 детей известны имена 9. Из них двое умерли в детстве. Это Агриппина (1746 — до 1749) и Яков (1749 — до 1762).

[20] *...славные дела под Короной и Модоной.* — Далее называются Наварин, Чесма, Хио, Митилена. Названные сражения Русско-турецкой войны 1768—1774 годов происходили в течение нескольких лет. Решено было, помимо военных действий на суше, преследовать противника и на воде, с юга, со стороны Средиземного моря, для чего туда отправлена была флотилия русских кораблей. Важной для биографии Ивана Ганнибала оказывается, таким образом, вся картина этой войны на море.

18 июля 1769 г. при Красной горке, неподалеку от Кронштадта, состоялся смотр эскадры под начальством вице-адмирала Григория Андреевича Спиридова. Из-за ветра вышли только 26 июля и шли в две линии. 9 августа у острова Готланда

случилась буря. 1 сентября эскадра прибыла в Копенгаген, где 8 дней гостили у короля Христиана VII и королевы Матильды. 9 сентября останавливались у мыса Эльсинор. Прошли Ламанш, побывав в Англии, где были радушно приняты и наняли моряков и несколько судов. Прошли мимо Франции, затем Португалии, где тоже были хорошо встречены. В конце года через Гибралтар вступили в Средиземное море. Эскадра имела непосредственной целью поддержать восстание в Греции, Черногории и угрожать южным берегам Турции, покорив Кикладские острова, составляющие часть Греческого Архипелага, затем пройти в Дарданеллы, чтобы «привести в трепет Константинополь». (См.: Петров А.Н. Война России с Турцией. В 5 томах. Т. 2, СПб., 1866, с. 28.)

Флот был под общей командой графа Алексея Григорьевича Орлова, которому помогал брат его Федор, и состоял из двух эскадр. Первой эскадрой командовал Г.Спиридов. Она состояла из 5 кораблей, каждый о 80 пушках; 6 кораблей имели по 70 пушек, 2 корабля — по 32 пушки, к ним приданы были 3 галиота и 2 транспортных судна. 13 названных кораблей имели 5 больших и 39 малых шлюпок. Кроме морской артиллерии, везли еще 60 пушек на полевых лафетах. Экипаж первой эскадры состоял из 8910 матросов и 1660 солдат.

Вторая эскадра шла под командой контр-адмирала англичанина Эльфингстона и была значительно меньшей. Там было 3600 матросов и 860 солдат.

Первая эскадра причалила к греческим берегам 17 февраля 1770 года. Это был юго-запад Пелопонесского полуострова, прозванного переселившимися из южных славянских земель Мореей.

Всеми пушками на кораблях — и выносимыми на сушу (на лафетах) — командовал Иван Абрамович Ганнибал, находившийся с 10.2.1769 г. в качестве цейхмейстера (в чине полковника) морской артиллерии, повышенный в начале 1770 года в чин бригадира.

К февралю 1770 года в эскадре Спиридова, где служил Ганнибал, находились три больших корабля — «Св. Евстафий», «Януарий», «Три иерарха» (или «Три святителя») — и два фрегата — «Соломбал» и «Летучий». В порту Витула (на Морейской колонне в Царском Селе он назван Витулио) эскадра встретила корабль «Св. Николай», нанятый А.Г.Орловым в Венеции.

Греки и черногорцы, живо откликнувшиеся на воззвание Орлова подниматься против турок, присоединялись к русским.

На территории древней Аркадии были взяты несколько прибрежных крепостей, из которых упорствовала Корона. «29 марта 1770 года начальник артиллерии Ганнибал с кораблями "Януарий", "Трех святителей" и "Св. Николай" послан для осады Наварина. Проходя мимо Короны, стреляли в нее» (см.: Петров А.Н., т. 2, с. 370).

Корона и Наварин — крепости на юго-западном мысе Мореи. Флот обогнул мыс, направляясь от Короны на юг, а затем на северо-запад к Наварину. Осаду Короны сняли, узнав 12 апреля 1770 года о взятии 10 апреля крепости Наварин — при узкой и глубокой бухте (ныне занесенной песком и утратившей к концу XIX в. свою стратегическую ценность).

Как отмечается на Морейской колонне, «крепость Наваринская сдалась бригадиру Ганнибалу. Войск российских было числом шестьсот человек, кои не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он. В плен турков взято шесть тысяч».

Затем, чтобы очистить от турок весь юго-западный мыс Мореи, осадили крепость Модона, пробираясь через горы от Наварина, и 20 апреля были у стен ее. Операцией на суше командовал гр. Федор Орлов; на Морейской колонне об этом сообщено: «Сухопутные войска высадил на берег и пошел сам к Модону». Для осады Модоны с моря 26 апреля от Наваринской гавани вышли фрегаты «Три иерарха», «Надежда благополучия» и «Св. Николай». Ими командовал Спиридов, а всей артиллерией — Ганнибал. Искусный обстрел крепости с прибрежных холмов продолжался до 6 мая 1770 г. Но снаряды кончились, и командовавший на суше капитан кн. Долгоруков едва пробился к кораблям, потеряв 150 человек убитыми. Осаду сняли, а 24 мая оставили и Наварин, взорвав его стены.

Все суда соединились и 27 мая отправились на юго-восток. Вошли 11 июня в пролив между островами Парос и Наксос, где стали в порту Св. Марии. Всего было 16 кораблей плюс 6 больших судов английских и греческих. Теперь их целью было отрезать от Дарданелл турецкий флот, находившийся юго-западнее союзной эскадры, и уничтожить его.

Турки поняли этот маневр и передвинулись к острову Андрос, на северо-восток, а затем на север, в пролив между Анатолией (то есть, к западным берегам Малой Азии, южным владениям Турции) и островом Хиос (русские именовали его Хио).

Здесь, охотясь за ними около десяти дней, их увидел 23 июня капитан-командор Самуил Карлович Грейг, находившийся на судне «Ростислав».

Утром 24 июня пролив — с севера — перекрыли. У турок во главе с Гассан-пашой было 25 больших кораблей и некоторое число малых. Турки стояли в полумиле от Анатолийского берега.

Впереди русских кораблей был «Св. Евстафий» с Г.А.Спиридовым. На нем же были Федор Орлов и Иван Ганнибал. Кугельбрандерами (зажигательные ядра) подожгли ближайший турецкий корабль, но с него на «Св. Евстафия» упала горящая мачта, и оба корабля взорвались. Погибли около 600 русских, но Спиридов, Ф.Орлов и Ганнибал, находившиеся в этот момент на шлюпе, остались живы.

Пушкин точно воспроизводит случившееся и близко к тексту Роткирха записывает об Иване Абрамовиче: «Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух» (*Акад*. XII, 313). Однако Роткирх — совершенно верно — отмечает, что не в Чесменской бухте, а у острова Хио, в проливе, за сутки до решающих событий сгорел корабль, на котором до того постоянно находился Иван Ганнибал. Таким образом, он «распоряжал брандерами», но его обслуги и окружения во всей кампании до того уже не было в живых.

Турки из пролива отступили в соседнюю Чесменскую бухту (по турецки Чесма — нечто подковообразное, эта форма и у Чесменского залива).

На другой день, 25 июня, А.Орлов подвел к Чесме весь флот и перегородил выход из бухты, где корабли турок стояли чрезвычайно близко один к другому. Действовать начали в 11 вечера. К турецким судам были посланы четыре полушебеки, начиненные бочками с порохом и управляемые двумя английскими и двумя русскими офицерами. Узкие, длинные и глубокие гребные лодки с косыми парусами шли одна за другой. Гассан-паша полагал, что это перебежчики тихо плывут к его кораблям. При попытке прикрепить конец фитиля к борту одного из турецких кораблей капитан-лейтенант Дугдаль и его полушебека-брандер (зажигатель) была взята на абордаж и как офи-

цер-англичанин, так и гребцы были вырезаны. Командир второй, капитан-лейтенант Маккензи, сел на мель и взорвал себя, не дойдя до кораблей противника. Погибла и третья лодка с мичманом кн. Гагариным. Только четвертой, где командиром был 28-летний лейтенант Дмитрий Сергеевич Ильин, удалось выполнить задуманное. К борту самого большого турецкого корабля укрепили конец фитиля, а другой его конец подожгли. Пересели в шлюпку и, торопясь, как могли, эти люди, числом около 20, спаслись от чудовищного взрыва и огненной бури, охватившей турецкий флот, когда, по словам Пушкина, «морей пожар и плавал, и летал» (*Акад*. III, 190).

Было около двух часов ночи 26 июня 1770 г. Общую команду брандерами осуществлял С.Грейг; изготовлением брандеров занимался Иван Ганнибал, нашедший свое место теперь на бомбардирском корабле (см.: Общий морской список, ч. II, СПб, 1885, с. 90).

Всю ночь горел флот Турции. Из 16 тысяч людей погибли 13; 3 тысячи укрылись на берегу, в порту Смирна.

Вскоре высочайшим повелением А.Г.Орлов получил прибавление к своей фамилии — Чесменский, чин генерал-аншефа и подарок в виде 100 тысяч; Ф.Г.Орлов получил 50 тысяч и Георгия 2-го класса; Г.А.Спиридов — 2500 крестьян; С.К.Грейг — Георгия 2-го класса; Д.С.Ильин — Георгия 4-го класса, к 1775 году он стал капитаном 2-го ранга. Команде каждого корабля было подарено по 200 тысяч.

Иван Абрамович Ганнибал 27 ноября 1770 года получил свой первый орден — Георгия 3-го класса.

6 июля русская эскадра тронулась из бухты на север, а 12 июля вышла из Хиосского пролива. Эскадра пошла на северо-запад, к острову Лемнос. 19 июля осадили Лемносскую крепость и взяли ее 25 сентября; 26 сентября крепость взорвали. Суда на зиму ушли на Парос. А.Орлов через Ливорно отправился в Петербург и отсутствовал с ноября 1770 по июнь 1771 года, а флот, разделенный на 4 эскадры, продолжал контролировать основные морские пути на юго-востоке Архипелага.

Эскадра вице-адмирала Г.А.Спиридова, при котором продолжал находиться И.А.Ганнибал, теперь получила второй номер, а сам Спиридов осуществлял вместо А.Орлова общее командование.

В следующие годы флот продолжал брать крепости и, разрушив их, кружить по Архипелагу. Основная часть кораблей переместилась на северо-восток, ближе к Дарданеллам, препятствуя подвозу хлеба и других припасов в столицу Турции. В сентябре 1771 года осадили крепость Митилену на острове Лесбосе (немного севернее о. Хиос). Здесь Спиридов высадил десант, и 2 ноября 1771 г. крепость сдалась; в операции активно участвовал И.А.Ганнибал. На Чесменской колонне отмечены три самые крупные морские победы русского флота: Хио, Чесма и Митилена, когда «сожжен был остаток морских сил турецких».

На зимовку флот снова ушел в порт Св. Марии на о. Парос.

7 декабря 1772 года И.А.Ганнибал был произведен в генерал-майоры морской артиллерии.

Кучук-Кайнарджийский мир застал основную часть русского флота на о. Тасос, неподалеку от входа в Дарданелльский пролив. Мир заключен был 25 июля 1774 г. Все острова и порты были оставлены, и флот двинулся той же дорогой, что и 4,5 года назад, в Россию. По возвращении флота в Кронштадт, а моряков в Петербург, И.А.Ганнибал 10 июля 1775 получил свой второй орден Св. Анны.

Не слишком выгодные условия мирного договора, заключенного еще одним из пяти братьев Орловых — Григорием, — поставили союзных греков и словен в отчаянное положение, и только в 20-е годы XIX века стало возможно их освобождение от турецкого ига.

И снова Наваринская битва, уже осенью 1827 года, стала решающей в судьбе эллинов. Именно эту вторую битву отмечает Пушкин, когда в «Моей родословной» (1830 г.) вспоминает своего внучатного деда Ивана Ганнибала, при котором «пал впервые Наварин» (подчеркнуто мной — *Н.Т.*), то есть 10 апреля 1770 г., второй же раз — 8 октября 1827 г., за три года до возникновения строк Пушкина о прадеде Абраме Петровиче, который был отцом Ганнибала:

Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.
(*Акад.* III, 263).

Пушкин переставляет порядок этих двух сражений: сначала и вдали от Чесмы был Наварин, а позже Чесменские события.

За год до того, перечисляя «екатерининских орлов» той Турецкой войны, отмеченных в Царском Селе памятниками («Воспоминания в Царском Селе»), он пишет:

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов.

Здесь «Перун катульских берегов» П.А.Румянцев (ему поставлен Катульский обелиск) и трое победителей на море. Это «могучий вождь полуночного флага» Алексей Орлов — с Чесменской колонной в его честь; это «брат его, герой Архипелага» Федор Орлов, это и «Наваринский Ганнибал». Два последних отмечены на одном обелиске. Защищая честь прадеда, Пушкин отсылает к тексту Морейской колонны, говоря, что он «Отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздв<игнутый> в Ц<арском> С<еле> гр<афу> Ф.Г.Орлову» (*Акад.* XI, 153).

[21] Сражение у острова Хио происходило не 24 мая, а 24 июня 1770 г.

[22] Сведения об участии Ивана Ганнибала в Прусской, то есть Семилетней, войне, (1756—1763), должны быть отнесены к его юности. В материалах его биографии они отсутствуют.

[23] Несомненно, что Иван Абрамович родился в 1735 году. Исповедные ведомости последовательно отмечают возраст, соответствующий 1735 году рождения, однако поскольку венчание его отца и матери произошло лишь в 1736 г., то и дата рождения скрывалась. Неизвестными остаются месяц и число — есть упоминание 5 июня 1736/37 годов (см.: Русский биографический словарь. [Т. IV]. Гаагъ-Гербель. СПб., 1914, с. 217). В настоящем тексте указано 13 февраля.

Его отставка состоялась 22.2.1784 г.

На памятнике И.А.Ганнибалу в Лазаревской церкви Александро-Невской Лавры стоит 1731 год рождения, взятый у его старшей сестры Евдокии. Принимавшие участие

в погребении и заказавшие памятник не знали дат ни его, ни ее жизни. Скорее всего, в похоронах участвовали дети А.К.Роткирха.

[24] Дата рождения Петра Абрамовича — 1745 — в тексте зачеркнута и выправлена на 1747. То и другое неверно. Петр родился 21 июня 1742 г.

[25] По исповедным ведомостям видно, что Ольга Григорьевна на 17 лет моложе мужа, между тем Санкт-Петербургский некрополь днем ее рождения называет 5 июня 1742 г. (умерла 18 июня 1817 г.). Месяц и число рождения странно совпадают с датой рождения Ивана, год же, вместо 1759, отмечен вовсе неверно, он совпадает с годом рождения ее мужа Петра. Возможно, что по русской традиции в семейной Библии или Евангелии делались на форзаце записи рождений и смертей членов семьи, и плотный текст приводил к путанице в адресовке дат, что могло привести Роткирха к систематически неверным датировкам. Заметим, что, по Роткирху, Абрам умер 14 мая. Между тем это дата смерти его старшей дочери, он же скончался 20 апреля (см.: «Воспоминания П.А.Ганнибала». В кн.: Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С.-Пушкина. Л., 1981, с. 173.).

[26] Пярну — *Пернау* — Перново — крепость и городок в Южной Эстонии, до 1917 г. относился к территории Лифляндии, то есть Латвии.

[27] На этом слове текст обрывается.

Впервые предлагаемая читателю Биография А.П.Ганнибала была опубликована в *РП*. Не озаглавленная автором, она получила с тех пор название «Немецкая биография А.П.Ганнибала», сохраняемое и в настоящем издании. Тогда же был опубликован Сокращенный перевод ее, сделанный А.С.Пушкиным, под названием «Биография А.П.Ганнибала» (см.: *РП*, с. 34—39; *Акад*., XII, с. 434—437). Перевод ее с немецкого, несколько неточный, был выполнен Н.Г.Зенгером, комментарии сделаны его сестрой Т.Г.Зенгер-Цявловской. Однако немецкий текст, также приведенный в сборнике, соответствовал Копии с рукописи Подлинника, выполненной неизвестным лицом на бумаге с водяным знаком, говорившим, что она произведена в 1826 году. Подлинник, написанный зятем Ганнибала Адамом Карповичем Роткирхом за сорок лет до того (водяной знак на бумаге определяет ее производство 1786 г.), оставался публикаторам неизвестен. Было много разных предположений о том, кто написал эту Биографию. Между тем в подлиннике старческой рукой Владимира Ивановича Роткирха (1809—1889) записано имя автора, его деда — Адама Карповича (или Адольфа Карловича, если не русифицировать это имя). Владимир Иванович и жена его Розалия Федоровна (урожд. Ферсман) были бездетны. Они постоянно жили в унаследованном от деда Роткирха поместье-майорате Новопятницком, располагавшемся у самого Ямбурга. Задолго до смерти Владимир Иванович передал юридические права на поместье Константину Людвиговичу Лелонгу, сыну своей двоюродной сестры (по матери) Надежды Петровны.

В 1880 году один из сыновей Лелонга Владимир Константинович по просьбе В.И.Роткирха передал на Пушкинскую выставку в Петербург рукопись «Немецкой биографии», которая и была принята 30 января «Обществом поощрения художников». Внук автора, приемный дед В.Лелонга, снабдил ее некоторыми пояснениями. После выставки рукопись вернулась назад, но в 1899 — юбилейный —

пушкинский год Б.Л.Модзалевский просит отправить ее снова в Петербург для издания в журнале «Русская старина». Тот же Владимир Лелонг отсылает Биографию с письмом академику и секретарю Пушкинской комиссии Н.Д.Дубровину. Он уточняет: «Биография эта хранилась среди документов имения Ново-Пятницкого Ямбургского уезда» (*ПД*, ф. 244, оп. 24, д. 13, с. 3). Но рукопись не была опубликована и из архива «Русского богатства» перешла к Б.Л.Модзалевскому, то есть была подарена Лелонгом в Пушкинский фонд, который и накапливался с 1899 по 1907 г., когда основан был Пушкинский Дом. Рукопись с тех пор не покидала Петербург, между тем как Копия с нее хранилась в 30-е годы в Москве и оказалась там опубликована.

Разночтения Подлинника и Копии незначительны, но важны по своему содержанию. Существенно и то, что подлинник содержит продолжение о двух старших сыновьях Абрама Петровича — Иване и Петре, со столь же неверными датами их рождения, сколь неверна и вся датировка в тексте А.К.Роткирха.

Известно, что копия с «Немецкой биографии» принадлежала Пушкину и хранилась в его бумагах — при жизни и после нее. Известно и то, что его рукою записан русский Сокращенный перевод «Немецкой биографии». Остается неизвестным, писался этот перевод под диктовку, или правнук читал текст сам, а затем его конспектировал по-русски. Бесконечные длинноты и «красивости» явно раздражали того, кто искал факты, даты, названия и имена. Следов Приложения о сыновьях Абрама ни в Копии, ни в Сокращенном переводе нет, но знание этого текста несомненно и обнаруживается в художественном творчестве внучатного племянника Ивана и Петра Ганнибалов. Постепенно вырисовывается картина трех текстов — Роткирха, Копии с его труда и Сокращенного перевода Пушкина. Однако назовем и еще один текст — 11-ое примечание к пятидесятой строфе I главы «Евгения Онегина».

Несколько сбивает известное письмо Пушкина от 11 августа 1825 года:

«Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого негра, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда» (*Акад*. XIII, 543).

Думается, речь идет именно о «Немецкой биографии» А.П.Ганнибала, составлявшейся управителем имений Петра Абрамовича под Петербургом (Елицы и др.) Роткирхом, женатым на сестре его Софии.

Между тем речь идет о «записках», а не обстоятельной биографии отца «старого негра». Заметим, что во французском подлиннике этого письма Пушкина говорится, что ему необходимо раздобыть «des mémoires concernant mon aïeul» (*Акад*. XIII, 205), именно мемуары, что в XIX веке соответствовало понятию «записки», однако точный смысловой акцент при этом переводе исчезает. Это заметила Т.Г.Зенгер, сохранившая в своем предисловии к «Немецкой биографии» слово мемуары (*РП*, с. 42). Однако заменим его точным русским переводом — и получим название того документа, который Пушкин наследует от Петра Абрамовича — «Воспоминания П.А.Ганнибала» (*ПД*, оп. 3, № 162).

Нет сомнения, однако, что некие выписки из «Немецкой биографии» Петр увозит с собой в Псковские деревни, расставаясь с сестрой и ее мужем в 1792 г., когда он продает земли под Петербургом. На их основе построен был и его рассказ об отце,

который он предложил осенью 1824 г. своему двоюродному внуку. Очевидно, что Пушкин точно передал этот рассказ в названном примечании к I главе «Евгения Онегина»: в нем соединились как элементы «Немецкой биографии», отчасти пересказанной «старым негром», так и собственные фантастические добавления Петра Абрамовича. Например, утверждения о княжеском происхождении отца и обилии у него жен соответствуют сведениям Роткирха. Но П.Ганнибал «уснастил» текст и 19-ью братьями Абрама Петровича, и фонтанами, где плавал младший брат, его отец. Нет сомнения, что эти живописные подробности восходят у Пушкина к рассказу старика. В «Немецкой биографии» их нет.

Позже, получив копию «Немецкой биографии» и сделав с нее Сокращенный перевод, Пушкин изымет (после издания 1829 г.) примечания к I главе «Евгения Онегина», и причиной этому явится обычное для него точное следование документу. Он понял, что Петр Абрамович ввел его в заблуждение, сочиняя занимательные детали семейного прошлого. В этой требовательности сказалась характерная для А.С.Пушкина убежденность, что художественная правда должна следовать за исторической достоверностью.

Несоответствие текста примечаний к «Евгению Онегину» сведениям «Немецкой биографии» столь значительно, что Т.Г.Зенгер в своем комментарии к публикации 1935 года отрицает всякое знакомство Пушкина в 1824 году с содержанием этого документа, что не вполне справедливо (*РП*, с. 41).

Между тем, не менее переиначенные сведения, опирающиеся, однако, на «Немецкую биографию», обнаруживаются и в «Воспоминаниях П.А.Ганнибала», которые составляет «старый негр» на двойном голубом листе. Именно их в 1825 г. или в июле-августе 1826 г., сразу после смерти его, получает Пушкин, скорее всего и побуждавший старика к написанию этих мемориий-воспоминаний.

Но полученное никак не могло удовлетворить любопытства, пробужденного в Пушкине туманными сведениями об источнике, автор и местонахождение которого до конца ссылки оставались, по-видимому, ему неизвестны. Смерть дедушки — 8 июня 1826 года — и скудость полученного от него материала, а вскоре и конец насильственного пребывания в Михайловском, открывают перед ним возможность и необходимость поиска биографии прадеда у других его потомков.

Начиная работу над романом «Арап Петра Великого», Пушкин уже владел, без сомнения, Сокращенным переводом «Немецкой биографии» прадеда и, по всей вероятности, Копией с немецкого Подлинника. Таким образом, можно утверждать, что в промежутке от конца 1826 г. и до июля 1827 г. он стал обладателем необходимого ему документального источника своего исторического романа.

«Немецкая биография» к тому времени хранилась у сына ее автора, то есть Ивана Адамовича Роткирха (1783—1832) и жены его Христины-Елизаветы, урожд. фон Вессель (1791—1840) в Новопятницком.

Возможны две версии ее (вернее, ее копии) получения.

1. Лето 1826 и 1827 годов мать и сестра поэта проводят на водах в Ревеле. Путь туда лежал через поместья Роткирхов, пожалованные им в 1797 г. Павлом I за добросовестное исполнение Адамом Карповичем судейских обязанностей в городе Софии.

По просьбе Пушкина его родные в 1826 г. могли получить копию документа, выполненную супругой или самим Иваном Адамовичем, знакомство с которым его родных

зафиксировано письмом Ольги Сергеевны Павлищевой, вспоминавшей однажды о встрече со своими троюродными сестрами Надеждой и Дарьей Траубенберг в доме дяди Ивана Роткирха в 1821 году (Письма О.С.Павлищевой к мужу и к отцу. СПб., 1994, с. 137). О степени близости, общности Надежды Осиповны Пушкиной и ее дочери с Роткирхами говорит письмо 22 августа 1827 года, написанное ими А.П.Керн. Надежда Осиповна пишет: «Мы останемся здесь (в Ревеле — *Н.Т.*) еще до 14 <сентября>, и потом я поеду навестить моих кузин в окрестностях Нарвы». Ольга Сергеевна: «Мы проведем несколько дней у тетки моей Шемиот; как я подумаю об этом свидании, у меня сердце замирает и оттого мне хочется продлить наше пребывание здесь — вы знаете, кажется, что дочь ее Софи не существует более, и мама хочет непременно ко дню их именин быть в Кайболе» (Письма Пушкиных. Рукопись. *ПД*, оп. 20, № 169, с. 572. Надежда Адамовна Шемиот, 1782—1856 — старшая кузина Н.О.Пушкиной, владелица Кайболы. София Павловна, в зам. Веймарн, ум. в апреле 1827 г.). Конечно же, весь «куст» соседних имений, включая Новопятницкое двоюродного брата Н.О.Пушкиной Ивана Роткирха, входил в гостевое пространство Пушкиных.

Предположить, что необходимая Копия была изготовлена в сентябре 1827 г. невозможно — лишь в конце месяца родные поэта прибыли в Петербург, что исключает возможность работы над источником в июле и августе этого года.

2. Есть все основания предполагать, что Пушкин между 11 и 28 июня 1827 г. совершил сам небольшое путешествие (около 80 верст) в Новопятницкое, где мог получить как Копию «Немецкой биографии» (рука И.А.Роткирха нам неизвестна; текст, очень вероятно, переписан им или изящным почерком Христины-Елизаветы), так и необходимый частичный перевод. Заметим, что текст Сокращенного перевода содержит явные добавки к тексту Подлинника. Это обстоятельство подтверждает возможность личного устного комментария к переводу кого-то из близких родных, знающих суть дела. Примечательно, что копиист, а за ним и Пушкин, не разобрав фамилии Белидора в Подлиннике, переписывают ее в форме: Белиор, что фиксирует последовательность возникновения текстов.

Думается, что воспоминание о добродушном и дружественном шведе, увлеченном игрой на флейте — в начале VII главы романа — есть дань собственному впечатлению о встрече с этим двоюродным дядюшкой, прозрачно названным Густавом Адамовичем. (Подчеркнуто мной — *Н.Т.*)

«Садись, твой тобрий повес, погофорим», — так могла начаться и новопятницкая беседа.

Неизвестное нам небольшое путешествие к границе Прибалтики, описанное в оборванной повести 1835 года: «В 179... году возвращался я...», может рассматриваться как автобиографический набросок. Рассмотрение его приводит к выводу о несомненном использовании здесь семейных реминисценций. Молодой человек из-за поломки экипажа на пути домой, в Лифляндию, вынужден воспользоваться гостеприимством вдовы помещицы и ее юной дочери. Пушкин пишет:

«Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнав мою фамилию, Каролина Ивановна сочлась со мной свойством, и я узнал в ней вдову фон В.» (*Акад.* VIII, 418—419). Рассматривая генеалогию потомков Абрама Ганнибала, находим двоюродную сестру Надежды Осиповны Пушкиной Веру Адамовну Роткирх, мужем которой был Александр Иванович Траубенберг. Его младшая сестра действи-

тельно называлась Каролина Ивановна (1777—1844) и с 1814 г. была вдовой Карла фон Врангеля. Она была на 22 года старше Пушкина, и разность возрастов молодого человека и хозяйки дома передает это реальное соотношение. Таким образом, и инициал «В.» — не случаен. В черновике обнаруживается и еще более наводящая фраза: «И я узнал в ней дальнюю родственницу моей матери» (*Акад*. VIII, 978).

Какой бы вариант ни был источником приобретения Пушкиным Копии «Немецкой биографии», но текст ее был получен от Роткирхов из Новопятницкого — разница лишь в том, что он мог быть либо привезен родными в Петербург с конца 1826 до середины 1827 г., либо получен Пушкиным лично в поместье его дяди Ивана Адамовича в июне 1827 г.

Сличение текста Подлинника биографии с Копией выявляет несколько отличий. Как уже говорилось, это, прежде всего, наличие Приложения к подлиннику, где речь идет о сыновьях. В своем творчестве, в связи с именем Ивана Ганнибала, Пушкин называет три морских сражения, в которых тот «распоряжал брандерами». Роткирх называет шесть — с ошибками в написании их названий.

Следует обратить внимание на то, что копиист лучше знал расположение подаренных Елизаветой земель. В тексте Подлинника поместье Рагула отнесено в Лифляндию. В Копии одно слово исправлено на другое — вместо Лифляндии поставлено Эстляндия. Зато учитель Ганнибала в Ла Фере в Подлиннике назван верно — Белидор. Этот замечательный инженер копиисту неведом, а скоропись готического письма в углу страницы оказалась совершенно неясна — и он превращает знаменитого человека в неведомого Белиора.

Что касается неточностей и даже искажений в переводе Копии 1935-го г., то они незначительны. Отметим лишь неудачу в переводе первой фразы, связанную с терминологически устаревшим канцеляризмом. У Н.Г.Зенгера: «Авраам Петрович Ганнибал был действительно заслуженным генерал-аншефом русской императорской службы, кавалер орденов Св. Александра Невского и Св. Анны». Эту фразу следует перевести иначе: «Авраам Петрович Ганнибал был генерал-аншефом, состоявшим на действительной российской императорской службе, кавалером орденов Св. Александра Невского и Св. Анны». Однако эта ошибка всего лишь повторяет ошибку Пушкина или его помощника, не справившихся с переводом (*Акад*. XII, с. 434).

Об особенностях стиля этой Биографии много писали. Заметим лишь, что почти барочное нагромождение слов и фраз призвано было не только передать величие объекта изложения, но и скрыть «пустоты» и искажения фактические. Примечательное начало многих абзацев — «В то время» — служит той же цели, а когда Роткирх пытается что-то уточнить, то начинаются фантазии его с датами.

Самой важной, однако, является многозначительная подделка им факта. Юрист, судья, достаточно образованный человек, Роткирх, прочитав модный роман Сэмюэля Джонсона «Расселас, принц абиссинский», вышедший из печати в переводе на немецкий язык Фридриха Шиллера в 1785 г., решает, видимо, стилизовать покойного тестя под этого принца из Абиссинии.

Путь этой догадке прокладывает В.В.Набоков в своей статье 1962 г. «Пушкин и Ганнибал» (Nabokov V. Pushkin and Gannibal. «Encounter», 1962, № 106, p. 11—26). Однако полное разрешение проблемы — откуда же родом Ганнибал, негр он, абисси-

нец или еще какой-то экзотический южанин, привезенный в подарок Петру I, — удается африканцу, парижскому ученому Дьедонне Гнамманку (Гнамманку Д. Так где же родина Ганнибала? «Вестник РАН», 1995, т. 65, № 12, с. 1094—1100. А также в кн.: D.Gnammankou. Abraham Hanibal. L'aïeul noir de Pouchkine. Paris, 1996, p. 1—251). Идя за гипотезой Набокова, «не родился ли Абрам вообще не в Абиссинии; не поймали ли его работорговцы совершенно в другом месте — например в Лагоне (в области Экваториальной Африки, южнее озера Чад...)» (Набоков В. Пушкин и Ганнибал; в кн.: Легенды и мифы о Пушкине, СПб, 1994, с.38), Гнамманку доказывает, что южнее озера Чад на реке Логон находится крепость-город Логон и в конце XVII в. располагалось маленькое государство, тоже называвшееся Логон. Очевидно, что оттуда по реке Логон, затем озеру и трансафриканской дороге мальчика доставили в Триполи, а затем морем в Константинополь. Это был маршрут, обычный для африканских невольников восточных территорий Африки. Огромный путь, проделанный тогда арапчонком, научил его бояться качки. В 1722 г. он писал кабинет-секретарю А.В.Макарову: «Я не морской человечик; вы сами, мой государь, изволите ведать, как я был на море храбр, а ноне пуще отвык» (*ПС* XIX—XX, с. 208). А между тем морских дорог в путешествии с Петром I почти не было. Откуда же урок страха перед морской болезнью?

Почтенный шведско-немецкий дворянин из Нарвы Роткирх, видимо, очень стеснялся темнокожего отца своей жены Софии, и С.Джонсон дал ему мысль приукрасить уже покинувшего этот свет тестя: и преувеличением знатности рода — со старинными грамотами, будто бы доставленными при сомнительном визите в Петербург африканского брата Ганнибала, и «улучшением» его расового происхождения — не от негров, но абиссинцев.

Обратим внимание на то, что Петр Абрамович в «Воспоминаниях» однозначно пишет, будто отец его «был негер» (точное воспроизведение текста см.: Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С.Пушкина. Л., 1981, с. 171; все ранние публикации искажают «Воспоминания П.А.Ганнибала»). Пушкин также никогда не упоминал Абиссинию в качестве родины прадеда. О себе писал — «потомок негров безобразный». И ему, и честному арапу Абраму никогда не приходило в голову приукрашивать свое происхождение фальшивым блеском. Несколько ироничное отношение, сложившееся к личности прадеда поэта по вине Роткирха, а потом ретивых подделывателей портрета Ганнибала, — должно быть устранено. Ни предок, ни потомок не унижались до фальсификаций. Что касается громкой и громоздкой, принятой в 1727 г. фамилии, то в этом можно усмотреть скорее страх перед обстоятельствами и попытку ее значительностью прикрыть свою беспомощность — в условиях сибирской ссылки.

Более ста лет шли поиски Логона в Абиссинии, а заодно и разного рода кузенов-эфиопов Ганнибала. Ныне этот безрезультатный путь можно считать завершенным. Другое дело, что мальчик из племени котоко́ может и должен вызвать интерес к подлинной родине (ныне это государство Камерун, вобравшее в себя Логон) и подлинным соплеменникам прадеда русского поэта.

5.

Запись еврейского алфавита

<л. 94 об.>

16 мая

א [illegible] [illegible]

ב [illegible] B.

ג [illegible] Gimel Ж

ד Dalet Δέλτα D

ה H Ha

ו [illegible]

ז Zin

ח [illegible]

ט th θ thit

י i iwd

כ Kaf

ל lamed L λ

מ mum

נ noun

ס Samok

ע ain

פ fa

צ Som

ק qwf

ר [illegible]

ש шин

ת taw

<л. 94>		<л. 93 об.>
a	alef-	S
b	Bait	Q
g	Djimil	R
D	Dalet	W
H	Ha	T t.
w	yay	
Z	Zin	
H.	Heit	
γ		
î		
K		
L		
m		
n		

Запись еврейского алфавита

<л. 94>	a	alef		K
	b	Bait		L
	g	Djimel		m
	D	Dalet		n
	H	Ha	<л. 93 об.>	S
	ω	yay		Q
	Z	Zin		R
	H	Heit		Ш
	γ			T+
	Î			

Записи сделаны на лл. 93 об. —95 записной книжки Пушкина, хранившейся в *ПБЛ* (см. *Рук. П*, с. 26; совр. шифр — *ПД* № 840). Факсимиле воспроизведено в № 16—18 «Литературного наследства», с. 918—919; ср. с. 920.

Датированы самим Пушкиным 16 марта <1833 г.>.

Записи на л. 95 представляют собою попытку вывести начертания еврейских букв из того же квадрата с двумя диагоналями и вертикальной линией, делящей квадрат на две равные части, вписанного в круг, из которого Пушкин выводил в своем table-talk начертания арабских цифр.

Запись на л. 94 об. представляет собою изображение еврейского алфавита в порядке букв, принятом в еврейской грамматике, с обозначением звукового качества букв, названий букв и соответствий отдельных букв в греческом алфавите. Буквы написаны в два столбца.

Правильное название седьмой буквы первого столбца —ז— «заин», а не zin. Буква צ (четвертая во втором столбце) называется «цаде» или «цадик». Пушкин записал «som», может быть, под влиянием буквы samok (первая во втором столбце).

Запись на лл. 93 об. — 94 представляет собою таблицу соответствий еврейских букв буквам латинского алфавита, в двух случаях — греческого и в одном случае — русского. Буквы выписаны в один столбец в порядке еврейского алфавита, причем названия еврейских букв, приведенных в транскрипции, проставлены только при первых восьми буквах. Еврейская буква «вав», название которой Пушкин передает в русской транскрипции «уау», сопоставлена с греческой омегой, как и в записи на л. 94 об. Правильнее сопоставить ее с греческим ипсилоном, который, очевидно по ошибке, Пушкин выписал после H для обозначения соответствия еврейской букве thait. После буквы S (еврейская буква «самех») выписано Q, соответствующее еврейской букве «коф», а три буквы еврейского алфавита, находящиеся между «самех» и «коф», опущены. В качестве соответствия букве «шин» выписана русская буква «ш».

В библиотеке Пушкина была книга по еврейскому языку: Hurwitz Hyman «The Elements of the Hebrew Language». London. 1829. См. *ПС* IX—X, № 1014, с. 255.

6.

Roman du Renart[1].

Seigneur vous avez oui maint conte
Que maint conteur vous raconte
Comme Paris ravit Helène
Les maux qu'il en eu et la peine
De Tristan qui fit la chevre
Qui en dit assez bellement
Et fables et chansons de gestes.
Roman du loup et de la bête
Maint autre conte par la terre.
Mais jamais n'ouïtes la guerre
dont   la
[Qui] tant dura [de] grande issue
Entre Renard et Isangrin
Qui moult dura et bien fut dure
C'etoit pure guerre de deux barons
Onques ils ne s'entr'aimerent jor
Mainte mêllé et maint combat
Eut lieu entre eux. C'est vrai:
Des apresent je com̄enceroi l'histoire.
Et de la noise et de la dispute
Apresent entendrez le com̄encement
Par quoi et par quel mesentendu
Eut entre eux la defiance
Or écoutez si ça ne vous en̄uit
Je vous conterrai par déduit
Comment ils vinrent en avant
et   lisant
Comme j[e] [l]'ai trouvé [lisant]
Qui fut renard & Isangrin.

---

[1] Горизонтальная черта слева соответствует новой странице записной книжки Пушкина; в прямые скобки заключено зачеркнутое Пушкиным; в ломаные — написанное неразборчиво; заглавие и нумерация строк у Пушкина отсутствуют.

Jadis je trouvai en un écrin
Un livre, ayant nom Aucupre.
dit
Là je trouvai maint[e] [reason]
De Renard & d'autre chose
Dont j'ôse et doit en parler.
En science, livre rouge
[Et] une grant <u>letre</u> vermeille
Là je trouvai mainte merveille
un
Si je ne l'eu trouvé en livre
J'eus tenu pour ivre celui
Qui diroit avoir eu telle aventure
Mais j'en dois croire l'écriture
En
[Et] desoneur meurt à bon droit
Celui qui n'aime livres ni n'y croit.
Aucupre dit en ce livre (letre)
clui
(Bien assisté de Dieux qui la fit metre)
Comme Dieu eut de Paradis
Adam et Eve dehors mis
Pour avoir outrepassé
Ce qu'il leur avoit com̄andé
et
Pitié l'en prit [qu] il leur donna
et
Une verge, [qu'] il leur montra que
Quand il n'auroient met<i>er de rien
la mer
De cette verge fraperoit.
Adam tint la verge en sa main,
En mer ferit devant Evain
Sitôt comme en mer il ferit
Une brebis <u>fors</u> en saillit
Lors dit Adam: dame, prenez
Cette brebis et la gardez;
Tant nous donera lait & fromage,

Assez en aurons compagnage.
Eve en son coeur pensoit
Que si elle encore une avoit
Plus belle seroit la compagnie.
Elle saisit tôt la verge
En la mer frapa roidement:
Un loup en saute, une brebis prend
A
Grand'allure et grand gallop
S'en va le loup fuyant au bois
Quand Eve vit qu'elle a perdue
Sa brebis, elle s'en fache,
Brait et crie: Ha Ha Ha!
Adam a repris la verge
En sa mer frappe par depit,
Un chien en saute hâtivement.
Quand il vit le loup, il courut
Pour la brebis qu'il veut reprendre
Il la redemande: tres contre son envie
Le loup lui laisse la brebis;
Si ne l'eu pas fait de main
S'il la tenoit ni au bois ni dans la plain
Pour ce que le loup eut mesfait
Il s'enfouit au bois tout honteux.
Quand Adam eut son chien et sa bête,
Et en eut grand joie & grand fête
Ces deux bêtes ne purent vivre
Ni durer bien longuement
Si
[S'il] elles n'étoient avec gent.
Les bêtes ne savoit pas penser,
Et mieux ne savoit se conserver.
Toute les fois qu'Adam frapoit
En la mer une bête en sortoit
Cette bête se retenoit
Quelle que fut, et s'aprivoisoit

Celle qu'Eve fit sortir
onqus
Elle ne put √ retenir.
Si tôt que de la mer sortoient
Ils alloit au bois après le loup
Les Evains assauvagissoient
Et les Adams aprivoisoient
Entre autres en sortit
Le Gorpil, s['] assauvagit
Roux eut le poil, come Renard
Fut tres gentil, rusé et gaingnard.
Par son esprit [toutes] trompoient
Toutes bêtes qu'il trouvoit.
Le Gorpil nous signifie
Renard qui soit tant de métier
Tout ceux qui sont gens d'engin & d'art
les
Sont depuis appel[oit] Renard.

—

Pour Renard et le Gorpil
Souvent seront cil & cil
Le Renard soit gens conspuer
Le Gorpil bêtes enguener.
Beaucoup forent d'un même lignage
Et de mêmes moeurs, et de coeur.
pareillement
Tout [aisement] d'autre part
Iz.<angrin> l'Oncle de renard
brigands
Fut, sachez le, grand [voleur]
voleur de de
Et nuit et jour
ressamble au
Celui-ci [signifia] lou
Qui vola les brebis d'Adam
Tout ceux qui savent bien [voler]
Et de nuit & de jour piller,
Sont à bon droit dit Iz.<angrin>

même
Ceux-la furent tous deux d'un lignage
D'un même pensé<e>, d'un même cour
Furent tous larrons du même âge,
Et on appelle Iz.<angrin>
Le loup pour cette raison.
Dame Hersent signifie
La louve qui est di haïe
Que si elle est avide depillage
Bien lui peut Hersent ressembler.
въ веснушкахъ
Cette Hersent la lentilleuse
Qui est femme et épouse d'Iz.<angrin>
Ressemble à
[Signifie] la Gorpille
Car moult sait d'artifice & de carnage
Ainsi
[Car si] l'une est maitresse aboyeuse
L'autre mettresse gourmande<use>

Toutes deux furent bien d'un même coeur
De l'une l'autre soeur.
Richout la femme Renard
Pour le grand engin & l'art
Est dite la Gorpille Richout,
Si l'une est chatte, l'autre est mite.
ressemble
Et l'une est l'autre [signifie]
A beaucoup
[Beaucoup] en [si] bonne compagnie
Les quatre furent bien assemblés
tels
Cinq ne furen jamais trouvés
Si Iz.<angrin> est maitre — Larron
est aussi
[Aussi est] le roux fort voleur
Si Richout est aboyeuse,
La Gorpille est fort luxurieuse.

Pour ce qu'étoient d'un même train

Etoit renard neveu d'Iz.<angrin>
Parcequ'il s'entre'aimoient
Et qu'ensemble souvent alloient
Si parfaitement co͞me, je vou dit,
Sont entre'eux parents et amis
Ne s'apartenoient pas autrement
Si mes bons livres ne me ment
Parceque le Gorpil disoit
Quand il alloit avec le loup
Bel oncle, que voulez vous faire.

Автограф находится в записной книжке Пушкина, служившей ему в 1828—1833 гг., на лл. 83 об. — 88 об. (см. *Рук. П*, с. 24—25, № 43; совр. шифр — *ПД* № 840).

Французская запись Пушкина впервые опубликована: *РП*, с. 63—68. Смысл ее не был ясен для исследователей рукописей Пушкина, считавших ее «выпиской» и связывавших ее с фабльо.

В действительности она представляет работу Пушкина над текстом знаменитого памятника классовых противоречий средневековья — буржуазной сатирической поэмы «Роман о Лисе» («Le Roman de Renard»). Коллективная поэма сложилась на интернациональной почве (Фландрия, Франция, Германия) и восходит к XII веку, пародируя систему феодальной иерархии. В 1794 г. Гете создал свой перевод-переделку — «Рейнеке-Фукса». В конце двадцатых — начале тридцатых годов XIX века интерес к этой поэме был значителен. В 1826 г. вышло первое, в 1832 г. — второе (с гравюрами) издание «Ренара», сделанные Мэоном.

Пушкин в письме к Рылееву от 25 января 1825 г. упомянул «Ренике-Фукса» в ряду с «Orlando Furioso», «Гудибрасом», «Вер-Вером», «Душенькой», сказками Лафонтена и баснями Крылова. До сих пор было известно лишь еще одно упоминание поэмы Пушкиным — в статье «О ничтожестве литературы русской»[1] (1834 г.): «Гете оживил сатиру Ренике Фукс». В черновике значится: «Германия (что довольно странно) отличалась Сатирой едкой шутливой, коей памятником остается "Ренике-Фукс"».

Приведенные слова давали возможность считать, что Пушкин знал коллективный древний животный эпос лишь по обработке его Гете и считал его специфически германским явлением. Это предположение отпадает. Знакомство Пушкина с древнефранцузским народным эпосом в оригинале несомненно. Интерес Пушкина к французскому «Роману о Лисе» подтверждается также и наличием в библиотеке поэта изданий поэмы:

---

[1] Прежде статья была известна под названием: «О русской литературе с очерком французской».

1) № 1324 — Мэоновское издание 1826 г.

2) № 1310 — «Le Renard ou le Procès des Animaux» 1803 г., (неразрезанная книга).

3) № 1325 — издание дополнений, вариантов и поправок, сделанное P. Chabaille, 1835[1].

Однако не все эти издания были у Пушкина в момент его работы над приведенным текстом в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Об этом свидетельствует также счет Пушкину от книгопродавца, из которого очевидно, что Пушкин купил 21 ноября 1835 г. за 13 рублей «Roman du Renard» in 8°[2]. Надо полагать, что это был № 1325 библиотеки Пушкина, а что до этой покупки Пушкин имел издание Мэона (№ 1324) и работал именно с этим изданием. Работа заключалась в переводе древнефранцузского текста на французский язык. Пушкин заменял архаические, старофранцузские формы новыми, более близкими современному ему сознанию. Менял соответственно и старую конструкцию на модернизованный синтаксис, отчего разрушался подчас ритм (например, в стихе 48), уничтожалась рифма (стихи 5—6, 53—54 и др.).

Публикуемый текст соответствует по изданию Мэона (том I, с. 1—28) первым 165 стихам первой песни[3].

ROMAN DU RENART
C'EST DE BRANCHE DE RENART ET D'YSENGRIN COM IL ISSIRENT DE LA MER

Seignor, oï avez maint conte
Que maint conteres vos aconte,
Coment Paris ravi Helayne,
Les max qu'il en ot et la paine,
De Tristram qui la chievre fist,
Qui assez belement en dist
Et fables et chançons de gestes:
Romanz du leu et de la beste
Maint autre conte par la terre;
Mais onques n'oïstes la guerre
Qui tant fut dure de grant fin
Entre Renart et Ysengrin,
Qui moult dura et moult fu dure.
Des deus barons ce est la pure,
Onques ne s'entr'amerent jor,
Mainte mellée et maint estor.

---

[1] *ПС* IX—X, 320, 323; первые значатся и в описи библиотеки Пушкина, сделанной после его смерти П.А.Вяземским и Н.И.Тарасенко-Отрешковым (копия была любезно сообщена мне Л.Б.Модзалевским). — *Примеч. Д.Я.*

[2] *ПС* XIII, 114.

[3] В экземпляре Пушкина разрезаны с. 1—72 (6-я песнь разрезана не вся).

EPISODE DU ROMAN DE TRISTAN, SUR LEQUEL MARIE DE FRANCE A FAIT UN LAI

Ot entr'aus deus, ce est la voire:
Dès or comencerai l'estoire
Et de la noise et du content.
Or orrez le commencement
Par qoi et par quel mesestance
Fut entre eus deus la deffiance.
Or oez, si ne vos anuit,
Je vos conteré par déduit
Comment il vindrent en avant,
Si con je l'ai trouvé lisant,
Qui fu Renart et Ysengrin.
Je trouvai jà en un escrin
Un livre, Aucupre avoit à non:
Là trovai-je mainte reson
Et de Renart et d'autre chose
Don't l'en doit bien parler et ose.
A une grant letre vermoille
Là trovai-je mainte mervoille;
Se je ne la trovasse el livre,
Je tenisse celui por yvre
Qui dite éust tele aventure;
Mès l'en doit croire l'escripture.
A dessenor muert à bon droit.
Qui n'aime livre ne ne croi.
Aucupre dist en cele letre
(Bien ait de Diex qui li fist metre!)
Come Diex ot de paradis
Et Adam et Evain fors mis
Por ce qu'il orent trespassé
Ce qu'il lor avoit commandé.
Pitié l'emprist, si lor dona
Une verge, si lor mostra
Qant il de riens mestier auroient,
De cete verge en mer ferroient.
Adam tint la verge en sa main,
En mer feri devant Evain:
Sitoit conen la mer feri,
Une brebis fors en sailli.
Lors dist Adam, dame prener
Ceste brebiz, si la gardez:
Tant nos donra let et fromage,
Assez i aurons compenage.

Evain en son cuer porpensoit
Que s'ele encor une en avoit.
Plus belle estroit la conpaignie.
Ele a la verge tost saisie,
En la mer feri roidement:
Un Leus en saut, la brebis prent,
Grant aléure et granz galos
S'en va li Leus fuiant au bos.
Quant Eve vit qu'ele a perdue
Sa brebiz, s'ele n'a aïue,
Bret et crie forment, ha! ha!
Adam la verge reprise a,
En la mer fiert par mautalent,
U n c h i e n en saut hastivement.
Quant vit le Leu, si lesse corri
Por la brebiz qu'il velt rescorre.
Il li resquest: moult à enviz
L'a laissé li Leus la brebiz;
Si feroit-il encor demain
S'il la tenoit n'à bois n'à plaïn.
Por ce que mesfet ot li Leus,
Au bois s'en foui tot honteus.
Quant Adam ot son chien et sa beste
Si en ot grant joie et grant feste.
Selonc la centence del livre
Ses deus bestes ne puent vivre
Ne durer mie longement,
S'eles n'estoient avec gent.
Ne savez beste porpenser
Miex ne s'en puisse consiévrer
Toutes les foiz c'Adam feri
En la mer, que beste en issi.
Cele beste si retenoient.
Quele que fust, et aprivoient
Cele que Eve en fist issir,
Ne pot-il onques retenir;
Sitost con de la mer issoient,
Après le Leu au bois aloient,
Les Evain assauvagisoient,
Et les Adam aprivoisoient.
Entre les autres en issi
Le Gorpil, si asauvagi.
Rous ot le poil conme Renart
Moult par fu cointes et gaingnart:
Par son sens toutes decevoit

Les bestes qanq'il en trovoit.
Icil Gorpil nos senefie
Renart qui tant sot de mestrie:
Tot cil qui sont d'engin et d'art
Sont mès tuit apelé Renart.
Por Renart et por le Gorpil
Moult par sorent et cil et cil.
Se Renart set gens conchier
Le Gorpil bestes engingnier
Moult par furent bien d'un lignage
Et d'unes meurs et d'un corage,
Tot ensement de l'autre part
Ysengrin li oncles Renart,
Eu, ce sachiez, moul fort roberre,
Et par nuit et par jour fort lerre.
Icelui Leu senefia,
Qui les berbiz Adam roba,
Tot cil qui sorent bien rober,
Et par nuit et par jor embler
Sont bien à droit dit Ysengrin.
Cist furent bien endui d'un lin,
Et d'un pansé et d'un coraje,
Larron furent tuit d'un aage,
Et Ysengrin apele-l'on
Le Leu par iceste acoison
Dame Hersent resenefie
La louve qui si est haïe
Que si par est aigre d'anbler
Bien puet cele Hersent senbler.
Cele Hersent la lentilleuse,
Qui fame ert Ysengrin espeuse,
La Gorpille le senefie,
Car moult set d'art et de murtrie;
Se l'une iert mestre abaeresse,
Et autre mestre lecharesse,
Moult firent bien les deux d'un cuer,
L'une fu l'autre..... suer
Por Richout la fame Renart
Por le grant engin et por l'art
Est la Gorpille Richeut dite,
Je l'une est chate, l'autre est mite.
Moult a ci bone conpaignie,
Et l'une et l'autre senefie.
Cist quarte furent bien asanblé,
Cinz ne furent mès tel trové.

Se Ysengrin est mestre lerre,
Aussi est li rous forz roberre:
Si Richeuz est abaieresse,
La Gorpille est fort lecharesse.
Por ce qu'erent si d'un train,
Estoit Renart niés Ysengrin;
Por ce que si bien s'entr'amoient.
Et qu'ansanble sovent aloient,
Li Leus dou Gorpie fait neveu,
Et li Gorpiz oncles dou Leu,
Si faitement con je vos di,
Sont entre eus parent et amis,
Ne s'apartienent autrement,
Por ce que le Gorpil disoit,
Quant il avec le Leu aloit,
Biaus oncles, que volez-vos fere?

Перевод[1]:

РОМАН О РЕНАРЕ
(ВОТ ВЕТВЬ[2] О РЕНАРЕ И ИЗЕНГРИНЕ, КАК ОНИ ВЫШЛИ ИЗ МОРЯ)

Сеньеры, вы слышали многие сказки,
Которые рассказывали многие сказители —
О том, как Парис похитил Елену,
О муках, которые он из-за этого претерпел, и страдании;
О Тристане, который сочинил лэ о жимолости
И который довольно прекрасно о том сказал;
Басни и героические песни;
Сказанья о волке и о животном;
И многие другие сказки на земле,
Но никогда еще вы не слышали о войне,
Которая была бы столь жестокой вплоть до своего великого конца,
Как та, которая была между Ренаром и Изенгрином,
Которая долго длилась и была очень жестокой,
Этой усобице двух баронов. Вот — чистая правда:
Они никогда не любили друг друга;
Много схваток и много стычек

---

[1] Русский перевод для настоящего издания сделан с текста издания Мэона, который служил оригиналом и Пушкину. В ломаные скобки заключены строки, выпущенные Пушкиным. Для удобства пользования текстом перевода на полях его проставлены те же цифры, что и при тексте Пушкина.

[2] Технический термин, обозначающий отдельные повести «Романа о Ренаре», наслоившиеся друг на друга так, что целое представляло как бы дерево с ветвями.

<ЭПИЗОД РОМАНА О ТРИСТАНЕ, НА КОТОРЫЙ МАРИЯ ФРАНЦУЗСКАЯ СОЧИНИЛА ЛЭ.>

Было между ними, это истина.
Но вот начну я повесть
И о смуте и о споре.
Сейчас услышите начало,
Из-за чего и из-за какой неполадки
Возникла между ними вражда.
Сейчас послушайте, если вам не скучно,
Я вам расскажу для развлечения
О том, как они выступили,
Так, как я это нашел, читая
О том, кто был Ренар и Изенгрин.
Я нашел в ларце
Книгу, Окюпр по названию,
Там я нашел много чего
И о Ренаре и о другом,
О чем нужно и следует поговорить надлежащим образом.
Под большой рубрикой[1]
Я нашел там много диковинок,
Если бы я не нашел их в книге,
Я счел бы того за пьяного,
Кто бы рассказал подобное приключение;
Но писаному следует верить.
В бесчестии умирает по справедливости тот,
Кто не любит книги и не верит ей.
Окюпр говорит под этой рубрикой
(Помогай бог тому, кому он внушил эту главу!),
Как бог из рая
Изгнал Адама и Еву
За то, что они преступили
Заповеданное.
Жалость взяла его, так что он дал им
Прут и показал им,
Что, как только им что-либо понадобится,
Они должны будут ударить этим прутом по морю.
Адам взял прут в руку
И ударил по морю в присутствии Евы:
Как только он ударил по морю,
Из моря выскочила овца.
Тогда Адам сказал: Госпожа, возьмите
Эту овцу и храните ее.

---

[1] Красной буквой.

Она нам будет давать столько молока и сыра,
Что на нас этого хватит.
Ева про себя подумала,
Что если у нее будет еще вторая,
То хозяйство у них будет еще лучше.
Она схватила прут
И шибко ударила по морю.
Волк выскакивает из него, хватает овцу,
И быстрым ходом и галопом
Уходит волк, убегая в лес.
Когда Ева увидала, что она потеряет
Свою овцу, если ей не помогут,
Заорала и закричала она сильно: а! а!
Адам забрал обратно прут
И с досады ударяет по морю.
Быстро выскакивает из него собака.
Когда она увидела волка, она пустилась бежать
За овцой, которую она хочет спасти.
Она ее требует: очень неохотно
Волк оставил ей овцу.
Так бы он поступил и завтра,
Если бы он схватил ее в лесу или в поле.
Волк, так как он натворил злое,
Убежал в лес пристыженный.
Когда Адам получил свою собаку и свою овцу,
Он сильно возрадовался и возвеселился.
По словам книги,
Эти двое животных не могут жить вместе,
Ни долго существовать,
Если они не при людях.
Вы не можете представить себе какого-либо другого животного,
Которое бы могло лучше охотиться.
Всякий раз, как Адам ударял
По морю, выходило животное.
Это животное они удерживали,
Какое бы оно ни было, и приручали,
Но тех, кого вызывала из моря Ева,
Никогда нельзя было удержать, —
Как только они выходили из моря,
Они бежали за волком в лес,
Евины дичали,
Адамовы приручались.
Среди других вышел оттуда
Лис и одичал.
Рыжий мех имел, как Ренар,

Большой был умница и хитрец,
Своим умом всех обманывал
Животных, каких бы он ни встречал.
Этот лис нам означает
Ренара, который в столь многом был искушен:
Все те, кто обладает хитростью и искусством,
С тех пор называются Ренарами.
Через Ренара и через лиса
Многому обучились и тот и этот.
Если Ренар умеет людей за нос водить,
То лис перехитрит животных.
Они были вполне одного рода,
И нравов одних и характера.
Вместе с тем, с другой стороны,
Изенгрин, дядя Ренара,
Был, да будет вам это известно, большим грабителем,
И днем и ночью он много разбойничал.
Этот волк означал —
Который похитил у Адама овец —
Всех тех, кто хорошо умеет грабить
И ворует днем и ночью, —
Все эти, по праву называются Изенгринами.
Все они идут от одной породы,
Они одинаковых мыслей и одинакового характера.
Все они разбойники с одних лет.
И Изенгрином называют
Волка по этой причине.
Госпожу Эрсенту, опять же, означает
Волчица, которую так ненавидят,
Потому что она так здорова красть,
Что может уподобиться этой Эрсенте.
Эту Эрсенту — веснушчатую,
Которая была супругой Изенгрина,
Означает лиса,
Так как она очень искусна и кровожадна.
Если одна была весьма алчной,
То другая — весьма прожорливой,
И они обе достигли большого единодушия,
Одна другой прямо была сестрой.
Из-за Ришё, жены Ренара,
Из-за великой хитрости и искусства
Называется лиса Ришё.
Если одна кошка, то другая моль.
Недурная здесь компания.
И та и другая что-либо да значат,

Эти четверо славно подобрались друг к другу,
Пятого бы такого не найти.
Если Изенгрин первый разбойник,
То рыжий изрядный грабитель,
Если Ришё алчна,
Лиса большая обжора.
Так как они все подходили друг к другу,
Ренар был племянником Изенгрина,
Так как они так друг друга любили
И вместе часто ходили,
Волк берет в племянники лиса,
А лис в дядюшки волка.
Точно так, как я вам говорю.
Они меж собой и родня и друзья,
И не находятся в иных отношениях,
Если моя добрая книга мне не лжет,
Так как лис говорил,
Когда выходил с волком на добычу, —
Милый дядя, что намереваетесь Вы сделать?

Переведенная Пушкиным песнь (заглавие «C'est la branche de Renart et d'Isengrin com il issirent dela mer») представляет наиболее древнюю, редкую ветвь (branche) поэмы (точнее — вступление в нее), приписываемую Pierre de Saint-Cloud (имя этого автора упоминается в предисловии, как и «le charmant poëme de Jean Wolfgang Goethe», p. XI)[1].

Заинтересовавший Пушкина эпизод представляет собою вводный рассказ (до стиха 20-го — литературная интродукция; со стиха 20-го — самое повествование), якобы найденный в таинственной книге «Aucupre», о том, как бог, изгнав Адама и Еву из рая, дал им волшебную хворостину. Ударив ею по морю, Адам создает овцу и поручает ее Еве. Но Ева ударяет в свою очередь по морю. Выскочивший из моря волк гонится за овцой, спасаемой собакой, тем же способом созданной Адамом. От дальнейших ударов возникают Gorpil — прообраз лиса, Isengrin — прообраз волка, его жена Hersent и др. На их характеристике и начавшемся разговоре обрывается Пушкинский перевод (из 748 стихов первой песни Пушкин перевел 162).

Начальные стихи у Мэона имеют следующий вид:

Seignor, oï avez maint conte
Que maint conteres vos aconte,
Coment Paris ravi Helayne,
Les max qu'il en ot et la paine.
De Tristram qui la chievre fist,
Qui assez belement en dist...

etc.

[1] Новейшую литературу о «Roman du Renart» см. у Sourd, Potyin Rothe, E.Martin.

У Пушкина:

Seigneur vous avez oui maint conte
Que maint conteur vous raconte
Comme Paris ravit Helène
Les maux qu'il eneu et la peine
De Tristan qui fit la chevre
Qui en dit assez bellement

etc.

Уже сличение этих стихов дает возможность судить о методе работы Пушкина. Его перевод на новофранцузский язык, может быть, лишь стадия, предшествовавшая переводу поэмы на русский язык, быть может, только чисто учебная студия, задание которой — простой, механически «подстрочный» перевод.

В качестве словаря Пушкину должен был служить имеющийся в конце книги Мэона и сполна разрезанный Пушкиным (с. 359—402) «Glossaire des mots hors d'usage» («Словарь вышедших из употребления слов»). Тщательный сравнительный анализ позволяет наметить в переводе Пушкина следующие важнейшие категории отличий от подлинника и способов передачи:

1. Случаи *замены близких форм* (seignor — seigneur, conteres — conteur, leu — loup, grant — grand, escrin — écrin).

2. Случаи *перевода* (onques — jamais, or — apresent, estor — histoire, fist issir — fit sortir (92), sens — esprit (103), ensement — pareillement.

3. Написание *собственных имен*: Evain — Eve (44), Renard — Renart, Les Evain и Les Adam — Les Evains и Les Adams (95—96).

4. Случаи *пояснений и колебаний*:

livre (letre) (41) — слово letre оригинала заменено через livre, но в скобках вновь приписано letre, между тем как в предыдущем стихе, где не могло быть подобных смешений, оставлено livres; toutes (103) — вначале сохранено, потом зачеркнуто; Fort roberre (116) — сначала заменено через grand voleur, потом через brigands; senefia (118—119) заменено через signifia, но зачеркнуто и надписано ressembla au (с. 134, 144); rober (120—121) переведено voler и зачеркнуто.

5. Случаи *расхождения стихов*:

Пушкиным пропущен стих 83 оригинала:

Selons la sentence del livre

Пушкиным пропущено двустишие (157—158)

Li Leus dou Gorpil fait neveu
Et li Gorpil oncles dou Leu.

Вследствие этих пропусков нумерация, даваемая нами, не совпадает с нумерацией и числом стихов оригинала.

Особо следует отметить *случай сохранения* старых форм: onques; колебание в написании deduit (24); jor (вместо jour), последнее подчеркнуто Пушкиным в стихе 15, но переведено ниже (121—122); comment (25); fors (54).

Старая конструкция сохранена в стихе 26: lisant зачеркнуто и перенесено в начало стиха.

Испорченный стих 140 оригинала (отмечен у Мэона: «Il y a ici un mot illisible») так и оставлен у Пушкина.

Подчеркнут Пушкиным в стихе 132 эпитет жены Изенгрина, дамы Hersent — *«la lentilleuse»*. Любопытно, что кроме того (единственный случай в данном переводе) над этим словом дан *русский* перевод эпитета — «в веснушках».

В стихе 144 Пушкиным сделана описка (et заменено через est).

Перевод представляет собою один из самых больших известных нам (свыше полутораста строк) терпеливых переводов Пушкина с иностранного языка.

Ценитель сатиры, любитель «эзоповского языка», Пушкин тридцатых годов имел причины быть сильно заинтересованным «героическим эпосом наизнанку», «диким и глупым феодалом волком и веселым и злостным проходимцем Ренаром, буржуа и легистом, разлагающим цельность героического миросозерцания» (А.Н.Веселовский).

Перевод на новофранцузский язык сделан Пушкиным по изданию Мэона, очень неблагополучному в отношении текста. Правда, в это время лучших изданий не было. Принимая во внимание качество текста и состояние изучения «Романа о Ренаре» ко времени перевода Пушкина, ряд неясных мест подлинника просто не мог быть осмысленно переведен. Это следует учитывать при сличении русского перевода (при выполнении которого переводчик пользовался советами проф. А.А.Смирнова и проф. В.Ф.Шишмарева) с текстом Пушкина. Это, например, относится к стиху:

De Tristram qui la chievre fist.

Если исходить из текста Мэона и не пользоваться посторонними тексту соображениями, иного перевода, кроме de Tristan qui fit la chèvre, получить нельзя, между тем при этом получается явная бессмыслица. Стих этот, по догадке А.А.Смирнова и В.Ф.Шишмарева, следует перевести так, как он дан в русском тексте, понимая под chèvre — chèvrefeuille — жимолость, что подтверждается указаниями на сочинение Тристаном lai du chèvrefeuille. Некоторые рукописи вместо qui дают в этом месте que, что может заставить предположить, что la Chièvre или (по другим рукописям) li Kievre есть имя автора, сочинившего повесть о Тристане. Это толкование стиха 5 и является обычным в современной литературе.

Перевод Пушкина, строго говоря, не является переводом, а просто модернизацией старофранцузских форм языка, причем ряд требующих пояснений мест в тексте перевода не разъясняется. К последним принадлежат такие стихи, как dont tant dura la grande issue; assez en aurons compagnage и т.д., смысл которых так и остается неясным, даже после перевода на современный язык. Непонятные слова Пушкин оставляет без перевода и подчеркивает: jor, letre, fors, brait. Все почти домыслы Пушкина в трудных местах оказываются неправильными:

14. C'etoit pure guerre de deux barons
77. il ne l'eut pas fait demain
86. Les betes ne savoit pas penser

Сравнительно удачный перевод Пушкиным некоторых трудных мест следует объяснить пользованием приложенным к изданию словарем, который, однако, в виду малой изученности старофранцузского языка в это время, мог ввести иной раз и в заблуждение. Французский язык перевода не на высоком уровне. Не говоря уже об орфографических ошибках (пропущенные accents, ошибки в употреблении простых и двойных букв, несогласование причастий, путаница в глагольных формах и т.д.), встречаются и прямые ошибки в употреблении времен и т.д. и неловкости в оборотах, вроде: très contre son envie.

В последней своей части текст Пушкина становится более небрежным и местами представляет собою сравнительно мало измененную выписку из старофранцузского текста.

На основании всего изложенного следует предположить, что перевод Пушкина не преследовал никаких художественных целей, а являлся для переводчика как бы проверкой понимания им старофранцузского текста.

7.

Сервантес. «Цыганочка»

A peine Pr. finit sa romance	Apenas acabò Pre su roman
	[en]
quand de l'illustre auditoire	ce, quando [del]* [l']ilustre au-
	[en]
et du grave sénat qui l'é	ditore y [del]* grave senado
de baucoup	que la oya
coutoit [s'éleva] qui l'écou-	[que la escuchiaba], de mu-
toi[t]ent se forma une seule	chos [que la oja], se formò
voix — qui lui dit — Recom̄ence	una voz sola, que dixa:
Pr, car il ne te manquera	torna à cantar, Pr. que quartos
	a
pas de quartos com̄e terre.	no faltar[o]n como tierra.
	as
Mais des doctes personnes qui	Mas de doscient [es]personas
etoient à admirer la danse	
	[à mirar] [l]
et à écouter le chant de la	[que] estaban [escuchando] el
	mirando
G. et dans [l]sa plus grande	bayle y escucha[r] el canto de

fuga, vint à passer par	la ndo la G. y en [el] mayor fuga
là un des lieutenants de la ville, et voyant tant de	el por alli de [esta], acertò a passar √uno[s] de los tenientes y viendo
monde joint, demanda qu'étoit-ce? — et lui fut répondu qu'ils etoient à é couter la G. jolie qui chan- tait	pregunto tanto gente junto, que era — y fuele respondido que estaban escuchiando la G. hermosa que cantaba.

Автограф на отдельном листе белой бумаги, in f°, без водяных знаков, вшитой жандармами в искусственно составленную ими тетрадь № 2376 Б, л. 17 (совр. шифр — *ПД* № 1607). Отсутствие каких-либо других текстов на этом листе и на продолжении его (л. 46), как и отсутствие водяных знаков, не дает оснований для датировки автографа. Писано карандашом.

Испанский текст расположен на правом столбце согнутого листа, французский — на левом.

Впервые напечатано: *РП*, с. 84.

Упоминалось, как испанский текст с переводом его на французский язык, у *Я* X, 81. В *КН* VI, 329 в заметке «Сервантес» указано, что, «занимаясь изучением испанского языка, Пушкин обратился для упражнения к тексту одной из новелл Сервантеса "Цыганочка"».

Текст взят из новеллы Сервантеса «La Gitanilla» — проза, следующая непосредственно за первым стихотворным отрывком.

Приводим текст Сервантеса.

Apenas acabó Preciosa su romance, quando del ilustre auditorio y grave, senado que la oia, de muchos se formó una voz sola que dixo: toma á cantar Preciosa, que no faltarán quartos como tierra. Mas de doscientas personas estaban mirando el bayle y escuchando el canto de las gitanas, y en la mayor fuga de él, acertó á pasar por allí uno de los Tenientes de la Villa, y viendo tanta gente junta, preguntó, qué era; y fuéle respondido que estaban escuchando á la Gitanilla hermosa que cantaba.

Перевод[1]:

Едва Пресиоса кончила свой романс, как слушавший ее знаменитый аудиторий и важное судилище закричали в один голос: «Еще, еще, Пресиоса. За квартами дело не станет». Более

---

[1] Нами взят перевод с испанского П.Петровского, почти современный Пушкину, напечатанный в журнале «Сын Отечества», 1842, ч. 1, № 2, отдел IV (Иностранная словесность), с. 1—22, и ч. II, № 3, отдел IV, с. 1—58, где повесть Сервантеса названа «Хитаночка». Данный отрывок находится в № 2 на с. 10—11.

двухсот человек смотрели пляску и слушали пение Хитанок, и в самый-то разгар случилось проходить там одному из городских тениентов[1]. Видя такое стечение народа, он спросил: что тут такое? Ему отвечали, что слушают, как поет красавица Хитаночка.

Примечание см. следующий номер.

8.

Сервантес. «Цыганочка»

En pauvre finit le dernier
vers, dit a ce moment P, mau-
vais signe — jamais les a-
moureux ne disent qu'ils
sont pauvres, car á mes
principes, la povrètè parut
être la grande enemie de
l'amour —
En pobre acaba el ul-
esta
timo verso, dixo a [questa]
a
sazzone P. mal[e] señal.
nunca los enamorados
han de decir que son
pobres, porque à los
principios a mi parece
es
la pobrezza [ser] la
muy enemiga del amor

Автограф, написанный карандашом, находится в записной книжке[2] 1828—1833 гг., хранившейся в *ПБЛ* (совр. шифр — *ПД* № 840, лл. 91 — 90 об.). Запись эта расположена в цепи текстов, написанных с обратного конца тетради и писавшихся в аккуратной последовательности в марте и апреле 1832 г. Непосредственно перед ней (на л. 91 об.) написан черновой текст стихотворения «Когда-то (помню с умилень-

[1] Род пристава с судебной властью. *Прим. переводчика.*

[2] См.: *Рук. П*, с. 24—26, № 43.

ем)», вписанного в альбом кж. А.Д.Абамелек 9 апреля. Таким образом, испанский и французский текст написаны, вероятно, в апреле 1832 г. Так нужно датировать по связи с ним и предыдущий перевод с испанского.

Настоящая запись считалась ранее неразборчивой[1]. Впервые напечатано: *РП*, с. 85. В работе К.Н.Державина («Slavia», 1934. Ročnik XIII, Sešit 1, с. 114—120) дан анализ этой записи, установлена ее связь с выпиской (с. 83) и то, что тексты заимствованы из «Novela de la Gitanilla» Сервантеса (экземпляр Пушкинской библиотеки Novelas exemplares de Miguel de Cervantes Saavedra, 1816, I, p. 20).

Буквой «P» Пушкин обозначил сокращенно имя героини — Preciosa.

Этот отрывок является прозой, следующей непосредственно за второй стихотворной частью «Цыганочки» Сервантеса.

Приводим текст Сервантеса.

En pobre acaba el ultimo verso, dixo á esta sazon Preciosa, mala señal; nunca los enamorados han de decir que son pobres, porque á los pricipios á mi parecer la pobreza es muy enemiga del amor.

Перевод[2]:

В последней строфе сказано: бедный, сказала Пресиоса: худой знак! Возлюбленные никогда не должны говорить, что они бедны, потому что для начала бедность, как мне кажется, большой враг любви.

До сих пор о знакомстве Пушкина с испанским языком было известно лишь два свидетельства. 12 сентября 1825 г. Пушкин писал Катенину: «по гишпански не знаю». И второе: отец поэта, С.Л.Пушкин, в своих «Замечаниях на так называемую биографию А.С.Пушкина, помещенную в "Портретной и биографической галлерее"» («Отечественные записки», 1841, т. XV, особое прилож., с. 111), между прочим говорит: «...справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по-испански».

Теперь, после обнаружения в тетрадях поэта двух испанских записей, слова С.Л.Пушкина получают документальное подтверждение.

Оба текста представляют собою материал для упражнений в испанском языке. Если относительно второго текста можно с уверенностью сказать, что испанский текст является обратным переводом с французского, так как оба текста — французский и испанский — написаны подряд в один столбец, причем испанский следует за французским, то относительно первого текста возможны два мнения. В пользу перевода с испанского на французский говорит расположение текста. Когда Пушкин переписывал тексты набело, но предполагал, что могут быть изменения (например, рукопись «Истории Пугачева», представленная для прочтения Николаю I, — *ПД* №№ 1204—1213, 1215, 1216, 1219, 1220), или переписывал тексты для перевода (например, Мицкевич), то он постоянно, можно сказать почти — как правило, сгибал листы сверху вниз пополам и писал на французский лад основной текст на правом столбце, если он был на правой странице, и на левом столбце, если он был на левой странице, иначе говоря, писал на

[1] См.: *Рук. П*, с. 25, № 43.

[2] Перевод взят из упомянутой выше русской публикации «Хитаночки», с. 15, № 2.

наружном столбце. Далее, более вероятно предположить перевод таких сравнительно трудных выражений, как torna á cantar — recommence... acertó á pasar — vint á passer, с испанского на французский, нежели обратно.

Наконец, упражнения в обратном переводе имеют только тогда смысл, когда после перевода происходит тщательное сличение с подлинником, в то время как здесь в испанском тексте оставлен ряд ошибок.

Если это предположение признать правильным, следует думать, что при переписке запоминалась фраза целиком, а затем переписывалась. Так как Пушкин воспринимал испанский на фоне других романских языков, могли возникнуть ошибки с синонимами oir: escuchar и т.д. Предположение, что в данном случае имел место обратный перевод (мнение В.Ф.Шишмарева и К.Н.Державина), основано главным образом на следующем.

Во-первых, во французском тексте есть слова, пропущенные в испанском: un des lieutenants de la ville — у Пушкина uno de los tenientes (de la villa — пропущено); во-вторых, исправления синонимов; конструкции с инфинитивом вместо герундия, à (с acente agudo вместо grave, под влиянием французского языка), mirar вместо mirando и т.д.; наконец, вообще большее количество исправлений в испанском тексте, нежели во французском. Если кроме того привлечь и второй текст, то тут выступят соображения аналогичного характера упражнений и, далее (предполагая что оба текста написаны примерно в одно время), что Пушкин умел переводить обратно на испанский довольно сложные выражения — à ce moment: á esta sazon.

На какой бы гипотезе мы ни остановились, из настоящих отрывков можно вывести следующие заключения. Прежде всего настоящие упражнения указывают на поверхностный характер занятий (небрежное исправление ошибок и т.д.); испанский язык воспринимается на фоне ранее знакомых французского и итальянского языков (ср. отражение в орфографии испанского escuchiar, sazzon, pobrezza); о произношении написанного испанского, да и, быть может, итальянского слова, если судить по этим текстам, Пушкин имел довольно неточное представление; к испанской орфографии (да и к французской, например povrété) Пушкин относится невнимательно; испанский он понимал настолько, что мог уловить смысл предложения и сделать перевод как с испанского, так и на испанский без словаря.

На последнее обстоятельство указывает характер нескольких грубых ошибок: mas de doscientas (более двухсот): mais dos doctes (но из ученых); á los principios (для начала): à mes principes (в смысле selon mes vues? — согласно моим воззрениям — à mes principes в данном контексте — бессмыслица). Иногда, впрочем, Пушкин мог справляться со словарем — acertó á pasar могло быть переведено со словарем (их у Пушкина было несколько, см.: *ПС* IX—X, №№ 579, 827, 936 и 937) или понято из контекста.

Если основываться на степени понимания испанского, то второй отрывок был написан позднее первого, так как указывает на более удовлетворительное знание языка. К данным отрывкам правильнее всего было бы, пожалуй, подходить как к вспомогательным средствам для запоминания испанских слов и целых выражений. Следы этих упражнений свидетельствуют еще раз о действительно незаурядной памяти Пушкина.

9.

Преподобный Савва Игуменъ

декабря 3. Преставленiе Преподобнаго Отца нашего Саввы, игумена свят[ыя]ой обители Пресвятой Богородицы, [иже] что на Сторожѣх, новаго чудотворца (из пролога)

Преподобный Отецъ нашъ Савва отъ юности своей Христа возлюбилъ а мiр возненавидѣлъ и пришедъ к преподобному Сергiю приялъ Ангельскiй образъ и сталъ подвизаться угождая Богу постомъ бдѣнием, молитвами, смиренномудрiемъ и всѣми добродѣтельми желая небесная блага приять отъ Господа. Многiя искушенiя прѣтерпѣлъ онъ отъ бѣсовъ, но победилъ ихъ с помощiю вышняго и надъ страстями воцарился. [Тоже] Тогда по наставленiю учителя своего великаго Сергiя, отошелъ онъ отъ обители святыя Троицы и поселился в пустынѣ на горѣ называемой Сторожи, въ верху Москвы рѣки, въ разстоянiи однаго поприща отъ Звенигорода и сорока отъ града Москвы. Тамъ святый иночествовалъ въ безмолвiи, терпя ночныя морозы и тяготу [вару] вара дневнаго — Услыша о добродѣтельномъ житiи его, многия иноки и люди мiрские отъ различныхъ мѣстъ начали к нему приходить, дабы жить при немъ и отъ него пользоваться. И принималъ онъ всѣх с любовiю, и былъ образецъ смиренiя и иноческихъ трудовъ, [в<оду>] самъ черпая [воду] и нося воду, и другiя потребности правя, научая онымъ братiю не лѣниться и не губить дней своихъ празностiю, изобретательницiю всего злаго. Потомъ нѣкий Христолюбивый Князь, пришедъ к блаженному Отцу Саввѣ, умолилъ его построить храмъ на томъ мѣстѣ и [злато] сумму нужную на созданiе онаго далъ святому. И святой прошение Князя изполнилъ, и построилъ храмъ честнаго и славнаго Рожества пречистой Богоматери и обитель пречудную и великую для душеспасительнаго пребыванiя въ ней иноковъ. Тамъ он добре пасъ во имя Христа собранное стадо водя оное на пажить духовную, и бывъ нѣкогда единожителемъ Божественному Сергiю, сотворилъ многiя [Христовыя добродетели изправ<лялъ>] сотворилъ добрыя дела — о Господѣ. [Будучи] Въ поздней старости впалъ онъ въ болѣзнь тѣлесную, и не долго пострадавъ, призвалъ братiю и поучилъ ихъ божественнымъ писаниямъ, наказывающимъ хранить чистоту тѣлесную иметь братолюбiе, украшаться

смиреніемъ и прилежать посту и молитвѣ. Тогда поставилъ [некоего игумена] имъ в игумены [неко<его>] однаго изъ учениковъ своихъ и всѣмъ братіямъ заповедалъ пребывать у игумна в послушаніи и повиновеніи. Наконецъ давъ имъ всѣмъ [благославение] міръ и последнее цѣлование, въ добромъ исповѣдании предалъ душу свою въ руцѣ Божіи декабря 3 дня, вовсемъ благоугодивъ владыкѣ своему Христу. Услышавъ о преставлении Святаго, Князья и Бояре, и окрестъ живущія, и всѣ христолюбивыя граждане Звенигорода стеклись съ великой любовію на погребеніе Отца, принесши с собою больныхъ своихъ, и проводивъ его псалмопѣниемъ надгробнымъ, положили его съ честію въ им построенной церкви пресвятой Богородицы, на правой стороне Честныя его мощи и до нынѣшняго дня многія и различныя исцѣления источаютъ приходящимъ съ верою, во славу Христа Бога нашего угодниками своими и по преставленіи ихъ преславныя чудеса творящаго, ему-же слава нынѣ и присно и вовеки вековъ аминь.

Автограф находился в тетрадке из четырех листов, вшитой жандармами в искусственно составленную ими тетрадь № 2386 Б (совр. шифр — *ПД* № 1620; на л. 1 и 1 об. пометы рукою Жуковского и подпись Дубельта). Писано чернилами, очевидно в начале 1830-х гг. Впервые напечатан в M^2 1904, т. 6, с. 438, включался в *В* и *КН*, в последующие собрания сочинений Пушкина текст не включался (нет его и в *РП*).

Текст восходит к книге: Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 2. Киев: тип. Печерской лавры, 1695, л. 23—23 об. 3 декабря. Пушкин пользовался, очевидно, одним из позднейших изданий; в начале XIX в., согласно В.М.Ундольскому (см.: Ундольский В.М. Очерк славянорусской библиографии. М., 1871), были выпущены три издания «Четий-Миней», в 1805, 1815 и 1829 гг. В отличие от двух других выписок из Житий святых фрагмент о Савве Сторожевском является переложением («поновлением», как выражались в старину) на русский язык всего текста Димитрия Ростовского о преставлении преп. Саввы (окончательные следы самостоятельного перевода заметны в стилистических исправлениях, содержащихся в пушкинском автографе).

Интерес Пушкина к Савво-Сторожевскому монастырю близ Звенигорода связан с детскими впечатлениями поэта, проводившего летние месяцы в имении своей бабки Марии Алексеевны (урожд. Ганнибал). Монастырь этот стал местом действия лицейской поэмы «Монах» (1813) и стихотворного наброска «На тихих берегах Москвы» (см.: Листов В.С. Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы». Болдинские чтения. Горький, 1980, с.164—174). В свою очередь, последний набросок наряду с отрывком «Вечерня отошла давно», очевидно, предназначался в 1823 г. для поэмы о разбойниках, из которой был напечатан «отрывок» (по определению Пушкина) «Братья разбойники» (см.: Фомичев С. Новые тексты стихотворений Пушкина. Неизданный Пушкин. Вып. 1. СПб., 1996, с. 42—45).

10.

Гомер. «Одиссея»

ΤΗΣ ΟΜΗΡΟΥ ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ, Омірова Одиссея
Ραψοδια, γραμμα

повѣдай много
Мужа мнѣ designe многоразлично [*нрзбр*] много
Ανδρα μοι εννεπε, Μουσα, πολυτροπον, ος μαλ[λ]α πολλα
странствующій когда жертва город — напряженъ
Πλαγχθη, επει Τροιης ιερον πτολιεθρον επερσε
много мужей вотъ
Πολλον δ'ανθροπον ιδεν αστεα χαι νυν εγνω
много
Πολλα δ'ογ εν ποντω παθεν αλγεα ον χατα θυμον
Αρνιμενος ην τε ψυχιν νοστον επαιρων.
Αλλα ουδ ος εταρος ερρισατο ιεμενος περ
Мужа мнѣ повѣдай, Муза, многоразлично
Странствующій послѣ Тро жертва городъ напряженъ
Мног муж
[что]

Написано карандашом на л. 2 в тетради № 2374 (совр. шифр — *ПД* № 845). У *Я* IX, 641 приведено лишь заглавие, впервые напечатано: *РП*, с. 88. Судя по положению в тетради, запись датируется 1833 годом. Запись представляет собою «транскрипцию» заглавия и первых шести стихов первой песни «Одиссеи» Гомера.

В библиотеке Пушкина имеется «Одиссея» на греческом языке в издании: Ἡ τοῦ Ὁμήρου Ὀδυσσεια. Homeri Odyssea. Glasguae. Excudebant Andreas et Jacobus Duncan. 1819. («Одиссея Гомера. Глазго. Напечатали Андрей и Яков Дункан. 1819»). См. *ПС* IX—X, с. 252, № 1000.

Возможно, что с текста в этой книге и списывал Пушкин. На намерение его изучать греческий язык, может быть, указывают имеющиеся в библиотеке Пушкина книги: Антонович Павел. Греческого языка начальное познание. В двух частях. Изд. 1797 г., и Vendel-Heyl L.A. «Cours de Thèmes Grecs, précédé d'une Grammaire Grecque». Paris. В двух частях. (Вендель-Гейль Л.А. Сборник упражнений в греческом языке, с грамматикой. Париж.)

До этого времени не занимаясь греческим языком, Пушкин и при списывании печатного текста сделал ряд «упрощений», описок и ошибок. Прежде всего, Пушкиным не проставлены ни ударения, ни знаки «густого» и «легкого» придыханий при

гласных в начале слов. Написания: ψυχιν вместо ψυχην, ερρισατο вместо ερρυσατο, Αρνιμενος вместо Αρνυμενος свидетельствуют о том, что Пушкин умел читать по-гречески и что читал он в так называемом рейхлиновском произношении, где «η» и «υ» произносятся как русское «и». Кроме этого, сделаны следующие ошибки: в третьем стихе не πολλον и ανθροπον, а πολλων и ανθρωπων, не νυν а νοον; в пятом после слова ψυχιν пропущено слово χαι; в шестом — не εταρος, а έταρους.

Перевод пятнадцати слов сделан с ошибками, а именно:

πολύτροπον — не «многоразлично», как написано у Пушкина, а «многоизворотливого», «многоопытного», «хитрого».

μαλα — не «много», а «очень», «весьма».

πλαγχθη — не причастие: «странствующий», а аорист: «странствовал».

ἱερον — здесь не существительное «жертва», а винительный падеж прилагательного «священный».

ἔπερσε — не «напряжен», а «разрушил».

ἴδεν — не «вот» (если, конечно, это слово так читается у Пушкина), а «видел».

Выписанные шесть стихов, с переводом которых совсем не справился Пушкин, могут быть переведены так:

«Поведай мне, муза, о многоопытном муже, который очень долго скитался, после того как разрушил священный город Трои; многих людей, города он видел и изучил их образ жизни; много страданий перенес он в своей душе на море, заботясь (стараясь добиться) о спасении своей жизни и о возвращении товарищей. Но и таким образом он не спас своих друзей, как ни желал».

О знании греческого языка Пушкиным см.: Рукописи А.С.Пушкина. Фототипическое изд. Альбом 1833 — 1835 годов. Тетрадь № 2374. М., 1939 (здесь попытка перевода с греческого комментирована Н.К.Козминым).

11.

Вордсворт. «Экскурсия»

Изъ Wodsworth

лѣтнее утро — Авторъ доходитъ до развалившейся хижины въ деревнѣ, и тамъ встрѣчаетъ почтеннаго друга, путешественника, о коемъ отдаетъ отчетъ. Странникъ, покамѣстъ отдыхаетъ подъ тѣнью деревъ осѣняющихъ хижину, разказываетъ повѣсть о послѣднемъ ея обитателѣ.

Было лѣто, и солнце взошло ужъ высоко — Съ югу поля неясно блистали сквозь паръ, Но вся сѣверная сторона возвышаясь въ яс-

номъ воздухѣ являла далече[1] (far off, au loin) поверхность запятнанную[2] тѣнями (brooding, couvant) облаковъ тѣнями, лежащими по своимъ мѣстамъ недвижно и опредѣленно, между тихими лучами яркаго и веселаго солнца — приятнаго тому кто на мягкій холодной мохъ простиралъ безпечные члены, передъ великой пещерой, коей каменистый (ceiling, plafond) кровля[3] простирала сумракъ (of its own, отъ себя самихъ) широкую тѣнь, въ коей (wren roitelet) пташки поютъ — Покамѣсть дремлющій человѣкъ (with side long eye) косымъ долгимъ взоромъ глядитъ на зрѣлище силою сего наклоненнаго убѣжища простертаго до самаго прелестнѣйш<аго>[4] отдаленія — Не такова была участь моя, но я скоро надѣялся найти столь же пріятное убѣжище и столь живую радость — Черезъ пустую и широкую (common) деревню шелъ я (baffled amusé) томными шагами по скользкому грунду — Не могла моя слабая рука отогнать (the host, l'armée) толпу мошекъ (gathering) вьющихся около моего лица и со мною неразлучныхъ пока я шелъ —

Автограф карандашом находится в тетради № 2374, лл. 31 об. и 31 (верхом вниз; совр. шифр — *ПД* № 845, л. 49 об. и л. 49). Заглавие и первые семь слов напечатаны впервые у *Я* IX, 644. Затем вдвое больше было напечатано в *М*² II, 495, и то же в *В* IV, 352, и несколько меньше в примеч. *В* V, LIII. Впервые полностью весь текст напечатан Н.В.Яковлевым в статье его «Перевод Пушкина из поэмы Вордсворта “Экскурсия”», в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926, с. 133. Там же впервые указано, что перевод Пушкина сделан с начала поэмы Вордсворта «The Excursion». Первый абзац сделан с прозаической ремарки, дальнейший текст с двадцати четырех начальных стихов поэмы. Там же приведен и текст английского оригинала, который приводим и мы.

A summer forenoon. — The Author reaches a ruined Cottage upon a Common, and there meets with a revered Friend, the Wanderer, of whom he gives an account. — The Wanderer, while resting under the shade of the Trees that surround the Cottage, relates the History of its last Inhabitant.

'T was summer, and the sun had mounted high:
Southward the landscape indistinctly glared
Through a pale steam; but all the northern downs,

---

[1] *Вписано позднее.*

[2] *Под этим словом записан вариант:* изпещренная.

[3] *Было начато слово:* свод; *заменив это слово словом:* кровля, *Пушкин забыл согласовать с ним грамматически прилагательное.*

[4] *Чтение предположительное.*

In clearest air ascending, show'd far off
A surface dappled o'er with shadows flung
From brooding clouds; shadows that lay in spots
Determined and unmoved, with steady beams
Of bright and pleasant sunshine interposed;
Pleasant to him who on the soft cool moss
Extends his careless limbs along the front
Of some huge cave, whose rocky ceiling casts
A twilight of its own, an ample shade,
Where the wren warbles; while the dreaming Man,
Half conscious of the soothing melody,
With side-long eye looks out upon the scene,
By power of that impending covert thrown,
To finer distance. Other lot was mine;
Yet with good heart that soon I should obtain
As grateful resting-place, and livelier joy.
Across a bare wide Common I was toiling
With languid steps that by the slippery ground
Were baffled; nor could my weak arm disperse
The host of insects gathering round my face
And ever with me as I paced along.

Перевод[1]:

Было лето, и солнце высоко взошло;
К югу ландшафт неясно блистал
Сквозь бледный пар; но все северные склоны,
Подымаясь в чистейшем воздухе, являли издали
Поверхность, испещренную тенями, упавшими
От остановившихся облаков; тенями, которые лежали пятнами,
Отчетливыми и недвижными, вперемежку
С крепкими лучами яркого и отрадного солнечного света,
Отрадного тому, кто на мягкий мох
Простирает беспечное тело у входа
Какой-нибудь огромной пещеры, чей скалистый навес отбрасывает
Собственный сумрак — широкую тень,
В которой щебечет королек, меж тем как дремлющий человек,
Едва сознавая нежащую мелодию[2],
Искоса посматривает на зрелище,
Которое благодаря нависающему крову отодвинуто
В еще более прекрасную даль. Не такова была моя участь,

---

[1] Перевода прозаической части не даем, так как Пушкин перевел ее безошибочно.
[2] Эту строку Пушкин при переводе пропустил.

Но я всё же надеялся, что скоро обрету
Такой же отрадный приют и живейшую радость.
Через пустой широкий выгон я брел
Усталыми шагами, затрудненными скользкой почвой,
И моя слабая рука не могла рассеять
Рой мошек, собиравшихся вокруг моего лица
И неразлучных со мною все время, пока я шел.

Пушкин, переводя этот отрывок, задавался, вероятно, одними лишь целями упражнения в английском языке. Любопытно фонетическое написание фамилии английского поэта. Так же написана она и в автографе Сонета: «(из Wodsworth)».

Перевод этот сделан, судя по положению в тетради, в феврале — октябре 1833 г., о чем подробно см. в статье С.М.Бонди «История заполнения тетради» в кн.: Рукописи А.С.Пушкина. Фототипическое изд. Альбом 1833—1835 годов. Там же см. и комментарии Д.П.Якубовича к переводу из Вордсворта.

12.

Сербская песня

Славіј птица мала свакомъ покој дала
А мени јунаку[1] три туге задала
Прва ми је туга на срдашцу моме
Што мне није мајка оженила млада

Соловей, мой соловѣйко
Птица малая ночная —
А[2] тебя у[3] малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни —

Автограф написан на четвертке белой бумаги, вшитой в случайно составленную жандармами тетрадь *ЛБ* № 2375 (совр. шифр — *ПД* № 963). Искусственно полученные два листка имеют жандармские цифры 18 и 35. На листке 35-м и расположен публикуемый текст. На этой четвертке находится еще

[1] *Поправлено из:* юнаку.
[2] *Описка вместо:* У.
[3] *Поправлено из:* ли.

несколько текстов: два черновика стихотворения «Когда б не смутное волненье» (1833 г., осень)[1], черновой набросок начальных строк «Осени» (октябрь 1833 г.), три стиха из «Медного всадника» или «Родословной моего героя» (октябрь 1833 г.), программа автобиографических записок «Кишенев — приезд мой из Кавказа...».

Все эти тексты писаны одним почерком и одними резкочерными чернилами, встречающимися у Пушкина очень редко. Ясно, что все они написаны в одно время[2], то есть, по-видимому, в октябре 1833 г.

Впервые напечатано у *Я* IX, 649. Факсимильное воспроизведение дано в книге А.К.Виноградова «Мериме в письмах к Соболевскому». М., 1928, с. 238.

Сербский текст является выпиской начала сербской песни «Три величайших печали» из I тома собрания сербских песен Вука Стефановича Караджича («Народне Српске пјесме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџиħ», 1824).

Следующие четыре стиха — начало стихотворения Пушкина «Соловей» — переложение сербской песни.

В переводе сербский текст читается:

Соловей, птица малая, всякому покой дала,
А мне, молодцу, три печали задала:
Первая печаль на сердечке моем,
Что меня мать не женила молодого

Как и всегда, непонятные слова в переводимом тексте Пушкин подчеркнул; не узнав, что они значат, он взялся за перевод. Отсюда несоответствие его стихотворения «Соловей», где «рано молодца женили», оригиналу, где «мать не женила молодого».

Несоответствие это отмечено еще Н.О.Лернером[3] в его статье «О Пушкине» (*РС* 1912, № 4, 105).

---

[1] Беловой автограф, виденный Анненковым, имел на себе помету «1833, дорога. Сентябрь». Вероятно это — время встречи, породившей стихотворение, которое было написано уже в Болдине, в октябре, в одно время с «Медным всадником».

[2] Никак нельзя согласиться с А.К.Виноградовым, который непонятным образом видит в интенсивно-черных чернилах чернила разного цвета и строит на этом разновременность записей на этом листке, чтобы оправдать предвзятое положение, что Вука Караджича надумал Пушкин переводить в 1828 г., а стал переводить в 1833 г. («Мериме в письмах к Соболевскому». М., 1928, с. 238—239).

[3] В *ПС* XXXVIII—XXXIX, с. 98. М.Н.Сперанский, в статье «К вопросу о песнях, записанных Пушкиным», неправильно возражал Н.О.Лернеру.

13.

Бари Корнуол. «Марцная Колонна»

O thou vast ocean! ever souding sea	O toi vaste ocean, toujours звучащее море.
thou symbol[1] of drear immensity	Сүмволъ ужасной безпредѣльности
thou thing that windest round the solid world	бродящая около Ты вещь [окружающая] твердую землю
Like a huge animal, which downward hurld	сильному Подобно великому звѣрю, который
From the blak clouds, lies weltering and alone	внизъ брошенный съ черныхъ тучъ лежитъ границa и одинъ
Lashing and writhing till its Strength be gone	бьясь и клубясь пока сила его пройдетъ — —
thy voice is like the thunder, and thy sleep	Голосъ твой подобенъ грому
Is as a giant's slumber, loud and deep —	Сонъ ему великому тяжелъ и глубокъ.
thou speakest [Ты] in the East and in the West	Ты вдругъ говоришь на востокѣ и на западѣ
At once — and on thy heavily laden brast	тяжело И по твоей [глубоко]-нагруженной груди
Fleats come and go, and shapes that have no life	Приходятъ и уходятъ [Идутъ туда] [и] и образы безъ жизни
Or motion, yet are moved and met in strife	и движенія, но двигнутые и борющіяся

<на обороте:>

Земля ничего не имѣетъ моря chance[2] волнуетъ ruffles[3]
[Довольно для земли!] — ни accident[4] ни переливы не измѣняютъ ея поверхности, духи ея не смѣютъ дать отвѣтъ бурно проснувшемуся

---

[1] s переделано из c.

[2] Удача (*фр.*). [3] тревожат (*англ.*). [4] злоключение (*фр.*).

воздуху — но по ея пространству слабыя властители разпоряжаются по
ранять
волѣ, и [раздираютъ] ея грудь какъ идетъ

Всегда одна, она не имѣетъ ни прилива ни [волнъ]. отлива —
statio[1] возвращаются
но въ ихъ положеный кругъ Времена приходятъ и [проходятъ] какъ видѣнья къ своимъ незримымъ жилищамъ — и вновь приходятъ и изчезаютъ — молодая весна всегда блеститъ листьями и цвѣтомъ, и всегда
кличетъ е ое дѣло
зима [winds][2] сво[й] печальн[ый] [рогъ], когда дикая осень съ видомъ
потеряннымъ
[забытомъ] умираетъ въ своей бурной зрѣлости — и небо плачетъ и
вянуть
[ник] цвѣты когда бѣжитъ лѣто —

Ты одинъ, ужасный Океанъ — имѣешь власть волю и гласъ; и въ твоей wrathful[3] часъ когда ты свой гнѣвъ lift[4]. къ облакамъ ужасная и великолѣпная краса покрываетъ твое широкое седое чело —

Автограф находится в *ПД* № 710, куда поступил из Онегинского собрания (*ПС* XII, с. 18, № 45).

Текст, написанный чернилами, расположен на первой странице сложенного пополам полулиста простой писчей бумаги; прозаический текст помещается на 4 странице того же листа. На четвертушках этих — жандармские пометы 78 и 79.

Впервые текст был опубликован Н.В.Яковлевым в *НП*, 141—144, и вторично — в переиздании этой книги. Яковлевым установлено, что английская выписка и перевод сделаны Пушкиным из поэмы Бари Корнуоля — «Marcian Colonna» (часть III, строфа VII).

Приводим текст английского оригинала:

The earth hath nought of this: no chance nor change
Ruffles ist surface, and no spirits dare
Give answer to the tempest-waken air;
But o'er its wastes the weakly tenants range
At will, and wound its bosom as they go:
Ever the same, it hath no ebb, no flow;
But in their stated rounds the seasons come,
And pass like visions to their viewles home,
And come again, and vanish: the young Spring
Looks ever bright with leaves and blossoming;
And Winter always winds his sullen horn,

[1] Положение (*лат.*). [2] трубит (*англ.*). [3] яростный (*англ.*). [4] подымаешь (*англ.*).

When the wild Autumn with a look forlorn
Dies in his stormy manhood; and the skies
Weep and flowers sicken when the Summer flies.
— Thou only, terrible Ocean hast a power,
A will, a voice, and in thy wrathful hour,
When thou dost lift thine anger to the clouds,
A fearful and magnificent beauty shrouds
Thy broad green forehead.

Перевод:

У земли ничего этого нет; ни случайности, ни перемены
Не тревожат ее поверхности, и никакие духи не дерзают
Дать ответ разбуженному бурей воздуху;
Но на ее просторах хилые обитатели бродят,
Как хотят, и ранят ее грудь, ступая по ней.
Всегда одна и та же, она не имеет ни отливов, ни приливов.
Но положенными кругами приходят времена года,
И проходят как призраки на свою незримую родину,
И приходят вновь и исчезают: Юная Весна,
Всегда блистательная листьями и цветами.
И Зима всегда трубит в свой унылый рог.
Когда дикая Осень с потерянным взглядом
Умирает в своей бурной зрелости и небеса
Плачут и цветы чахнут; когда отлетает Лето —
Лишь ты, ужасный Океан, имеешь власть,
Волю, голос; и в час твоего гнева,
Когда ты подъемлешь свою ярость к облакам,
Страшная и великолепная красота окутывает
Твое широкое зеленое чело.

Издание, которым Пушкин мог пользоваться, был сборник четырех поэтов: «Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall». P., 1829*. Этим определяется и датировка этого автографа — не ранее 1829 г. Н.В.Яковлев относит этот перевод предположительно к Болдинской осени 1830 г., когда Пушкин вообще пользовался английскими поэтами («Пир во время чумы», «Цыганы»). Но стихотворный перевод из драматической пьесы Бари Корнуоля «Сокол» — «О бедность! Затвердил я наконец Урок твой горький» — датируется предположительно 1835 г., так что не исключено отнесение к этому же времени и перевода из «Марциана Колонны».

---

* Сборник не вошел в описание библиотеки Пушкина, сделанное Б.Л.Модзалевским; обнаружен Д.П.Якубовичем в составе библиотеки П.А.Плетнева; хранится в *ПД* в библиотеке Пушкина под № 1523. См.: Библиотека А.С.Пушкина. Приложение к репринтному изд. М., 1988, с. 113. — *Ред.*

14.

Байрон. «Паломничество Чайльд Гарольда»[1]

Mot à mot[2]	
Не въ тѣхъ краяхъ гдѣ я бродилъ	*по коимъ я странствовалъ*
	Ни въ краяхъ [гдѣ я] [бродилъ]
недавно, хоть красота почиталась	*издавно*
	[недавно] и гдѣ красота [долго]
тамъ долго безпорочной; не	*почиталась совершенствомъ;*
	по м
въ видѣніяхъ, развивающихъ	*Ни въ видѣніяхъ [о] кои[х]ъ*
для сердца образы, о коихъ	*сердце воздыхаетъ, сожалѣя*
жалѣетъ	
оно воздыхаетъ, что только	*что они пустыя грзы*[3]
онѣ ему грезились: Явилось	*2 | ни во снѣ ни наяву | 1 [Ничто]*
	Не явилось мнѣ [ничего] Ничего
что нибудь тебѣ подо-	*[Узнав]*
	тебѣ подобнаго. | [Увидѣвъ]
бное во снѣ иль наяву —	*тщетно захотѣлъ*
	[тебя] [напрасно] [сталъ] бы
Увидѣвъ тебя, напрасно	*сать*
	я опис[ывать] измѣнчивыя
буду я искать описывать пре-	*| твои | Для |го*
	и блестящія √ прелести. То[му]
лести измѣнчивыя и сія-	*тебя*
	кто не видалъ [тебя], слова
ющія. Тому кто не видал	*для*
	мои были ли[4] *бы слабы — [То]*
тебя слова мои были бы	*тебя*
	того, кто видѣлъ [тебя], какая

[1] Напечатанное прямым шрифтом — карандаш. Напечатанное курсивом — чернила. Зачеркнутое чернилами заключено в курсивные скобки.

[2] *Слово в слово (франц.).*

[3] *Описка вместо:* грезы.

[4] *Описка, это слово лишнее.*

слабы; тому кто на тебя
[какая] что можетъ и <хъ>
смотритъ, [чья] рѣчь [ихъ]
имъ
выразить?

та же
О будь всегда что ты
теперь — достойная обѣща-
нiй весны твоей, [столь-же]

[образомъ]
прекрасна [чертами], [какъ]
[чиста] и горяча сердцемъ,
образъ на землѣ любви
безъ крылъ, и безъ обману

передъ воображенiемъ Наде-
-жды! и вѣрно та, которая
rears[1]
теперь столь нѣжно ведетъ твою
юность, въ тебѣ этотъ минутный
блескъ
созерцаетъ радугу будущихъ
лѣтъ своихъ, предъ коимъ небе-
сномъ видѣ всякая грусть из-
чезаетъ —

Юная Пери Запада! —

[хорошо для меня] что я почти
вдвое старше тебя, безлюбо-
вный взоръ мой [не тронутый]

можетъ тебя видѣть, √ и безо-
глядѣть на блескъ

рѣчь можетъ их выразить?
а -же
Останься вѣкъ, т[ою] что ты

достойна[я] [будь]
теперь, [дос] обѣщанiй весны
твоей, прекрасна видомъ, сердцемъ
*[На землѣ]**
горяча и безпорочна, образъ [на]
[на землѣ]
любви бескрылой, Не обманчивая
предъ воображенiемъ Надежды
и вѣрно та, которая съ такою
нѣжностiю <u>бережетъ?</u> юность свою,
видитъ въ [тебѣ] минутномъ ея
небесной
сiянiи радугу будущихъ ея
годовъ предъ которой всѣ

печали изчезаютъ —

<u>Щ</u>астливъ я
что мои годы почти вдвое превы-
шаютъ
твои лѣта
безстрастной

не
<u>[безъ] смущаясь</u>

[1] Двигать (*англ.*).

ей
пасно [видѣть] разцѣтующ[ую][1]
твоей красоты [сіяніе] — Ща-
ужъ [тѣмъ] что
но *тѣмъ*
стливъ я [никогда] не увижу *Щастливѣе [тѣмъ]*
е[е] *я*
[ихъ] [въ] увяданіе; [Щастливѣе]
что пока молодыя сердца
изтекать будут кровью, мое
избѣжитъ участь предопредѣлен- *назначеную тобою*
ому
ную твоими глазами т[ѣмъ] *даже и тому, чье* *хоть*
его *восторжествуетъ, но смѣшенное*
ко[ихъ] удивленіе удастся, но
смѣшеное съ мученіями *съ муками опредѣленн*
опредѣлеными самымъ ща-
стливѣйшимъ часомъ любви. *О пусть блеснутъ*
пусть *эти очи* *[склони] на страницу [сію]*
О [оставь] [этотъ] глазъ, дик[ій] *ія*
ы *ярко*
какъ у Газел[и], то [свѣтло]
е *стыдливыя*
смѣлы[й] то прекрасно [холо-
увлекательныя *сверкаютъ*
дный] wins[2] √ когда [бродитъ] ослѣ-
недвижны
пляющій когда [покоится],
[заб] [блеснетъ на страницу сію],
Не откажи моему стиху
той улыбки, о которой тще-
тно вздыхалъ бы я, если бъ
могъ я
[я долженъ] [былъ] быть для
омъ
тебя болѣе [чѣмъ] друг[ъ] *Нѣжели*
милая *награду*
[Сіе] [може] дѣва, [дозволь мнѣ] — *дозволь мнѣ [на] сію*

[1] *Описка, вместо:* разцвѣтающую.

[2] Побеждает (*англ.*).

Не спрашивай зачѣмъ столь
молодому созданію я по-
свящаю пѣсни мои, но
дай мнѣ вплести въ мой вѣнокъ
[без]
одну [чистѣйшую] лилію. —
Таково имя твое впле-
мои
тенное въ [его] стихи. И
гда
[всегда] ка[къ] дружескій взоръ *читателя*
упадетъ на страницы Гарольда
[имя] *[оно]*
[Іанѳы], здѣсь освященное,
оно встрѣть[1] *его*
первое [будетъ] [имъ] [встрѣчено]
(когда)
будетъ имъ
послѣднее √ забыто. [Дни]
мои единожды сочтены —
да возможетъ сей минувшій
ношеніе
при[вѣтъ] привлечь пальцы
твои къ лирѣ, того кто при-
вѣтствовалъ тебя, любезную
каковою была. Вот все
что память моя можетъ
отъ тебя желать — Хоть болѣе
нежели Надежда можетъ требовать —
можетъ-ли дружба менѣе просить

Когда не станетъ
меня пус[кай]ть
это давнее
привлечетъ перри
мою, того кто
нѣкогда тебя при-
вѣтствовалъ —
Вотъ все чего желаю
для своей памяти,
болѣе нежели
дерзаю надѣиться.
дружба
Но можетъ ли
менѣе требовать?

Даем сводку вышеприведенной транскрипции:

Ни в краях, по коим я странствовал и где красота издавна почиталась совершенством; ни в видениях, по коим сердце воздыхает, сожалея, что они пустые грезы, — ничего тебе подобного ни во сне, ни наяву не явилось мне. Тщетно захотел бы я описать изменчивые и блестящие твои прелести. Для того, кто тебя не видал, слова мои были бы слабы, — для того, кто тебя видел, какая речь может их выразить?

[1] *Описка, вместо:* встрѣтить.

Останься век та же, что ты теперь, достойная обещаний весны твоей, прекрасна видом, сердцем горяча и беспорочна, на земле образ бескрылой любви, не обманчивая пред воображением Надежды, и верно та, которая с такою нежностию *бережет?* юность свою, видит в минутном ее сиянии небесную радугу будущих ее годов, перед которой все печали исчезают —

Юная Пери Запада! — счастлив я, что мои годы почти вдвое превышают твои лета, бесстрастный взор мой может тебя видеть не смущаясь и безопасно глядеть на блеск расцветающей твоей красоты. — Счастлив я уже [тем], что не увижу ее увядание; но счастливее тем, что пока молодые сердца истекать будут кровью, — мое избежит участь, назначенную тобою даже и тому, чье <удивление> хоть восторжествует, но смешанное с муками, определенными самым счастливейшим часом любви.

О пусть блеснут на страницу [сию] эти очи, дикие как у Газелы, то ярко смелые, то прекрасно стыдливые; увлекательные, когда сверкают, ослепляющие, когда недвижны. Не откажи моему стиху той улыбки, о которой тщетно вздыхал бы я, если б мог я быть для тебя более, нежели другом. Милая дева, дозволь мне награду сию. Не спрашивай, зачем столь молодому созданию посвящаю я песни мои, но дай мне вплести в мой венок одну чистейшую лилию. —

Таково имя твое, вплетенное в мои стихи. И когда дружеский взор читателя упадет на страницы Гарольда, — имя Ианфы, здесь освященное, первое встретит его, последнее будет им забыто. Когда не станет меня, пусть это давнее <приношение> привлечет Пери мою, того, кто некогда тебя приветствовал. Вот все, чего желаю для своей памяти, более нежели дерзаю надеяться. Но дружба может ли менее *требовать?*

Перевод посвящения поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» в автографе Пушкина написан на отдельном листе, попавшем в одну из сшитых жандармами тетрадей (№ 2386 Б, лл. 2, 2 об. и 37; совр. шифр — *ПД* № 1618). Бумага, на которой сделан этот перевод, белая, в лист, верже, с водяным знаком: А.Гончаров. 1833. Подобной бумагой Пушкин пользовался в 1836 г.[1], почему и перевод этот, вероятно, относится к 1836 году. Впервые начальные строки первой редакции напечатаны у *Я* XII, 534—535, где сказано, что это перевод из Байрона, и объяснено, что в левом столбце мы имеем первый дословный перевод, в правом же — некоторую литературную обработку его. Якушкин пропустил описание листа 37-го, являющегося второй половиной листа 2-го. Морозов в *М*[2] VI, 434—435, дал контаминацию обеих редакций, сказав, впрочем, в примечании (с. 654), что он печатает то, что имеется в более обработанном виде. В примечании (с. 654—655) он напечатал начало буквального перевода до слов: «слова мои были бы слабы и проч.».

---

[1] Часть статьи «О Российской Академии» (*ПД* № 1114, двойные листы 7/56, 8/55, 9/54), написанной в феврале-июне 1836 г., письма Петра I, срисованные и транскрибированные Пушкиным (*ПД* № 1201— три полулиста) в 1835—1836 г.

В *В* IV, 352 дана одна лишь сводка, местами замененная первой дословной редакцией. Любопытно, что оба редактора, занимавшиеся каждый[1] по рукописи, не заметили конца перевода на не указанном Якушкиным листе 37-м. Отсюда слова Морозова: «Это перевод 3½ строф из посвящения Чайльд-Гарольда: "К Ианте"». На самом же деле переведены все пять строф. Полностью все пять строф в обеих редакциях и в сводке печатаются нами впервые. Вероятно, прав Якушкин, что Пушкин предполагал, овладев прозаическим текстом, переложить его в стихи.

Вот текст оригинала Байрона, с которого сделан перевод Пушкина.

TO IANTHE

Not in those climes where I have late been straying,
Though Beauty long hath there been matchless deem'd;
Not in those visions to the heart displaying
Forms which it sighs but to have only dream'd,
Hath aught like thee in truth or fancy seem'd:
Nor, having seen thee, shall I vainly seek
To paint those charms which varied as they beam'd —
To such as see thee not my words were weak;
To those who gaze on thee what language could they speak?

Ah! may'st thou ever be what now thou art,
Nor unbeseem the promise of thy spring,
As fair in form, as warm yet pure in heart,
Love's image upon earth without his wing,
And guileless beyond Hope's imagining!
And surely she who now so fondly rears
Thy youth, in thee, thus hourly brightening,
Beholds the rainbow of her future years,
Before whose heavenly hues all sorrow disappears.

Young Peri of the West! — 't is well for me
My years already doubly number thine;
My loveless eye unmoved may gaze on thee,
And safely view thy ripening beauties shine;
Happy, I ne'er shall see them in decline;
Happier, that while all younger hearts shall bleed,
Mine shall escape the doom thine eyes assign
To those whose admiration shall succeed,
But mixed with pangs to Love's even loveliest hours decreed.

---

[1] Впрочем, С.А.Венгеров работал, кажется, только по фотографии, а заказал снять лишь страницы, указанные Якушкиным и Морозовым.

Oh! let that eye, which, wild as the Gazelle's,
Now brightly bold or beautifully shy,
Wins as it wanders, dazzles where it dwells,
Gliance o'er this page, nor to my verse deny
That smile for which my breast might vainly sigh,
Could I to thee be ever more than friend:
This much, dear maid, accord; nor question why
To one so young my strain I would commend,
But bid me with my wreath one matchless lily blend.

Such is thy name with this my verse entwined;
And long as kinder eyes a look shall cast
On Harold's page, Ianthe's here enshrined
Shall thus be first beheld, forgotten last:
My days once number'd, should this homage past
Attract thy fairy fingers near the lyre
Of him who hail'd thee, loveliest as thou wast,
Such is the most my memory may desire;
Though more than Hope can claim, could Friendship less require?

15.

Арабские буквы

Даем аннотированную транскрипцию арабских букв:

Гласные

ى
= й, и

و
= в, у

ا
а, «алиф»

آ — а

«алиф» со знаком «мадд» произносится $\bar{а}$ (долгое)

ا — э

«алиф» может произноситься по-разному, в зависимости от гласного знака, стоящего при нем.

ُ — у, о. — сверху буквы, u (fr.).

знак гласного над согласной буквой; = у (иногда = 0); в турецком произношении = u французскому.

— ≈ (передъ гласной)

знак «васла»; обозначает слияние двух слов с пропуском «алифа», над которым он ставится.

Запись арабских букв

ى въ началѣ какъ i

неверно: в начале слов произносится как согласный й, а в середине и конце слов иногда й, иногда и.

ير (согласная мягкая)

на самом деле здесь две буквы й + р; между ними можно подразумевать какой-либо гласный звук.

يير (согласн. ъ)

написано й + й + р; при этом у второй буквы й не хватает в строке «зубца», на ее наличие указывают только точки под строкой; сближение с «согласн.ъ» говорит о том, что написанный комплекс звуков казался похожим на название русской буквы «ер».

[يل]

написано: й + л.

Внизу страницы написаны отдельные буквы.

и, у, а — ا و ى

н, — ن

и, н, а (с «Мадд») — آ ن ى

н, а — ا ن

Запись сделана на листе голубой бумаги in f°, верже, с водяным знаком: 1834 МФАГ, и гербом. Лист вшит жандармами в составленную ими тетрадь *ЛБ* № 2386, где составлял лист 4 (совр. шифр — *ПД* № 1550).

Впервые напечатано: *РП*, с. 109. Упоминалось лишь Якушкиным: «Написаны несколько арабских букв с переводом и объяснениями» (*Я* XII, 540).

На верхней половине страницы расположены арабские буквы и их объяснение. Некоторые буквы, для упражнения, написаны на нижней половине листа, где по-видимому непосредственно после того написан черновой текст французского письма, обращенного, вероятно, к Геккерену.

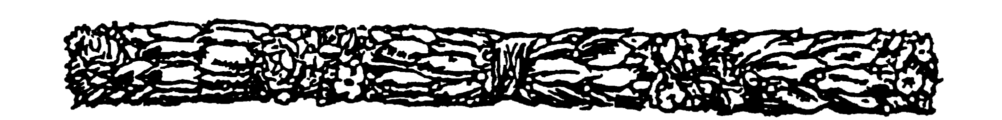
Датируется запись арабских букв временем не ранее июня 1836 г., потому что она сделана на бумаге, которой Пушкнн стал пользоваться с этого времени[1]. Может быть, безошибочно будет отнести запись к ноябрю 1836 г. — январю 1837 г., по соседству ее с письмом к Геккерену.

Волнующее впечатление производит сопоставление этих двух текстов. Очевидно, одним из средств отрешиться от мучительной действительности в последние месяцы жизни Пушкина было для него такое отвлекающее занятие, как изучение арабских букв.

По предположению Л.И.Жиркова запись объяснений букв могла быть сделана Пушкиным со слов славянина, знавшего арабский язык в турецком произношении. Возможно, что этим «славянином» был О.И.Сенковский, бывший ученым арабистом.

---

[1] Обзор рукописей, написанных на такой бумаге, и датировку их см. в книге «Рукописи Пушкина», вып. 1, изд. «Academia», 1935.



II

ИСПРАВЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ ДРУГИХ АВТОРОВ

Два включенные в этот отдел текста впервые были напечатаны: РП, с. 113—114, 127—145. Стихотворение кн. П.А.Вяземского с замечаниями Пушкина — транскрибировано Т.Г.Зенгер и комментировано М.А.Цявловским. Текст стихотворения П.А.Вяземского напечатан корпусом, поправки Пушкина выделены курсивом. Исправления Пушкина в переводе В.А.Жуковского «Слова о полку Игореве» — Т.Г.Зенгер.

*Текст эпиграммы Баратынского (№ 1) с поправками Пушкина и комментарий подготовлены А.В.Дубровским. — **Ред.***

1.

Журналист Фиглярин и Истина

Онъ точно, онъ безспорно,
Фиглярин журналистъ,
Марающій задорно
Свой безтолковый листъ.
А это что за дура?..
Вѣдь Истинна, ей ей!
Давноль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьемъ *на*ведена
Занятіямъ мараки
Пришла мѣшать она.

Текст беловой с поправками: в ст. 9 и 10 рукой Пушкина (в наст. публикации выделены курсивом), в ст. 3 и 11 рукой Баратынского; заглавие рукой Н.А.Полевого; внизу помета цензора И.М.Снегирева. Расположен на л. 49 цензурного экземпляра журнала «Московский телеграф», № 9 за 1827 г. (собрание В.Г.Данилевского; совр. шифр — *ПД* № 1604).

Эпиграмма на Ф.В.Булгарина была сочинена Е.А.Баратынским при участии А.С.Пушкина (см.: Цявловская Т.Г. Новонайденный автограф Пушкина (эпиграмма на Булгарина). «Русская литература», 1961, № 1, с. 120—133), предположительно на вечеринке у Н.А.Полевого 16 мая 1827 г. Издатель «Московского телеграфа» вписал заглавие: «Журналист Фиглярин и Истина», а присутствовавший на ужине цензор И.М.Снегирев поставил внизу свою подпись: «читал И.Снегирев». При подготовке текста к печати авторами эпиграммы были сделаны четыре поправки, несколько смягчающие ее резкий тон. Баратынский зачеркнул в 3-й строке слово «позорно» и, заменив его вариантами: «задорно», «упорно», последнее слово также зачеркнул. Он же в предпоследнем стихе другим пером и более темными чернилами исправил прочтение: «Бесстыдному мараке» на вариант: «Занятиям мараки». Пушкин существенно изменил девятую строку, поменяв «бешеные

враки» на «чепуху и враки», а также исправил причастие в десятом стихе: вместо «приведена» — «наведена».

Поводом для создания эпиграммы послужила виньетка, помещенная на титульном листе 1-го тома «Сочинений Фаддея Булгарина» (СПб., 1827) и изображающая автора за письменным столом, а рядом с ним Истину в образе прекрасной женщины. «Ты назвал себя моим служителем, — сказала она, — и я пришла навестить тебя». Сочинитель: «Неужели ты... Истина?» Истина: «Точно так».

Впервые эпиграмма была опубликована в «Московском вестнике», 1827, ч. 15, № 9, с. 5 (цензурный экземпляр подписан 30 мая), без подписи. Булгарин не сомневался в авторстве Баратынского и ответил поэту в рецензии на вышедший в том же году первый сборник его стихотворений (См.: «Северная пчела», 1827, № 145, 3 декабря).

2.

ради Христа, очисти эти стихи — онѣ стоятъ унынія

Къ нимъ.

За что служу я вашей злобѣ цѣлью?
Чему завидовать во мнѣ:
Какимъ честямъ? Какой казнѣ?
Какому изъ убранствъ фортуны ожерелью?
Всмотритесь; истиной прочистите глаза:
Они утѣшать васъ моею наготою — *Она (Истина)*
Быть можетъ, язвами, которыми гроза
Меня прожгла (незримою стрѣлою)[1] — *лишнее*

2 3 1
Что въ даръ мнѣ принесли Судьбы?[2]
Новорожденному даръ на зубокъ былъ нуженъ: — *NB Княгиня права, что морщится*
NB Что? двѣ, три мысли, два три чувства, не изъ дюжинъ,
Отъ коихъ кормятся корыстные рабы.
И только! Но сей даръ вамъ не былъ бы по нраву;
Онъ заколдованъ искони;
На сладость тайную, на тайную отраву

[1] *Заключено в скобки Пушкиным.*

[2] *Перестановка сделана Пушкиным.*

(Ему подвластные)[1] онъ обрекаетъ [дни][2] *наши дни.*

Онъ избраннымъ бываетъ мздой и казнью,
Его ношу въ груди, болящей отъ заботъ,
Какъ мать преступная съ любовью и боязнью
Во чревѣ носитъ тайный плодъ.
Еще до бытія пріялъ враждой закона
Онъ отверженія печать;
И гордо ближними отъ ихъ отринутъ лона, *прекрасно*
Какъ бытія крамольный тать.
И я за кровный даръ передъ толпой краснѣю;
И только въ тишинѣ и скрытно отъ людей
Я бремя милое лелѣю
И Промыслъ за него молю у олтарей.
Счастливцы! Вы и я, мы служимъ двумъ фортунамъ.
Я къ вашей не прошусь: моя мнѣ зарекла
Противопоставлять волненью и перунамъ
Миръ чистой совѣсти и хладный миръ чела.

Стихотворение кн. П.А.Вяземского написано его рукой на листе почтовой бумаги большого формата, хранящемся в составе Остафьевского архива в *РГАЛИ* (ф. 195, оп. 1, № 911, лл. 1—2). На листе сверху позднейшая помета рукою Вяземского: «Мои стихи вчернѣ съ замѣчаніями Пушкина». Последние напечатаны курсивом. Факсимиле см. в издании: Вяземский П.А. Избранные стихотворения. Под ред. В.С.Нечаевой. М.; Л., 1935, с. 204—205.

Стихотворение, вызванное доносом в III Отделение Булгарина на Вяземского, было написано, вероятно, в ноябре 1829 г. См. об этом в *П* II, 324—325. Впервые напечатано: Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1880, т. IV, с. II—III прим.

Вяземский из Москвы послал стихотворение в Петербург Пушкину, который, сделав в тексте ряд изменений, послал рукопись Баратынскому. Последний, вероятно, в декабре 1829 г. писал Вяземскому в Остафьево: «Посылаю вам вашу пьесу "К ним", перемеченную Пушкиным. Признаюсь, что и я согласен с его замечаниями. Ради бога, переправьте ее: она высокого лирического достоинства. В первом письме моем из деревни я постараюсь вам доказать, почему вы несправедливо защищаете стих: "новорожденному дар на зубок был нужен", упоминая об иронии. Покуда прощайте, но только на одну неделю». (См.: *СН*, книга V, СПб., 1902, с. 49.) Баратынский сдержал обещание и в следующем письме к Вяземскому высказал ряд общих мыслей о лирической поэзии по поводу

[1] *Заключено в скобки и подчеркнуто Пушкиным.*

[2] *Зачеркнуто Пушкиным.*

неудачного стиха Вяземского и всего его стихотворения в целом. (См. там же, с. 49—50.) Под влиянием критики жены (ее нужно видеть в словах Пушкина «Княгиня права...»), Пушкина и Баратынского Вяземский отчасти переделал стихотворение на этом же листе. Окончательную вторую редакцию Вяземский послал Пушкину, который и напечатал пьесу в № 5 (от 21 января) «Литературной газеты» за 1830 г. Здесь первые четыре стиха читаются:

За что служу я целью мести вашей,
Чем возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мирской непразднуемый гость,
Не обойден ли я пирующею чашей?

Замечания Пушкина о восьмом, одиннадцатом и шестнадцатом стихах Вяземский оставил без внимания. Сделанную Пушкиным перестановку слов в девятом стихе Вяземский принял.

Этот стих получил такой вид:

И что же в дар судьбы мне принесли

Десятый стих заменил стихом:

В раскладке жребиев участок был мне нужен.

Двенадцатый стих, отмеченный Пушкиным, заменил стихом:

Которые в ходу на торжищах земли.

Семнадцатый стих заменен стихом:

Сей дар для избранных бывает мздой и казнью,

Двадцать третий — стихом:

Он гордо ближними от их отринут лона.

Все остальные стихи остались в том же виде, как и в автографе.

Извещая Вяземского о напечатании его стихотворения, Пушкин писал: «Я напечатал твое "К ним" противу воли Жуковского. Конечно я бы не допустил в печати ничего слишком горького, слишком озлобленного, но элегическую...... позволено сказать, когда не в терпеж приходится благородному человеку». (См.: *П* II, 74.)

Уныние — стихотворение (1820 г.) Вяземского, нравившееся Пушкину.

3.

Слово о полку Игореве[1]

Не прилично ли будетъ намъ, братія[2], *NB*[1]*)* ч[3]

Начать древнимъ складомъ

Печальную повѣсть о битвахъ Игоря
Игоря Святославича!
Начаться же сей пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по вымысламъ Бояновымъ —
Вѣщій Боянъ,
то Если пѣснь кому сотворить хотѣлъ,
*Носился*ч Растекался мыслію по древу, *NB* *(славіемъ)*ч

Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

NB Вамъ памятно, какъ пѣли о браняхъ первыхъ временъ

Тогда пускались 10 соколовъ на стадо лебѣдей;
Чей соколъ долеталъ, того[4] и пѣснь прежде пѣлась!
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему редедю передъ полками Касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боянъ же, братія, не 10 соколовъ на стадо лебѣдей пускалъ,
Онъ вѣщіе персты свои на живыя струны вскладывалъ
NB И сами они славу Князьямъ рокотали (звучали).

---

[1] Основной текст написан писарской рукой. Этой же рукой проставлены (не везде!) номера стихов. Слова, написанные Жуковским, обозначены буквой *. Курсивным корпусом напечатаны замечания Пушкина. Подчеркивания под словами сделаны Пушкиным. Большинство поправок и подчеркиваний сделаны карандашом. Сделанные в другой раз — чернилами — обозначаются дальше буквой ч у слова или у линейки. Подчеркнутое писарем передано разрядкой.

[2] *Исправлено Жуковским (дальше будем его обозначать Ж) из:* братіе.

[3] *Цифра 1) означает заметку, написанную на отдельном листе.*

[4] *Исправлено Ж из:* то.

Начнемъ же, братія[1], повесть сію
Отъ стараго Владиміра, до нынѣшняго Игоря.
Натянулъ онъ умъ свой крѣпостью,
Изострилъ онъ мужествомъ сердце,
Ратнымъ духомъ исполнился
И навелъ храбрые полки свои
На землю Половецкую за[2] землю Русскую.
Тогда Игорь возрѣлъ на свѣтлое солнце,
воиновъ*
Увидѣлъ онъ воевъ своихъ, тьмой отъ него прикрытыхъ[3],
И рекъ Игорь, дружинѣ своей:
«Братія[4], и дружина!
«Лучше намъ быть порубленнымъ, чемъ даться въ полонъ.
«Сядемъ же други на борзыхъ коней,
«Да посмотримъ синяго Дона
Вспала Князю на умъ охота,
Закрыло
отъ него 1[6]
NB А знаменье [заступило][5] ему желаніе
Отвѣдать Дона великаго.
«Хочу, онъ рекъ, преломить копье
концѣ*
«На [краяхъ] поля Половецкаго, съ Вами люди русскіе!
Хочу положить свою голову,
Иль выпить шеломомъ изъ Дона.

О Боянъ, соловей стараго времени!
Какъ бы воспѣлъ ты битвы сіи,
Скача /соловьемъ/[7] по мысленну древу, *NB*
Взлетая умомъ подъ облаки, *со всѣхъ сторонъ*
NB Свивая всѣ славы сего времени *[всячески] сплетая хвалы*[8]
Рыща тропою Трояновой чрезъ поля на горы
онаго*
Тебѣ бы пѣснь гласить Игорю того Олега внуку;
2 {Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія!
{Галки стадами бѣгутъ къ Дону великому!
3) 1[9] |Тебѣ бы пѣть, вѣщій Боянъ, внукъ велесовъ!

---

[1] *Исправлено Ж из:* братіе.
[2] *Исправлено Ж из:* на. *Им же вычеркнута запятая перед этим словом.*
[3] *Исправлено Ж из:* покрытыхъ.
[4] *Исправлено Ж из:* братіе.
[5] *Отметка Пушкина чернилами.*
[6] 1 *означает, что Пушкин переставил слово:* желаніе *перед словом:* ему.
[7] *Скобки Пушкина* чернилами.
[8] Шесть слов чернилами.
[9] *Цифры 1 и 2 означают перестановку стихов; цифра 3) означает заметку, написанную на отдельном листе.*

Ржуть кони за Сулою,
Звѣнитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
NB Стоятъ знамена въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ милаго брата Всеволода!

И рекъ ему буй-Туръ Всеволодъ:
Одинъ мнѣ братъ, один свѣтъ свѣтлый ты, Игорь,
Оба мы Святославичи!
«Сѣдлай же* братъ, борзыхъ коней своихъ!
NB «А Мои тебѣ готовы, *извѣстны*
«Осѣдланы предъ Курскомъ!
NB Мѣтки въ стрельбѣ мои Куряне!
——————————————ч

«Подъ трубами повиты!
«Подъ шеломами взлелѣяны,
NB «Концемъ копья вскормлены,
«Пути имъ всѣ вѣдомы
«Овраги имъ знаемы,
«Луки у нихъ натянуты,
«Тулы отворены,
«Сабли отпущены, /полѣ/
«Сами скачутъ, какъ, сѣрые волки в [лѣсѣ], полѣ*
«Ища себѣ чести, а Князю славы.

Тогда вступилъ Князь Игорь въ златое стремя
NB И поѣхалъ по чистому полю,
сокрыло[1] Солнце дорогу ему тьмой заступило
и я
Ночь, грозою шумъ на[2] него[2] птицъ пробудила.
Ревъ въ стадахъ звѣриныхъ!
NB Дивъ /филинъ/[3] кличетъ на верьху древа:
——————ч

NB велитъ прислушать землѣ незнаемой:
Волгѣ, поморію и посулію,
И сурожу и Корсуню
И тебѣ истуканъ тьмутараканскій.
NB И Половцы не готовыми дорогами побѣжали къ Дону великому
Кричатъ въ полночь телеги, словно распущенны лебѣди;
Игорь ратныхъ къ Дону ведетъ!
Уже бѣда его птицъ скликаетъ!

---

[1] *Было:* закрыло.
[2] Вписано Ж по написанному карандашом писарем тексту. Ниже обозначаем его пк.
[3] Скобки Пушкина.

И волки угрозою воютъ по оврагамъ,
я
Клектомъ орлы на кости звѣрей зовутъ,
NB Лисицы брешутъ на червленные щиты.
О русская земля! Ужь ты за горами!
Далеко!
NB[ч] Ночь меркнетъ!
Свѣтъ-заря запала! *[пропала[ч]]*

Мгла поля покрыла,
Щекотъ соловьиный[1] заснулъ
Галичій говоръ затихъ! (убылъ)*
Рускіе поле великое червленными щитами прегородили[2]
Ища себѣ чести, а Князю славы.

Въ пятницу на зарѣ потоптали они нечестивые полки
половецкіе
И разсѣясь стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвъ
Половецкихъ
А съ ними и злато и паволоки и драгія оксамиты!
О ртмами[3], епанчицами и кожухами* и разными узо-
рочьями Половецкими
По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ, начали мосты мостить
А стягъ[4] червленный съ бѣлою хорутвію[5],
А чолка червленная [и] съ древкомъ серебренымъ
Храброму Святославичу!
Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо —
Далеко залетѣло!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ черный воронъ, невѣрный Половчанинъ!
Гзакъ[6] бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
А[7] Кончакъ ему слѣдъ прокладываетъ къ Дону великому!
И рано на другой день кровавыя зори[8] свѣтъ повѣдаѣтъ;
NB Черныя тучи съ моря идутъ,
Хотятъ прикрыть четыре солнца!

---

[1] иный *дописано Ж.*
[2] пре *вписано Ж.*
[3] *Вписано Ж по пк.*
[4] *Было:* стязъ. *Поправлено Ж карандашом и сверху чернилами.*
[5] *Поправлено Ж из:* хорухвью.
[6] *Поправлено Ж из:* Гсакъ.
[7] *Приписано писарем потом.*
[8] *Исправлено Ж из* зари.

NB И въ нихъ трепещутъ синія молніи!
Быть грому великому!
NB Идти дождю стрѣлами съ Дона великаго!
Тутъ-то* копьямъ поломаться,
Тутъ-то саблямъ притупиться
О шеломы Половецкіе
На рѣкѣ на Каялѣ у Дона великаго!
О русская земля! далеко ужь ты за горами!
И вѣтры Стрибоговы внуки
Вѣютъ съ моря стрѣлами NB
На храбрые полки Игоревы!
Земля гремитъ[1];
Рѣки текутъ мутно [!],
Прахи поля покрываютъ,
Стяги глаголютъ!
Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ сторонъ
Русскіе полки отступили!
Бѣсовы дѣти крикомъ поля прегородили[2],
А храбрые русскіе щитами червленными.
Ярый Туръ Всеволодъ!
Стоишь на оборонѣ,
Прыщешь на ратныхъ стрѣлами,
Гремишь[3] по шеломамъ мечемъ харалужнымъ;
Гдѣ ты, Туръ, ни проскачешь шеломомъ златымъ
вая[4]
посвѣча[ешь]
Тамъ лежатъ нечестивыя головы Половецкія,
Порубленныя калеными саблями шлемы аварскіе
Отъ тебя ярый Туръ Всеволодъ!
Какою раною подорожитъ онъ, братіе!
Онъ [какъ] по[5]забывшій о жизни и почестяхъ,
О градѣ Черниговѣ, златомъ престолѣ родительскомъ,
О свычаѣ и обычаѣ милой супруги своей Глѣбовны, красныя[6]
(вѣки)*
Были сѣчи Трояновы,

---

[1] *Стих вписан Ж по пк.*

[2] *Исправлено Ж из:* пригородили.

[3] *Исправлено Ж из:* Грѣмишь.

[4] *Исправлено Ж по пк.*

[5] *Вставлено Ж на смену вычеркнутого им слова:* как.

[6] *Стих вписан Ж вместо вычеркнутого им после поправок стиха:*
ей
О [красной Глѣбовнѣ, миломъ сво[емъ] желаніи, свычаѣ и обычаѣ].

Миновались лѣта Ярославовы!

битвы* а*
Были [походы] Олег[овы],
Олега Святославича!
Тотъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ
И стрѣлы онъ по землѣ сѣялъ!
Ступалъ онъ въ златое стремя въ градѣ Тьмутараканѣ!
Молву объ немъ[1]/слышалъ давній великій Ярославъ сынъ всеволодовъ[2]

князь[3]
А [какъ] Владиміръ†[4] всякое утро уши затыкалъ въ Черниговѣ;

хвала на судъ
Бориса же Вячеславича слава на судъ привела;
NB И на конскую зеленую попону | положили его
За обиду Олега, храбраго, юнаго Князя.

(увелъ)*
Съ той же Каялы Святополкъ послѣ сѣчи взялъ отца своего
Между Угорскою конницею ко Святой Софіи въ Кіевъ.
Тогда при Ольгѣ[5] Гориславичѣ сѣялось и выростало междоусобіемъ
Погибала жизнь Даждобожіихъ внуковъ.
Во крамолахъ Княжескихъ вѣкъ человѣческій сокращался!
Тогда по русской землѣ рѣдко оратаи распѣвали.
Но часто граяли[6] враны,
Трупы дѣля межъ собою,
А Галки рѣчь свою говорили:
Хотимъ
[Тещяся] полетѣть на добычу![7]
———————ч

сѣчахъ* битвахъ*
То было въ тѣхъ [ратяхъ], [и] въ тѣхъ [походахъ],
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
Отъ вечера до свѣта
Летаютъ стрѣлы каленыя,
Гремятъ мечи о шеломы,

---

[1] Эти три слова обведены снизу и справа карандашом Пушкиным.
[2] *Пушкиным карандашом указано, что слово это надо перенести до слова:* сынъ.
[3] *Поправка Ж по пк.*
[4] Крест поставлен карандашом Пушкиным.
[5] *Исправлено Ж из:* Олегѣ.
[6] *Ж по пк.*
[7] *Весь стих и поправка Ж по пк.*

Трещатъ харалужныя копья
Въ полѣ незнаемомъ
Среди земли Половецкія!
Черна земля подъ копытами,
Костьми была посѣяна,
Полита была кровію,
NB И по русской землѣ взошло бѣдой[1].

Что мнѣ шумитъ [?],
Что мнѣ звѣнитъ [?],
Такъ задолго рано передъ зарею?
Игорь полки заворачиваетъ!
Жаль ему милаго брата Всеволода!
Билися день!
Бились другой!
На третій день къ полдню
Пали знамена[2] Игоревы![2]
Тутъ разлучилися[3] братья на брегѣ быстрой Каялы.
Тутъ кроваваго вина не достало,
Тутъ пиръ докончили бесстрашные русскіе,
Сватовъ попоили[!],
А сами легли за русскую землю!
Поникаетъ трава отъ жалости!
А древо печалію
К землѣ преклонилось.
Уже не веселое, братья, время настало![4]
Уже пустыня силу прикрыла!
И встала обида въ силахъ Дажбожіихъ внуковъ.
Дѣвой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебѣдиными,
На синемъ морѣ у Дона плескаяся.

Zir[5] Zierde[6]

(*золотыя** [жирныя**])
Прошли времена благоденствіемъ[7] обильныя
Миновалися брани Князей на невѣрныхъ!
Братъ сказалъ брату; то мое, а это мое же!

---

[1] *Переделано из:* бѣдою *Ж по пк.*
[2] *Вписано Ж* по пк на пустое место.*
[3] *Исправлено Ж вместо:* разлучились.
[4] *Весь стих, кроме первого слова, вписан Ж по пк.*
[5] *Корм, пища (польск.).*
[6] *Украшение (нем.).*
[7] *Исправлено Ж из:* благоденствія.

говорить про е про е[1]
И стали Князья [спорить] [о] мало[мъ] какъ [о] велико[мъ]

ть[ж]
И сами на себя крамолу кова[ли]!
А невѣрные со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на русскую землю.
О! далеко залетѣлъ ты соколъ[!], сбивая птицъ къ морю!

храброму[2]
А [безсмертному] полку Игореву уже не воскреснуть!
Въ слѣдъ за нимъ крикнули[3] Карна[4] и Жля и по русской землѣ поскакали.

смага[ч][5] *побѣду*
NB Мча <u>раззореніе</u> въ пламенномъ <u>рогѣ</u>[ч]! *<u>дорогѣ</u>*[ч]

Жены русскія всплакали, приговаривая:
«Ужъ намъ своихъ милыхъ ладъ
«Ни мыслію смыслить,
«Ни думою[6] сдумать![7]
«Ни очами сглядѣть! *(не мало <u>для</u> того)*[ч]

NB у чено[ж]
А злата сребра (много)[8] [по]тра[тить]!
И застоналъ, друзья, Кіевъ печалію,
Черниговъ напастію,
NB <u>Тоска</u> разлилась по русской землѣ,

печаль[ж]
Обильна [тоска] потекла среди земли русскія!
Князи сами на себя крамолу ковали,

набѣгали[ж]
А невѣрные сами съ побѣдами [врывались] на русскую землю[9]
Дань собирая по бѣлкѣ съ двора.

Такъ-то сіи два храбрые Святославича
NB Игорь и Всеволодъ <u>раздоръ</u> пробудили, *<u>lozhba</u>*[10]

---

[1] *Стих исправлен Ж.*

[2] *Ж по слову* безстрашному *пк.*

[3] *Исправлено Ж из:* крикнулъ.

[4] *Ж по пк.*

[5] *Огонь (из «Слова о П.И.»), неверно переданное и Пушкиным (победу), в противовес пониманию Жуковского (разорение).*

[6] *Исправлено Ж из:* душою.

[7] *Исправлено Ж из:* вздумать.

[8] *Скобки Пушкина.*

[9] *Стих исправлен Ж. Было:* ...врывались въ землѣ русскія.

[10] *Помета непонятна.*

Едва усыпилъ его мощный отецъ ихъ
Святославъ грозный, великій Князь Кіевскій
былъ*
Гроза Святославъ!
битвами*
Притрепеталъ онъ враговъ своими сильными [ратями]
И мечами булатными!
Наступилъ онъ на землю Половецкую;
Притопталъ холмы и овраги,
Возмутилъ озера и рѣки,
Изсушилъ потоки, болота,
А Кобяка[1] невѣрнаго изъ[2] луки[2] моря[2]
NB Отъ желѣзныхъ великихъ <u>полковъ</u> Половецкихъ
вырвалъ, какъ вихоръ![3]
И Кобякъ очутился въ городѣ Кіевѣ
Во гридницѣ[4] Святославовой!
Нѣмцы и Венеды,
Греки и Мо[двы] равы*
Славу поютъ Святославу,
Каютъ (корятъ) Игоря-Князя
*тысячи*ˇ
Погрузившаго <u>силу</u> на днѣ Каялы рѣки Половецкія
Насыпавъ ее золотомъ русскимъ[5].
пересѣлъ на седло*
Тамъ Игорь Князь изъ златаго седла [изъшелъ въ сѣдло
Кощіево] отрока;*
Уныли въ градахъ забралы
И веселіе поникло!

И Святославу смутный[6] сонъ привидѣлся:
«Въ Кіевѣ на горахъ въ ночь сію съ вечера
«Одѣвали меня, рекъ онъ, чернымъ покровомъ на кровати
тесовой,
«Черпали мнѣ синее вино съ горечью смѣшенное;
*раковинами*ˇ)[7]
«Сыпали мнѣ ([7] пустыми <u>[колчанами]</u>[8]

---

[1] *Исправлено Ж из:* Кобака.

[2] *Приписано Ж по пк.*

[3] Весь стих вписан Ж по другому, не вполне разбираемому стиху Ж. У писаря был пропуск.

[4] *Исправлено Ж вместо:* градицѣ.

[5] *Весь стих Ж по пк.*

[6] *Исправлено Ж из:* мутный.

[7] *Скобки Пушкина*ˇ.

[8] *Вычеркнуто Пушкиным*ˇ.

«Жемчугъ великой ([1] въ нечистыхъ раковинахъ)[1] на лоно
«И меня нѣжили. *Hérapie* <?>[2] *покидаютъ, оставляютъ меня*
NB А кровля безъ князя была на теремѣ моемъ златоверьхомъ
и — кричали рѣзвые
NB «И съ вечера цѣлую ночь [граяли][3] враны зловѣщіе *[плотоядные]*[3] *[кровож<адные>]*[3]
NB «Слѣтѣвшись на выгонъ въ дебри кисановой!
[NB][3] «Ужь не послать ли мнѣ къ синему морю? —
И Бояре Князю в отвѣтъ рекли:
Печаль намъ, Князь, умы полонила!
Слетѣли два сокола съ золотаго престола отцовскаго
NB Поискать города тьмутораканя[4],
Или выпить шеломомъ изъ Дона!
Ужь соколамъ и крылья невѣрныхъ саблями подрублены,
Сами жъ запутаны въ желѣзныхъ опутинахъ.
Въ третій день тьма наступила!
Два солнца померкли!
Два багряныхъ столпа угасли!
А съ ними и два молодые мѣсяца Олегъ и Святославъ
Тьмою подернулись!
На рѣкѣ на Каялѣ свѣтъ темнотою покрылся!
Гнѣздомъ Леопардовъ | простерлись Половцы по русской землѣ
И въ море ее погрузили.
И въ Хана вселилось буйство великое!
Нашла хула на хвалу!
NB Неволя грянула на волю! *Нужда смѣнила изобиліе*
В[в]ергнулся дивъ на землю.
Вотъ ужъ и Готскія красныя дѣвы
вспѣли на брегѣ синяго моря,
Звоня золотомъ русскимъ.
Поютъ онѣ время Бусово,
Величаютъ месть Шураканову!
А наши дружины гладны веселіемъ. —
Тогда изронилъ Святославъ великій слово златое:
«О сыновья мои Игорь и Всеволодъ!
«Рано вы стали мечами разить Половецкую землю.
«А себѣ искать славы!
«Не съ честію вы побѣдили! *Неславно*

---

[1] *Скобки Пушкина*.

[2] *Помета непонятна.* Может быть, тут написано слово (русскими и латинскими буквами), пытающееся объяснить слово «нѣгуют» подлинника.

[3] Вычеркнуто Пушкиным.

[4] *Исправлено Ж из:* тьмотораканскаго.

«Съ нечестiемъ пролили кровь невѣрную!
«Ваше храброе сердце въ жестокомъ булатѣ заковано,
«И въ буйствѣ закалено!
NB «То[ль][1] сотворили вы моей серебряной сѣдинѣ!
«Уже не вижу могущества моего сильнаго, богатаго,
многовойнаго[ж]
[миловиднаго] брата Ярослава'
NB «Съ его Черниговскими племенами *отраслями*
«Съ Монгутами, Татринами[2] и Шелбирами.
«Съ Топчаками, ревугами и Олберами
за[ж]
«Они безъ щитовъ съ кинжалами сапожными
«Кликомъ полки побѣждали *во славу*
«Звеня славою прадѣдовъ![3] *[хваля] прадѣдовъ*
«Вы же рекли: мы одни постоим за себя ч
«Славу [переднюю][4] сами похитимъ!
«Заднюю славу сами подѣлимъ!
NB «И не диво бы, братья, старому стать молодымъ
«Соколъ ученый *NB* *полинявшiй*
«Птицъ высоко взбиваетъ,
«Не даетъ онъ въ обиду гнѣзда своего!
вотъ
«Но горе! [горе]; Князья мнѣ не въ помощь!
взничь
«Времена обратились на [низкое]
«Вотъ у ромени[5] кричатъ подъ саблями Половецкими;
А Князь Владимiръ подъ ранами!
«Горе и бѣда сыну Глѣбову!
«Гдѣ жь ты великiй Князь Всеволодъ!
«Иль не помыслишь прилетѣть издалеча, отцовскiй златой
престолъ защитить?
«Силенъ ты веслами Волгу разбрызгать
«А Донъ шеломами вычерпать
«Будь ты съ нами и[6] была бы дѣва по ногатѣ
отрокъ[ж]
«А [кощей] по резанѣ;

---

[1] *Вычеркнуто Пушкиным*[ж].
[2] *Описка, вместо:* Татаринами.
[3] Весь стих вписан Ж по пк.
[4] Вычеркнуто Пушкиным[ж].
[5] Исправлено Ж по какому-то ошибочному написанию писаря.
[6] Начиная с этого слова до конца стиха — Ж по пк.

«Ты же по суху можешь
шерещирами
«Стрѣлять живыми [самострѣлами] съ чадами Глѣба удалыми[1];
А вы безстрашные Рюрикъ съ Давыдомъ
NB «Не ваши[ль][2] позлащенные шеломы въ крови плавали?
«Не ваша[ль][3] храбрая дружина рыкаетъ,
«Словно какъ Туры калеными саблями ранены въ полѣ
незнаемомъ!
«Вступите, вступите въ стремя златое!
За честь сего времени, за русскую землю,
«За раны Игоря, буйнаго Святославича!
«Ты Галицкій Князь Осьмомыслъ Ярославъ
«Высоко ты сидишь на престолѣ своемъ златокованномъ,
NB? «Подперъ Угрскіе горы | полками желѣзными, ?

«Заступилъ ты путь Королю,
«Затворилъ Дунаю ворота,
«Бремена черезъ облаки мечешь,
«Рядишь суды до Дуная!
«И Угроза твоя по землямъ течетъ!
«Вороты отворяешь къ Кіеву,
«Стрѣляешь въ Султановъ съ златаго престола отцовскаго
черезъ дальнія земли.
2 1
«Стрѣляй же Князь, въ Кончака невѣрнаго Кощея за русскую
землю
«За раны Игоря буйнаго Святославича!
ты[ж]
«А ты Мстиславъ и смѣлый Романъ!
Храбрая мысльноситъ васъ на подвиги,
«Высоко возлетаете вы на дѣло отважное,
«Словно какъ соколъ на вѣтрахъ ширяется,
«Птицъ одолѣть замышляя въ отважности!
«Шеломы у васъ Латинскіе, подъ ними железные панцыри!
«Дрогнули отъ нихъ земля и многія области хановъ[4],
«Литва, Деремяли, Ятвяга,
|папорзи|[5]
«И половцы копья свои повергнувъ
«Главы подклонили

---

[1] *Начиная с слова:* живыми — *Ж по пк.*

[2] Вычеркнуто Пушкиным[к].

[3] То же.

[4] *Весь стих Ж.*

[5] *Нагрудники, верхняя часть брони (слово из «Слова о полку Игореве»).*

2[1] 1[1]
«Подъ мечи ваши харлужные.
«Но уже для Игоря Князя солнце свѣтъ свой утратило
И древо свой листъ не добромъ сронило.
«По роси, по Сулѣ грады подѣлены.
«А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
«Донъ тебя, Князя кличетъ!
«Донъ зоветъ Князей на побѣду!
Ольговичи храбрые Князю доспѣли на бой!
«Вы же Ингваръ и Всеволодовъ и всѣ три Мстиславича
«Не худаго гнѣзда шестокрильцы,
«Не по жеребью ли побѣды власть себѣ вы похитили?
«На что вамъ златые шеломы,
ваши польскія копья, щиты?
«Заградите въ поле врата своими острыми стрѣлами
«За землю русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича.
«Не течетъ уже Сула струею сребряной
«Ко граду Переяславлю!
Ужь и Двина болотомъ течетъ
«Къ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ невѣрныхъ.
«Одинъ Изъяславъ сынъ Васильковъ
мечами[ж]
«Позвѣнѣлъ своими острыми [щитами] о[ж] шлемы[ж] Литовскіе[ж]
«Утратилъ[2] онъ славу Дѣда своего Всеслава
Под червленными щитами на кровавой травѣ
«Положенъ[3] мечами Литовскими
× [4] «И на семъ одрѣ возгласилъ онъ:
«Дружину твою, Князь Изяславъ
«Крылья птицъ пріодѣли,
«И звѣри кровь полизали
«Не было тутъ брата Брячислава[5], ни другаго Всеволода
«Одинъ изронилъ ты жемчужную душу
«Изъ храбраго тѣла
«Черезъ златое ожерелье!
«Голоса пріуныли!
«Поникло веселіе!
«Трубятъ Городенскія трубы[6]

---

[1] *Цифры, означающие перестановку, написаны Жуковским или Пушкиным.*
[2] *Исправлено Ж из:* Утишилъ.
[3] *Исправлено Ж из:* положилъ.
[4] *Помета Ж?*
[5] *Исправлено Ж из:* Бречислава.
[6] *Исправлено Ж из:* Городенскіе.

«И ты Ярославъ, и вы внуки Всеслава!
«Пришлось преклонить вамъ стяги[1] свои,
«Пришлось вамъ во ножны вонзить мечи поврежденные.
«Отскочили[2] вы отъ дѣдовской славы
«Навели нечестивыхъ крамолами[3]
«На Русскую землю на жизнь Всеславову.
жь[ж]
«О какое бывало вамъ прежде насиліе отъ земли Половецкія!
На седьмомъ вѣкѣ трояновомъ,
ему[ж]
«Бросилъ Всеславъ жребій о дѣвицѣ √милой,
о коня
«Онъ подпершись клюками [сѣлъ на коня],
«Поскакалъ ко граду Кіеву
«И коснулся древкомъ копья до златаго престола Кіевскаго,
Лютымъ зверемъ въ полночь поскакалъ онъ изъ Бѣлграда,
«Синею мглою обвѣшенный,
вонзивши[ж] лся[ж]
«Къ утру жъ[4] √Стрикузы, [ворва[вшись]] раздвигнулъ[5] врата Новуграду
«Славу разшибъ Ярославову!
(Неману)[ж]
«Волкомъ помчался съ Дудутокъ къ Немизѣ,
На немизѣ стелютъ снопы головами,
«Молотятъ цѣпами булатными,
«Жизнь на току кладутъ
«вѣютъ[6] душу отъ тѣла;
«Кровавые бреги Немизы не добромъ были посѣяны
Посѣяны костями русских сыновъ!
«Князь Всеславъ людей судилъ,
«Князьямъ онъ рядилъ города,
«А самъ въ ночи волкомъ рыскалъ!
«До пѣтуховъ онъ изъ Кіева успѣвалъ къ Тмутораканамъ.
волкомъ[7] онъ[7]
NB Къ Херсоню [онъ][ж] великому √путь перерыскивалъ[7]
«Ему в Полоцкѣ рано къ заутренѣ зазвонили

[1] *Исправлено Ж из:* стязи.
[2] *Ж по пк.*
[3] *Ж по пк.*
[4] *Исправлено Ж вместо:* же.
[5] *Исправлено Ж вместо:* раздвигнули.
[6] *Исправлено Ж из:* Полютъ <?>.
[7] *Ж по пк.*

«Въ колокола у Святыя Софіи —
«А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ!
«Пусть[1] и вѣщая душа была въ крѣпкомъ тѣлѣ,
Но часто страдалъ онъ отъ бѣды.
первому[ж]
«Ему √и вѣщій Боянъ мудрымъ[ж] припѣвомъ[ж] предрекъ.
«Будь хитеръ[2], будь смышленъ.
«Будь по птицѣ гораздъ,
«но Божьяго суда не минуешь!
О! стонать тебѣ земля Русская,
«Вспоминая времена первыя и первыхъ Князей!
«Не льзя было стараго Владиміра пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!
«Стяги[3] его стали нынѣ Рюриковы,
«Другіе Давыдовы!
(Нъ рози носяимъ хоботы пашутъ)[4]
славять
«[И] копья [поютъ] на Дунаѣ».
Нарозѣ Голосъ Ярославнинъ слышится, на зарѣ однюкой чечоткою кличетъ.
чечоткою[ж]
«Полечу, говоритъ, [кукушкою] по Дунаю,
«Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ
«Оботру[ж] Князю кровавыя раны на отвердѣвшемъ тѣлѣ его!
Ярославна поутру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ приговаривая:
«О вѣтеръ, ты вѣтеръ!
«Къ чему же такъ сильно вѣешь
«Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью?
«Малоль кораблей на синемъ морѣ твоему лелѣянью
«На что жъ, как ковыль траву, ты развѣялъ мое веселье.

Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ припѣваючи
«О ты Днѣпръ, ты Днѣпръ ты слава-рѣка!
«Ты пробилъ горы каменныя
«Сквозь землю Половецкую!
«Ты лелѣя несъ суда Святославовы къ рати Кобяковой.
«Прилелѣй же ко мнѣ ты Ладу мою
«Что бы не слала къ нему по утрамъ по зарямъ слезъ я на море

---

[1] *Ж по пк.*

[2] *Исправлено Ж из:* хитръ.

[3] *Исправлено Ж из:* Стязи.

[4] *Весь стих написан Ж по пк:* нося на рогахъ ихъ волы нынѣ землю пашутъ *Пушкиным обведены карандашом слова:* нъ рози *и* хоботы.

Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ городской
припѣваючи:
«Ты свѣтлое, ты пресвѣтлое солнышко!
«Ты для всѣхъ тепло, ты для всѣхъ красно!
«Что жъ такъ простерло ты свой горячій лучъ на воиновъ
Лады моей?[1]
«Что въ безводной степи луки имъ сжало жаждой!
«И заточило имъ тулы печалію.

Прыснуло! море къ полуночи!
Идутъ мглою туманы! *Сумреки съ мглою*
Игорю Князю Богъ путь[ж] указываетъ[ж]
Изъ земли Половецкой въ русскую землю,
Къ златому престолу Отцовскому.
Пріугасла заря вечерняя!
Игорь Князь спитъ не спитъ!
Игорь мыслію поле мѣряетъ.
Отъ великаго Дона
До малаго Донца.
(готовъ)
Конь къ полуночи!
Овлуръ свиснулъ за рѣкою,
Чтобъ Князь догадался!
(въ полѣ)
Не быть Князю Игорю!
ъ застучала
2[2] *Онъ* Кликнула, стукнула земля!
Зашумѣла трава:
Половецкія вежи подвинулись!
Побѣжалъ
[Прянулъ] Князь Игорь Горностаемъ въ тростникъ
Бѣлымъ гоголемъ на воду!
Взвергнулся[3] Князь на быстра коня!
плотояднымъ
Соскочилъ съ него [босымъ[4]] волкомъ
И помчался онъ къ лугу Донца;
Полетѣлъ онъ какъ соколъ подъ мглами,
я[ж]
Избива[лъ] гусей лебѣдей къ завтраку, обѣду и ужину

---

[1] *Ж по пк.*

[2] Знак перестановки стиха, сделанный Пушкиным.

[3] *Исправлено Ж из:* Взвернулся.

[4] *Исправлено Ж из:* бѣсомъ.

Когда Игорь Князь соколомъ полетѣлъ,
Тогда Овлуръ волкомъ потекъ за нимъ
Сбивая [стр] съ травы студеную росу[1];
Притомили[2] они своихъ борзыхъ коней.

Донецъ говоритъ: ты Игорь Князь!
«Не мало тебѣ величія!
«Кончаку нелюбія,
«Русской землѣ веселія!»
Игорь въ отвѣтъ: Ты Донецъ рѣка:
«И тебѣ славы не мало!
Тебѣ^{ж},
«√Лелѣявшему на волнахъ Князя
«Подстилавшему ему зелену траву
«На своихъ берегахъ серебряныхъ;
его^{ж}
«Одѣвавшему [ему] теплыми мглами,
«Подъ навесомъ зеленаго древа,
ему^{ж}
«Охранивш[аго] его на водѣ гоголемъ,
«Чайками на струяхъ,
«Чернедями на вѣтрахъ.
«Не такова, примолвил онъ, Стугна[3] рѣка,
«Худая про нее слава!
«Пожираетъ она чужіе ручьи;
торгаетъ^{ж}
«Струги[4] межь кустовъ раз[дираетъ];
«А юношѣ, князю Ростиславлю
«Днѣпръ затворилъ брега зеленыя.
«Плачетъ мать ростиславова
«По юношѣ Князѣ ростиславѣ.
Увянулъ^{ж} ъ^{ж} *отъ* ы
«[Цвѣтутъ] цвѣт[ы] *жалобою*
съ *и*
«А деревья печалію къ землѣ преклонило:

Не сороки защекотали —
Въ слѣдъ за Игоремъ ѣдетъ Гзакъ и Конзакъ[5].

---

[1] Весь стих Ж по другому тексту пк.

[2] Ж^{ч} по Ж^{к}.

[3] *Исправлено Ж из:* Студзна.

[4] *Исправлено Ж из:* Стру<?>

[5] *Описка вместо:* Кончакъ.

и
Тогда враны не гра[я] ли[1],
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали[2],
Ползком только ползали
Дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ кажуть,
Соловьи веселыми пѣснями свѣтъ прорекаютъ!

Молвилъ Гзакъ Кончаку:
«Есть-ли соколъ ко гнѣзду долетитъ,
«Соколенка мы разстрѣляемъ стрѣлами злачеными
Гзакъ — въ отвѣтъ Кончаку:
«Есть-ли соколъ ко гнѣзду долетитъ
«Соколенка опутаемъ красной дѣвицей!
И сказалъ опять Гзакъ Кончаку:
«Есть-ли опутаемъ красной девицей!
«То соколенка не будетъ у насъ,
«Не будетъ и красной дѣвицы;
«И начнутъ насъ бить птицы в полѣ Половецкомъ.

Пѣлъ Боянъ пѣснотворецъ стараго времени
Пѣлъ онъ[3] на[ж]
√ Походы √ Святослава
(Правнука Ярослава сына) Олегова супруга дщери Качаковой[4]
Тяжко, сказалъ онъ, быть головѣ безъ плечь[5]
Худо тѣлу, какъ нѣтъ головы!
Худо русской землѣ безъ Игоря
Солнце свѣтитъ на небѣ —
Игорь Князь въ русской землѣ!
Дѣвы поютъ на Дунаѣ,
Голоса долетаютъ черезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
Ко Святой Богородицѣ Пирогощей[ж];
Радостны земли;
Веселы грады!
Пѣснь мы спѣли старымъ Князьямъ;
Пѣснь мы спѣли Князьямъ молодымъ,

---

[1] *Буква* и *приписана Пушкиным, им же вычеркнута* я, *чтобы получилось:* играли.

[2] *Исправлено Ж из:* строкотали.

[3] Вставлено *Ж* по пк.

[4] Весь стих пк.

[5] Весь стих *Ж* по пк.

Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному Туру Всеволоду!
Слава Владиміру Игоревичу!
Здравствуйте, Князья и дружина!
Поборая за Христіанъ полки невѣрные,
Слава Князьямъ, а дружинѣ аминь!

Печатаемый нами текст перевода «Слова о полку Игореве» принадлежит Жуковскому. Писарская копия его оказалась в бумагах Пушкина к моменту разбора их жандармами совместно с Жуковским, после смерти Пушкина. Так как она имела на себе слой поправок руки Пушкина, то она и была вшита в составленную жандармами тетрадь с другими бумагами Пушкина по «Слову о полку Игореве» (тетрадь № 2386 *Г*, лл. 5—11 и 14—20; совр. шифр — *ПД* № 1123).

На основании нескольких текстовых наслоений на рукописи можно более или менее восстановить историю ее.

В 1817—1819 гг. Жуковский написал перевод «Слова о полку Игореве» на русский язык, которого он сам никогда не напечатал. Было снято для него несколько копий. Одна из них сохранилась в бумагах Жуковского и с его архивом была в 1884 г. передана сыном его П.В.Жуковским в Публичную библиотеку в Петербурге. Другая копия — публикуемая нами. Написана она на белой бумаге верже, с водяным знаком АО 1817 и АО 1818, то есть во всяком случае не ранее этих лет. Переписывал текст Жуковского по-видимому не простой писарь, так как иногда его рукой наряду со словами текста перевода приписаны и варианты. Иные строчки написаны карандашом, точно переписчик сомневался в правильности перевода, именно перевода, а не своего чтения, так как в большинстве случаев Жуковский подтверждал записанный им стих, покрывая его чернильным повторением, но иногда писал совсем иначе построенный стих. Может быть, впрочем, все это объяснилось бы, если бы оказалось, что рукопись Жуковского, с которой снималась копия, была сильно черновой, и переписчику трудно было принять ту или иную редакцию за окончательную. В таком виде рукопись лежала у Жуковского, очевидно, до тех пор, пока Пушкин не заинтересовался текстом «Слова о полку Игореве» вплотную. Было это, вероятно, в феврале 1833 г. (спор о подлинности «Слова» он вел в Московском университете еще в 1832 г.), когда Пушкин получил от Вельтмана его перевод «Песнь ополчению Игоря Святославича» (см. *АП* III, № 700), который он испещрил поправками на полях (см. *ПС* IX—X, 20—21). Листок, вложенный в книгу с замечаниями на текст «Слова», датируется 1836 г.

Надо думать, что Пушкин делился с Жуковским своими впечатлениями от перевода Вельтмана, и тогда-то Жуковский и дал ему свой перевод для ознакомления. Могло это быть не ранее середины ноября 1833 г., так как с начала года до 10 сентября Жуковского не было в Петербурге, он был в своей заграничной поездке, а когда он вернулся, то Пушкин отсутствовал — он был в Оренбурге и потом в Болдине. Итак, Пушкин мог получить копию перевода Жуковского в самом конце 1833 г., интересовался же и занимался «Словом о полку Игореве» он до самой смерти, о чем свидетельствует замечательное письмо А.И.Тургенева к брату, Николаю Ивановичу, от 13 декабря 1836 г.: «О песне о полку Игореве

переговорю с Пушкиным, который ею давно занимается и издает с примечаниями» (Разрядка моя. — *Т.З.*), и дальше: «Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о полку Игореве, коей он приготовляет критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экз. этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий слав. и языка русского» (Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд., 1928, с. 278).

Пушкин пользовался переводом В.Ганки «Слова» на чешский язык (изд. 1821 г.) и переводом Беловского на польский язык (изд. 1833 г.).

Тот же А.И.Тургенев писал 28 марта 1837 г. Жуковскому, разбиравшему бумаги Пушкина: «Может быть найдется у вас и Песнь о полку Игореву in 4°, в бумажке, с отметками карандашом Италинского. Я ссудил ею Пушкина для его издания этой песни. Пожалоста поищите. Пропадет, и никто не узнает, что рука единственного русского археолога объясняла певца древнейшего; да и объяснения — по восточным языкам — важны» («Русский библиофил», 1916, № 4, с. 34—35). Тургенев, общавшийся с Пушкиным в декабре 1836 г., вероятно, тогда и передал поэту этот недошедший до нас документ.

Другие веские свидетельства о занятиях Пушкина «Словом о полку Игореве» весной и летом 1836 г. собраны Н.К.Козминым (*Ак* IX, примеч., 595—596). Мне кажется, что всех этих показаний, а в особенности слов Тургенева о том, что Пушкин ему «прочел несколько замечаний своих», смысл которых мы узнаем в статье Пушкина, совершенно достаточно, чтобы утверждать, что работа Пушкина над переводом Жуковского и статья его относятся к 1836 г., и, может быть, точнее — к декабрю этого года.

Последним доказательством того, что Пушкин занимался переводом Жуковского в 1836 г., служит то обстоятельство, что отдельные замечания на него писаны на обрывках бумаги, которой Пушкин пользовался в 1836 г.

Вчитываясь в эти замечания, можно установить, что именно они были материалом для статьи Пушкина о «Слове о полку Игореве». (Кстати сказать, это имеет и прямое подтверждение: рукописи того и другого, очевидно, лежали у Пушкина вместе, так как сшиты жандармами в одну тетрадь.) Ни разу не называя Жуковского, потому что перевод его не был опубликован, Пушкин полемическую часть своей статьи направляет между прочим и против него. Поставленные на переводе Жуковского Пушкиным цифры 1, 2, 3 означают номера замечаний, имеющихся на отдельных лоскутках бумаги. Эти первые наброски мыслей использованы в статье, разделенной на параграфы, сохранившие нумерацию отдельных заметок.

Пушкин дважды критически читал текст перевода Жуковского. Один раз с карандашом в руках. Тогда были подчеркнуты им неуместные слова, наставлены *NB* (кроме тех, которые мною обозначены NB[ч]) и сделана большая часть поправок. Вторично он делал отметки чернилами и тогда же писал эти замечания на маленьких бумажках.

Поправки Пушкина сводятся к двум типам. Один тип — это уничтожение явных ошибок и нахождение правильных выражений. Другой тип — Пушкин отводит слово Жуковского, но вместо своего, которое ему, может быть, не дается, он пишет оригинальное слово из «Песни о полку Игореве» для сличения и напоминания себе.

Переходим к истории рукописи после смерти Пушкина. Жуковский, как мы видели, разбирая бумаги Пушкина, оставил среди них свой перевод с заметками Пушкина, не сделав никакой пометы, указывающей на то, что он, а не Пушкин, автор перевода. Кроме того, готовя посмертное издание собрания сочинений Пушкина и заказывая писарю копии различных ненапечатанных произведений его, Жуковский дал списать и эту трудную в текстологическом смысле рукопись «Слова о полку Игореве». Текст был списан дважды и вплетен в толстый том (т. № 2395 *ЛБ*; совр. шифр — *ПД* ф. 244 оп.8. № 93, лл. 442—485). Напечатано это все же в посмертном собрании сочинений Пушкина не было, и текст этот лежал без движения до 1882 г., когда его опубликовал Е.В.Барсов.

С этой публикацией связан ряд недоразумений. Дело было, очевидно, так. Рукописи Пушкина, пожертвованные в 1880 г. сыном его А.А.Пушкиным в Румянцевский музей, были привезены в Москву П.И.Бартеневым и временно задержались у него. Он выговорил себе право первой публикации того, что он найдет интересным. Пересматривая огромный том писарских копий с пушкинских текстов, Бартенев увидел и «Слово о полку Игореве», о чем сообщил автору трехтомного исследования об этом памятнике, своему приятелю Е.В.Барсову[1]. Понятно, что Барсов увлекся и напечатал этот писарский текст в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» 1882 г., кн. 2, и отдельным оттиском в 1883 г., назвав свою публикацию: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина. С предисловием Е.В.Барсова». Нечего и говорить, что работа эта должна быть совершенно зачеркнута для исследователя вопроса о работе Пушкина над «Словом о полку Игореве». Во-первых, текст напечатан по писарской копии, представляющей сумбурную контаминацию основного текста из тетради № 2386 *Г* и случайно принятых некоторых поправок Пушкина, а во-вторых, и основной-то текст принадлежит не Пушкину, а Жуковскому. Первое сомнение о том, что перевод принадлежит Пушкину, было высказано в следующем же году Якушкиным (*Я* XII, 543) при описании тетради № 2386 *Г*. Окончательно же обнаружилась ошибка Барсова в 1887 г., когда в приложениях к «Отчету Публичной библиотеки за 1884 г.» был напечатан полностью текст перевода Жуковского «Слова о полку Игореве»; однако перевод этот все же успел попасть в два издания (I т.) Суворина 1887 г. собрания сочинений Пушкина. В *ИВ* 1889, № 3, была напечатана статья А.И.Незеленова «Новые отрывки и варианты сочинений Пушкина» (вошла в его книгу «Шесть статей о Пушкине»), где автор окончательно разрешает все сомнения, указывая на то, что автор перевода — Жуковский. Но Незеленов не заметил, что Барсов публиковал по скверной копии (тетрадь № 2395), и недоумевал по поводу

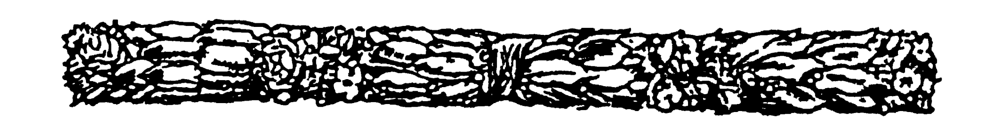
---

[1] Что Барсов работал еще на квартире Бартенева, я сужу по тому, что по справке, любезно наведенной Г.П.Георгиевским, в книге посещений Рукописного отделения Румянцевского музея с 1880 г. по 1883 г. за Барсовым не числится ни одной рукописи Пушкина, ни тетради № 2395.

текста, хотя уже в 1887 г. Якушкин писал о дефектах публикации Барсова (см. *РС* 1887, № 2, с. 712). Незеленов привел некоторые поправки Пушкина, не претендуя на исчерпывание их. Полностью же поправки Пушкина на переводе Жуковского так до сих пор и не были опубликованы, вплоть до академического издания Пушкина, где редактор критической прозы Н.К.Козмин сообщил только, что «известно также, что попытка В.А.Жуковского переложить "Слово" на современный русский язык вызвала ряд поправок со стороны Пушкина» (*Ак* IX, 2-й полутом, 595). При этом Козмин ссылался не на рукопись, а на Незеленова, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», на *РС* 1884 (*Я* XII) и на «Отчет Публичной библиотеки за 1884 г.».

Работа Пушкина над «Словом о полку Игореве» была последней творческой работой его.

Пушкин написал лишь небольшую часть предполагавшейся статьи о «Слове о полку Игореве», но текст перевода Жуковского он внимательно прочитал до конца и все свои возражения отметил подчеркиваниями, значками «*NB*», а часто и более ясной критикой. Будущему исследователю вопроса о работе Пушкина над «Словом о полку Игореве» публикуемый здесь текст предоставит богатый материал.



III

ФРАГМЕНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГ, ЗАПИСИ МЫСЛЕЙ

В этот отдел включены в основном тексты творческого характера, поэтому отдел в наибольшей степени претерпел изменения по сравнению с первым изданием (как правило, тексты, которые были там представлены, вошли в Акад.). Комментарии к №№ 1, 4, 7, 11—15, 20—23 принадлежат М.А.Цявловскому, к №№ 16—18 — Л.Б.Модзалевскому, к №№ 2, 3, 5, 6, 8—10, 19, 24 — С.А.Фомичеву. — ***Ред.***

1.

<u>іада.</u>

Мим — своими
любим — въ, Нови—
ковъ С — <Гол>ицинъ
Орлов
Тур<геневъ> — <м>олодежь
агов ъ
[Ка] — <ц>ензура
К
р
Це — ц.

Запись в тетради № 2364, л. 54 (совр. шифр — *ПД* № 829), у черновика стихов четвертой песни «Руслана и Людмилы», по краям вырванного куска листа. По положению в тетради запись нужно датировать 1818 г.

У *Я III*, 653 лишь два слова; полнее дал Брюсов в «Весах», 1907, I, с. 74—75. Трудно определить, что представляет собою запись*.

Новиков — вероятно, деятель просвещения и издатель Николай Иванович Новиков, *Орлов* — вероятно, Михаил Федорович Орлов, *Тургенев* — вероятно, Александр Иванович Тургенев или его брат Николай Иванович Тургенев, *Кар.* — Николай Михайлович Карамзин.

2.

На
[произтекающей,] [на] <?>
Против

* Н.Н.Петрунина трактует эту запись как одну из первых попыток автобиографических записок (см.: «Русская литература», 1991, № 3, с. 85). — *Ред.*

боясь обезпо<ко>ить [И]
мирной И
√ сонъ почтеннаго [К]
невѣж [П]
[А]

Запись в тетради № 2364 (совр. шифр — *ПД* № 829, л. 51) на корешке оборванного листа (внизу). Впервые напечатано (несколько неточно): *РП*, с. 154, где текст истолкован как «отрывок черновика иронического письма к неизвестному».

Следует иметь в виду, что оборванный лист был использован Пушкиным для записи стихотворного текста (ср. оставшиеся заглавные буквы справа), — по всей вероятности, очередного фрагмента поэмы «Руслан и Людмила». Слева, у корешка, намечались вставки в стихотворный текст (вверху листа сохранились еще слова «смотрит», «давно поведал», «всех», «хорово<д>», «тихого», «приятного»). Поэтому и публикуемый здесь текст было бы корректнее истолковать как вставки в черновой текст, ныне оборванный. Помещенный под текстом (у самого обреза листа) портрет самодовольного дурака проясняет характер этого текста. Очевидно, на л. 51 Пушкиным записывался эпизод поэмы, обозначенный в плане чуть ниже (на л. 63) как «Фарлаф в загородной даче». На л. 52 Пушкин сначала чернилами записал «[Фарлафъ без]», но далее карандашом начал обрабатывать зачин «Песни IV» — «Певец таинственных видений».

3.

Chère Olinka

Запись (смазанная) в тетради № 2364 (совр. шифр — *ПД* № 829, л. 92). Напечатано впервые: *РП*, с. 155, где истолковано предположительно как начало неизвестного письма Пушкина к сестре Ольге Сергеевне. Между тем, имя это неоднократно упоминается в тетради *ПД* № 829. На л. 47 об. оно каллиграфически выписано в зеркальном отражении: Я Л О, на л. 54 в черновике стихотворения «Веселый пир» («Чтоб желанием горя Оля близ меня дремала»). Здесь подразумевалась Оленька Массон, дама петербургского полусвета, которой Пушкин посвятил стихотворение «Ольга, крестница Киприды...» (1819). Поэтому и французскую запись на л. 92 было бы корректнее связывать с ней же.

4.

внушить — внять
И пріимите ушима вашима
словеса устъ его. *Іеремія пр.*

Запись на л. 47 об. в тетради, хранившейся в ПБЛ (см. *Рук. П* № 42, с 22, где запись не указана; совр. шифр — *ПД* № 830, л. 47 об.). Вместе с этой записью на этой же странице запись стиха «Ведите же прежде телят ..» и черновые наброски «Чей голос выразит ясней...» из «Бахчисарайского фонтана» и стихотворения «Кокетке», датируемого 1821 г.

Впервые напечатано: *РП*, с. 157.

Судя по положению в тетради, запись сделана в 1821 г.

Первая строка записи — лингвистическая заметка, говорящая о том, что Пушкин слово «внушать» объяснял как составленное из приставки «вн» (в + н) и «ушать», производя последнее от слова «ухо», подобно слову «внять», составленному из «вн» и «ять», то есть имать, брать. В качестве иллюстрации этого объяснения и приведена цитата из славянской Библии, книги «Пророка Иеремии», стих 20 главы IX, который читается: «Тѣмже слышите, жены, слово Господне и пріимите ушима вашима словеса устъ Его и научите дщери ваша рыданію и каяждо искреннюю свою плачу».

Вообще же в церковнославянском языке и у поэтов XVIII века «внушать» значит «внять». Например:

О ты, которою Россия
Давно от чресл Петровых ждет,
Для коего мольбы святые
Елисавета к богу льет,
Гряди, гряди, гряди поспешно:
О сем едином безутешно
Вздыхают Росы всякой час!
О небо, предвари судьбину,
Снабди плодом Екатерину!
Внуши народов многих глас!

(М.В.Ломоносов. Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1752 г., строфа 20-я[1]).

5.

младость

радость

летъ

<го>лубые

<зла>тые

плечь

---

[1] Этой справкой мы обязаны С.М.Бонди.

Остатки стихотворных строк в тетради № 2366 (совр. шифр — *ПД* № 832, л. 3в об). Соответствие им находим в поэме «Вадим»:

Но кто же тот? Блистает *младость*
В его лице: как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, *радость*
Его не знала с детских *лет*.<...>
Славян вот очи *голубые*,
Вот их и волосы *златые*,
Волнами падшие до *плеч*...

(Акад. Справочный, с. 36)

Следовательно, на оборванных лл. 3а—3е тетради *ПД* № 832 шел черновик поэмы «Вадим». «Эти обрывки "черновика" "Вадима", — справедливо заметила Т.Г.Цявловская (Зенгер), — находятся перед беловым с поправками автографом "Песни о вещем Олеге" с датой "1 марта 1822". Тем самым черновик поэмы "Вадим" следует, по-видимому, датировать концом февраля 1822 г.» (*Лет*., с. 665).

Печатается впервые.

6.

Онъ улыбался равнодушно
Когда советы матерей

Зачеркнутые строки на л. 7 тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835) среди черновых набросков стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал...» и «Письма Татьяны». Впервые напечатаны в *М*. акад. (т. 2, с. 218) среди отрывков стихотворений. Однако их следует, вероятно, расценить как вариант к роману в стихах «Евгений Онегин» (в *Акад*. он остался неучтенным), связанный с мыслями героя, вызванными «посланием Тани» (ср. строфы IX и X четвертой главы романа). Датируются по положению в тетради концом марта 1824 г.

7.

[Пускай услышитъ]
Объ милыхъ щастливую вѣсть

Написано на л. 7 об. тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835), на странице, где находятся черновики XXXII строфы третьей главы «Евгения Онегина», «Цыган», стихотворения «Морей [красавецъ] окрыленный», которые можно датировать июнем 1824 г., когда, надо думать, был записан и этот стих.

Впервые напечатано: *РП*, с. 158.

8.

За столомъ
Невѣсту
Поютъ подружки плачутъ
А вотъ и сани скачутъ

На дворъ женихъ — ужъ на крыльцѣ —
Поднялся въ избу — входитъ —
На всѣхъ съ улыбкой <?> на лицѣ
Веселый взоръ наводитъ

Съ собольей шубой на плечахъ
Съ бобровой шапкою в рукахъ
[И сапожокъ]
Съ немецкою подковкой

Черновая запись строк баллады «Жених» на л. 30 об. и л. 29 об. тетради *ЛБ* № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835). Была замечена Якушкиным (*Я*, VII, с. 10) и в статье, посвященной творческой истории стихотворения (Кукулевич А.М., Лотман Л.М. Из творческой истории баллады «Жених». *Пушкин. ВПК*, т. 6, с. 83), где (несколько неточно) напечатана. В *Акад.* среди вариантов баллады эти строки не зарегистрированы.

Датируется серединой октября 1824 г.

9.

я милъ и мой успѣхъ оправдалъ меня — тутъ я их узналъ —

Запись в тетради *ЛБ* № 2370, л. 34 (совр. шифр — *ПД* № 835) непосредственно перед черновым вариантом строфы IV четвертой главы романа в стихах:

Смешон конечно важный модник
Систематический Фоблас...

(Акад., VI, с. 337).

Впервые неточно прочитано: *РП*, с. 158, с пометой: «Смысл записи непонятен». Фразу следует, вероятно, понимать как обычную помету-конспект, предваряющую дальнейший стихотворный текст, а следовательно, и печатать в составе черновых вариантов романа.

Датируется по положению в тетради концом октября 1824 г.

10.

Он из Германии туманной
Привез презренье суеты
Славолюбивые мечты
Ученость [ум] не много странной
Всегда

Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего —
Цель жизни нашей для него —
Был<а> заманчивой загадкой —
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал —

Людей священные друзья
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит —

Он пел поблеклой жизни цвет
(Без малого в 18 лет)

С мо<е>й холодною душой
Печально преданной другой

любовью чистой

Черновые наброски на л. 58 тетради *ЛБ* № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835). Впервые отмечены Якушкиным (см. *Я* VII, с. 31), но в *Акад.* пропущены. Впервые полностью (со всеми промежуточными вариантами) опубликованы Л.С.Сидяковым (Сидяков Л.С. К истории работы Пушкина над второй главой «Евгения Онегина». *ВПК*. 1975, с. 5—6). Над второй главой романа Пушкин работал в конце 1823 г., но в начале 1825 г. он выполнил вторую беловую рукопись этой главы для отсылки ее П.А.Вяземскому, что потребовало переработки ряда строф, следы которой и сохранились на л. 58 тетради *ПД* № 835.

11.

а вой
Эду ввелъ
то
он по-
1
оцѣнить
нiй
я
ъ
[и]

Запись в тетради № 2368, лл. 20 и 20 об. (совр. шифр — *ПД* № 836, л. 19а). Текст находится на оставшейся в тетради части вырванного (после жандармской нумерации) листа. Судя по положению в тетради, возможно, написано в июне 1827 г. На основании слова «Эду» можно думать, что здесь мы имеем обрывки статьи о Баратынском.

Впервые напечатано: *РП*, с. 161. См.: Бонди С.М. Новые страницы Пушкина. М., 1931, с. 118, прим.

12.

Когда бъ
ты прежде
зналъ <?>

Записано в тетради № 2371, л. 3 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 4) (и тогда же смазано) на полях черновика первых стихов IV строфы седьмой главы «Евгения Онегина», писавшихся, вероятно, в августе 1827 г., когда, надо думать, сделана и запись, объяснить которую мы не можем.

Впервые напечатано: *РП*, с. 161.

13.

стараясь приноравливаться къ слабо-
сти ихъ понятiя.

Запись на л. 24 об. тетради в 8 д. л. (в 51 лист) с перебеленным текстом четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» (в *ПБЛ*) (см.: *Рук. П* № 14, с. 10; совр. шифр — *ПД* № 935).

К чему относится запись, определить не можем. Датировать ее можно предположительно 1826—1827 гг., временем переписки четвертой и пятой глав «Евгения Онегина».

Впервые напечатано: *РП*, с. 161.

14.

Забыли вы меня

Запись в тетради № 2371, л. 23 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 22), верхом вниз по отношению к тексту на этой странице — черновику стихотворения «Анчар»; по положению в тетради датируется августом 1828 г. Эти три слова — вероятно, начало письма, до нас недошедшего, а может быть, и ненаписанного.

Впервые напечатано: *РП*, с. 162.

15.

<1> <37—38 стр.> Семейственной феодализмъ
есть безсмыслица Гизо

С. 37—38: Но единовластие не могло *с тех времен* установиться в Руси: оно было еще слишком ново для Русского государства, и притом система политического быта должна была испытать еще одну необходимую степень, составляющую переход от феодализма к монархии: *систему Уделов*, обладаемых членами одного семейства, под властию старшего в роде — *Феодализм семейный*.

<2> 87 стр.
верхо<вный?>

С. 87: Деление сословий народных на аристократов, духовенство и народ после Ярослава существовало уже решительно в Руси.

Но аристократизм существовал собственно только в отношении к народу: перед лицом Князя всё сливалось в одно звание: *рабов*. Его первый чиновник и последний смерд были пред ним равны. Поставляемый торжественно на княжеский стол, повелитель дружин, судия народа, получавший от него присягу в верности и повиновении, Князь был выше всякого суда народного.

<3> <92 стр.> огнище[1]

очагъ

foyer (дымъ)

что тутъ забавнаго

Огнищанинъ

владѣлецъ

proprietoire

С. 92—94. Кроме княжеских Тиунов, были Тиуны городские, или *огнищане*[85].

[85] *Тиун городской, тиун боярский*, понятны после предыдущего изъяснения; но, что такое *огнищане?* Кажется, что это были какие-то избранные, почетные люди. Читаем в *Новгородской летописи* (с. 35): «Приде Ростислав из Киева на Луки, и позва Новгородцы на поряд, *огнищане*, гридь, купцы вящшие (купце вячьшее)». Тиун огнищный был важная особа: вира за него полагалась двойная, как за Тиуна княжеского; он поставлялся рядом с Тиуном конюшим: следовательно он был *чиновник, к чему либо приставленный*. Прежние изъяснители Русской Правды говорили *(Прод. Древн. Росс. Вивлиофики*, т. II, с. 17*)*: «Огнищанин *то же, что и при нас* (в 1767 г.): именовались так *огневщики* и объездщики; ныне *полицейские офицеры в городах*». Не соглашаемся. Огнищане составляли какое-то сословие, выше смердов: плата за оскорбление огнищанина полагалась *вчетверо более* против смерда. Карамзин говорит, что тиун огнищный значил *тиун граждан именитых* (Ист. Г. Р., т. II, с. 46). Он не верил издателям Русской Правды, которые считали огнищан *однодворцами*, и прибавлял о сем мнении их: — «слова, написанные единственно из головы», а потом изъяснял, что «имя огнищан произошло в глубокой древности от слова: *огнище*, или *очаг*, знаменовало граждан домовитых и наконец обратилось в название *житых людей»* (Ист. Г. Р., т. II, прим. 67). Где ж доказательства? Карамзин ссылается на 306-ое примечание в IV-м томе Ист. Г. Р. и 36-е и 106-е в V-м. Развертываем сии места и находим: «Имя: *житейские люди* означало то же, что люди житые, или прежде огнищане». В другой ссылке: «житых людей, вместо древнейших огнищан»; в третьей: «Житьими, или житыми людьми назывались граждане зажиточные, нарочитые, или все не принадлежавшие к черному народу. В XI-м веке они назывались огнищанами». Такие ссылки забавны, но вовсе не положительны, а изъяснение огнищан очагом походит на изъяснение ключа человеком (см. выше, т. I, с. 124). — Мы знаем, что была в казацких войсках, и у волжских разбойников, должность *огнищанина* или кашевара: это был род казначея. Не значил ли тиун огнищный выборного человека при казне и податях со стороны города? Но почему некоторые из горожан именовались огнищанами, не знаем.

<4> 96

военные

отро<ки>

---

[1] *Первоначально было:* огнищане.

<5> гридня (комната)
метникъ щетникъ[1]

С. 95—96: Двор Князя состоял из *бояр*. Сим древним названием означались почетные, отличенные Князем и приближенные к нему люди[87]. Военные чиновники: *тысячские, сотники*, дополняли число придворных. Они, и вообще избранная воинская дружина Князей, носили название *гридни*, или двора княжеского. Впрочем, с XI-го века сие слово заменялось уже словом: двор[88].

[88] *Гридня* произошло от скандинавского Grith, и значило: *двор господский, княжеский;* отселе гридин, как *придворный* (см. Барона Розенкампфа, *Обозр. Кормчей книги*, с. 315)... Вообще, кажется, можно вывести следующие различия: вся аристократия княжеская разделялась на *княжих мужей* и *княжих отроков*. Первые вообще были *бояре;* исправляя какую-либо должность, принимали они общее название *тиунов*, а по месту и должности имена: *тысячского, вирника, мытника* и проч. Вторые были вообще *гридины* (потом *дворяне*), а по должностям назывались: сотские, метники (метельники)...

<6> 97 крестьяне
смердѣть (73)[2]

С. 97: Будучи рабами Князей, тем не менее подданные его считались людьми свободными. Общее именование всех было: *крестьянин*, имя, испорченное из имени: *христианин*, чем отличали себя принявшие христианскую веру[91].

[91] Во всех древних памятниках читаем: *крестьянин*, вместо: *христианин:* не от слова ли: *крест* сделано было сие изменение?

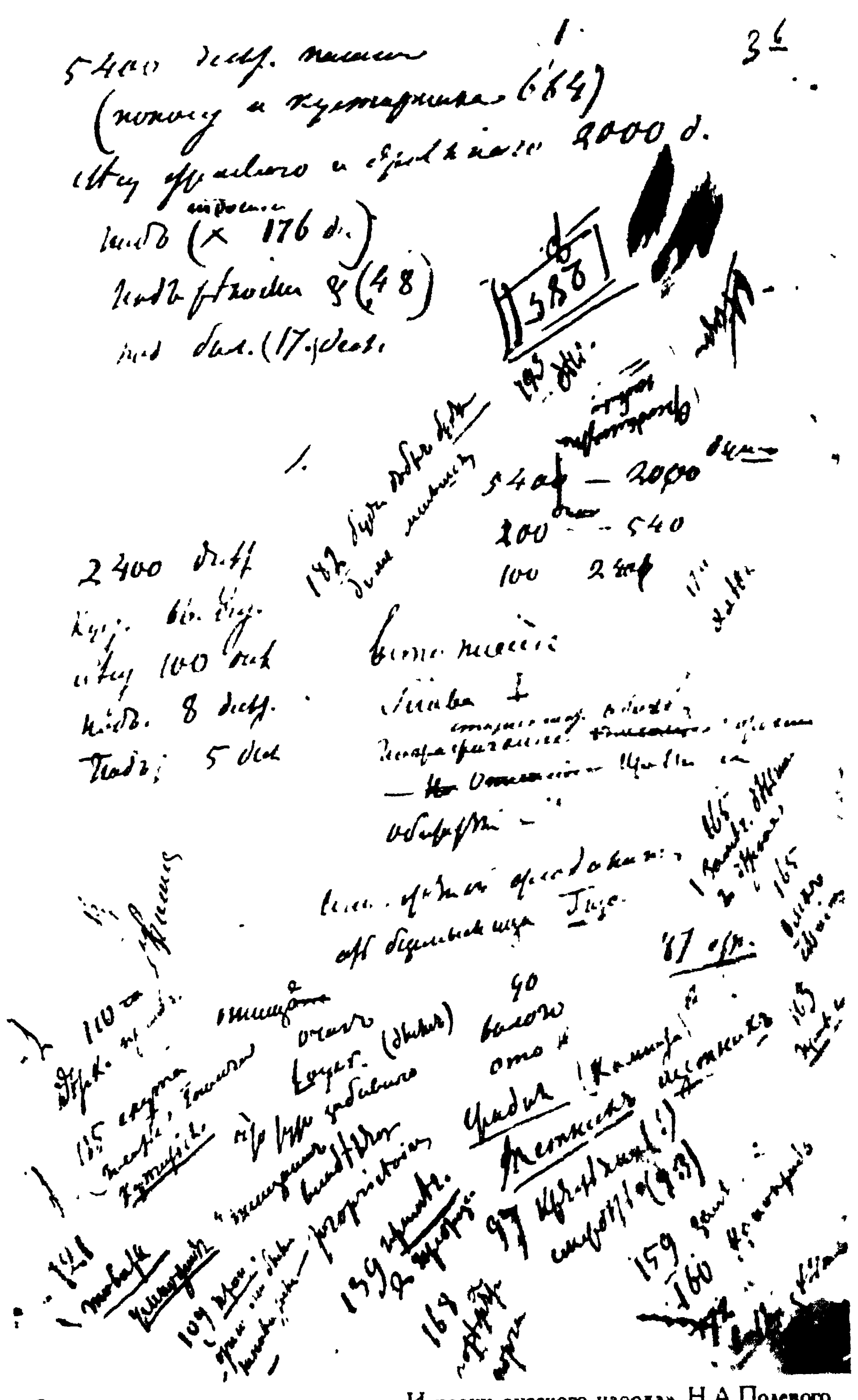
[92] Вообще номенклатура и подразделения званий в древней Руси требуют еще исследований. Мы будем иметь случай говорить о сем предмете, предварительно изъясненном здесь и в I-м томе (с. 73 и след.). Имея уже общее понятие, скажем, что всего труднее в сем отношении исследования хронологические, и что всего легче можем мы принять позднейшее название за древнее. Скажем в отношении званий то, что говорили в отношении древнего местного управления (прим. 82): надобно бы сообразить и изъяснить все звания, какие доныне находятся еще в России. Вызывая на подобные труды опытных юристов, просим только их не увлекаться толкованиями Татищевых и Болтиных, большею частию неверными: можно ли и поверить, например, чтобы *смерд* происходило от *смердеть*? Карамзин с сим соглашался!

<7> 110 ст<раница>
дѣтск<ое> примѣч<аніе>

---

[1] *Пушкин писал вместо «счет» «щет». Запись означает, что Пушкин объяснял слово «метник» как «счетник».*

[2] Указанная Полевым страница I тома его «Истории».



Заметки при чтении второго тома «Истории русского народа» Н.А.Полевого

С. 109—110: Так в Ростовской области, в княжение Святослава, во время голода, явились два кудесника, распространяя какое-то нелепое понятие о боге, мире, человеке, и уверяя, что хлеб, рыбу, мед скрывают в телах своих женщины. Жители приводили к ним матерей, жен, сестер, дочерей своих, и волхвы, *обморачивая* легковерных, разрезывали женщинам спины, плечи и показывали вынятые из тела съестные припасы. Многие женщины были растерзаны народом, как чародейки[104].

[104] «*В мечте* пререзываша за плечом»... (*Кен. сп.*, рук. л. 103). Это выражается ныне русским словом: *обморочивать*. Так доныне ни один простолюдин не верит, что искусство и ловкость помогают фокусникам, и уверены, что они *обморочивают зрителей*. Замечательно, что на старух, особливо безобразных, всюду падало и падает обвинение в колдовстве. Неужели безобразная старость всегда почиталась и почитается признаком зла? Любопытно еще, что даже ныне некоторые из старух, будучи уверяемы другими, что они колдуньи, сами начинают верить этому в преклонных летах. Имя *колдуньи* почти везде у нас принадлежность старухи уродливой.

<8> 115 скута
платье епанча
кутаться

С. 115: Тогда Глеб, спрятав топор под *скуту*, подошел к волхву и спросил: «Твое всеведение простирается ли на следующий день, или только то знаешь ты, что сегодня будет?» — Всё провижу! отвечал волхв. — «И то, что случится с тобою сегодня?» продолжал князь. — Я сотворю великие чудеса! вскричал волхв. Тогда Князь с размаха ударил его топором, и с падением злодея народ безмолвно разошелся[110].

[110] *Скутание* значило *спрятание, сохранение* (см. *Иоанн Экзарх Булгарский*, с. 196); что же такое значит: *скута?* (не пола ли платья?) — Рассказ о Новгородском волхве см. *Кен. спис.* (рукоп. лист 106).

<9> 121 товары
умножилъ

С. 120—121: В 1161 году восстал спор в Суздальской области. Епископ Леонтий утверждал, что в праздники, если они придутся в среду и пятницу, не должно есть мяса[117]. После долгого прения, Леонтия послали в Царьград, где, оскорбив греческого императора бранью, он едва не был брошен в реку[118].

[118] «Стоящу царя *товары* (табором?) над рекою, и Леону молвящу на царя, удариша слуги царевы Леона за шею, и хотеша в реце утопити» (*Кен. спис.*, с. 237). Тут были послы: Киевский, Суздальский, Переяславский и Черниговский. Леонтий замечателен тем, что интригами успел взойти на Суздальскую епархию, и был оттуда изгнан за *умножение церквей*, от чего доходы священников уменьшились. Карамзин изъясняет слова летописи: «*Умножил бяше церковь, грабя и попы*» тем, что Леонтий *умножил церковные налоги* (*Ист. Г. Р.* т. III, прим. 29). Едва ли можно на это изъяснение согласиться».

<10> 139 примѣч<анiе>
2 три <?> образа

С. 140 (примечание): Самый образ писания истории в новейшие времена, т.е. после Средних веков, поставляет в затруднительное положение новых историков. А.Тьерри прекрасно разделил образ писания истории, бывший после Средних веков, на три методы (Lettres sur l'hist. de France[1], с. 53 и след.). Оставив монастырские летописи, в XV-м и XVI-м столетиях преимущественно стали издавать сборники любопытнейшего (trésor, miroir, jardin des histoires)[2]. Потом явились подражания древним историкам: raconter avec pompe, supposer des discours bien faits, tracer des portraits avec finesse, ce furent les qualités que l'on exigea d'un historien, et sur lesquelles on mesura le degré d'estime qu'il convenait de lui accorder[3]. Затем потребовали Историй с фразами, сентенциями и рассуждениями. Всё это прекращается только в новейшее время, когда созданная англичанами, одушевленная умом германцев и красноречием французов, история является истинною дщерью философии и опыта. Надобно ли делать применения слов Тьерри к России?

<11> 159 замѣч.

С. 159: Но кто убил кого в частной ссоре, или на пиру, то платит сам за себя, без участия виры.

IV. Если вервь за убийцу не заступится, и сам он платить виры не может, то отдается Князю на поток и разграбление с женою и с детьми[156].

[156] Вот важные, хотя чрезвычайно темные статьи. Прошу читателей внимательнее рассмотреть ее в тексте Русской Правды. *Как* я понимаю ее, это видно из моего перевода; цель сей статьи я объяснял в I-м т. (с. 80). Карамзин, мне кажется, решительно не понял сей статьи, и изъяснял ее неудовлетворительно и превратно. «Аже, кто убьет княжя мужа *в разбои*», он перевел: «Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве, и скроется», т.е. он соединил следующую после статью: «Оже будет убит, или в сваде, или в пиру явлено». Положим, что «головника не ищут», значит: *скроется*, а не то, что «*скрывшегося не хотят искать*», за что ж было платить верви, когда головник *не скрылся* (будет головник в верви?). За то, отвечает Карамзин, что убийство сделалось *в ссоре*, или *в пьянстве*, и прибавляет: «Закон весьма благоразумный в тогдашние времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченного вином или ссорою, он побуждал всякого быть миротворцем, чтобы в случае убийства не платить вместе с виновным». Но разве убийство *без ссоры* могло быть? Было по мнению Карамзина, и за него-то отдавали на поток и разграбление. Карамзин сам дивится всему этому и восклицает: «*устав жестокий и несправедливый!*» (см. *Ист. Гос. Росс*., т. II, с. 49).

---

[1] Письма об истории Франции (*фр.*).

[2] «Сокровищница», «Зерцало», «Сад рассказов» (*фр.*).

[3] Рассказывать высокопарно, выдавать за верные, хорошо составленные выдумки, тонко рисовать портреты — это были качества, которых требовали от историка и по которым измеряли степень уважения, которое подобало ему оказывать (*фр.*).

<12> 160 конокрадъ

С. 160: Также безусловно отдается на поток человек, укравший коня[157].

[157] Конь езжалый, военный, ценился весьма дорого: сличите цену за покражу других животных, неезжалого жеребенка и кобылу. У саксонов за кражу воинского коня казнили смертью. Доныне ужаснейшее оскорбление назвать русского кретьянина *конокрадом:* это следы древности.

<13> 163

<u>порѣжетъ</u>

порча

С. 162—163: XII. Продажи за причинение убытков: Кто порчею уморит у кого либо скотину, продажи 12 гривен и гривна *урока* за пакость[162].

[162] «Пакощами порежет конь, или скотину, то продажа 12 гривен, а за пагубу гривна урок платити». Кажется, что речь идет о *порче* скота, столь известной у нас доныне в простонародии и приписываемой колдовству. Карамзин думал, что это значит: *умышленно зарезать*, и прибавил нравоучительное размышление: «Злоба бесчестила граждан», и проч. (*Ист. Г. Р.* т. II, с. 53).

<14> 163

прав<ильно>

С. 163: Кто похитит борть, или испортит ее, перекопает межу бортную, запашет межу ральную, перегородит тыном межу дворную, срубит дерево межное, продажи 12 гривен.

Если при том останутся следы, вервь обязана искать вора, или платить продажу[163].

[163] Карамзин (*Ист. Г. Р.* II, 53 и прим. 80) читал: *бобр*, вместо *борть*, ибо кроме принятого нами в основание списка, в других стоит: *бобр;* но можно ли было за бобра платить 12 *гривен?* Притом, далее в сей статье идет речь о борти и межевых деревьях. О борте ниже сказано еще: «Аще борть *подьтнеть*, то 3 гривны продажи, а за дерево пол-гривны»: противоречие с законом, коим тот, кто *украдет, раззнаменает перетнет* борть, или замеченное дерево, платит 12 гривен. Борть значило дерево с значком. Карамзин внес оба закона в текст свой и полагает на 53-й странице II-го т. *Ист. Г. Р.* за стесание бортных знаков 12 гривен, а на 54-й за ссечение самой борти только 3 гривны!

<15> 165

1 замѣч. дѣльное

<16> 2 дѣтское

<17> 165

<u>олекъ</u>

essaim[1]

---

[1] Пчелиный рой (*фр.*).

С. 165: За украденного в перевесе сокола, или ястреба, 3 гривны и хозяину гривна[166].

За выдерку улья 3 гривны продажи; если притом был мед, прибавляется 10 кун, если был *олек*, 5 кун[167].

[166] Сокол и ученый ястреб ценился чрезмерно дорого, следственно он составлял важную принадлежность знатных. Соколиная охота была страсть, роскошь знатных скандинавов, германцев, франков (см. Галлама, L'Europe au moyen age[1], т. IV, с. 144). Отнятие сокола за долг считалось бесчестием должника; у дворянина даже запрещалось отнимать его; цены соколов были безмерные; бывали даже сильные сражения за соколов. Карамзин полагал, что большою ценою соколов — «законодатель хотел *обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле» (Ист. Г. Р.* т. II, с. 54)!! — Голубиная охота осталась и доныне страстью русских простолюдинов, потому и за голубей, вероятно ученых, была цена огромная. И доныне есть голуби, продаваемые весьма большою ценою. Странная охота сия состоит в том, что заставляют голубей летать разными образами; это называется: *гонять голубей*.

[167] «Аже бчелы выдерет, то 3 гривны продажи, а за мед, оже будут бчелы не лажены, то 10 кун; будет ли олек, то 5 кун». Следственно пасеки были в лесах, а ульи просто в дуплах дерев. Что такое: *олек?*

<18> 169 проц.<енты>
отчего они были ненавистны

С. 169: Но, если кто дал что-либо другому, получая с него прибыток (куны из процентов, мед в настав, жито в присып), то требуются свидетели непременно; впрочем, при долге такого рода, если он дан был деньгами, не более 3 гривен, можно обойтиться и без свидетелей, с присягою истца. Но долг более 3-х гривен требует свидетелей непременно и истцу суда не давать, ибо он сам виноват, что свидетелей у него нет[173].

[173] След. отдававший в процент пользовался меньшими против других удобствами. Изъяснение, почему за неимением свидетелей, при долге более трех гривен, суда не давать, за присягою: «рещи ему тако: *промиловал еси, оже еси не ставил послухов»*. Странно, почему отдача из *барыша*, всюду, до знаменитого Бентама, первого защитника процентов, считалась грехом и неправедным нажитком? Это изъясняется, если не ошибаюсь, сущностью дела и соображением нравов каждого первобытного народа. Труд капитала не поставлялся ни во что, требовался личный труд, и деньги притом не считались товаром. В Средние времена еще более обесславило проценты то, что жиды занимались ими преимущественно. Таких предрассудков всегда и везде найдем довольно. Что древние Руссы почитали *резоимство* грехом, видим множество доказательств. «Мзды не емлите и в лихву не дайте», говорит Лука Жидята, исчисляя главнейшие грехи (*Русск. Достоп.*, т. I, с. 10). Резоимец не мог быть избран ни в священники, ни в диаконы.

---

[1] Европа в средние века (*фр.*).

<19> 172

весьма дѣльное

С. 172: Но раб может торговать с позволения своего господина, и в сем случае господин отвечает за долги его, или лишается раба, которого должники могут продать[178].

[178] Следственно, в сем случае, мы отступили еще в отношении понятий о кредите от наших предков. Ныне поверивший крепостному человеку более пяти рублей не имеет никакого права взыскивать, если должник ему не платит, хотя крепостные люди *могут свободно торговать, записываться в гильдии, и имеют полное право требовать долгов с свободного человека*, и посадить его даже в тюрьму за неплатеж долга!!

<20> <173 стр.> домъ меньшому

С. 173: 5. Дом отцовский всегда достается меньшому сыну.

<21> 182 буди добръ будетъ

С. 174: Если же она <мать> умрет не распорядив своего имения[182], то наследует тот сын, который кормил ее, и у которого она жила.

[182] «А матери, который же сын будет добр, тому же *даст* свое; аще все будут ей сынови лихи, а дочери *может дати*, кто ю кормит».

<22> 179

хлѣвъ

С. 179: 6. Если закуп утратит *своего* коня[185] в поле, господин ему ничего не платит... — Если же конь был введен в хлев, и орудия земледельческие положены на место, закуп не отвечает.

<23> 193 дѣл<ьное>

С. 193: 8-е. Видим, вместе с грубостью нравов, дикостью понятий, малосложностью обязанностей, и ту детскую простоту, то дикое добродушие нравов, которых мы уже не можем понимать. Как просты изъяснения многих законов; как много значила власть отца; какое сильное непосредственное влияние имела религия на состав общественной жизни[203].

[203] Впрочем, вспомним в сем случае слова Гизо, выше приведенные, и не будем повторять слов Монтескьё, примененных Карамзиным Русской Правде *(Ист. Г. Р.* т. II, 66).

<24> Феодализма

не было

285

ф<еодализмъ>

С. 285: Мог ли Варяг понимать благость другого правления, кроме феодального?

Записи в тетради № 2387 *А*, л. 1 (совр. шифр — *ПД* № 1059, л. 1). Большинство записей находятся внизу страницы, по краям ее, вкось по отношению к остальному тексту. Якушкин, не поняв значения записей, ограничился замечанием: «Тут же записаны разные слова иногда с объяснениями, — напр. скута — платье, епанча — кутаться; гридня — комната; или без объяснений олек, смердеть, очаг, дым» (*Я* XII, 544). На самом деле эти «разные слова» — заметки Пушкина при чтении вышедшего в свет в июле 1830 г. второго тома «Истории русского народа» Н.А.Полевого. Пушкин этот том взял в Болдино, куда уехал 31 августа и откуда писал в конце октября — начале ноября Погодину: «Дай бог здоровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешение мое». По соседству с текстом «Истории села Горюхина», находящимся на той же странице, и на основании письма к Погодину, записи нужно отнести к октябрю-ноябрю 1830 г. Дав отзыв (в двух статьях в «Литературной газете», 1830, № 4 и 6) о первом томе Полевого, Пушкин, вероятно, обещал Дельвигу написать статью и о втором томе. По крайней мере, Дельвиг в заметке, напечатанной в № 51 «Литературной газеты» (от 8 сентября), сообщал, что «рассмотрение сего второго тома будет помещено в одном из следующих номеров "Литературной газеты"». Но статьи этой Пушкин не написал — от нее сохранились лишь два черновых наброска (см. *КН* V, 418—420; в *Ак* IX, 71—78, эти наброски контаминированы с текстами, не относящимися к этой статье) и, как теперь оказывается, предварительные отметки при чтении книги.

Первый из сохранившихся набросков заключает в себе общую характеристику второго тома «Истории» Полевого, который Пушкин ставит выше первого, отмечая, что «тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее» и что «самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому»

Главная тема второго наброска — опровержение мнения Полевого о существовании в России феодализма. «Феодализма в России не было» — таково положение Пушкина.

Естественно, в тесной связи с этими набросками находятся заметки Пушкина при чтении второго тома «Истории» Полевого.

Первая и последняя из них отмечает места в книге, где говорится о феодализме. В первом случае мнению Полевого Пушкин противопоставляет положение Гизо, что «семейственный феодализм есть бессмыслица». Термин «семейственный» (или точнее: семейный) феодализм употреблен Полевым (см.: Полевой Н.А. История русского народа. М., 1830, т. II, с. 37), понимающим под ним «систему уделов, обладаемых членами одного семейства под властью старшего в роде». Гизо, однако, считает существенным признаком феодализма то, что взаимоотношения вассала и сюзерена принципиально являлись свободным договором их, и, хотя на практике сын вассала обычно наследовал феод отца, это не могло произойти без формального акта, определявшего всякий раз права и обязанности сторон. Таким образом, принцип наследственного права на земельную собственность, характерный для нового европейского общества, отсутствовал в феодаль-

ную эпоху, знавшую, напротив, лишь индивидуальное соглашение (см.: Guizot F.-P. Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'en 1789. Paris, 1830, vol. IV, p.286—294. — Гизо Ф.-П. Курс новой истории. История цивилизации во Франции от падения Римской империи до 1789 г. Париж, 1830, т. IV, с. 286—294). Вышеприведенная запись Пушкина, не являясь точной цитатой из Гизо, имеет в виду, по-видимому, это место из его книги.

В последней заметке Пушкин пишет и дважды подчеркивает: «Феодализма не было», то есть формулирует положение, развиваемое во втором черновом наброске статьи. Из остальных заметок Пушкина семь (3, 6, 9, 11, 14, 15 и 23) относятся к местам книги, где Полевой полемизирует с Карамзиным. Важно отметить, что в трех случаях (14, 15 и 23) Пушкин соглашается с первым. Особенно интересно то, что Пушкин согласен с мнением Полевого об общей оценке Карамзиным «Русской правды». В примечании (203) на с. 193 II тома «Истории русского народа» Полевой отказывается «повторять слова Монтескье, примененные Карамзиным к "Русской правде"». Полевой имеет в виду следующие слова Карамзина: «Приметим, что древние свободные россияне не терпели никаких *телесных* наказаний: виновник платил или жизнию, или вольностию, или деньгами — и скажем о сих законах то же, что Монтескьё говорит вообще о германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кротки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти» (История Государства Российского, т. II, гл. III). Этой характеристике «древних свободных россиян» Полевой противопоставляет слова Гизо, приводимые Полевым на с. 188—189 II тома его «Истории русского народа»: «Кажется, что читаешь выводы, сделанные после разбора Русской Правды, читая следующие слова: "Это собственно уголовные законы: уголовное право занимает в них первое, и почти всё место. Право политическое является косвенно, в применении, в отношении к делам, которые почитаются установленными, коих не хотят даже исчислять. По гражданскому праву встречаем несколько распоряжений более точных, определяющих то или другое обстоятельство, включенных с намерением. В судопроизводстве уголовном напротив предполагаются все предметы установленными, известными: дополняется только немного промежутков, определяются только в немногих случаях обязанности судей и свидетелей. Уголовное право преимуществует, цель закона — наказать преступление, определить меру наказания: *это уголовное уложение*. Таковы бывают все первоначальные законоположения. Уголовными законами делает народ *первый видимый* или, лучше сказать *первый письменный* шаг (если можно так выразиться) из варварского состояния к общественности. Тогда не думают писать политических законов. *Кто* управляет, *как* управляет, дело для народа не нужное, не принадлежащее ему: о государственных уставах спорить тогда некому. Гражданское право также существует, как событие: соглашения и отношения людей отданы естественному равновесию, или совершаются по нескольким основным правилам, нескольким формулам, общепринятым. Законное установление сей части проявляется с большим развитием общества. Первые усилия общественной жизни состоят в поставлении предварительных преград необузданной, отдельной воле каждого дикаря, то есть в определении казни излишеству частной свободы". Всё это говорит Гизо о *Салических законах*, важной отрасли законоположений европейских в Средние времена (Hist. de la civil. en France, т. I): вот насто-

ящая точка зрения и на русские древние законы!». Против одного выпада Полевого (3) Пушкин определенно возражает, причем нужно заметить, что толкование Карамзиным слова «огнищанин», не удовлетворяющее Полевого и защищаемое Пушкиным, согласно с объяснениями этого слова в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг.: «Огнищанин — свободный человек, никакой службою не обязанный», и в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» 1847 г.: «Огнищанин — первостепенный, зажиточный гражданин». В остальных трех случаях (6, 9 и 11) Пушкин не высказывает своего мнения, но, вероятно, он не соглашается с Полевым. В пяти случаях (5, 7, 8, 13, 16[1]) Пушкин отметил заинтересовавшие его слова из приводимых Полевым памятников XI—XII веков, причем в двух случаях (7 и 16) толкование этих слов Полевым совершенно не удовлетворяет Пушкина. Во втором случае слово «олек» переведено Пушкиным по-французски «essaim» согласно с объяснением этого слова в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг. и 1806—1822 гг.: «Олек — подрезанный улей».

Наконец, восемь мест (2, 10, 12, 18—22) книги Пушкин отметил, очевидно, как заслуживающие внимания, но, кажется, только три (2, 12 и 19) заметки относятся к собственному тексту Полевого, остальные же пять (10, 18, 20—22) вызваны текстом приводимых Полевым цитат из древних памятников и сочинения А.Тьерри[2].

Общее впечатление, сложившееся у Пушкина от чтения второго тома «Истории» Полевого, было довольно благоприятно для него.

В первом наброске статьи своей Пушкин, отметив как главные недостатки историка его «опрометчивость и необдуманность», писал: «Несмотря на сии недостатки, История Русского Народа заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальному и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований».

16.

Ecrit de la main
de Davidof
(General de cavalerie

---

[1] 16-я заметка: «2<ое> детское» — относится к тому же, о чем говорит 17-я заметка.

[2] В 10-й заметке числа «139» и «2» мы расшифровываем как «страница 139, 2 часть примечания». Примечание (138-е), начинающееся на 138-й, продолжающееся на 139-й и оканчивающееся на 140-й странице, в первой своей части посвящено рассмотрению двух главных недостатков Карамзина и во второй (отделенной от первой тире) — приведенному нами суждению Тьерри.

Seigneur de Borodino
&c.)[1]

Перевод:

Написано рукой Давыдова Генерала-от-кавалерии Властителя Бородинского и т.д.

Запись на обороте листка в 8 д. л., без водяного знака, на лицевой стороне которого находится текст трех строф стихотворения Д.В.Давыдова «Люблю тебя как сабли лоск», написанный рукою Давыдова (*ПД* № 152, л. 1 об.). Впервые напечатано Н.О.Лернером в статье «Пушкин и цыганы» в «Столице и усадьбе» от 15 декабря 1915, № 48, а затем им же в *ПС* XXXVI, с. 22.

Запись сделана под написанной рукой Пушкина строфой: «Так старый хрыч цыган Илья» (см. *ПГ* II, 253). Написав эту строфу для помещения ее третьей (на это указывает цифра «3», стоящая перед четверостишием) в стихотворение Давыдова, Пушкин, шутки ради, подписал под своим автографом удостоверение, что это автограф Д.В.Давыдова, которого поэт на этот случай произвел в чин генерала-от-кавалерии и пожаловал ему, в стиле раздававшихся Наполеоном своим маршалам титулов, титул «Властителя Бородинского». Запись можно предположительно датировать 1830—1831 гг.

17.

Въ скоромъ времени выдутъ стихотвореня подъ заглавіемъ МОИ МЕЧТЫ — сочиненіе Ѳ. Я. Господина Кафтарева. Изъ оныхъ нѣкоторыя уже были напечатаны въ Гирландѣ, Сѣверномъ Меркуріи и въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Сочинитель почтетъ особеннымъ счастіемъ для себя вниманіе подписавшихся Особъ потому, что имя на нѣсколько времени останется, можетъ быть въ Русской Литтературѣ, а болѣе, что онъ симъ надѣется смягчить жес<т>кое, несправедливое съ нимъ обращеніе неумолимой судьбы со дня самаго рожденія его т: е: съ 17 февраля 1803 года! —

Для Особъ, имѣющихъ титулъ Превосходит...	Число экземп.	Одинъ 3 р. ассиг.
Ивановичь		
Александръ Тургеневъ	2	пол
Клементій Осиповичь Россети ———	2 экз	получ
Кн. Петръ Андреевичь Вяземскій	2 экз	
Неизвѣстный[2]	2 экз	

[1] После этих слов имеется карандашная приписка неизвестной руки: «poète célèbre» (знаменитого поэта).

[2] Это слово приписано позднее.

Въ скоромъ времени выдутъ стихотворенія подъ заглавіемъ «Ночи и мечты» — сочиненіе Ф. Я. Господина Кафтарева. Изъ оныхъ нѣкоторыя уже были напечатаны въ Украинцѣ, Сѣверномъ Меркуріи и въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Сочинитель почтетъ особеннымъ счастіемъ для себя вниманіе подписавшихся Особъ потому, что имя на нѣсколько времени останется, можетъ быть, въ Русской Литературѣ, а больше, что онъ имѣлъ надежду смягчить жестокое, несправедливое съ нимъ обращеніе немилосердной судьбы со дня самопорожденія его т. е. съ 17 февраля 1803 года! —

Для Особъ, имѣющихъ титулъ Превосходит[ельства]	Число экземпл.	Деньги заплач.
Александръ [illegible]	2	по[illegible]
[illegible] [illegible] Ронетти	2 экз.	получ[illegible]
Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій	2 экз.	
Неизвѣстный	2 экз.	

Список подписавшихся на сборник стихотворений Ф.Я.Кафтарева

Печатается по автографу Пушкина из собрания И.А.Шляпкина (*ПД* № 774). Подлинник писан на двух листах почтовой бумаги большого формата, без водяного знака.

Текст впервые полностью напечатан И.А.Шляпкиным в Ш 226, причем Шляпкин без всяких оснований отождествил Федора Яковлевича Кафтарева с Никанором Ивановым (см. разъяснение П.Е.Щеголева в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук», 1903, т. VIII, кн. 4, с. 382—383). В печатаемом нами документе рукою Пушкина вписаны — как подписавшиеся на издание стихотворений Кафтарева — К.О.Россет, кн. П.А.Вяземский и неизвестный (под этим именем нужно разуметь, вероятно, самого Пушкина). Кроме того в подпись А.И.Тургенева Пушкин вписал его отчество: «Ивановичь». В подписном листе имеются еще не заполненные никем графы: «Для особ, имеющих титул высокоблагородия», и «Для особ, имеющих титул благородия». Запись Пушкина относится к концу 1831 г. — началу 1832 г.

Федор Яковлевич *Кафтарев* (род., по собственному показанию, 17 февраля 1803 г.) — мелкий стихотворец 1820—1830-х годов, печатавшийся в альманахах «Гирлянда» и «Северный Меркурий» и в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», автор сборника стихотворений «Петропольские ночи» (СПб., 1832), экземпляр коего сохранился в библиотеке Пушкина с подписью автора: «Его Благородию Александру Сергеевичу Пушкину с душевным почтением подносит Автор. Июня 2. 1832» (см.: Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина, *ПС* IX—X, 50). Пушкин стихов этих не читал, ибо экземпляр этот им не был разрезан. Другой сборник стихотворений Кафтарева, «Мои мечты», вышел в свет в Петербурге в 1832 г., под заглавием: «Мои мечты. Стихотворения Ф.Я. Кафтарева. Санктпетербург. В типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи. 1832». Он был также в библиотеке Пушкина, вероятно, с надписью Кафтарева, но не сохранился (см. в работе Л.Б.Модзалевского о библиотеке Пушкина в № 16—18 «Литературного наследства», с. 999). Пушкина, как известно, не раз осаждали бездарные стихотворцы с просьбами о прослушании их стихов или с подношениями (см., например, статью П.Е.Щеголева «Обожатели Пушкина» в «Московском Пушкинисте», II, с. 184—195).

«Их было много, обожателей Пушкина, — пишет Щеголев, — среди безвестных, безымянных поэтов, с печатными стихотворными опытами и без оных. В силу общности профессии они полагали себя в некотором роде в родственных отношениях с великим поэтом, который как-никак доводился им "братом" по искусству. На этом основании без всяких церемоний прибегали они со своими нуждами к первому русскому поэту, утруждали его беседами и беспокоили письмами. Сношения с ними играют видную роль в образовании мелочей пушкинской жизни, и не последнее место среди корреспондентов Пушкина занимают его обожатели из литературной среды» (с. 184). Таковы поэты: Никанор Иванов, Василий Мызников, В.А.Коленов, Федор Яковлев, Дмитрий Сигов и многие другие. «Поэт Ф.Я.Кафтарев, — говорит П.Е. Щеголев, — гораздо скромнее» других. В предисловии к «Моим мечтам» он пишет: «Выдавая в свет стихотворения мои, я был далеко от мысли занять даже последнее место в рядах литераторов на пространном поле отечественной словесности» и в конце его так благодарит лиц, подписавшихся на его издание: «обращаю сердце мое к особам, удостоившим меня подписью; благодарю вас искренно за

нежное участие, особенно прекрасный пол, которому обязан я много раз счастливейшими днями жизни! Имена ваши обовьются широким лавром вокруг чела моего и защитят от зноя критики, если мелкий труд мой нечаянно будет замечен ею» (цитируем по Щеголеву, ib., с. 186). Интересно отметить, что в приложенном к книге списке подписавшихся особ, между высокородиями, но в красную строку и жирным шрифтом, выделен «поэт А.С.Пушкин».

Александр Иванович Тургенев (1784—1845) — приятель Пушкина.

Клементий Осипович Россет (1811—1866) — брат известной А.О.Смирновой, в 1831—1832 гг., после выхода в отставку с военной службы (21 октября 1830 г.), проживал в Москве, не у дел (см. *АП* II, 311 и *РА* 1900, I, 361 и 363). Вновь поступил на службу 17 декабря 1832 г., поручиком в Бутырский пехотный полк, стоявший в г. Мценске, Орловской губ., и вскоре перешел в отдельный Кавказский корпус. С Пушкиным Россет находился в дружеских отношениях (см. отзыв о нем Пушкина в письме к П.С.Санковскому 1833 г., в *КА*, т. 29, с. 220). Осенью 1836 г Пушкин приглашал его в секунданты (*РА* 1882, I, 247; Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд. Л., 1928, с. 75, 105 и др. по указателю, и Модзалевский Б Л. Пушкин. Л., 1929, с. 377). Записочка К.О.Россета к Пушкину, относящаяся к этому же времени, напечатана у *Ш*, 283 и в *АП* III, 384.

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) — один из ближайших друзей Пушкина.

18.

Потемки<нъ>

Впервые напечатано: *РП*, с. 706. Надпись сделана Пушкиным карандашом сверху автографа кн. Г.А.Потемника-Таврического. Автограф хранится в собрании, принадлежавшем П.П.Свиньину (автограф Потемкина находится на л. 33 этого собрания). Ныне это собрание, в котором имеются автографы разных исторических и литературных деятелей: Петра I, Н.М.Карамзина, В.К.Тредьяковского, П.С Палласа и др., — находится в Архиве Российской Академии наук (разр. II, оп. 1, № 203), куда перешло из собрания Российской Академии, приобретшей его от П.П.Свиньина вместе с другими рукописями его «Музеума» (об этом см. *ДП*, 147—150) Записка Потемкина писана карандашом на листке бумаги и обращена к неизвестному лицу «[Пошлите] Завтрѣ въ восемь часовъ поутру чтобы былъ здѣсь священникъ и пѣвчія всенощную служить».

Надпись Пушкина свидетельствует о том, что в его руках находился указанный выше том с автографами исторических лиц из собрания П.П.Свиньина, у которого Пушкин, очевидно, бывал и рассматривал сокровища его «Музеума». Свидетельствует она также и о том, что Пушкин настолько хорошо знал почерка исторических лиц, что, рассматривая автограф, определил анонимную записку Потемкина, сделав на нем соответствующую надпись. Этот новый факт позволяет установить еще одну черту многогранности Пушкина и углубленного знания им русской истории.

Так как свой «Музеум» Свиньин продал в 1834 г., а к 1833 г. (февраль) относится переписка Пушкина с Свиньиным о рукописи «Дневника А.В.Храповицкого» (см. *АП* III, 6), следовательно, рассматривать автограф Потемкина и сделать на нем надпись Пушкин мог примерно около этого времени, то есть в начале 1830-х годов, как мы и датируем пушкинскую надпись. О Пушкине и П.П.Свиньине см. еще заметку в *КН* VI, 326—327 и в «Литературном наследстве», № 16—18, с. 600—602.

19.

Дополненіе к Церковному Словарю — 1 Кн.
Квинта Горацiя Флакка Писан<ная> — 1
Лютеранской Пашквиль — 1
Книга Апоѳегма, или извѣщанiя, письменная — 1

Добавочная запись, внесенная Пушкиным в «Регистр книгам у Г.-на А.С.Пушкина», содержащий перечень 82 названий книг, взятых поэтом в Полотняном заводе (имении родителей жены Пушкина) в августе-сентябре 1834 г. «Регистр...» по копии был опубликован в 1937 г. Б.В.Шапошниковым (см.: *Пушкин. ВПК*, т. 3, с. 358—370). Оригинал (с четырьмя названиями, вписанными Пушкиным) был в 1962 г. передан Калужским краеведческим музеем в дар Государственному музею А.С.Пушкина (Москва). Автограф поэта впервые опубликован А.И.Фрумкиной (*ВПК*, вып. 22, с. 69—72; на с. 70 — воспроизведение документа). Две первых из отмеченных здесь книг находятся в составе библиотеки Пушкина, хранящейся в Пушкинском Доме (См.: Библиотека П., № 3 и № 102). Под третьим названием, возможно, имеется в виду сочинение Арсения Мацеевича «Возражение на пашквиль лютеранский — на книгу, нарицаемую Камень веры» (издано не было, но сохранилось в ряде списков). По предположению Шапошникова, четвертое название относится к рукописной копии книги «Апоффегмата, то есть, кратких витиеватых и нравоучительных речей <...>; пер. с Пол.<ьского>» (М., 1716).

20.

[На дняхъ прочиталъ я новый романъ Лажечникова]

Написано на л. 42 в тетради № 2384 (совр. шифр — *ПД* № 846, л. 43) наверху страницы, на которой — черновая запись стихотворения «На выздоровление Лукулла», писавшаяся в октябре-ноябре 1835 г. Впервые напечатано у *Я* XII, 526, позднее: *РП*, с. 213.

Новый роман Лажечникова — «Ледяной дом», о котором Пушкин писал 3 ноября 1835 г. Лажечникову. Роман вышел в свет в июле 1835 г.

Запись представляет собою начало ненаписанной (или не дошедшей до нас) заметки или статьи о «Ледяном доме».

21.

Не скромничай, продолжая

Запись на первой странице листа в 4 д. л. с черновиком стихотворения «Кто из богов нам возвратил», предположительно датируемого 1835 г. Лист входит в Онегинское собрание автографов Пушкина (см. *ПС* XII, 17, № 39; совр. шифр — *ПД* № 224, л. 1). Запись, сделанная вдоль страницы сбоку, впервые была напечатана М.Л.Гофманом в *НП*, 98, затем: *РП*, с. 214. К чему она относится, сказать не можем.

22.

Блудитъ или[1] блядитъ — вмѣсто заблуждаетъ
или заблуждается вовсѣ не уп.<отребляется>

Запись на клочке бумаги, вложенной между 22-й и 23-й страницами находящейся в библиотеке Пушкина книги: «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. В Санкт-Петербурге. 1762» (*ПД* № 711).

Впервые напечатано Б.Л.Модзалевским в *ПС* IX—X, 47, неполно прочитавшим запись, затем — *РП*, с. 216.

Предположительно датируем запись 1830—1836 гг. Запись является замечанием к 117—118 стихам II и к 6 стиху VII сатиры Кантемира:

«Но бедно блудит наш ум, буде опираться
Станем мы на них одних...» и «Дружок, ум твой блудит».

Пушкин считал, что слово «блудит» в данном контексте употреблено неправильно.

23.

нѣтъ — разумѣется Волохія
Влахія

Запись на обрывке бумаги, найденном в библиотеке Пушкина (*ПД* № 349). В какую книгу был вложен этот листок, определить в настоящее время невозможно, так как он вместе с пятью другими такими же закладками был положен в отдельный конверт.

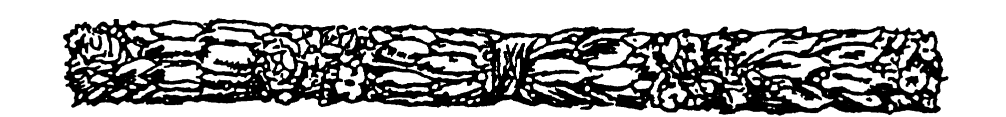
---

[1] *Чтение слова или — предположительное.*

24.

колода, костеръ (складъ)
колода картъ
сусолъ, **сусликъ**

Запись чернилами на обрывке бумаги, найденном между с. 256 и с. 257 XXIII части издания «Российский Феатр или Полное собрание всех Российских феатральных сочинений». СПб., 1788 (книга из библиотеки Пушкина, № 322). Совр. шифр — *ПД* № 1741.



IV

ПЛАНЫ ИЗДАНИЙ

Включенные в этот отдел списки произведений Пушкина дают картину работ поэта над композицией изданий его сочинений.

Предоставляя другим лицам, главным образом Плетневу, хлопоты по техническому оформлению своих книг, Пушкин сам занимался лишь их содержанием.

Особенно больших трудов стоила Пушкину композиция трех частей «Стихотворений» 1829—1832 гг. Списки произведений, вошедших в это издание, и занимают центральное место в ряду текстов этого отдела. Многократно Пушкин обращался и к плану издания собрания своих сочинений, которое ему так и не пришлось осуществить.

Из остальных записей особенно интересен план издания «Евгения Онегина» (№ 11).

Транскрипция №№ 1, 3—5, 8, 9, 11, 14—16, 19, 24, 26 сделана Л.Б.Модзалевским, №№ 2, 10, 12, 13, 17, 18, 20, 21, 22 — Т.Г.Зенгер и №№ 6 и 7 — Б.В.Томашевским. Комментарий ко всем текстам принадлежит мне.

М. Цявловский

Комментарий к № 23 принадлежит С.А.Фомичеву. — ***Ред.***

1.

1. Часть

I

Посланія

къ Александру.
къ Жуковскому.
——————— +
къ Батюшкову.
къ Галичу
Дельвигу [+] —
Дельвигу
Сестрѣ+
Бонапарте+
къ Юдину
Пущину

———

Ломоносову
Трубецкому
Лицинію
Кюхельбекеру.
Аристарху
Оправданная лѣнь. —
Друзьямъ
Шишкову
Актрисѣ
[Завѣщанье]

Лирическія.

Наполеонъ на Эльбѣ
Воспоминанія въ Ц. С.
[Кр] Оранскому Принцу
Пѣвецъ —
Слеза —
Истина
Усы
Мечтатель
Ринальдо.
и всѣ пьески
Пирующіе студенты

———

XV Элегіи
Эпиграммы надписи
Картины
Леда —

Список находится на обороте последнего листа с текстом стихотворения «Пирующие студенты». Автограф В.В.Никольским был пожертвован в Пушкинский музей

Александровского (б. Царскосельского) лицея и ныне хранится в *ПД* № 17, л. 4 об. Первое упоминание об этом списке имеется в E^1 II, 442.

Впервые список был опубликован в виде факсимиле в брошюре: «29 января 1887 года. В память пятидесятилетия кончины А.С.Пушкина. Издание Императорского Александровского лицея», СПб., 1887. Впервые напечатал текст списка Л.Н.Майков в *Ак* I (прим., с. 7), неверно прочтя: «Две песни» — вместо: «и все пьески», и неверно датируя список 1815 годом. Во второй раз факсимильно был воспроизведен список в издании кн. Олега Константиновича «Рукописи Пушкина», в: I, СПб., 1911. Список напечатан Морозовым во введении к I тому M^2, Венгеровым в *В* V, 412 и Оксманом в *КН* V, 510 и *ПГ* 5, кн. II, 734.

Список представляет собою перечень стихотворений, который Пушкин предполагал включить в первый сборник своих произведений. Как видно из списка, стихотворения в сборнике предполагалось разбить на четыре отдела, пока «начерно» названные: «Послания»; «Лирические» и «Пьески»; «Элегии» и «Эпиграммы и надписи». Отделы эти соответствуют отделам сборника 1826 г., где имеем: «Элегии», «Разные стихотворения» (то есть то, что в комментируемом списке названо: «Лирические» и «Пьески»), «Эпиграммы и надписи» и «Послания».

К Александру — «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.». 1815 г.

К Жуковскому — «К Жуковскому» («Благослови, поэт»). 1816 г.

К Жуковскому — стихотворение, до нас не дошедшее. Возможно, что оно не было написано.

К Батюшкову — «К Батюшкову» («Философ резвый»). 1814 г. — или «Батюшкову» («В пещерах Геликона»). 1815 г.

К Галичу — «К Галичу» («Пускай угрюмый рифмотвор»). 1815 г.

К Галичу — «Послание к Галичу» («Где ты, ленивец мой»). 1815 г.

Дельвигу — стихотворение, до нас не дошедшее или, что вероятнее, лишь предполагавшееся.

Дельвигу — «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных»). 1815 г.

Сестре — «К сестре». 1814 г.

Бонапарте — стихотворение, до нас не дошедшее.

К Юдину — «Послание к Юдину». 1815 г.

Пущину — «К Пущину» («Любезный именинник»). 1815 г.

Пущину — «Воспоминания. К Пущину» («Помнишь ли, мой брат по чаше»). 1815 (?) г.

Ломоносову — «К Н.Г.Ломоносову». 1814 г.

Трубецкому — «Городок». 1814 г.[1]

Лицинию — «К Лицинию». 1815 г.

Кюхельбекеру — «К другу стихотворцу». 1814 г.[1]

Аристарху — «Моему Аристарху». 1815 г.

Оправданная лень — «Сон. Отрывок». 1816 г.

Друзьям — «Мое завещание (Друзьям)» («Хочу я завтра умереть»). 1815 г.

Шишкову — «К Шишкову». 1816 г.

---

[1] См. *ПГ* 5, кн. II, с. 734—735.

Актрисе — «Послание к молодой актрисе». 1814 г.

Завещанье — уже включенное в список «Мое завещание», почему и вычеркнуто.

Наполеон на Эльбе — «Наполеон на Эльбе». 1815 г.

Воспоминания в Царском Селе — «Воспоминания в Царском Селе». 1814 г.

Оранскому принцу — «Принцу Оранскому». 1816 г.

Певец — «Певец». 1816 г.

Слеза — «Слеза». 1815 г.

Истина — «Истина». 1816 г.

Усы — «Усы». 1816 г.

Мечтатель — «Мечтатель». 1815 г.

Ринальдо — стихотворение, до нас не дошедшее.

Какие именно стихотворения разумел Пушкин под «всеми пьесками» остается неизвестным.

Пирующие студенты — «Пирующие студенты». 1814 г.

XV Элегий — В число элегий нужно прежде всего включить цикл из девяти стихотворений, имеющийся в так называемой Никитенковской тетради, опубликованной М.О.Гершензоном в 6-м томе «Русских пропилей», 1919 г. В этот цикл — «Элегии» — входят: 1) «Опять я ваш, о юные друзья», 2) «Осеннее утро», 3) «Сну» — то есть «К сну» («Знакомец милый»), 4) «Любовь одна — веселье жизни хладной», 5) «Месяц», 6) «Счастлив, кто в страсти», 7) «Когда пробил последний счастью час», то есть «Разлука», 8) «Друзьям» («К чему, веселые друзья») и 9) «Я Лилу слушал», то есть «Слово милой». К этим стихотворениям нужно присоединить: два стихотворения 1816 г., названные элегиями в лицейской тетради (№ 2364): 10) «Я думал, что любовь погасла» и 11) «Я видел смерть»; 12) «Пробуждение», в издании стихотворений 1826 г. помещенное в отделе «Элегий», и, вероятно, 13) «Желание» («Медлительно влекутся»), 14) «Окно и 15) «Наслаждение». Все эти стихотворения написаны в 1816 г.

В отдел *«эпиграмм и надписей»* Пушкин ко времени составления списка мог включить по крайней мере двенадцать эпиграмм 1814—1816 гг. и семь «надписей». Последнюю группу могли составить три стихотворения, включенные в отдел «Эпиграмм и надписей» сборника стихотворений 1826 г.: 1) «Лиле» 2) «Роза» и 3) «Старик», и еще четыре стихотворения: 4) «Венере от Лаисы», 5) «Моя эпитафия», 6) «К письму» и 7) «Надпись в беседке».

Картины — «Фавн и пастушка. Картины». 1816 г.

Леда — «Леда. Кантата». 1814 г.

По вероятному предположению Ю.Г.Оксмана, крестиком отмечены стихотворения, требовавшие правки.

Судя по тому, что список включает в себя пятнадцать элегий, которые были написаны во второй половине 1816 г., он не мог быть составлен ранее декабря этого года и вероятнее всего был составлен в последних числах декабря 1816 г. — первых числах января 1817 г. Подробное обоснование этой датировки см. в I томе Полного собрания сочинений Пушкина издания Академии наук (1935 г.).

2.

Капнистовская тетрадь

Элегія I. Пробужденіе.
* Элегія II. Друзьямъ.
* Элегія III. Морфею.
<сбоку:> Если оставить, такъ перенести въ мелк. стихотв.
* Элегія IV. (1818). Мечтателю.
* Элегія V. Выздоровленіе (1818).
* Элегія VI. [Черное море] 1820. «Погасло дневное свѣтило».
* Элегія VII. (1820). «Увы! зачѣмъ она блистаетъ».
* Элегія VIII. (1821). «Мой другъ, забыты мной».
* Элегія IX. Война (1821).
* Элегія X. (1821) «Я пережилъ свои желанья».
* Элегія XI. (1821) «Умолкну скоро я».
* Элегія XII (1823) «Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты».
* 1821. Гробъ юноши (отрывокъ). Помѣстить въ элегіяхъ.

Подраженія древнимъ или какъ хотите
* I. Доридѣ.
II. Таврида. Рѣдѣетъ облаковъ и проч. (безъ 3 послѣдн. стих.
III. Муза. Въ младенчествѣ моемъ и проч.
IV. Нереида. Среди зеленыхъ волнъ и проч.
* V. Діонея.
* VI. Дѣва.
* VII. Ночь.
* VIII. Примѣты.
IX. Земля и море (Идиллія Мосха). Когда по синевѣ и пр.
* X. Красавица передъ зеркаломъ.
NB. Есть у меня еще какая-то Дорида. См. Невскій Зритель.
Если достойно тисненія, то отыщите ее.
* Сожженное письмо (отрывокъ). Помѣстить въ элегіяхъ.
* Подражаніе Андрею Шенье (1824). Помѣстить въ элегіяхъ.
* Подражаніе (1816). Въ элегіи.

<Дальше на скольких-то утраченных листах были написаны «послания». Среди них было «К Овидию», что видно из письма Пушкина к брату от 27 марта 1825 г. Из посланий сохранились лишь два последние>

* Къ К. [1823]. 1821. «Кто мнѣ пришлетъ».

* Дочери Карагеоргія.

NB. Эти 2 штуки можно помѣстить и въ Смѣси.

Твоя воля.

Смѣсь: Пѣвецъ (1816) Баллада (1819) Къ Щербинину. (1819) 2) Къ Т..... (1820) 1) Домовому (1818) Торжество Вакха (1818) Прозерпина (1824) (подражаніе) Гробъ Анакреона (1815) Пѣснь объ Олегѣ Демонъ (1823) Друзьямъ (1822) Подр. Корану Къ морю. (послѣднее) Черная шаль (1820). Аделѣ (а не Въ альбомъ малюткѣ). Начало Деревни (подъ заглавіемъ: Уединеніе, до стиха: Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ).

* Къ Каверину (1817). Въ посл.

NB. Въ Пѣс. о вещ. Ол. строфа

Волхвы не боятся и пр. должна быть вся означена «—» Это отвѣтъ кудесника, а не мои разсужденія.

Телѣгу жизни напечатать ли?

Годы вездѣ назначены, но думаю, что это лишнее. Вообще въ расположеніи піесъ должно наблюдать нѣкоторое разнообразіе.

Заглавіе Смѣсь не нужно.

Эпиграммы, надписи и пр.

* Пріятелямъ. «Враги мои, покамѣсть».

[1) Надпись къ портрету.

Клеветникъ безъ дарованія и проч.]

2) Другая

Охотникъ до журнальной драк...

* 3) Совѣтъ «У Клариссы денегъ»

[4) Добрый человѣкъ.]

5) Добрый человѣкъ.

6) Ист[орія] стихотв[орца]

7) Уединеніе

8) Лилѣ (Лила, Лила!)

9) Роза.

10) Имянины.

11) Надпись къ пор<трету> Ж<уковскаго>.

12) Надпись къ портрету (Пол.<ярная> Звѣзд.)

13) Экспромптъ (Что можемъ наскоро).

[14) Эпигр. Иной имѣлъ мою Данаю (а не Аглаю)]

* 15) Эпиграмма. «Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный».
16) Въ альбомъ иностранкѣ. На языкѣ, тебѣ невнятномъ, и проч.
* 17) Эпиграмма. «Какъ брань тебѣ не надоѣла!»
18) [Баратынскому (изъ Бессарабіи).]
19) Пріятелю («Не притворяйся»).

Если найдутся и другія, то тисни. Нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ находятся у Бестужева, возьми ихъ отъ него.

Дай всему этому порядокъ, какой хочешь, но разнообразіе!

Настоящий список представляет собою извлечение из так называемой Капнистовской тетради, теперь неизвестно где находящейся*. Тетрадь эта принадлежала гр. Петру Ивановичу Капнисту (1830—1898), получившему ее, вероятно, от Л.С.Пушкина. Тетрадью пользовался П.А.Ефремов, а в 1896 г. описал ее Л.Н.Майков («Автографы Пушкина, принадлежащие графу П.И.Капнисту», сообщение академика Л.Н.Майкова в «Известиях Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук», 1896, т. I, кн. 3). С шести страниц тетради[1] были сделаны фотографические снимки (со стихотворениями: «Умолкну скоро я», «Простишь ли мне», «Погасло дневное светило», «Сожженное письмо», «Подражания древним»).

По описанию Майкова, тетрадь была в четвертку, без переплета и заключала в себе 19 листов. Как отметил уже Майков, тетрадь к нему дошла не в полном виде. Б.В.Томашевский установил, что в тетради были утрачены первый и сколько-то листов между лл. 7 и 8 по описанию Майкова[2].

Тетрадь, вся написанная рукой Пушкина, является программой первого собрания его стихотворений, вышедшего в свет 30 декабря 1825 г. Кроме перечня стихотворений, на дошедших до Майкова листах Пушкин вписал текст двадцати восьми стихотворений, к которым нужно прибавить еще одно («Пробуждение»), написанное на утраченном первом листе. Все эти стихотворения выше отмечены звездочками.

Эту тетрадь, дававшую план предпринятого издания, Пушкин 15 марта 1825 г. послал Плетневу и Льву Сергеевичу с тем, чтобы они на основании посылаемой тетради изготовили рукопись собрания стихотворений для представления в цензуру.

Кроме описания Майкова, анализ Капнистовской тетради сделан Б.В.Томашевским в указанной книге и в статье «Капнистовская тетрадь» в пушкинском номере «Литературного Наследства», № 16—18, с. 843—868. Заключительные фразы, со слов: «Если найдутся и другія», помещены Б.Л.Модзалевским в *П* I, № 129, с. 121.

---

* Один лист с автографами стихотворений «Пробуждение» («Мечты, мечты!..») и «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»; ст. 1—4) хранится в Королевской библиотеке в Копенгагене (собр. Г.-Х.Андерсена). — *Ред.*

[1] Отпечатки имеются в *ПД* (7; Прилож., № 6, 7) в собрании фотографических снимков с рукописей Пушкина, принадлежавшем В.Е.Якушкину.

[2] Томашевский Б. Пушкин. Л, 1925, с. 108—109. В предпоследней строке на с. 108 опечатка: «лист» между № 7 и № 8, вместо: «листы».

3.

Стихотворенія
Александра Пушкина.

Элегіи.

I. Пробужденіе. 1816.
II. Мечтателю. 1818.
III. (Увы! зачѣмъ...). 1819.
IV. (Мой другъ! Забыты мной...). 1821.
V. Друзьямъ 181[7].6
VI. Выздоровленіе. 1818.
VII. Война. 1821.
VIII. (Я пережилъ). 1821.
IX. (Умолкну скоро я.). 1821.
X. Гробъ юноши. 1821.
XI. (Простишь ли мнѣ...). 1823.
XII. (Ты вянешь и молчишь...) 1824.
Не нужно
[XIII. (Я видѣлъ смерть...). 1816][1].
XIV. [Къ ней.] [1817]. Не нужно
XV. [Уныніе. 1816.][1]
XVI. (Черное море). 1820.
XVII. Сожженное письмо. 1825.
XVIII. (Ненастный день потухъ). 1823.
XIX. Желаніе славы. 1825.
XX. Андрей Шенье. 1825.

Разныя стихотворенія.

I. Воспоминанія въ Цар. Селѣ. 1814.
II. Къ Овидію. 1821.
III. Русалка. 1819.
IV. Гробъ Анакреона. 1815.
V. Черная шаль. 1821.
VI. Торжество Вакха. 1817.
VII. Фонтану Бах. Дворца. 1820.
VIII. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. 1822[2].

---

[1] *Зачеркнуто Пушкиным.*
[2] *Переправлено Пушкиным из 3.*

IX. Пѣвецъ. 1816.
X. Амуръ и Гименей. 1816.
XI. Романсъ. 1814.
XII. Наѣздники. 1815.
XIII. Мѣсяцъ. 1816.
XIV. Разлука. 1817. ×
XV. Адели. 1822.
XVI. Виноградъ. 1820
XVII. Стансы Т—му. 1819.
XVIII. Уединеніе. 1819.
XIX. Прозерпина. 1824.
XX. Домовому. 1819.
XXI. Вакхическая пѣснь. 1825.
XXII. Друзьямъ. 1822.
XXIII. Къ морю. 1824.
XXIV. Демонъ. 1823.
XXV. Подраж. Турец. Пѣснѣ. 1820.
XXVI. Телѣга жизни. 1823.
XXVII. Наполеонъ. 1822.

Эпиграммы и надписи.

I. Пріятелямъ
II. (Охотникъ до Журнал. драки....)
III. (У Кларисы денегъ...)
IV. Добрый Человѣкъ.
V. Исторія Стихотворца.
VI. Уединеніе.
VII. Лилѣ.
VIII. Роза.
IX. Имянины.
X. Къ портрету Жуковскаго.
XI. (Судьба свои дары....)
XII. К. А. Б.
XIII. Старикъ.
XIV. Веселый пиръ.
XV. (Хоть впрочемъ онъ...)
XVI. Иностранкѣ.
XVII. (Как брань тебѣ...)
XVIII. (Не спрашивай, зачѣмъ унылой...)
XIX. Пріятелю.
XX. Усы.
XXI. Живъ, живъ Курилка.
XXII. На Выпускъ птички.

Подражанія Древнимъ.

I. Доридѣ.
II. (Рѣдѣетъ облаковъ...).
III. Муза.
IV. Нереида.
V. Діонея.
VI. Дорида.
VII. Дѣва.
VIII. Ночь.
IX. Примѣты.
X. Земля и Море.
XI. Красавица предъ зеркаломъ.

Посланія.

I. Къ Лицинію. 1815.
II. Къ Вс—му. 1819.
III. Отрывокъ. 1817.
IV. Къ Н. Я. П. 1818.
V. Къ Ш—ву. 1816.
VI. Къ Дельвигу. 1817.
VII. Къ Кривцову. 1819.
VIII. Къ Алексѣеву. 1821.
IX. Къ К**. 1823.
X. Къ Козлову. 1825.
XI. Къ Прелестницѣ. 1818.
XII. Къ N.N. 1819.
XIII. Къ Ч**. 1820.
XIV. Къ Гречанкѣ. 1821.
XV. Къ Дочери Карагеоргія. 1822.
XVI. Къ Жуковскому. 1818.
XVII. Къ Ч**. 1821.
NB. Что бы прибавить здѣсь: къ Плетневу!

Подражанія Корану.

1824.

I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX.

Получив от Пушкина Капнистовскую тетрадь, Лев Сергеевич Пушкин на основании, вероятно, главным образом «распоряжений» Жуковского, о чем писал Плетнев Пушкину 26 сентября 1825 г., составил тетрадь собрания стихотворений для представления цензору Бирукову, которому тетрадь и переслал Плетнев. Пушкину он послал напечатанное

выше оглавление этой тетради. Впервые напечатано в *АП* I, 293—295. Подлинник хранится в *ПД* № 712.

Вместо предлагавшегося Пушкиным деления стихотворений на пять отделов: «Элегии», «Подражания древним», «Послания», «Смесь» или «Мелкие стихотворения» (Пушкин предоставлял издателям самим придумать название) и «Эпиграммы, надписи и проч.», в присланном Плетневым оглавлении стихотворения разбиты на шесть отделов: «Элегии», «Разные стихотворения» (вместо «Смеси»), «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания» и «Подражания Корану»[1].

В отделе «Элегии», вместо намеченных Пушкиным пятнадцати пьес, в оглавлении значатся двадцать. К названным Пушкиным прибавлены: 1) «К ней» («В печальной праздности»), 1817 г., 2) «Уныние» («Мой милый друг»), 1816 г.; 3) «Ненастный день потух», 1823 г., 4) «Желание славы», 1825 г., и 5) «Андрей Шенье», 1825 г.

Первые две пьесы Пушкин вычеркнул из оглавления. Вычеркнул он и «Я видел смерть», включенную им самим в Капнистовскую тетрадь. Изменен был издателями предложенный Пушкиным порядок элегий, на что, правда, поэтом было дано разрешение.

Что касается дат при стихотворениях, то «1820 г.», поставленный в списке Пушкиным при «Увы, зачем...», изменен в Плетневском оглавлении на «1819 г.», что неверно, но чего Пушкин не исправил. Поставленное в оглавлении «1817» при стихотворении «Друзьям» — Пушкиным изменено на «1816»[2].

Второй отдел оглавления, названный «Разные стихотворения», заключает в себе двадцать семь стихотворений, вместо предложенных Пушкиным восемнадцати (считая за один номер «Подражания Корану»). Из намеченных в этот отдел Пушкиным издатели «Подражания Корану» выделили в особый отдел (в конец книги), а «К Щербинину» и «Морфею» совсем не ввели в книгу. К оставленным таким образом из списка Пушкиным пятнадцати пьесам издатели присоединили: 1) «Воспоминания в Царском Селе» (о включении этого стихотворения в сборник писал Пушкин к брату 27 марта 1825 г.), 2) «К Овидию» (в письме Пушкина к брату 27 марта 1825 г. стихотворение это, помещенное в Капнистовской тетради среди посланий, он предлагал перенести в отдел элегий), 3) «Фонтану Бахчисарайского дворца», 4) «Амур и Гименей», 5) «Романс» («Под вечер осенью ненастной»), 6)«Наездники», 7) «Месяц», 8) «Разлука», 9) «Виноград», 10) «Вакхическая песнь», 11) «Подражание турецкой песне» («О дева-роза») и 12) «Наполеон» (о включении этого стихотворения Пушкин писал брату в начале апреля).

Порядок пьес в оглавлении иной по сравнению с Капнистовской тетрадью. Датировка Пушкина в Капнистовской тетради изменена в оглавлении в четырех случаях:

Капнистовская тетрадь	Оглавление Плетнева
«Черная шаль», 1820 г.	1821 г.
«Торжество Вакха», 1818 г.	1817 г.

[1] Об этом писал Плетнев: «Я назову всю книгу просто: *Стихотворения* Ал. Пуш., для того, чтобы второй разряд можно было назвать: *Разные стихотворения*. Если же книгу всю назвать *Разн. Стихотв.*, то не обойдешься во втором разряде без *Смеси*, которой ты не жалуешь».

[2] Какой год стоял в Капнистовской тетради — неизвестно, так как лист с началом стихотворения утрачен.

«Стансы Толстому», 1820 г.	1819 г.
«Домовому», 1818 г.	1819 г.

У пяти пьес, Пушкиным не датированных: «Песнь о вещем Олеге», «Адели», «Уединение», «К морю», «Телега жизни», в оглавлении поставлены даты годов написания. Дату «1823» «Песни о вещем Олеге» Пушкин изменил на «1822».

В третьем отделе оглавления — «Эпиграммы и надписи» — вместо предложенных Пушкиным семнадцати пьес значатся двадцать две. Из намеченных Пушкиным одно стихотворение — «Баратынскому (из Бессарабии)»[1] не включено в оглавление. К шестнадцати предложенным Пушкиным издателями прибавлено: 1) «Старик, 2) «Веселый пир», 3) «Не спрашивай, зачем унылой...», 4) «Усы», 5) «Жив, жив курилка» и 6) «На выпуск птички» (о включении этого стихотворения писал Пушкин брату 27 марта 1825 г.). В отличие от отдела «Разных стихотворений», «Эпиграммы и надписи» оглавления сохраняют порядок стихотворений в Капнистовской тетради. Как в Капнистовской тетради, так и в оглавлении все стихотворения в этом отделе без дат.

Все пьесы, намеченные Пушкиным в отдел «Подражания древним», вошли в этот отдел оглавления, которое сохранило и порядок, предложенный Пушкиным, поставив названное им дополнительно стихотворение «Дорида» между №№ 5 и 6 списка Пушкина.

Как уже было сказано, из отдела «Посланий» Капнистовской тетради сохранились указания лишь на три стихотворения: «К Катенину» («Кто мне пришлет»), «Дочери Карагеоргия» и дополнительно приписанное «К Каверину» («Забудь, любезный»). Последнее стихотворение не вошло в оглавление, которое содержит всего семнадцать стихотворений. Все «Послания» в оглавлении датированы, из трех же сохранившихся в Капнистовской тетради «Посланий» — «К Катенину» первоначально было датировано: «1823», но потом зачеркнуто и поставлено: «1821». Несмотря на это, в оглавлении оно датировано: «1823», и Пушкин даты этой не исправил.

Наконец, выделенные в оглавлении в конец книги «Подражания Корану», Пушкиным в Капнистовской тетради включались в «Смесь».

Тетрадь стихотворений, посланная Плетневым цензору Бирукову, в настоящее время также утрачена, но ею пользовался Анненков. По указаниям Анненкова, тетрадь эта, после того как была подписана Бируковым, посылалась Пушкину, который зачеркнул, кроме уже вычеркнутых им в оглавлении, присланном Плетневым, трех стихотворений, еще пять: 1) «Воспоминания в Царском Селе», 1815 г., 2) «Романс», 1814 г., 3) «Наездники», 1815 г., 4) «Месяц», 1816 г., и 5) «Усы», 1816 г. Все эти восемь пьес и не вошли в сборник «Стихотворения Александра Пушкина. СПб. 1826 г.». Но, кроме этого, сборник отличается от оглавления еще тем, что в первом нет двух стихотворений: «Жив, жив курилка» и «К Н. Я. П.» (то есть «Н.Я.Плюсковой» — «На лире скромной, благородной»), исключенных, по мнению Б.В.Томашевского, цензурой, и, наоборот, прибавлено три: «В альбом», 1825 г. («Если жизнь тебя обманет»), «Ex ungue leonem» и «Юноша», 1825 г.

[1] В описании Майкова неясно сказано, вычеркнуто ли это стихотворение из списка, или только зачеркнуто слово «Баратынскому». Мы принимаем последнее.

4.

къ Дав —
къ Гал. Сув.

Запись карандашом на с. 1 тетрадки в 8 д. л., с текстом «Графа Нулина», названного здесь «Новый Тарквиний» и датированного 13 декабря 1825 г. Тетрадка эта входит в Онегинское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 74, л. 1).

к *Дав* — «А.Л.Давыдову» («Нельзя мой толстый Аристипп»), 1824 г.

к *Гал. Сув.* — «Кн. М.А.Голицыной» («Давно об ней воспоминанье»), 1823 г.; кн. М.А.Голицына — рожд. княжна Суворова-Рымникская.

Возможно, что запись сделана для памяти при подготовке списка стихотворений, которые должны были войти в издание 1829 г. См. список № 6, где на первом и четвертом местах стоят эти самые стихотворения. При этом предположении запись нужно датировать 1827 г., не позднее августа.

5.

къ Щерб. 1819.
къ Дав.

Запись наверху обрывка листа бумаги с водяным знаком «1823 г.», входящего в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 72, л. 1). На листе текст перебеленных частью рукою Л.С.Пушкина стихотворений 1817 г.: «К Каверину» и «Добрый совет».

к *Щерб. 1819* — «К Щербинину» («Житье тому, любезный друг»).

к *Дав.* — А.Л.Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристипп»), 1824 г.

Возможно, что и эта запись сделана при подготовке списка стихотворений, которые должны были войти в издание 1829 г. См. список № 7, где под №№ 26 и 16 стоят эти самые стихотворения, а под № 25 — стихотворение «Каверину», текст которого имеется на том же листе, где и комментируемая запись. При этом предположении запись нужно датировать 1828 г., не позднее мая.

6.

къ Давыд.
къ Бара
къ ————
къ Кн. Гал.

къ Тим[1]
къ Языкову
къ ———
Измѣна
къ Кернъ А. П. К.
къ Гр. Ол.
къ Зинѣ
къ Морфею
— Совѣтъ, движенье, кукушка, дружба —
Прозаику
Идилику.
Пѣсни о С. Раз.
Нѣтъ! не Черкешенка —
Зачѣмъ безвремянную скуку
Великой скорбію томимъ
Наташа
19 дек.
Подр. Восточн. Стих.
къ Родз.
въ Альбомъ П. А. О.

Язы — кто тебѣ внушилъ
твое посланье удалое

6 элегій[2]
5 капит. піэсъ
14 лирическ.
5 посланій
17 мѣлочей
1 переводъ.

Список карандашом, теперь очень стершимся, на черновике письма Пушкина к А.Х.Бенкендорфу от 24 апреля 1827 г., находящемся в Майковском собрании автографов Пушкина (*ПД* № 291, л. 2 об.) (см. описание собрания, сделанное В.И.Срезневским в *ПС* IV, 26, № 5). Впервые опубликован Б.В.Томашевским в книге: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения». Изд. «Образование». Л., 1925, с. 111, давшим комментарий и определившим время написания списка.

В список включены «Песни о Стеньке Разине». О запрещении Николая I печатать их Пушкин узнал в первых числах сентября 1827 г. Поэтому время составления списка конец апреля — август 1827 г. В список вошли тридцать стихотворений 1816—1827 гг., которые Пушкин не включил в собрание стихотворений 1826 г. и которые он намечал ввести в собрание стихотворений в двух частях; из них первая вышла в мае, а вторая в июне 1829 г.

К Давыдову — «А.Л.Давыдову» («Нельзя, мой толстый Аристипп»), 1824 г.
К Баратынскому — «Баратынскому из Бессарабии», 1822 г.
——————— «Баратынскому» («Я жду обещанной тетради»), 1822 г.
К кн. Галицыной — «Кн. М.А.Голицыной» («Давно об ней воспоминанье»), 1823 г.
К Тим — «Е.А.Тимашевой» («Я видел вас»), 1826 г.

[1] *Читается предположительно.*
[2] *Эта колонка приписана позднее чернилами.*

К Языкову — «К Языкову» («Издревле сладостный союз»), 1824 г.
————————— «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил»), 1826 г.

Приписка к заглавию двух начальных стихов указывает на то, что Пушкин дает новую редакцию. В первой редакции, написанной 28 августа 1826 г., стихи читались:

Языков, брат! Я получил
Твое посланье удалое.

Измена — «Коварность» («Когда твой друг на глас»), 1824 г.

К Керн. А<нне> П<етровне> К<ерн> — «К А.П.Керн» («Я помню чудное мгновенье»), 1825 г.

К гр. Олизару — «Графу Олизару» («Певец! Издревле меж собою»), 1824 г.

К Зине — «В альбом Е.Н.Вульф» («Вот, Зина, вам совет»), 1826 г.

К Морфею — «К сну» («Знакомец милый и старинный»), 1816 г.

Совет — «Совет» («Поверь: когда слепней и комаров»), 1825 г.

Движение — «Движение» («Движенья нет»), 1825 г.

Кукушка — «Соловей и кукушка» («В лесах во мраке ночи»), 1825 г.

Дружба — «Дружба» («Что дружба?»), 1824—1825 гг.

Прозаику — «Прозаик и поэт» («О чем, прозаик»), 1825 г.

Идилику — «Русскому Геснеру» («Куда ты холоден и сух»), 1827 г.

Песни о Стеньке Разине — «Песни о Стеньке Разине»: 1. «Как по Волге», 2. «Ходил Стенька Разин» и 3. «Что не конский топ», 1826 г.

Нет! не Черкешенка — «Ответ Ф.Т.***» («Нет, не черкешенка»), 1826 г.

Зачем безвременную скуку — «К С.Ф.Пушкиной» («Зачем безвременную скуку»), 1826 г.

Великой скорбию томим — «Пророк» («Духовной жаждою томим»), 1826 г. Первая строка дана в редакции, из текста которой неизвестно ничего, кроме этого стиха.

Наташа — «Жених» («Три дня купеческая дочь»), 1825 г.

19 декабря — описка, вместо 19 октября — «19 октября» («Роняет лес»), 1825 г.

Подр<ажания> Восточн<ым> Стих<отворениям> — «В крови горит огонь желанья», 1825 г. и «Вертоград моей сестры», 1825 г. Неизвестно, под «подр.» разумел ли Пушкин одно или два стихотворения, но так как в собрании стихотворений 1829 г., ч. II, помещено два стихотворения, то мы расшифровываем «подр.» как «подражания».

К Родзянке — «А.Г.Родзянке» («Ты обещал о романтизме»), 1825 г.

В альбом П.А.О<сиповой> — «П.А.Осиповой» («Быть может, уж недолго мне»), 1825 г.

О приписанном позднее подсчете см. в примечании к следующему списку.

7.

О	1 Вы насъ увѣрили поэты		27 Стансы —
~	2, 3 Барат.	51 Сленину.	28 Къ Тим.
—	4 Кернъ	52 Кипренск.	29 Измѣна —

+ 5 19 окт.
O 6 дѣва
O 7 элег.
8 Прозаику
~ 9 Языкову
~ 10 Языкову
11 Волк. Зен.
— 12 Ночной Зеф.
+ 13 Женихъ
+ 14 Фаустъ
— 15 Пока не требуетъ
~ 16 Давыдову
17 К. Сув. Гал.
O 18 На смерть Р.
— 19 Ангелъ
20 Соловей и роза.
— 21 Художникъ варваръ
22 Гондоліеръ
23 Озеро
+ 24 Вадимъ
~ 25 Каверину 26 Щерб.

33 Совѣтъ дв кук. др
34 Идилику
35 Нѣтъ не черк

— 36 Пророч.
— 37 Подр. вост.
38 въ Альб. Ос.
39 Морфею
O 40 Медлительно—
+ 41 Черепъ
— 42 Талисманъ
— 43 Недоконч. карт.
— 44 На день рожд.
46[1] Ты и вы, to Dow
O 47 Бдѣніе
48 Изъ Мицк.
— 49 Зимн. путь
~ 50 Глинкѣ.

[99]

Список находится на четвертушке бумаги, на одной стороне которой имеется черновой текст стихотворения «[Еще дуют холодные ветры]» Этот листок входит в Майковское собрание (*ПД* № 95, л. 1 об.) (см. описание этого собрания, составленное В.И.Срезневским в *ПС* IV, 7, № 26) и впервые весьма несовершенно был опубликован П.О.Морозовым в *ПС* XVI, 115—116. В исправленном виде издал список и обстоятельно его прокомментировал Б.В.Томашевский в книге: Пушкин Л., 1925, с. 112—114. Так как в список включено стихотворение «26 мая 1828 г », то время составления списка, вероятно, конец мая — июнь 1828 г При составлении этого списка Пушкин пользовался предыдущим списком № 6, из которого вошло в новый список двадцать три стихотворения. Из списка № 6 не вошли 1) «Графу Олизару», 2) «К Зине», то есть «В альбом Е.Н.Вульф», 3—5) три песни о Стеньке Разине, 6) «Зачем безвременную скуку» и 7) «К Родзянке» Как доказал Б.В.Томашевский, Пушкин, после того как составил список, условными обозначениями отметил четыре жанра вошедших в список пьес, а именно O

[1] *Первоначально было:* 45.

Пушкин отметил «элегии», + «капитальные» пьесы, — «лирические стихотворения», ~ «послания». Неотмеченными остались стихотворения пятого жанра — «мелочи» и один «перевод».

Сделав эту разметку[1], Пушкин подсчитал стихотворения по жанрам и результаты подсчета записал на листке со списком № 6. По этому подсчету «элегий» оказалось шесть, «капитальных» пьес пять, «лирических» четырнадцать[2]. «Посланий» в подсчете записано пять, тогда как знаком ~ их отмечено семь. Разница объясняется тем, что один значок поставлен у двух посланий к Батюшкову, и, очевидно, за один Пушкин считал два значка у посланий к Языкову. Таким образом, у Пушкина в подсчете получилось число лиц, к которым адресованы «послания», а не самих «посланий». «Мелочей», то есть не отмеченных никаким значком в списке, в подсчете значится семнадцать. Очевидно, Пушкин считал правильно за два стиховторения, написанные «в подбор»: «Ты и вы» и «To Dow», и ошибочно счел за одно стихотворение написанные в одну строку названия четырех стихотворений: «Совет дв. кук. др.». Наконец, в подсчете значится: «1 перевод». Это — «Из Мицкевича». Таким образом, по записи подсчета всего стихотворений в списке должно быть сорок восемь, но, когда Пушкин перенумеровал в списке стихотворения, их оказалось пятьдесят два. В этой нумерации Пушкиным сделана ошибка: № 37 он пометил два стихотворения. Таким образом, в списке нужно считать пятьдесят три стихотворения.

1. *Вы нас уверили поэты* — «Люблю ваш сумрак неизвестный», 1822 г.

2—5. То же, что в предыдущем списке.

6. *Дева* — «Буря» («Ты видел деву»), 1825 г.

7. *Элегия* — может быть, «Зачем безвременную скуку» предыдущего списка.

8—10. То же, что в предыдущем списке.

11. *Волконской Зенаиде* — «Княгине З.А.Волконской» («Среди рассеянной Москвы»), 1827 г.

12. *Ночной зефир* — «Ночной зефир», 1824 г.

13. То же, что в предыдущем списке.

14. *Фауст* — Сцена из «Фауста», 1825 г.

15. *Пока не требует* — «Поэт» («Пока не требует поэта»), 1827 г.

16—17. То же, что в предыдущем списке.

18. *На смерть Ризнич* — «Под небом голубым страны своей родной», 1826 г.

19. *Ангел* — «Ангел» («В дверях Эдема»), 1827 г.

20. *Соловей и роза* — «Соловей» («В безмолвии садов»), 1827 г.

21. *Художник варвар* — «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной»), 1819 г.

---

[1] Остается непонятным, что означают подчеркивания названий у №№ 18, 23, 44, 45, 46 и 52.

[2] Четырнадцать пьес у Пушкина получилось оттого, что № 40 — «Медлительно», уже отмеченный им ноликом, то есть сосчитанный как «элегия», был отмечен и черточкой, то есть сосчитан как «лирическое» стихотворение. Очевидно, Пушкин колебался, к какому жанру отнести это стихотворение.

22. *Гондолиер* — «Близ мест, где царствует Венеция златая», 1827 г.

23. *Озеро* — Какое это стихотворение, остается неизвестным.

24. *Вадим* — «Свод неба мраком обложился», 1822 г.

25. *Каверину* — «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин»), 1817 г.

26. *Щербинину* — «К Щербинину» («Житье тому, любезный друг»), 1819 г.

27. *Стансы* — «Стансы» («В надежде славы и добра»), 1826 г.

28—35. То же, что в предыдущем списке.

36. *Пророч<ество>* — то есть «Пророк», указанный в предыдущем списке.

37. *Подр<ажания> вост<очному>* — то же, что в предыдущем списке.

38—39. То же, что в предыдущем списке.

40. *Медлительно* — «Желание» («Медлительно влекутся дни мои»), 1816 г.

41. *Череп* — «Череп» («Прими сей череп, Дельвиг»), 1827 г.

42. *Талисман* — «Талисман» («Там, где море вечно плещет»), 1827 г.

43. *Недоконч<енная> карт<ина>* — «Недоконченная картина» («Чья мысль восторгом угадала»), 1819 г.

44. *На день рожд<ения>* — «Дар напрасный, дар случайный», 1828 г.

45. *Ты и вы* — «Ты и вы» («Пустое вы»), 1828 г.

46. *To Dow* — «To Dawe Esq-r» («Зачем твой дивный карандаш»), 1828 г.

47. *Бдение* — «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), 1828 г.

48. *Из Мицк<евича>* — «Сто лет минуло», 1828 г.

49. *Зимн<ий> путь* — «Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы»), 1826 г.

50. *Глинке* — «Ф.Глинке» («Когда средь оргий»), 1822 г.

51. *Сленину* — «И.В.Сленину» («Я не люблю альбомов модных»), 1828 г.

52. *Кипренскому* — «Кипренскому» («Любимец моды легкокрылой»), 1827 г.

Из пятидесяти трех стихотворений списка ни в одну из двух частей издания стихотворений 1829 г. не вошло одиннадцать произведений: № 10 — «К Языкову» («Издревле сладостный союз»); № 17 — «Кн. Суворовой»; № 25 — «К Каверину»; № 26 — «К Щербинину»; № 28 — «Е.А.Тимашевой»; № 34 — «Русскому Гесснеру»; № 39 — «Морфею», то есть «К сну»; № 40 — «Желание» («Медлительно влекутся»); № 44 — «Дар напрасный, дар случайный»; № 50 — «Ф.Глинке» и № 52 — «Кипренскому». К этим одиннадцати стихотворениям нужно присоединить загадочное «Озеро». Из остающихся сорока одного стихотворения списка в первую часть издания стихотворений 1829 г. вошло десять и во вторую часть — тридцать одно.

Всего в первой части — восемьдесят одно стихотворение. Таким образом не вошло в список из стихотворений, составивших первую часть издания 1829 г., семьдесят одно. Все эти стихотворения взяты из издания 1826 г.

Во второй части всего семьдесят шесть стихотворений. Таким образом в книгу введено сорок пять стихотворений, не имеющихся в комментируемом списке. Из них взято из издания стихотворений 1826 г. двадцать восемь, к которым прибавлено семнадцать.

В число последних входят: одно стихотворение 1822 г.: «Нет ни в чем вам благодати»; одно — 1825 г.: «Н. Н.» («Примите Невский альманах»); одно — 1826 г.: «К Баратынскому» («Стих каждый»); одно — 1827 (?) г.: «Золото и булат»;

двенадцать[1] — 1828 г.: «Кобылица молодая», «Ответ Катенину», «Наперсник», «Предчувствие», «Ответ Готовцевой», «Чернь», «Утопленник», «Ворон к ворону летит», «Цветок», «Город пышный», «Не пой, красавица» и «Любопытный», и одно — 1829 г.: «Е.Н.Ушаковой» («Вы избалованы природой»).

В заключение нельзя не отметить той строгости, с какой Пушкин относился к делу печатания своих стихотворений. Если исключить из числа стихотворений, составивших обе части издания 1829 г., лицейские стихотворения 1815—1816 гг., а также одно стихотворение 1829 г., то мы получим сто сорок семь стихотворений 1817—1828 гг., включенных Пушкиным в издание, в то время как за эти годы им было написано по крайней мере двести восемьдесят два стихотворения. Таким образом лишь немногим больше половины из числа всех написанных поэтом стихотворений он счел достойными быть включенными в собрание стихотворений.

8.

Русланъ
Кавк. Плѣнникъ
Бахч. фонт.
Братья разбойники

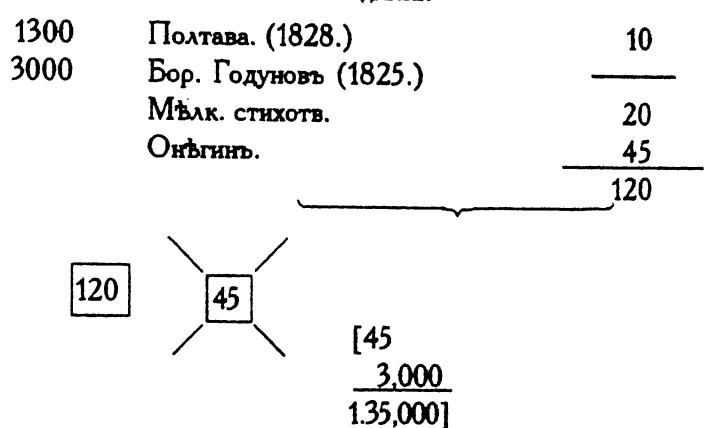
Запись на листке в 16 д. л., без водяного знака и жандармской пометы, с надписью неизвестной рукою: «authographe d'Alexandre Pouschkine». Хранится в *ПД* № 713, куда листок поступил из собрания Б.Л.Модзалевского в дар 11 апреля 1925 г. Впервые напечатано: *РП*, с. 244.

Запись представляет собою, вероятно, первоначальный набросок следующего списка.

9.

3,000.	Русланъ и Людм. (1820)	10
700	Кавк. Плѣн. (1821)	10
600	Бахч. фонт. (1822)	10
300	Братья разбойники (1822)	5
600	Цыганы (1824)	5
500	Гр. Нулинъ. (1825)	5

[1] Из этих двенадцати стихотворений первые пять написаны несомненно после составления списка.



Запись сделана на листке в 8 д.л., без водяного знака, входившем в Онегинское собрание автографов, но в описание последнего, составленное Б.Л.Модзалевским, не попавшем (поступил позднее). Хранится в *ПД* № 714. Первый раз список напечатан Б.В.Томашевским в его книге: Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925, с. 130.

По мнению Б.В.Томашевского, «список относится, вероятно, ко времени издания двух частей стихотворений (июнь 1829 г., на это указывает цена 20 р. — по 10 р. за часть) и во всяком случае составлен раньше отдельного издания "Бориса Годунова" (декабрь 1830 г.), так как его цена не указана».

Судя по письму Плетнева к Пушкину от 29 марта 1829 г., план издания собрания сочинений у Пушкина возник в феврале-марте 1829 г., так что список и в это время мог быть составлен. По связи же списка со списками №№ 10 и 14 он не мог быть составлен позднее начала мая 1830 г.

Список представляет собою перечень всего написанного Пушкиным с учетом количества стихов в отдельных произведениях и продажной их стоимости. И то и другое взято Пушкиным в круглых числах. В действительности в «Руслане и Людмиле» не 3000 стихов, а 2812, в «Кавказском пленнике» — не 700, а 777, в «Бахчисарайском фонтане» — не 600, а 578, в «Братьях-разбойниках» — не 300, а 235, в «Цыганах» — не 600, а 539, в «Графе Нулине» — не 500, а 371, в «Полтаве» — не 1300, а 1544, в «Борисе Годунове» — не 3000, а 2640 (без прозы) стихов. Цены, по которым продавались произведения, тоже часто округлены: «Кавказский пленник» изд. 1824 г. стоил не 10 р., а 6 р. ассигнациями, «Бахчисарайский фонтан» изд. 1827 г. — не 10 р., а 7 р., «Братья-разбойники» — не 5 р., а 2 р., «Цыганы» — не 5 р., а 6 р., «Граф Нулин» — не 5 р., а 2 р. 50 к.

Цена «Бориса Годунова» не проставлена, так как ко времени составления списка трагедия еще не была издана (вышла в свет в декабре 1830 г.), и Пушкин не знал еще, какую цену можно будет назначить. Под «мелкими стихотворениями» Пушкин разумеет две части издания «Стихотворений», вышедшие в свет в мае и июне 1829 г. Как уже указано, ко времени составления списка эти книги еще, может быть, и не вышли. Продавались они по цене, указанной в списке. Наконец, цена «Евгения Онегина» поставлена из расчета по 5 р. за девять глав, из которых ко времени составления списка вышло шесть

или семь. Тем не менее Пушкин подсчитал валовой доход от продажи всех девяти глав романа из расчета тиража в 3000 экземпляров.

10.

Онѣгинъ
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX

16300
5800
10500

	I часть		
	Предисловіе		
6	Русланъ и Людмила	3000	
7	Кавказскій плѣнникъ	600	
8, 9 } 8			
10	II часть		
11	Братья Разб.	300	
12	Бахч. фонт.	600	
13	Цыганы	600	
14	Графъ Нулинъ	600	
15		5700	
II [III]	Полтава		15000
	Онѣгинъ		4000
			5500
III [IV]	Трагедія съ Notami съ предисл.	3000	6
IV [V]	Мѣлкія стихотворенія 2 разговоръ поэта		

Список находится в тетради Пушкина № 2372 (л. 66; совр. шифр — *ПД* № 839, л. 70). Впервые список был напечатан В.Е.Якушкиным в *Я*, VIII, 315.

Список можно датировать 12 мая 1830 г., потому что на смежной с ним странице имеется начало отрывка «Участь моя решена», датированное самим Пушкиным (в этой рукописи) 12 мая <1830 г.>. Список написан теми же чернилами и почерком, какими написан отрывок «Участь моя», и как бы на полях этого текста и по содержанию связан с отрывком, являясь выражением тех забот о материальной стороне своего существования, каким предавался Пушкин в связи с предстоящей женитьбой.

В.Е.Якушкин ошибочно считал, что цифры, поставленные при названиях, означают суммы рублей гонорара.

Как и в списке № 9, стихи в произведениях даны в круглых числах. Первоначальное деление собрания сочинений на пять частей затем было изменено на деление на четыре части, причем Пушкин забыл зачеркнуть слова «II часть» перед «Братья-разбойники».

В числе стихов «Полтавы» Пушкин по рассеянности приписал лишний нуль. Сложив 1500 стихов «Полтавы» с 4000 стихов «Евгения Онегина», Пушкин написал сумму этих слагаемых: «5500», но потом, вероятно после того, как в списке № 14 были проставлены числа стихов в главах «Евгения Онегина», Пушкин изменил «5500» на «6500», приписав у первой пятерки (по рассеянности не зачеркнув ее) шестерку.

Трагедия — «Борис Годунов».

Ноты (написаны латинскими буквами) — означают примечания, которыми хотел снабдить Пушкин трагедию, но чего не сделал. Не написал поэт и предисловия к трагедии, за которое многократно принимался.

Разговор поэта — это, конечно, «Разговор книгопродавца с поэтом», печатавшийся при первой главе «Евгения Онегина», в обоих отдельных изданиях (1825 г. и 1829 г.) этой главы романа.

Цифра «2» перед словами «разговор поэта» указывает на то, что теперь Пушкин решил перенести это стихотворение из «Евгения Онегина» в собрание стихотворений, что и было сделано: в первом издании (1833 г.) всего «Евгения Онегина» «Разговор» не был напечатан и был включен в четвертую часть «Стихотворений», изданную в 1835 г.

В вычислении слева от основной записи (16 300 — 5 800 = 10 520), возможно, первое число (16 300) означает общее число стихов во всех пяти (или четырех), «частях» собрания. При этом предположении число стихов в «мелких стихотворениях» Пушкин считал в 2100. Из общего числа стихов (16 300) Пушкин вычитал, очевидно, число стихов в первых двух (или одной) частях, увеличив его на 100 стихов (5800 вместо 5700).

Значение цифр, написанных под вычислением, объяснить не можем.

11.

Онѣгинъ

Часть Первая Предисловіе

I пѣснь	Хандра Кишеневъ, Одесса	
II ——	Поэтъ Одесса 1824	
III ——	Барышня Одесса. Мих. 1824	

Часть Вторая

IV пѣснь	деревня Михайлов.	1825
V ——		1826.
	[Пра] Имянины Мих.	1825
VI ——	Поединокъ Мих. 1826	

Часть третья Мих. 1827. 8.

VII пѣснь	Москва. П.Б.Малинн. Моск. 1829.
VIII ——	Странствіе Павл. Болд.
IX ——	Большой свѣтъ Болд.

Примѣчанія

[Примѣчанія]

Кишеневъ — Болдино

1823 год. 9 мая —— 1830 25 сент.

---

26 сент. АП

И жить торопиться и чувствовать спѣшитъ

А. Р. К. В.

[45] (25) [$3^1/_3$] 4 мѣ 17 д.

[15] [2400
15
12000 7 лѣ. 4 мѣ. 17 д.
24]

Запись на листе в 4 д. л., входящем в Шляпкинское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 129, л. 1 об.). На обороте листа — черновой текст стихотворения «Ответ анониму», беловой текст которого датирован: «26 сент. Болдино».

В этот же день (дата у стиха Вяземского) сделана и комментируемая запись.

Впервые напечатано Анненковым в *А* I, 227, затем Шляпкиным в *Ш*, 46 с факсимильным воспроизведением и в *Е*[4], VIII, с. 471. Перепечатывалось в ряде изданий в примечаниях к «Евгению Онегину». Запись, обычно называемая не совсем точно «хронологией» «Евгения Онегина», представляет собою план издания всего романа, выходившего отдельными главами, в виде одной книги.

Закончив 25 сентября 1830 г. последнюю, девятую, главу своего любимого произведения, Пушкин на другой день написал этот план, являющийся как бы комментарием к стихотворению «Труд» («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...»), в котором так трогательно и вместе значительно поэт прощался со своим «молчаливым спутником ночи».

По почерку видно, что в «плане» первоначально были написаны номера «песен» и указания, где[1] и когда они писались. Последнее, конечно, сделано Пушкиным для себя: помещать в книгу этих сведений он не собирался — просто ему любопытно было в памяти снова пройти путь, который он совершил со своим «спутником» в течение, как он точно вычислил, семи лет четырех месяцев и семнадцати дней. Затем, записав даты начала и окончания работы над романом, поэт записал стих из стихотворения кн. П.А.Вяземского «Первый снег» (1817 г.). Запись эта указывает на то, что этот стих в издании всего романа должен быть взят эпиграфом к первой главе, вместо напечатанного в двух изданиях главы: «Petri de vanité...», который в издании всего романа поставлен на отдельной странице ко всему роману.

После этого Пушкин решил дать названия всем «песням», которые и вписаны другим почерком. Этим же почерком вписаны и «части».

Кроме подсчета времени, в течение которого писался роман, Пушкин начал было подсчитывать валовой доход с издания, считая тираж в 2400 экземпляров и продажную цену в 15 р. за экземпляр. Но, решив, что цена эта слишком мала, подсчеты не кончил. Записав продажную цену всех девяти глав — 45 р. из расчета по 5 р. за главу, как они продавались, и 15 р., цену, которую он думал назначить, Пушкин окончательно решил брать за роман 25 р., что и выразил, обведя число кружком.

Обращаясь к хронологии романа, нужно заметить, что еще Анненков, публикуя запись плана издания, писал об условности приурочивания писания той или иной главы к определенному году. Более или менее точная хронологизация писания всех строф романа — большая работа, которую еще предстоит проделать по рукописям Пушкина. Но и в результате ее мы полной картины не получим, так как шестидесяти строф в рукописях не сохранилось. Изложение современного состояния вопроса дано Б.В.Томашевским (в *КН* VI, 134—135), здесь же мы остановимся только на датах начала и окончания писания романа.

Дату начала работ над «Евгением Онегиным» Пушкин мог узнать лишь из своей Кишиневской тетради № 2369 (*ПД* № 834). Здесь на л. 4 об. находится черновой текст первых двух строф первой главы романа, с датой: «9 мая», близ которой (несколько ниже ее) имеется еще вторая: «28 мая ночью», обозначающая, несомненно, второй «приступ» к работе над романом.

---

[1] *Павл.* — Павловское, имение (Тверской губ., Старицкого уезда) Павла Ивановича Вульфа, дяди приятеля Пушкина А.Н.Вульфа.

Первую дату Пушкин совершенно правильно и принял как дату начала писания романа, неправильное же чтение Якушкина, прочитавшего вместо «9 мая» — «9 июня» (см. *Я* VI, 522)[1], сбило с толку редакторов, и после разъяснения Щеголева (см. *ПС* XIII, 164—165) до сих пор говорящих о «неясной» помете.

Весьма условна дата окончания романа — 25 сентября 1830 г.

Хотя на листке с последней строфой восьмой (бывшей девятой) главы и имеется дата: «Болдино 1830, сент. 25, $3^1/_4$ <часа>» (*ПС* IV, 11), в этот день роман не был окончен, так как не было еще написано письмо Онегина к Татьяне. Написано оно было через год. На листке с текстом этого письма (строфа XXXII) имеется дата: «5 окт. 1831. Ц<арское> С<ело>» (*ПС* IV, 22).

Ко времени составления комментируемого плана издания всего романа были напечатаны первые семь глав. Прежде чем издавать весь роман в девяти главах одной книгой, нужно было издать отдельно восьмую и девятую главы. Несмотря на то, что последняя глава не была еще окончена, так как не было написано письмо Онегина к Татьяне, Пушкин 28 ноября 1830 г. набросал текст предисловия к этому изданию двух глав. Но план этот не осуществился. Когда же было написано письмо Онегина, Пушкин решил, по неизвестным причинам, восьмую главу не печатать, назвав восьмой бывшую девятую.

Таким образом, роман оказался в восьми частях, и стройное членение его на три части, по три главы в каждой, отпало[2]. Издав в 1832 г. отдельной книжкой восьмую главу, Пушкин лишь в марте 1833 г. выпустил весь роман в одной книге. В этом издании не было ни предисловия, ни названия глав, намечавшихся планом 1830 г., и стоил он не 25 р., как предполагал Пушкин, а лишь 12 р.

12 и 13.

Цыг —		I томъ			
Граф Ну		Русланъ	—	3000	*10*
Полт —	*15*	Кавк. Плѣ.	—	600	*5*
Окт. —	*45*	Бра Разб.	—	300	*2*
Сказска —	*2*	Бахч.	—	600	*5*
[*Онѣг*] —	*135000*[3]	Цыганы	—	600	*5*
[*Траг*] —		Гр. N	—	600	*5*
	[*90,000*] *Октавы*			6400	*32*
	[*18.000*]				
Траг —					

[1] До него Бартенев вовсе не прочел первой даты (см. *РА* 1881, I, 221).

[2] Первоначально Пушкин делил роман на части иначе: в конце шестой главы (в отдельном издании ее 1828 г.) имеется пометка: «Конец первой части», говорящая о том, что в романе будет двенадцать глав.

[3] *В числе* 135000 *пятерка переделана в нуль.*

Окт —
[*Ск*]
Сцены.

II

III томъ						
Трагедія [*15*]	*15*	Онѣгинъ	I	—	500	
Мѣлкія стихотв.	*20*		II		500	
Сцены	*35*		III		600	
			IV		600	
			V		600	
45 *45*			VI		600	
55			VII		600	
35			VIII		600	
32 [*122*			IX		600	
45		Полтава	I	—	400	
122			II	—	500	
77]			III	—	500	
					6500	

Список № 12 находится в тетради Пушкина № 2372 (л. 61; совр. шифр — *ПД* № 839, л. 65).

Впервые был напечатан В.Е.Якушкиным в *Я*, VIII, 317.

Список можно датировать началом июня 1830 г., так как на смежной странице находится черновик письма к Н.Н.Гончаровой, датируемый началом июня 1830 г. Текст письма написан карандашом, но исправлен теми же чернилами и почерком, каким написан и список, так же связанный с текстом письма, как список № 10 связан с отрывком «Участь моя решена».

Список представляет собою копию списка № 10, с тем лишь отличием, что III и IV части списка № 10 соединены в списке № 12 в один (третий) том. Кроме того в списке № 12 проставлены числа стихов у глав «Евгения Онегина». И эти числа, по обыкновению Пушкина, округлены: в действительности в первой главе не 500, а 756 стихов, во второй главе — не 500, а 560, в каждой из остальных Пушкин считал 600 стихов, тогда как в третьей главе — 671, в четвертой — 601, в пятой — 588, в шестой — 602, в седьмой — 728, восьмая глава осталась ненапечатанной, а в девятой (сделавшейся восьмой) — 774.

Непонятно, как в подсчете числа стихов первого тома у Пушкина получилось вместо 5700 — 6400 стихов. Ошибка у него и в подсчете стихов второго тома: вместо 6600 — 6500 стихов.

Список № 13 находится на той же странице, где и список № 12. Список, написанный карандашом, впервые напечатан: *РП*, с. 252. В.Е.Якушкин из него напечатал лишь слово «Сцены» и общий подсчет продажной стоимости изданий отдельных произведений, принятый им за подсчет листов[1].

Список написан в сентябре-октябре 1831 г., так как, с одной стороны, включенная в список «Сказка», то есть «Сказка о царе Салтане», была написана в августе этого года, с другой стороны — Пушкин по-прежнему считает в «Евгении Онегине» девять глав, от чего он отказался в ноябре 1831 г., когда была разрешена к печати «последняя», восьмая, глава романа.

Список представляет собою проекты распределения произведений по четырем томам собрания.

Отчеркивание первых четырех поэм в первом томе списка № 12 указывает, что только эти четыре произведения остаются в первом томе.

Второй том должен составить перечисленные в списке № 13: «Цыганы», «Граф Нулин», «Полтава», «Октавы», то есть «Домик в Коломне», оконченный в октябре 1830 г., и «Сказка», то есть «Сказка о царе Салтане». Третий том — «Евгений Онегин», и четвертый том — «Трагедия». Затем в четвертый том Пушкин решил включить: «Трагедию», «Октавы» и «Сцены», то есть написанные в октябре-ноябре 1830 г. «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы». Но потом, видимо, он отказался от четвертого тома и оставил прежнее распределение списка № 12, лишь прибавив в первый том «Октавы» и в третий том «Сцены». Затем, так же как сделано в списке № 9, Пушкин проставил продажные цены отдельных изданий. На этот раз числа, поставленные Пушкиным, ближе к действительности, чем это было в списке № 9. За «Бориса Годунова» Пушкин поставил 15 р., тогда как продавалась трагедия по 10 р. Цифра «20» при «мелких стихотворениях» указывает на то, что Пушкин имел в виду две части «Стихотворений», изданных в 1829 г. Из общего подсчета стоимости произведений, входящих во всех три тома, видно, что цену за «Евгения Онегина» Пушкин по-прежнему считает в 45 р., а за «Полтаву» — 10 р. Число «45» под списком произведений третьего тома означает предполагаемую цену за том, при включении в него и сцен.

Наконец, зачеркнутый подсчет внизу страницы является прикидкой стоимости всех произведений без «Евгения Онегина»*.

Значение чисел наверху слева объяснить не можем.

---

[1] Кроме того, в список № 12, то есть в список, написанный чернилами, Якушкин ввел из написанного карандашом: «Октавы».

* Числа наверху слева являются подсчетами Пушкина: сколько он может получить денег за два, три и четыре тома своих сочинений, при условии, что один том будет стоить 45 рублей, а тираж издания — 1000 экземпляров. Записав стоимость четырех томов, он ошибается и не дописывает один ноль (18000 вместо 180000). Рамочка, которой он обвел цифру «135000» может свидетельствовать о том, что Пушкин решил остановиться на трехтомном издании. — *Ред.*

14.

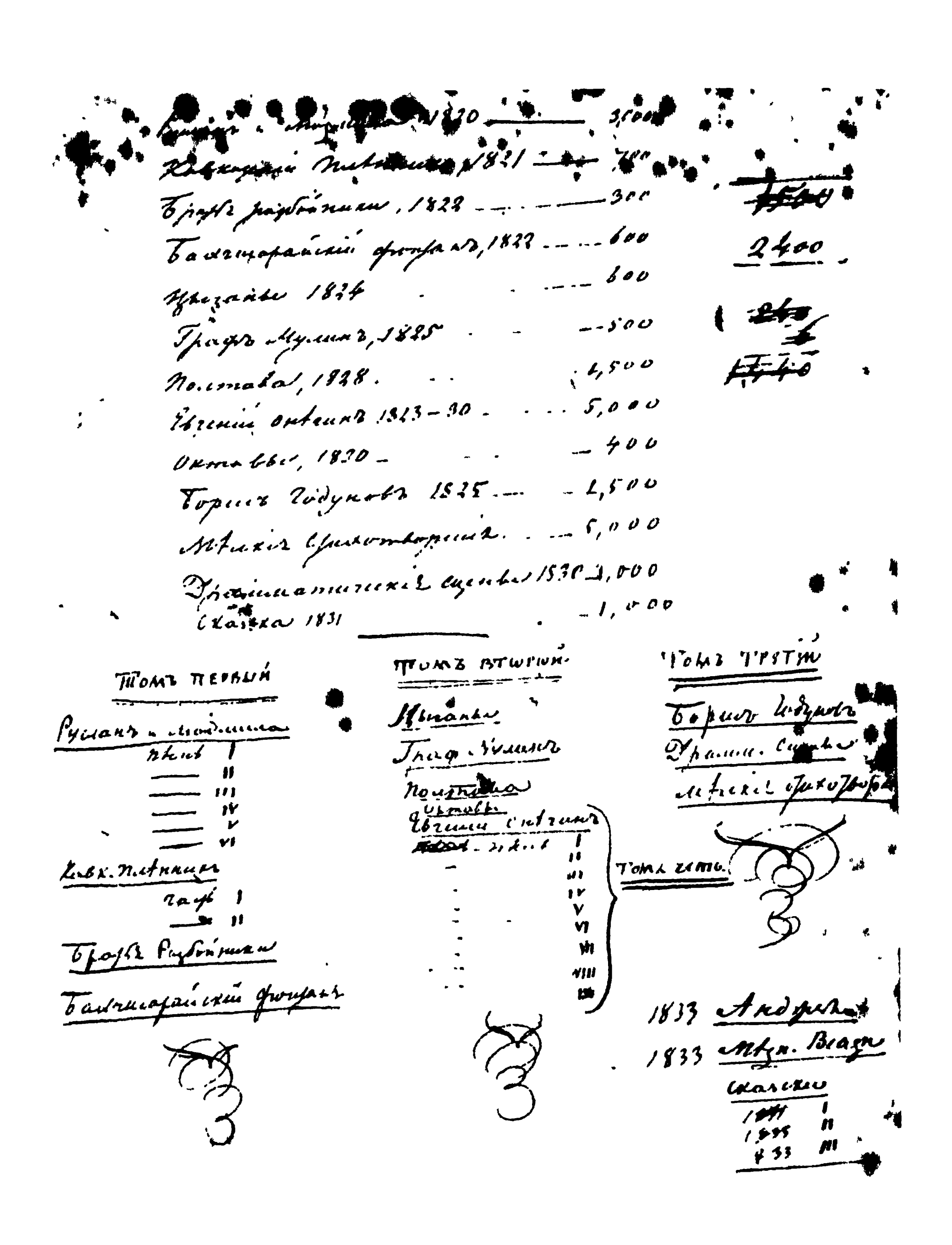
Русланъ и Людмила 1820	3,000	
Кавказскій Плѣнникъ, 1821	700	
Братья разбойники, 1822	300	[*1500*
Бахчисарайскій фонтанъ, 1822	600	*2400*
Цыганы, 1824	600	
Графъ Нулинъ, 1825	500	
Полтава, 1828	1,500	*240*
Евгеній Онѣгинъ 1823—30	5,000	*6*
Октавы, 1830	400	
Борисъ Годуновъ 1825	1,500	*1,440*]
Мѣлкія стихотворенія	5,000	
Драмматическія сцены 1830	1,000	
Сказка 1831	1,000	

Томъ первый
Русланъ и Людмила
пѣснь I
——II
——III
——IV
——V
——VI
Кавк. Плѣнникъ
Часть I
——II
Братья Разбойники
Бахчисарайскій фонтанъ

Томъ вторый
Цыганы
Графъ Nулинъ
Полтава
Октавы
Евгеній Онѣгинъ
Пѣснь ——I
——II
——III
——IV
——V
——VI
——VII
——VIII
——IX
} Томъ четв.

Томъ третій
Борисъ Годуновъ
Драмм. Сцены
Мѣлкія стихотвор.

1833 Анджело
1833 Мѣдн. Всадн.
Сказски



Руслан и Людмила 1820 — 3,000
Кавказский пленник 1821 — 780
Братья разбойники, 1822 — 300
Бахчисарайский фонтан, 1822 — 600
Цыганы 1824 — 600
Граф Нулин, 1825 — 500
Полтава, 1828 — 1,500
Евгений Онегин 1823–30 — 5,000
Октавы, 1830 — 400
Борис Годунов 1825 — 2,500
Мелкие стихотворения — 6,000
Драматические сцены 1830 — 2,000
Сказка 1831 — 1,000

Том первый
Руслан и Людмила
Кавк. пленник
Братья Разбойники
Бахчисарайский фонтан

Том второй
Цыганы
Граф Нулин
Полтава
Евгений Онегин

Том третий
Борис Годунов
Драмат. сцены
Мелкие стихотв.

Том четв.

1833 Анджело
1833 Медн. Всадн.

План издания сочинений в IV тт.

1831 I
1833 II
1833 III

Список написан на листе толстой сероватой бумаги и находится в Майковском собрании автографов Пушкина (*ПД* № 715; лист вырван из тетради *ПД* № 838) (см. *ПС* IV, 25, № 2). Воспроизведен факсимильно в «Вестнике Академии Наук СССР», 1934, № 2, с. 41—42 при статье Д.П.Якубовича «Пушкинские планы полного собрания его сочинений».

Впервые список был напечатан П.О.Морозовым в *ПС* XVI, 112—123, а затем Б.В.Томашевским в его книге «Пушкин», 1925, с. 18.

Список составлен в два приема. Первоначальный текст напечатан прямым шрифтом, позднейшие приписки — курсивом.

Первоначальный список, судя по тому, что в него не вошла «Сказка», то есть «Сказка о царе Салтане», написанная в августе-сентябре 1831 г., но вошли «Драматические сцены», написанные в октябре-ноябре 1830 г., составлен в ноябре 1830 г. — июле 1831 г.

Во второй части (распределение по томам) список близок к спискам №№ 12 и 13.

Предварительный список произведений, подлежащих распределению по томам, дает, по принятому Пушкиным обыкновению, числа стихов. Как и в прежних списках, числа эти приблизительны. Так, в «Евгении Онегине» не 5000, а 5280 стихов, в «Борисе Годунове» — не 1500, а 2640, в «Октавах», то есть «Домике в Коломне», — не 400, а 320, в «мелких стихотворениях», то есть в двух частях издания 1829 г., — не 5000, а 4141, в «Драматических сценах», если считать все четыре пьесы, — не 1000, а 2145 (в одном «Каменном госте» 983 стиха). Только количество стихов в «Сказке о царе Салтане» указано близко к действительности: в сказке 997 стихов.

Текст, напечатанный курсивом, приписан не ранее ноября 1833 г., когда была написана «Сказка о мертвой царевне», очевидно последняя из трех включенных в список сказок. «Анджело» и «Медный всадник» были написаны в октябре 1833 г.

Первая сказка 1831 г. — «Сказка о царе Салтане».

Вторая — 1833 г. — «Сказка о рыбаке и рыбке».

15.

\+ Брожу ли я
Я васъ узналъ
Я ѣхалъ къ Вамъ
\+ Филарету
\+ Соб — ой

Я васъ любилъ
Богъ помочь[1]
Даръ напрасный[1]
[Глаза][1] Насъ было много[1]
++ Бѣсы.

[1] *Вписано позднее другими чернилами.*

\+ Когда твои младыя лѣта
\+ Сонетъ 3[1]
\+ Поѣдемъ, я готовъ
\+ На холмы Грузіи
Каченовск. 3[1] Какъ печатью

Надежд. 1
++ 2 Nоябр.
Олеговъ щитъ
Щастливъ ты
Подъ Ижоры
Сѣдой Хв.
\+ Зимн. утро
\+ Зимн. вечеръ
[Дельвигу 4]
Фаргатъ-Беку
[Изъ радуги]
Насѣкомые
++ Юсупову
Каверину 1817.
[Глаза 1828]
Видокъ Фигл.
Анчаръ

Аквилонъ
Делибашъ —
Благосл. Новоселье
Я жить хочу —
\+ Кавказъ
Казбекъ
Цыганы
Пью за здр.
Къ портр. Зав.
[Гекз. 2]
\+ Анониму
Осень I окт.
Къ EW
Дорожн. стихи
15 годъ.
Октавы
Булгар
Заклин
[Герой]
Обвалъ
Донъ
Къ Клеветн.
Годовщ. Бород.
Эхо.

Трудъ[2]
Ц.С.
Рифма
Рыб.

<Сбоку приписано>:

Глаз
Какой въ нихъ огнь! Какой въ нихъ геній!...

Список находится на листке в четвертку, на обороте чернового письма к родителям, которое датируется 12 или 13 апреля 1830 г.

Листок этот входит в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 515, л. 1) (см. описание В.И.Срезневского в *ПС* IV, 34, № 9).

Впервые список очень неисправно напечатан П.О.Морозовым в *ПС* XVI, 120—121. В исправленном виде, с комментариями напечатан Б.В.Томашевским в его книге «Пушкин», Л., 1925, с. 114—115. По мнению Томашевского, начат список в 1830 г. Список составлялся в несколько «присестов». Последние записи сделаны в первых числах сентяб-

---

[1] *Цифра вписана позднее карандашом.*

[2] *Вписано позднее другими чернилами.*

ря 1831 г., после того как была написана (6 сентября 1831 г.) «Бородинская годовщина», вошедшая в перечень стихотворений.

Список сделан для издания собрания стихотворений 1832 г. (Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть. СПб., 1832).

Брожу ли я — «Брожу ли я вдоль улиц шумных», 1829 г

Я вас узнал — «Ответ» («Я вас узнал»), 1830 г.

Я ехал к вам — «Приметы» («Я ехал к вам»), 1829 г

Филарету — «В часы забав иль праздной скуки», 1830 г.

Соб — ой — Собаньской («Что в имени тебе моем»), 1830 г.

Когда твои младые лета — «Когда твои младые лета», 1829 г. и 1830 г

Сонет 3. — 1. «Мадонна» («Не множеством картин»), 1830 г

2. «Поэту» («Поэт! не дорожи»), 1830 г

3. «Сонет» («Суровый Дант»), 1830 г.

Поедем, я готов — «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья», 1829 г

На холмы Грузии — «На холмах Грузии лежит ночная мгла», 1829 г Слова. «На холмы» — вместо «На холмах», указывают на раннюю редакцию стихотворения.

Каченовск. 3. — 1. «Как сатирой безымянной», 1829 г., приписка. «Как печатью» означает вариант первого стиха эпиграммы. В издании 1832 г. оставлена редакция «Как сатирой».

2. «Литературное известие» («В Элизии Василий Тредьяковский»), 1829 г.

3. Вероятно, одна из трех: «Жив, жив курилка», 1825 г., «Там, где древний Кочерговский», 1829 г., и «Журналами обиженный жестоко», 1829 г Последние две ко времени составления списка были напечатаны.

Надежд. — вероятно, «Надеясь на мое презренье», 1829 г

2 ноябр. — «Зима. Что делать нам в деревне», 1829 г.

Олегов щит — «Олегов щит» («Когда ко граду Константина»), 1829 г

Счастлив ты — «Счастлив ты в прелестных дурах», 1829 г.

Под Ижоры — «Подъезжая под Ижоры», 1829 г.

Седой Хв. — эпиграмма «Седой Свистов, ты царствовал со славой», 1829 г

Зимн. утро — «Зимнее утро» («Мороз и солнце»), 1829 г

Зимн. вечер — «Зимний вечер» («Буря мглою»), 1825 г.

[*Дельвигу 4*] — Цифра «4», вероятно, означает четыре стихотворения, посвященные бар. А.А.Дельвигу. Несомненно, в это число входит «Кто на снегах возрастил», 1829 г. Остальные три могут быть: «Мы рождены, мой брат», 1830 г.; «Дельвигу» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»), 1821 г., и «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных»), 1815 г. Все эти стихотворения ко времени составления списка не были напечатаны.

Фаргат-Беку — «Не пленяйся бранной славой», 1829 г.

[*Из радуги*] — К.А.Т — вой («Я видел вас»), 1826 г. Стихотворение впервые было напечатано в альманахе «Радуга» 1830 г.

Насекомые — «Собрание насекомых» («Мое собранье насекомых»), 1829 г.

Юсупову — «К вельможе» («От северных оков»), 1830 г.

Каверину 1817. — «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин»), 1817 г.

[*Глаза 1828*] — «Ее глаза («Она мила»), 1828 г. Приписка сбоку относится к этому стихотворению и представляет собою вариант к стиху: «Какой задумчивый в них

гений». Эту редакцию Пушкин предполагал заменить: «Какой в них огнь! Какой в них гений!»

Видок Фигл. — «Эпиграмма» («Не то беда, Авдей Флюгарин»), 1830 г.

Анчар — «Анчар» («В пустыне чахлой»), 1828 г.

Я вас любил — «Я вас любил: любовь еще, быть может», 1829 г.

Бог помочь — «19 октября 1827 г.» («Бог помочь вам, друзья»).

Дар напрасный — «Дар напрасный, дар случайный», 1829 г.

Нас было много — «Арион» («Нас было много на челне»), 1827 г.

Бесы — «Бесы» («Мчатся тучи»), 1829 г. и 1830 г.

Аквилон — «Аквилон» («Зачем ты, грозный аквилон»), 1824 г. и 1830 г.

Делибаш — «Делибаш» («Перестрелка за холмами»), 1829 и 1830 г.

Благословл. новоселье — «Новоселье» («Благословляю новоселье»), 1830 г.

Я жить хочу — «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье»), 1830 г.

Кавказ — «Кавказ» («Кавказ подо мною»), 1829 г.

Казбек — «Монастырь на Казбеке» («Высоко над семьею гор»), 1929 г.

Цыганы — «Цыганы» («Над лесистыми брегами»), 1830 г.

Пью за здр. — «Пью за здравие Мери», 1830 г.

К портрету Зав. — «К бюсту Завоевателя» («Напрасно видишь тут ошибку»), 1829 г.

[*Гекз. 2*] — «Труд» («Миг вожделенный настал»), 1830 г.

Ц. С. — «Царскосельская статуя» («Урну с водой уронив»), 1830 г.

Рифма — «Рифма» («Эхо, бессонная нимфа»), 1830 г.

Рыб. — «Отрок» («Невод рыбак расстилал»), 1830 г.

Анониму — «Ответ анониму» («О, кто бы ни был ты»), 1830 г.

Осень I<ые> *окт*<авы> — «Осень» («Октябрь уж наступил»), 1830 г.

К EW — Какое стихотворение скрыто под этими инициалами, сказать трудно. Б.В.Томашевский утверждает, во-первых, что буквы EW означают «Elise Woronzoff», и, во-вторых, что Пушкин разумеет здесь стихотворение «В последний раз твой образ милый». Последнее утверждение, основывающееся на сравнении комментируемого списка со следующим, нам представляется не бесспорным.

Дорожн. стихи — «Дорожные жалобы» («Долго ль мне гулять»), 1829 г.

15 год — «Паж или пятнадцатый год» («Пятнадцать лет мне скоро минет»), 1830 г.

Октавы — «Домик в Коломне», 1830 г.

Булгар. — «На Булгарина» («Не то беда»), 1830 г.

Заклин. — «Заклинание» («О если правда, что в ночи»), 1830 г.

[*Герой*] — «Герой» (Да, слава в прихотях вольна»), 1830 г.

Обвал — «Обвал» («Дробясь о мрачные скалы»), 1829 г.

Дон — «Дон» («Блеща средь полей»), 1829 г.

К клеветн. — «Клеветникам России», 1831 г.

Годовщ. Бород. — «Бородинская годовщина», 1831 г.

Эхо — «Эхо» («Ревет ли зверь»), 1831 г.

По вероятному предположению Б.В.Томашевского, крестиком Пушкин отметил напечатанные стихотворения, печатный текст которых имелся под рукой у Пушкина. Если это так, то разметил список крестиками Пушкин не ранее конца декабря 1831 г., так как только в это время вышли в свет «Северные цветы на 1832 г.», где было

напечатано стихотворение «Бесы», отмеченное в списке двумя крестиками. Вообще отметка двумя крестиками трех стихотворений непонятна. Занеся в список всего шестьдесят шесть стихотворений, Пушкин затем вычеркнул семь.

16.

\+ Брожу-ли я 1829
Я васъ узналъ 1830
Я ѣхалъ къ Вамъ 1829
× + Соб — ой 1830
\+ Когда твои младыя лѣта 1830
× + Три сонета 1830
× Поѣдемъ, я готовъ — 1829
\+ На холмы Грузіи 1829
× 3 эпигр. на Кач.
× 1 ——— на Над.
\+ 2 Ноября 1829
\+ Олеговъ щитъ 1829
\+ Щастливъ ты 1829
\+ Подъ Ижоры 1829
× Сѣдой Хв.

\+ Зимнее утро 1829
\+ Зимній вечеръ 1825
× + Фаргатъ Беку 1829
Насѣкомые 1829
× + Юсупову 1830
× Видокъ Ф. (2.) 1830
Анчаръ 1829
\+ Я васъ любилъ 1829
Богъ помочь 1828
\+ Даръ напрасный 1828
Насъ было много

Бѣсы 1829
Аквилонъ 1824
Делибашъ 1829
\+ Благосл. новос. 1830
Я жить хочу 1830 ×
\+ Кавказъ 1829
\+ Казбекъ 1829
\+ Обвалъ 1829
\+ Цыган. 1830
\+ Here's health 1830. ×
Экзам.
{ Къ Дельв. ×
Трудъ 1830
Статуя
Рифма
Рыбакъ × }
\+ Анониму 1830
Осень въ деревнѣ 1830
Въ послѣдній разъ 1829
Заклинаніе 1828
Для береговъ чужбины & 1828
Дону 1829
Къ клеветн. Р. 1831
На вз. Варш. 1831
Эхо. 1829.
Каковъ я п

Список написан на листке в четвертку грубой серой бумаги и находится в Майковском собрании автографов Пушкина (*ПД* № 716) (см. описание В.И.Срезневского в *ПС* IV, 24, № 1). Впервые список неисправно напечатан П.О.Морозовым в *ПС* XVI,

116—120. В исправленном виде, и с комментариями напечатан Б.В.Томашевским в его книге «Пушкин», Л., 1925, с. 116—118.

Список представляет собою перебеленную копию предыдущего списка, сделанную вероятно (по правдоподобному предположению Томашевского) между 5 и 14 сентября 1831 г., о чем речь ниже.

Перебеляя предшествующий список, Пушкин не включил в копию, кроме зачеркнутых в первом, еще шесть стихотворений: 1) «Филарету», то есть «В часы забав», 1830 г.; 2) «Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин»), 1817 г.; 3) «К портрету Завоевателя» («Напрасно видишь»), 1829 г. 4) «Дорожные стихи», то есть «Дорожные жалобы», 1829 г.; 5) «15 год», то есть «Паж или пятнадцатый год», 1830 г., и 6) «Октавы», то есть «Домик в Коломне», 1830 г. Из намеченных в первом списке четырех посланий к Дельвигу Пушкин в перебеленный список ввел лишь одно: «Кто на снегах возрастил», 1829 г.

«Видок Ф <иглярин> (2)», 1830 г. — те же эпиграммы, которые в первом списке значатся порознь, как «Видок Фигл.» и «Булгар».

Неясно обстоит дело с стихотворением, названным в первом списке «EW». По мнению Б.В.Томашевского, именно это стихотворение, расшифровываемое им как посвященное гр. Е.К.Воронцовой, в перебеленной копии списка названо «В последний раз», то есть «В последний раз твой образ милый». Такое утверждение нам представляется малообоснованным. Сличение текстов обоих списков не позволяет категорически утверждать что «EW» и «В последний раз» — одно и то же стихотворение. Весьма вероятно, что «EW» означает Элизу Воронцову, но какое стихотворение скрыто под этими инициалами, остается неизвестным. Утверждать же, что Пушкин не исключил из первого списка этого стихотворения, а внес его в копию, назвав «В последний раз», у нас нет данных.

Кроме стихотворения «В последний раз», Пушкин прибавил к стихотворениям первого списка еще два: «Для берегов чужбины», то есть первая редакция стихотворения «Для берегов отчизны дальной», 1830 г., и «Каков я», то есть «Каков я прежде был», 1828 г.

Таким образом, вместо шестидесяти шести стихотворений первого списка — во втором их пятьдесят шесть.

Прямые крестики у стихотворений, по утверждению Томашевского, поставлены Пушкиным при тех стихотворениях, которые были напечатаны ко времени составления списка. «Впрочем, — оговаривается исследователь, — некоторых печатных стихотворений Пушкин или не имел под руками, или не помнил, где они появились, так как около шести стихотворений, не отмеченных, были напечатаны до сентября 1831 г.». Что среди стихотворений, отмеченных прямым крестиком, нет таких, которые бы были напечатаны после составления списка, это совершенно правильно; но неверно утверждает Б.В.Томашевский, что «около шести стихотворений, не отмеченных, были напечатаны до сентября 1831 г.». Из тридцати одного не отмеченного в списке прямым крестиком стихотворения по меньшей мере одиннадцать к сентябрю 1831 г. были напечатаны[1]. Невероятно и предположение Томашевского, что крестиков в первом списке меньше, чем во втором, якобы потому, что при составлении второго списка Пушкин разыскал еще несколько

[1] Точно указать число стихотворений, напечатанных к сентябрю 1831 г., нельзя, потому что неизвестно, какие три эпиграммы на Каченовского разумел Пушкин.

печатных экземпляров своих стихотворений. Что дело было не так, видно из того, что, отметив в первом с писке стихотворение «Зимний вечер», напечатанное в «Северных цветах на 1830 г.», Пушкин не отмечает прямым крестиком остальных шести стихотворений, напечатанных там же («Олегов щит», «Счастлив ты», «Подъезжая под Ижоры», «Я вас любил», «Дар напрасный», «Седой Свистов»). Очевидно, Пушкин просто недостаточно внимательно расставлял эти прямые крестики. Весьма вероятно подсказанное Томашевскому И.С.Зильберштейном предположение, что косыми крестиками отмечены стихотворения, к которым нужно было подыскать названия, скрыв в печатном виде имена, под которыми стихотворения значатся в списке.

Располагая в издании 1832 г. стихотворения по годам их написания, Пушкин в комментируемом списке почти у всех названий проставил годы. Тринадцать из этих датировок требуют объяснений.

В издании 1832 г. в отделе стихотворений «разных годов» без дат напечатаны: «Приметы», «Подъезжая под Ижоры», «Зимний вечер» и «Собрание насекомых». Стихотворение «Приметы» («Я ехал к вам») при жизни Пушкина печаталось без даты и написано было несомненно в январе 1829 г., что подтверждается и датой списка. «Подъезжая под Ижоры» впервые было напечатано в «Северных Цветах на 1830 г.», с пометой «1828 г. Ижоры». Последнюю дату нужно признать неверной: стихотворение написано 18 января 1829 г., что подтверждается и датой списка. Стихотворение «Зимний вечер» при жизни Пушкина печаталось без обозначения года написания, в рукописи это стихотворение неизвестно, и дата списка (1825 г.) — единственное указание на время написания, что, конечно, нужно принять. Стихотворение «Собрание насекомых» при жизни Пушкина печаталось без даты написания, и нет оснований отвергать дату списка (1829 г.).

Стихотворение «Анчар» в издании 1832 г. помещено среди стихотворений «разных годов», но с пометой: «1828». Кроме того в одном из автографов стихотворения имеется дата: «9 ноября 1828 г.», а поэтому дату списка (1829 г.) нужно объяснять ошибкой памяти Пушкина. Стихотворение «Бог помочь вам» напечатано в издании 1832 г. также в отделе стихотворений «разных годов», но под названием: «19 октября 1827». На этот же год указывает и содержание пьесы, а потому дата в списке (1828 г.) — тоже ошибка памяти.

Стихотворения «Что в имени тебе моем» и «Когда твои младые лета», датированные в списке 1830 годом, в издании 1832 г. помещены среди стихотворений 1829 г. В рукописи эти стихотворения неизвестны. Стихотворения написаны, вероятно, зимой 1829—1830 гг., и Пушкин мог легко спутать, в каком именно месяце.

Стихотворение «Бесы», датированное в списке 1829 годом, в издании 1832 г. помещено среди стихотворений 1830 г. Имеются три черновых рукописи этого стихотворения. Изучение их приводит к несомненному выводу, что «Бесы» вчерне были написаны в сентябре-ноябре 1829 г.; на перебеленном же тексте с поправками имеется дата «1830 7 сентября Болдино». Последнюю дату и нужно считать временем написания пьесы.

Стихотворение «Эхо», датированное в списке 1829 годом, в издании 1832 г помещено среди стихотворений 1831 г. В рукописи стихотворение неизвестно, и поэтому у нас нет данных для определения, какая из двух дат является правильной.

Стихотворения, не печатавшиеся Пушкиным: «В последний раз твой образ», датированное в списке 1829 годом, «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальной», датиро-

ванные в списке 1828 годом, имеются в автографах, представляющих собою перебеленный текст с поправками и датами: на первом стихотворении: «5 окт. 1830. Болд.», на втором: «17 окт.» и на третьем: «27 ноября 1830. Болд.». Таким образом, в вопросе о датировке первого и третьего стихотворений не может быть сомнений. По связи содержания и настроения второй пьесы с первой и третьей, о чем писал еще Анненков, и «Заклинание» нужно датировать 1830 годом. Даты же, представленные Пушкиным в списке, как заметил уже Морозов, имели целью отвести читателей от всякого рода приурочиваний и догадок, хотя, возможно, добавим мы, указывали вместе с тем на годы создания первоначальных редакций.

Из пятидесяти шести стихотворений списка в издание 1832 г. вошло лишь сорок четыре. Не были включены в книгу двенадцать стихотворений: одна эпиграмма на Каченовского, одна эпиграмма на Надеждина (вероятно, «Надеясь на мое презренье»), «Седой Свистов», обе эпиграммы на Булгарина, «Арион», «Аквилон», «Безумных лет», «Осень», «В последний раз», «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальной».

Взамен этих стихотворений в книгу были введены три больших произведения: «Пир во время чумы», 1830 г.; «Моцарт и Сальери», 1830 г., и «Сказка о царе Салтане», 1831 г.; два стихотворения из списка № 10: «Дорожные жалобы» и «В часы забав»; одно стихотворение, намечавшееся в свое время в издание 1829 г.: «К Языкову» («Издревле сладостный союз»), и три стихотворения, не имеющиеся в списках: «Калмычке», 1829 г., «На перевод Илиады», 1830 г., и «Узник», 1822.

17.

Русл	9	
Кавк	4	
Бр.	1	
Бахч.	4[1]	12
Стих.	37	
Полт.	6	
Бор	10	
Онѣг.	15	
	86	
	4	
	90	

100
8
800

Запись, сделанная карандашом (кроме цифры «12», написанной чернилами), находится на обороте письма к Пушкину М.И.Калашникова от 15 марта 1832 г., приобретенного в феврале 1933 г. Литературным музеем в Москве (совр. шифр — *ПД* №

[1] *Первоначально было написано:* 6.

1622). См.: Попов П.С. Новый архив А.С.Пушкина. «Звенья», кн. 3—4, с. 132, 133. Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено в указанной статье Попова. Так как запись сделана на письме Калашникова от 15 марта 1832 г. и заключает в себе три части «Стихотворений» Пушкина, из которых третья часть вышла в свет в последних числах марта 1832 г., расчет составлен, вероятно, в апреле 1832 г.[1] Запись представляет собою расчет произведений и сборников стихотворений по печатным листам (шестнадцать страниц в листе).

Русл — «Руслан и Людмила». В издании поэмы 1828 г. XVI + 160 с., то есть 11 печ. л.

Кавк — «Кавказский пленник». В издании поэмы 1828 г. 60 с., то есть 4 печ. л.

Бр. — «Братья-разбойники». В издании поэмы 1827 г. 16 с., то есть 1 печ. л.

Бахч. — «Бахчисарайский фонтан». В издании поэмы 1830 г. 4 нен. + 46 с., то есть 3 печ. л.

Стих. — «Стихотворения». В трех частях «Стихотворений» изд. 1829—1832 гг. 224 + 176 + 209 с., то есть 38 печ. л.

Полт. — «Полтава». В издании поэмы 1829 г. 4 нен. + 92 с., то есть 6 печ. л.

Бор — «Борис Годунов». В издании трагедии 1831 г. 6 нен. + 142 с., то есть 9 печ. л.

Онег. — «Евгений Онегин». В изданиях первой — восьмой глав романа 1825—1832 гг. 60 + 42 + 51 + 98 + 48 + 57 + 51 с., то есть 25 печ. л.

Таким образом, подсчет Пушкина приблизительный, причем он сильно ошибся в подсчете листов «Евгения Онегина».

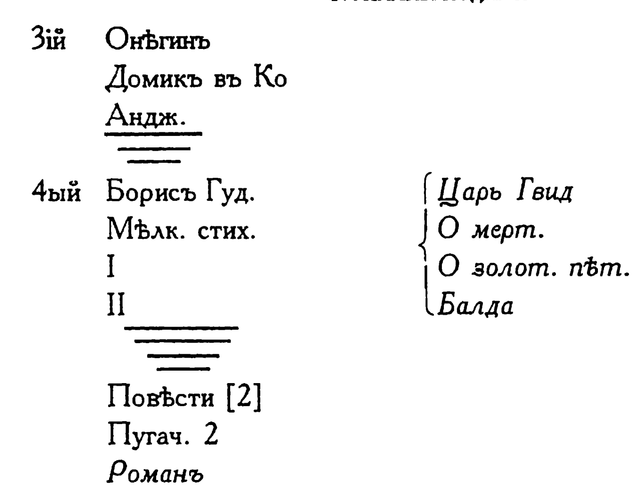
Что означает цифра 12 и умножение справа, объяснить не можем.

18.

Русл.		150 страницъ
Кавк.		60
Брать. разб.		16
Бахчис.		60
Цыганы	—	60
Гр. Нул	—	60
Полтава	—	150
		550

---

[1] В указанной статье Попова на с. 133 дважды опечатка: «1833 г.» вместо: «1832 г.».



3ій Онѣгинъ
Домикъ въ Ко
Андж.

4ый Борисъ Гуд.
Мѣлк. стих.
I
II

Царь Гвид
О мерт.
О золот. пѣт.
Балда

Повѣсти [2]
Пугач. 2
Романъ

Список находится в тетради Пушкина № 2374 (л. 20; совр. шифр. — *ПД* № 845, л. 23). Впервые был неточно напечатан В.Е.Якушкиным в *Я* IX, 643—644.

Список (текст, напечатанный прямым шрифтом) написан не ранее ноября 1833 г., когда была закончена включенная в список «История Пугачевского бунта», и до сентября 1834 г., когда писалась «Сказка о золотом петушке», черновой текст которой находится на этой же странице тетради, причем написан он, несомненно, после того, как был написан список.

При названиях поэм стоят числа, показывающие количество страниц в произведении. Числа эти округлены. На самом деле в «Руслане и Людмиле» изд. 1828 г. — XVI + 160 с., в «Кавказском пленнике» изд. 1828 г. — 60 с., в «Братьях-разбойниках» — 16 с., в «Бахчисарайском фонтане» изд. 1830 г. — 4 + 46 с., в «Цыганах» — 46 с., в «Графе Нулине» — 28 с. и в «Полтаве» — 4 + 92 с.

Список почему-то не включает драм и дает несколько иное распределение произведений по томам, по сравнению со списком № 13. Очерченные кружком первые три поэмы составляют первый том. В четвертый том включены лишь две части «мелких стихотворений», хотя ко времени составления списка уже вышла в свет третья часть «Стихотворений» (1832 г.). Особенностью списка является включение прозы: «повестей» и «Истории Пугачевского бунта» в двух томах. Цифра «2» у «повестей», потом зачеркнутая, означает два тома.

Текст, напечатанный курсивом, является позднейшей припиской, сделанной теми же чернилами, какими написан находящийся на этой же странице текст «Сказки о золотом петушке». Закончена была эта сказка 20 сентября 1834 г., и тогда же, вероятно, и была сделана приписка.

Царь Гвидон — «Сказка о царе Салтане», 1831 г.

О мерт. — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», 1833 г.

Балда — «Сказка о попе и о работнике его Балде», 1831 г.

Роман — вероятно, «Дубровский», 1832—1833 гг.

19.

Простонародныя сказки
[Съ позволенія высшаго начальства]
[I Сказка о женихѣ
II О Царевнѣ Лебеди
III О мертвой царевнѣ
IV О Балдѣ
V О Золотой рыбкѣ
VI О Золотомъ Пѣтушкѣ]

———

Запись на последней (л. 8 об.; совр. шифр — *ПД* № 972) странице тетради (в лист) с перебеленным с поправками текстом «Сказки о золотом петушке», датированным тут же: «Болдино 20 сент. 1834. 10 ч. 53 м.» (см.: *Рук. П*, с. 14—15, № 30).

Запись не печаталась, но была факсимильно воспроизведена в «Петербургской газете» 1912, № 28, с. 11.

Запись, сделанная, вероятно, после окончания «Сказки о золотом петушке» 20 сентября 1834 г., представляет собой проект издания в одной книге всех сказок, включая в их число и стихотворение «Жених», 1825 г., дважды напечатанное Пушкиным с подзаголовком: «Простонародная сказка». Издание это не было осуществлено.

20.

Подраж.	1
———	2
Эл.	3
Ист.	4 — 5 — 6 — 7
Серб.	8
Подр.	9 — 10
Арз.	11 — 12
Ин.	13 — 14

Запись сделана на листе писчей бумаги, на котором находятся: стихотворение бар. А.Боде, датированное 28 октября 1834 г., и планы «Капитанской дочки» и сказки о Бове. Лист (с жандармской цифрой «59») принадлежит к тем рукописям, которые были подарены П.В.Анненковым В.Н.Назарьеву и ныне находятся в *ЛБ* (совр. шифр — *ПД* № 973, л. 1 об.).

Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено М.А.Цявловским в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. В.И.Ленина», в. III, М., 1934, с. 25.

Запись, которую нужно датировать 1835 годом, не поддается расшифровке. Цифры, надо думать, означают печатные листы какой-то книги.

Подраж. — конечно, «Подражания».
Эл. — может быть, «Элегии».
Ист. — вероятно, «История» и, может быть, «История Пугачевского бунта».
Серб. — может быть, «Песни западных славян».
Подр. — опять какие-то «подражания».
Арз. — «Путешествие в Арзрум».
Ин. — может быть, «иностранное».

21.

2 тома повѣстей
2 тома стихотв.
Онѣг. и Траг.
Проза —

Список, написанный карандашом, находится в тетради № 2386 Б, л. 26 об., сшитой жандармами из отдельных листов (совр. шифр — *ПД* № 1037, л. 4 об.). Бумага листа, на котором имеется список, с водяным знаком: «1834 Г». Такую бумагу Пушкин употреблял в 1836 г. Точнее определить время составления списка трудно, так как неясно, что разумел в списке Пушкин. Возможно, что под «двумя томами повестей» он разумел то, что было издано в двух частях в 1835 г. (цензурное разрешение 12 января этого года) под названием «Поэм и повестей», то есть «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» (первая часть) и «Братья-разбойники», «Цыганы», «Граф Нулин», «Полтава», «Домик в Коломне» и «Анджело» (вторая часть). Под «двумя томами стихотворений» Пушкин, вероятно, разумеет все свои мелкие стихотворения. «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», очевидно, должны были составить два тома. Что хотел Пушкин включить в том «прозы», остается неизвестным.

Этот список впервые напечатан в *РП*, с. 268 и является последним из пушкинских планов издания собрания сочинений, оставшегося неосуществленным.

Вместо него Пушкин издал в 1834 г. «Повести», куда вошли: «Повести Белкина», две главы из «Арапа Петра» и «Пиковая дама», и в двух частях «Историю Пугачевского бунта»; в 1835 г. — две части «Поэм и повестей» и четвертую часть «Стихотворений», в которую вошли восемь стихотворений, три сказки (о мертвой царевне, о золотом петушке и о рыбаке и рыбке) и «Песни западных славян».

Незадолго до смерти Пушкин решил переиздать без изменений все четыре части своих стихотворений в одном томе. Издание это было разрешено к печати 2 декабря 1836 г., но за смертью поэта в свет не вышло.

22.

Тютч. 1
Над. 1 ½

1 ½
Тютчева —
Надежда
Мои

Запись в тетради № 2386 В, л. 28 (совр. шифр — *ПД* № 1115, л. 1), на заглавном листе статьи «Мнение М.Е.Лобанова о духе словесности». Впервые напечатано у *Я* XII, 542.

Запись представляет собою заметку о составе третьего тома «Современника», вышедшего в свет в начале октября (не позднее 9-го) и процензурованного в сентябре 1836 г.*

Тютчева — шестнадцать стихотворений Ф.И.Тютчева, напечатанные (за подписью: Ф. Т.) в т. III «Современника», под заглавием: «Стихотворения, присланные из Германии». Они занимают с 5-й по 22-ю страницы книги, то есть на две страницы больше печатного листа, как показано у Пушкина, так как цифра «1» обозначает, конечно, печатный лист.

Надежда — статья кн. П.Б.Козловского «О надежде», занимающая двадцать пять (с 23-й по 47-ю) страниц, то есть на одну страницу больше помеченных Пушкиным полутора листов.

Мои — то есть произведения Пушкина, вошедшие в т III «Современника»: «Мнение М.Е.Лобанова», «Об Истории Пугачевского бунта», «Родословная моего героя», «Вольтер», «Фракийские элегии. Стихотворения Теплякова», «Анекдоты», «Полководец», «Отрывок из неизданных записок дамы», «Сапожник», «Джон Теннер»; рецензии на книги: «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» и «Словарь о святых»; «Письмо к издателю» А. Б. и заметки от Редакции.

23.

Вяз<емский>
Челоб<итная>
Эпигр.<аммы>
Рад. <ищев>

Тютч.<ев>
Надежда
Челоб<итная>
Как <пишутся у нас романы>
О Пуг.<ачеве>

* В начале правого столбца записи — полтора печатного листа журнального номера, очевидно, оставлены для произведений других авторов (в дополнение к стихотворениям Тютчева и статье «О надежде», примерный объем которых в печатных листах указан в столбике слева). — *Ред.*

О Лоб<анове>
Носъ
Партиз.<ан>

Настоящий список (*ПД* № 814) представляет собой перечень материалов для III тома «Современника» и датируется августом 1836 года.

Вяз<емский> — «Знаешь ли ты страну» кн. Вяземского.

Челоб<итная> — «Челобитная» Дениса Давыдова.

Эпигр.<аммы> — неизвестно, какие именно эпиграммы имелись в виду Пушкиным.

Рад.<ищев> — статья «Александр Радищев» Пушкина, приготовленная им, но запрещенная цензурой.

Тютч.<ев> — «Стихотворения, присланные из Германии» Федора Тютчева (см. комментарий к № 22).

Надежда — «О надежде» кн. Козловского (см. комментарий к № 22).

Челоб<итная> — см. выше.

Как <пишутся у нас романы> — статья Ф.С. (В.Ф.Одоевского).

О Пуг.<ачеве> — «Об Истории пугачевского бунта» А.С.Пушкина.

О Лоб<анове> — «Мнение М.Е.Лобанова о духе словесности» А.С.Пушкина.

Нос — повесть Н.В.Гоголя.

Партиз.<ан> — «О партизанской войне» Д.Давыдова.

24.

47
47 1
94
94 2
188
188
376—
[67]
67
134
134

[268
268]

Дрезденъ 2[2]

Тютч. $\frac{1}{2}$
Вяз. 1
Бар. 2
Капит.
1 $1\frac{1}{2}$
2
3
4 $1\frac{1}{2}$
5
6
7

$\frac{318}{146}$

150

въ Хлѣбномъ переулкѣ

8
9
10
11
12
13

Написано на четвертой странице сложенного полулиста писчей бумаги, первые страницы которого заняты письмом А.П.Плещеева к Пушкину от 3 октября 1836 г. Лист входит в Шляпкинское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 346, л. 2 об.).

Колонна цифр слева написана карандашом верхом вниз по отношению к остальному тексту, остальные — чернилами.

Впервые напечатано И.А.Шляпкиным в *Ш*, 284.

Запись представляет собою расчет по листам т. IV «Современника», разрешенного цензурой 11 ноября и вышедшего в свет во второй половине ноября — в декабре 1836 г. Таким образом запись датируется второй половиной октября — первой половиной ноября этого года.

Дрезден — статья Д.В.Давыдова «Занятие Дрездена 1813 года 10 марта», занимающая в «Современнике» с. 6—31, то есть почти полностью первые два листа книги.

Тютч. — Тютчев, то есть «Стихотворения, присланные из Германии», восемь стихотворений (XVI-XXIII), занимающие с. 32—41, то есть 0,6 печатного листа.

Вяз. Бар. — очевидно, нужно читать: стихотворение «К князю П.А. Вяземскому» Баратынского, занимающее с. 216—218, то есть лишь 0,1 печатного листа.

Шляпкин (*Ш*, 285) высказал предположение, что занимающий с. 219—231 анонимный рассказ «Вечер в Царском Селе» принадлежит кн. П.А.Вяземскому. Рассказ этот, конечно, не Вяземского. Записав стихотворение Баратынского, Пушкин не продолжал перечисления статей тома журнала, отметив лишь самую большую вещь, «Капитанскую дочку», занимающую с. 42—215, то есть, 10,8 печатных листов.

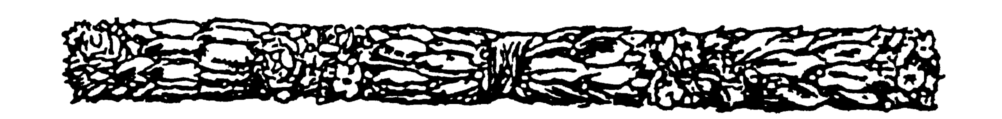
Колонна цифр с 1 по 13 означает номера листов. Пушкин, очевидно, хотел полистно расписать содержание тома, но этого не сделал.

Что означает колонна цифр слева, объяснить не можем*.

В Хлѣбномъ переулке — чей-то московский адрес.

---

* Сначала Пушкин подсчитал общий итог ожидаемого Германном тройного выигрыша. Ниже начат аналогичный подсчет с начальной ставкой в 67 тысяч (возможно, Пушкин обдумывал внести соответствующее изменение в текст «Пиковой дамы»). — *Ред.*



V

СПИСКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В отличие от предыдущего отдела, списки произведений Пушкина, включенные в этот отдел, составлялись поэтом «для памяти» по разным поводам.

Шесть списков (№№ 1, 2, 5—7 и 9) — перечни произведений, написанных за определенный период времени, своего рода отчет в исполненной работе. Из остальных списков особенного внимания заслуживают интригующий список (№ 4) произведений, из которых одни были написаны, другие же, видимо, были только задуманы, и список «библиографических опытов» для «Современника» (№ 11).

Транскрипция №№ 1, 2, 4—7 и 12 сделана Т.Г.Зенгер, а №№ 3, 8—11 — Л.Б.Модзалевским.

Комментарий ко всем записям принадлежит мне.

М. Цявловский

Новая транскрипция № 1 и дополнения к комментарию сделаны Т.И.Краснобородько. — ***Ред.***

1.

Черн. море
Увы за чемъ
Черн. шаль
Эпигр. Мосх. Ид.
Чедаеву
Чернильницѣ
Катен.

Список находится на внутренней стороне передней крышки переплета тетради Пушкина № 2367 (совр. шифр — *ПД* № 833).

Впервые список был напечатан у *Я* V, 338. Строка точек, поставленная здесь после слова «Чернильнице», намекающая как будто на то, что в подлиннике есть еще что-то, совершенно излишняя. Так как последним произведением, вошедшим в список, является стихотворение «К моей чернильнице», написанное 11 апреля 1821 г., то список был составлен, вероятно, во второй половине апреля 1821 г.

Черн. море — «Погасло дневное светило». Написано в сентябре 1820 г.

Увы за чем — «Увы, зачем она блистает». Написано во второй половине августа — первой половине сентября 1820 г.

Черная шаль — написано 14 ноября 1820 г.

Эпигр. — «Эпиграммы во вкусе древних»: «Нереида» и «Редеет облаков летучая гряда», написанные в конце ноября — декабре 1820 г

Мосх. Ид. — «Земля и море». Идиллия Мосха. Написана 8 февраля 1821 г

Чедаеву — «Чаадаеву» («В стране, где я забыл»). В рукописи датировано 6 апреля 1821 г., а в печатном тексте — 20 апреля 1821 г.

Чернильнице — «К моей чернильнице». Написано 11 апреля 1821 г.

Катен. — «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет»). Написано 5 апреля 1821 г.

Назначение этого списка, заключающего восемь стихотворений, написанных в период времени с августа 1820 г. по апрель 1821 г., остается неизвестным

2.

въ 1821	1822
Конецъ Кавказкаго плѣнника	
Я пережилъ	братья-разбойники
Кинжалъ	Олегъ
Чедаеву	Царь-Никита
Чернильницѣ	Цензору
3 элегiи	Ѳ.Г ——
Алексѣеву	Старайся пр..
Наполеонъ	Гречанкѣ
Овидiю	
М	

Список находится в тетради Пушкина № 2365 (совр. шифр — *ПД* № 831, л. 53).

Впервые список был напечатан В.Е.Якушкиным в *Я* IV, 103—104, а затем П.О. Морозовым в *Ак* III, 233 прим. Воспроизведено факсимильно в № 16—18 «Литературного наследства», с. 299.

Второй столбец написан не одновременно с первым. Оба они написаны в 1822 г.

Конец Кавказского пленника. — В рукописи в конце текста поэмы стоит дата: «20 февраля 1821 г.»

Я пережил — «Я пережил свои желанья». Написано 22 февраля 1821 г.

Кинжал — Время написания этого стихотворения с трудом поддается определению. На основании этого списка «Кинжал» нужно датировать 1821 г. и, пожалуй, мартом, если признать, что в списке стихотворения размещены в строго хронологическом порядке.

Чедаеву — «Чаадаеву» («В стране, где я забыл»). Как указано в комментарии № 1, известны две даты этого стихотворения: 6 и 20 апреля 1821 г.

Чернильнице — «К моей чернильнице». Написано 11 апреля 1821 г.

3 элегии — это, вероятно: «Гроб юноши», написанное в июле 1821 г., «Умолкну скоро я», датированное 23 августа 1821 г., и «Мой друг, забыты мной», датированное 24—25 августа 1821 г.

Алексееву — «Алексееву» («Мой милый, как несправедливы»). В рукописи и в изданиях стихотворений 1826 г. и 1829 г. стихотворение помечено 1821 г.

Наполеон — Судя по положению в тетради Пушкина, стихотворение писалось в сентябре — не позднее 12 ноября 1821 г.

Овидию — В одной из рукописей стихотворение датировано: «1821 дек. 26».

М — Край листа со следующими буквами оторван. Якушкин и Морозов читали «Л». Какое тут было слово, сказать не можем.

братья-разбойники — О времени написания поэмы, кроме того что к маю 1822 г. она была написана, данных не имеется. Судя по этому списку, «Братья-разбойники» были написаны уже к 1 марта этого года.

Олег — «Песнь о вещем Олеге». В рукописи датировано: «1 марта 1822».

О времени написания стихотворений: «Царь-Никита», «Цензору», то есть «Послание цензору» («Угрюмый сторож муз»), «Ф.Г.», то есть «Ф.Глинке» («Когда средь оргий»), и «Гречанке» («Ты рождена воспламенять»), кроме того что они написаны в 1822 г., нет данных. Что касается стихотворения «Приметы» («Старайся наблюдать»), то в изданиях стихотворений 1826 г. и 1829 г. оно помечено как написанное в 1821 г. Для решения вопроса, какая из двух дат правильнее, у нас нет данных.

Почему и для чего составлен список, сказать не можем.

3.

о Байронѣ
о дворянствѣ
о point d'honneur
прим.<ѣры> невѣж.<ливости>

Записано на л. 6 об. тетради в 8 д. л., с замечаниями по поводу двух статей В.К.Кюхельбекера, входившей в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 292, л. 6 об.).

Впервые запись напечатана В.И.Срезневским в *ПС* XXXVI, 35, 37—38, который дал и исчерпывающий комментарий к ней.

Запись представляет собой перечень четырех заметок, которые Пушкин намеревался включить в статью: «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанную в «Северных цветах на 1828 г.».

о Байроне — это заметка: «Байрон говорил, что никогда не возьмется...» («Северные цветы», с. 219—220).

о дворянстве — вероятно, заметка: «Гордиться славою своих предков...» (там же, с. 217—218).

о point d'honneur — заметка: «Иностранцы, утверждающие...» (там же, с. 216—217).

примеры невежливости — заметка под таким заглавием, напечатанная в «Северных цветах», с. 211—212.

«Северные цветы на 1828 г.» вышли в свет 22 декабря 1827 г., а потому список заметок набросан, вероятно, в этом году.

4.

Скупой
Ромулъ и Ремъ
Моцартъ и Сальери

Д. Жуанъ
Іисусъ
Беральдъ Савойской
Павелъ I
Влюбленный Бѣсъ
Димитрій и Марина
Курбскій

Список, написанный карандашом, находится на обороте листа, на другой стороне которого имеется текст стихотворения «Под небом голубым страны своей родной», написанный чернилами.

Листок этот во время работ П.В.Анненкова над рукописями Пушкина был увезен редактором в свое симбирское имение, где и был найден в 1897 г. Д.И.Сапожниковым, передавшим рукопись в Румянцевский музей (инв. № 3266; совр. шифр — *ПД* № 895, л. 1 об.).

Впервые список был напечатан у *А* I, 284—285, с пропуском, по цензурным соображениям, двух строк: «Иисус» и «Павел I», замененных строками многоточий. «Нецензурные» слова эти были напечатаны Анненковым в его статье «Литературные проекты А.С.Пушкина» в *ВЕ* 1881, VII, 60. Стихотворение «Под небом голубым» написано 29 июля 1826 г. Список был сделан несомненно после того как стихотворение было написано и лист согнут пополам. С другой стороны, список составлен до 20 октября 1828 г., и устанавливаем мы это вот по каким соображениям. В список вошло произведение «Влюбленный бес». Пушкин не только задумал эту вещь, но и набросал начало плана ее, опубликованного в 1922 г. в *НП*, 147[1]. Кроме того, как-то у Карамзиных в Петербурге, вероятно, в 1828 г. (до отъезда в Малинники 20 октября), Пушкин рассказал на эту же тему о «влюбленном бесе» фантастическую новеллу. Один из слушателей, В.П.Титов, записал этот рассказ, показал свою запись Пушкину, и тот, проредактировав текст Титова, великодушно разрешил ему напечатать рассказ за его, Титова, подписью. Последний так и сделал, поместив рассказ «Уединенный домик на Васильевском» за подписью Тита Космократова в «Северных цветах на 1829 г.», вышедших в свет в декабре 1828 г.[2] Так как трудно допустить, чтобы Пушкин, уступив Титову рассказ о «влюбленном бесе», сам продолжал над ним работать, то и план произведения о «влюбленном бесе», а следовательно и список с этой темой написаны до передачи сюжета Титову, то есть самое позднее до 20 октября 1828 г.

---

[1] Связь этого плана с записью в комментируемом списке установлена Ю.Г.Оксманом в статье «Может ли быть раскрыт пушкинский план "Влюбленного беса"» в «Атенее, историко-литературном временнике», кн. 1—2, 1924, с. 166—168.

[2] См. издание под заглавием: Уединенный домик на Васильевском. Рассказ А.С. Пушкина по записи В.П.Титова. С послесловием П.Е.Щеголева и Федора Сологуба, СПб, изд. Издательского товарищества писателей, 1913, с. 61. Связь «Уединенного домика на Васильевском» Тита Космократова с Пушкинским планом повести о «влюбленном бесе» установлена В.Писной в статье «Фабула "Уединенного домика на Васильевском"» в *ПС*, в. XXXI—XXXII, 19—24.

Под текстом списка рукою Анненкова написано: «Настоящий перечень драматических проектов. Переписано мною. П.А — въ», и далее его же рукою написан весь текст списка. Публикуя его, Анненков писал: «На оборотной странице стихотворения «Под небом сладостным Италии своей» мы нашли перечет всех драм, написанных им, из которых только половина нам известна; другая или была истреблена автором, или изложена вчерне и затеряна потом. Пушкин никогда не делал перечета произведениям, еще не существующим». См. *А* I, 284.

В указанной статье 1881 г. Анненков произведения «Ромул и Рем», «Влюбленный бес», «Иисус» и «Павел I» уже определяет как «не получившие обработки и осуществления при жизни поэта», то есть отказывается от своего прежнего утверждения, что в список вошли будто бы только написанные Пушкиным произведения.

Не зная точно времени составления списка, мы не можем сказать, что из вошедшего в список было уже написано Пушкиным, что было у него в работе и что, наконец, было записано как темы только задуманных произведений.

Скупой, Моцарт и Сальери и Д.Жуан — «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость», оконченные в октябре-ноябре 1830 г. О последнем произведении С.П.Шевырев в 1841 г. вспоминал, что Пушкин еще в 1826 г. задумывал «Каменного гостя»[1]. О «Ромуле и Реме» Шевырев пишет в той же статье: «еще был у него проект драмы «Ромул и Рем», в которой одним из действующих лиц намеревался он вывести волчиху, кормилицу двух-близнецов».

О замыслах *Иисус, Павел I и Курбский* ничего неизвестно*.

О *Беральде Савойском* см. с. 469—472.

О *Влюбленном бесе* мы уже сказали.

О замысле *Димитрий и Марина* Шевырев в своих воспоминаниях о Пушкине пишет: «Пушкин сам говорил, что намерен писать еще "Лжедимитрия" и "Василия Шуйского"»[2].

5.

Портретъ
Наперсникъ

Написано на л. 22 об. в тетради № 2371 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 23 об.) на полях черновых стихов из «Анчара». На этой же странице черновик стихотворения «Счастлив, кто избран...», составлявшего одно время часть стихотворения «Наперс-

---

[1] «Москвитянин», 1841, ч. V, с. 245. См.: Майков Л. Пушкин. СПб., 1899, с. 351.

* Трактовки возможных замыслов двух первых из этих пьес см.: Эйдельман Н. Маленькая трагедия. Об одном пушкинском замысле. Пушкинский праздник. Спец. выпуск «Лит. газеты» и «Лит. России», 31 мая—8 июня 1981 г., с. 15; Лотман Ю.М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе. *ВПК*. 1979, с. 15—27. — *Ред.*

[2] Майков Л. Пушкин. СПб., 1899, с. 330. Впервые напечатано в «Русском обозрении», 1892, № 4.

ник» и написанного в июле-августе 1828 г., когда, надо думать, сделана и данная запись. Это стихотворение («Счастлив, кто избран...»), «Портрет» и «Наперсник» посвящены одному лицу — гр. А.Ф.Закревской.

Впервые напечатано: *РП*, с. 278.

6.

I Окт.
II Скупой
III Саліери
IV Д.Г.
V Plague

Список находится в сшитой жандармами тетради Пушкина № 2376 А (л. 19 об.; совр. шифр — *ПД* № 1621, л. 2 об.). Воспроизведен факсимильно в $Э^2$, с. 325.

Впервые список был напечатан у *Я* X, 76.

Судя по тому, что л. 19 (ныне л. 2) составляет одно целое с л. 6 (ныне л. 1), где находятся композиции заглавия драматических сцен, список написан в конце ноября 1830 г., когда были закончены названные в списке произведения.

Окт. — то есть Октавы — «Домик в Коломне», написанный 5—10 октября 1830 г.*

Скупой — «Скупой рыцарь», оконченный 23 октября 1830 г.

Салиери — «Моцарт и Сальери», оконченный 26 октября 1830 г.

Д.Г. — то есть Дон-Гуан — «Каменный гость», оконченный 4 ноября 1830 г.

Plague — то есть Чума — «Пир во время чумы», законченный 6 ноября 1830 г.

7.

[Гробовщикъ]
1 Барышня-крестьянка
Ст. Смотритель
+ Самоубійца
[Зимнее<?> приклю<?ченіе?>]

---

* Здесь возможно другое толкование записи «Окт.<ябрь>». Не исключено, что Пушкин предполагал предварить цикл «Маленьких трагедий» стихотворным вступлением, подобным «Посвящению» к «Фаусту» Гете. Оно написано в октавах. Перевод В.А.Жуковского. «Посвящение» стало первым опытом русской октавы. — *Ред.*

Написано в тетради № 2379 (совр. шифр — *ПД* № 997, л. 6 об.) на той же странице, где окончание «Гробовщика», датированное: «9 сентября 1830 г.», но в другом направлении, сбоку. Впервые напечатано: *РП*, с. 279.

Запись представляет собою перечень «Повестей Белкина». Если верно прочтена последняя, зачеркнутая строка, то нужно считать, что *Зимним приключением* названа повесть «Метель».

Самоубийца — очевидно, первоначальный замысел «Выстрела», судя по предположению Ю.Г.Оксмана (см. *КН*, в. 12, с. 283).

8.

[За чѣмъ ты бурн.]
[Насъ было много] — — 26
26
———
52

Запись сделана на одной из четырех страниц четвертки листа, согнутой пополам и находящейся в Онегинском собрании рукописей Пушкина (*ПД* № 168, л. 2 об.; см. *ПС* XII, 14, № 25). На страницах листка находятся: второй перечень произведений (см. следующий номер), затем план статьи о народных песнях и черновики строф из «Путешествия Онегина».

Впервые напечатано Н.К.Козминым в *НП*, 183.

Запись представляет собою первые стихи стихотворений: «Аквилон» («Зачем ты бурный аквилон...») и «Арион» («Нас было много на челне...»). Первое стихотворение было написано в 1824 г. и несколько исправлено 7 сентября 1830 г.; второе было написано 16 июля 1827 г. Значение записи непонятно. Если запись сделана одновременно со следующей, то датировать ее можно не ранее ноября 1830 г., а если план статьи о песнях сделан в 1833 г., то запись нужно датировать не позднее этого года.

9.

Скуп. [Изъ Англ.]
Моц. и Саль съ нѣ.
Пиръ чумы съ Анг.

Запись сделана под предыдущей.

Впервые напечатана Н.К.Козминым в *НП*, 183.

Так как «Пир во время чумы» был написан в ноябре 1830 г., то запись сделана не ранее этого времени, а если датировать написанный под комментируемой записью план статьи о песнях 1833 г., то запись нельзя датировать позднее этого года. Возможно,

что запись представляет собою проект тех помет, которые Пушкин хотел поставить при заглавиях трагедий в печати.

Скуп., то есть «Скупой рыцарь», напечатанный (единственный раз) в т. I «Современника» 1836 г., был назван: «Скупой рыцарь (Сцены из Ченстоновой трагикомедии: The cavetous Knight)», а «Пир чумы», впервые напечатанный в «Альционе» 1832 г., был назван: «Пир во время чумы (Из Вильсоновой трагедии: The City of the Plague)». Что касается «Моцарта и Сальери», то от намерения дать при заглавии помету: «С немецкого», Пушкин отказался, и трагедия появилась без подзаголовка.

Пометы при «Скупом» и «Моцарте и Сальери» — мистификация, так как названные трагедии — оригинальные произведения Пушкина. И лишь третья представляет собой свободный перевод четвертой сцены первого акта трехактной (в тринадцати сценах) трагедии Вильсона со вставками Пушкина.

10.

Видѣнiе
Морл. въ Венц
Конь Словака
Сербск. пѣснь
[Сказка о рыбакѣ]
Рыбакъ и рыбка.

Запись на одном из восьми листов (in f°) с текстом статьи, называемой «О русской литературе с очерком французской» и датируемой 1834 г., когда, надо думать, сделана и комментируемая запись. Листы входят в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 330, л. 3 об.). В описании этого собрания, составленном В.И.Срезневским, этот список пропущен (см. ПС IV, 31, № 28).

Впервые напечатано: *РП*, с. 280

Видение — «Видение короля».

Морл. в Венц. — «Морлак в Венеции», то есть «Влах в Венеции», стихотворение, являющееся переводом песни, названной в книге «La Guzla» Мериме «Морлак в Венеции».

Конь Словака — «Конь».

Сербск. песнь — Непонятно, какую именно из сербских песен (то есть «Песен западных славян») под этим заглавием разумел здесь Пушкин. Может быть, это — «Похоронная песня Иакинфа Маглановича».

«Сказка о рыбаке» и «Рыбак и рыбка» — конечно, «Сказка о рыбаке и рыбке». Пушкин не только в этой записи считает ее сербской песнью: черновой текст сказки в конце имеет помету: «14 окт. 1833. Болдино. 18-я песнь сербская» (см. *Я* X, 82). Трудно сказать, почему из шестнадцати стихотворений, составляющих цикл «Песен западных славян», в комментируемый список включено лишь четыре. Может быть, это стихотворения, которые Пушкин хотел напечатать в первую очередь. За это говорит включение в список стихотворения

«Конь», которое впервые было напечатано (под заглавием: «Сербская песня») в кн. № 14 «Библиотеки для чтения», 1835 г. Остальные три стихотворения списка впервые были напечатаны в числе пятнадцати в кн. № 15 «Библиотеки для чтения», 1835 г.

11.

Походъ 1711 +
St. Kaz. +
Путеш. В.Л. (Дм)
Календарь. +
Путеш. Рад. +
Собранiе Р. пѣсенъ
Тредьяк.
О Пугач. +
Сказки,
Р. шутки
О Ван. Каинѣ.
l'Abbé Chappe
Antidote.
о легчайш. способѣ &c. Дашк
о Пословицахъ.
о Hist. tragiques.
Aventuriers &c.
о Библ. Новико
о Путеш. Арт. Ар.
о MS

Опыты библiографическiя

Запись на продольной половине полулиста голубоватой почтовой бумаги большого формата, входящего в Онегинское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 341) (см. *ПС* XII, 8—9, № 6).

Впервые напечатано Н.К.Козминым в *НП*, 209. Введено в *Ак* IX, прим., с. 986—687, *КН* V, 386 и *ПГ* 5, кн. II, 760.

Запись представляет собою перечень статей и рецензий о книгах, намеченных Пушкиным для помещения в «Современнике».

Список этот составлен в начале 1836 г., до выхода в свет 11 апреля тома I «Современника», так как в список вошла рецензия о книге И.Т.Радожицкого, напечатанная в томе I журнала.

С течением времени Пушкин проставлял в списке крестики у статей, которые были написаны или материал для которых был собран.

Поход 1711. — В конце 1835 г. Пушкин перевел отрывок из трехтомных мемуаров бывшего на русской службе французского офицера Моро де-Бразе, снабдив перевод предисловием и примечаниями. Хотя Пушкин и просил у Николая I разрешения напечатать в «Современнике» этот перевод, последний был напечатан в этом журнале лишь после смерти поэта (1837 г., № 2). Возможно, что Пушкин в комментируемом списке разумеет статью о мемуарах Моро де-Бразе, а не самый перевод.

St. Kaz. — вероятно, «Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt, écrits par lui-même» («Мемуары Жака Казановы-де-Сэнгальт, написанные им самим»). Знаменитые мемуары итальянского авантюриста XVIII в. Пушкин упоминал в своей заметке 1830 г. о записках Самсона, назвав первые «бесстыдными», а в предисловии к своему переводу мемуаров Моро де-Бразе писал, что «они не имеют ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы».

Путеш. В.Л. (Дм) — «Путешествие Василия Львовича Пушкина», соч. И.И. Дмитриева. Заметку об этой брошюре Пушкин набросал для «Современника».

Календарь — календарь на 1721 г. В бумагах Пушкина сохранилась копия календаря руки писаря и самого Пушкина.

Путеш. Рад. — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Пушкин, очевидно, разумеет свою статью «Александр Радищев», которую он хотел напечатать в т. III «Современника». Статья не была разрешена цензурой и была напечатана лишь Анненковым в *А*, VII*.

Собрание Р. песен — собрание русских песен. Трудно сказать, какое «собрание» разумеет Пушкин. Может быть, это собрание П.В.Киреевского, и Пушкин имеет в виду свое предисловие к нему.

Тредьяк. — В рукописях Пушкина нет следов какой-либо специальной статьи о Тредьяковском.

О Пугач. — о Пугачеве. Пушкин разумеет свою статью о рецензии Броневского (в «Сыне Отечества») на «Историю Пугачевского бунта», напечатанную в т. III «Современника».

Сказки — Что разумеет Пушкин, сказать затрудняемся.

Р. шутки — очевидно, «русские шутки». Среди приписанных Н.О.Лернером Пушкину заметок в «Литературной газете» 1830 г. есть одна (№ 18, отд. «Смесь», с. 146), начинающаяся словами: «Кто-то заметил, что русские шутки выгодно пользуются правом давности...» (см. *ПС* XII, 126—130). Б.В.Томашевский в своей книге: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения». Л., 1925 (с. 121), предполагает, что автором заметки был О.М.Сомов. Возможно, что и намеченная в списке статья должна была быть написана на эту же тему.

О Ван. Каине — о Ваньке Каине, московском воре и сыщике XVIII в., герое лубочных народных изданий и песен. Очевидно, об этих изданиях и песнях, приписы-

---

* Возможно, здесь имелось в виду другое произведение Пушкина, над которым он работал с конца 1833 г. (сохранились черновики и беловая рукопись этой статьи), и которое ныне печатается под заглавием «Путешествие из Москвы в Петербург». — *Ред.*

вавшихся самому Ваньке Каину, и собирался писать Пушкин. В библиотеке Пушкина было одно из лубочных изданий под заглавием «История славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом»; но оно не сохранилось в составе библиотеки Пушкина, описанной Б.Л.Модзалевским (см. в статье Л.Б.Модзалевского в «Литературном наследстве», № 16—18, с. 997).

l'Abbé Chappe — книга: Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs, les usages des russes et l'état actuel de cette puissance etc. par l'Abbé Chappe d'Autroche, de l'Académie Royale des Sciences. Amsterdame. MDCCLXIX» («Путешествие в Сибирь, предпринятое по повелению короля в 1761 г., содержащее описание нравов и обычаев русских и современного состояния этой державы и т.д., аббата Шапп д'Отроша, члена Королевской Академии Наук. Амстердам. 1769») имеется в библиотеке Пушкина, вывезенная им в 1833 г. из имения его тещи, Н.И.Гончаровой, Ярополец. В рукописях Пушкина сохранился набросок его статьи об этой книге.

Antidote — книга: «Antidote, ou examen du mauvais livre superdement imprimé intitulé: Voyage en Siberie... par l'Abbé Chappe d'Autroche. Amsterdam. MDCCLXXI» («Противоядие, или оценка плохой книги, роскошно изданной под заглавием: "Путешествие, в Сибирь... аббата Шапп д'Отроша". Амстердам. 1771») тоже имеется в библиотеке Пушкина и тоже была им вывезена в 1833 г. из имения тещи. Книга эта была написана, вероятно, гр. А.П.Шуваловым по просьбе Екатерины II, в опровержение сведений о России, сообщаемых Шапп д'Отрошем.

О легчайш. способе etc. Дашк. — книга: «О легчайшем способе возражать на критики. Соч. Дмитрия Дашкова. СПб. 1811», направленная против теории Шишкова о «старом и новом слоге». Книга эта имеется в библиотеке Пушкина, но намеченной статьи о ней Пушкин не написал.

О пословицах. — Об интересе Пушкина к пословицам свидетельствуют сохранившиеся в рукописях поэта объяснения нескольких старинных пословиц и имеющиеся в его библиотеке книги: «Полное собрание русских пословиц и поговорок» И.Богдановича (*ПС* IX—X, с. 81) и «Собрание 4291 древних российских пословиц». М., 1770, со многими отметками Пушкина на полях (*ПС* IX—X, 96—98). Известный этнограф И.М.Снегирев записал в дневнике 15 мая 1836 г.: «Утром я был у Пушкина, который обещался написать разбор моих "Пословиц"» (*РА* 1902, № 10, с. 170). Речь идет о четырехтомном труде Снегирева: «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках». М., 1831—1834. Очевидно, в комментируемом списке Пушкин и разумел свою статью о труде Снегирева.

o Hist. tragiques. — Вероятно, Пушкин имел в виду находившуюся в его библиотеке книгу: «Les histoires tragiques de nostre temps, où sont contenuës les mors funestes et lamentables de plusieurs personnes, arriuées par leurs ambitions, amours déreglées, sortilèges, vols, rapines,et par autres accidents divers et memorables. Composées par F. de Rosset et dédiées à Feu Monseigneur le Chevalier de Guise. Dernière édition, reueuë avec une notable augmentation de diverses histoires, ariuées depuis peu, lesquelles n'ont pas encore esté mis en lumière. A Lyon. 1666» («Трагические истории нашего времени, в коих излагаются мрачные и плачевные обстоятельства смерти нескольких лиц, возникшие вследствие их честолюбия, распутства, колдовства, воровства, грабежей и других разнообразных и достопамятных приключений. Сочинение Ф. де-Россе, посвященное покойному монсеньору кавалеру де-

Гиз. Издание последнее, пересмотренное и значительно пополненное различными историями, случившимися недавно и еще не опубликованными. В Лионе. 1666»).

Aventuriers etc. — Какую именно книгу разумеет Пушкин, сказать не можем.

о Библ. Новико — о книге: «Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся, изданная Николаем Новиковым». В библиотеке Пушкина имеется 2-е издание (в 20 частях), М., 1788—1791 гг. (*ПС* IX—X, с. 38).

*о Путеш. Арт. Ар.** — о книге «Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника Н..... Р........ <И.Т.Радожицкого>». М., 1835 (на обложке: 1836 г.), в четырех томах, имеющейся в библиотеке Пушкина. В т. I «Современника», в отделе «Новые книги», есть заметка об этой книге, принадлежащая Гоголю[1]. Включение рецензии в список, очевидно, говорит о том, что Пушкин сначала собирался сам писать об этой книге.

о MS — вероятно, «Mémories de Sanson», то есть «Mémoires pour servir à l'histoire de la révolution fravçaise, par Sanson, exécuteur de jugemens criminels pendant la révolution». Paris («Мемуары, служащие материалом для истории французской революции, составленные Сансоном, исполнителем судебных приговоров во время революции». Париж).

12.

Изъ Bunyan
Кладбище
Мнѣ не спится
Молитва
Сосны
Осень въ деревнѣ
[Въ]
Не дорого цѣню
Зачѣмъ ты бурный Акв
[Послѣдняя туча]

[1825] [Мн]

Запись в тетради № 2377 А (л. 4 об.; совр. шифр — *ПД* № 984, л. 2 об.).

Впервые список был напечатан В.Е.Якушкиным в *Я* X, 85. Список заключает в себе стихотворения, ко времени составления списка еще не напечатанные, и намечает

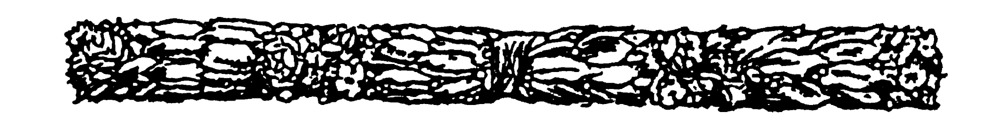
* Очевидно, Пушкин намечал заметку о книге «Жизнь Артемия Араратского» (СПб., 1813). — *Ред.*

[1] См: Гоголь Н.В. Сочинения. 10-е изд. Под ред. Н.Тихонравова, М., 1889, т. V, с. 667—668.

пьесы, которые Пушкин, очевидно, собирался печатать. Сделан список после 14 августа 1836 г. и до января 1837 г., так как вошли, с одной стороны, в список стихотворение «Когда за городом задумчив», написанное 14 августа 1836 г., с другой — стихотворение «Аквилон», напечатанное 2 января 1837 г. Забыв, что стихотворение «Последняя туча» (то есть «Туча») было напечатано в июле 1835 г. в «Московском наблюдателе», Пушкин включил было в список и это стихотворение, но потом зачеркнул.

Из Випуап — «Странник» («Однажды странствуя»), 1835 г.
Кладбище — «Когда за городом задумчив я брожу», 14 августа 1836 г
Мне не спится — «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы», 1830 г.
Молитва — «Отцы пустынники и жены непорочны», 22 июля 1836 г.
Сосны — «Вновь я посетил», 1835 г.
Осень в деревне — «Осень» («Октябрь уж наступил»), 1833 г.
Не дорого ценю — «Из Пиндемонти», 5 июля 1836 г.
Зачем ты, бурный Акв. — «Аквилон», 1824 и 1830 гг.
Последняя туча — «Туча», 1835 г.

Из намеченных к печати восьми стихотворений Пушкин напечатал лишь одно — «Аквилон» — в «Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду" на 1837 г.», № 1. Остальные семь стихотворений были напечатаны уже после его смерти, в посмертном издании собрания сочинений Пушкина и у *A* VII.



VI

МЕЛКИЕ ЗАПИСИ, ЗАМЕТКИ, ПОМЕТЫ

Настоящий отдел составляют разного рода мелкие заметки и записи, разбросанные Пушкиным преимущественно в его черновых рукописях.

Многие из этих записей — глубоко интимны и отмечают события и факты, изложение которых Пушкин не может и не хочет доверять даже своей черновой тетради. Интимный характер записей обусловливал типические для них аббревиатуры, раскрытие которых составляет своего рода спорт у пушкинистов.

В этом отделе — записи о Пугачеве и другие заметки, сделанные Пушкиным в записной книжке во время путешествия его в Оренбург; списки лиц, которым нужно написать письма, сделать визиты, послать книги и т.п.; адреса; списки вещей, которые нужно было купить или заказать; отдельные заглавия произведений и проекты титульных листов книг, схемы стихотворного размера и, наконец, самые разнообразные записи, среди которых и рецепт лекарства, и вычисления хода игры в штос, и списки русских царей, и запись поговорки святогорского игумена, и ряд анаграмм фамилии любимой девушки; и многое другое.

Транскрипция №№ 1, 2, 32, 53, 56, 65, 66, 67, 72, 76, 77, 79, 80, 82, 84, 86—92, 95, 96, 102—104, 108—111 сделана Л.Б.Модзалевским, которому принадлежат и комментарии к №№ 1, 2, 42, 96.

Транскрипция №№ 3—8, 9 (уточнено С.А.Фомичевым), 11, 12, 14—22, 27—29, 35—37, 40, 44, 46, 48, 50, 51, 52 (уточнено Т.И.Краснобородько), 54, 55 (уточнено Т.И.Краснобородько), 58—60, 63, 64, 69—71, 74, 75, 78, 81, 83, 93, 97, 98, 100, 105—107, 112 сделана Т.Г.Зенгер, которой принадлежат и комментарии к №№ 81, 106, 107.

Транскрипция к № 13 принадлежит С.М.Бонди.

Транскрипция и комментарий к № 41 принадлежит Д.П.Якубовичу.

Транскрипция к № 57 принадлежит Б.В.Томашевскому. Комментарии к №№ 3—9, 11—16, 17 (дополнено Я.Л.Левкович), 18, 19, 21 (дополнено Я.Л.Левкович), 22, 27—29, 32, 35—37, 40, 42, 44, 46, 50—52, 54, 55, 57, 59, 63—67, 69, 71, 74—80, 82—84, 86—93, 95, 97 (дополнено Я.Л.Левкович), 98, 100, 102—105, 107—112 принадлежат М.А.Цявловскому.

Транскрипция №№ 23, 24, 34, 38, 39, 43, 45, 47, 49, 61, 62, 68, 73, 85, 94, 101 сделана Я.Л.Левкович, которой принадлежат и комментарии к №№ 20, 23, 24, 34, 38, 39, 43, 45, 47—49, 53, 56, 58, 60, 61, 62, 68, 70, 72, 73, 79, 85, 93, 94, 101.

Транскрипция №№ 30, 33 сделана С.А.Фомичевым, которому принадлежат и комментарии к №№ 30, 33.

Транскрипция и комментарий к № 101 сделаны А.В.Дубровским.

Транскрипция №№ 10, 25, 26, 32, 99 сделана Т.И.Краснобородько, которой принадлежат и комментарии к №№ 10 (совместно с Я.Л.Левкович), 25, 26, 32, 99. — ***Ред.***

1.

Кн. А.М.Горчакову

Вы пишите токмо для вашего удовольствія, а я который васъ искренно люблю, пишу чтобъ вамъ сіе сказать.

А.Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 627, по автографу в альбоме лицейского товарища Пушкина кн. А.М.Горчакова, хранившемся в *ГАФКЭ* (совр. шифр — *ПД* № 1688, л. 5 об.). Запись относится к 1811 г. и приурочивается к первому году пребывания Пушкина в Царскосельском лицее; она является самым ранним из известных автографов Пушкина; факсимиле ее дано в *ПГ* I, между с. 496 и 497 (ср. в статье М.А.Цявловского «Новые пушкинские рукописи и материалы» в *КА*, т. XXXI, с. 159).

Запись Пушкина является переводом следующих стихов известного французского писателя Прадона (Nicolas Pradon, 1632—1698), написанных им «A mademoiselle Bernard»:

Vous n'ecrivez que pour écrire,
C'est pour vous un amusement:
Moi qui vous aime tendrement
Je n'ecris que pour vous le dire[1].

Перевод:

Вы пишете, только чтобы написать,
Для вас это развлечение:
Я же, который вас нежно люблю,
Пишу лишь, чтобы вам это сказать.

---

[1] Сообщено Б.В.Томашевским.

2.

Е.А.Энгельгардту

Приятно мнѣ думать что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между имянами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ щастливѣйшимъ годамъ жизни ихъ, вы скажете: въ Лицѣе не было неблагодарныхъ

Александръ Пушкинъ

Печатается по автографу Пушкина в *ПБЛ* на 128 листе (с. 255; л. 28 с записями) альбома директора Царскосельского лицея Егора Антоновича Энгельгардта (совр. шифр — *ПД* № 1689, л. 124 об.). Запись Пушкина относится к 1817 г., как и большинство других записей лицеистов, писавших в этом альбоме после окончания лицея (см. *Рук. П*, 43—44, № 125). Запись Пушкина впервые опубликована в «Отчете Публичной Библиотеки за 1900—1901 год», с. 125, затем в статье Д.Ф.Кобеко «Альбом директора Царскосельского лицея Е.А.Энгельгардта» в *ПС* VII, 14, и в его же книге «Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811—1843», СПб., 1911, с. 206 и 498. Об Е.А.Энгельгардте см. также в книге А.А.Рубца «Наставникам, хранившим юность нашу», СПб., 1911, с. 204—209; в статье Д.Ф.Кобеко «Директор Царскосельского лицея Е.А.Энгельгардт и его питомцы» в «Вестнике всемирной истории», 1899, № 1, с. 90—104; в книге К.Я.Грота «Пушкинский лицей (1811—1817)», СПб., 1911, по указателю, и в его же статье «Е.А.Энгельгардт и питомцы Царскосельского лицея» в *ИВ* 1905, № 7, с. 79—93. Факсимиле записи Пушкина дано в «Петербургской газете», 1912, № 28, с. 11.

3.

J'ai peu d'esprit peu de beauté
d'esprit

Перевод:

Я не умен и некрасив

Запись в тетради № 2364, л. 47 (совр. шифр — *ПД* № 829, л. 48), у черновика стихов II песни «Руслана и Людмилы». По положению в тетради запись сделана в июне 1817—1818 гг. Напечатано впервые у *Я* III, 650.

Написано, судя по измененному почерку, вероятно, левой рукой, что, кажется, не позволяет истолковывать запись как серьезное признание*.

* По предположению В.Э.Вацуро, запись сделана рукой П.А.Вяземского. — *Ред.*

4.

Giguet et Michaud

Запись в тетради № 2364, л. 51 об. (совр. шифр — *ПД* № 829, л. 53 об.), у черновика стихов IV песни «Руслана и Людмилы» и стихотворений «Уж я не тот» и «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени»).

Судя по одному почерку и наклону строк с последним, запись нужно датировать 1819 годом (январь-ноябрь). Напечатано впервые у *Я* III, 652.

Giguet et Michaud (Жиге и Мишо) — с 1797 г. владельцы парижской типографии, служившей распространению почти исключительно религиозной и монархической литературы.

5.

Владимiръ 1820 Агуста[1]
24

Запись на л. 9 тетради, хранившейся в *ПБЛ* (см. *Рук. П*, № 42, с. 21; совр. шифр — *ПД* № 830, л. 9). На этой же странице заглавный лист рукописи «Кавказского пленника»: «Кавказ. Поэма 1820. Юрзуф. *Августа*». Анненков (в *А* VII, 65—66), публикуя имеющиеся в этой же тетради (л. 24 об.) две программы поэмы «Кавказский пленник», писал: «...любопытно, что при второй программе Пушкин хотел назвать новое свое произведение <то есть «Кавказский пленник». — *М.Ц.*> именем героя, долженствовавшего в ней действовать, именно: Владимиром», как это оказывается из надписи карандашом сверху отрывка: «Владимир. 1820. Августа 21[2]». Это неверное указание со слов Анненкова повторили Ефремов в E^1 (I, 545), E^2 (I, 511) и E^4 (VIII, 382) и Морозов в M^1 (II, 300) и M^2 (III, 111).

Правильное объяснение записи дал Якушкин в *Ак* II, 382 и 414, указав, что никакой пометы при второй программе в рукописи нет и что запись на л. 9 говорит о задуманном Пушкиным произведении из древнерусской истории. Об этом писал в своей рецензии на «Кавказского пленника» П.А.Вяземский в «Сыне Отечества» 1822 г., ч. XXXII, № 49: «Ожидая с нетерпением давно обещанной поэмы «Владимира», который, и после Хераскова, еще нуждается в достойном себя песнопевце, желаем, чтобы молодой поэт... не заставил нас, как и он, жаловаться на давно просроченные обязательства» (см.: Вяземский П.А. Полное собр. соч. СПб., 1878, т. I, с. 78). Не учтя этого свидетельства, Морозов в *В* II, 25 совершенно неосновательно настаивал на Анненковском и своем объяснении записи.

---

[1] *Описка, вместо:* Августа.

[2] *Опечатка, вместо:* 24.

6.

31[1] mars
Harting

Перевод:

31[1] марта Гартинг.

Эта помета чернилами под карандашным рисунком с датой «1 avril» находится в тетради № 2365, л. 51 об. (совр. шифр — *ПД* № 831, л. 51 об.) среди записей 1821 г.; тем самым и она датируется 1821 г.

Гартинг — вероятно, Елена Григорьевна Гартинг, рожд. Стурдза, по первому мужу кн. Гика, жена кн. Александра Гика. Второй ее муж — Мартын Николаевич Гартинг (1785—1824), генерал-майор, генерал-квартирмейстер 1-й армии (с 1816 г.), знакомый Раевских (см.: Архив Раевских. Т. I, с. 532). С ним Елена Григорьевна «жила в разводе и не отличалась строгим поведением», как рассказывал П.В.Анненкову К.К.Данзас, по словам которого Е.Г. Гартинг приняла его раз, сидя в ванне (см.: Модзалевский Б.Л. Пушкин. 1929, с. 338). Напечатано впервые у *Я* IV, 103, где неправильное чтение: «30 may»; позднее — *РП*, с. 292.

7.

4 іюня ночью
5 іюня поутру.
Дегилье

Запись на л. 40 об. в тетради № 2365 (совр. шифр — *ПД* № 831, л. 40 об.), на странице, где набросок плана комедии «Скажи, какой судьбой...»

Год записи — 1821 — определяется кишиневским дневником. Напечатано впервые у *Я* IV, 98.

8.

18 juillet. 1821[2]
nouvelle de la mort de Napoleon.
bal chez l'archevèque
Armenien. 1821.

---

[1] *Переделано из:* 30.

[2] *Дата года приписана позднее, другими чернилами.*

Перевод:

18 июля. 1821 известие о смерти Наполеона, бал у армянского архиепископа. 1821.

Запись в тетради № 2365, л. 45 об. (совр. шифр — *ПД* № 831, л. 45 об.). Впервые напечатано Анненковым в статье «А.С.Пушкин в Александровскую эпоху» в *ВЕ* 1874, I, 23 (перепечатано отдельной книгой в этом же году), затем Бартеневым в *Бр*, 219, и *Бр*[1] I, 131, и, наконец, Якушкиным в *Я* IV, 100. Входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с *Е*[2], как запись в кишиневском дневнике, что совершенно неверно.

Наполеон умер на острове св. Елены 5 мая н.с. (23 апреля) 1821 г. Так что известие о его смерти дошло до Пушкина почти через три месяца.

Армянский архиепископ, о бале у которого записал Пушкин, — Григорий Захарьянов (см.: Арх. Гавриил (Айвазовский). Армяно-грегорианские архиереи в Новороссии и Бессарабии. «Записки Одесского Общества истории и древностей», т. IX, с. 163).

9.

Таврида.
1822.
Gieb meine Jugend mir zurück[1] —

Strof 4/croisés, 4 de suite 1. 2. 1. et deux.

Страсти мои утихають, тишина цар<ствуеть> въ душѣ моей — ненависть, разкаянiе, все изчезаеть — любовь, одушевл

1811 1812 1813 1814 1815 1816 1817
1818 1818 1819 1820
1821
1822
22 1814
22 16 avr.
22
1822
22 1815
22 1816 1820
1822 1823
1828 1817 1824
22 1819
1822 1830
1822 24 31
23

---

[1] Возврати мне мою молодость (*нем.*).

Запись в тетради № 2366 (*ПД* № 832), лл. 13 и 13 об. (со слов: «Страсти мои»).

Таврида — заглавие задуманной Пушкиным поэмы.

После л. 13 в тетради вырвано несколько листов, на которых, возможно, были написаны строфы поэмы. Числа годов на л. 13 написаны, надо думать, после того, как были вырваны листы с текстом строф поэмы и когда вообще заглавный лист потерял свое значение. Эпиграф из «Фауста» Гете Пушкин еще прежде хотел взять для «Кавказского пленника». Строка под эпиграфом означает: «строфа, состоящая из четверостишия перекрестного, четверостишия смежной рифмовки, четверостишия охватного и двустишия». Это формула строфы для поэмы «Таврида», впоследствии использованной для «Евгения Онегина». Прозаическая запись, сделанная на обороте листа, вероятно является как бы программой строф поэмы*.

Напечатано впервые у *Я* V, 331, затем в *ПС* XIV, 173[1], *Ак* III, 223, прим. См. также предисловие М.Л.Гофмана к «Евгению Онегину» в изд. 1920 г., с. 10—11 («Народная библиотека»), и Томашевский Б. О стихе. 1929, с. 77—79; Томашевский Б. «Таврида» Пушкина. Уч. зап. ЛГУ. Сер. филолог. наук. Вып. 16. 1949, с. 97—124.

10.

27 мая 1822 Кишеневъ
Pouschin<e>
Alexeeff
Пушкинъ

Запись в тетради № 2369 (совр. шифр — *ПД* № 834), на внутренней стороне передней крышки переплета; написано с росчерками.

Напечатано впервые у *Бр*, 221 и *Бр*[1] I, 133, затем у *Я* VI, 550.

До недавнего времени запись трактовалась как день, когда Пушкиным была заведена эта тетрадь (см. *ПС* XIV, 142, *ЩП*[1], 130, *ЩП*[2], 211; *РП*, с. 294), а записанные по-французски фамилии читались как «Пушкин, Алексеев». В правильности такого прочтения усомнилась Т.И.Краснобородько. Пушкин свою фамилию по-французски писал «Pouchkine», и первая из написанных фамилий несомненно переводится как «Пущин». Имеется в виду Павел Сергеевич Пущин. Запись в кишиневском дневнике от 26 июня 1821 г. свидетельствует, что за год до этого Пущин, Алексеев, но еще и вместе с Пестелем заехали к поэту поздравить его с днем рождения. Ситуация повторилась в 1822 г., но неизвестные нам обстоятельства заставили их поздравить Пушкина только на следующий после дня его рождения день. В подарок ему Н.С.Алексеев принес три так называемые масонские тетради, которые стали потом его рабочими тетрадями. Их при-

---

* Цифровой вензель, окружающий запись, связан с работой Пушкина над своими автобиографическими записками. (См.: Левкович Я.Л. Пушкин в работе над «Записками». «Рус. литература», 1982, № 2, с. 142—143; Фомичев С.А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986, с. 174. — *Ред.*

[1] Перепечатано *ЩП*[1], 161, *ЩП*[2], 230—231.

ход и отмечен Пушкиным в этой записи. Работа же в тетради началась значительно позже.

Pouschine — Павел Сергеевич Пущин, бригадный командир 16-й пехотной дивизии М.Ф.Орлова (1789—1865).

Alexeeff — Николай Степанович Алексеев (1789—1850), приятель Пушкина.

11.

— Катенину
— Вяземскому
— Баратынскому
[Дельвигу]
[Раевскому]
Брату —

Запись в тетради № 2366, л. 1 (совр. шифр — *ПД* № 832, л. 1). Если считать, что запись представляет собою список лиц, к которым нужно было написать письма, — а предположение это весьма вероятно, — то список этот нужно датировать концом апреля — началом мая 1822 г. Запись сделана в южной тетради, датируемой 1822 г. В это время Пушкин прочел № 13 «Сына Отечества» за 1822 г., побудивший поэта написать П.А.Катенину (см. *П* I, № 35 и прим. 242). Напечатано впервые у *Я* V, 325.

12.

Нкшп
Пшкн
После об<ѣда> во снѣ видѣлъ Кхбкр.

	и		у	
1 юля день щастл<ивый>	Н	к	ш	п
Пшкн	Н	щ	П	

Запись в тетради № 2366, л. 33 об. (совр. шифр — *ПД* № 832, л. 33 об.) Год записи, судя по ее положению в тетради, — 1822*.

Кхбкр. — В.К.Кюхельбекер.

Написав его фамилию только согласными буквами, Пушкин слева сверху, так же написал свою в прямом и обратном порядке букв. Затем другими чернилами написа-

* Анализ истории заполнения тетради *ПД* № 832 позволяет датировать эту запись 1825 г. (*ПИМ* XII, с. 241—242) — *Ред.*

ны внизу слева и справа анаграммы фамилий: «Пушкин» и «Пущин», фамилия другого товарища Пушкина по лицею И.И.Пущина.

Впервые напечатано у *Я* V, 335. Введено в *КН* V, 483.

13.

Veux tu
m'aimer
beauté

Перевод:

Хочешь ли ты меня любить красота

Запись на обрывке листа, находящемся между лл. 65 и 66 тетради, хранившейся в *ПБЛ* (см. *Рук. П*, № 42, с. 24, где не указан этот обрывок; совр. шифр — *ПД* № 830, л. 65а). Эта тетрадь заполнялась в 1820—1822 гг., когда, надо думать, сделана и запись. Напечатано впервые: *РП*, с. 265.

Запись эту (без последнего слова) Пушкин повторил 18 мая 1824 г.

14.

Стам.
Сундул.
Карп.
Кал.[1]
Алек.
Палад.
Коменд.
Евст.
Губ.
В.Губ.

Запись на лоскуте грубой серой бумаги, входящем в состав Майковского собрания автографов Пушкина в *ПД* № 54, л. 1 об.; см. *ПС* IV, 20, № 81).

Впервые напечатано в *Ак* III, с. 364—365 прим., затем: *РП*, с. 296.

---

[1] *Чтение предположительное.*

На лоскуте, кроме этой записи, черновой набросок стихотворения «Мой пленник вовсе нелюбезен», датируемый февралем (?) 1823 г. (см. *ПГ* I, 461).

Запись представляет собою, вероятно, список лиц, которым нужно сделать визиты (может быть, на первый день Пасхи, бывшей в 1823 г. 22 апреля).

Стам. — Стамати, «местный литератор и поэт», по словам И.П.Липранди (*РА* 1866, стб. 1217), или Апостол Константинович Стамо, дипломатический чиновник, женатый на красивой и умной Екатерине Захарьевне, рожд. Земфираки (Ралли) (там же, стб. 1231).

Сундул. — вероятно Сандулаки, отец «миленькой девицы» Аники, впоследствии вышедшей замуж за помещика города Бельцы Катаржи (там же, стб. 1235).

Карп. — личность неизвестная.

Кал. — Василий Федорович Калакуцкий, адъютант М.Ф.Орлова, женатый на молдаванке, дочери чиновника Деческула.

Алек. — Алексей Петрович Алексеев, отставной драгунский полковник, служивший в Кишиневе областным почтмейстером. По словам Липранди, Пушкин довольно часто бывал у него (там же, стб. 1135).

Палад. — Паладиr, муж Кассуки (Кассандры) Ивановны Прункул, дочери члена Верховного совета Ивана Константиновича Прункула (там же, стб. 1234).

Коменд. — комендант. Кого разумеет Пушкин, сказать не можем.

Евст. — личность неизвестная.

Губ. — губернатор, Константин Антонович Катакази.

В.Губ. — вице-губернатор, Матвей Егорович Крупенский.

15.

aime[1]-moi[2]

Запись в тетради № 2369, л. 19 (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 19), сбоку черновика стихов L строфы первой главы «Евгения Онегина». Судя по положению в тетради, строфа писалась между 14 и 22 октября 1823 г., когда могла быть сделана и запись.

Напечатано впервые у *Я* VI, 557.

16.

Q. S.[3] F.[3] O. Y.[4]

---

[1] *Можно прочесть и:* aimez (любите).

[2] Люби меня (*фр.*)

[3] *Чтение предположительное.*

[4] *Может быть прочтено:* H, *как прочел Якушкин, и:* L.

Запись в тетради № 2369, л. 26 об. (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 26 об.), на странице, где черновик VIII и IX строф второй главы «Евгения Онегина», писавшихся не ранее 22 октября и не позднее 3 ноября 1823 г.

Напечатано впервые у *Я* VI, 561.

Смысл букв расшифровать не можем. Может быть, они имеют отношение к рисункам голов, находящимся на этой странице.

17.

6.<?> nov.<?>20 р. а.А.

Запись в тетради № 2369, л. 29 об. (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 29 об.), на полях черновика стихотворения «Мне было грустно, тяжко, больно» (первоначальная редакция стихотворения «Демон»).

Напечатано впервые у *Я* VI, 562, где первая цифра прочтена: «1»; вместо читаемого нами: «А», Якушкин прочел: «et»*.

18.

3 nov. 1823
u b. d. M. R.

Запись в тетради № 2369, л. 30 об. (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 30 об.), на полях, среди рисунков женских профилей, на странице, где черновик XVII строфы второй главы «Евгения Онегина».

Напечатано у *Бр*, 228 и *Бр*[1] I, 140, где буквы не развернуты в слова, но в сноске к букве «R» сказано: «Мадам Ризнич? П.Б.». У *Я* VI, 69 запись развернута: «3 novembre 1823 un billet de M-me Riznic». Чтение это стало общепринятым в пушкинской литературе, но, кажется, правильнее видеть в буквах: «M.R.» «Marie Rayevscky», так как едва ли в интимной записи Пушкин назвал бы Амалию Ризнич «Мадам Ризнич». Среди женских профилей, у которых сделана комментируемая запись, можно видеть профили и М.Н.Раевской, и Амалии Ризнич[1]. Введено в неразвернутом виде в *КН* V, 483.

---

* Датируется 1823 г. по положению в тетради. В *РП*, с. 299, записи дается такое объяснение: «6 ноября 20 рублей ассигнациями Алексееву» или «Алексеев». Однако запись можно прочитать и так: «6 ноября 20 страниц Алексееву». Мы знаем, что Алексееву Пушкин отдавал переписывать свои произведения, в частности так называемые «Некоторые исторические замечания», или «Заметки по русской истории XVIII века». Были у него и другие рукописи Пушкина (см.: Эйдельман Н.Я. По смерти Петра I... «Прометей». М., 1974. Кн. 10, с. 302—350). То же: Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М., 1979, с. 73—142. — *Ред.*

[1] Предположение А.М.Эфроса.

19.

На Мойкѣ, въ д. Гр. Вельгорскаго Н.[1] Н. Р.

Запись в тетради № 2369, л. 36 (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 36), на странице, где черновик XXVII строфы второй главы «Евгения Онегина». По положению в тетради, запись сделана не ранее 4 ноября и не позднее 1 декабря 1823 г.

Напечатано впервые у *Я* VI, 566; факсимиле — у *Э*[1], 89 и *Э*[2], 173.

Запись — вероятно, адрес приятеля Пушкина Н.Н.Раевского, жившего в это время в Петербурге (см.: Архив Раевских. Под ред. Б.Л.Модзалевского, I, с. 233).

20.

8 fevr. la nuit
1824

—

joué avec Sch. et Sin.
perdu

—

soupé chez C. E. W.

Перевод:

8 февр. 1824 ночь играл с Ш. и Син. проиграл ужинал у Гр. Е.В.

Записи в тетради № 2369, л. 48 об. (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 48 об.), сбоку черновика I строфы третьей главы «Евгения Онегина». Судя по чернилам и почерку, все три записи сделаны одновременно.

Напечатано впервые у *Я* VI, 570. Введено в *КН* V, 483; в развернутом виде: *М. акад*.., т. 8, с. 17. Имена, упоминаемые Пушкиным, расшифрованы впервые Т.Г.Цявловской (*РП*, с. 300).

Шаховской Валентин Михайлович (1801—1850) — адъютант М.С.Воронцова, впоследствии действительный статский советник.

Сенявин Иван Григорьевич (1801—1851) — тоже адъютант М.С.Воронцова, с 1830 г. полковник в отставке, впоследствии член Кабинета его величества, товарищ министра внутренних дел, тайный советник. О приятельских отношениях его с поэтом свидетельствует письмо последнего к брату от 1 апреля 1824 г.: «Письмо это доставит тебе Сенявин <...> славнейший малый, мой приятель» (*Акад*. XIII,

---

[1] *Можно прочесть и* Н, *и* М, *и* И., *и* А.; *Якушкин прочел:* И.

91). Об И.Г.Сенявине см.: *П* I, 315, а о В.М.Шаховском — в кн. А.А.Сиверса «Материалы к родословию Мухановых». СПб., 1910, с. 145.

21.

1824 19/7 avr. mort de Byron.

Перевод:

1824 19/7 апреля смерть Байрона.

Написано на внутренней стороне задней крышки переплета тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835).

Напечатано впервые у *Я* VII, 1.

Байрон умер 19 апреля по новому стилю, дата его смерти записана Пушкиным по старому и новому стилю. Узнал Пушкин о его смерти от приехавшей 7 июня в Одессу В.Ф.Вяземской. Таким образом, запись эта сделана не ранее 7 июня.

22.

veux tu m'aimer 18/19 Mai 1824
pl. v. D'

Перевод:

хочешь ли ты меня любить? 18/19 мая 1824

Запись в тетради № 2367, л. 26 (совр. шифр — *ПД* № 833, л. 27). Написано непосредственно под черновым текстом стихотворения «Иностранке» («На языке тебе невнятном») и, вероятно, как-то связано с этим стихотворением. Что значит последняя строка, объяснить не можем. Анненков в статье «А.С.Пушкин в Александровскую эпоху» в *ВЕ* 1874, II, 501, и в отд. изд., с. 244, читает: «point de D», а относительно последней буквы пишет: «Не Дегилье ли?».

Дегильи — бывший французский офицер, проживавший в Кишиневе. С ним у Пушкина было столкновение в 1821 г. Догадка Анненкова нам кажется маловероятной, так как комментируемая запись сделана в Одессе.

Напечатано впервые у *Я* V, 343, где: «pl. d. D».

23.

Mai 26. Voyage, vin de Hongrie

Перевод:

Мая 26. Поездка, венгерское вино.

Запись на книге: Almanach Dédié aux Dames. Pour l'An 1824 (Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С.Пушкина. СПб., 1910, № 536).

Напечатано впервые: Якубович Д.П. Неизвестный Пушкин. *Пушкин. ВПК*. М.;Л., 1941, вып. 6, с. 34; включено в *М. акад..*, т. 8, с. 17.

Запись сделана во время поездки Пушкина на саранчу. 26 мая — день рождения Пушкина; провел он его, очевидно, в одиночестве. По поводу книжки, на которой сделаны записи, Якубович пишет: «Трудно предположить, что Пушкин сам купил для себя "Альманах, посвященный дамам". Естественно, что изящный иностранный календарик на текущий год, оставшийся незаполненным до конца мая 1824 г., был подарен Пушкину незадолго перед этим какой-либо из дам его одесского окружения, например Е.К.Воронцовой, всегда имевшей под рукой свежие новинки заграницы» (Якубович Д.П. Неизвестные автобиографические записи Пушкина. С. 32). Т.Г.Цявловская заметила, что почти все записи Пушкина в этой книжечке «были связаны» с Воронцовой (см.: Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...». «Прометей». М., 1974, кн. 10, с. 29).

24.

Juillet 30 — Turco in Italia
31 — départ
Août 9 — arrivé à Michailovsky

Перевод:

Июля 30 — Турок в Италии
31 — отъезд
Август 9 — приехал в Михайловское

Запись в кн.: Almanach Dédié aux Dames. Pour l'An 1824 (Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С.Пушкина. СПб., 1910, № 536).

Как пушкинская запись напечатано впервые: Якубович Д.П. Неизвестные автобиографические записи Пушкина. *Пушкин. ВПК*, вып. 6, с. 34. Включено в *М. акад..*, т. 8, с. 17.

Этой записью отмечено посещение театра — оперы Россини «Турок в Италии». Т.Г.Цявловская отмечает: «Едва ли провел бы Пушкин последний вечер в Одессе в театре, если бы там не было Воронцовой» (Цявловская Т.Г. «Храни меня мой талисман...». С. 30). Отметим, что перед 30 июля в календарике записаны еще две даты без каких-либо пояснений: «28» и «29». Возле дат «29» и «30» поставлены черточки. По мнению Цявловской, «эти условные пометы обозначают, вероятнее всего, интимные свидания» (там же. с. 30): Пушкин уехал из Одессы 1 августа, а 31 июля в книжечке, как отметил М.А.Цявловский, обозначен отъезд из Одессы Е.К.Воронцовой (там же, с. 67). День отъезда Пушкина указан В.Ф.Вяземской, которая 1 августа писала по этому поводу мужу: «Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего, — со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы,

нежно поцеловала и о котором я плакала, как о брате, потому что последние недели мы были с ним совсем как брат с сестрой. Я была единственной поверенной его огорчений и свидетелем его слабости, так как он был в отчаянии от того, что покидает Одессу, в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает...» (там же, с. 31).

25.

5 сентебр<я> 1824
u.<ne> l.<ettre> de [L<ise> V<oronzoff>]

Перевод:

письмо от Лизы Воронцовой

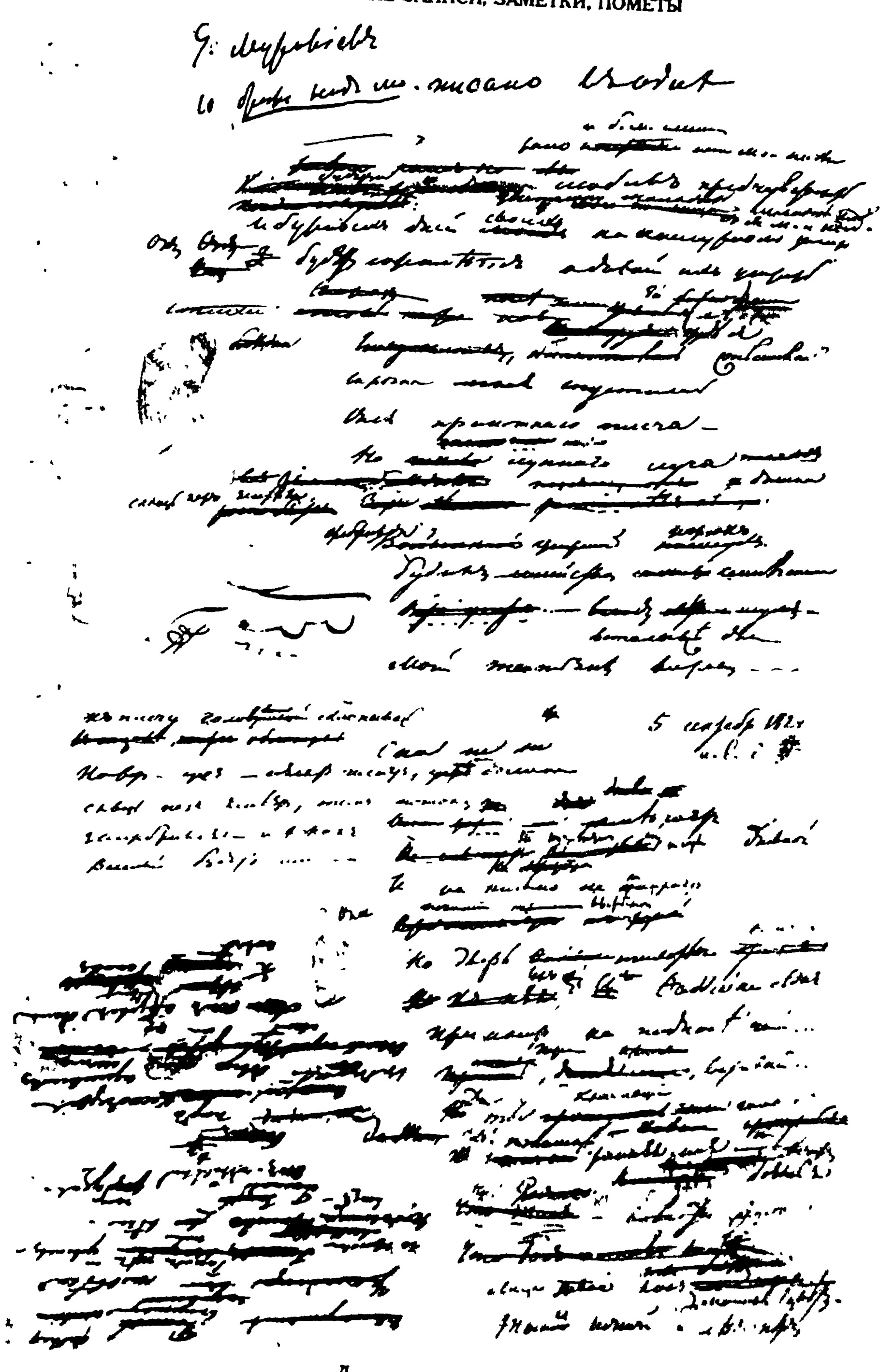
Запись о получении письма от Е.К.Воронцовой сделана на л. 11 об. тетради № 2370 между черновиками XXXII и XXXIII строф третьей главы «Евгения Онегина» одновременно с ними (совр. шифр — *ПД* № 835, л. 11 об.).

Впервые напечатано у *Я* VII, 6 без расшифровки зачеркнутой аббревиатуры и определения автора письма. М.О.Гершензон читал в зачеркнутом «R», не связывая записи с именем Воронцовой; положительной версии, однако, не выдвинул (Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. М., 1919, с. 193—194). П.Е.Щеголев видел в зачеркнутом наложенные друг на друга буквы «Pr» и «V» и читал «Princesse Viasemsky» («княгиня Вяземская»; см.: Щеголев П.Е. Из жизни и творчества Пушкина. М., 1931, с. 240). М.А.Цявловский, основываясь на собственном прочтении аббревиатуры («LV») и биографическом свидетельстве (О.С.Павлищева сообщала о получаемых братом письмах из Одессы, которые были запечатаны точно таким же, как у Пушкина, перстнем-талисманом — подарком Е.К.Воронцовой; см.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т.І. М., 1985, с. 39), считал автором письма Воронцову (*РП*, с. 301—302). Дополнительную аргументацию последнего мнения, которое в настоящее время принято в пушкиноведении, предложил С.А.Фомичев (Фомичев, с. 40), связав помету с контекстом тетради: стихами из XXXIII строфы «Онегина», идущими вслед за пометой («И на письмо не напирает Она печати вырезной», «И на письмо не опирает Сердоликовую печать»), и «загадочной» аббревиатурой «ПОУ» на следующей странице тетрадного разворота (см. комментарий к следующей записи).

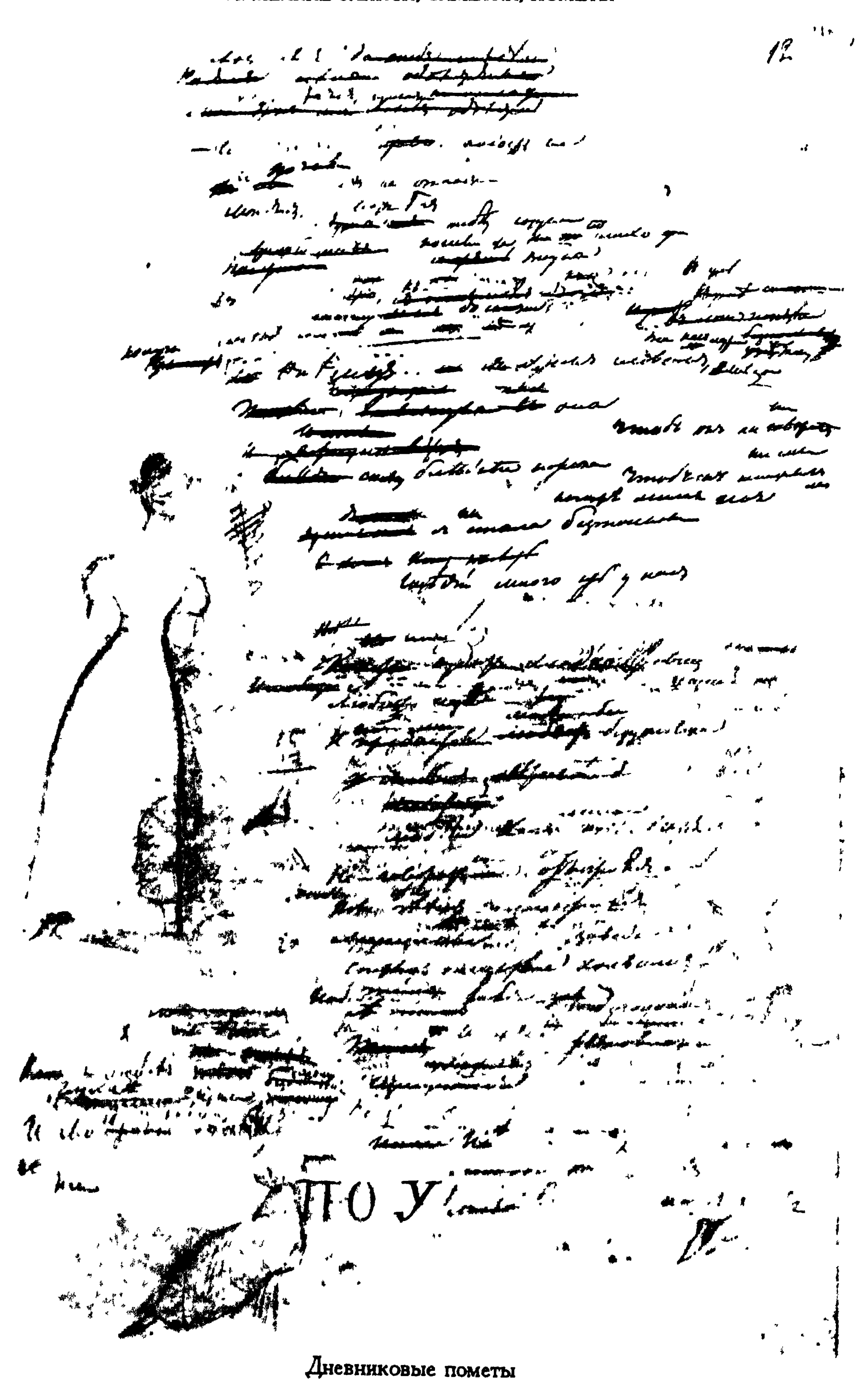
26.

П<исьмо> О<т> У<оронцовой>

Помета сделана внизу л. 12 тетради № 2370, под черновиками строф XXXIV, XXXV и XXV третьей главы «Евгения Онегина» (совр. шифр — *ПД* № 835, л. 12).



Дневниковые пометы



Дневниковые пометы

Впервые напечатал В.Е.Якушкин (*Я*, 6), не раскрывая смысла сокращения.

Расшифровку аббревиатуры «ПОУ»— «Письмо от Уоронцовой» — предложил С.А.Фомичев (*ПИМ* XI, с. 40), который увидел в этой «таинственной» помете «кальку» дневниковой французской записи с соседнего л. 11 об.

Во-первых, аналогично, на английский манер, фамилия Воронцовых написана в этой же тетради (л. 41 об.) в черновике письма Д.М.Шварцу: «Здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни италианской оперы <...>. Но за то нет — ни саранчи, ни милордов Уор<онцовых>« (*Акад*. XIII, с. 404).

Во-вторых, л. 12 заполнялся в три приема. Первый слой: строфа XXXIV (Татьяна просит няню послать внука с письмом к соседу) вверху страницы и помета «ПОУ», сделанные, надо полагать, одновременно, — по характеру почерка и оттенку чернил очень близки записям на л. 11 об. и появились, вероятно, вслед за ними, т.е. около 5 сентября 1824 г.

Женские фигуры на полях (рисунки и строфа XXXV — карандашные записи — второй этап заполнения л. 12) — возможно, изображение Е.К.Воронцовой.

С.А.Фомичев высказал также предположение, что и третье обращение к этой странице — запись XXV строфы («Кокетка судит хладнокровно, Татьяна любит не шутя...») поверх карандашного слоя водянистыми красновато-рыжими чернилами — было вызвано воспоминанием о Е.К.Воронцовой.

Таким образом, разножанровые и разновременные записи, которые соединяются на этом тетрадном развороте, представляют собой сложный сплав творческих и биографических ассоциаций Пушкина.

27.

Бумаги	Жук<овскому>
Перьевъ	Тург<еневу>
Сыру	Всеволож<скому>Бест<ужеву>
Облатокъ	Вязем<ской>

Записи в тетради № 2370, л. 33 об. (совр. шифр — *ПД* № 835, л. 32 об.). Записи сделаны, судя по положению их в тетради, числа 10—15 октября 1824 г.: на л. 27 об. — дата: «10 окт.», а на л. 34 об.—35 — черновик письма к кн. В.Ф.Вяземской, датируемого между 10 и 15 октября 1824 г.

Напечатано впервые у *Я* VII, 12.

Первая запись — перечень вещей, о присылке которых нужно было написать Л.С.Пушкину. В письме к нему, датируемом началом ноября 1824 г., Пушкин просил прислать между прочим «горчицы и сыру».

Облатки — для заклеивания писем.

Вторая запись — перечень лиц, которым нужно было написать письма. Жуковскому имеются письма от конца октября (*П* I, № 100) и 31 октября (*П* I, № 102). Писем к А.И.Тургеневу и А.А.Бестужеву за это время неизвестно. Письмо к Никите Все-

володовичу Всеволожскому — № 87, датируемое октябрем — началом ноября 1824 г. (см. *П* II, 505). На основании комментируемой записи письмо можно датировать уже не ранее 10 октября — началом ноября.

Письмо к кн. В.Ф.Вяземской — № 99 (*П* I).

28.

Акъ-мечеть
Сеюнъ-Бору
Акъ-мечеть
Сеюнъ-мирза

Запись в тетради № 2370, л. 35 (совр. шифр — *ПД* № 835, л. 35). Написано среди строк чернового письма к В.Ф.Вяземской, датируемого 10—15 октября 1824 г.

Напечатано впервые у *Я* VII, 14. По мнению Якушкина, эти слова показывают, «что поэт в это время занимался восточными стихотворениями». К стихотворениям эта запись, надо думать, не имеет отношения.

Ак-мечеть — татарское название Симферополя*.

29.

карты
Пугачева
allumettes[1]

Запись в тетради № 2370, л. 39 об. (совр. шифр — *ПД* № 835, л. 39 об.). Запись сделана во второй половине октября — начале ноября 1824 г., так как в письме Л.С.Пушкину, датируемом началом ноября (*П* I, № 103), поэт просил прислать ему: «карты, т.е. картежные», «Жизнь Емельки Пугачева», «серные спички». «Жизнь Емельки Пугачева», по весьма вероятному предположению Б.Л.Модзалевского, — книга «Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева» с портретом Пугачева. М., 1809.

Напечатано впервые у *Я* VII, 17.

---

* Возможно, запись эта — след каких-то крымских воспоминаний, отраженных в автобиографических записках, над которыми в это время работал Пушкин. — *Ред.*

[1] Спички. (*фр.*)

30.

Фонвизинъ

Запись на левом поле л. 20 об. тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835), занесенная сюда позже онегинского черновика рыжеватыми чернилами. Смысл записи очевиден. Строка о Фонвизине на этой странице записана так: «Блистал Ф.В. друг свободы», то есть Пушкин обозначил здесь фамилию драматурга в соответствии с принятым в то время написанием: Фон-Визин. В таком виде строка и попала в беловой автограф первой главы. Однако в ноябре 1824 г., осведомляясь о ходе ее издания, Пушкин между прочим заметил брату: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехрист? он русской, из перерусских русской» (*Акад.* XIII, 121).

Впервые напечатана в *ПИМ* X, с. 42.

31.

Sottise
et
Impertinence

Перевод:

Глупость и нахальство

Запись в тетради № 2370, л. 52 (совр. шифр — *ПД* № 835, л. 52), на полях черновика XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина». Помета смазана; она появилась, вероятнее всего, во время работы над «онегинской» строфой, датированной здесь 31 декабря 1824 г. — 1 января 1825 г. Возможно, эта французская запись ассоциативно связана с письмом Л.С.Пушкину, которое поэт отправил из Михайловского в Петербург около (не позднее) 20 декабря 1824 г.: «Кто думает ко мне заехать? Избави меня

От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала!»

(*Акад.* XIII, 131)

Стихотворные строки — автоцитата из неопубликованного тогда еще «Уединения» («Блажен, кто в отдаленной сени», 1819), которое представляет собой вольный перевод стихотворения А.Арно «Solitude».

Впервые напечатано В.Е.Якушкиным (*Я* VII, 26).

32.

[а] [ли]
не курится тамъ огонекъ
малешенекъ
[а] ∪∪ — |[1]∪∪∪|[1]∪ — ∪| — ∪∪
— [∪]

Запись на обороте второго листа письма П.А.Плетнева к Пушкину от 18 июля 1825 г., хранящегося в *ПД* № 67, л. 2 об.

Впервые напечатано В.И.Саитовым в *АП* I, с. 238.

Запись сделана не ранее конца июля — августа 1825 г., но когда именно, сказать невозможно. Во всяком случае, она одно из ранних свидетельств изучения Пушкиным народного стиха. Запись эта не учтена Б.В.Томашевским в его работе «Генезис "Песен западных славян"» (сборник «О стихе», изд. «Прибой», 1929). Стих взят из песни.

33.

3 Генв.

Дата на л. 79 тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835) в конце черновика четвертой главы «Евгения Онегина», означающая 3 января 1826 г. В *Акад.* (см. VI, 377) дата прочитана неверно как «6 Генв.». Предыдущая дата, проставленная в этой тетради, — «2 Генв. 1826» вверху л. 77 об. Следовательно, за сутки Пушкин написал семь онегинских строф.

34.

14 juillet 1826 Goou

Перевод:

14 июля 1826 Гу

Запись на л. 66 в тетради № 2367 (совр шифр — *ПД* № 833, л. 88). Напечатано впервые у *Я* V, 353.

В *РП* предположительно расшифровывается как Gon<zaga> — фамилия бразильского поэта, стихотворение которого («Там звезда зари взошла») в 1825 г. пере-

[1] *Вертикальные черты зачеркнуты.*

вел Пушкин. Г.А.Невелев на том основании, что четко читаются только две первые буквы, высказал предположение, что этой записью Пушкин обозначил место захоронения декабристов остров Голодай (см.: Невелев Г.А. Истина сильнее царя. М., 1985, с. 142—143). В 1989 г. запись была сфотографиована в инфракрасных лучах, которые позволили прочитать ее с большей долей определенности. А.Чернов предложил новое прочтение этой записи: Gon<oropolo> — островок, на котором, по его мнению, и были 14 июля 1826 г. похоронены декабристы. Эта позиция утверждается им в статье «Поминовение» («Огонек», 1989, № 4, с. 24—25). Прочтение Чернова так же, как и первые два, представляется неубедительным. Запись расположена рядом с тем местом в тетради, где была вырвана целая тетрадочка — явный след «чистки» Пушкиным своего архива летом 1826 г. Следующая за этими вырванными листами запись также относится к 1826 г. (см.: Иезуитова Р.В. Рабочая тетрадь Пушкина № 833: История заполнения. *ПИМ*. Т. 15. Л., 1990.). Летом 1826 г. о месте, куда были свезены тела казненных, Пушкин знать не мог. Кроме того, первые четыре буквы укороченного в записи слова, скорее всего, могут быть прочитаны так: Gouv. Естественным продолжением их является слово Gouverneur. Такое прочтение соответствует биографическим событиям лета 1826 г. В мае Пушкин предпринял еще одну попытку вырваться из ссылки. Известно его письмо к Николаю I с просьбой разрешить выехать из Михайловского в Москву, Петербург или за границу для операции аневризма. К письму на отдельном листе приложена расписка в том, что он не принадлежал ни к какому тайному обществу и не знал о его существовании. Расписка датирована 11 мая. Письмо в *Акад*. датируется 11 мая — первой половиной июня 1826 г. К этому же письму приложено медицинское свидетельство, выданное Пушкину Врачебной управой в том, что он действительно страдает аневризмом. Это свидетельство имеет дату «19 июля 1826 г.». Из письма Пушкина к Вяземскому от 27 мая мы знаем, что он показывался в Пскове «молодому доктору», который «спьяна» сказал ему, что без операции он не дотянет до 30 лет (*Акад*. XIII, 280). Хотя Пушкин и был у врача до 27 мая, официальная справка ему была выдана только 19 июля. В тот же день, 19 июля, псковский гражданский генерал-губернатор Б.А.Адеркас пересылает «прошение Пушкина на высочайшее имя, свидетельство о болезни и взятую от него, Пушкина, подписку о небытии им ни в каком тайном обществе» «по начальству». Сперва все эти документы направляются Рижскому военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому генерал-губернатору Ф.О.Паулуччи. Паулуччи 30 июля отсылает их министру иностранных дел К.В.Нессельроде. Чем был вызван перерыв между подачей Пушкиным прошения для пересылки «по начальству» и свидетельством, выданным Врачебной управой, — мы не знаем, но несомненно, что два месяца, разделяющие эти два документа, не были спокойными. Пушкин, конечно, ждал официального освидетельствования (беседа с «молодым доктором» 27 мая, очевидно, была своего рода предварительной разведкой). Можно думать, что 14 июля и пришло известие от псковского губернатора о необходимости прибыть в Псков для врачебного освидетельствования. Эту важную для его судьбы дату и зафиксировал Пушкин в аббревиатурной записи. Более подробную аргументацию см.: Левкович Я.Л. Гоноропуло или Губернатор. *ВПК*., Л., 1992, № 26, с. 214—217.

Последнюю попытку прочтения этой записи см.: Рак. В.Д. Запись «14 juillet 1826 Zo» (*ВПК*, вып. 27, с. 145—152). Первую букву в последнем слове Рак читает как

«Z». Это чтение представляется неубедительным, так как во французском языке нет ни одного слова на букву Z, которое можно было бы поставить в контекст этой записи. Также нет ни одной фамилии из окружения Пушкина, которая могла бы встать на это место. Т.Г.Цявловская, указав в примечании, что «первую букву можно прочесть и как G, и как Z, и как Q» (*РП*, с. 307), отдала предпочтение букве G. Место на листе позволило Пушкину записать только начало слова в сильно ужатом виде. Это может объяснить не привычное для него (в большинстве случаев) написание буквы G. С различными написаниями одной и той же прописной буквы мы неоднократно встречаемся в рукописях Пушкина.

35.

Усл. о см. 25
У о с. Р.П.М.К.Б: 24.

<Услышал о смерти Ризнич 25 июля 1826 г.>

<Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 июля 1826 г.>

Запись под беловым текстом стихотворения «Под небом голубым страны своей родной», над которым написано: «29 июля 1826». Стихотворение переписано на листке в 4 д. л. сильно выцветшими чернилами. На обороте листка — перечень произведений. Листок этот, использованный Анненковым в *А* I, был увезен им в свое имение, где и оставался похороненным до 1897 г., когда был найден в сарае в числе других рукописей Пушкина членом Симбирской архивной комиссии Д.Сапожниковым. Теперь листок хранится в *ЛБ* (№ 3266; совр. шифр — *ПД* № 895).

Впервые запись напечатал Анненков в *А* I, прочитав пятую букву во второй строке как «И» и сопроводив запись таким комментарием: «В обеих строчках первые слова мы читаем: "услышал о смерти", но буквы Р.И.М.К.Б. и цифры остаются тайной, которую объяснить теперь с достоверностью весьма затруднительно».

К словам этим Анненков сделал примечание, в котором указал, что в альманахе «Северная лира» на 1827 г., изд. Раича и Ознобишина, имеется стихотворение В.Туманского «На кончину Р... Сонет. Посвящ. А.С.Пушкину». Примечание это было ключом для разгадки и содержания элегии и первой пометы под ней. Ключом этим воспользовался К.П.Зеленецкий, дешифровавший — правда, из-за цензурных соображений весьма неявственно — и вторую помету. В статье своей «Г-жа Ризнич и Пушкин», воспроизведя пометы в таком виде: "Усл... о см. 25. У. о с. Р.И. (не П. ли?)[1] М.К.Б.: 24", Зеленецкий писал: «Первая строка этой приписки относится, по мнению нашему, к г-же Ризнич, и вот как объясняем мы все эти загадочные буквы. За несколько дней до 29 июля (1826), когда написано было стихотворение,

---

[1] Правильность предложенной Зеленецким конъектуры подтвердилась, когда автограф был найден Сапожниковым.

Пушкин мог узнать о смерти нескольких из своих старых петербургских знакомых, последовавшей около того времени. На другой день, 25 июля, дошло до него известие о смерти г-жи Ризнич, этой былой подруги его сердца. Поэт жил тогда уединенно в Михайловском, и при всех этих известиях, конечно, впал в глубокое и сначала мрачное раздумье. Но мрак этого раздумья рассеялся через несколько дней, и из него возникло это светлое создание, эта чудная элегия "Под небом голубым страны своей родной", о которой П.В.Анненков столь справедливо заметил, что в ней искренно сочетались истина сердца с поэзией. Написав элегию 29 июля, поэт приписал внизу ее дни, когда получил эти роковые известия: "У<слышал> о см<ерти той, в память коей написал стихи> 25. У. о с. Р.И. (П?) М.К.Б. — 24"» («Русский вестник», 1856, № 11 (июнь), кн. 1, а также: Яковлев В.А. Отзывы о Пушкине с юга России. Одесса, 1887, с. 144).

Казалось бы, последующим редакторам и биографам Пушкина оставалось только принять это совершенно правильное истолкование Пушкинских помет; на самом же деле в дальнейшем вопрос о них был осложнен и запутан до чрезвычайности. П.А.Ефремов, ни словом не упомянув статьи Зеленецкого, в E^1 (*П*, 415) и в E^2 (*П*, 398)[1] полностью повторил его истолкование, только раскрыв фамилии декабристов (в 1880-х годах это уже можно было сделать!): Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского и Бестужева. Это чтение фамилий и истолкование второй даты как «24 июля 1826 года» были приняты всеми редакторами. Что же касается первой даты, то ее понимали двояко: и как «1825 год», и как «25 июля 1826 г.». П.О.Морозов, не раскрывавший пометы в M^1 (I,2), раскрывавший ее в M^2 (II, 393) и в *В* (II, 577) как «25 июля», не указывая при этом года (причем в M^1 и M^2 относя стихотворение к 1826 г., а в *В* — к 1825 г.), в *Ак* (IV, 74, прим.) раскрывает уже как «1825». Д.Сапожников в своей статье о найденных им в имении Анненкова рукописях Пушкина, ссылаясь на M^1, раскрывает как «25 июля 1826 г.» (*РА* 1899, № 2, с. 355, и в двух изданиях брошюры «Вновь найденные рукописи А.С.Пушкина», Симбирск, 1899, с. 24, и «Ценная находка. Вновь найденные рукописи А.С.Пушкина», СПб., 1899, с. 35).

П.Е.Щеголев в первой редакции своей статьи «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина» доказывал, что помету нужно читать: «услышал о смерти Ризнич в 1825 году» (см. *ВЕ* 1904, I, 319), но во второй редакции статьи ($ЩП^1$, 215 и $ЩП^2$, 268) отказался от этого мнения и предлагал читать «25» как «25 июля», причем из контекста явствует, что год — 1826.

Поместив в E^4 элегию в числе стихотворений 1826 г., Ефремов в примечаниях к этому изданию (E^4 VIII, 262) отказался от этой датировки, считая теперь стихотворение написанным в 1825 г., а помету читая как «1825 год». С таким странным чтением согласился и Брюсов в *Б* I, 233.

Ошибочность такого толкования пометы доказана В.В.Вересаевым в его статье «К психологии Пушкинского творчества. В связи с вопросом о датировке элегии на смерть Амалии Ризнич» (в «Красной нови», 1923, кн. 5; перепечатана в книге «В двух планах», изд. «Недра», 1929). Выводы, к каким пришел Вересаев, состоят в том, во-первых, что стихотворение написано в 1826 г., во-вторых, что дата над стихотворением: «29 июля 1826 г.» является заглавием стихотворения, отброшенным Пушкиным

---

[1] Только в E^3 (VIII, 262) Ефремов очень глухо сослался на эту статью.

как слишком интимное, при напечатании стихотворения, и, в-третьих, что первую помету нужно читать: «Услышал о смерти 25 июля», причем исследователь с излишней осторожностью не решается утверждать, какого года это «25 июля» — 1825 или 1826. На основании аргументов, им же приводимых в статье, с неоспоримой убедительностью вытекает, что помета говорит о 1826 г.

Запись введена в *КН* V, 486; *М. акад*.., т. 8, с. 17.

Известие о казни 13 июля 1826 г. пятерых вождей декабристского движения тем более должно было поразить Пушкина, что со всеми ими поэт был лично знаком.

О знакомстве с К.Ф.Рылеевым (р. в 1795 г.) Пушкина до отъезда его из Петербурга в мае 1820 г. свидетельствуют письма поэта к А.А.Бестужеву за 1822—1825 гг. (см. *П* I, 31, 72, 111, 112—113, 114, 121, 123, 133 и 169). Так, например, 21 июня 1822 г. Пушкин писал: «С живейшим удовольствием увидел я в письме вашем несколько строк К.Ф.Рылеева, они порука мне в его дружестве и воспоминании». Об этом же говорит и портрет Рылеева, нарисованный Пушкиным (см. «Литературная газета», 1929, № 7, от 3 июня, где воспроизведен портрет, правда, в таком виде, что дает самое отдаленное представление о подлиннике).

С П.И.Пестелем (р. в 1793 г.) Пушкин встречался в апреле-мае 1821 г. в г. Кишиневе. Запись в дневнике о первой, вероятно, встрече Пушкин заключает словами: «Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю». Существует портрет П.И. Пестеля в профиль, нарисованный Пушкиным и воспроизведенный там же и так же, как и портрет Рылеева*.

О знакомстве Пушкина с М.П.Бестужевым-Рюминым (р. в 1803 г.) и С.И.Муравьевым-Апостолом (р. в 1796 г.) узнаем из показания Бестужева-Рюмина, которое он дал 5 апреля 1826 г. следственной комиссии.

«С Пушкиным, — писал Бестужев-Рюмин, — я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина в 1819 г., но тогда был еще я ребенком. Сергей Муравьев с тех пор, что оставил Петербург, Пушкина не видал» (Щеголев П. Император Николай I и Пушкин в 1826 году. *ПЩ*[1], 234).

О том, что Пушкин был знаком с П.Г.Каховским (р. в 1797 г.), упоминается в письме Софьи Михайловны Салтыковой, впоследствии вышедшей замуж за друга Пушкина бар. А.А.Дельвига, к ее подруге Александре Николаевне Семеновой. Сообщая последней о приезде Каховского в имение Крашнево (Смоленской губ.), где гостила Салтыкова, она пишет 22 августа 1824 г.: «Русская литература составляет его отраду: у него редкостная память — я не могу сказать тебе, сколько стихов он мне продекламировал! и с каким изяществом, с каким чувством он их говорит. Пушкин и в особенности его "Кавказский пленник" нравятся ему невыразимо: он знает его лично и декламировал мне много стихов, которые не напечатаны, и которые тот сообщал только своим друзьям» (Модзалевский Б.Л. Роман декабриста Каховского. Л., 1926, с. 52).

---

* В рукописях Пушкина Рылеев нарисован двенадцать раз, Пестель — шестнадцать. Находят в них и зарисовки Каховского и Муравьева-Апостола. См.: Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб., 1996. — *Ред.*

36.

1 сент. 1826 изв. о корон<ацiи>

Запись в тетради № 2367, л. 1 (совр. шифр — *ПД* № 833, л. 1). Помета карандашом наверху страницы. Коронация Николая I была в Москве 22 августа 1826 г. Пушкин в это время был в Михайловском.

Напечатано впервые у *Я* V, 339. Введено в *М. акад*.., т. 8, с. 17.

37.

Пог
Венев
Шевыр
Хомя
Рожалинъ
имя рекъ
Андр. Мур
Оболен
Кубаревъ

Написано на листке (10,2 x 12 см) бумаги (без водяного знака), на оборотной стороне, очень грязной. Листок находится в томе писем к Погодину за 1831 г., в «приложениях», среди писем 1827, 1828 и 1829 гг. Хранился в *ЛБ* (№ 3518; совр. шифр — *ПД* № 1691). Список написан по приезде Пушкина из Михайловского в Москву 8 сентября 1826 г. и, вероятно, до отъезда Д.В.Веневитинова в начале ноября этого года из Москвы в Петербург.

Пог — Михаил Петрович Погодин.

Венев — Дмитрий Владимирович Веневитинов, поэт.

Шевыр — Степан Петрович Шевырев, критик, поэт и историк литературы.

Хомя — Алексей Степанович Хомяков, писатель.

Рожалин — Николай Матвеевич Рожалин, переводчик, критик. Под словами *имя рек* Пушкин, вероятно, разумеет себя.

Андр. Мур — Андрей Николаевич Муравьев, поэт, впоследствии писатель по религиозным вопросам.

Оболен — Василий Иванович Оболенский, адъюнкт Московского университета, знаток древних языков, переводчик.

Кубарев — Алексей Михайлович Кубарев, адъюнкт по кафедре римской словесности Московского университета, приятель Погодина.

Перечисленные лица входили в «Общество любомудрия», кружок, основавший в конце 1826 г. журнал «Московский вестник». Пушкина в этот кружок ввел Д.В.Веневитинов. Возможно, что список перечисляет лиц, которых нужно было привлечь к участию в «Московском вестнике».

Напечатано и воспроизведено в «Литературном наследстве», № 16—18, с. 680—681.

38.

23 nov<embre> С<ело> Козырьково E<lise>
W<oronzoff>

Помета на рукописи стихотворения «Как счастлив я, когда могу покинуть» (*ПД* № 84). Напечатано впервые: *М. акад..*, т. 8, с. 343. Датируется 1826 г.

Козырьково — село на пути из Михайловского в Москву. Было принято чтение «Козаково». Правильное — «Козырьково» прочитано С.В.Березкиной. Т.Г.Цявловская задается вопросом: «Какое отношение имеет Воронцова к этому тексту» и отвечает на него так: «Быть может, просто совпадение, возникло воспоминание о ней — и поэт записывает над стихами ее монограмму? А может быть, что-то тайно связывает образ любимой князем русалки с образом Элизы?» (Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...», с. 57—58)

39.

2 août 1827 j.<ourneé> h.<eureuse>
4 août R.<yleeff> J.<anno> P.<estel> Jich.<areff> en songe.

Перевод:

2 августа 1827 д<ень> с<частливый> 4 августа Рылеев. Жанно. Пестель. Жихарев во сне

Запись на листе 6 об. в тетради № 2367 (совр. шифр — *ПД* № 833, л. 88).

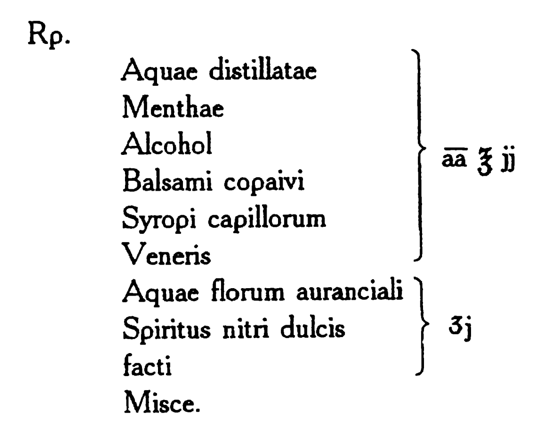
Напечатано впервые у *Я* V, 353. Введено в *КН* V, 487, *М. акад..*, т. 8, с. 343.

Обе записи сделаны одним почерком и одними чернилами, почему и считаем, что год второй записи — тоже 1827.

По поводу второй записи Анненков писал в 1874 г. (статья «А.С.Пушкин в Александровскую эпоху» — *ВЕ* 1874, II, 548): «Спустя 11 дней после казни их <то есть декабристов. — *М.Ц.*> Пушкин делает заметку на одном стихотворении: "Услыхал о смерти Р.П.М.К.Б. — 24" июля, а в другом месте эти же <?> инициалы сопровождаются припиской: "видел во сне"». Со слов Анненкова это повторил и Ефремов (в E^2 II, 398 и E^4 VIII, 420), сам рукописи Пушкина не видавший.

В *РП* по этому поводу написано: «Толкование Анненкова основано на недоразумении: конечно, эта запись не имеет никакого отношения к декабристам» (с. 311). Такой вывод был связан с тем, что Якушкин читал в записи 4 августа вторую букву как «И». Цявловская высказала предположение, что ее можно читать как J, т.е. начальную букву французского написания лицейского прозвища И.И.Пущина: «Жанно» (см. запись ее рукой на принадлежащем ей экземпляре книги «Рукою Пушкина», хранящемся в Пушкинском Доме). Р.В.Иезуитова рассматривает эту запись в контексте «декабристских» записей в тетради (Иезуитова Р.В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. *ПИМ*, Л., 1983. Т. 11, с. 114). С.П.Жихарев, с которым Пушкин активно общался в Москве осенью 1826 г., был близок к семейству Тургеневых.

40.



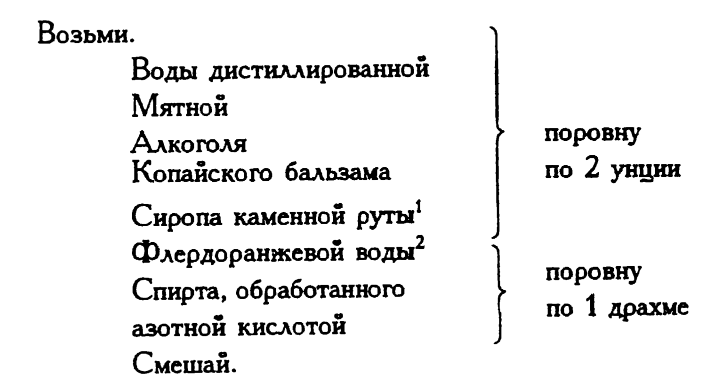
Rp.

Aquae distillatae
Menthae
Alcohol
Balsami copaivi
Syropi capillorum
Veneris
} āā ℥ jj

Aquae florum auranciali
Spiritus nitri dulcis
facti
} ʒj

Misce.

Перевод:



Возьми.

Воды дистиллированной
Мятной
Алкоголя
Копайского бальзама
Сиропа каменной руты[1]
} поровну по 2 унции

Флердоранжевой воды[2]
Спирта, обработанного азотной кислотой
} поровну по 1 драхме

Смешай.

---

[1] Травы «венерины волосы».

[2] Цветов померанца.

Написано на л. 25 об. тетради № 2368 (совр. шифр — *ПД* № 836, л. 24 об.), где расположен черновик III главы «Арапа Петра Великого». Судя по положению в тетради, рецепт записан в августе-сентябре 1827 г., когда Пушкин жил в Михайловском, вскоре после поездки в Псков.

Впервые напечатано у *Я* IV, 537, затем: *РП*, с. 212.

По нашей просьбе доктор А.П.Савельев дал такое объяснение записанному Пушкиным рецепту: «Это рецепт микстуры, предназначенной для лечения гонорреи, так как единственная специфически действующая составная его часть — Balsamum copaive (копайский бальзам) — и по настоящее время не имеет в медицине иного применения, кроме указанного. Из остальных ингредиентов Spiritus nitri dulcis factus, в старое время (без достаточных к тому оснований) имевший применение также при внутреннем лечении гонорреи (это винный спирт, который от соединения при определенных условиях с азотной кислотой получал сладкий вкус), в настоящее время совершенно изъят из практики. Остальные ингредиенты играют роль или растворителей, или улучшающих вкус (corrigens) основного вещества (копайского бальзама)». Рецепт незакончен, так как не содержит указания о способе употребления. Об этом А.П.Савельев пишет: «Если принять современную дозировку, то прописанного количества Balsami copaivi 60,0 должно бы хватить на 60 приемов, т.е. на 20 дней по 3 раза в день, но возможно, что в те времена принимали и более крупные дозы».

Может быть, не случайно в ближайшем соседстве с записью рецепта, на лл. 27 и 27 об., находится черновик стихотворения «Сводня грустно за столом».

41.

отъ 7 до 9 гл<авы>
изъ Arwed
Gillenstierna

Запись на той же странице, где выписка из Альгаротти; написана сбоку вдоль страницы (*ПД* № 935, л. 27 об.). Напечатано впервые Д.П.Якубовичем в «Литературном современнике», 1935 г., № 1, с. 212.

Пушкин имеет в виду роман немецкого писателя Фан-дер-Фельде (1779—1824) «Arwed Gyllenstierna», первая часть которого (Dresden, 1823) имелась в библиотеке П.А.Осиповой в Тригорском (*ПС* I, 31) и главы из которого были напечатаны в № 3 «Московского вестника» за 1828 г.

42.

въ Мог. Губ.
Рогачевы

Пет. Ив. Сюбека
д. Городн<ичаго>.
Moutarde 140
Eau de Cologne
tabac
Café Ch<ocolat>

Перевод:

Горчица
Одеколон
табак
Кофе ш<околад>

Запись очень стершимся карандашом на обороте письма А.А.Дельвига к Пушкину начала 1827 г. (см. *Акад.* XIII, с. 317—318); подлинник хранится в *ПД* № 770.

Кто такой П.И.Сюбека и какое отношение он имел к Пушкину, неизвестно.

Вторая запись — очевидно, список покупок.

Впервые напечатано частично во «Временнике Пушкинского Дома на 1914 год», с. 10.

43.

Decembre 1827
12. pr<emier> bil<let>
13. Jouk<offsky>
14. Semenov —
15. Corb<eau?>
16. Mag<asin> Ang<lais>
18. 2 lett<res>

Перевод:

Декабрь 1827
12. первая записка
13. Жуковский
14. Семенов
15. Во́рон <?>
16. Английский магазин
18. 2 письма

Запись на декабрьском листке книги «Almanach dédié aux Dames pour l'An 1824» (см.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С.Пушкина. № 536).

Впервые напечатана: там же; точнее: Якубович Д.П. Неизвестные автобиографические записи Пушкина. С. 30. Введено в *М. акад.*., т. 8, с. 343. По поводу этой записи Т.Г.Цявловская вспоминала: «М.А.Цявловский, знавший, что в декабре 1827 года Воронцова была в Петербурге, понял, что эти записи, так же как и записи в той же книжечке в 1824 году, связаны с нею», и дальше объясняет эти записи так: «12 pr. bil» — «первая записка Пушкина к Воронцовой, положившая начало новому периоду отношений». «13 — Jouk» — «какая-то встреча с Воронцовой, связанная с Жуковским». «14 — Semenov» — «может быть, Семеновская улица? Во всяком случае, судя по условной черточке вслед за словом "Semenov", речь идет об интимном свидании». «15 — Corb.» — «corbeille — подношение или корзина цветов». «16 — Mag. Ang.» — «В "Magasin Anglais" был и ресторан, и кафе, и отдельные кабинеты, и выход на другую улицу» (Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...». С. 67). Тут же Цявловская дает и другое возможное толкование этих же записей. «Semenov» может относиться к цензору В.Н.Семенову. Для «Corb.» она предлагает чтение «Corbeau»: «В 1826 г. вышло в свет собрание "Chants populaires", в котором появилась баллада "Les Deux corbeaux"(«Два ворона»), переведенная Пушкиным. Возможно, уже в это время Пушкин приметил эту балладу для перевода, который осуществил только в 1828 г.» (там же, с. 66). Мнение М.А.Цявловского представляется более убедительным.

44.

Кучеръ 19 февр

Запись в тетради № 2371, л. 5 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 6), наверху страницы, где черновик XIII строфы седьмой главы «Евгения Онегина». Год записи — 1828. Что она означает, объяснить не можем. Впервые напечатано: *РП*, с. 314.

45.

9 мая 1828. Море. Ол<енина> Дау

Запись в тетради № 2371 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 14). Впервые напечатано Якушкиным (*Я* VII, 40) в неправильном прочтении: «9 мая 1828, море. On day». Правильно прочитана Сандомирской (Сандомирская В.Б. Рабочая тетрадь Пушкина № 838: История заполнения. — *ПИМ*, т. 10, с. 242).

9 мая состоялась прогулка на пироскафе с Олениными и художником Дж.Дау, послужившая поводом для стихотворения «Зачем твой дивный карандаш». Увлечение А.А.Олениной отразилось в многочисленных анаграммах и простых записях ее имени и

фамилии, а также ее имени в сочетании со своей фамилией в рабочей тетради № 838 (см.: *РП*, с. 314, 317, 318; Сандомирская В.Б. Рабочая тетрадь Пушкина № 838, с. 252).

46.

Eli	C
Eninelo	АИЦ <?>
	[Olenina]
	Pouchkine
	[Annette][1]

ettenna eninelo
eninelo ettenna

Запись в тетради № 2371, л. 11 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 12 об.), среди черновика стихов «Полтавы». На л. 13 находится черновик стихотворения «Увы! язык любви болтливой», посвященного Анне Алексеевне Олениной и написанного 9 мая 1828 г. Вероятно, и комментируемая запись сделана в это же время. Она представляет собою ряд анаграмм имени и фамилии А.А.Олениной по-французски. Пушкин сватался за Оленину, чем объясняется фамилия «Pouchkine».

На эти и другие в этом роде записи на лл. 49, 58 об. и 59 той же тетради впервые указал П.Е.Щеголев в *ПС* XIV, 189 (перепечатано *ЩП*[1], 177—178 и *ЩП*[2], 241).

Впервые напечатано: *РП*, с. 315.

47.

Безсонница.
Пред<чувствие>

Запись на л. 13 тетради *ЛБ* № 2371 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 14).

Датируется первой половиной мая 1828 г.

Впервые напечатано: Сандомирская В.Б. Рабочая тетрадь Пушкина № 838, с. 242. Сандомирская отмечает, что второе слово не разобрано. На этом листе начато стихотворение «Снова тучи надо мною» и зачеркнутая первая строка стихотворения «Воспоминание». Очевидно, что запись является предварительно намеченными заглавиями двух стихотворений, вызваных одним и тем же настроением. «Бессонница» появилась в печати под названием «Воспоминание», а «Снова тучи надо мною.» под названием «Предчувствие». Подробнее см.: Левкович Я.Л. «Воспоминание». Стихотворения А.С.Пушкина 1820—1830-х гг. Л., 1974, с. 108—109.

---

[1] Слово Pouchkine *написано по слову* Annette.

48.

18 мая у Княгини Голиц. etc.

Запись в тетради № 2371, л. 14 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 15 об.). Год записи — 1828, что определяется положением ее в тетради.

Напечатано впервые у *Я* VII, 40. Введено в *КН* V, 487, *М. акад..*, т. 8, с. 343.

Пушкин в это время был в Петербурге.

Якушкин читал эту запись: «18 мая у княгини Голицыной». Также напечатана она Цявловской в *РП*, с. 315. В.Б.Сандомирская раскрывает ее иначе: «18 мая у Киселева. Голиц. etc» (Сандомирская В.Б. Рабочая тетрадь Пушкина № 838, с. 841). Первое прочтение подтверждается автографом.

Кн. Голицына — или кн. Евдокия Ивановна, рожд. Измайлова (1780—1850), в которую Пушкин был влюблен в 1817—1818 гг., или кн. Мария Аркадьевна, рожд. княжна Суворова (1802—1870), тоже бывшая предметом увлечения поэта (см. *ПС* XIV, 109—111, *ЩП*[1], 96—98 и *ЩП*[2], 190).

49.

20 мая 1828
при<ютино>

Запись в тетради № 2371, л. 14 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 15 об.), сбоку (справа) у первых стихов черновика стихотворения «Ты и вы», но явно не является датой написания стихотворения. Из-за невозможности прочесть слово, начинающееся на буквы «при», смысл записи остается темен.

Напечатано впервые у *Я* VII, 40.

Как Приютино прочитано Н.В.Измайловым (*Акад.* III, с. 655), а затем В.Б.Сандомирской в статье «Рабочая тетрадь Пушкина № 838, с. 241.

Приютино — усадьба Олениных, где Пушкин весной и летом 1828 г. бывал часто. Его сватовство к А.Олениной окончилось неудачей. Местоположение записи рядом со стихотворением «Ты и вы» подсказывает, что случайная обмолвка Олениной, когда она сказала поэту «ты», и отмечена записью в тетради.

50.

25 іюня
Фанни
Няня †
Elisa e Claudio
ня[1]

---

[1] Следующие буквы не поддаются прочтению

Запись на л. 16 об. в тетради № 2371 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 17 об.) сбоку черновика стихотворения «Волненьем жизни утомленный». Год записи, судя по ее положению в тетради, — 1828.

Впервые напечатано Якушкиным в *Я* VII, 41. Введено в *КН* V, 487, и в *М. акад.*, т. 8, с. 18.

Запись представляет собою заметки дневникового характера.

Фанни — кого разумеет здесь Пушкин, сказать трудно. Может быть, поэт отметил встречу с той самой Фанни, дамой полусвета, которая упоминается в стихотворении «К Щербинину», 1819 г.

Няня — очевидно, означает смерть Арины Родионовны. П.В.Анненков со слов сестры поэта О.С.Павлищевой писал в «Материалах для биографии Пушкина», что Арина Родионовна «умерла в 1828 году, 70 лет», в доме Ольги Сергеевны (*А* I, 5). Сын ее в своих насквозь лживых «Воспоминаниях» утверждает, что это было «в конце 1828 года» (Павлищев Л., Воспоминания об А.С.Пушкине. М., 1890, с. 13). Это неверно. В письме (неопубликованном) к Н.М.Языкову от 2 октября 1828 г. О.М. Сомов называл Арину Родионовну «покойной».

Elisa e Claudio — как указал Н.О. Лернер (*ПС* 1911, № 12, с. 653—654), это — название оперы итальянского композитора Меркаданте, первое представление которой в Петербургском Большом театре было 15 июня 1828 г. («Северная пчела» от 14 июня и «Journal de S-Pétersbourg», № 71, от 14 июля). Второй спектакль был 22 июня, затем был перерыв до 27 июля. Возможно, что на втором спектакле был Пушкин, что он и отметил в записи 25 июня.

51.

upas анчаръ

Запись на л. 19 тетради № 2371 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 19), на полях черновых стихов «Давно Украйна волновалась... Спокойно правил он Украйну» — первой песни «Полтавы». На лл. 20 об.—21 находится черновик «Анчара». Страницы эти писались в августе 1828 г.

Впервые напечатано Якушкиным (*Я* VII, 42), который не прочел первого слова записи (по-английски и по-французски название яда дерева анчар), указывающего на английский или французский источник «Анчара»». Полностью прочтено Д.П.Якубовичем. См. его «Заметку об "Анчаре" в № 16—18 «Литературного наследства», с. 872. По указанию Н.В.Яковлева, в поэме Эразма Дарвина «Botanic Garden», 1792 г., имеется описание дерева upas (part III, canto III, ines 219—158) (см.: Пушкин в мировой литературе. Ленгиз, 1926, с. 138. См. еще запись стихов Кольриджа).

В названной заметке Якубовича указывается как на вероятный источник стихотворения Пушкина на одно место из драмы Джорджа Кольмана «Закон Явы»

52.

[Annette Pouch]

Olenine
P Olenine

[Annette]
[A P]
[A P] [A P]

Запись в тетради № 2371, л. 48 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 49), по черновику стихов: «Мазепа в горести притворной... И потемнять благую славу», из первой песни «Полтавы», оконченной 3 октября 1828 г.

Впервые напечатано: *РП*, с. 317.

53.

2 окт.

письмо къ Ц<арю>
le cadavre[1] — Dorliska —
вечеръ у Кн. Dolg. —

Запись на листе в 4 д. л., входящем в состав Майковского собрания автографов Пушкина (*ПД* № 98).

Впервые напечатано В.И.Срезневским в *ПС* IV, 10, № 36а. Введено в *КН* V, 487, *М. акад.*., т. 8, с. 18.

На листе — текст последних стихов первой песни «Полтавы», датированных тут же: «3 октября 1828».

Письмо к Царю — как объяснено Н.О.Лернером («Заметки Пушкина о "Гавриилиаде"». «Книга и революция», 1921, № 8—9, с. 118), письмо Пушкина к Николаю I с признанием в авторстве «Гавриилиады». Из протокола заседания 7 октября 1828 г. Комиссии, занимавшейся расследованием дела о распространении «Гавриилиады», видно, что Пушкин был вызван, по распоряжению Николая, к главнокомандующему в Петербурге и Кронштадте гр. П.А.Толстому, у которого он «по довольном молчании и размышлении спрашивал: позволено ли будет ему написать прямо государю императору, и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо и, запечатав оное, вручил графу Толстому. Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить оное его величеству» (см.: Дела III отделения Собственной е. и. в. канцелярии об А.С.Пушкине. СПб., 1906, с. 343).

---

[1] Труп *(фр.)*

В 1951 г. в Государственном историческом архиве Московской области был найден документ, который не без основания может считаться копией части этого письма, выполненной А.Н.Бахметьевым (см.: Гурьянов В.П. Письмо Пушкина о «Гавриилиаде». *ПИМ* VIII. Л., 1978, с. 284—292). В послесловии к этой статье, написанном Т.Г.Цявловской и Н.Я.Эйдельманом, содержится полемика с М.И.Яшиным, утверждавшим, что найденный документ является подлогом, совершенным Бахметьевым (см.: Яшин М.И. Поэт и царь (1820—1829). «Нева», 1972, № 8, с. 184—189; впервые — более кратко: Яшин М.И. Ответ царю. Пушкинский праздник. Спец. вып. «Лит. газеты» и «Лит. России». 1972, 31 мая—7 июня, с. 16).

В этой статье Яшин делает попытку объяснить и слово «le cadavre» как упоминание о покойном Д.П.Горчакове, на которого поэт 2 октября 1828 г. в письме к царю свалил вину за «Гавриилиаду». Под впечатлением этой ситуации, по мнению Яшина, Пушкин и пишет (в конце сентября 1828 г.) балладу «Утопленник».

Цявловская и Эйдельман отмечают, что трактовка записи «труп — Горчаков» натянута и фантастична. «В записи Пушкина, — отмечают они, — соединены разнообразные сюжеты. Почему "труп" должен быть обязательно трупом Д.П.Горчакова (тем более что об умершем несколько лет назад куда более уместным было бы другое выражение, например le défunt); почему это не могло быть записью увиденного в тот день или какого-то известия с войны, или следом творческого замысла?» (см.: Гурьянов В. Письмо Пушкина о «Гавриилиаде», с. 292). Объяснение Цявловской и Эйдельмана представляется убедительным.

Dorliska — опера Россини «Torvaldo e Dorliska», поставленная в Петербурге первый раз 15 сентября 1828 г. (см. рецензию в «Северной пчеле», 22 сентября 1828 г., № 114); в октябре опера шла 2-го и 23-го числа, а затем, вследствие перерыва спектаклей до 1 января из-за смерти императрицы Марии Федоровны, была поставлена 8 января 1829 г. Запись Пушкина с несомненностью устанавливает, что 2 октября 1828 г. он был на втором представлении оперы. (Сообщено Б.В.Томашевским.)

Кн. Dolg. — князь Долгоруков или княгиня Долгорукова. Кого из Долгоруковых разумеет Пушкин, сказать трудно. Может быть, это кн. Василий Андреевич Долгоруков (1804—1868), в это время офицер л.-гв. Конного полка, впоследствии военный министр и шеф жандармов. Как о своем близком знакомом Пушкин писал о нем 22 января 1830 г. М.О.Судиенке (*П* II, 74).

54.

Aninelo
A. O.
A. O.
Aninelo
A. O.
Aninelo
Aninelo

Запись в тетради № 2371, л. 57 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 58 об.); написано и смазано на полях черновика стихов: «И на коварные седины Елей таинственный течет...» третьей песни «Полтавы», писавшейся 9—16 октября 1828 г. В это же время сделана и запись.

Впервые напечатано: *РП*, с. 318.

55.

Aninelo
[Aninelo]

Запись в тетради № 2371, л. 58 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 59), на полях черновика стихов: «Теперь взывает он пора» — «Сверкает грозными очами» из третьей песни «Полтавы», писавшейся 9—16 октября 1828 г. В это же время сделана и запись.

Впервые напечатано: *РП*, с. 318.

56.

16 окт.
1828

С. П. Б.
Ям. 33.
Гр. Т.... отъ Гос.<ударя>

Запись на клочке бумаги, входящем в состав Майковского собрания автографов Пушкина (*ПД* № 101, л. 1 об.).

Впервые напечатано В.И.Срезневским в *ПС* IV, 10, № 36 в. Введено в *КН* IV, 487.

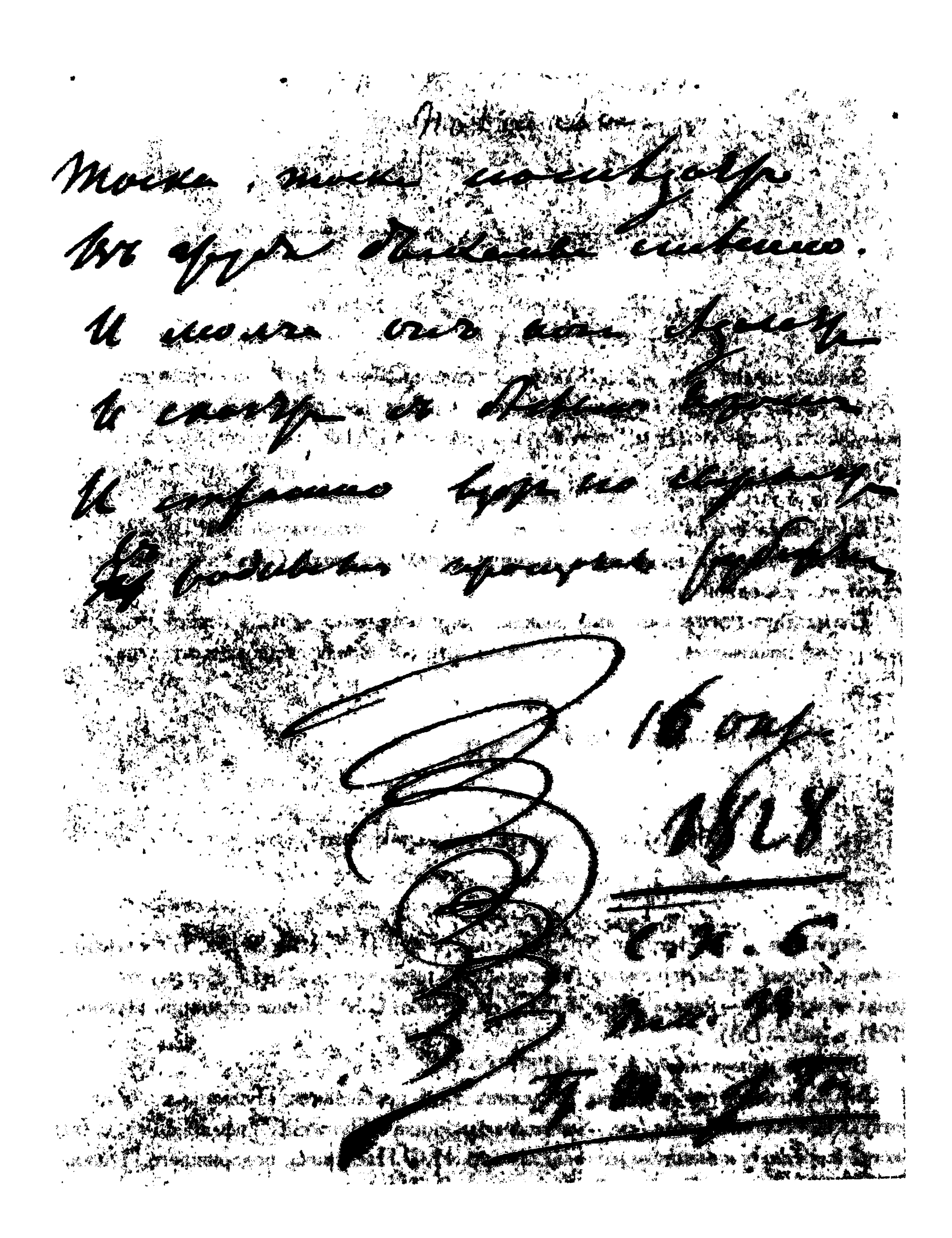
Запись под текстом последних стихов третьей песни «Полтавы».

Вторая строка (печатается впервые) — непонятна.

Ям. — возможно, Ямская (улица в Петербурге), а *33* — номер дома.

Как указано Н.О.Лернером, последняя строка относится к делу о «Гавриилиаде».

Гр. Т. — гр. Петр Александрович Толстой (1761—1844), в это время главнокомандующий в Петербурге и Кронштадте. Запись, очевидно, говорит об ответе Николая I (переданном через Толстого) на письмо Пушкина с признанием в авторстве «Гавриилиады». После этого письма Пушкин был отстранен от дела о распространении поэмы.



Автобиографическая запись

57.

Разсходились по поганскому граду
Разломали тёмную темницу

◡◡ — | ◡◡◡ — | ◡◡ — ◡
| ◡ — ◡◡ | ◡ — ◡

◡◡ — | ◡◡◡ — | ◡◡ — ◡
——| ◡ — ◡◡ | ◡ — ◡

Запись сделана ниже чернового наброска стихотворения «Из Рима ехал он домой», на обороте листка, на лицевой стороне которого находится черновик второй половины стихотворения «Я помню чудное мгновенье». Листок входит в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 68, л. 2 об.) (см. *ПС* IV, 6, № 18). Датируется предположительно 1825—1828 гг. О датировке см.: Томашевский Б.В. О стихе. Л., 1929, с. 81—82.

Впервые напечатан лишь первый стих в *ПС* IV, 6, полностью — в *Ак* IV, 286, прим.

Запись связана с изучением Пушкиным народного стиха. Стихи взяты из неизвестной нам народной песни.

Схема двух стихов написана дважды. Горизонтальная черта в первой стопе второго стиха показывает, что эта стопа такая же, как первая стопа первого стиха.

58.

18 іюля. Арзрумъ — карантинъ
об. у Гр. Паск. — харемъ — сабля

Запись на л. 10 в тетради № 2382 (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 11), сделанная поверх первых строк черновика (карандашом) письма к гр. Ф.И.Толстому от последних чисел мая — начала июня 1829 г. (см.: Бонди С.М. Новые страницы Пушкина. 1931, с. 135—138).

Впервые напечатано у *Я* XI, 347.

Запись говорит о событиях последних дней пребывания Пушкина в Арзруме*, откуда выехал он 21 июля (см.: Кавказская поминка о Пушкине. Тифлис, 1899, с. 60), когда и обедал у командующего войсками гр. И.Ф.Паскевича, подарившего Пушкину саблю (хранится во Всероссийском музее А.С.Пушкина).

---

* Одна из записей, относящихся к дневнику, который Пушкин вел во время поездки на Кавказ в 1829 г. (см.: Левкович Я.Л. Кавказский дневник Пушкина. — *ПИМ*, т. XI, с. 11, 23). — *Ред.*

О посещении Паскевича в день отъезда, о полученной от него сабле и о посещении гарема (числа 10 июля) Пушкин рассказывает в V главе «Путешествия в Арзрум».

59.

Арзр. баня
14 іюля — чума —

Запись на л. 103 тетради № 2382 (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 123), наверху страницы, на которой черновики стихотворений «Критон, роскошный гражданин» и «Был и я среди донцов». Год записи — 1829. Впервые напечатано у *Я* XI, 357.

Этой помете* в «Путешествии в Арзрум» соответствует в V главе такое место:

«Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 июля пошел я в народную баню, и не рад был жизни. Я проклинал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!

Возвращаясь во дворец, узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума».

60.

Так называемый Дон-Жуанский список.

Ек. Ник. и Елиз. Ник. Ушаковым:
Наталья I
Катерина I
Катерина II
NN
Кн. Авдотія
Настасья
Катерина III
Аглая
Калипсо
Пульхерія
Амалія
Элиза

* Запись также относится к Дневнику, который Пушкин вел на Кавказе (см.: Левкович Я.Л. Кавказский дневник Пушкина, с. 10, 23). — *Ред.*

Евпраксѣя
Катерина IV
Анна
Наталья

Марія
Анна
Софья
Александра
Варвара
Вѣра
Анна
Анна
Анна
Варвара
Елизавета
Надежда
Аграфена
Любовь
Ольга
Евгенія
Александра
Елена
Елена
Татьяна
Авдотья

Два списка женских имен, записанных в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой среди других записей и рисунков, в том числе и рисунков Пушкина (*ПД* № 1723). Списки, вероятнее всего, сделаны в два приема и в разное время. Один — на л. 37 об. мягким карандашом, другой — на л. 48 об. и л. 49 более твердым и тонким карандашом. Записи сделаны в конце сентября-начале ноября 1829 г. на обратном пути из Арзрума в Петербург.

В альбоме рядом с некоторыми именами кем-то (очевидно, сестрами Ушаковыми) даны их расшифровки. Рядом с *Натальей I* тонким карандашом записано «лицейская», рядом с *кн. Авдотьей* — «princesse Nocturne» <Голицына>, рядом с именем *Аглая* — синим карандашом «Давыдова в Каменке», рядом с *Калипсо* тем же самым карандашом записано и зачеркнуто «гречанка».

Впервые напечатано факсимильно в «Альбоме Пушкинской выставки 1880 года» (М., 1887. Табл. 4, 5, 6 после с. 116). Ср.: *РП*, с. 629—630.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с *М. акад*.., т. 8, с. 54. В «Альбоме Пушкинской выставки» (М., 1887) помещен «Биографический очерк А.А.Венкстерна», где впервые дается осмысление этих списков, основанное на следующем мемуарном свидетельстве П.С.Киселева, сына Ел.Н.Ушаковой: «...это дон-жуанский список поэта, то есть перечень всех женщин, которыми он увлекался». Л.Н.Майков в статье «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых» высказал мнение, что в альбоме записаны не два, а три списка (Майков Л.Н. Пушкин. СПб., 1899). Основанием для этого послужило то, что конец второго списка не уместился на одной странице и три имени перешли на следующую. В одном списке, по мнению Майкова, «находятся имена, большею частью не поддающиеся объяснению, в другом читаются имена женщин, хорошо известных по биографии поэта и действительно имевших в его жизни большее или меньшее значение» (там же., с. 373).

В работах Н.О.Лернера «Дон-Жуанский список Пушкина» (Пушкин А.С. <Сочинения>. Под ред. С.А.Венгерова. Т. 4) и Н.К.Губера «Дон-Жуанский список Пушкина» (Пг., 1923) большинство имен этого списка расшифровано. Некоторые нуждаются в уточнении, часть имен до настоящего времени не поддается объяснению.

Первый список (кроме четырех последних имен) составлен хронологически — увлечения лицейские, петербургские, периода южной ссылки, ссылки в Михайловское, потом в Москве. Заканчивается первый список именем «Наталья» — т.е. Н.Н.Гончаровой. Три имени, предшествующие последней — «Наталье» (Евпраксия, Катерина IV и Анна), могли быть соединены и по принципу родства с П.А.Осиповой. В первый список, по-видимому, включены серьезные увлечения Пушкина, во втором отмечены женщины, увлечения которыми были мимолетными или которые Пушкин хотел представить как мимолетные.

<Первый список>

Наталья I — либо крепостная актриса театра В.В.Толстого в Царском Селе (ей посвящены стихотворения Пушкина «К Наталье» — 1813, «К молодой актрисе» — 1815), либо гр. Наталья Викторовна Кочубей.

Катерина I — Екатерина Павловна Бакунина, чувство к которой нашло отражение в лицейском дневнике поэта.

Катерина II — вероятнее всего, Екатерина Андреевна Карамзина. Б.В.Томашевский называет (предположительно) актрису Екатерину Семенову (*М. акад*.., т. 8, с. 371).

NN — кто это такая, определенный ответ дать трудно. Т.Г.Зенгер-Цявловская замечает, что «судя по тому, что первый список довольно точен в смысле хронологии, любовь к этой женщине должна относиться ко времени до ссылки Пушкина на юг. Если Наталья I — актриса, то, может быть, NN — Наталья II, то есть Н.В.Кочубей. Но возможно — это и М.Н.Раевская (1805 или 1807—1863)». Дальше высказывается предположение, что под аббревиатурой скрывается неизвестная нам «северная» любовь Пушкина (*РП*, с. 631—632). Наиболее убедительной представляется кандидатура Н.В.Кочубей. Ее имя встречается в программе записок Пушкина. О роли ее в программе записок см.: Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988., с. 189—191.

Кн. Авдотья — княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780—1850), урожд. Измайлова, известная под именем «Princesse Nocturne». П.А.Вяземский писал о ней:

«Пушкин, в медовые месяцы вступления своего в свет, был маленько приворожен ею <кн. Голицыной>. Надолго ли, неизвестно, но во всяком случае неправдоподобно. В сочинениях его встречаются стихи, на имя ее написанные, если не страстные, то довольно воодушевленные» (*П.* в восп. Т. 1. С. 158). Имеются в виду стихотворения «Краев чужих неопытный любитель» (1817) и «Простой воспитанник природы» (1817). Отметим, что это единственный случай в списках, когда Пушкин дает намек, позволяющий угадать названную женщину, приписывая к имени «Авдотья» титул «Кн.».

Настасья — по-видимому, билетерша при зверинце, о которой Вяземский писал А.И.Тургеневу: «Его <беснующегося Пушкина> мельком вижу, только тогда в театре, куда он заходит в свободное от зверей время. Впрочем, и жизнь его проходит у приема билетов, по которым пускают смотреть приведенных сюда зверей, между коими тигр есть самый смиренный. Он влюбился в приемщицу билетов, сделался ее cavalier servant[1]; наблюдает между тем природу зверей и замечает оттенки от скотов, которых смотрит gratis[2] (*ОА*, т. 1., с. 350).

Катерина III — Екатерина Николаевна Раевская (1797—1885), вышедшая в мае 1821 г. замуж за М.Ф.Орлова. Какие-то черты ее характера вошли в образ Марины Мнишек в «Борисе Годунове». 13 сентября 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! Знаешь ее? Не говори однако же этого никому» (*Акад.* XIII, 226). См. также в следующем письме от 7 ноября (*Акад.* XIII, 240).

Аглая Антоновна Давыдова (1789—1847), урожд. герцогиня де Граммон, с 1804 г. жена А.Л.Давыдова, во втором браке за маршалом Себа де ла Порт Орас. Ей посвящено стихотворение «Кокетке» (1821) и на нее написаны эпиграммы «Иной имел мою Аглаю» (1822), «A son amant» и «Оставя честь судьбе на произвол» (1821).

Калипсо — Полихрони (1804—1827), гречанка, бежавшая с матерью из Константинополя в Кишинев. Ф.Ф.Вигель рассказывает, что «любовный жар», которым горел к ней Пушкин, был недолог. Особенно привлекательным для поэта было ее пение. «У нее был, — пишет Вигель, — голос нежный, увлекательный, не только тогда, когда она говорила, но даже когда с гитарой пела ужасные, мрачные турецкие песни; одну из них, с ее слов, Пушкин переложил на русский язык, под именем "Черной шали"» (*П.* в восп. Т. 1. С. 224). Ее, очевидно, имеет в виду Пушкин, говоря о «двух тенях милых» в черновых строфах «Воспоминания» (1828). См.: Иезуитова Р.В. «Утаенная любовь» Пушкина. Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994, с. 225—226.

Пульхерия Егоровна Варфоломей (1802—1863), по мужу Мано, — дочь богатого кишиневского «бояра». Ее холодность и равнодушие к замужеству поражали современников. А.Ф.Вельтман называет ее «механическим» существом и пишет, что «Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти». Об увлечении Пушкина Пульхерией вспоминали и В.П.Горчаков, и И.П.Липранди. Ей посвящено стихотворение «Если с нежной красотой» (1821).

Амалия Ризнич, урожд. Рипп (ок. 1803—1825), жена одного из директоров Одесского коммерческого банка и Одесского театра. С весны 1823 г. жила с мужем в Одессе.

---

[1] Поклонник (*фр.*).

[2] Бесплатно (*фр.*).

Заболев чахоткой, в мае 1824 г. уехала в Италию, где вскоре умерла. Ей посвящены стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты» (1823), «Под небом голубым страны своей родной» (1826), «Для берегов отчизны дальной» (1830). Она же — «негоцианка молодая» в «Евгении Онегине». О смерти Ризнич Пушкин узнал в Михайловском.

Элиза — Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792—1880), урожд. Браницкая, жена новороссийского генерал-губернатора М.С.Воронцова. Об увлечении Пушкина ею см.: Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман...». «Прометей». М., 1974, с. 12—92. Ей посвящены стихотворения: «Храни меня, мой талисман» (1825), «Сожженное письмо» (1825), «Желание славы» (1825), «Все кончено, меж нами связи нет» (1824), «Ненастный день потух» (1824), «Талисман» и др. Отношения с Воронцовой были, очевидно, одной из причин, побудившей Воронцова хлопотать о высылке Пушкина из Одессы.

Евпраксия Николаевна Вульф (1809—1883), дочь тригорской соседки Пушкина П.А.Осиповой, вышедшая в 1831 г. замуж за барона Б.А.Вревского (1805—1888). Пушкин общался с ней во время ссылки, а также в последующие приезды в Михайловское и во время ее пребывания в Петербурге. Она была одной из двух женщин, которые знали о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом (См.: Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 г. (Предыстория последней дуэли). Л., 1989, с. 273). Ей посвящены стихотворения «Если жизнь тебя обманет», «Вот, Зина, вам совет» (1826). Под именем Зизи она упоминается в «Евгении Онегине».

Катерина IV — лицо неустановленное. Т.Г.Цявловская называет несколько «Катерин», которыми увлекался Пушкин: это — Екатерина Николаевна Карамзина (1809—1867), по мужу Мещерская, Екатерина Васильевна Вельяшева (1812—1865), по мужу Жандр, Екатерина Николаевна Ушакова (1809—1872), по мужу Наумова. Последнюю она отвергает на том основании, что запись Пушкин делал в альбоме ее сестры и что «это указывало бы на то, что чувство уже прошло». Нам представляется, что так как список составлен хронологически и фамилий дам своего сердца Пушкин не называл, то сестры Ушаковы вполне могли быть в этом списке.

Анна — Т.Г.Цявловская и Б.В.Томашевский называют двух женщин. 1) Анна Алексеевна Оленина (1808—1888), по мужу Андро. В 1828 г. Пушкин сватался к ней и получил отказ. Ей посвящены стихотворения 1828 г.: «Ты и вы», «Предчувствие», «Ее глаза», «Город пышный, город бедный», «Увы, язык любви болтливый», «To Dawe, Esqr»; 2) Анна Петровна Керн, которой Пушкин был увлечен в 1825 г. в Михайловском и которой посвятил знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье» (см.: *РП*, с. 634; *М. акад.*, т. 8, с. 371). Если принять последнюю версию и считать, что в конце первого списка хронология нарушена, то имена могут группироваться по родству с П.А.Осиповой. Тогда Катерина IV не Ушакова, а Вельяшева, так как Вельяшева и Керн были племянницами П.А.Осиповой, но с одной Пушкин познакомился в 1825 г. в Тригорском, с другой — в 1828 г. в Старице.

Наталья — Наталья Николаевна Гончарова (1812—1863), в которую поэт был влюблен, когда делал свою запись.

<Второй список>

Мария — лицо неустановленное. Известно несколько женщин с именем Мария, в которых бывал влюблен Пушкин. Т.Г.Цявловская (*РП*., с. 635) называет Марию

Николаевну Раевскую (1805 или 1807—1863), Марию Егоровну Эйхфельд (1798—1855) — возлюбленную кишиневского приятеля Пушкина Н.С.Алексеева, Марию Васильевну Борисову (о ней Пушкин писал А.Н.Вульфу 27 октября 1833 г. из Малинников: «Мария Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и я намерен на днях в нее влюбиться» (*Акад.* XIV, 33); в одном из планов «Капитанской дочки» она под именем Марии Борисовой упомянута как прототип Маши Мироновой (*Акад.* VIII, 930) и княгиню Марию Аркадьевну Голицыну, урожд. княжну Суворову, внучку полководца (1802—1870), которой посвящено стихотворение «Давно об ней воспоминанье» (1823). К этому списку можем прибавить графиню Марию Александровну Мусину-Пушкину (1801—1853), урожд. княжну Урусову. По словам Вяземского, Пушкин был в нее влюблен (см.: Барсуков Н.П.Князь Вяземский и Пушкин. «Старина и новизна», М., 1904, с. 38). Последняя кандидатура кажется нам наиболее вероятной. Знакомство Пушкина с Мусиной-Пушкиной состоялось в 1827 г. Ей посвящено стихотворение «Кто знает край, где небо блещет» (ноябрь 1827—март 1828). Подробнее о Мусиной-Пушкиной см.: Цявловский М.А. К истории стихотворения «Кто знает край, где небо блещет» (Пушкин и гр. М.А.Мусина-Пушкина) в кн.: Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 369—378.

Анна — вероятнее всего, Анна Алексеевна Оленина.

Софья Федоровна Пушкина (1806—1862) — дальняя родственница Пушкина, к которой он сватался в 1826 г. по приезде из Михайловского в Москву и получил отказ. Ей посвящено стихотворение «Нет, не черкешенка она» (1826).

Александра Ивановна Осипова (ок. 1805—1864) — падчерица П.А.Осиповой, вышедшая в 1833 г. за П.Н.Беклешова (ум. не ранее 1847 г.). Ей посвящено стихотворение «Признание» (1826).

Варвара — возможно, Варвара Васильевна Черкашенинова (1804—1869), близкая знакомая семьи Вульфов, жившая в селе Сверчково, в 16 верстах от Малинников. Оставила дневник с записями о встречах с Пушкиным, который был ее «поэтическим кумиром» (запись 28 ноября 1828 г.). Дневник этот хранился в Старицком краеведческом музее и утрачен, сохранились лишь отдельные выписки (см.: Черейский Л.М. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 462).

Вера — по предположению Т.Г.Цявловской, это, может быть, Вера Федоровна Вяземская (1790—1876). Пушкин познакомился с ней в Одессе, куда она приехала с двумя детьми 7 июня 1824 г. Она увлекалась Пушкиным (см.: Бартенев П.И. Рассказы о Пушкине. М., 1925, с. 28, 78, 79) и вместе с гр. Е.К.Воронцовой подготовляла побег его за границу морем.

Анна Николаевна Вульф (1799—1857) — старшая дочь П.А.Осиповой, соседка Пушкина по Михайловскому. Ей посвящены четыре стихотворения Пушкина 1825 г. («Я был свидетелем златой твоей весны», «Хотя стишки на именины», «Увы, напрасно деве гордой» и «Примите "Невский альманах"»). Все эти стихи объединяет общий тон полушутливый, полувлюбленный. О характере отношений Пушкина и А.Н.Вульф в 1824—1825 гг. см.: Старк В.П. Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н.Н.» («Примите "Невский альманах"»). *ВПК*, 1978, с. 121—125.

Анна Ивановна Вульф (1799—1835) — племянница П.А.Осиповой, с 1834 г. жена Василия Ивановича Трувеллера. 16 октября 1829 г. Пушкин писал А.Н.Вульфу

«*Netty* нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь <...>. Вот уже третий день как я в нее влюблен» (*Акад.* XIV, 50). Ей посвящено шутливое стихотворение Пушкина «За Netty сердцем я летаю» (1828).

Анна — лицо неустановленное. Возможно, это одна из трех сестер Ермолаевых.

Варвара — Т.Г.Цявловская предполагает, что это может быть неизвестная нам Варвара, нарисованная Пушкиным на л. 46 об. альбома, с подписью «Варвара мученица». «Судя по одежде, — пишет Цявловская, — она могла быть горничной, и вероятнее всего, Ушаковых» (*РП*, с. 636). Однако имя горничной не вписывается в общий контекст списка, где собраны дамы и девицы благородного происхождения. Возможно, что идущие подряд три имени Анна, Елизавета и Варвара имеют в виду сестер Ермолаевых, дочерей старицкого помещика Дмитрия Ивановича Ермолаева. По свидетельству их родственницы Е.Н.Вревской, Пушкин «не мог свести Лизу с ума, хотя и старался» (*ПС* XXI-XXII, по указ.). Не исключено, что внимание поэта привлекли и младшие сестры Елизаветы — Варвара и Анна (род. ок. 1812 г.).

Т.Г.Цявловская и Б.В.Томашевский считают наиболее подходящей кандидатурой для упомянутой Елизаветы Елизавету Михайловну Хитрово (1783—1839). Но в таком случае список теряет свою смысловую доминанту — Е.М.Хитрово была влюблена в Пушкина, но не пользовалась его взаимностью.

Надежда — возможно, Надежда Борисовна Святополк-Четвертинская (1812—1909) — племянница В.Ф.Вяземской. Она хорошо помнила свою молодость и рассказывала своему правнуку, как она танцевала с Пушкиным на балах и как он бывал у них в доме (см.: «Звенья». Кн. 3—4, с. 231; Кн. 9, с. 326).

Графиня *Аграфена* Федоровна Закревская (1799—1879). Ей посвящены три стихотворения 1829 г. «Портрет» («С своей пылающей душой»), «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно». Существует предположение, что Закревская явилась прототипом Вольской в отрывке «Гости съезжались на дачу» (1828) и что ей адресовано стихотворение «Когда твои младые лета» (1829) (см.: Бартенев П.И. Рассказы о Пушкине. М., 1925, с. 29).

Любовь — лицо неустановленное.

Ольга — вероятно, Ольга Михайловна Калашникова (род. 1806), дочь М.И.Калашникова, управлявшего Михайловским, а потом Болдиным; «крепостная любовь» Пушкина во время ссылки в Михайловское в 1824—1826 гг. (см. о ней: Щеголев П.Е. Пушкин и мужики. М., 1928, с. 7—58. Гл. «Крепостная любовь Пушкина»).

Евгения — лицо неизвестное. Возможно, это мать драматической актрисы Александры Михайловны Колосовой Евгения Ивановна (1782—1869), танцовщица петербургского театра. По воспоминаниям дочери, Пушкин часто бывал в их доме в 1818—1819 гг. и пользовался расположением ее матери. Та в это время была еще достаточно молода и привлекательна (*П.* в восп. Т. 1. С. 199—200).

Александра — по-видимому, это Александра Александровна Римская-Корсакова (1803—1860). По словам Вяземского, сестры Римские-Корсаковы отличались красотой, «особенно одна из них, намеками воспетая в "Онегине"», была душою и прелестью собраний в доме родителей (Вяземский. Т. 7. С. 170). Ей посвящены стихи LII строфы 7 главы «Евгения Онегина»: «Красавиц много на Москве...» и т.д. (1827—1828). Римскую-Корсакову Пушкин собирался вывести в незавершенном «Романе на Кавказских водах» (1831).

Елена — Т.Г.Цявловская называет несколько женщин с именем Елена, которых мог иметь в виду Пушкин, это Елена Николаевна Раевская (1804—1852), которой посвящено стихотворение «Увы, зачем она блистает» (1820), княжна Елена Михайловна Горчакова (1794—1855) в замужестве Кантакузен, сестра лицейского товарища Пушкина, которой он посвятил стихотворение «Красавице, которая нюхала табак» (1814) и с которой позднее общался в Кишиневе, и, наконец, Елена Федоровна Соловкина (ум. не позже 1826 г.). По словам Липранди, Пушкин был увлечен Соловкиной и «иногда бредил» ею (*П.* в восп. Т. 1. С. 294). К одной из двух последних Цявловская относит строки из написанной в пору знакомства с ними «Гавриилиады» — «Елену видел я».

Елена — с этим именем Б.В.Томашевский связывает упомянутую выше Е.Ф.Соловкину (*М. акад.*., т. 8, с. 372). Цявловская полагает, что это может быть неизвестная нам Елена, которая упомянута в строках лишь начатого стихотворения 1829 г. «Зачем, Елена, так пугливо» (*РП*, с. 637).

Татьяна — возможно, Татьяна Дмитриевна Демьянова (1810—1876), цыганка, певица московского цыганского хора. Накануне женитьбы Пушкина пела ему подблюдную песню «Ах матушка, что в поле так пыльно...». Ее рассказы о Пушкине записаны Б.М.Маркевичем (см.: Пушкин А.С. Письма. М.; Л., 1931, т. 3, с. 136—142).

Авдотья — скорее всего, Евдокия (Авдотья) Ивановна (1804—1845) Овошникова — воспитанница театрального училища (выпуска 1822). Петербургская знакомая Пушкина, дама сердца Н.В.Всеволожского. Она упоминается в послании к Всеволожскому «Прости, счастливый сын пиров» (1819) и в программе романа «Русский Пелам».

61.

Возокъ
{ изправленъ
  объявленъ
Евг. Онѣ
Пѣснь

Запись в *ЛБ* № 2382, л. 15 об. (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 16 об.), на левом поле черновика стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?», датированного тут же: «2 Ноября 1829». Этим же днем можно датировать и запись, смысл которой объяснить затрудняемся.

Напечатано впервые: *РП*, с. 321. Здесь первое слово прочитано неправильно: «Ворон». Правильное прочтение см.: Левкович Я.Л. Рабочая тетрадь Пушкина № 841 (История заполнения). *ПИМ*, т. 12, с. 263. В стихотворении имеются прямые фразеологические повторы с романом. Реминисценции из «Онегина» были настолько ощутимы для самого Пушкина, что мысль поэта возвращается к уже написанной седьмой главе и рядом со строками стихотворения о приезде «нежданной семьи», «в кибитке иль возке» появляются рифмы к строфам XXXI—XXXII седьмой главы «Евгения Онегина». Однако рифмы эти не были использованы.

62.

Gourief
Langeron
Prince S. Gali
Idem
Fickelmon

Список находится в тетради № 2382, л. 20 об. (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 21 об.).

Напечатано впервые: *Я* XI, 349. Датируется началом ноября 1829 г., т.к. это первая петербургская запись в этой тетради.

В *РП*, с. 321, где этот список помещен повторно, читаем: «Объяснить значение этого списка мы затрудняемся. Якушкин осмыслял его так: "...список лиц, вероятно тех,к кому надо было съездить или т.п."». Слово «Idem»,т.е. «то же» опровергает это предположение. Трудно предположить, чтобы Пушкин заранее отметил необходимость дважды нанести визит к С.Г.Голицыну. Но если понимать эту запись как перечень лиц, кому Пушкин уже успел нанести визит, в таком случае слово «Idem» (соответствующее графическому — « —) — свидетельство того, что с князем Сергеем Григорьевичем Голицыным (1803—1868) Пушкин встречался дважды. Известно, что в 1828 — начале 1830 г. встречи поэта с Голицыным были частыми и именно от него он услышал рассказ о тайне «трех счастливых карт».

О Гурьеве, Ланжероне и Фикельмон см. в комментарии к следующей записи.

63.

Дворц. набер.	Австрійскому посланнику 2.
—————	{ Французскому посл. 1
въ милліонной	Французскому секретарю
	Лагрене 1. }
Англ. набер.	[Оленину] Гр. Лаваль 2
—————	Англійскому посланнику 2
—————	Синявину 2 [Гурьеву 2]
въ морской	Неаполитанскому посланнику 2
въ Подъяческой	Константиновой 2
угольный дом.	
	Плещееву 2

У Чернышева моста въ большой морской	Графу Гурьеву 2
	Гр. Пушкину 2
	Вигелю 1
	Карамзиной 2
	Кн. Мещерской 2
	Хитровой 2
Англ. набер.	Гишпанскому посланнику 1
Невск. проспектѣ д. Сабира	Гр. Ланжерону 2
Въ Имп. библіотекѣ	Гнѣдичу и Крылову 2
	[Дельвигу] 2
	Нарышкину
	Перовскимъ
	Мартынову
	Энгельгарду
	Плетневу
	Молчанову
	Адоевскому
	Титову въ домѣ Министра внутр. дѣлъ

Список этот находится в тетради № 2382, л. 26 (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 27), недалеко от текста, помеченного (на л. 17): «2 ноября 1829» («Зима. Что делать нам в деревне?»), то есть написан он, очевидно, после приезда из Малинников в Петербург, впервые после путешествия в Арзрум.

Список напечатан у *Я* XI, 351, затем: *РП*, с. 323.

Непосредственно перед этим листом находятся тексты, датированные 23 и 24 декабря, после него вскоре — 7 января, так что написан список, по-видимому, между этими числами.

Список вероятнее всего означает тех лиц, которым Пушкин наметил разослать свои визитные карточки к новому 1830 г. Список заключает сорок два лица и ярко показывает, что круг Пушкина и до брака был тот же дипломатический и аристократический мир, с которым он был тесно связан последние годы жизни, как казалось, из-за брака с Натальей Николаевной Гончаровой и из-за полученного благодаря ее красоте камер-юнкерства. Очевидно, что Пушкин тянулся к этой социальной среде и до брака. Многие же в этом перечне — знакомые Пушкина по Одессе, жившие в это время в Петербурге.

Цифра 2 возле фамилии обозначает, что нужно послать две карточки, 1 — что одну. Две карточки посылались женатым людям, двум сестрам, матери и дочери.

Первым в списке назван *австрийский посланник*, и подразумевается его жена. Это граф Карл Людвиг Фикельмон (1777—1857) и жена его Дарья Федоровна (1804—1863), дочь Елизаветы Михайловны Хитрово, в общежитии «Dolly» или «по-

сланница». Известен роман Пушкина с этой незаурядной молодой женщиной[1]. Скептикам[2] приходится согласиться с этим казавшимся им фантастическим рассказом Нащокина, так как за последнее время в печати появилось еще одно подтверждение рассказа Нащокина. В посмертной книге Б.Л.Модзалевского «Пушкин», среди публикуемых им записей Анненкова о Пушкине имеются такие слова: «Жаркая история с женой австрийского посланника». Датировать этот роман затруднительно, но первое место, занимаемое Фикельмонами (в списке от декабря 1829 г.), может быть, говорит за то, что Пушкин был к ней по меньшей мере неравнодушен в это время.

Французским посланником в 1829 г. был сподвижник Наполеона герцог Мортемар (1787—1875)[3]. Вероятно, в доме Фикельмонов или Хитрово познакомился Пушкин с Мортемаром в этот свой приезд в Петербург. Мортемар был назначен посланником в Россию в марте 1828 г., но в Петербурге он появился лишь в феврале 1829 г. Пушкин же около 10 марта 1829 г. из Петербурга уехал; возможно, впрочем, что они за эти немногие дни и успели встретиться. Пушкин, всю жизнь отличавшийся глубоким интересом к истории, высоко оценил личность этого человека, хотя знакомство их было недолгое. 4 марта 1830 г. поэт вновь уехал из Петербурга, а в мае Мортемар покинул Россию.

Числа 8 февраля 1831 г. Пушкин написал из Москвы Елизавете Михайловне Хитрово: «Итак, г-н Мортемар в Петербурге, а в Вашем обществе еще один любезный и исторический человек; как мне досадно, что я еще не там, и как я пресыщен Москвой и ее татарским ничтожеством».

Мортемар с января до августа 1831 г. вновь был в России чрезвычайным посланником, и с декабря 1831 г. до 1833 г. он опять был в Петербурге. Других свидетельств о знакомстве Пушкина с Мортемаром нет.

Французский секретарь — Лагрене[4], Теодор-Жозеф (1800—1862), был знаком с Пушкиным в 1828—1834 гг., когда Лагрене уехал из России. Летом 1828 г. Пушкин вызывал его на дуэль через Н.В.Путяту, но состоялось примирение (*П* II, 298—299, *РА* 1878, I, 126).

Оленин — Алексей Николаевич (1763—1843), президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки, был хорошим знакомым Пушкина, который бывал в его доме еще до ссылки на юг; отец Анны Алексеевны Олениной, за которой Пушкин ухаживал в 1828 г. и предположенный брак с которой осенью этого же года расстроился, вероятно из-за Пушкина, уклонившегося от женитьбы. Может быть в связи с этим нежелание поддерживать знакомство и заставило поэта вычеркнуть из списка фамилию, которую он первоначально написал было.

Гр. Лаваль — Иван Степанович (1761—1864) и его жена Александра Григорьевна, рожд. Козицкая (1772—1850), жили открытым домом. Пушкин еще в свою раннюю петербургскую жизнь бывал у них, и в одной из рукописей поэта того

---

[1] См.: Цявловский М.А., Пушкин и графиня Д.Ф.Фикельмон («Голос минувшего», 1922, № 2), и *ПХ*.

[2] См., например, Гроссман Л.П. «Устная новелла Пушкина» в кн.: Этюды о Пушкине. 1923.

[3] О нем см. в ПХ, по указателю.

[4] О Лагрене см. *П* II, 299.

времени есть его зарисовка Лаваля. Бывал он у них и после ссылки. До наших дней дошло изустное предание, как Пушкин на балу у гр. Лаваль танцевал мазурку «в пику Олениной» с дочерью поэта Александрой Ивановной Козловой, которой было тогда (то есть в 1828 г.) 16 лет (записано со слов С.А.Стахович, которая слыхала от самой А.И.Козловой).

Английским посланником в 1829—1830 гг. был лорд Хейтесбери (Heitesbury), о знакомстве которого с Пушкиным ничего не известно, между тем, судя по тому, что около его имени стоит цифра 2, Пушкин знал и жену его и, может быть, бывал у них в доме.

Синявин — вероятно, Иван Григорьевич Сенявин[1] (1801—1851), знакомый Пушкина по Одессе, состоявший там при наместнике гр. М.С.Воронцове. Известно, что Сенявин в 1829 г. вышел в отставку с военной службы полковником и, судя по этому списку, жил в Петербурге. Будучи товарищем министра внутренних дел, покончил с собой.

Гурьев — вычеркнут и перенесен ниже, вероятно из-за адреса.

Неаполитанский посланник — чрезвычайным посланником обеих Сицилий (столица — Неаполь) был граф де-Людольф (сын). О нем, как и о Хейтесбери, ничего не известно как о знакомом Пушкина, между тем визитная карточка посылалась и жене его, так как около фамилии стоит цифра «2».

Константинова — внучка М.В.Ломоносова, Екатерина Алексеевна (1774—1847), и сестра ее — Анна Алексеевна (1775—после 1864) — приходились сестрами жене Н.Н.Раевского-старшего, Софии Алексеевне, рожд. Константиновой. О знакомстве с ними Пушкина никаких сведений, кроме данной записи, нет.

Плещеев — Александр Алексеевич (1778—после 1845), известный меломан и композитор; приятель Жуковского, А.И.Тургенева, Вяземского, хороший знакомый Пушкина со времен «Арзамаса».

Граф Гурьев — Александр Дмитриевич (1787—1865)[2], знакомый Пушкина по Одессе, где он был (1822—1825) градоначальником. Сын министра финансов при Александре I, брат графини Нессельроде. Жена его — Евдокия Петровна, рожд. графиня Толстая (1795—1863), славившаяся своими чудачествами[3]. Пушкин был с ними, видимо, в хороших отношениях, так как участливо справлялся у Княжевича в декабре 1824 г. о здоровье их маленькой дочери Мими (1817—1824), которая умерла через несколько дней после отъезда Пушкина из Одессы.

Гр. Пушкин — вероятно, граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798—1854)[4] и жена его (с 1828 г.) Эмилия Карловна, рожд. Шернваль (1810—1846). Пушкин дружил с ним в Петербурге до ссылки на юг и в 1829 г. встретился в Новочеркасске. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин вспоминает, как сердечно ему обрадовался и как до Тифлиса они ехали вместе. Жена его — известная красавица, воспетая Лермонтовым в стихотворении «Графиня Эмилия — белее, чем лилия».

Вигель — Филип Филипович (1786—1858), приятель Пушкина по Кишиневу, автор известных мемуаров.

---

[1] О И.Г.Сенявине см. *ОП* III.

[2] О гр. А.Д.Гурьеве см. *ОП* III.

[3] О гр. Е.П.Гурьевой см. в Записках Бутурлина, *РА* 1897, VIII, 571—572.

[4] О нем см. *П* I, 254 и II, 341.

Карамзина — Екатерина Андреевна (1780—1851), вдова историографа Н.М.Карамзина, и ее дочь — Софья Николаевна (1802—1856) — близкие Пушкину лица.

Кн. Мещерская — другая дочь Карамзина, Екатерина Николаевна (1809—1867), и ее муж — Петр Иванович (1820—1876).

Хитрово — Елизавета Михайловна (1783—1839)[1] и ее дочь от первого брака — Екатерина Федоровна, гр. Тизенгаузен (1803—1888), фрейлина.

Гишпанский посланник — чрезвычайным посланником Испании в России в 1825—1835 гг. был Дон-Хуан Мигуэль Павс де ла Кадена (Paëz de la Cadena).

Гр. Ланжерон — Александр Федорович (1763—1831)[2] и его жена (с 1823 г.), рожд. Аркудинская-Бриммер — знакомые Пушкина по Одессе, где Ланжерон, бывший новороссийским генерал-губернатором (1815—1823), жил до 1824 г., когда уехал во Францию. В конце 1825 г. — начале 1826 г. он вернулся в Россию, опять жил в Одессе, позднее в Петербурге. В списке Пушкин указывает его адрес: «Невск. проспект д. Сабира», так что ясно, что в декабре 1829 г. Ланжерон уже жил в Петербурге, а не с «начала 1831 г.», как ошибочно говорится в *П*, II, 435. В письме к Е.М.Хитрово от 19—24 мая 1830 г. Пушкин говорит о Ланжероне как об их общем знакомом, с которым он встречался у Хитрово в Петербурге.

Переводчик «Илиады» Николай Иванович *Гнедич* и баснописец Иван Андреевич *Крылов* названы вместе, так как карточки им можно было завезти одновременно — оба служили в Публичной библиотеке.

Дельвиг — Антон Антонович (1798—1831) и жена его — Софья Михайловна, рожд. Салтыкова (1806—1888) — почему-то вычеркнуты из списка.

Нарышкин — какой это Нарышкин, сказать трудно; едва ли Лев Александрович (1785—1846), племянник известной возлюбленной Александра I, Марьи Антоновны, с которым Пушкин был знаком по Одессе. Нет указаний, что Л.А.Нарышкин жил в это время в Петербурге; к тому же Лев Александрович был женат на гр. Ольге Станиславовне Потоцкой, которую Пушкин хорошо знал и поэтому не мог отвезти ему одну визитную карточку.

Перовские — двое из братьев Перовских, с которыми Пушкин был дружен: Алексей Алексеевич (1787—1836), писатель, известный под псевдонимом «Антоний Погорельский», и Василий Алексеевич (1795—1857), будущий военный губернатор в Оренбурге, у которого Пушкин останавливался во время поездки своей туда в 1833 г.

Мартынов — Иван Иванович (1771—1833), классик и переводчик, деятель просвещения. Известно письмо Пушкина к нему — самое раннее из сохранившихся, написанное ему как одному из попечителей Царскосельского лицея. Вероятнее всего, что Пушкин именно ему посылал свою карточку и вслед за его именем записал имя директора лицея. Но, может быть, запись разумеет и сына Ивана Ивановича, товарища Пушкина по лицею — Аркадия Ивановича (р. в 1801 г.). Хотя в лицее Пушкин и выделял его (по-видимому именно его, талантливого рисовальщика, подразумевал он в «Монахе» в стихе: «М...... пусть пленяет кистью нас», и ему же подарил свой рисунок),

---

[1] О Хитрово см. *ПХ*.

[2] О Ланжероне и Пушкине см. *П*, *ДП* и *ОП* III.

относительно общения Пушкина после лицея с Мартыновым, скромным чиновником, никаких сведений нет.

Энгельгардт — либо Егор Антонович, директор Царскосельского лицея при Пушкине, либо — приятель молодости Пушкина по кружку «Зеленая лампа» Василий Васильевич (1785—1837), отношения с которым Пушкин поддерживал и вернувшись из ссылки.

Плетнев — Петр Александрович (1792—1865), близкий друг Пушкина, постоянно ведавший изданиями сочинений поэта.

Молчанов — Петр Степанович (1772—1831), писатель, бывший статс-секретарь, когда-то видный государственный деятель, а в пору знакомства с Пушкиным слепой старик с большим запасом рассказов о слышанном, часть которых записана Вяземским в «Старой записной книжке», приятель Плетнева. Пушкин писал последнему по поводу смерти Молчанова 16 июля 1831 г. сердечные строки о «нашем добром и умном слепце».

Одоевский — кн. Владимир Федорович (1803—1869), писатель и музыкант, приятель Пушкина.

Титов — Владимир Павлович (1807—1891), сотрудник журнала «Московский вестник», в конце апреля-начале мая 1827 г.[1] переехавший в Петербург и поступивший на службу в азиатский департамент министерства иностранных дел. Титов жил у дяди своего, известного государственного деятеля Д.В.Дашкова, который хоть и был в это время (1829 г.) товарищем министра юстиции, но продолжал жить по старой своей должности товарища министра внутренних дел в доме этого министерства, куда Пушкин и адресует карточку.

Сохранилась визитная карточка Пушкина, воспроизведенная во «Временнике Пушкинского Дома», 1913, с. V.

64.

Талантл.<ивый> Сѣв<еринъ>
внукъ портнова и повара

Запись в тетради № 2382, л. 92 об. (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 110 об.). Написано очень мелко (и смазано) между строк чернового текста восьмого письма «Романа в письмах», содержащего в себе рассуждения Владимира об упадке древнего дворянства и возвышении новой аристократии. Судя по положению в тетради, «письмо» это написано в декабре[2] 1829 г., когда, надо думать, сделана и запись; содержание ее является конкретным примером выдвижения в чиновную аристократию человека «низкого» происхождения и имеет в виду Дмитрия Петровича Севери-

---

[1] Время переезда выясняется по письмам Одоевского и Титова к М.П.Погодину.

[2] По положению в тетради запись, как и восьмое письмо «Романа в письмах», датируется октябрем 1829 г. (см.: Левкович Я.Л. Рабочая тетрадь Пушкина № 841. (История заполнения). *ПИМ*, т. 12, с. 262) — *Ред.*

на (1791—1865), члена «Арзамаса», дипломата, бывшего поверенным в делах Швейцарии в 1827—1836 гг. Пушкин еще в 1823 г. написал на Северина эпиграмму «Жалоба», начинающуюся стихами: «Ваш дед портной, ваш дядя повар, А вы, вы модный господин...».

Впервые напечатано: *РП*, с. 327—328.

65.

Lieux ou finit l'Europe et commence l'Asie
17
4
[21
10
———
31]

Перевод:

Местности, где кончается Европа и начинается Азия.

Записи на л. 8 рукописи в восемь листов (в 4 д.л.) с черновыми и перебеленными текстами «Путешествия Онегина», датируемого 1829 г. (см.: *Рук. П* № 18, с. 12; совр. шифр — *ПД* № 945, л. 2 об.).

Впервые напечатано Л.Б.Модзалевским в *Рук. П*, с. 12.

Запись представляет собою второй стих девятой песни «Генриады» Вольтера.

66.

въ лиговомъ домѣ

Запись на первой странице рукописи в тринадцать листов (в 4 д.л.) статьи «Отрывок из литературных летописей», входящей в состав Майковского собрания автографов Пушкина (*ПД* № 303, л. 1; см.: *ПС* IV, 27, № 11, где и опубликована запись). Воспроизведена факсимильно в № 16—18 «Литературного наследства», с. 423.

Статья «Отрывок из литературных летописей» в указанной рукописи датирована: «27 марта 1829. Москва». На с. 1, кроме комментируемой записи, написано: «Предисловие», затем эпиграфы: «Sine ira et studio»[1] и «[tantaene animis irae. Virg.[2]]». Ниже

[1] Без гнева и пристрастия (*лат.*).

[2] «Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей. Вирг.<илий>» (*лат.*).

нарисован портрет кн. П.А.Вяземского, затем: «1829», и еще ниже — комментируемая запись, которую поэтому датируем этим годом.

Лиговка — улица в Петербурге. «Лигов дом» — очевидно, дом на улице Лиговке, но чей это адрес, сказать не можем.

67.

Сергѣй Сергѣ<евичъ>
Гагаринъ
у Б

Запись на обороте письма Ф.В.Булгарина к Пушкину от 18 февраля 1830 г. (*ПД* № 1693). См. *Акад.* XIV, с. 67. Кн. С.С.Гагарин (1795—1852) — в 1829—1833 гг. директор императорских театров. Запись, может быть, обозначает памятную запись о том, что кн. С.С.Гагарину нужно послать записку, о которой Пушкин писал кн. П.А.Вяземскому 14 марта 1830 г. См. *П* II, с. 76.

Впервые напечатано: *РП*, с. 329.

68.

Карандаши
полосканіе
щетки
духи

Запись в тетради № 2382, л. 64 об. (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 81 об.).

Впервые напечатано: *Я* XI, 369; в *РП* сказано, что определить, в каком году сделана эта запись, «не представляется возможным» (с. 350).

По положению в тетради, запись сделана в конце февраля-начале марта 1830 г., накануне поездки в Москву, и представляет собой перечень предметов, которые следовало купить перед поездкой.

69.

Захарово NB

Запись в тетради № 2371 (совр. шифр — *ПД* № 838), на внутренней стороне передней крышки переплета. Тетрадь эта заведена Пушкиным в мае 1827 г., но

пользовался ею поэт в 1827—1829 гг., а может быть, и в 1830 г. Помета, возможно, сделана в связи с поездкой в первой половине июля 1830 г. в Захарово, где поэт живал в детстве*.

Впервые напечатано: *РП*, с. 329.

70.

9 сентяб
Болдино
1830
Письмо отъ Nat.

Запись в тетради № 2379 (совр. шифр — *ПД* № 997, л. 6 об.). Дата окончания повести «Гробовщик» и получения письма от невесты, Н.Н.Гончаровой.

Это письмо, как и другие ее письма к Пушкину, неизвестно. О содержании данного письма можно судить по письму Пушкина к П.А.Плетневу от 9 сентября 1830 г.: «...невеста пуще цензора Щеглова язык и руки связывает <...> Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не раньше месяца...» (*Акад*. XIV, 112).

Напечатано впервые у *Я* XI, 339.

71.

А вотъ то будетъ
что и ничего не будетъ
Пословица Св. Игу

Запись в тетради № 2379 (совр. шифр — *ПД* № 997, л. 6 об.). Написано на той же странице, где окончание «Гробовщика», в другом направлении, сбоку.

Напечатано в неправильном чтении впервые у *Я* XI, 339. Якушкин не разобрал: «Св. Игу», что значит: «Святогорского игумена». По свидетельству А.Н.Вульфа, этот игумен Святогорского монастыря, Иона, которому было поручено наблюдение за Пушкиным во время его жизни в Михайловском, любил говорить пословицами и поговорками. Пушкин угощал Иону ромом и наливками и вывел его в лице Варлаама в «Борисе Годунове».

---

* Об этой поездке см. рассказ дочери Арины Родионовны в воспоминаниях Н.В.Берга (Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 40—43). — *Ред.*

72.

Письмо от. N. Кист. кр.
Пор.<учение>, pt. ка<рантины>

Запись на листе с черновым текстом последних строф восьмой главы «Евгения Онегина», датированных тут же: «Болдино. 1830, сент. 25, 3 1/4». Лист входит в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 167, л. 2 об.; см. *ПС* IV, 11, № 37 г).

На это письмо невесты Пушкин, очевидно, отвечал 30 сентября 1830 г. (*Акад.* XIV, 114—115).

Следующая запись не очень понятна. Возможно, что запись о кистеневких крестьянах связана со следующим эпизодом деревенской жизни Пушкина, о котором он 29 сентября писал Плетневу: «...я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка» (*Акад.* XIV, 113). Известно, что во время пребывания в Болдине Пушкин получил от Лукояновского предводителя дворянства В.В.Ульянина какое-то поручение, связанное с надзором над карантинными заставами (см.: *РА* 1874. Кн. 1, с. 799—800). Возможно, что начатые в этой записи слова и означают «поручение» и «карантины», а pt. — ужатое французское слово pest (т.е. чума). Отметим, что Пушкин в письмах к невесте называет холеру чумой: «Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров» (письмо от 30 сентября 1830 г.; подлинник по франц.; *Акад.* XIV, с. 114, 416). См. также письмо, отправленное Н.Н.Гончаровой около (не позднее) 29 октября 1830 г.

73.

17 окт. <1830> Проз. <?> разб. ст.

Помета в верхнем левом углу на рукописи стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят» (*ПД* № 917). По расположению (в верхнем левом углу, близко к краю листа) видно, что она записана после того, как лист с начальными строфами стихотворения был уже заполнен.

Впервые напечатана П.В.Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» (СПб., 1855, с. 310) в следующем виде: «Передъ раз. ст.». Анненков считал, что ее можно читать как «перед разбитой статуей». Чтение Анненкова (не раскрывая последних двух аббревиатур) повторил Якушкин (см.: *Я* X, с. 82). Т.Г.Цявловская прочитала эту запись так: «предч. разб. ст.» (*Акад.* III, с. 857), не раскрывая ее смысла.

Попытки раскрыть смысл записи принадлежат У.Викери и Р.Е.Теребениной. Викери, связывая запись с текстом стихотворения, расшифровывает ее: «предчувствует (ся) разбитие столицы» (Викери У. Загадочная помета Пушкина. *ВПК*, 1977. Л., 1980, с. 91—93). Ему возразила Теребенина. Согласившись, что первая аббревиатура

означает «предчувствие», она предложила как возможные две следующие расшифровки: «разбор статей» и «разбитое стекло (ставни, столб и др.)». Она же отмечает, что «осенью 1830 г. Пушкин написал много полемических статей — опровержений на критики...» Однако некие разбитые предметы кажутся ей более сопоставимыми со словом «предчувствие» (Теребенина Р.Е. Пометы Пушкина на рукописях. *ВПК*, 1977. Л., 1980, с. 95—101). Отметим, что если бы речь шла о предметах из стекла, Пушкин обозначил бы сами предметы, а не материал, из которого они сделаны, т.е. написал бы: лампа, окно, зеркало и т.д. Таким образом, «разбитое стекло» скорее всего отпадает. В то же время со словами «разбор статей» слово «предчувствие» никак не вяжется. Правда, можно в середине фразы поставить точку, не связывая предчувствие с критическими статьями. Тогда запись может выражать внутреннее состояние поэта в Болдине и замысел опровержений на критики, который он уже начал осуществлять в начале октября 1830 г. Дата «2 октября» стоит в конце предисловия к «Опровержению» (см.: Краснобородько Т.И. Болдинские полемические заметки Пушкина: Из наблюдений над рукописью. *ПИМ*, Л., 1990, т. XIX, с. 168). Первое слово, сильно ужатое, можно прочитать и как «проз<а-и>ч<еский> разбор статей» — тогда речь пойдет о критике, написанной прозой. Как могла возникнуть такая запись? 9 октября Пушкин закончил «Домик в Коломне». В первоначальном черновом автографе, написанном еще в 1829 г., были октавы, являвшиеся непосредственным откликом на первый резкий выпад критики конца 20-х гг. по его адресу. В отброшенных строках есть такие:

Пока серьезно требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой или на бегство персиян,
А русские Камиллы, Аннибалы
Вперед идут.

Этот текст был оставлен и в «беловом автографе с поправками», как определяется единственный автограф поэмы: упреков в адрес критики уже нет, но в первых октавах упоминается сражавшийся в Персии Ширванский полк («Видали ль в Персии Ширванский полк?»). Эти октавы в окончательном тексте поэмы тоже были отброшены, и стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят», таким образом, является первым откликом поэта на «победы россиян». Отброшенное начало, состоящее из девяти строф и датированное самим Пушкиным «5 окт<ября>«, по предположению С.А.Фомичева, «еще не предполагало поэмного развития» (Фомичев С.А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986, с. 206). Оторвав его от будущей поэмы, Пушкин снял и тему войны, и военных «хрипунов», и побед Ширванского полка. Возможно, именно после этого он и стал дорабатывать начатое еще в 1829 г. стихотворение. 17 октября может означать одновременно и дату, когда стихотворение было закончено, и воспоминание о начатой ранее стихотворной полемике, которая теперь в Болдине заменилась серией полемических заметок. Одна из заметок «Опровержения на критики» начинается воспоминанием об Арзрумской поездке: «Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю**..... Юсупову. В свете оно тотчас было замечено и..... были мною недовольны» (*Акад*. XI, 153). Стихотворение

«Стамбул гяуры нынче славят» явилось свидетельством несправедливости обвинений в отсутствии патриотизма, а помета на нем зафиксировала работу над «опровержением» на критики. Как бы ни читать первую аббревиатуру — «предчувствие» или «прозаический» — обе они не вызывают сомнений, что 17 сентября 1830 г. Пушкин зафиксировал работу над «опровержением», которое год тому назад намеревался дать в стихах, а теперь — в серии прозаических заметок.

74.

19 окт.
сожж. X пѣснь

Запись в тетради № 2379 (совр. шифр — *ПД* № 996, л. 12 об.), на полях текста конца «Метели», датированной: «20 окт.». См.: «Литературное наследство», № 16—18, с. 415. Год записи — 1830.

Напечатано впервые у *Я* XI, 339, с датой: «19 окт.». В *РП*, 331 и первом издании *М. акад.* (1949) с датой «18 октября»; в следующих изданиях *М. акад.* — «19 октября».

Запись говорит о сожжении десятой главы «Евгения Онегина», от которой сохранились лишь первые четверостишия четырнадцати строф и черновые тексты трех строф. (См.: Морозов П.О. Шифрованное стихотворение Пушкина. *ПС* XIII, 1—12, *КН* IV, 222—224, и статью С.Я.Гессена «Источники десятой главы "Евгения Онегина"» в сборнике «Декабристы и их время», т. II, с. 130—160.)

75.

Драмматическія
Сцены
1830

Драмматическіе
очерки
Драмматическія
изученія
Опытъ
драмматическихъ
изученій.

Запись в тетради № 2376 А, л. 6 (совр. шифр — *ПД* № 1621, л. 1). На первой странице писчего листа, кроме этих записей, только рисунки: рыцарь в латах,

голова старика, этюды дерева, листвы. Вторая и третья страницы чистые, а на четвертой список № 6. Вероятно, это обложка от рукописи или рукописей «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя» и «Пира во время чумы». Сделана она, вероятно, в ноябре 1830 г., когда были написаны все перечисленные трагедии.

Напечатана впервые у *А* I, в приложениях (факсимиле), затем у *Я* X, 76.

76.

Разумовскій, Никита Панинъ, conspirateurs.
Mr Dachkof embas. à Const. Epris de Catherine
Pierre III jaloux d'Elis. Wor.

(M[de] Щербин)

Перевод:

<Разумовский, Никита Панин>, заговорщики. Г.Дашков, посол в Константинополе. Влюблен в Екатерину. Петр III ревнует к Елизавете Воронцовой.

(Г-жа Щербинина)

Текст написан на узком листке бумаги, отрезанном от листа in f°. На бумаге водяной знак: «А Г», и жандармская помета: «75». Бумага фабрики Гончаровых, употреблявшаяся Пушкиным в 1830-х годах.

Автограф хранится в *ПД* № 314, куда он поступил от Л.Б.Бертенсона, получившего его в подарок от А.Ф.Онегина. Под записью в скобках стоит помета: «M-de Щербин»; помету эту нужно понимать в том смысле, что Пушкин слышал записанное от г-жи Щербининой (ср. пометы при записях анекдотов в «Table-talk»). По-видимому, это была Анастасия Михайловна Щербинина (1760—19 июля 1831), вдова бригадира, дочь известной кн. Е.Р.Дашковой. Таким образом рассказывала она о своем отце и о тетке. О знакомстве Пушкина с некой Щербининой было известно. А.И.Кошелев писал из Москвы кн. В.Ф.Одоевскому 21 февраля 1831 года: «Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина...». Публиковавший это письмо (в *РС* 1904, IV, 206) И.А.Бычков высказал предположение, что это — Настасья Михайловна Щербинина. Н.П.Чулков в своей работе «Пушкин-москвич» (в кн.: Пушкин в Москве. М., 1930, с. 78) убедительно доказывает, что бал 20 февраля 1831 г. происходил именно у Анастасии Михайловны Щербининой. Так как она умерла летом 1831 г., то Пушкин слыхал ее рассказы не позднее этого времени, почему и запись датируем предположительно первой половиной 1831 г.

Запись Пушкина конспективно передает рассказ А.М.Щербининой о заговоре 1762 г. против Петра III, возведшем на престол Екатерину II. Щербинина рассказывала Пушкину, конечно, со слов своей матери. Последняя в своих известных записках не говорит о том, что муж ее, кн. Михаил Иванович Дашков, был влюблен

в Екатерину и что Петр III ревновал свою фаворитку, сестру кн. Е.Р.Дашковой, гр. Е.Р.Воронцову. Но обо всем остальном, записанном Пушкиным, находим у Дашковой подробные сведения. Не желая подвергать опасности своего мужа в случае неудачи переворота, душой которого, по словам Е.Р.Дашковой, была она, Екатерина Романовна через свою сестру Елизавету (1739—1792) устроила в феврале 1762 г. назначение своего мужа послом в Константинополь (Записки кн. Дашковой. СПб., 1907, с. 33—34). О том, как Дашкова вовлекала в заговор гетмана Малороссии гр. Кирилла Григорьевича Разумовского (1728—1803), командовавшего л.-гв. Измайловским полком, она рассказывает в своих «Записках» же (с. 39). Там же (с. 42—44) рассказывается об участии в заговоре Никиты Ивановича Панина, бывшего с 1760 г. воспитателем вел. кн. Павла Петровича. О близости Петра III с гр. Ел.Р.Воронцовой рассказывала Пушкину и Загряжская. См. «Table-talk».

77.

4 [Онъ мнѣ даетъ]
5
Ф 4
Ф. 5
5 [3 Фиг
7 Фиг.
9 1 [Я даю] 4
8 Ф 4 [Ему пят] 5 9
—— [9] 7 Ф.
Ф.] 9 6
9 8
[8] 4 [4]
6
[9] [4
2 5
3 Ф
—— Ф.
9 5
5 7
7 9
8]

Запись на листке в 4 д.л. бумаги с водяным знаком «А... Г... 30», входящем в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 269, л. 1 об.) (см. *ПС* IV, 23, № 5).

На листке с записью — один из «планов» «Романа на Кавказских водах», датируемых Н.В.Измайловым сентябрем 1831 г. — см. *ПС* XXXVII, 71, где первый раз напечатана (не полностью) и комментируемая запись (с. 74), о которой Н.В.Измайлов заметил, что ее «смысл неясен (быть может, карточные расчеты?)».

Последнее предположение нам представляется несомненным. Запись представляет собою расчеты игры в карты вдвоем в штос, о чем говорят слова: «он мне дает» и «я даю». «Фиг.» и «Ф.» означают карты с «фигурами», то есть «король», «дама», «валет». Цифры «4», «5», «7», «8», «9» означают карты «четверка», «пятерка» и т.д.

Запись сделана, вероятно, одновременно с «планами» «Романа на Кавказских водах», то есть в сентябре 1831 г.

78.

у Знаменскаго моста въ домѣ купца Гусева Столяръ Бѣляевъ —

Запись в тетради № 2377 А, л. 39 об. (совр. шифр — *ПД* № 946, л. 2 об.). Написано карандашом на обороте листа, на котором текст стихотворения: «Чем чаще празднует лицей», датированного тут же: «19 окт. 1831». Адрес написан, вероятно, вскоре после 19 октября 1831 г. 22 октября Пушкин с женой, поселившиеся было по приезде из Царского Села в Петербург в доме Берникова на Вознесенском проспекте, переехали на новую квартиру, в дом Брискорн на Галерной.

Напечатано впервые у *Я* X, 87.

79.

Ф. В. похвал<ил>ъ вашего сына

Запись карандашом на четвертой странице письма (в конце его) П.А.Осиповой к Пушкину от 25 января 1832 г., хранящегося в собрании Шляпкина (*ПД* № 775; см. *Ш*, 158—159).

Впервые напечатано: *РП*, с. 334.

Первые буквы означают имя и отчество Булгарина — Фаддей Венедиктович. Возможно, Пушкин пометил похвалу Булгарина, чтобы не забыть упомянуть о ней в ответном письме к Осиповой.

Сын Осиповой — Вульф Алексей Николаевич (1805—1881).

80.

Полу. Понѣд.

Помета карандашом вверху первой страницы письма А.Рахманова к Пушкину от 10 апреля 1832 г., хранящегося в собрании Шляпкина (*ПД* № 776; см. *Ш*, 167, где первый раз напечатано).

Запись, очевидно, означает: «Получено понедельник». Письмо от 10 апреля из Москвы было получено в понедельник 18 апреля.

81.

8 Ноя<бря>
1832
Крест. В.К.
2 часа — $^1/_2$

Запись находится в рукописи «Дубровского» в *ЛБ* (№ 2380, I, л. 42; совр. шифр — *ПД* № 1011, л. 7). Она сделана под концовкой, заключающей описание пожара, которым Пушкин, по-видимому, предполагал завершить шестую главу романа.

Впервые опубликовано (с ошибкой в чтении) у *Я* XI, 344. Правильное чтение дано в статье Д.П.Якубовича «Работа Пушкина над прозой» (в сборнике «Работа классиков над прозой», Л., 1929, с. 17). Раскрытие записи как «Крестины Великого Князя» сделано им же в заметке «Дубровский» (*КН* VI, 132).

8 ноября 1832 г. были крестины сына Николая I, вел. кн. Михаила Николаевича (род. 13 октября 1832 — ум. в 1909), о чем читаем в «Северной пчеле» от 9 января (№ 262), где между прочим час крещения не обозначен.

Пушкинская запись свидетельствует о том, что еще в ноябре 1832 г., то есть за год до камер-юнкерства, Пушкин в какой-то мере должен был принимать участие в придворной жизни. Запись эта с обозначением часа, конечно, напоминательная, и сказать, был ли Пушкин на крестинах или только собирался, не представляется возможным.

82.

Полк. Kazн въ Фонар
переу — 46 №

Запись карандашом на л. 90 в тетради в *ПБЛ* (совр. шифр — *ПД* № 840, л. 90). См. *Рук. П*, № 43, с. 25, где Л.Б.Модзалевский единственный раз напечатал текст записи, которую, судя по положению в тетради, можно предположительно датировать 1832 г.

Фонарный переулок — в Петербурге.

Полк. Казн — полковник Казначеев. Пушкин, возможно, имеет в виду Александра Ивановича Казначеева (1788—1880), в 1823—1827 гг. бывшего правителем канцелярии гр. М.С.Воронцова в Одессе, где с ним был близко знаком Пушкин. Хотя полковником Казначеев был с 1818 по 1824 г., когда (17 января) был произведен в действительные статские советники, но Пушкин мог по старой памяти называть его этим чином. В 20-х и 30-х гг. в Петербурге Казначеев подолгу не жил, и записанный Пушкиным адрес — вероятно, местопребывание Казначеева во время одного из его приездов в столицу. Об отношениях Пушкина к А.И.Казначееву см. *П*, по указателю.

83.

Сдвиженка собств. д.

Запись на л. 29 об. в тетради № 2386 Б, хранящейся в *ЛБ* (совр. шифр — *ПД* № 1640, л. 5 об.). Датируется 1832 г.

Чей-то московский адрес: «Сдвиженка» (в просторечии) — Воздвиженка.

Впервые напечатано: *РП*, с. 336.

84.

Его Сіятельству
Милостивому Государю
Князю Петру Михайловичу
Волконскому
отъ Н.Н.Пушкиной.

Написано рукой Пушкина на обороте второго листка письма Н.Н.Пушкиной от 18 февраля 1833 г., по делу о продаже в казну статуи Екатерины II. Письмо это, запечатанное перстнем-талисманом, находится в деле «О бронзовой колоссальной статуе Екатерины II, предлагаемой к покупке писателем А.Пушкиным», в архиве министерства императорского двора. Теперь это дело хранится в *ПД* № 337, л. 11 об.

Впервые напечатано Н.О.Лернером в *РС* 1913, № 12, с. 512. По весьма вероятному предположению Н.О.Лернера, Пушкин, не будучи в хороших отношениях с ми-

нистром двора кн. П.М.Волконским, не хотел сам обращаться к нему с просьбой и продиктовал жене письмо от ее имени. Тем не менее просьба была отклонена.

85.

5[1] августа 1833. Черн. рѣчк<а>

в.<стреча> с.<ело> ц.<арское> Schw.<anwicz>

Эта помета сделана под перебеленным текстом с поправками предисловия «Капитанской дочки». Рукопись Онегинского собрания, хранящаяся в *ПД* № 257, л. 1 об. См. *ПС* XII, с. 23, № 1.

Напечатано впервые М.Л.Гофманом в *НП*, 165, в другом чтении — Якубовичем в статье «Работа Пушкина над художественной прозой» (в сб.: Работа классиков над прозой. Л., 1929, с. 18). На Черной Речке жил Пушкин с семьей на даче летом 1833 г.

В *РП* комментарий заканчивается фразой: «Смысл второй строчки остается непонятным» (*РП*, с. 338). Однако последнее слово читается как «Schw<anwicz>», т.е. имеется в виду прототип Швабрина из «Капитанской дочки» — Шванвич. История Шванвича, по словам Томашевского, была «зерном замысла» романа (*М. акад*.., т. 6, с. 781). Сам Пушкин на вопрос цензора П.Корсакова, не лежат ли в основе романа реальные факты, отвечал: «Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги» (письмо от 25 октября 1836 г.; *Акад*., XVI, 177).

Об отце пугачевца Михаила Шванвича Александре, «кронштадском коменданте, разрубившем некогда в трактирной ссоре щеку Алексея Орлова (Чесменского)» Пушкин рассказал в «Замечаниях о бунте» (*Акад*. IX, 374). Здесь же он отметил и мягкость приговора Михаилу Шванвичу, который в отличие от других, примкнувших к Пугачеву офицеров, не был прогнан сквозь строй или наказан батогами, а «только ошельмован преломлением над головой шпаги» (там же). «Броситься в ноги» императрице можно было легче всего в Царском Селе, где она прогуливалась пешком. В измененном виде встреча в Царском Селе уже не отца, а невесты — Маши Мироновой с императрицей вошла в «Капитанскую дочку».

86.

Пуг<ачевъ> повѣсилъ Академика
Ловица въ Камышинѣ

---

[1] *Исправлено из* 4.

Иноходцевъ убѣжалъ

———

Оцюшъ кайбасъ, богъ
Панинъ домъ Пустынникова
Смышляевка

Записи №№ 84—90 сделаны на лл.: 1, 2 об., 3, 4 об., 5, 6, 7 об. в записной тетради из бумажника в зеленой бумажной обложке в малую 8 д.л. (*ПД* № 840)

Все записи писаны карандашом, во время поездки Пушкина в Оренбургскую губернию в сентябре 1833 г. (см.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893; опись бумаг А.А.Краевского, составленную И.А.Бычковым, с. 37—38, и *Рук. П*, № 44, с. 26—27).

Записи на л. 1. Первая запись впервые напечатана П.О.Морозовым в *М*[2] VII, 278, а вторая — Л.Б.Модзалевским в *Рук. П*, 26.

Первая запись сделана, вероятно, при обратном пути (с 20 сентября) из Оренбурга через Уральск, Саратов и Пензу в Болдино.

Камышин — уездный город Саратовской губ., на Волге, к югу от Саратова. Рассказ о смерти Ловица Пушкин поместил в VIII главу «Истории Пугачевского бунта». Давыд Егорович *Ловиц* (р. в 1722 г. — повешен пугачевцами 13 августа 1774 г.) — профессор астрономии, член Петербургской Академии наук с 1768 г. На Волге был в служебной командировке для астрономических наблюдений.

Петр Борисович *Иноходцев* (1742—1806) — адъюнкт по астрономии Академии наук (с 1768 г.), тоже был в научной командировке.

Во второй записи: *оцюш, кайбас* — непонятно.

Панин — гр. Петр Иванович Панин (1721—1789), в 1774 г. начальствовавший всеми войсками против Пугачева. Запись Пушкина, сделанная им, вероятно, при проезде из Самары в Оренбург, числа 16 сентября, говорит о том, что Панин в селе Смышляевке (в 20 верстах к северо-востоку от Самары) останавливался в доме Пустынникова. Эту запись Пушкин в «Истории Пугачевского бунта» не использовал.

87.

Въ Бердѣ Пуг.<ачевъ> жилъ
въ домѣ [Карпа] Кондр.
Ситникова
въ Озерной у Поле
жаева
Харл.<ова> разстрѣлена.

Л. 2 об. Впервые напечатано Морозовым в *М*[2] VII, 278, лучше и полнее Л.Б.Модзалевским в *Рук. П*, 27. Запись сделана в Бердах, слободе близ Оренбурга, куда Пушкин с Далем ездил 19 сентября. Здесь Пушкин слушал рассказы о Пугачеве семидесятилетней казачки Бунтовой, о которой писал жене 2 октября. Рассказ старухи о расстреле жены коменданта Нижне-Озерной крепости Харловой Пушкин ввел в III главу «Истории Пугачевского бунта», оставив неиспользованными указания, у кого и где жил Пугачев. Бунтову (не называя ее имени) Пушкин упомянул в последнем примечании к IV главе «Истории». Описание «дворца» Пугачева в Бердах в главе «Мятежная слобода» в «Капитанской дочке» сделано со слов Бунтовой же. О рассказах ее Пушкину см. в воспоминаниях В.И.Даля о Пушкине в кн.: Майков Л.Н. Пушкин. СПб., 1899; с. 417. См. еще там же, с. 427—429. Ср.: Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 223.

88.

Благородное собранiе
въ Каз<ани>
въ Саратовѣ бедн *нрзбр.*

Лаишевъ городъ
въ шлафоркѣ
Бизяновъ Ур<альскiй?> Полк<овникъ>

Л. 3. Первый раз напечатано Л.Б.Модзалевским в *Рук. П*, 27; затем: *РП*, с. 339.

Первая запись, очевидно, имеет в виду здания «Благородного собрания» в Казани и Саратове.

Значение третьей записи объяснить не можем.

Вторая запись о Лаишеве точно бы говорит о том, что Пушкин был в этом городе. Обычный путь из Казани, откуда поэт выехал 8 сентября, в Симбирск шел на Сеитову, Бурундуки, Сибирчи, Буинск, Елшанку и Шумовку (201 верста). Путь же на Лаишев, Спаск, Тетюши и Буинск был верст на 68 длиннее, нужно было переправляться два раза через Волгу и верст 35 сделать проселком. Подтверждением того, что Пушкин был в Лаишеве, может служить статья О.П.Суворова «Пушкин в Лаишеве» («Московские ведомости», 1901, № 323), где передается местное предание о пребывании поэта в этом городе.

Запись Пушкина, очевидно, говорит о впечатлении сугубой провинциальности, неблагоустроенности, которое произвел город на Пушкина.

89.

Чугуны — Курм.[1]
Васильс<урскъ> — пред<аніе> о Пуг<ачевѣ>
Онъ въ Курмышѣ повѣсилъ
пол<ковника> Юрлова за смѣлость
его обличенія — и мертваго
сѣкли нагайками — жена
его спасена его крестьянами.
Сл<ышалъ> отъ старухи, сестры ея —
жив<ущей> милостынею

Пуг.<ачевъ> шелъ мимо копны
сѣна — собачка бросилась на
него — Онъ велѣлъ разбросать сѣно
нашли двухъ барышенъ коихъ
подумавъ, велѣлъ повѣсить.
Слышалъ отъ смотрителя — за

Л. 4 об. Первый раз напечатана лишь первая запись (не полностью) Морозовым в *M^2* VII, 279, обе записи: *РП*, с. 340.

Чугуны — почтовая станция между Нижним Новгородом и Казанью.

Курмыш — уездный город Симбирской губ., на левом берегу Суры. В нем Пушкин, вероятно, не был.

Васильсурск — уездный город Нижегородской губ., на правом берегу Волги и левом берегу Суры, при впадении ее в Волгу. Пушкин по дороге из Нижнего Новгорода в Казань проезжал мимо Васильсурска (в нем почтовой станции не было).

Предание о смерти Юрлова (он в «Истории Пугачевского бунта» назван майором) Пушкин ввел в VII главу своей «Истории»: «20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру... Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми».

Вторая запись Пушкиным нигде не использована.

---

[1] *Чтение предположительное.*

90.

Вас.<илій> Плотниковъ Пуг.<ачевъ>
у него работникомъ

Л. 5. Написана верхом вниз по отношению к большинству записей. Первый раз напечатана Л.Б.Модзалевским в *Рук. П*, 28.

Василий Плотников — яицкий казак, был в числе тех пяти сообщников Пугачева, которым был вынесен приговор: «высечь кнутом, поставить знаки и, вырвав ноздри, сослать на каторгу» (см. второй том «Истории Пугачевского бунта» Пушкина, раздел первый, № 10, «Манифест 18 декабря 1774 г. о преступлениях казака Пугачева»).

91.

Нынче калмыки такъ
обрусѣли, что готовы съ
живого шкуру содрать
Слова Мордвина 16 сент.

долгая молитва широкій кресть
хорошаго не лизать, дурнова не тѣсать

Л. 7 об. Написано верхом вниз по отношению к большинству записей[1].

Впервые напечатано И.А.Бычковым в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб., 1893, приложение, с. 38, и перепечатано у E^4 VI, 277, прим.; Морозовым в M^2 VII, 278 перепечатаны только слова Мордвина. Ср. *Рук. П*, с. 27.

Запись сделана, вероятно, в Самаре, где Пушкин должен был быть 16 сентября.

---

[1] Вслед за этой записью на л. 6 имеется запись: «Карницкій Ил. части». Запись сделана рукой, по-видимому, малограмотного старика, очевидно казака Илецкой части. Вероятно, Пушкину захотелось иметь на память автограф, может быть, свидетеля пугачевщины. Напечатано в *Рук. П*, *27*.

92.

отъ	Пензы до Арз.<амаса>	285
	Починокъ ———	106
		179

Л. 7 об. Впервые напечатано: *РП*, с. 342. Ср. *Рук. П*, 27.

Запись сделана, вероятно, в Пензе 27 или 28 сентября 1833 г.

В письме к жене из Оренбурга от 19 сентября 1833 г. Пушкин писал: «Завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три — и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу». Непонятно, почему Пушкин решил ехать таким кружным путем. Из Уральска на Умет Переметный, Овсяной Гай, вдоль Б. Иргиза в Красный Яр и вдоль Волги в Саратов, а оттуда в Пензу, затем в Карсунь, Языково, Абрамово и Болдино 1072 версты, тогда как из Уральска на Умет Переметный, Овсяной Гай, Сызрань, Симбирск, Языково, Абрамово и Болдино лишь 690 верст. Но на то, что он ехал именно этим путем, указывает комментируемая запись.

Приехав в Пензу, Пушкин стал раздумывать, по какой дороге ему ехать. Эти колебания и отражает запись. Прямая дорога от Пензы в Болдино шла на Арзамас[1] до Починок, откуда проселком до Болдина. Всего по этому пути было верст 229. Но Пушкин хотел побывать у Языковых в их имении Языково (Карсунского уезда, Симбирской губернии, в версте от почтовой станции Карлинской на большой дороге Симбирск — Карсунь), а потому решил ехать в Болдино кружным путем: из Пензы на Карсунь до Карлинской, откуда в Языково, из Языкова через Карлинскую до Абрамова, откуда проселком в Болдино. По этому пути нужно было сделать 358,5 верст.

93.

Ив<ан>
Ф<едор>
Год.<уновъ>
В.<асилій Шуйскій>
М.<ихаилъ>

Запись в тетради № 2375, л. 16 (совр. шифр — *ПД* № 957), на полях черновика стихов «Один из них был четвертован...» из «Родословной моего героя». Этот лист был вырван Пушкиным из тетради № 2374 (совр. шифр — *ПД* № 845), а жандармами был вшит в составленную ими из разных листов тетрадь № 2375.

Впервые напечатано: *РП*, с. 342.

---

[1] По «Почтовому дорожнику» 1824 г. от Пензы до Арзамаса несколько меньше верст (280,5), чем записал Пушкин (285).

94.

9 дек. 1833. С.П.б. 7½ вечера

Запись на л. 59 тетради № 2365 (совр. шифр — *ПД* № 831).

Впервые: Пушкин А.С. Дневники. Записки. Издание подготовила Я.Л.Левкович. СПб., 1995, с. 51.

Судя по точно указанному времени, это запись для памяти. «С.П.» — очевидно, инициалы неизвестного нам лица, к кому Пушкин был приглашен на бал (буква «б» может означать «бал» или «быть»). Буквами С.П.б. Пушкин иногда обозначает Санкт-Петербург. Но тогда за буквами следует конкретный адрес. В этой записи адреса нет — это исключает связь букв с названием города.

95.

Отцу
Сестрѣ
Рае<вскому>
Вяз<емскому>
Дм<итріеву>
Елизѣ
мнѣ
Погд.
Пол.

Написано на обороте листка в 8 д.л., на лицевой стороне которого письмо Н.М.Смирнова к Пушкину, датируемое мартом — августом 1832 г.

На оборотной стороне, кроме перечня лиц, имеется набросок заметки о Моцарте и Сальери, датируемый 1833 г.

Листок входит в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 323, л. 1 об.; см. *ПС* IV, 24, № 7).

Впервые напечатано: *РП*, с. 344.

В описании рукописи В.И.Срезневский высказал предположение, что эта запись является перечнем писем, что неправдоподобно, так как в списке стоит: «мне». На основании этого слова в списке нужно видеть перечень лиц, которым предназначались экземпляры какой-то книги Пушкина. Так как список можно датировать 1832—1833 гг., то этой книгой могла быть или третья часть «Стихотворений», вышедшая в свет в последних числах марта 1832 г., или «Евгений Онегин», вышедший в свет в марте 1833 г.

Рае — приятелю Пушкина Н.Н.Раевскому-младшему.

Дм — Дмитриеву Ивану Ивановичу.

Елизе — Елизавете Михайловне Хитрово.
Погд. — Михаилу Петровичу Погодину.
Пол. — Сергею Дмитриевичу Полторацкому.

96.

А.Ваттемару

Votre nom est Legion
car vous êtes plusieurs
16 juin v. st.
1834
St Petersbourg
A.Pouchkine

Перевод:

Имя ваше — легион, так как вас несколько.
16 июня ст<арого> ст<иля> 1834. С.-Петербург.
А.Пушкин.

Печатается по автографу из альбома А.Ваттемара (*ПД* № 779) (собрание Э.П. Юргенсона); где находится самый альбом, неизвестно.

Текст впервые опубликован в «Русской художественной газете» Н.В.Кукольника, 1837 г., I, с. 233, в большой статье о Ваттемаре, а затем в заметке Н.К.Богушевского в *PC* 1880, № 9, с. 221, в статье М.Пыляева «Былые оригиналы» в «Новом времени», 1896, № 7397; вошло в *Е*[4], т. VII, с. 547, в *АП* III, 129 (по ошибке) и в другие издания (см. *ПГ*, т. V, кн. 2, с. 910). Факсимиле записи впервые опубликовано в «Album cosmopolite, seconde édition choix de sujets, paysages, scènes et moeurs, marines etc... extraits des collections de M.Alexandre Vattemare», Paris, 1848, и затем в «Столице и усадьбе» от 15 сентября 1915 г., № 42, с. 3 и 4. См. также в издании «Пушкин. 1834 год». Л., 1934, с. 147.

Александр Ваттемар (Vattemare) — знаменитый в свое время французский драматический артист, трансформатор, чревовещатель и мимик, пользовавшийся большой известностью в Европе; в России он выступал в 1832 г. и вскоре по приезде, вероятно в 1834 г., познакомился с Пушкиным. 29 мая 1834 г. Пушкин писал жене: «К нам в П.Б. приехал ventriloque[1], который смешил меня до слез; мне право жаль, что ты его не услышишь» (*АП*, III, 120). Рассказ о посещении Ваттемаром Пушкина записан со слов С.Н.Гончарова и напечатан в *PC* 1880, № 5, с. 94—96. Посещение это поставлено в связь с письмом

[1] Чревовещатель.

Пушкина к М.Н.Загоскину от 9 июля 1834 г. (см. *АП*, III, 150), в котором поэт просил М.Н.Загоскина оказать содействие Ваттемару в Москве, куда последний собирался ехать для дачи своих представлений (об этом письме Пушкина см. в книге «Lettres autographes composant la collection de M. Alfred Bovet, décrites par Etienne Charavay», Paris, 1885, p. 484 (№ 1323), где Загоскин по ошибке назван «Logostine»). Сохранилось и письмо Пушкина к А.Ваттемару (бывшее в собрании И.И.Куриса и ныне хранящееся в *ПД* № 610) следующего содержания: «Monsieur, La réponse de M-r Zagoskine ne m'est pas encore parvenue; Des que j'aurai reçu sa lettre, j'aurai l'honneur de vous la transmettre» (*АП*, III, 155). Существует указание С.Н.Гончарова о том, что Пушкин написал стихи о Ваттемаре, но эти стихи неизвестны (см. *РС* 1880, № 5, с. 95—96; *РА* 1902, I, с. 285, прим., и *РА* 1904, I, с. 71, прим.). О представлениях Ваттемара см. отзыв А.В.Никитенко в его «Дневнике» под 10 июня 1834 г. (СПб., 1905, I, 245) и отзыв И.И.Козлова в его дневнике (*СН*, XI, 53 и «Известия Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии наук», 1906, т. XI, кн. 1, с. 219). И.И.Козлов посвятил А.Ваттемару стихотворение «К господину Александру», начинающееся: «Весь мир дивит твой дар чудесный...» (см. в статье К.Я.Грота в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии наук», 1904, т. XI, кн. 2, с. 80—81, где оно ошибочно отнесено к А.С.Пушкину; поправка отмечена ibid. 1906, т. XI, кн. 1, с. 218—220, а также в статье Н.М.Данилова, ibid. 1915, т. XX, кн. 2, с. 99—100). Сохранилось также письмо А.Ваттемара к В.А.Жуковскому (см. M.Hofmann, «Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris». 1926, Paris, Champion, p. 79). Сводку сведений о Ваттемаре и о его коллекции автографов, сделанную М.П.Алексеевым, см. в *ОП* II, 46. Ср. в статье Е.П.Казанович в «Звеньях», в. 3—4, с. 196, 197, 200.

Текст записи Пушкина представляет собою перифразу ответа бесноватого Иисусу Христу («Легион — имя мне, потому что нас много», Евангелие от Марка, V, 9) и объясняется тем, что Ваттемар был чревовещатель.

97.

Багрѣев<а>
Энгельг<ардтъ>

Запись карандашом на листке (без водяного знака) с первым наброском стихотворения «Он между нами жил»: «Не гость, не любопытный странник», хранящемся в *ПД* № 200, л. 1.

Датируется августом 1834 г., по соседству с стихотворением.

Багрѣев<а> — вероятно, Елизавета Михайловна Фролова-Багреева (1799—1857), дочь гр. М.М.Сперанского, в 1822 г. вышедшая замуж за Александра Алексеевича Фролова-Багреева, в 1826—1833 гг. бывшего управляющим Государственным

заемным банком. В ее салоне бывали Карамзин, Пушкин, Вяземский, Мицкевич, Брюллов, А.И.Тургенев. В письме к невесте от 30 июля 1830 г. Пушкин писал: «Вчера m-me Багреева, дочь Сперанского, присылала за мной, чтоб вымыть мне голову за то, что я не исполнил формальностей, но в самом деле, у меня не хватает сил. Я мало езжу в свет» (см. *П* II, 101). О Е.М.Фроловой-Багреевой см. там же, с. 453—454.

Энгельг<ардтъ> — скорее всего, Василий Васильевич (1785—1837), хозяин гостиницы на Невском проспекте. 3 мая 1834 г. Пушкин выдал ему вексель «за первый номер» в гостинице, в которой жил брат поэта. Возможно, какие-то расчеты с долгами Льва Сергеевича Энгельгардту велись и позднее.

98.

Бѣлый ж<илетъ?>
нрзбр
нрзбр
фракъ съ перч<атками>
шляпу
нрзбр
брю<? ки?>
бѣлый галстукъ
съ пряж<ками?>
безъ б
черн
два бѣл. галст.

Список находится в тетради № 2386 Б, л. 13, сшитой жандармами из отдельных листов (совр. шифр — *ПД* № 1037, л. 3). Бумага листа, на котором список, с клеймом: «1834 г.». Поэтому список составлен не ранее этого года. Точнее определить время составления списка затруднительно.

Впервые напечатано: *Рук. П*, с. 345. У *Я* XII, 537 сказано лишь: «какая-то запись покупок или домашних вещей».

99.

12 may 1835

Надпись карандашом на обороте литографированного, раскрашенного акварелью портрета Байрона работы Julien'a (*ПД* № 780).

Опубликовано Б.Л.Модзалевским в «Описании рукописей Пушкина, находящихся в музее А.Ф.Онегина в Париже» (*ПС* XII, ч. 21).

Запись Пушкина, скорее всего, отмечает день получения портрета от Анны Вульф. 8—12 мая 1835 г. он гостил в Тригорском, о чем свидетельствует запись в «Месяцеслове» хозяйки имения П.А.Осиповой: «Майя 8-го неожиданно приехал в Тригорское Александр Серьгеич Пушкин. Пробыл до 12-го числа и уехал в Петербург обратно» (*ПС* I, с. 144). Ан.Н.Вульф была страстной поклонницей поэзии Байрона. В годовщину смерти английского поэта (7 апреля 1825 г.) она и Пушкин в церквах Тригорского и соседнего с ним Воронича заказали службы за упокой его души. По воспоминаниям Ал.Н.Вульфа, «Пушкин, по крайней мере, в те годы, когда жил <...> в деревне <т.е. в 1824—1826 гг.>, решительно был помешан на Байроне» (Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I, с. 447). В 1828 г. Пушкин подарил Ан.Н.Вульф гравированный портрет Байрона (см.: Февчук Л.П. Личные вещи Пушкина. Л., 1970, с. 30). Возможно, литография с портрета Julien'a — ответный дар Ан.Н.Вульф Пушкину в день его отъезда из Тригорского.

100.

(О Байронѣ и о предметахъ
важныхъ —)
1835 г.
Черн. Рѣчк. да<ча> Мил<лера>
25 іюля Jbr.[1] Bls.[1]

Запись на л. 1 (совр. шифр — *ПД* № 1111, л. 1) тетради № 2386 Б, сшитой жандармами из разных листов.

Впервые напечатано (неполностью и с ошибками) у *Я* XII, 534.

На этой же странице сбоку, вдоль листа итальянская цитата, а внизу фраза: «Странности Лорда Б<айрона> были...», представляющая собою вставку в текст статьи о Байроне, находящейся на лл. 2—8, 10, 11.

Запись представляет собою название на обложке (лл. 1 и 38 жандармской нумерации), в которую, очевидно, были вложены Пушкиным несшитые листы со статьей его о Байроне и еще с какими-то материалами, что и выражено перифразой стиха «Горя от ума» («О Бейроне, ну, о матерьях важных»).

Черн. Речк. — Черная речка, дачная местность под Петербургом.

Якушкин вместо «да», то есть «дача», прочел «за», что сделало запись непонятной и ввело в заблуждение Щеголева в статье «Квартирная тяжба Пушкина», писавшего: «В письмах Н.О.Пушкиной есть упоминание о том, что, получив от зятя Павлищева письмо на имя Пушкина, она отослала его на дачу Миллера, но, судя по одной пометке в

[1] *Чтение предположительное.*

рукописях Пушкина ("1835. Черная речка, за Мил... 25 июля"), можно думать, что Пушкин в 1835 году жил поблизости Миллеровой дачи» («Красная нива», 1929, № 24, с. 9).

Аббревиатуры: Jbr. Bls., написанные неразборчиво, прочтены предположительно. Что они означают, объяснить не можем.

101.

В.А.Поленовъ.
у конюшеннаго
Моста в домѣ
Паулсона.

Запись на обороте л. 36, приложенного к альбому А.Н.Вульфа (*ПД* № 1699). О.С.Соловьева предположительно датирует ее февралем 1834—1835 г. О В.А.Поленове см.: Черейский Л.М. Пушкин и его окружение. 2-е. изд. Л., 1988, с. 338—339.

Большой Конюшенный мост — через Мойку по Мошкову переулку — был сооружен в 1828 г. по проекту инженер-подполковника Е.А.Адама.

102.

съ Ценз.<урой> спорить-де можно
а съ В.<ашей> М.<илостью> нѣтъ —

Запись карандашом на письме кн. М.А.Дондукова-Корсакова к Пушкину от 20 марта 1836 г., хранящемся в *ЛБ* № 3357 (совр. шифр — *ПД* № 1706, л. 2 об.).

Впервые напечатано: *РП*, с. 346 (без раскрытия сокращений).

Кн. М.А.Дондуков-Корсаков (1794—1869) — с 1833 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, председатель Цензурного комитета.

103.

М.С.Щепкину

17 мая 1836 Москва

Записки Актера Щепкина

Я родился въ Курской Губернiи Обоянскаго уѣзда въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ

Подлинник хранился в *ГИМ* (совр. шифр — *ПД* № 1708, л. 1; см.: «Русский библиофил», 1914, № 7, с. 49 (№ 351), «Речь» от 11 августа 1913 г., № 217, с. 2, и «Рампа и жизнь», 1913, № 32; в двух последних изданиях дано факсимиле). Знакомство Пушкина с знаменитым актером Михаилом Семеновичем Щепкиным (6 ноября 1788 г. — 11 августа 1863 г.) произошло, вероятно, вскоре после возвращения поэта из ссылки в 1826 г., но имя Щепкина как актера Пушкину должно было быть известно еще с начала 1820-х годов. Сохранилось известие об одной их встрече, 27 марта 1829 г., на завтраке у М.П.Погодина (см.: Цявловский М.А. Пушкин по документам Погодинского архива. *ПС* XIX—XX, 94; *РА* 1878, II, 50; 1882, III, 81; Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина, II, 304). Вероятно, Пушкин видел М.С.Щепкина и на сцене. 9 июня 1832 г. Щепкин поставил в свой бенефис (в Петербургском Большом театре) драматическую переделку «Цыган» Пушкина, в которой читал роль старика-цыгана (переделка эта поставлена была также и 12 июня) (см. «Русский вестник», 1895, октябрь, с. 317, и «Пушкин», изд. журн. «Русский библиофил», СПб., 1911, с. 75). К 1836 г. относятся сведения о встречах Пушкина и Щепкина в Москве у общего их приятеля П.В.Нащокина. А. Щепкина в своих воспоминаниях об М.С.Щепкине говорит, что «в Соколове встречал М.С.Щепкин нашего славного поэта Пушкина, который бывал там у П.В.Нащокина. Позднее Пушкин посетил несколько раз и дом М.С.Щепкина, чтобы видеться у него с Белинским, которого приглашали тогда принять работу для журнала, в издании которого участвовал Пушкин в Москве» (*РА* 1889, I, 549). В одну из таких встреч, в мае 1836 г., Пушкин беседовал с Щепкиным о постановке «Ревизора» в Москве и разделил с ним опасение, как бы комедия не показалась московской публике «карикатурной и грязной». «Пошли ты за Гоголем, — писал поэт жене 5 мая, — и прочти ему следующее: видел я Актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву, прочесть Ревизора. Без него Актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и г р я з н а (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны, это же ему советую: не надобно, чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.Б.» (*АП* III, 309; см. также ibidem, 396 и 427). Здесь, в Москве, 17 мая 1836 г. Пушкин понуждал М.С.Щепкина заняться своими мемуарами; одновременно он упрашивал об этом Нащокина, который отчасти и выполнил просьбу Пушкина. В этот день Пушкин подарил Щепкину тетрадь для будущих «Записок актера Щепкина» и сам вписал начальные строки их, чтобы тем закрепить необходимость их написания. Эту необходимость Пушкин, как известно, ясно сознавал, уговаривая всякого более или менее интересного человека, с которым встречался, писать мемуары. А.О.Смирновой, И.И.Дмитриеву, П.В.Нащокину, Н.А. Дуровой он советовал писать свои воспоминания. Толчок Пушкина хотя и не сразу, но подействовал на М.С.Щепкина, и благодаря Пушкину и впоследствии В.Г.Белинскому и А.И.Герцену мы располагаем теперь интереснейшими записками Щепкина (историю их написания и дальнейшей публикации см. в предисловии А.Б.Дермана к «Запискам крепостного актера М.С.Щепкина», М., 1928, с. 3—15). «Как красноречиво выражается в этом поступке важность интереса, который придавал Пушкин запискам актера Щепкина!» — восклицал позже С.Т.Аксаков («Московские ведомости», 1855, № 143; Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Под ред. А.Г. Горнфельда. СПб., 1910, IV, 462—463). Память Пушкина была для Щепкина

драгоценна. «И как личность, и как поэт, Пушкин навсегда остался одним из самых дорогих Щепкину сокровищ души», — говорит Н.О.Лернер (см. «Речь» от 11 августа 1913 г., № 217, с. 2). А.Стахович в своих воспоминаниях передает, что Щепкин «иногда сидит, задумавшись, и тихо начнет произносить стихотворение Пушкина: "Во глубине сибирских руд, храните гордое терпенье..." и со слезами кончит: "Как в ваши каторжные норы доходит мой свободный глас!" С благоговением показывал он мне тетрадь, подаренную ему Пушкиным для его записок. На первой странице этой тетради Пушкин написал: "Записки актера Щепкина" и сам же написал первые строки... в таком-то году, там-то родился М.С.Щепкин» (*РС* 1896, № 5, с. 357). Об отношении М.С.Щепкина к смерти Пушкина см. в рассказах Н.И.Куликова в *РС* 1881, № 8, с. 615—616, 618—619. Памятником дружественных отношений Щепкина к Пушкину является великолепный список «Скупого рыцаря» с акварелями художника Павла Соколова, который Щепкин подарил известной актрисе Рашель, «великой художнице драматического искусства», 19 февраля 1854 г., когда она покидала Россию после своих знаменитых гастролей (см. *ПС* XII, 42). Экземпляр этот, в котором находятся портреты Пушкина и Щепкина, хранится теперь в *ПД* (ф. 244, оп. 5, № 43). См. также статью Н.О.Лернера «Щепкин и Пушкин (историческая справка)» в «Речи» от 11 августа 1913 г., № 217, с. 2.

104.

Шир.
Орл.
Чад.
Со<*нрзб*>
Хомя
Язык
Гаг Дмитр.
домъ Кампіони

Запись карандашом на четвертой странице письма М.П.Погодина к Пушкину от 1 мая 1836 г., хранящегося в собрании Шляпкина в *ПД* № 782 (см. *Ш*, 233, где единственный раз запись напечатана).

Запись представляет собою, вероятно, список лиц, которым нужно было послать первый том «Современника». Письмо Погодина, на котором Пушкин сделал комментируемую запись, не застало его в Петербурге, откуда Пушкин выехал 29 апреля в Москву. Из писем Пушкина из Москвы к жене не видно, чтобы она переслала письмо Погодина, так что надо думать, Пушкин прочел письмо Погодина уже по приезде в Петербург из Москвы, 23 мая. Поэтому список можно датировать концом мая.

Шир. — Александр Сергеевич Ширяев, московский книгопродавец, содержатель книжной лавки Московского университета. Пушкин, очевидно, посылал ему экземпляры «Современника» для продажи.

Орл. — вероятно, приятель Пушкина Михаил Федорович Орлов.

Чад. — Петр Яковлевич Чаадаев.

Со — может быть, Матвей Михайлович Сонцов, муж тетки Пушкина, Елизаветы Львовны Пушкиной. В бытность свою в Москве (3—20 мая) Пушкин был у Сонцовых, о чем писал жене 11 мая.

Хомя — Алексей Степанович Хомяков, с которым Пушкин виделся в это время в Москве.

Язык — Николай Михайлович Языков.

Гаг — кн. Федор Федорович Гагарин, брат жены кн. П.А.Вяземского, лейб-гусар, славившийся своими эксцентрическими выходками. Пушкин был у него 10 мая 1836 г. (См. *Акад.*, XVI, с. 114—115) Слова записи: «Дмитр. домъ Кампиони» — адрес кн. Ф.Ф.Гагарина. В «Книге адресов» 1839 г. значится, что он живет на Большой Дмитровке в доме Кампиони (см.: Чулков Н.П. «Пушкин — москвич», в кн.: Пушкин в Москве. М., 1930, с. 86).

105.

Дача Добровольскаго на Каменн. остр. Пушкинъ

Запись на листке в 16 д.л., находящемся в архиве Мухановых (собрание П.И. Щукина в *ГИМе*; совр. шифр — *ПД* № 1709).

Запись представляет собою адрес Пушкина; он жил на Каменном острове на даче Ф.О.Доливо-Добровольского летом 1836 г.

106.

Фракiйскiя элегi[я] и.+)
Стихотворенiя Виктора Теплякова.
———— 1836

+) Отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу.

Запись в тетради № 2386 *В* (л. 23), сшитой жандармами из отдельных листов (совр. шифр — *ПД* № 1119, л. 1). На этой же странице, первой странице обложки рукописи статьи о книге Теплякова, портрет последнего. Статья писалась, вероятно, в августе 1836 г., так как вошла в т. III «Современника», вышедшего в свет в начале октября. А.М.Эфрос в $Э^2$ (с. 457—458) полагает, что портрет, нарисованный Пушкиным, изображает не Теплякова, а В.Г.Бенедиктова. Утверждение это однако требует дальнейшей проверки.

Напечатана впервые у *Я* XII, 541.

Любопытна эта композиция обложки книги. У Теплякова книга называлась «Стихотворения Виктора Теплякова». На шмуцтитуле стояло «Фракийские элегии». Портрета в издании не было.

107.

Вольтеръ.

Обложка к критической статье Пушкина о Вольтере в сшитой жандармами из отдельных листов тетради № 2386 В, л. 11 (совр. шифр — *ПД* № 1122, л. 1). Впервые воспроизведено в Ал[1], с. 120—121.

108.

Воронъ ворону глаза не выклюнетъ — Шотландская пословица, приведенная В.Ск<оттомъ> въ Woodstock.

Запись на обороте четвертого листа черновика письма Пушкина к П.Я.Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (*ПБЛ*. См. *Рук. П*, 41, № 112; совр. шифр — *ПД* № 1584, л. 4 об.). Впервые напечатано П.И.Бартеневым в *РА* 1884, № 4, с. 455, и перепечатывалось в собраниях писем Пушкина. Как уже указал Д.П. Якубович (статья «Предисловие к "Повестям Белкина" и повествовательные приемы Вальтер Скотта» в книге «Пушкин в мировой литературе», Гиз, 1926, с. 381), Пушкин имеет в виду предисловие к роману. В книге «Woodstock or The Cavalier. A tale of the year sixteen hundred and fifty-one». Paris, 1832 («Вудсток или Кавалер. Рассказ из 1651 года», Париж, 1832) на с. XXXIX предисловия соответствующее место читается: «Hawks, we say, in Scotland, ought not to pick out hawks' eyes or tire upon each other's quarry», то есть «Ястребы, говорим мы в Шотландии, не должны выклевывать глаза ястребам или охотиться за добычей друг друга».

В имеющейся в библиотеке Пушкина книге — «Собрание 4291 древних российских пословиц», М., 1770, — среди многих отмеченных крестиком на поле карандашом пословиц есть и такая: «Ворон ворону глаза не выклюнет; а хоть и выклюнет, да не вытащит» (см. *ПС* IX—X, 96).

109.

8 линія
вревской

Запись карандашом на четвертой странице (где адрес) письма П.А.Осиповой к Пушкину от 9 января 1837 г., хранящегося в собрании Шляпкина (*ПД* № 784). (См. *Ш*, 301, где впервые напечатано.)

Запись — адрес бар. Е.Н.Вревской, рожд. Вульф, бывшей в январе 1837 г. в Петербурге (8-я линия Васильевского острова) (см. *ПС* XXI—XXII, 397, 398).

110.

lentille

Une lentille n'est bonne qu'à être mangeé.
Un plat de lentilles vaut bien le droit
d'âiné, témoin la bible — mais j'aime
mieux les pommes de terre. j'aime la
lentille auprès d'une [jolie] jolie bouche
surtout auprès de la bouche d'un arcange
ah! le pauvre ange il aura mal à l'estomac.

Перевод:

Чечевица

Чечевица годна лишь на то, чтобы быть съеденной.

Блюдо из чечевицы очень стоит права старшинства (свидетель — библия), но я предпочитаю картошку.

Я люблю чечевицу рядом с [красивым] красивым ртом, в особенности со ртом архангела.

Ай, бедный ангел, у него будет болеть живот.

Рукопись — листок без водяного знака, с жандармской пометой: «45», хранится в Онегинском собрании в *ПД* № 772 (см. *ПС* XII, 14, № 28).

Напечатано впервые в *НП*, изд. 1 и 2, с. 227.

Чьей рукой написано набранное петитом — определить не удалось. Той же рукой писан второй абзац в № 103. Объяснение этой игры см. там же.

Датировке не поддается.

111.

Malheur

que me veux tu je m'appelle ainsi [venez]
viens ta com
pagne t'aime vivons enssem-
ble et changeons [s'il] notre
sort en bonheur y consens
tu.
S'il faut fuir le malheur,
certes ce n'est pas vous que
je voudrais fuir; mais il ne faut
pas changer de sort comme
dit ma précédente, mais
seulement de sentiment c'est-
à-dire devenez Phedre.
je veux être chagrin pour
accompagner le malheur

Перевод:

Несчастие

Чего ты от меня хочешь? Я так зовусь. [приходите]. Иди, твоя подруга любит тебя. Будем жить вместе и обратим [если] нашу судьбу в счастье. Согласен ли ты на это?

Если надо бежать от несчастья, конечно, не от вас хотела бы я бежать; но не надо менять судьбу, как говорит предыдущая, а только чувство, то есть станьте Федрой.

Я хочу быть печалью, чтобы сопровождать несчастье.

Лист в Майковском собрании автографов Пушкина (*ПД* № 771). Он не вошел в описание этого собрания, составленное В.И.Срезневским в *ПС* IV.

На обороте листа жандармская помета: «28».

Впервые напечатано: *РП*, с. 350.

Первый абзац — неизвестной руки. По карандашу обведено чернилами. Второй абзац — другой неизвестной руки, той же, что писала «Lentille». Третий абзац — карандашом — автограф Пушкина.

Очевидно, мы имеем и тут документ «Petits jeux», где участвующие должны были писать свои мысли на заданное слово.

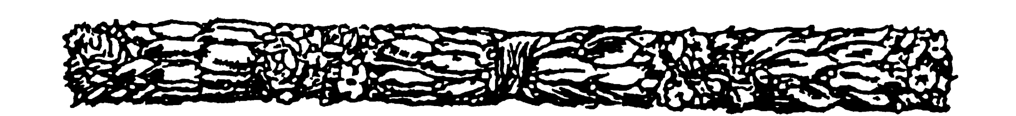
Датировке не поддается.

112.

Е. Тимоѳ. Посолской 788
Подолской

Запись в тетради № 2377 А, л. 51 (совр. шифр — *ПД* № 1619) на листе в четыре страницы с выписками о соколиной охоте из книги: «Урядник или новое уложение и устроение чина сокольничья пути», 1668 г. Смысл записи непонятен.

Впервые напечатано у *Я* X, 91.



VII

ПОДСЧЕТЫ, ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ ЗАПИСИ

Приходо-расходные записи, включенные в этот отдел, за малым исключением, до сих пор не были предметом изучения, а между тем значение их как первостепенного биографического материала несомненно. Скупые, почти без слов, записи сумм рублей ярко живописуют ту материальную нужду, в тисках которой всю жизнь находился поэт.

Раздел значительно расширен по сравнению с первым изданием, особенно в части подсчета строк и строф произведений, что обычно также было связано с материальными расчетами Пушкина (в начале 1820-х годов он получал гонорар за стихотворные произведения построчно). Транскрипция записей №№ 4, 5, 10, 17—26, 44, 49 принадлежит Т.Г.Зенгер, записей 2, 3, 27, 33, 34—36, 38, 43, 45—47, 50 — Л.Б.Модзалевскому. Комментарий к записям №№ 2—5, 10, 17—26, 34—36, 38—47, 49, 50 принадлежит М.А.Цявловскому.

Комментарий и транскрипция записей № 12 и 31 принадлежат Т.И.Краснобородько, № 37 — А.В.Дубровскому, № 6 — Я.Л.Левкович, №№ 1, 7—9, 11, 13—16, 28—30, 32, 48 — С.А.Фомичеву. — ***Ред.***

1.

```
 2000
    8
-------
160.00
    3
-------
 480
```

Подсчет на л. 38 об. (под черновиком послания к Денису Давыдову «Певец-гусар, ты пел биваки») тетради № 2365 (*ПД* № 831).

Вероятно, подсчет процентов на карточный долг, набежавших за три срока (с ноября 1819 по май 1821 гг.), обусловленных векселем. Вексель этот был выдан Пушкиным барону С.Р.Шиллингу (на 2000 руб. асс. сроком на 6 месяцев). 2 мая 1821 г. в Кишиневе Пушкин расписался в приеме повестки полиции о необходимости уплаты этого долга. В тот же день, очевидно, и был выполнен данный подсчет.

2.

```
  50
  14
------
 200
  50
------
 700
```

Запись в тетради № 2369, л. 20 (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 20), на полях черновика LIII и LIV строф первой главы «Евгения Онегина», писавшихся в октябре 1823 г.

Запись представляет собою подсчет количества стихов в написанных к этому времени пятидесяти строфах первой главы романа.

Напечатано впервые: *РП*, с. 297.

3.

15	18
14	14
60	72
15	18
210	252
28	

Запись в тетради № 2369, л. 27 об. (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 27 об.), на полях черновика XI и XII строф второй главы «Евгения Онегина». Снова подсчет стихов в написанных строфах романа. В первой записи подсчитаны стихи сначала в пятнадцати строфах, а затем прибавлено количество стихов еще в двух строфах. Вторая запись — подсчет стихов в восемнадцати строфах. По положению в тетради, подсчеты эти сделаны после 22 октября и до 3 ноября 1823 г.

Напечатано впервые: *РП*, с. 298.

4.

choc. 20 f
post 5. 40

Запись в тетради № 2369, л. 30 (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 30), на полях черновика стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша», написанного после 22 октября и не позднее 3 ноября 1823 г.

Напечатано впервые в *Я* VI, 563.

Первая строка записи значит: «шоколад 20 франков», «post» — деньги за отправку писем или посылки, может быть, этого же шоколада.

5.

27
14
108
27
378

Запись в тетради № 2369, л. 33 об. (совр. шифр — ПД № 834, л. 33 об.), на полях черновика XIX строфы второй главы «Евгения Онегина».

По положению в тетради, запись сделана не ранее 4 ноября и не позднее 1 декабря 1823 г. Опять подсчет стихов в «Евгении Онегине». Подсчитаны стихи в двадцати семи строфах второй главы романа.

Напечатано впервые: *РП*, с. 299.

6.

156

Запись в тетради № 2369 (совр. шифр — *ПД* № 834, л. 25 об.). Запись расположена в середине левого поля листа и является, по-видимому, подсчетом числа стихотворных строк, напечатанных в «Полярной звезде на 1824 год». Создатели альманаха платили своим авторам гонорар (Пушкин получал 5 рублей за строчку — см.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 241).

Цифра «156», написанная Пушкиным, означает, какую сумму он сможет получить за свои стихи. В «Полярной звезде на 1824 год» были напечатаны следующие его стихотворения: «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной») — 24 строки, «Нереида» — 6 строк, «В альбом малютке» — 17 строк, «К Морфею» — 12 строк, «Элегия» («Редеет облаков летучая гряда») — 16 строк, «Отрывок из послания В.Л.Пушкину» — 21 строка, «Домовому» — 20 строк, «Элегия» («Простить ли мне ревнивые мечты») — 37 строк и «Надпись к портрету» — 4 строки. Общая сумма всех этих строк равняется 157. Отметим, что небольшие арифметические ошибки не так уж редки в цифровых записях Пушкина. Датировать эту запись можно концом первой декады или двумя первыми числами второй декады января 1824 года, когда Пушкин получил от издателей альманах. 12 января он пишет ответное письмо Бестужеву (XIII, с. 84—85). Подробнее об этой записи см.: Левкович Я.Л., Краснобородько Т.И. Одна цифровая запись Пушкина. *ВПК*, № 28 (готовится к печати).

7.

		150		
		[100]		
150		150		
200 Б		150		
300 О.	150			
300 Ч.	15			
200	20		15	[14]
				[8
				2
				7
				1
				1]

Подсчет на л. 3 об. тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835) среди черновиков поэмы «Цыганы».

Очевидно, это денежные выкладки. Числа, после которых стоят прописные буквы, могли обозначать долги Пушкина определенным лицам. Естественно предположить, что подсчет долгов был предпринят Пушкиным в связи с получением какой-то значительной суммы денег. «От всего сердца благодарю, — писал он Вяземскому 8 марта 1824 г., — тебя, милый Европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю<...> думать, что ремесло наше право не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал все издание за 3000р., а сколько ж стоило тебе его напечатать? Ты все-таки даришь меня, бессовестный. Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует да пришли их сюда. Расти им не за чем. А у меня не залежаться, хоть я право не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму...» (*Акад.* XIII, 88—89).

Речь здесь идет о гонораре за поэму «Бахчисарайский фонтан». Вяземский, как видим, прислал только часть денег. Подсчет общей суммы, записанной столбиком (между двумя горизонтальными линиями), показывает, что Пушкин в этот день получил 1000 рублей. Из них 800 — нужно было отдать кредиторам. Оставалось 200 руб. — это число и записывается последним и без буквенной пометы. После этого Пушкин начал вычислять еще мелкие свои долги (особо мелкие — справа, в столбик, тут же заштрихованный. Окончательный итог (оставшиеся деньги), 150, записывается несколько раз. Зачеркнутое же число 100 можно объяснить следующим образом. Около 8 марта 1824 г. Пушкин отправил письмо (подлинник по-французски) такого содержания:

«Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам уже так давно должен; прошу принять мою искреннюю благодарность. Что касается извинений, у меня не хватает смелости вам их принести. — Мне стыдно и совестно, что до сих пор я не мог уплатить вам этот долг — погибал от нищеты...»

По убедительному, на наш взгляд, указанию Т.И.Левичевой (см.: *ВПК*, 24, с. 175), письмо это адресовано генералу М.Ф.Орлову (в собраниях сочинений Пушкина оно печатается как предположительно адресованное генералу И.Н.Инзову). Очевидно, некогда Пушкин занял у Орлова 10 червонцев, в грубом пересчете на ассигнации, составлявшие 300 рублей (это число записано с пометой О., выше же вычеркнуто число 100). Посылая же долг генералу, Пушкин уточнил курс рубля. Первым из кредиторов мог быть один из одесских знакомых Пушкина: Ф.И.Брунов или В.М.Бер (менее вероятны в качестве кредиторов аббат Баувен, Д.Е.Башмаков, И.П.Бларамберг, М.Д.Бутурлин. Третьим кредитором мог быть некто Чернявский, о взаимоотношениях которого с Пушкиным, впрочем, почти ничего не известно (см.: Черейский Л.М. Пушкин и его окружение. Л., 1975).

Подсчет был впервые напечатан в *ПИМ* X, с. 30.

8.

$$\begin{array}{r} 24 \\ \underline{17} \\ 87 \end{array}$$

Подсчет на л. 6 об. тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835) рядом с концовкой черновика письма Татьяны, определяющий общее количество в нем строк

(87): сначала Пушкин сосчитал строки на развороте л. 4 об.—5 (здесь их в действительности 25, но две строки — 4-ая и 23-я — почти целиком вычеркнуты), потом на л. 6 об.—7 (здесь насчитывается точно 17 строк); третье слагаемое (46), которое Пушкин в тетради не записал, но при подсчете принял во внимание, примерно соответствует количеству строк на л. 5 об.—6 (их здесь 47, но, возможно, одна строка была записана позже, при доработке черновика).

Датируется по положению в тетради мартом 1824 г. Напечатано впервые: *ПИМ* X, с. 39.

9.

```
 15
 12
———
      [27]
```

Подсчет (карандашом) в тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835), на л. 12 рядом с черновиком строфы XXXV (по окончательному счету) третьей главы романа в стихах «Евгений Онегин» («Как недогадлива ты, няня!»). Возможно, это подсчет количества строф третьей главы, написанных к началу сентября 1824 г. (дата на предыдущей странице: 5 сентября). В тетради *ПД* № 835 содержится именно пятнадцать строф, начало же главы писалось в другой тетради, *ПД* № 834, — там сохранилось ныне шесть строф, но последние листы тетради Пушкиным были вырваны (на них, очевидно, и были записаны еще шесть строф).

Впервые напечатан в *ПИМ* X, с. 36 (не вполне точно; правильное чтение предложено Т.И.Краснобородько).

10.

```
  60            89
  12            27
————            30
 120            56
 60             42
————            42
 720            26
                42
                42
                41
                51
                30
                53
               ————
               570
```

Запись в тетради № 2368, л. 15 (совр. шифр — *ПД* № 834). Написано на поле страницы, на которой находится конец «Цыган». Правый столбец — числа стихов в «Цыганах». Написано это, вероятно, вскоре после окончания поэмы, в октябре 1824 г. Решив подсчитать количество стихов в только что написанной поэме, Пушкин подсчитывал стихи на каждой странице и число стихов ставил внизу страниц, а именно: л. 4—30; л. 4 об.—30; л. 5—29; л. 5 об.—27; л. 6—30; л. 6 об.—28; л. 7—28; л. 7 об.—18; л. 8—15; л. 8 об.—15; л. 9—27; л. 9 об.—26; л. 10—42; л. 10 об.—18; л. 11—24; л. 11 об.—14; л. 12—27; л. 12 об.—25; л. 13—26; л. 13 об.—4; л. 14—26; л. 15—53.

Первое число (89) в столбце — сумма стихов первых трех страниц, второе (27) — число стихов четвертой страницы, третье (30) — пятой страницы; каждое из следующих трех — сумма стихов на двух смежных страницах; седьмое (26) — число стихов на двенадцатой странице, восьмое (42) — на с. 13; каждое из следующих четырех — сумма стихов на двух смежных страницах, и последнее — число стихов на последней странице.

В итоге Пушкин ошибся — всего стихов получается 571, а не 570.

Впервые напечатано: *РП*, с. 304.

11.

```
  700
    4
 ————
 2800
                  [2800]
          [700]
```

Подсчет на л. 32 тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835) рядом с черновиком баллады «Жених». По положению в тетради, страница эта заполнялась в середине октября 1824 г., когда Пушкин обдумывает издание первой главы «Евгения Онегина». Очевидно, он и подсчитывает возможную выручку за нее. За «Бахчисарайский фонтан» Пушкин получил по 5 руб. за строку, но эту поэму издавал Вяземский, который, как подозревал поэт, дарил ему всю выручку от продажи, не вычитая издательских расходов. Поэтому за онегинскую строку Пушкин и кладет по 4 руб.

В печати первая глава состояла из 54 строф (к тому же ей был предпослан «Разговор книгопродавца с поэтом»). Но в черновом ее тексте было пока 700 строк, как это отражено в пушкинском подсчете в тетради *ПД* № 834, на л. 20.

Подсчет впервые напечатан в *ПИМ* X, с. 42.

12.

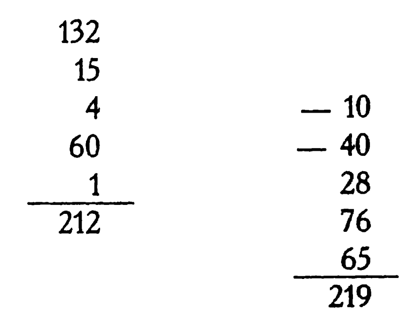
```
 <1>591
     13
 ———————
 <160>4
```

Запись на л. 43 об. тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 835), рядом (л. 44, 44 об.) с конспектом сведений об убийстве царевича Димитрия и о царствовании Федора Иоанновича из «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина (декабрь 1824 г.). Сначала Пушкин прикидывал иные слагаемые: 11, 12 — отчего менялась и сумма. Это соответствует размышлениям Пимена о возрасте убиенного царевича:

> Да лет семи: ему бы нынче было —
> (Тому прошло уж десять лет... нет больше:
> Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
> И царствовал, но Бог судил иное...

Согласно историческим источникам, побег Отрепьева из монастыря произошел в феврале 1602 г., о чем Пушкин, несомненно, знает (прежде всего из «Истории» Карамзина) и первоначально (1501 + 11 = 1602) «подгоняет» подсчет под этот год. Но тогда Самозванец оказывается слишком молодым (а невольная «подсказка» Пимена: «он был бы твой ровесник» чрезвычайно важна в художественных целях), ясно, что драматурга беспокоит слишком юный возраст Отрепьева, не согласующийся с грандиозностью исполненной им авантюры. В конечном счете, Пушкин датирует сцену в Чудовом монастыре 1603-м годом. Л.М.Лотман отмечает: «Эту дату Пушкин заимствовал из 207 примечания к XI тому «Истории» Карамзина, где она дается со ссылкой на разрядную книгу... В тексте «Истории» Карамзина стоит другая дата бегства Отрепьева за рубеж — февраль 1602 г. (История. Т. XI, с. 75)» (Пушкин А.С. Борис Годунов. Комментарий Л.М.Лотман и С.А.Фомичева. СПб., 1996, с. 276).

13.



Подсчеты в декабре 1824 г. (на л. 49 об. тетради № 2370, совр. шифр — *ПД* № 835) количества написанных здесь строк сцены в Чудовом монастыре (трагедия «Борис Годунов»). Строго говоря, количество строк этой сцены (кончающихся на этой странице), — 213,

но, очевидно, два подсчета выполнялись в процессе постепенной обработки черновика, в результате которой количество строк менялось.

Впервые напечатан в *ПИМ* X, с 52.

14.

11

5
6
———

Смазанная помета на л. 51 об. тетради № 2370 (совр. шифр — *ПД* № 825) у строфы XVII (по окончательнмоу счету) четвертой главы «Евгения Онегина».

Очевидно, это подсчет количества онегинских строф, написанных для этой главы к последним дням 1824 г. (на л. 52 пометы: «31 дек<абря> 1824» и «1 Генв.<аря> 1825»). Здесь обозначены два массива таких строф: на л. 29 об.—34 и на л. 39 об.—51 об. Если принимать во внимание только дописанные до конца строфы (неоконченные были, вероятно, поэтом забракованы), то в первом случае мы действительно насчитываем пять строф: XII, IX, I, II, IV, а во втором — лишь две: IVв и XVII, но здесь наверное следует учитывать строфы V—VIII, черновиков которых не сохранилось, — вероятно, потому что они были записаны на листах, вырванных после л. 41.

Впервые напечатано в *ПИМ* X, с. 43.

15.

50 — 50[1]
———
125
33
35
75
———
210

В конце тетради № 2359 (совр. шифр — *ПД* № 829, л. 92) рядом с этим подсчетом, сбоку, поставлена скобка, а под ней — роспись рукою Пушкина «Кошанский». Впервые такую роспись мы находим в автографе гимна «Боже, царя храни» (*ПД* № 16), который Пушкин писал в 1816 г. едва ли не по прямому заданию лицейского профессора, следившего за стихотворными опытами своих воспитанников. В той же тетради *ПД* № 829 на л. 53 эта подпись повторена несколько раз рядом с рисунком вынырнувшего из вод Тритона (здесь Пушкин, вероятно, вспоминал лек-

[1] Переправлено из 40.

ции профессора, преподававшего в лицее, в частности, античную мифологию). Имеется такая же подпись в черновиках пушкинских стихотворений, в которых воскрешались лицейские воспоминания: «Царское Село», «Денису Давыдову» («Певец-гусар, ты пел биваки»).

Можно предположить поэтому, что и подсчеты на л. 92 каким-то образом связаны с этими воспоминаниями — возможно, со стихотворными опытами Пушкина той поры. Может быть, здесь подсчитана сумма строк каких-то четырех лицейских стихотворений, соответственно в 50 (дважды), 35 и 75 строк (числа здесь, вероятно, округлены). Два стихотворения (в 125 и 33 строки) были забракованы, и соответствующие числа зачеркнуты.

Когда Пушкину мог понадобиться такой подсчет? Скорее всего, это было связано с подготовкой первого издания его стихотворений. 15 марта 1825 г. он писал брату и П.А.Плетневу: «60 пиэс! довольно ли будет для 1 тома?» В издании 1826 г. было помещено, однако, в полтора раза больше стихотворений, из них — 10 лицейских. Следовательно, на первоначальном этапе отбор ранних произведений был более строг. В марте же 1825 г. он мог просматривать Лицейскую тетрадь *ПД* № 829 (в начале которой были переписаны ранние стихотворения) с целью пополнения книги своих стихов. В результате были отобраны стихотворения «Гроб Анакреона» (в окончательной редакции 42 строки), «Амур и Гименей» (57), «Шишкову» (35) и «Лицинию» (72)[1]. «Забракованными» могли стать стихотворения «Моему Аристарху» (ранняя редакция — 121 строка) и «Фиал Анакреона» (33).

Печатается впервые.

16.

```
 36                          36
 36                          18
----                        ----
 72                          52
 28                         ----
----                         106
 90
  20                  52
----                 180
100                   20
                     ----
                     3600
```

Подсчеты на автографе (*ПД* № 73) титульного листа трагедии (выполненного после завершения первой ее части):

[1] Три первых стихотворения имеются в Лицейской тетради.

Комедія
О настоящей бедѣ Моск. Госуд.
О царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ
[сочинено] [А] [Валерианомъ[1] Палицынымъ]
писано Алексашкою Пушкинымъ
в лѣто 7333
[В] На городищѣ Вороничѣ

Ниже заглавия Пушкин записал предполагаемую вставку после сцены VI, а потом, после того как страница потеряла парадный вид, занялся подсчетами.

Сначала выяснялось количество верст от Михайловского до Пскова (106). Левый, более поздний подсчет по сумме несколько меньше, так как теперь вычисляется путь от того же Пскова до ближайшей к Михайловскому почтовой станции (к тому же Пушкин допустил в вычислении ошибку: 90 вместо 100). После этого количество верст умножается на 20 (копеек). Подсчет этот не доведен до конца, так как правее сразу же высчитывается стоимость пути туда и обратно.

В письме к Вяземскому от 13 июля 1825 г. (здесь было воспроизведено то же заглавие пьесы) Пушкин, в частности, писал: «Вероятно, ты уже знаешь царскую ко мне милость и позволение поехать в Псков. Я справлялся о тамошных операторах; мне рекомендуют Всеволожского, очень искусного коновала; увидим» (*Акад.* XIII, 181). Ранее Пушкин просился на лечение (от аневризма) в Ригу — и неспроста: туда собиралась поехать П.А.Осипова с дочерями Анной и Евпраксией, а также с племянницей Анной Керн. Рига была поэту запрещена. Тогда-то он и предпринял срочную поездку в Псков, где 19 июля 1825 г. посетил врачебную управу (см.: *Лет.*, с. 549). Вечером того же дня он возвратился в Михайловское и провожал в поездку Анну Керн, подарив ей первую главу «Евгения Онегина» с вложенным туда стихотворением «Я помню чудное мгновенье...» (*Лет.*, с. 549).

Подсчет впервые был напечатан в кн.: Русское подвижничество. М., 1996, с. 231.

17.

$$\begin{array}{r} 47 \\ 14 \\ \hline 188 \\ 47 \\ \hline 658 \end{array}$$

Запись в тетради № 2370, л. 78 об. (совр. шифр — *ПД* № 835), на полях чернового текста XLVIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина». Под XLII

[1] Это имя ранее не было прочитано; не отмечалось и то, что вначале Пушкин начал писать А<враамий>.

строфой дата: «2 генв. 1826», а после LI строфы — «3 генв.». В это же время, конечно, сделан и подсчет количества стихов в написанных 47 строфах четвертой главы. Напечатано впервые: *РП*, с. 306.

18.

[6] [6]

[3800] [300] [410]

[3500

270

800]

15000

500

6000
3500
800
270

1<0>570

Запись в тетради № 2371, л. 22 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 23 об.). Написано на странице, где черновики стихотворений «Счастлив, кто избран» и «Анчар». По положению в тетради запись нужно датировать июлем-августом 1828 г. В это время Пушкин сильно играл в карты, и записанные числа несомненно суммы проигрышей. См. следующую запись.

Впервые напечатано: *РП*, с. 356.

19.

10570
2500

8070
200
150

7720
6

500 [1720]

Запись в тетради № 2371, л. 23 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 24), на странице, где черновики стихов из первой песни «Полтавы» и письма к Бенкендорфу, датируемого второй

половиной августа 1828 г. Как и предыдущая запись, это — подсчет карточных проигрышей и, может быть, выигрышей. Первое число (10570) — сумма предыдущего подсчета.

Впервые напечатано: *РП*, с. 356.

20.

3000[1]
300
500
300
350
300
4750

Запись в тетради № 2371, л. 34 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 35 об.). Написано карандашом на полях отрывка «Гости съезжались на дачу», который датируется, по положению в тетради, сентябрем 1828 г. Запись, несомненно, сделанная тогда же, возможно, представляет собою, как предыдущие, перечень карточных долгов.

Впервые напечатано: *РП*, с. 357.

21.

1300	Галиц.
500	} Тр.
850	
2650	
170	}
150	
500	brev.
250	Хитр.

Запись в тетради № 2371, л. 43 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 44). Написано на полях черновика стихов: «Удар обдуман, С Кочубеем... К ногам положит не робея?..» из первой песни «Полтавы», оконченной 3 октября. Время записи поэтому — сентябрь 1828 г.

Напечатано впервые у *Я* VII, 47.

[1] 3 *переделано из* 6.

Запись представляет собою перечень долгов, проигрышей в карты. Летом 1828 г. Пушкин в Петербурге сильно играл, о чем писал Вяземскому 1 сентября: «Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они
Часто,
Гнули, ... их ...! от 50-ти
На 100.
И выигрывали и отписывали
Мелом,
Так в ненастные дни занимались они
Делом».

Галиц. — кн. Сергей Григорьевич Голицын (1806—1868), о котором см. с. 273.

Тр. — вероятно, кн. Никита Петрович Трубецкой (1804—18..), брат декабриста, служивший с 2 апреля 1823 г. по январь 1827 г. в Кавалергардском полку. По донесению агента Бенкендорфа, С.А.Соболевский в августе 1827 г. останавливался «у кавалергардского офицера князя Трубецкого, в доме Устинова, у Семеновского моста». (Сухомлинов М.И. Исследования и статьи. СПб., 1889, т. II, с. 390). Об этом же Трубецком писал Пушкин в мае-июне 1828 г. Соболевскому: «Ты перевелся на Трубецкого, а он терпел, терпел целый месяц — а как стало невтерпеж, пристал ко мне внезапно: "давай денег! — денег — а где их взять?"» (*П* I, 52). В комментарии к этому письму (с. 292) Б.Л.Модзалевский пишет: «Какого Трубецкого имеет в виду Пушкин — не знаем». Несомненно, Трубецкой в донесении агента, в письме Пушкина и в комментируемой записи — одно лицо. Б.Л.Модзалевский отказывался видеть в этом Трубецком кн. Никиту Петровича, вероятно, потому, что в январе 1827 г. последний вышел из Кавалергардского полка, а с 22 июля этого года служил в Иностранной коллегии. Нам представляется вероятным, что агент Бенкендорфа, «по старой памяти», в августе 1827 г. назвал Трубецкого кавалергардом, с января таковым уже не бывшим. Из приведенных слов Пушкина в письме к Соболевскому видно, что последний, проиграв в карты Трубецкому, перевел свой долг на Пушкина, который был должен Соболевскому.

brev. — вероятно, brevet — заемное письмо.

Хитр. — вероятно, приятельница Пушкина Елизавета Михайловна Хитрово. Пушкин, очевидно, занял у нее деньги для уплаты карточного долга.

22.

850 Тр
[850
500
―――
1350]

Запись в тетради № 2371, л. 43 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 44 об.). Написано на полях черновика стихов: «Один с младенческих годов Ее любил любовью страстной» из первой песни «Полтавы», вскоре (может быть, в тот же день) после предыдущей записи. Настоящая запись — долг кн. Н.П.Трубецкому — повторение части предыдущей записи.

Впервые напечатано: *РП*, с. 359.

23.

	850	850
	500	
		400
		1350
1350	[1350	
	1200	
	2500	
	500]	

Запись в тетради № 2371, л. 51 об. (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 52 об.). Написано на полях черновика стихов: «Но ключ звучит... Служитель Господа Христа» из второй песни «Полтавы», писавшейся с 3 по 9 октября 1828 г. И эти записи — числа рублей долгов. Снова и снова Пушкин записывает числа рублей своего долга, очевидно очень его беспокоившего, кн. Н.П.Трубецкому.

Впервые напечатано: *РП*, с. 359.

24.

362
440
―――
802

Запись в тетради № 2371, л. 57 об. (совр шифр — *ПД* № 838, л. 58 об.). Написано (верхом вниз по отношению к стихам «Полтавы») на полях черновика стихов: «Предтечи смерти, приковали Его к одру. — Уже готов...» из третьей песни «Полтавы», писавшейся с 9 по 16 октября 1828 г. По аналогии с предыдущими записями, и эта, надо думать, представляет собою подсчет карточных проигрышей.

Впервые напечатано: *РП*, с. 359.

25.

1100
1200
1500
———
3800

Запись в тетради № 2371, л. 71 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 73 об.). Написано на полях черновика стихов «Но лето быстрое летит. Настала осень золотая...» из XXIX строфы седьмой главы «Евгения Онегина», оконченной 4 ноября 1828 г. XXIX строфа писалась, вероятно, во второй половине октября. Возможно, что и эта запись — подсчет долгов. Во всяком случае, записаны числа рублей.

Впервые напечатано: *РП*, с. 360.

26.

	3 окт.	
16^{50}[1]		короб<?>
3900		книги <?>
	4650	
	2500	
	7150	

[9300
1500
———
10800
7150
———
3650]

Запись в тетради № 2382, л. 97 об. (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 117 об.), на полях черновика стихов: «Он видит, Терек своенравный» из «Путешествия Онегина». Год записи — 1829 — определяется ее положением в тетради.

короб — может быть, какие-нибудь «коробки». Смысл подсчетов неясен.

Впервые напечатано: *РП*, с. 360.

[1] *Первоначально было* 1650.

27.

50
14
200
50

Запись на одном (л. 4) из восьми листков в 4 д. л., с водяным знаком: «1828», с перебеленным и черновым текстом строф из «Путешествия Онегина», датируемых 1829 г. Листки хранились в *ПБЛ*. См. *Рук. П*, № 18, с. 12 (совр. шифр — *ПД* № 943, л. 4).

Запись представляет собою неоконченный подсчет числа стихов в пятидесяти строфах, вероятно, седьмой главы «Евгения Онегина».

Впервые напечатано: *РП*, с. 328.

28.

[57	
8	
56	
400	
456]	[456]

20
8
160
160

Подсчеты на л. 21 об. и 22 об., сшитой при посмертном жандармском обыске рукописей Пушкина тетради № 2376 А (совр. шифр — *ПД* № 915, л. 2 об., 3 об.). Здесь, в беловике (с поправками) поэмы «Домик в Коломне» Пушкин подсчитывал количество строк соответственно в 57 и 20 октавах. В беловике их содержится всего 56 (в печатный текст вошло лишь 40). Но о том, что в черновике было именно 57 строф, свидетельствует одна особенность октавы XXXVI (по окончательному счету), в которой всего *семь* строк. Очевидно, Пушкин не включил в беловик (и позднее в опубликованный текст поэмы) пятьдесят третью (по первоначальному счету) строфу, а потому в предыдущей — выкинул шестую строку и переписал коду (последние две строки), введя в нее мужские (взамен

женских) рифмы, чтобы соблюсти правило альтернанса (октавы в поэме попеременно открываются то мужскими, то женскими рифмами). Это была последняя «шалость» поэта в его шутливой поэме: ср. зачин октавы IV: «Ну, женские и мужеские слоги! Благословясь, попробуем...» и эпиграф,содержащийся в беловике поэмы: «Modo vir, modo femine. Ov.»[1]

Первый подсчет впервые опубликован: *РП*, с. 331. Полностью — впервые в настоящем издании.

29.

40
80
160
280
60
120
240
420

На л. 20 об. тетради № 2373 (совр. шифр — *ПД* № 842) в черновике повести об игроке (первоначальный набросок, развившийся в 1833 г. в повесть «Пиковая дама»), начало 1832 г.

Как пояснила Н.Н.Петрунина, это расчет игры Германна, в первом случае с исходной суммой в 40 000 руб., во втором — в 60 000 (см. *ПИМ* X, с. 151).

Впервые напечатано в *Акад.* VIII, 836, примеч. 4.

30.

150	630
125	900
470	1550
400	200
100	1450
300	
1445	

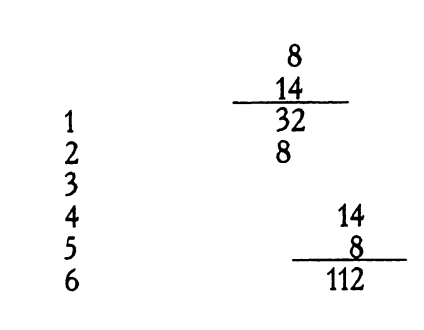
На л. 22 тетради № 2373 (совр. шифр — *ПД* № 842). По предположению Я.Л.Левкович, впервые опубликовавшей эти записи (*ПИМ* XIV, с. 157), — подсчет

[1] То мужчина, то женщина. Овидий.

Пушкиным своих долгов. Несколько невнятен второй столбец: сначала здесь суммируются два числа, но итог записывается неточно (возможно, несколько округленно); далее, очевидно, идет вычитание, но итог здесь почему-то завышен на 100.

На полях черновика «Езерского» (конец 1832 г.).

31.



Записи в тетради № 2373, л. 21 (совр. шифр — *ПД* № 842, л. 23), на полях чернового текста VII и VIII строф незавершенной поэмы «Езерский», задуманной Пушкиным в онегинских строфах. Строфы I—VIII поэмы занимают лл. 21—23 об. (лл. 19—21 об. по жандармской нумерации). Таким образом, колонка цифр (от 1 до 6) и две отдельные цифры (где 6 переделано в 8) представляют собой подсчет написанных строф (в черновике нумерации строф нет), а дважды повторенное вычисление — подсчет количества стихов в этих строфах.

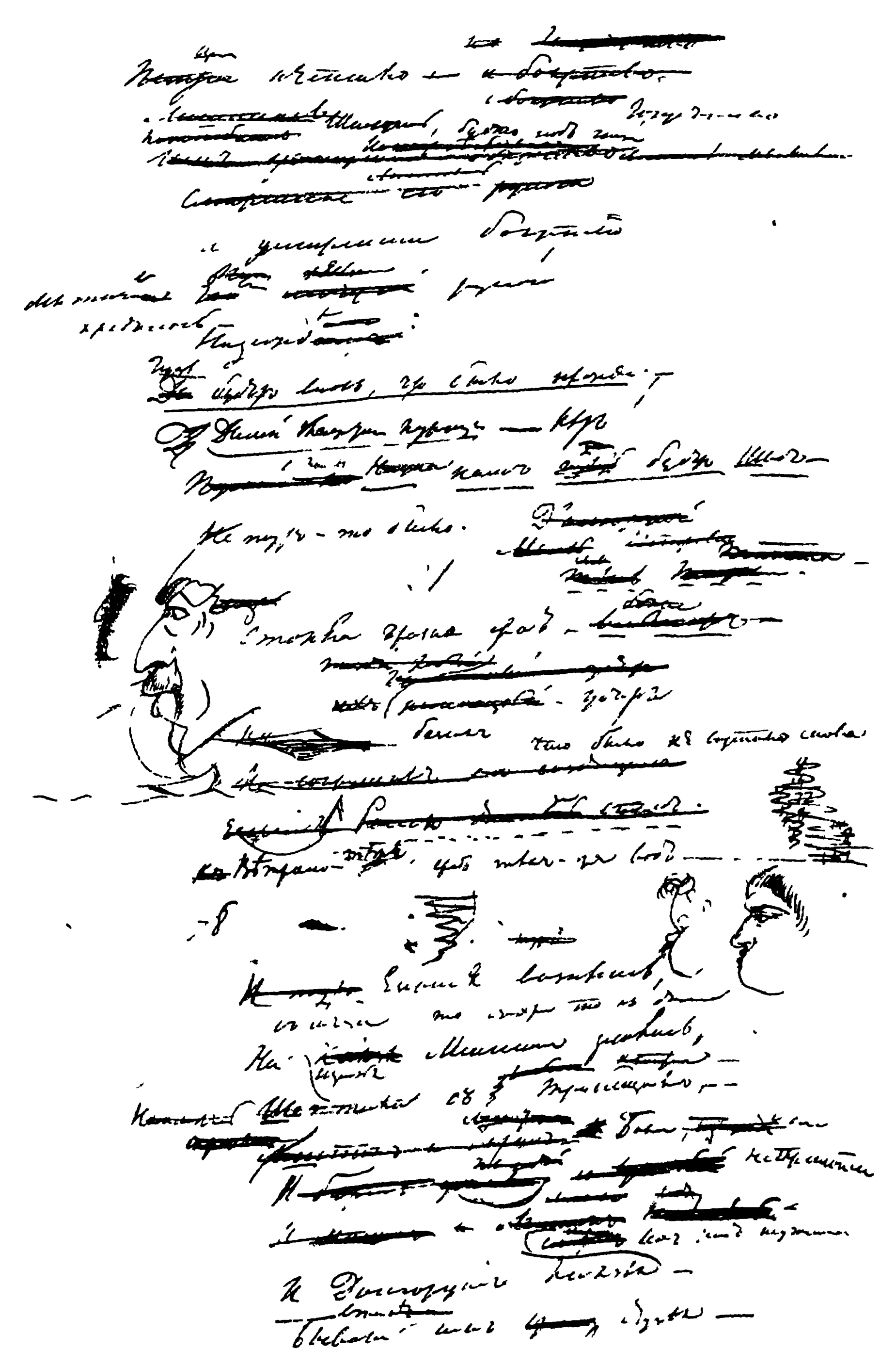
В этой тетради Пушкин работал над «Езерским» с апреля до сентября 1832 г. (датировка О.С.Соловьевой; ее обоснование см.: *ПИМ* III, с. 279—282). Тогда же сделаны и цифровые записи, сразу зачеркнутые.

Печатается впервые.

32.

194

500
15
485
235
110
———
830
320
———
510



Подсчеты стихов в восьми строфах «Езерского»

На л. 23 об. тетради № 2373 (совр. шифр — *ПД* № 842), в черновике «Езерского». Смысл подсчетов непонятен. Первое число, очевидно, в дальнейших расчетах не учитывается, далее идет вычитание, потом трижды — сложение и опять вычитание.

Опубликовано впервые Я.Л.Левкович (*ПИМ* XIV, с. 158).

33.

дек. 1832 Полу —
500
160

Запись в записной книжке (л. 1) Пушкина, хранившейся в *ПБЛ* (см. *Рук. П*, № 43, с. 24; совр. шифр — *ПД* № 840, л. 1).

О получении каких денег говорит запись, сказать не можем.

Впервые напечатано: *РП*, с. 361.

34.

1773
18
———
55

Запись на л. 2 тетради № 2374 (совр. шифр — *ПД* № 845, л. 2), на той же странице, где греческий текст «Одиссеи». Так как в этой же тетради (лл. 4 об.—5) имеются две программы «Капитанской дочки», одна из которых датирована 31 января 1833 г., то возможно, что данная запись, сделанная, вероятно, одновременно с программами, представляет собою вычисление года рождения молодого Гринева. 1773 год — год Пугачевщины. В окончательном тексте повести (глава I) Гринев покидает родительский дом на семнадцатом году своей жизни, но вначале Пушкин, можно думать, предполагал пустить его в приключения восемнадцатилетним.

Впервые напечатано: *РП*, с. 337.

35.

1) Станцiя дано 84[1] руб
Нанято за 84[2]
дано 14[3]
дано 50

См. примечание к следующей записи.

[1] *4 переделано из* 0.

[2] *Обе цифры написаны очень неясно.*

[3] *1 написана неясно.*

36.

{27
 5

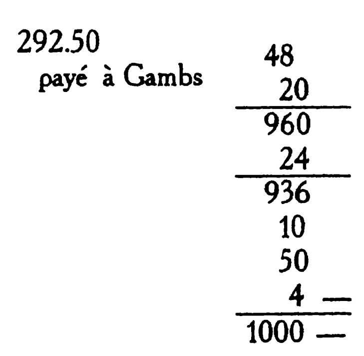
220
20
———
44,0 рубля до Ор<енбурга>
32
———
12

500 [0]
20
———
100.00

Эта и предыдущая, опубликованные впервые: *РП*, с. 361, записи сделаны в записной книжке (лл. 1 и 5) Пушкина, хранившейся в *ПБЛ* (см. *Рук. П*, № 44, с. 26 и 27; совр. шифр — *ПД* № 844) и бывшей у Пушкина во время его поездки в Оренбург в 1833 г. Приехав в Москву 25 августа, Пушкин 29-го выехал в Нижний Новгород и, проехав через Казань, Симбирск и Самару, приехал 18 сентября в Оренбург. Выехав 20 сентября из Оренбурга в Уральск, 1 октября Пушкин приехал в Болдино.

Вторая запись представляет собою расчет платы за лошадей. Стоимость проезда на почтовых лошадях взималась по 5 копеек с лошади за версту. Хотя по своему чину Пушкин имел право лишь на три лошади, ехал он, очевидно, на четверке, так как плату высчитывает из расчета 20 копеек за версту. Слова записи — «до Оренбурга» — указывают, что расчет сделан во время поездки в Оренбург, а не на обратном пути оттуда. По дороге из Самары в Оренбург в 220 верстах (по «Почтовому дорожнику» 1824 г. — 219 верст) от Оренбурга была почтовая станция Погромная. Стоимость провоза от нее и высчитывал Пушкин. Второе вычисление этой записи — тоже подсчет платы за лошадей. От Болдина до Москвы Пушкин считал 500 верст. О плате за провоз говорит и первая запись. В ней слово «дано» означает плату за почтовых лошадей, а слово «нанято» — плату «вольному» ямщику. О каких перегонах говорит запись, сказать трудно. Считая по 20 копеек за четыре лошади с версты, 84 рубля Пушкиным было заплачено за часть пути в 420 верст.

37.



292.50
payé à Gambs

48
20
———
960
24
———
936
10
50
4 —
———
1000 —

Запись об уплате А.Гамбсу сделана карандашом на обороте л. 2 письма М.И.Калашникова к А.С.Пушкину от 19 декабря 1833 г. Справа вычисления (расчет долга?). Хранится: *ПД* № 1698, л. 2 об. Датируется концом января 1834 г. по счету братьев Гамбс за купленную Пушкиным мебель в 1832—1837 гг., где записанная Пушкиным сумма значится под 30 января. Согласно этому счету, неоплаченный долг поэта мебельному магазину братьев Гамбс составлял 772 руб. 50 коп. Эти деньги были выплачены Опекой 14 мая 1837 г. (Летописи Государственного литературного музея, кн. 5. Архив Опеки Пушкина. М., 1939, с. 97—99.)

Мебельный магазин братьев Гамбс помещался на Итальянской ул., д. 18 (современный адрес: С.-Петербург, Итальянская ул., д. 17). Из мебели, приобретенной Пушкиным в этом магазине, сохранился столик на одной ножке из красного дерева, купленный в 1832 г. (см.: Февчук Л.П. Портреты и судьбы. Из ленинградской Пушкинианы. Л., 1984, с. 211.)

38.

[300	Отцу	[1000		[1300
1000	на раз	300		250
300	Изв.	200	[400]	50
300	Изв.	100		2000
300	Дюм<е>	200		1000
200	Сестрѣ]	600		2000
		2400]		2000]

Запись в тетради № 2377 А, № 18, л. 29 (совр. шифр — *ПД* № 1096, л. 1), находится на странице с текстом конца главы «Москва» статьи «Мысли на дороге», писавшейся в 1833—1835 гг.

Впервые напечатано: *РП*, с. 362. Предположительно датируем запись концом марта 1834 г. на основании статей расхода. 300 р. отцу и 200 р. сестре, может быть, уплата из тех самых 550 р., которые уплачены были Пушкиным перед 6 апреля 1834 г. и которые были внесены в «Щеты» как «старый» долг.

1000 на раз — конечно, на расходы.

300 изв. — извозчику. Расход, неоднократно встречающийся в записях Пушкина.

Дюме — ресторан в Петербурге.

Вторая колонна чисел дает ту же сумму, что и первая, и, очевидно, перечисляет в несколько иной комбинации те же статьи расхода, что и первая колонна.

39.

К. Ив. —	3000
Яковл. —	3900
См. —	3000
Книг. —	2000
Об. —	1500
	13400
Пл. —	300
	6200
	1800
	1700
	800

Написано карандашом на обороте письма Д.М.Княжевича к Пушкину от 21 марта 1834 г. Письмо хранилось в *ТМ* в делах Опеки над детьми и имуществом Пушкина (совр. шифр — *ПД* № 1701, л. 2 об.).

Запись напечатана Б.Л.Модзалевским в *ПС* XIII, 103.

Время написания этого перечня долгов Пушкина — не ранее 22 марта 1834 г. С другой стороны, если понимать запись: «Книг. — 2000» — как долг И.Т.Лисенкову, то перечень сделан не позднее 25 мая 1834 г.

К. Ив. — Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842), тетка Н.Н.Пушкиной. Этот долг значится в списках № 45 и 49.

Яковл. — Иван Алексеевич Яковлев (1804—1882), миллионер, владелец железных и медных заводов и полотняных фабрик, очень широко живший и ведший большую карточную игру. Ему Пушкин еще в 1829 г. проиграл в карты 6000 р. Возможно, что часть этого долга и записана Пушкиным. Сохранилось письмо Пушкина к И.А.Яковлеву от 9 июля 1836 г. (*Акад.* XVI, 136) с просьбой об отсрочке уплаты долга до осени. Но и осенью Пушкин денег не уплатил, и 6000 р. Яковлев получил с Опеки (*ПС* XIII, 97). Об И.А.Яковлеве и Пушкине см. *П* II, 355—356.

См. — Николай Михайлович Смирнов (1807—1870), знакомый Пушкина, муж Александры Осиповны, рожд. Россет. Долг Смирнову в 2000 р. записан Пушкиным и в перечне долгов 1836 г. (см. список № 49).

Книг. — вероятно, книгопродавец Иван Тимофеевич Лисенков, которому Пушкин 12 июля 1833 г. выдал вексель на занятые 3000 р., сроком на шесть месяцев (по 12 января 1834 г.). По этому векселю Пушкин уплатил в срок лишь 1000 р., а 26 мая 1834 г. выдал Лисенкову новый вексель на занятые 4000 р., сроком на три месяца (по 26 августа 1834 г.). Таким образом о долге в 2000 р. Лисенкову Пушкин мог записать в период времени между 12 января и 25 мая 1834 г.

Об. — кн. Николай Николаевич Оболенский (1792—1857), дальний родственник поэта. Долг ему — карточный проигрыш Пушкина. Этот Оболенский, по свидетельству М.Н.Лонгинова, был шулер (неопубликованные заметки на принадлежавшем М.Н.Лон-

гинову экземпляре «Родословной книги» кн. П.В.Долгорукова[1]. Об одной карточной истории с Оболенским рассказывал П.И.Бартеневу П.В.Нащокин (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым. М., 1925, с. 46). В делах Опеки имеются два векселя, выданные Пушкиным кн. Н.Н.Оболенскому, но более позднего времени (1 июня 1836 г.), чем комментируемая запись.

Пл. — вероятно, П.А.Плетнев, как предполагал Б.Л.Модзалевский (*ПС* XIII, 103). Н.О.Лернер считал (*ИВ* 1910, VIII, 666), что это А.П.Плещеев, которому был должен Л.С.Пушкин 2000 р. и 30 червонцев. Если наша датировка записи верна, то «*Пл.*», конечно, не Плещеев, уплата долга которому относится к более позднему времени.

40.

<л. 1>

Щеты по части
Управленія Болдина
и Кистенева
1834

<л. 2>

1834 года

Апрѣля 6	за домъ	заплачено 666 р.
—— 9	деньгами	200 р.
Стараго долгу осталось		550 р.
	разходу всего	1,416 р.

За брата Льва Сергѣевича

Апрѣля 29го за квартиру		1,330 рубл.
въ ресторацію ————		260 р.
	разходу вс.	1,590.

<л. 2 об.>

Май

24го деньг. матушкѣ		100 р.
30го ———		200 р.
	разходу всего	300 р.

[1] Собственность В.С.Арсеньева.

1854 года

апреля 6 за дачу задаточно 666 р.

— 9 — Эмилии 200 р.

Паше на дорогу остальных 550 р

расходу всего 1416 р.

брата Миши супруге

апреля 29-го за квартиру 1,330 руб.

въ ресторацию — 260 р.

расходу вс. 1,590.

Приходо-расходная запись.

Іюнь.

4го деньг.<ами> 50 р.
6го каретнику 678 р.
8го деньга<ми> 150
9го ден<ьгами> 350
всего разх. 1228

Получено изъ Болдина 400 р

Всего разхода отъ 6го апрѣля
(кромѣ долгу)

по 9 іюня.................. 3924 р.
Стараго долгу 550
всего 4,474 руб.
Прихода .... 400 руб.

<л. 3>

Іюнь
9го —— 50

Іюля

3 портному 50
[4 каретнику]
6го получено оброку 30 руб.
20 іюля заложено 74 души
за 13,260 рублей. (60 задерж.
въ Ломб.)
тоже числа ——
За Льва Серг. заплочено Дюме 220 р.
2
Выдано ему-же —— [3]80 р.
23 въ Варшаву, за Л.С. —— 837 р.
31 Льву Серг. —— 950 р.

августа

14 авг. за перевозъ мебели — 35 р.
16 —— въ деревню — 500
—— за домъ — 166

приходу 13,230 руб.
разходу 3,088 руб. да забранныя
впередъ 4,070
7,158

<л. 3 об.>

Итого изъ всей суммы остается
6,042 рубля

Сентябрь

1го въ Совѣтъ —— 350 р.
Щетъ Портного за Льва Серг. 391

Октябрь

22 въ деревню — — — — — 500

Ноября

1го За 4 мѣсяца людямъ 168 — [50]
18го Послано въ дерев<ню> 350
21ое отъ Ив. Кукшина получено 30

декабря

4го людямъ дано 40 р.
21го дек. 150 р.

<л. 4>

28 дек. за домъ 800
—— —— за Л.С.Беклемишеву 1500

Въ концѣ декабря <u>изъ доходовъ</u>
Болдина, заплачено 1270
въ С.П.Б. Опекунскій Совѣтъ (про-
сроченныхъ процентовъ) въ теченіи
лѣта заплачено 300 р.

<л. 5>

1835 года

<л. 5 об.>

<u>Приходъ</u>

<u>11,114</u> рублей въ февралѣ за
плачены въ Опекунскій
Совѣтъ (<u>просроченныя</u> проценты)

<л. 6>

<u>Разходъ</u>

$3^{го}$ Янв дано	15
$4^{го}$	150
$11^{го}$	500
26	100
	765

<u>Февраль</u>

$14^{го}$ дано	100
$15^{го}$ отъ Ан. Ник. В. взято	20
16 за домъ	300
22 дано	75
	495

<u>Марта</u>

1 дано	200
4 за домъ	300
17 дано	100
31 –	100
	700

<л. 6 об.>

Приходъ

<л. 7>

Разходъ

апрѣль

6го дано — — — — — — — —	200 р.	
17 ————————	100 р.	
	300	

Май

3 —— дано — — — — — — —	200 р.
17 ——	150
	150
	500

іюнь

14 — — — — — — — — — —	25
17 — — — — — — — — — —	375
20 портному	175
	575

Записи сделаны в приходо-расходной самодельной книжке, сшитой из шестнадцати согнутых пополам листов почтовой бумаги в четвертку, хранящейся в *ПД* № 739.

Из шестидесяти четырех страниц исписаны лишь одиннадцать: лл. 1, 2—4, 5, 6 и 7.

Напечатано и факсимильно воспроизведено Щеголевым сперва в «Новом мире», 1927 г., № 12, с. 182—187, а затем в *ЩМ*, 215—218 и между 120 и 121. Комментарий к записям см. № 42.

41.

Приходъ		Разходъ	
8го іюня изъ Болдина	400	6го апрѣля, за домъ	666
6го іюля оброку	30	9го дано	200

20го за залож. 74 душъ (за вычитомъ долгу) 13,260
4го окт. оброку 200
13,890
въ Лом. задерж. 60

Остается 5,709 —————— Вычесть
изъ нихъ старого долгу за сестру и
за людей 550, остается 5,159.
Беклемишевъ требуетъ изъ нихъ 2,000
а Прасковья Александровна 1,870 ———
Если имъ заплатить, то останется еще
1,229 рубл.

Бекл. запл.	1500
въ дер. посл.	350
дано	150
——	800
	2800
за Л.С.Векс.	2500
	5300

21 дек. дано деньг. ———— 150
28 дек. за домъ 800
——— за Л.С.Беклемиш. 1,500
2,400

Янв 1835

3 Янв. — — — — — —15
4 — — — — — — — —150
11 — — — — — — — —500

29го за брата Л.С. въ домъ Энгельгарда 1,330
— за него-же въ ресторацiю 260
24го мая, дано —— —— —— 100
30го —— —— ——..........................200
4го iюня 50
6го —— каретнику............ 678
8го —— дано 150
9го ————— 350
того же.....................................50
3го iюля, портному 50
за брата:
20го —— Дюме за Л С. 220
— — ..... дано. Ему-же......... 280
— — — — въ Варшаву за Л.С. 837
— — — — дано въ дорогу......950
14го августа за перевозъ мебели 35
16го —— въ деревню посл. ...500
— —— за домъ..................166
1го сент. портному за Л.С. ... 391
22 октября въ деревню..........500
1го ноября людямъ 168
8,131

Въ ломбардъ заплочено изъ оброчн. денегъ 350 р.

26 ———————— 100
15 февр ——————— 100
—— —— взято отъ Ан.Ник.В. 20
16 за домъ ——————300
22 дано —————————— 75
1 Марта дано 200

4 за домъ ———————300
17 дано ——————————100
31 ——————————— 100
апр: 6 дано ——————— 200
17 ——— 100
мая 3———————————200
17——————————150
——————————150
іюня 14 25
17 —— 375
20 порт ———————175

Записи сделаны на листе (две страницы) голубоватой бумаги большого формата с золотым обрезом, без вод. зн., хранившемся в *ПБЛ*, куда лист поступил от Н.И.Тарасенко-Отрешкова (см. *Рук. П*, № 124, с. 43; совр. шифр — *ПД* № 1663).

Первый раз напечатано и факсимильно воспроизведено Щеголевым в *ЩМ*, 223—226.

42.

Приходъ		Разходъ	
іюня 8го изъ Болдина ———	400	апрѣля 6го, за домъ	666
——— [1]6го оброку	30	———9го, дано	200
——— 2го[2] за залож. 74 душъ		Мая 24го ——	100
за вычетомъ долгу	13,200	—— 30го ——	200
октября 4го оброку	200	іюня 4го ——	50
ноября 21го оброку	30	—— 6го каретнику	678
	13,860	—— 8го дано	150
		——9го ——	350
		того же	50

[1] *Описка, вместо:* іюля.
[2] *Описка, вместо:* 20.

іюля 3го портному 50
августа 14го за перев. меб. 35
——— 16го въ дер. посл. 500
——— —— за домъ 166
октября 22го въ дер. 500
ноября 1го людямъ за чет.
мѣс. — — — — — —168
——— 18го въ дер 350
декабр. 4го людямъ 40
дек. 21го дано 150

5 377

4,403
800

[3 877]
1

За брата Л.С. ———

апрѣля 29го за квар. Энг. 1,330
—— — въ рестор. Энг. 260
іюля 20го Дюме 220
—— — дано 280
—— — въ Варшаву 837
дано въ дорогу 950
3,877

5,377

3 [1 500]

За Л. С.
[Разходъ] 3,877

[5377]
891

Сент. 1го
Портному ——— 391
Дек. 2го купленъ вексель
въ 10,000 за 2,500

6,768
1,500

8,268

16,268
1 230

15 038
[8,268]

15 030
1 230

13,800

15,030

всего разходу 12,271 3877 1570
старого долгу ——— 550 1391 1114

[*нрзб*]	500	2,684
[...]	5768	
[12,821]		[14,00]

Впередъ взято мною изъ до
ходовъ ——————3,000 мои

На Бр. Льва вышло, 6768 ——— Этими деньгами
получилъ онъ 1500 рубл. ассиг. и заплачено 12,768
долгу —— [1]

					12,288
			4,000		5 835
	6768			950	18,123
	———			280	2,500
			3	——	——
Бекл.	500		7	12,30	20,623
			——		——
Пр. Ал.	2,000		[100]		4403
			6		5,835
дано	765	[100]			[2 400]
					[8 800]
———	495	5835			550
				20623	1500
——	700			6	——
				14,623	12 288
——	800				
——	575				
	5835				

Записи сделаны на листе (две страницы) голубоватой почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: «А.Г.1826», хранившемся в *ПБЛ*, куда лист поступил от Н.И.Тарасенко-Отрешкова (см. *Рук. П*, № 123, с. 43; совр. шифр — *ПД* № 1664). Первый раз напечатано и факсимильно воспроизведено Щеголевым в *ЩМ*, 219—222.

В начале апреля 1834 г. Пушкин, спасая от разорения отца, мать, сестру и брата, вынужден был взять на себя управление имением и вообще вести денежные дела семьи. В деньгах, которыми Пушкин распоряжался, он должен был отчитываться, для чего и была заведена им специальная тетрадь «Щетов по части управления Болдина и Кистенева». В тетради этой записи приходов и расходов производились с 6 апреля 1834 г. по 20 июня 1835 г.

Одновременно с записями в тетради Пушкин вел записи на отдельном (первом) листке. С этого листка Пушкин в конце декабря 1834 г. (не ранее 21-го и не позднее 27-го) все записи переписал на второй листок, выделив в конец расходы на Льва

Сергеевича и подведя итоги, для чего сделал ряд подсчетов. Нужно сказать, что в последних Пушкин делал очень часто ошибки, так что с бухгалтерской точки зрения все его записи малого стоят. Так, в тетради Пушкин записывает, что всего расходов с 6 апреля по 9 июня, «кроме долгу 3924 р.», а в действительности расходов в тетради записано 3984 р., если не считать 50 р., израсходованных 9 июня.

В следующем итоге — по август 1834 г. — Пушкин, правильно записав (в тетради), что «приходу 13 230 руб.», пишет: «разходу 3088 р. да забранные вперед 4070». Первая сумма получается, если считать, что Льву Сергеевичу 20 июля было выдано 380 р., как было у Пушкина первоначально записано. Но потом Пушкин исправил «380 р.» на «280 р.», и, таким образом, итог оказался неверным. Непонятно, как получилась сумма в 4070 р. «забранных вперед» денег, то есть денег, которые тратил Пушкин из собственных средств до получения денег за заложенные в Опекунском совете души. Но если и принять ее, показанный Пушкиным остаток в 6042 р. неверен: остаток был 6072 р.

В итогах приходов и расходов с 6 апреля по 1 ноября 1834 г. Пушкин в первом листке делает две ошибки. Выведя сумму приходов в 13 830 р. (13 890 — 60 р., задержанных в ломбарде), а сумму расходов в 8131 р., Пушкин записал (сбоку): «Остается 5709», тогда как должно бы остаться 5699.

В этой же боковой записи Пушкин утверждает, что если уплатить долги Беклемишеву и П.А.Осиповой, то останется «еще 1229 рубл.», тогда как на самом деле оставалось бы 1289 р.

Для полного уразумения записей Пушкина нужно еще принять во внимание, что они касаются лишь денег, прошедших через его руки. Из доходов Болдина к Пушкину поступала незначительная часть, большая же часть этих денег шла непосредственно в Опекунский совет на уплату процентов за многократно заложенные и перезаложенные души. Но, вводя эти деньги в сумму тех, в которых он должен был отчитываться перед родными, Пушкин записывал их особо в тетради. Таковы записи в тетради в конце 1834 г.: «В конце декабря из доходов Болдина...», и в начале 1835 г.: «11,114 рублей в феврале заплочены...».

Почти ко всем записям реальный комментарий дан Щеголевым в *ЩМ*. Здесь (с. 128—129, 136—137, 138—142) выдержками из семейной переписки Пушкина и деловыми документами вскрыто значение записей об уплате долгов Льва Сергеевича: «за брата Л.С. за дом Энгельгардта», «за него же в ресторацию», «Дюме за Л.С.», «дано ему же», «в Варшаву за Л.С.», «дано в дорогу», «за Л.С.Беклемишева», «куплен вексель в 10000», выяснено, что записи «за дом» говорят об уплате за квартиру в семь комнат, которую наняли родители Пушкина в ноябре 1833 г. в доме Ефремова у Пустого рынка, что записи «людям» означают выдачи харчевых прислуге Пушкиных, остававшейся в Петербурге во время пребывания стариков в Михайловском, где они жили с июня до декабря, и т.д.

43.

19 іюля 1834 заложено на 37 лѣтъ 74 души (за удержаніемъ долгу) выдано 13,242 р.
Платить процент. 900 руб. (за 15,200)

Запись сделана рукой Пушкина на третьей странице документа (2 листа in f°), представляющего собою справку из Опекунского совета о займах С.Л.Пушкина (с. 1—3) и письмо С.А.Соболевского к Пушкину (с. 4). Документ до 1928 г. принадлежал внуку поэта Григорию Александровичу Пушкину, а затем через В.С.Нечаеву поступил в *ПД* № 737. Впервые полностью текст документа с записью Пушкина был напечатан В.С.Нечаевой в *КА* 1928, XXVIII, 231—234.

Приняв в апреле 1834 г. с большой неохотой управление Болдиным, Пушкин просил своего приятеля С.А.Соболевского получить точную справку в Опекунском совете о положении дел по займам отца под залог душ. Бухгалтер, «приятель» Соболевского, такую справку дал, а Соболевский, посылая ее Пушкину, сделал к ней такую приписку:

Из сей бумаги следует

1) что у тебя душ 1037 по последней ревизии, а не 950 как ты говорил. К ним земли 4698 десятин.

2) что из них 563 заложены с надбавочными
200 заложены с надбавочными
200 тобою заложены без надбавочных
74 совершенно свободны.

И так ты можешь получить: на свои 200 надбавочных 10.000 руб.
на 74 всего по 250. 18.500.

Сверх этих 28.500 рублей есть надежда что души по новой ревизии прибавились и что их можно будет заложить. —

3) что недоимка 11.045 рублей 92 копейки, кои должно немедленно заплатить, как то отметил мой приятель бухгалтер. Впрочем я думаю, что у него последний платеж, сделанный теперь в деревню, еще не известен. И так 11.045 есть maximum, с надеждою на minimum.

И так у тебя остается с первого раза 17.000 рублей на платеж 10 или 12 тысяч за Льва и отца, и на прокорм отца за год вперед, не считая оставшихся доходов. Есть же тебе из чего печалиться, а Натальи Николаевне дуться?!!

[Соболевский]

4) ежегодно следует платить	за отца	11.826 рублей 50 сор.	
	за себя	2.400 —	
	за те, коих переложишь и заложишь	11.847.	
		16.173	50.

Пушкину ничего не оставалось делать, как последовать совету Соболевского, и 74 души были заложены. Об этом и говорит запись Пушкина на справке бухгалтера. Сумма, полученная под залог душ, в комментируемой записи — 13 242 р., а в «щетах» 13 260 р., причем из записей на листках выходит, что фактически Пушкин получил 13 200 р.

44.

[20
500
―――
10000]

	2
Пол.	4,000
Забр.	2,000
За от.	1,500
въ дер.	7500[1]
За ж.	1000[2]
За обои	200
Дюр[3]	300
Изв.	300[4]
кар	200

Рукопись принадлежит к рукописям Пушкина, которые Анненков, увезя к себе в Симбирскую губернию, подарил В.Н.Назарьеву. Хранился в *ЛБ* (совр. шифр — *ПД* № 973, л. 1 об.). Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено М.А.Цявловским в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. Ленина», в. III, 1934, с. 25. Записи сделаны на обороте листа (in f°), на лицевой его стороне написано стихотворение бар. А.К.Боде к жене и детям, оставленным в Судаке, датированное: «С.Петербург. 28 октября 1834 г.». На той стороне листа, где сделаны комментируемые записи, находятся планы «Капитанской дочки» и сказки о Бове. На основании даты стихотворения Боде запись приходов и расходов сделана, несомненно, не ранее начала ноября 1834 г. и, вероятно, в конце декабря этого года — январе 1835 г., когда Пушкин получил 4000 р. за экземпляры вышедшей в свет «Истории Пугачевского бунта». См. еще запись № 45.

Забр. — означает, вероятно, 2000 р. за экземпляры, «забранные» К.А.Полевым (см. запись № 45).

в дер. — означает, конечно: «в деревню» (см. записи №№ 40—42), но непонятна столь большая сумма уплаты в 7500 р., превосходящая сумму поступлений (6000 р.). Возможно, что Пушкин описался и написал вместо: «750» — «7500».

За ж. — означает, вероятно: «за жену», то есть долг модистке Сихлер за наряды Натальи Николаевны. Ср. в записи № 45 «3000 р. Сихл».

За обои — расход, связанный, вероятно, с переездом к Пушкиным сестер Натальи Николаевны. Ср. с записью уплаты столяру в записи № 45.

---

[1] *Последний нуль можно прочесть и как:* с.

[2] *Первоначально было:* 2000.

[3] *Описка вместо:* Дюм<е>.

[4] *Первоначально было:* 500.

Дюр — ресторатору Дюме.

Изв. — плата извозчику в месяц за лошадей. Ср. записи №№ 38, 46, 47 и 49.

кар — вероятно, каретнику. Ср. в записях №№ 41 и 42.

Подсчет наверху (умножение «20» на «500») — непонятен. Такой же подсчет имеется в записи № 36, но там он означает вычисление прогонных денег из Болдина в Москву, здесь же он едва ли может означать это.

45.

Публикуемая на следующей странице запись сделана на одной стороне листа в 4 д.л. голубой бумаги (без водяного знака), на другой стороне которого черновой набросок песни о Георгии Черном (*ПД* № 232, л. 2 об.; см. *ПС* IV, 16, № 61).

Левая часть записи, занятая подсчетами, не имеет отношения к правой и стоит в связи с записью № 18. Так, например, числа у левого края: «1330», «837», «1391» — это деньги, уплаченные за Льва Сергеевича Энгельгардту, Павлищеву («в Варшаву») и портному (391 р.), с присоединением 1000 р., уплаченных Беклемишеву.

Наверху стоящее «6768» — общая сумма уплаченных долгов Льва Сергеевича, занесенная в качестве таковой в записи № 18. Все эти подсчеты сделаны в первой половине 1835 г., когда поэт ведал еще денежными делами родных.

Правая часть записи представляет собою перечень долгов, который Пушкин сделал, вероятно, в связи с получением 4000 р. за «Историю Пугачевского бунта», вышедшую в свет в конце декабря 1834 г. Еще приступая к изданию «Истории», Пушкин рассчитывал выручить от продажи ее 40 000 р. (*Акад.*, XV, с. 108). Из этой суммы Пушкин исходит и теперь, считая, что он продаст книгопродавцам 3000 экземпляров по 13 р. за экземпляр (то есть со скидкой в 35%, так как номинал «Истории» — 20 р.). В ожидании получения этой суммы поэт и составил список предстоящих уплат.

4000 — вероятно, сумма, полученная за проданные экземпляры «Истории Пугачевского бунта». Это же число дважды написано посередине записи слева и справа, где обведено рамкой.

1300 Энг. — это, вероятно, все тот же долг 1330 р. Льва Сергеевича за квартиру в доме Энгельгардта. В счетах по управлению Болдиным значится этот долг как уплаченный 29 апреля, но Пушкин фактически денег этих не уплатил, так как в делах Опеки имеется вексель, выданный Пушкиным 3 мая 1834 г. на год В.В.Энгельгардту на ту же сумму 1330 р., какую был должен ему Лев Сергеевич.

Запись об этом векселе, сделанная несколько в стороне перечня долгов и не включенная в подсчет, указывает на то, что по этому векселю, по крайней мере полностью, Пушкин платить не собирался.

За бум. 3113. — имеется в виду стоимость бумаги, на которой печатались 1800 экземпляров «Истории Пугачевского бунта». Из письма Пушкина к М.Л.Яковлеву от 3 июля 1834 г. видно, что для этого числа экземпляров бумага шла за счет Пушкина.

Лис — конечно, И.Т.Лисенкову, по его векселю в 4000 р.

Пав — мужу Ольги Сергеевны, Н.И.Павлищеву.

4 000 <*нрзб*> — долж.

1 300 Энг.

За бум.	3 113	3 500	Смирд.
Лис	2 600	2 600	экз.
Пав	1 500	2,000	есть
К.И.	3,000	8,109	
Юр	1,800		
Пр А.	1,800	[4,000]	
Бекл [200]	500	1 800	
4000 Стол.	1,000 —	9.900 —	
4000 Нащ.	3,000	500	
	18,313	8,109	
40,000 ____	10,000	10,000	
[10000] ([6500])	7,000		
	35,313		
____ 5,000 ____		Сихл.	
____ 1,500 ____	3,000		
	38,000		

1,000
1,200
300
нрзбр 4,000
нрзбр 4,000
2,000
1,000
[13,500]

10,000
1 330
837
12,167
1 391
8

6 768
7 500
[14,268]
1 500
нрзбр 2768

90
66
0

[72
6]

[100]

768
12,[500]

10,000

[13,500
2,000]
15,000

[3000] [2,000
1,200]

К.И. — Екатерине Ивановне Загряжской, тетке Н.Н.Пушкиной.

Юр — ростовщику, прапорщику Василию Гавриловичу Юрьеву. В архиве Опеки имеются выданные ему векселя, но более позднего происхождения, чем комментируемая запись.

Пр А. — Прасковье Александровне Осиповой. Это долг отца. О нем напоминала Осипова в письме к Пушкину от 1 ноября 1834 г., о чем отметил Пушкин в записи № 41.

Бекл — П.Н.Беклемишеву, дяде А.П.Плещеева, которому был должен Лев Сергеевич 2000 р. и 30 червонцев. Из этих денег Пушкин уплатил в декабре 1834 г. 1500 р. Об оставшихся 500 р. и 30 червонцах напоминал Плещеев Пушкину в письме от 5 июля 1835 г.(см. *ЩМ*, 141).

Стол. — возможно, что разумеется долг столяру за изготовление мебели.

Нащ. — П.В.Нащокину.

Подведя итог долгов, Пушкин стал высчитывать, сколько он должен получить денег за взятые книгопродавцами экземпляры «Истории Пугачевского бунта». Эти вычисления сделаны в крайней колонке. Слова «экз. есть» означают, очевидно, что производится подсчет экземпляров, которые уже взяты книгопродавцами. Таким образом, число «3500» означает сумму рублей, на которую взял экземпляров «Истории» Смирдин, «2600» — И.Т.Лисенков, которому, следовательно, Пушкин уплачивает долг по векселю книгами. На векселе Лисенкову от 26 мая 1834 г. значится, что Пушкин уплатил ему 2343 р. Эта уплата, очевидно, и есть та, о которой говорит комментируемая запись. Меньшая сумма (2343 р.), чем та, которую записал Пушкин (2600 р.), свидетельствует о том, что Лисенков расчелся лишь за экземпляры, им фактически проданные ко времени расплаты. Сумма «2000», вероятно, означает деньги за экземпляры, взятые московским комиссионером Пушкина К.А.Полевым. Присчитав еще 1800 р. за экземпляры, кому-то отданные, Пушкин полученную сумму (9900 р.) округлил до 10 000 р. (то есть до 769 экземпляров «Истории») и приписал к полученной сумме долгов, так как, очевидно, всем книгопродавцам он был должен, о чем, возможно, и говорит сделанная наверху помета: «долж<ники>»[1]. Затем приписано еще 7000 р. кому-то, и, наконец, после того как был уже подведен итог, пришлось приписать долг мадам Сихлер, содержательнице модного магазина, где одевалась Наталья Николаевна. В окончательном итоге получилась сумма в 38 000 р., то есть почти все те деньги, которые получил бы Пушкин, если бы «История Пугачевского бунта» разошлась полностью. На самом же деле о вышедшей в свет в последних числах декабря 1834 г. «Истории» Пушкин записал в своем дневнике в феврале 1835 г.: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают». И действительно, по подсчету П.Е.Щеголева, Пушкин ко дню своей смерти выручил от продажи «Истории» maximum 20 000 р.[2] Итак, все расчеты оказались построенными на песке, и, вероятно, почти все долги, намечавшиеся к уплате, остались неуплаченными.

---

[1] Слово «должник» означало «заимодавец». В «Горе от ума»: «Но должников не согласил к отсрочке».

[2] После смерти Пушкина в его квартире оказалось 1775 экземпляров «Истории Пугачевского бунта». См.: Щеголев П.Е. Бюджет А.С.Пушкина в последний год жизни. «Прожектор», 1929, № 11 (181), с. 23, и его же: Материальный быт Пушкина. «Искусство», ежемесячный журнал Главискусства Наркомпроса РСФСР, № 3—4, май-июнь 1929 г., с. 42, где в одном месте сказано, что экземпляров «Истории» на квартире Пушкина оказалось 1775, а в другом — 1750. Не заметив ошибки, Щеголев высчитал, что продано было 1250 экземпляров, тогда как продано было всего 1225 экземпляров.

46.

6000

[Dettes de p.]

[14]

19

3
pour la maison[1] 6,000
— les chevaux[2] 4,000
pour la cuisine[3] 4 800
14,800
1000 par mois [100] 12,000
26,800
robes[4], theatre &c. 4,000
300 30,000

[12
3 [3] [5,000]
41 [0]
3600 [3,60] 12 4900
12000
3000]
82
41
[492]

15000
[15]
[600]

Запись сделана на листе (две страницы) почтовой бумаги большого формата, входящем в состав Шляпкинского собрания автографов Пушкина (*ПД* № 207; см. *Ш* 11 и 104). Кроме этой записи, на листе черновой набросок «То было вскоре после боя» и черновик письма Пушкина к Бенкендорфу от 4 июля 1835 г. Впервые напечатано у *Ш* 11.

Запись представляет собою план расходов на год. Первой статьей поставлена плата за квартиру, которую Пушкин снимал с 1 мая 1835 г. по 1 июня 1836 г. в доме Баташева на Дворцовой набережной, у Прачешного моста за 6000 р. в год.

[1] На дом *(фр.)*
[2] На лошадей *(фр.)*
[3] На кухню *(фр.)*
[4] Платья *(фр.)*

Из других записей и имеющегося в архиве Опеки детей Пушкина счета извозчика Ивана Савельева видно, что последний получал 300 р. в месяц за четверку лошадей, которые закладывались в экипажи Пушкина. Исходя из этой суммы в 300 р., Пушкин и подсчитал было тут же стоимость лошадей в год, но потом прибавил еще 400 р., поставив «pour les chevaux 4000». На стол Пушкин считал по 400 р. в месяц. Подсчитав итог трех главных статей, Пушкин прибавил еще разных расходов по 1000 р. в месяц, но и этого показалось недостаточно, и он прибавил еще на платья, театр и т.п. 4000 р. Таким образом, всего расходов оказалось в год 30 000 р.

Подсчет этого сделан в июне-июле 1835 г. В это время Пушкин для поправления своего материального положения решил уехать на три-четыре года в деревню, а когда ему в этом было отказано, обратился к Николаю I за денежной помощью (см. *Акад.* XVI, №№ 1068, 1076, 1081, 1083, 1090 и статью Щеголева «Бюджет А.С.Пушкина в последний год жизни» в «Прожекторе», 1929 г., № 11 (181)).

На основании этого подсчета Пушкин и писал жене из Михайловского 21 сентября 1835 г.: «А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения: он его уже споловину промотал; Ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30000».

47.

<u>4 сент.</u>	
За книги	15р
посл. къ Нижег. Губ.	
за акціи	1,500р
На почту туда и	
обратно	38р
За шаль	600
За часы	90
За Бюстъ	60
Pourc. <?>	7,340
N H.	720
Гурьеву	800
	11,203
Яковлеву	495
<u>5 сент.</u> за домъ	2,000
<u>выигралъ</u>	290

Извощ.[у]	130
Првщ.	100
По дѣлу Жад.	30

Запись сделана в записной книжке (л. 81), хранившейся в *ПБЛ* и поступившей туда от А.А.Краевского (см. *Рук. П*, № 43, с. 25; совр. шифр — *ПД* № 840, л. 81). Год записи (1835) определяется статьями расхода: «посл. к Нижег. Губ. за акции» и «по делу Жад.», о чем см. ниже.

Впервые напечатано: *РП*, с. 382.

За книги — о покупке каких книг говорит запись, сказать невозможно. Это была какая-нибудь случайная покупка, так как обычно Пушкин покупал книги в магазине Беллизара в кредит.

Посл.<ано?> *к Нижег.*<ородскому> *Губ.*<ернатору> *за акции* — в бумагах Пушкина сохранилось письмо к нему Михаила Бушина (?) от 23 мая 1835 г., извещающего, что он по «изъявленному» Пушкиным «желанию взять акции второго страхового от огня общества» «назначить оных нисколько не может, потому что все сии акции, как отозвался к нему управляющий губерниею вице-губернатор, уже им розданы» (см. *Акад*., XVI, 27). Комментируемая запись свидетельствует о том, что акции эти Пушкин все же купил. Нижегородским губернатором в 1835 г. был Михаил Петрович Бутурлин, знакомый поэта, который обедал у него в сентябре 1833 г., проезжая через Нижний Новгород.

Pourc. — pour cent<?> — проценты «за заложенные» в Опекунском совете души.

NH. — вероятно, Наталье Николаевне Пушкиной.

Гурьеву — вероятно, гр. А.Д.Гурьев.

Яковлеву — трудно сказать, какого Яковлева разумеет запись. Едва ли это Иван Алексеевич Яковлев, которому Пушкин был должен 6000 р. еще с 1829 г. Может быть, это Михаил Лукьянович Яковлев, лицейский товарищ Пушкина, но о долге ему поэта нет сведений.

5 сент. за дом — с середины августа 1834 г. по октябрь 1836 г. Пушкин жил в доме С.А.Баташева. По контракту с последним Пушкин должен был заплатить 1 сентября 1835 г. 2000 р.

Выиграл — конечно, в карты.

Извощ.<*ику*> — вероятно, постоянному годовому извозчику Пушкина.

Првщ. — вероятно, «перевощикам», перевозившим вещи с дачи Миллера на Черной речке на квартиру в доме Баташева.

По делу Жад.<*имировского*>. — У Пушкина с П.А.Жадимировским, в доме которого жил поэт с декабря 1832 г. по июль 1833 г., было судебное дело, изложенное П.Е.Щеголевым в статье «Квартирная тяжба Пушкина» («Красная нива», 1929, № 24 от 9 июня), где опубликован счет (первые числа сентября 1835 г.) ходатая по делам на 28 р. 60 к. Уплата по этому счету и записана Пушкиным.

48.

2.500
25
12.500
5000
62.500
12.500
75.000

Подсчет на полях пушкинской рецензии на комедию М.Н.Загоскина «Недовольные» (*ПД* № 343); ниже шел черновик письма Пушкина к В.А.Соллогубу, отправленного в конце февраля 1836 г. Очевидно тогда же, перевернув лист верхом вниз, Пушкин занялся вычислениями. Зачеркнув одну за другой промежуточные цифры, он составил лишь итоговый результат и рядом очертил свой профиль (это хронологически последний из известных нам автопортретов Пушкина).

Смысл подсчета выясняется из письма сестры поэта О.С.Пушкиной мужу (конец января 1836 г.): «...он издает на днях журнал, который ему приносить будет, не меньше, он надеется, 60.000! Хорошо и завидно» (Вересаев В.В. Пушкин в жизни. М., 1987, с. 416). Начальное число обозначает тираж журнала «Современник» (два первых его тома действительно издавались двойным заводом), которое умножается на стоимость годового комплекта. Далее Пушкин предполагал увеличить подписную цену каждого комплекта на 5 руб., что, очевидно, соответствовало издательским расходам.

Ожидаемого дохода за журнал Пушкин не получил: расходился он плохо, и издательские расходы лишь увеличили общую сумму пушкинских долгов (см.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 446—447).

Впервые напечатано и откомментировано в кн.: Фомичев С.А. Графика Пушкина. СПб., 1993, с. 20.

49.

			4		
	+	Сихл	3500		
	+	Нащок	2000	+	6500
		Теткѣ	3000	+	800
	[+]	Пр. Ал.	2000	+	7300
[50]		[Смир	2000]		
				[500]	
		[Руч	500]		200
	+	Портн	700		[300]

	Изв	500		15	
	Книгопр.	1500	14		
+	Анг —	1000	7		16
+	Бекл ——	500	21	20	
	[Сестрѣ	1000]	15		
+	Энг.	1300			41,[300]
	[Дюме	400]			16
+	Въ погр	400			25,[000]
	[въ Ломб	7000]			20,[000]
	[За карты	5000]			45,[000]
					[10,000]
	Шишк	9000	[25		
	[Кокѣ[1]]		13		
		41,300	12]		

Написано в тетради № 2382, л. 77 (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 96) верхом вниз по отношению к остальному тексту. Судя по положению в тетради, этот подсчет долгов сделан в 1836 г. Суммы долгов сестре и Шишкину позволяют датировать запись августом: между 8 и 15.

Впервые напечатано у *Я* XI, 364—365 неполно и с ошибками.

Сихл — известная модистка Sichler (на Большой Морской, в доме Храповицкого, № 31). После смерти Пушкина ею был представлен в Опеку над детьми и имуществом Пушкина для уплаты счет за наряды Н.Н.Пушкиной на 3364 р. (см. *ПС* XIII, 106).

Нащок — приятель Пушкина П.В.Нащокин, писавший поэту в конце октября 1836 г.: «Со старым счетом ты мне должен 3 т.» (*Акад.* XVI, 181—182). Так как в комментируемом списке сумма долга Нащокину показана в 2000 р., то мы и полагаем, что список составлен до получения от Нащокина третьей тысячи.

Тетке — Екатерине Ивановне Загряжской, тетке Н.Н.Пушкиной.

Пр. Ал. — Прасковье Александровне Осиповой. Это, вероятно, долг отца поэта, С.Л.Пушкина, в 1500 р., который требовала Осипова в 1834 г. в размере 1870 р. (*ЩМ*, 130, 223) и который в 1836 г. Пушкин считает в 2000 р.

Смир — Николаю Михайловичу Смирнову. Долг Смирнову в 3000 р. значится в списке № 39, а в делах Опеки есть документы об уплате Смирнову долга Пушкина в размере 4900 р. (*ПС* XIII, 97).

Руч — «портной мастер» Руч. В делах Опеки имеется счет «Conrad Rutsch et C-ie» за сшитые Пушкину платья на 405 р.

Портн — в делах Опеки имеются два счета от портного Бригеля на 1065 р. и на 1142 р. (от 10 августа 1835 г.). По последнему счету Пушкиным было уплачено в четыре срока 612 р.

[1] *Читается предположительно.*

Изв — постоянному извозчику.

Книгопр. — Вероятно, книгопродавец Иван Тимофеевич Лисенков, которому Пушкин выдал 26 мая 1834 г. вексель в 4000 р. 26 августа 1834 г. по этому векселю Пушкин уплатил лишь 2343 р., оставшись должным 1657 р. Об уплате этих денег и записано Пушкиным, но он их не уплатил (*ПС* XIII, 105).

Анг — вероятно, в английский магазин Никольса и Плинке, счет которого на забранные вещи с 29 октября 1834 г. по 6 января 1837 г. на 2015 р. 12 к. имеется в делах Опеки (*ПС* XIII, 104),

Бекл — Петру Николаевичу Беклемишеву. Это долг Льва Сергеевича Пушкина, который должен был уплатить поэт. История этого долга рассказана П.Е.Щеголевым в *ЩМ* 138—140. Хотя Пушкин и писал брату 3 июня 1836 г., что «долг Плещееву[1] заплочен» (*Акад.* XVI, 123—124), последний в письме от 3 октября 1836 г. просил уплатить 500 р. и 30 червонцев (там же, 378). Ср. в «Лит. наследстве», № 16—18, с. 582.

Сестре — Ольге Сергеевне Павлищевой. О получении этой тысячи писал Пушкину муж Ольги Сергеевны Н.И.Павлищев 21 августа 1836 г. (*Акад.*, XVI, 157—158). Уплата долга обозначена зачеркиванием.

Энг. — Василию Васильевичу Энгельгардту. Поэт еще 3 мая 1834 г. выдал Энгельгардту вексель сроком на 3 мая 1835 г. на 1330 р., но денег этих так и не уплатил. Энгельгардт получил их с Опеки (*ПС* XIII, 105 и *Акад.*, XVI, 19—20).

Дюме — в ресторан Дюме. Долг, судя по зачеркиванию, был уплачен, что подтверждается отсутствием счетов в делах Опеки.

В погр — в делах Опеки имеется заборная книжка от винного погреба Рауля с 19 марта 1832 г. по 30 января 1837 г., по которой вин забрано на 777 р. (*ПС* XIII, 97 и 194).

в Ломб — в Ломбард, то есть в Опекунский совет проценты за заложенные «души».

За карты — проигрыш в карты.

Шишк<ину> — подполковнику Алексею Петровичу Шишкину, у которого Пушкин закладывал шали, жемчуга и серебро. Сын Шишкина представил счет в Опеку, в котором значилось, что Пушкиным были заложены вещи:

1	апреля	1835	г.	на	3550	р.
1	февраля	1836	г.	«	1250	р.
13	марта	1836	г.	«	650	р.
8	августа	1836	г.	«	7060	р.
25	ноября	1836	г.	«	1250	р.
25	января	1837	г.	«	2200	р.
				Итого	15960	р. (*ПС* XIII, 96, 98 и XII, 38)

На основании этого счета мы и полагаем, что комментируемая запись долгов не могла быть сделана ранее 8 августа. До заклада вещей за 7060 р., сделанного 8 августа, Пушкин не мог записать долг Шишкину в 9000 р. Правда, на основании приведенного счета Шишкина выходит, что с 8 августа 1836 г. Пушкин был должен 12 510 р., но, с одной стороны, он мог забыть о закладе 1 апреля 1835 г.[2], с другой стороны, вдова

[1] А.П.Плещеев, племянник Беклемишева, который и требовал долг с Пушкина.

[2] В приходо-расходной книжке за 1835 г. нет записи об этом закладе.

А.П.Шишкина (он умер 5 января 1838 г.) писала Опеке 20 февраля 1838 г., что Пушкин остался должен ее мужу 12 500 р., а не 15 960 р., как писал сын Шишкиной, почему счет последнего можно считать неверным (*ПС* XIII, 96, и XII, 38).

Коке — если прочтено верно, то, может быть, Екатерина Николаевна Гончарова, как называли ее дети Пушкина.

Как мы уже сказали, зачеркнутое обозначает, что долг уплачен. Сумма уплаченных долгов выходит на 16 000 р. В расчетах, сделанных справа от списка, эта сумма и вычтена из общей суммы долгов в 41 300 р. К оставшейся сумме в 25 000 р. Пушкин прибавил еще имевшихся долгов на 20 000 р. Таким образом выходит, что ко времени составления подсчета (август 1836 г.?) Пушкин считал сумму своих долгов в 45 000 р. После смерти Пушкина Опека уплатила его долгов на сумму до 120 000 р. Крестиками обозначены долги, которые, вероятно, нужно было уплатить в первую очередь.

50.

[300 за лошадей
4,500 за квар. с дров.
350 на кухню
300 на разходы
5,450

4500
950
12
1900
950
11400
4500
15900]

16,000

17000

[6,000
1,000
5,000]

[4,000
1,300
6,000
11,000]

[2,000]

18,000
4,000
22,000
13,000
9,000
3,000

[voue]
[voue *нрзбр*]

18,000
4,500
22,500

[4,000
6,000
2 500
1 500
4 000
1 000]

[Съ *нрзбр*]
Не смотря на

Запись сделана на листе в 8 д.л., на одной стороне которого черновой набросок о «Путешествии в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша и об «Антидоте» Екатерины II. Лист входит в Майковское собрание автографов Пушкина (*ПД* № 386, л. 1 об.; см. *ПС* IV, № 25, с. 30, и *КН* V, 387—388).

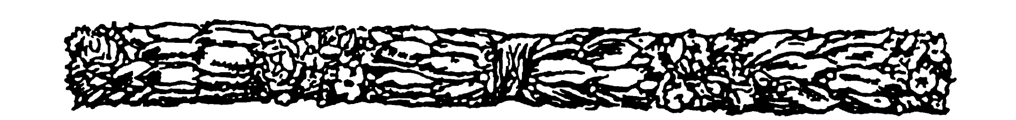
Впервые напечатано: *РП*, с. 386.

Набросок о «Путешествии в Сибирь» датируется 1836 г. Этим же годом нужно датировать и комментируемую запись, за что говорит и проставленная плата за квартиру. В доме Баташева Пушкин с 1 мая 1836 г. занимал квартиру за 4000 р. в год. С 1 сентября этого года он снимал квартиру в доме кн. Волконской на Мойке за 4300 р. в год.

Запись сделана следующим образом. Сначала Пушкин записал четыре главных статьи расхода: лошади, квартира, стол и разные расходы. Первая, третья и четвертая статьи взяты в месячном расходе, вторая — в годовом. Сложив все четыре числа, Пушкин вычел из полученной суммы годовую стоимость квартиры, чтобы получить сумму ежемесячных расходов на лошадей, стол и разные расходы. Она определилась в 950 р. Чтобы узнать расход по этим статьям в год, Пушкин помножил 950 р. на 12 месяцев и к полученной сумме прибавил годовую стоимость квартиры. В итоге получилось 15 900 р., но Пушкин сейчас же округлил ее до 16 000 р., а потом еще накинул тысячу и полученную сумму, как окончательную, предельную, заключил для большей выразительности в рамку, подчеркнув ее длинным рядом черточек, как бы говорящих о том, что за пределы этого числа ему нельзя выходить в своих расходах.

Сравнивая комментируемую запись с аналогичной записью июня-июля 1835 г., мы видим, что последняя предусматривает бóльшие расходы. Теперь, в 1836 г., и квартира на 1500 р. в год дешевле, чем в прошлом году, и лошади в месяц стоят 300 р., а не 333 р., и на стол определено в месяц 350 р., а не 400 р., и на остальное положено всего 300 р., тогда как в 1835 г. намечалось 1333 р. В итоге, вместо 30 000 р. 1835 г., теперь сумма расходов определилась лишь в 17 000 р.

Другие черновые денежные подсчеты и отдельные слова на этой странице не поддаются дешифровке.



VIII

ЗАПИСИ НАРОДНЫХ СКАЗОК И ПЕСЕН

В настоящий отдел входит полное собрание известных до сих пор пушкинских записей народных сказок и песен.

Первую часть составляют записи семи сказок, вторую — записи песен. Последние разбиты нами на две группы: на записи, сохранившиеся в к о п и я х *в собрании песен П.В.Киреевского, и на записи, имеющиеся в* а в т о г р а ф а х *Пушкина. Записи первой группы, в свою очередь, делятся на записи свадебных песен и на записи песен необрядовых.*

Транскрипция записей сказок и песен, сохранившихся в автографах Пушкина, сделана Т.Г.Зенгер. Л.Б.Модзалевскому принадлежит транскрипция записей №№ 12—15 песен необрядовых, сохранившихся в копиях П.В.Киреевского, и плана «вступления» к сборнику песен, который собирался издать Пушкин вместе с С.А.Соболевским.

Транскрипция всех записей свадебных песен и первых одиннадцати песен необрядовых сделана мною. Мною же написан и комментарий ко всем записям этого отдела.

М. Ц я в л о в с к и й

В Акад. записи сказок и песен не были включены. Их поместил в своем издании Б.В.Томашевский (М. акад., т. 3), кроме сказки № 1, записанной в тетради ПД № 832 (транскрипция и комментарий сделаны С.А.Фомичевым).

В конце отдела помещены переводы Пушкина на французский язык одиннадцати русских народных песен, сделанные в 1836 г. Транскрипция перевода принадлежит Л.Б.Модзалевскому, комментарий — М.А.Цявловскому. — ***Ред.***

I. ЗАПИСИ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

1.

Царь не имѣетъ дѣтей.

Слушаетъ трехъ сестеръ; когда бы я была царица, то я бы [выстроила дворецъ] всякий день я пря<ла?> 2<-ая> когда бы я была царица, завела бы хоромы На другой день свадьба — Зависть первой жѣны[1] — война, царь на войнѣ [гонецъ царевна[2] рожаетъ сына] Гонецъ — etc. Царь умираетъ безъ дѣтенъ Оракулъ, буря — ладья Избираютъ его царемъ — Он правитъ во славѣ — [едетъ корабль][3] — у Салтана. Речь о нов<омъ> Госуд.<аре> — Салтанъ хочетъ слать пословъ, [Царевна] Царица посылаетъ своего повѣреннаго гонца, который клевещетъ — Царь объявляетъ войну — — Царица узнаетъ его с башни

Запись в тетради № 2366, л. 30 об. (совр. шифр — *ПД* № 832), сделанная, очевидно (см. *ПИМ*, т. XII, с. 241), в 1824—1825 гг., ранее других сказок, записанных от Арины Родионовны в тетради *ПД* № 836 (см. ниже — № 1 из них излагает несколько иначе тот же сказочный сюжет). Впервые несколько неточно воспроизведена В.Е.Якушкиным (*Я* VI, № 6, с. 334—335), но в *М. акад.*, где были воспроизведены сюжеты семи сказок из тетради *ПД* № 836, не напечатана.

[1] *Так в подлиннике. По смыслу должно быть:* «сестры».

[2] *Описка. Должно быть:* «царица».

[3] *Зачеркнуто, затем восстановлено.*

2.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

1

Нѣкоторый Царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого — подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ [дѣ] сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ, третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ рѣшилась ее погубить. Послѣ 3 месяцовъ Царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками — а 34-й уродился чудомъ — ножки поколѣно серебряные, ручки по локотки золотые; во лбу звѣзда, въ заволокѣ мѣсяцъ. послали извѣстить о томъ Царя. мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала что Царица разрѣшилась не мышью не легушкой, невѣдомой звѣрюшкой. Царь весьма опечалился но съ тѣмъ-же гонцомъ повелѣлъ дождаться приѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе чтобъ заготовить двѣ бочки, одну для 33 царевичей, а другую для Царицы съ чудеснымъ сыномъ — и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано.

Долго плавали Царица съ Царевичемъ въ засмоленой бочкѣ — наконецъ море выкинуло ихъ на землю — сынъ замѣтилъ это — матушка ты моя благослови меня на то чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ. — Господь благослови тебя дитятко. Обручи лопнули, они вышли на островъ сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить да правитъ — Ѣдетъ мимо карабль — Царевичь остановилъ карабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ что ѣдутъ они къ Султану Султановичу Турецкому [Цар] Государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними. Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости карабельщики разказываютъ Царю о новомъ Государствѣ и о чудесномъ отрокѣ ноги серебр. и пр. Ахъ говоритъ Царь поѣду посмотрѣть это чудо. Что за чудо говоритъ мачиха вотъ что чудо: у моря лукоморья стоитъ дубъ а на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ въ верхъ идетъ сказки сказываетъ внизъ идетъ пѣсни поетъ. Царевичь прилетѣлъ домой и съ благословенья матери перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый карабль. то же опять. тотъ же разговоръ у Султана — Царь опять хочетъ ѣхать. Что это за чудо говоритъ опять мачиха во что чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся а межъ ими сыплетъ золото да серебро — и проч. 3-й карабль и проч. также. что за чудо а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ точь вточь [один] ровны и голосомъ и волосомъ и лицомъ и ростомъ. а выходятъ они изъ моря только на одинъ часъ —

Тужитъ Царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичь съ ея благословенія берется ихъ отыскать. Нацѣди ты матушка своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ. — Онъ идетъ къ морю, море всколыхалося, и вышли 30 юношей и съ ними старикъ — и [од] Царевичь спрятался и оставилъ одну лепешечку. одинъ изъ нихъ и съѣлъ ее: Ахъ братцы говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали — старикъ погналъ ихъ въ море. на другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешки, и познали брата своего. На третій вышли безъ старика — и Царевичь привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й карабль — тоже самое — мачихи уже болѣе дѣлать нечего. Царь Султанъ ѣдитъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей — возвращается съ ними домой — а мачиха умираетъ.

2

Нѣкоторый царь ѣхалъ на войну, онъ оставилъ жену свою беременную — Ѣдучи домой дорогою, захотѣлось ему пить — видитъ онъ пролубь и въ пролубѣ плаваетъ золотой ковшикъ — но только хочетъ онъ изпить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ — Царь взмолится — нѣтъ; подари мнѣ чего ты не знаешь задумался бѣдный Царь, какъ чего я не знаю, я все знаю — ну такъ и быть дарю. — пріѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодаго Ивана Царевича безъ него родившагося — Царь догадался что его то онъ и подарилъ и весьма опечалился. Ив. Ц. выросъ, прогуливаясь однажды верьхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пѣнять за то что онъ еще не явился — и что срокъ де его прошелъ. Ив. Ц. требуетъ и получаетъ объясненіе отъ Отца своего. 3 раза является ему старикъ и научаетъ его куда идти. Ив. Ц. приходитъ къ морю, гдѣ 30 утокъ полощутся а одна по одоль. Онъ беретъ ея платья. всѣ одѣваются, она остается

одна. Ц. выходитъ — другъ со другомъ обручаются. Она научаетъ его какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика [Царя] Отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ сидя на крыльцѣ взбѣсился завидя Царевича — сей, по совѣту Марьи Царевны — становится на колѣни, шапку возноситъ на мечѣ выше головы и т.о. приближается. Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки т.е., повелѣваетъ ему построить церковь въ одну ночь. Царевичъ думалъ думалъ и наконецъ сказалъ мать его такъ повѣситъ такъ повѣситъ, голова моя недорога. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему. Не печалься И.Ц., скинь портки, повѣсь на шестокъ да спи — а завтра возьми молоточикъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее, отрѣжъ, гдѣ неровно, приколоти. Царевичь былъ безунывная головушка легъ и заснулъ. По утру церковь готова — Ну сказалъ Царь послѣ обѣдни я хитеръ а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь. Но сперва узнай ее между 30 проччими. Это не мудрено думалъ Ив. Ц. нѣтъ мудрено, сказала Царевна муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ. Задумался Царевичъ, мать его такъ вѣситъ, такъ вѣситъ. — Но Царевна его надоумила. На утро приходитъ онъ къ Царю видитъ всѣхъ Царевенъ — одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ. вотъ старшая — Правда, Ив. Ц. но всѣ эти хитрости не твои, а посли завтра 3-ю загадку. — Ну Ив. Ц. сказала М.Ц. тутъ ужъ тебѣ не помогу — дѣло въ томъ чтобъ ты сшилъ сапоги покамѣсть у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть — Убѣжимъ. Она плюнула 3 слюнки на окно Ив. Ц. — да три слюнки къ себѣ — сѣли верьхомъ и ускакали. По утру послалъ Царь къ Ив. Ц. — что ты, Ив. Ц. спишь-ли ты, али думу думаешь — думу думаю, отвѣчаютъ слюнки. — Наконецъ Царь видитъ обманъ и посылаетъ за ними въ погоню. Послушай ка Ив. Ц. сказала М.Ц. не гонятся ли за нами. Тотъ прилегъ къ землѣ — нѣтъ М.Ц. — послушала — близко и тотчасъ обратила Ив. Ц. въ рожь, а себя въ пшеницу. Погоня наскакала — Не видя дороги, и не видя ни одного измятаго колоса — они воротились. Новая погоня. М.Ц. превращаетъ Ив. Ц. въ церковь а сама въ священники, и церковь такъ ветха что мхомъ обросла, и священникъ такъ старъ что еле дышетъ. — Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но М.Ц. разливаетъ между имъ и собою рѣку и Царь возвращается со стыдомъ.

Ив. Ц. и М.Ц. вступаютъ во свое государство — забудешь ты меня Ив. Ц. не цалуй ребенка, когда приѣдешь къ Отцу къ Матери —

а то забудешь меня — И.Цар. пріѣзжаетъ къ Отцу и къ Матери — въ восторгѣ цалуетъ ребенка и забываетъ М.Ц. Между тѣмъ — предлагают ему Невѣсту онъ съ нею обручается — М.Ц. просится у старушкѣ, съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ вы прашиваетъ у поваровъ позволеніе изпечи пирогъ. Пирогъ подаютъ на Царской столъ, разрѣзываютъ, оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за голубемъ и говоритъ голубокъ ты мой не забудь ты меня какъ забылъ Ив. Цар. свою М. Царевну. и проч.

3

Попъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему балдà. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только 3 щелка въ лобъ попу. Попъ радехонекъ, попадья говоритъ каковъ будетъ щелкъ. Балда дюжъ и работящь — но срокъ ужъ близокъ, а попъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медведю, будто-бы за коровой — балда идетъ и приводитъ медведя въ хлѣвъ. Попъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ сбирать балда беретъ пеньку, смолу — да дубину — садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охнуло; «кого я тамъ зашибъ стараго али малаго — и вылезъ старый; что тебѣ надо? — оброкъ собираю — «а вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами — сидитъ Балда да веревки плететъ да смолитъ — Бѣсенокъ выскочилъ — что ты — балда? — да вотъ стану море морщить, да васъ чертей корчить — бѣсенокъ перепугался. — Тотъ заплатитъ попу оброкъ кто вотъ эту лошадь не обнесетъ три раза вокругъ моря[1]. Бѣсенокъ не могъ — Балда сѣлъ верьхомъ и объѣхалъ — ахъ дѣдушка! онъ не только что въ ахапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ — Новая выдумка: кто преждѣ обѣжитъ около моря? куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только что я — а гдѣ то меньшой братъ — У балды были въ мѣшкѣ два зайца. Онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ запыхавшись обѣжалъ — а Балдà гладитъ уже другого — приговаривая, усталъ ты бѣднинькой братецъ, 3 раза обѣжалъ около моря — Бѣсенокъ въ отчаяньи. 3 способъ — дѣдъ даетъ ему трость[2] кто вышѣ броситъ. Балда ждетъ облака чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездон-

---

[1] *Было:* согласны мы съ дѣдомъ заплатить попу оброкъ, если ты вотъ эту лошадь обнесешь три раза вокругъ моря.

[2] *Дальше было:* забросить за.

ную шапку попъ видя Балду бѣжитъ — и беретъ его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей — утопляетъ ночью попадью вмѣсто его — проч.

Балда у Царя — дочь одержима бѣсомъ — балда подъ страхомъ висилицы берется вылѣчить [кня] Царевну — съ нею ночуетъ — беретъ съ собою орѣхи желѣзные и старые карты да молотокъ — знакомаго бѣсенка заставляетъ грызть желѣзные орѣхи; играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ — На другую ночь тоже — На третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ открывается — Что такое балда? — Пить хочетъ — всунь ему стручокъ-то свой, свою дудочку въ ротъ — бѣсенокъ пойманъ и высѣченъ и проч.

4

Царь Кащей безсмертный не хотѣлъ дочери своей выдать за мужъ покамѣсть самъ будетъ живъ — дочь приступаетъ къ нему, гдѣ-де твоя смерть. въ баранѣ, отвѣчаетъ Кащей, въ козлѣ, въ вѣникѣ — дочь велитъ вызолотить рога барану и козлу, вызолачиваетъ и вѣникъ — напрасно; Кащей живъ — Наконецъ онъ объявляет что смерть его на море на океанѣ, на островѣ буянѣ, а на островѣ дубъ, а въ дубѣ дупло, а въ дуплѣ сундукъ, а въ сундукѣ заяцъ, а въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яицо. — Ив. Цар. идетъ за смертiю Кащея — голодъ. Попадается ему собака, ястребъ, волкъ, баранъ, ракъ — Ив. Ц. говоритъ имъ — каждому: Я тебя съѣмъ — но оставляетъ имъ животъ — приходитъ къ морю, волкъ его перевозитъ, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ лапами выноситъ изъ моря яицо — Кащей тотчасъ занемогъ, дочь его получаетъ яицо; Отецъ проситъ отъ нее мѣсяца, нѣдѣли, дня и проч. —

5

Слѣпой Царь не вѣровалъ[1] своей женѣ — и не пускалъ ее въ садъ. вели, сказала она, повѣсить кроват мою на яблоню, я взлѣзу туда, ты покамѣсть обхватишь яблоню — да держи. — Царь согласился любовникъ былъ уже тамъ, Царица къ нему лезетъ — Царь пока держитъ яблоню.

---

[1] *Было:* не вѣруетъ.

Глядя на сіе мужъ съ женою (Царь да Царица) поссорились и побранились — жена была беремѣнна; она родила; и велѣла убить сына, и принести себѣ его сердце. Младенецъ уговорилъ повара, принести вмѣсто [себя] своего — собачье сердце. а подмѣнить кузнецкаго сына — Молодой Царевичь собираетъ маленькую шайку, ребяты признаютъ его Царемъ — ибо по его велѣнію береза преклонилась а легушки замолкли. — Царенокъ дѣлаетъ висилицу, вѣшаетъ, кнутомъ сѣчетъ, и въ ссылку ссылаетъ — доходитъ слухъ о томъ до Царя — который задаетъ ему разныя задачи, и изумляется раннему понятію сына кузнеца —

Ѣдетъ Царь мимо кузницы. Богъ помочь кузнецъ — спасибо, В<аше> В<еличество> — Сколько иверенiй съ тѣхъ поръ какъ ты куешь? — а сколько шаговъ ступилъ твой конь? — Пріѣзжай-же ко мнѣ завтра, ни верьхомъ ни пѣшкомъ; покажи мнѣ своего друга и недруга, и да принеси мнѣ даръ, котораго я не взялъ — Кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приноситъ ястреба подъ блюдомъ и приводитъ жену (своего врага) и собаку (своего друга) — жену бьетъ — она его бранитъ и убѣгаетъ — собаку бьетъ; та визжитъ и къ нему ласкается. Царь догадывается что кузнецъ уменъ умомъ сыновьнимъ. — Призываетъ его и ѣдитъ съ нимъ и съ своимъ мнимымъ сыномъ прогуливаться — Подъѣзжаютъ къ сосновой рощѣ — Чтобъ изъ нее сдѣлать мой сынъ, спр<ашиваетъ> Ц.? — да наковальню, отвѣч<аетъ> Цар. с<ынъ> — а ты, кузн.? — Терема Царскіе — Видятъ еловую — и березовую — Тотъ-же вопросъ; отвѣты въ томъ же духѣ. — Царь привозитъ кузнецова сына домой; Мать его въ него влюбляется. Новый Іосифъ, онъ убѣгаетъ — и притворяется дурачкомъ. Погонщики его настигаютъ, онъ серитъ, ѣстъ и вшей бьетъ — что ты дѣлаешь? убавляю и прибавляю и недруговъ побѣждаю. Не узнавъ его оставляютъ.

Мать его скоро предается другому любовнику. — Царевичь приходитъ къ ней подъ видомъ нищаго. Хищникъ ввергаетъ его въ темницу и осуждаетъ на смерть. Три висилицы, золотая, серебряная, шелковая. Царь и Царица ѣдутъ смотрѣть казнь Королевича. Онъ хохочетъ; чему?[1] — да тому что переднія колесы ѣдутъ за лошадью, а заднія-то за чемъ? (allusion à la reine qui suit le roi[2]) пріѣзжаютъ. Царевичь проситъ позволеніе играть на рожкѣ рать его вооружается — ступаетъ на ступень на другую, на третью и все играетъ въ рожокъ — наконецъ опять хохочетъ — чему дуракъ? — Самъ ты дуракъ: взгляни какъ мои голуби твою пшеницу клюютъ — и проч. — —

[1] *Было:* о чемъ.

[2] Намек на царицу, которая сопровождает царя.

На шелковой висилицѣ вѣшаетъ онъ сводника, купца Шелковникова, вотъ куда каламбуры зашли!

6

<1> О святкахъ молодыя люди играютъ игрища, идутъ въ пустую избу. Одинъ изъ нихъ говоритъ чортъ, жени меня. Чортъ выходитъ изза печки соглашаются — женитъ. [Это] Невѣста дочь проклятая отцомъ и матерью. [Они] Молодые ѣдутъ въ чужой городъ — заживаютъ домкомъ — разъ видятъ двухъ нищихъ старика со старухою, и несутъ они младенца что ни пьетъ ни ѣстъ ужъ [20] 30 лѣтъ — Молодые зовутъ ихъ, жена топоромъ разрубаетъ младенца и вываливается оттуда осиновой чурбанъ — она открываетъ имъ что она ихъ дочь.

<2> Въ томъ-же родѣ. Женихъ пропадаетъ 3 года; невѣста его узнаетъ что должно въ лѣсу въ пустой хижинкѣ 3 ночи ночевать дабы достать его. Находитъ хижинку, около нее ходитъ слышитъ голосъ его — но не видитъ входа — видитъ ходъ чертей, между ими и онъ на гудкѣ играетъ — Хижинка открывается (стукотъ) она видитъ тамъ кучу змѣй — бросается туда — то былъ хворостъ; и проч.

3. Мать разсердясь на сына ему: Лукавый тебя побери. Мальчикъ изчезаетъ — Тожь слышитъ его голосъ въ банѣ; читая воскресную молитву (да воскреснетъ Богъ) она туда — а плачутъ въ ригѣ, у пруда, Господи, говоритъ она, прости мое согрѣшеніе! — мальчикъ тутъ — я былъ тамъ и тамъ... и огни, и много ихъ и проч.

7

Царевна заблудилася въ лѣсу. Находитъ домъ пустой — убираетъ его. 12 братьевъ пріѣзжаютъ: ахъ, говорятъ, тутъ былъ кто-то али мущина али женщина, коли мущина будь намъ отецъ родной али братъ названой, коли женщина будь намъ мать али сестра...... Сіи братья враждуютъ съ другими 12 богатырями; уѣзжая они оставляютъ сестрѣ платокъ, сапогъ и шапку — если кровію нальются — то[1] не жди насъ. — пріѣзжая назадъ спятъ они сномъ богатырскимъ. 1) разъ 12 дней 2) 24, 3) 31. — Противники пріѣзжаютъ и пируютъ. Она подноситъ имъ сонныхъ капель — — — — и проч.

---

[1] *Дальше было:* съ нами.

Мачиха ея — приходитъ въ лѣсъ подъ видомъ нищеньки — Собаки ходятъ на цѣпяхъ и не подпускаютъ ея. — Она даритъ Царевнѣ рубашку которую та надѣвъ, умираетъ — Братья хоронятъ ея въ гробницѣ натянутой золотыми цѣпями къ двумъ соснамъ. Царевичь влюбляется въ ея трупъ и проч.

Записи всех семи сказок находятся в тетради Пушкина № 2368 *ЛБ* (совр. шифр — *ПД* № 836, лл. 58 об.—51 об.).

Тетрадь эту Пушкин заполнял, как он это делал многократно, с двух концов. Начав писать с одного конца и желая отделить новые записи от записей, уже сделанных в тетради, поэт, перевернув ее верхом вниз, начинал писать с другого конца. С какого конца Пушкин начал заполнять описываемую тетрадь, сказать трудно, но в данном случае это обстоятельство не важно. Важно то, что крайние девятнадцать страниц тетради (по жандармской нумерации лл. 59 об.—50 об.) сплошь заняты записями *народных* произведений.

Первые пятнадцать страниц (лл. 58 об. — 51 об.) заняты записями сказок (№ 1 — лл. 58 об.—57 об.; № 2 — лл. 57—55 об.; № 3 — лл. 55 об.—54 об.; № 4 — лл. 54 об.—54; № 5 — лл. 54—52 об.; № 6 — лл. 52 об.—52; № 7 — лл. 52—51 об.). Затем, непосредственно за ними (лл. 51 об.— 49 об.), начинаясь на той же странице, где находится конец записи последней сказки, идут записи четырех песен.

Записи сказок сделаны в Михайловском, вероятно, в первой половине ноября 1824 г., когда Пушкин писал брату, что вечером слушает сказки. А из письма Пушкина к Д.М.Княжевичу от начала декабря узнаем, что он слушает сказки няни. На основании последнего сообщения можно с уверенностью утверждать, что комментируемые записи сказок сделаны со слов Арины Родионовны.

Сказка № 1 впервые напечатана П.В.Анненковым в *А* I, 437—438. Запись послужила материалом для «Сказки о царе Салтане».

Сказка № 2 впервые напечатана П.В.Анненковым в *А* I, 439—441. Ряд поправок к этому тексту дал В.Е.Якушкин в *Я* VI, 543—544. Эту запись Пушкин отдал в 1831 г. Жуковскому, который использовал ее как материал для своей сказки о царе Берендее.

Сказка № 3 впервые напечатана П.В.Анненковым в *А* I, 441. Дополнение к этому тексту дал В.Е.Якушкин в *Я* VI, 544. Запись использована Пушкиным как материал для сказки о попе и его работнике Балде.

Сказки №№ 1—3 входят в собрания сочинений Пушкина, начиная с E^2.

Сказка № 4 впервые напечатана в *Я* VI, 545. Запись дала материал, использованный Пушкиным в стихах «У лукоморья дуб зеленый», написанных на внутренней стороне крышки переплета тетради № 2368, то есть непосредственно перед текстом записей сказок, в качестве эпиграфа к сказкам, и использованных в 1828 г. во втором издании «Руслана и Людмилы» в качестве пролога к этой поэме.

Сказка № 5 впервые напечатана в *Я* VI, 545—546. Запись № 6, заключающая в себе запись трех сказок, впервые напечатана в *Я* VI, 546—547.

Сказка № 6 впервые напечатана в *Я* VI, 547. Запись использована Пушкиным как материал для его сказки о мертвой царевне.

Сказки №№ 4—7 входят в собрания сочинений Пушкина, начиная с M^1.

II. ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

I. ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В КОПИЯХ В СОБРАНИИ ПЕСЕН П.В.КИРЕЕВСКОГО

А. Песни свадебные

1

Береза белая!
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься?
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,
Куда ветер повеет. —
Княгиня-душенька!
Куда ты ла̀дишься?
— Туда я лажуся,
Куда батюшко отдаёт
С родимой матушкой.

2

Между гор по ка̀менью
Серебром ручей бежит.
По тому по ру́чейку
Ходила гуляла княгиня душа;
Искала княгиня душа
Самоцветна камушка;
Нашла, нашла камушек,
Нашла самоцветненький;
Разломила камушек
Его на̀ три граночки;
Первую граночку
Ее родну батюшке,

Вторую граночку
Родной ее матушке,
А третью граночку
Ладу милому. —

3

Как в долу-то берёзынька белёхонька стоит,
А наша невеста белее ее,
Белее ее снегу белого лицё.
Шла наша невеста с высокого терема,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино всё пролила,
Всё глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на куде́рушки его;
«Видеть ли мне, куде́рушки, вас у себя?
На правой на ру́чушке на золотом перстеньке?»

4

(Девушки поют, когда молодая возвратится из церкви.)

Ягода с ягодой сокатилася!
Ягода ягоде поклонилася!
Ягода с ягодой слово молвила!
Ягода от ягоды не вдали росла!

5

Дни за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестиной. Брат ее или ближний родственник носит его по улице. Это называют: *красу носить*. Между тем поют:

Трубчистая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчужная пчёлочка
За нею гонялася,

За нею гонялася,
За косу хваталася:
«Коса ты, косонька!
Ужели ты моя?»
— Я тогда буду твоя,
Как в божью церковь вступлю,
Золотой венец приму! —

6

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди итти?
Что как будет назвать свёкра батюшкой?
А как будет назвать свекровь матушкой? (т.е. стыдно)
Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
Али я тебе, молодёшенька, принаскучила? и пр.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол. — Жених приезжает со своими холостыми товарищами. Они друг друга дарят.

В день сватьбы девушки с пеньем одевают её; потом сажают одну за стол перед блюдом, куда все кладут деньги, за что она молча кланяется. Потом отец ее и мать выводят её посередь комнаты и начинают благословлять, после чего идёт невеста, крестясь садится, чтоб ехать к венцу. Все девушки за нею; также крестятся.

7

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегала тут дороженька;
Пробегал тут добрый конь;
За конём бежит добрый молодец,
У ворот стоит красна девица.
Как возго́ворит добрый молодец:
«Переймй коня, красна девица!»

— Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены. —
Возговорит добрый молодец:
«Не приманывай, красна девица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горючьми слезми!»

8

Собрала невеста подружек;
Посадила подружек высоко;
А сама села выше всех,
Наклонила головушку ниже всех,
Думает думушку крепче всех:
«Что долго нет Ивана?
Мне посла послать — некого,
Мне самой иттить — некогда.
Я хотя пойду, — не дойду;
Я хотя дойду, — не найду;
Я хотя найду его, —
Позвать к себе не смею».

9

В сыром бору на клену
Висит колыбель на шелку;
В колыбели лежит Иванушко,
Перед ним стоят бояры:
«Вскачните колыбель высоко!
Столь высоко, выше клёну стоячего,
Ниже облака ходячего,
Чтобы видно было тестев двор,
Чтобы видно было тёщин терём!»
В терему гуляет княгиня,
По имени зовут её Катерина;

Калёные орешки читает,
Шитою ширинкою махает:
— Ты сюды, сюды, Иван Князь!
Как здесь твоё су́женое,
Здесь твоё ряженое:
Здесь твоя княгиня,
По имени Катерина.

10

Поётся на девичнике жениху.

Висит колыбель на шелку,
В колыбельке лежит Князь молодой:
Вскачните колыбель высоко,
Вы столь высоко — выше клёну,
Чтоб был виден тестев двор,
Тестев двор, тёщин терём.
В этом терему ходит, гуляет,
Ходит, гуляет Княгиня душа,
Шёлковым платком помахивает:
«Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здесь твоя су́женая, твоя ряженая!»

11

(Поется, когда едут за невестой к венцу.)

Как у нашего князя
Невесёлые кони стоят;
Они чуют путь-дороженьку
По невесту ехати.
«Ах вы девушки, подруженьки!
Уливайте* гору кру́тую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойттить-бы, ни взъехати!»
— Не грози, княгиня, душа!**
На крутую гору пеш взойду,

Добра коня в поводу сведу. —
«Ах вы девушки подруженьки!
Запирайте вы воротечки,
Что тремя замками немецкими!»
— Не печалься, княгиня душа!
Приведу я с собой слесаря:
Отопрет замки немецкие. —
«Ах вы девушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую!
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!»
— Не печалься, княгиня душа!
Привезу с собою свахоньку:
Расплетет она косу русую,
Увезем тебя с собой, душеньку! —

* Или: «укатайте», смотря по времени года.
** Поется также:

Не печалься, княгиня душа!
Поведем мы коней в кузницу,
Подкуем коней подковами,
Подковами то булатными[1].

12

Невесту ведут в баню, в девичник, накануне свадьбы:

Затопися, баненька,
Раскалися, каменка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушке,
По родимой матушке,
По родимому батюшке, и проч.

---

[1] *Трудно решить, кому принадлежат эти и все последующие примечания в сносках — Киреевскому или Пушкину.*

13

О горе, горе!
То невестино!
О горе, горе!
Ты невестушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назад,
О горе, горе!
Что подружек-то стоят!
О горе, горе!
Что подружки говорят,
О горе, горе!
Что наказывают,
О горе, горе!
Что приказывают:
О горе, горе!
«Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
Ты с кроватушки долой!»
О горе, горе!
— Вы лебедушки,
О горе, горе!
Вы подруженьки!
О горе, горе!
Мне нельзя спихнуть!
О горе, горе!
В головах-то у него
О горе, горе!
Плетка шелковая;
О горе, горе!
Она об осьми хвостов,
О горе, горе!
Она больно бьет,
О горе, горе!
Приговаривает:

О горе, горе!
«Не зови-ко худяком,
О горе, горе!
Зови добрым молодцом!»

14

Поётся, если жених приехал издалеча.

Как при вечере, вечере,
При последнем часу времячке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясён сокол;
Он садился на окошечко,
На серебряну решёточку,
На шелкову зановесочку.
Как увидела да узрела
Свет княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего!
Свет Ивана Александровича!»
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломилися,
Белы руки опустилися,
Красота с лица сменилася. —

15

Когда молодые сидят за столом, приехав от венца, то девушки поют всем гостям; первого начинают величать попа.

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;

Низала скуфеюшку
Его молода жена,
(Такая то)
Слышишь-ли, батюшка!
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём:
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом.

А поп отвечает: «Нате, суки, возьмите в руки, не корите попа».

16

Не стыдно ли вам, бояры,
Перед нами, девками, стояти,
В руках шапочки держати?

17

Поётся вдове.

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка
Молодая вдовушка,
Вдова молóдая,
Вдова богомольная:
Всем святым святителям
Богомолилася
О своих о детушках».
Слышишь ли, вдовушка?
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом.

18

Величают холостого.

Князёк молоденький,
Лебедёк наш беленький*,
Скажи, пожалуй, нам
Про своего гостя нам!
«У меня свет гость дорогой,
(Такой-то)
Во любви он позваный,
Во чести́ посоженый,
За дубовым столом,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайлович,
Холостой завистливый,
Его глаз урочливый.
Выйди, холостенький,
Выдь к нам за за́весу!**
Выбери, холостенький,
Кто тебе покажется!
Слышишь ли гость дорогой?
Мы тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом.

* Девушки обращаются к молодому.

** Девушки сидят за занавесом, продернутым через всю избу.

Им подают деньги в стакане пива, приговаривая:

19

Вот вам, красные девушки!
Малое примите,

На большом не судите.
Денежки принимайте.
Пол поровняйте
(Т.е. попляшите).

20

Величают гостью, как девушку, так и замужнюю.

Княгиня душенька!*
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка,
(Такая-то)
Во любви позвана,
Во честѝ посожена,
Хорошо снаряжена:
Серёжки-яхонты,
Лицё разгорелося,
Монисты зо́лоты
Шею огру́зили!»
Слышишь ли, гостейка,
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом.

* Девушки обращаются к молодой.

21

А у свата сводника
Лихорадка с бо́лестью,
Она с черной не́мочью,
На печи под шубою,
На дворѣ нагишкою!

По морозу босиком,
Покрове нагишём!
Ему чирій въ го́лову,
А другой въ бо́роду,
Третій въ ру́чушку,
Четвертый въ ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шу́ты полыска́ли,
По кучам таскали,
Братом называли.
Ты сватушко, братец!
Дари, дари девок,
Дари, дари красных!
Станешь дарити —
Не станут корити.

22

Сват, сват молодой!
Не бывать тебе у нас,
Не едать киселя!
Не бежать тебе луго́м,
Не др.....ь тебе гужём!

23

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку про́лили,
Всю капусту по́лили.
Верее молилися:
«Верея, вере́юшка!
Укажи доро́женьку
По невесту ехати!»

Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся,
А копейка ребром станови́тся,
Она к девушкам норовится!

24

На девичнике свата корят.

Все песни перепели,
Го́рлушки пересохли!
А сва́тушко рыжий
По берегу рыщет,
Хочет удавиться,
Хочет утопиться,
От красных девок,
От белых лебёдок.
Дари, дари девок!
Дари лебёдок!
Не станешь дарити —
Мы пуще корити!
Сватушко догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

25

Поётся на девичнике.

Сватушка гость, богатый, торова́тый,
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублём воро́ты запирает,
Он полтиной воро́ты отпирает.
Сватушко, догадайся!

За мошёночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

26

Про жениха, как взойдет к невесте.

Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош! —
Чёрт у него, не хорóшество!
Сам шестóм,
Голова пестóм,
Уши ножницами,
Руки грáбельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.
Соловьúны-то глаза
По верхáм глядят.
По верхáм глядят,
Они каши хотят.
Вчера каша сваренá,
Вчера съéдена была.
Шея-то синя,
Будто в пéтле была!
Нос-от синь, —
Это свахин сын!

27

Ты, невеста, перед кем стоишь?
Перед кем стоишь, на кого глядишь?
Он тебе чуж чуженек,
У него поросячий душек!
Он с кýрами клевал,
С поросятами едал!

28

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!
Мы князьева пива не пивали,
У княгини дары увидали.
У княгини дары миткали́ны,
А князево пиво обли́ва,
На собаку льёшь, облезет.

29

Эту песню поют девушки, гуляя по улице, водя по́д руки покровенную невесту.

Уже ве́чер на дворе на дворе вечереется,
Уж красное солнушко за́ лес ко́тится,
Что частые-то звездочки высыпаются,
У меня ли молодёшеньки некрасованой
С моими ла́стушки, сестрицы, милыми подружки.
Я пойду ли спрошусь у родимой матушки.
«Ты сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебе прошуся, не красоватися,
Я развеить свою кручинушку великую.
Я пойду ль молодёшенька во чисто́ поле,
Я ударюсь молодёшенька о сыру́ землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Ты раздайся ли, мать сыра́ земля!
Ах, ты встань, ты встань, родной батюшко!*
Ты приди ко мне, горюше молодёшеньке,
На мою ли на смиренную на беседушку!
Снарядить то меня горюшу есть кому,
А благословить-то меня не́кому.
Мы взойдём ка ли, сестрицы, в новые сени,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом.
Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
Неужли́ ж я молодёшенька тяжелёшенька?

С моим ластушкам, сестрицам, милым подружкам?
Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высóк терём!
Не зноби меня горюшу молодёшеньку!
Я и так молодёшенька назяблася.
Я сяду молодёшенька под окошечком;
Не летит ли мой кормилец батюшко?
Мы пойдёмте-тка, сестрицы, вдоль по улице;
Вы кладите-тка следочки частёхонько,
Уливайте следочки горючьми́ слезьми́.
Опосле пойдёт родимая матушка:
«Не княгиня тут гуляла, не боярыня,
Тут ходила, тут гуляла чадо милое!»

* Если невеста не сирота, то, разумеется, выпускаются стихи, обращенные к покойному отцу, или заменяются другими, импровизированными.

30

Много, много у сыра́ дуба́
Много ветвей и по́ветвей,
Только нету у сыра́ дуба́
Золотыя вершиночки:
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому
Снарядить не́кому*.

* Благословляет обыкновенно отец, снаряжает мать.

31

Поётся сироте.

Ты река ли моя реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Течешь, речка, колы́хнешься,
На крутой берег не взо́льешься,
Желтым песком не возму́тишься!
Отчего же мне возмутитися?
Ни дождя нету, ни вихорю:
Ах ты умная девица
(Такая-то)
Что сидишь ты, не улы́бнешься?
Говоришь речи, не усме́хнешься?
— Что чему же мне смеятися?
На что глядя, радоватися?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собралися,
Одного-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,
Моего батюшки родимого*.
Снарядить-то меня есть кому,
Бла́гословить-то меня не́кому;
Что снарядит меня родная мать,
Бла́гословит меня чужой отец.

* Если-ж молодая круглая сирота, то поется:

Уж как нет гостей милыих:
Моего батюшки родимого,
Моей матушки родимой.

32

По́ мёду, мёду по па́точному
Плавала чарочка серебряная.
Кто эту чарочку пе́ренял?
Пе́ренял, пе́ренял князь государь,
Подносил, подносил госпоже княжне:
«Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебе, княгиня, про свой сон расскажу:
Будто у нас середь широ́ка двора
Будто у нас расстилалась трава;
По травке гуляет па́вынька,
Па́вынька-па́вынька княгиня душа».

В отдел свадебных песен входят тридцать две песни. Как уже указано, ни одна из этих записей не имеется в автографе Пушкина.

Копии всех этих песен находятся в собрании песен П.В.Киреевского, хранящемся в *РГБ*.

В двух (2-я и 3-я) папках этого собрания, описанных М.Н.Сперанским под шифром: «I» в *ПК* (в. I, с. LXII), находятся копии руки П.В.Киреевского тридцати одной песни: №№ 1—21, 23—32. Копии эти сняты им с текстов подлинной тетради Пушкина, о которой см. ниже. Текст каждой песни написан на листке в 8 д.л. (писчего). Наверху каждого листка помета: «Свадебная». На обороте каждого листка имеется помета также руки П.В.Киреевского: «Пушк». Все листки перенумерованы красными чернилами (после Киреевского).

Во 2-й папке находятся листки[1] 548 (32); 550 (31); 553 (30); 555 (29); 579 (28); 581 (27); 582 (26); 596 (25); 597 (24); 598 (23); 599 (21); 602 (20); 603 (18 и 19); 604 (17); 608 (16); 609 (15).

В 3-й папке находятся листки: 636 (14); 637 (1); 670 (13); 672 (12); 694 (11); 706 (10); 707 (9); 738 (8); 748 (7); 777 (6); 780 (5); 795 (4); 796 (3); 797 (2).

Кроме этих копий, имеются еще копии тринадцати песен в так называемых «зеленых тетрадях» (см. *ПК*, в. I, с. LXII). Первая из этих тетрадей представляет собою приготовленную П.В.Киреевским к печати и процензурованную (И.М.Снегиревым) 5 марта 1838 г. рукопись (в формате большого почтового листа), имеющую заглавие: «Русские народные песни, изданные П.Киреевским. Часть 1-я. Песни свадебные». Несмотря на разрешение к печати, тетрадь эта осталась неизданной. В тетрадь вошло сто свадебных песен, написанных неизвестной рукой, но исправленных рукою П.В.Киреевского, которым написаны пояснения к тексту и примечания. Все песни в тетради перенумерованы римскими цифрами. Песен, за-

[1] Первое число — номер листка, второе — в скобках — номер песни, под которым она напечатана у нас.

писанных Пушкиным, в тетради пять. Это[1] — IV (1), XX (14), XXXVI (12), XXXIX (13), LXIV (11). На отдельном листе, вложенном в тетрадь, еще две: CLXXXIV (9 и 10).

Вторая «зеленая тетрадь» (такого же формата, как и первая) содержит песни, окончательно не приготовленные к печати, и имеет помету неизвестной руки: «Свадебные. Другая половина, приготовленная самим П.В.Киреевским». Текст песен (ненумерованных) написан несколькими почерками. Здесь имеются тексты шести пушкинских записей: №№ 5, 7, 8, 3, 4 и 2. Тексты копий в «зеленых тетрадях» по сравнению с копиями на отдельных листках, имеют второстепенное значение. Обработка песен для печати выразилась в том, что Киреевский в тех случаях, когда имел два и более вариантов одной песни, в качестве основного помещал один какой-нибудь вариант, к которому подводил текст других вариантов в примечаниях[2].

В таком виде имеются в «зеленых» тетрадях песни: №№ 7, 9, 10 и 14. В примечаниях указано, что вариант песни записан Пушкиным, а под текстом песен №№ 1—5, 8, 11 и 13 имеются пометы: «(Доставлена от А.С.Пушкина)». Кроме того Киреевский в «зеленых» тетрадях к имевшимся очевидно в записях Пушкина при некоторых песнях пояснениям (перед текстом) и примечаниям к нему, сделал ряд своих добавлений, а именно:

К первой из включенных в тетрадь пушкинских записей (IV в тетради) (песне № 1) рукой Киреевского приписано два примечания: первое к 9 стиху: «Ладиться — итти замуж; вероятно, от древнего слова *ладо* — муж, которое еще часто встречается в народных песнях во многих концах России». Второе примечание, сделанное к помете (после текста): «Доставлена от А.С.Пушкина», посвящено сообщению о доставлении Пушкиным Киреевскому своих записей (см. об этом ниже).

В песне № 5 к пояснению перед текстом Киреевский сделал сноску: «Примечание А.С.Пушкина».

После текста песни № 8 Киреевским приписано: «(Доставлена от А.С.Пушкина. Сходство начала с № заставляет думать, что здесь две смешаны песни». После «№» Киреевский оставил пустое место, чтобы проставить номер какой-то песни, но не сделал этого.

Перед текстом песни № 12, вместо пояснения, надо думать, Пушкина, Киреевским написано: «Поется в девичнике, накануне свадьбы, когда моют невесту в бане», а после последнего стиха: «Затем окончания недостает».

Копия песни № 22 находится в собрании П.В.Киреевского, в 9-й папке (№ 2926) среди «лакейских и нехороших» песен. Текст написан на листке в 8 д. писчего листа рукой Киреевского и на обороте имеет обычную помету: «Пушк».

---

[1] В скобках ставим номера, под которыми песни напечатаны у нас.

[2] Точное представление о том, в каком виде были приготовлены П.В.Киреевским песни к печати в первой «зеленой» тетради, дает публикация песни «Как при вечере вечерничке: в «Русской беседе», 1857, II, кн. 6, с. 26—27 шестой пагинации.

Впервые из этого собрания свадебных песен была опубликована песня № 14 в «Русской беседе», 1857, кн. 6, с. 26—27, в статье «Две песни из сборника П.В.Киреевского». Как уже указано, песня напечатана по первой «зеленой» тетради. Публикация эта не обратила на себя внимания редакторов, и никто из них не ввел записи Пушкина в собрание его сочинений.

Затем В.Ф.Миллер в приложении к своей статье «Пушкин, как поэт-этнограф», напечатанной в «Этнографическом обозрении», кн. 60—64, 1899 г.[1], опубликовал двенадцать песен, включая в это число и № 14, о публикации которой в «Русской беседе» он не знал. По текстам «зеленых» тетрадей Миллером опубликованы песни №№ 1—5, 8—14. Песни эти вошли в собрания сочинений Пушкина M^2, E^4 и *В*.

Пропущенная В.Ф.Миллером во второй «зеленой» тетради песня № 7 впервые была напечатана Н.Н.Трубицыным в статье «Народные песни, записанные Пушкиным (Некоторые поправки и дополнения к найденным проф. В.Ф.Миллером)» в *ПС* XV, 139—142.

В этой же статье (с. 144) впервые напечатана в виде отдельной песни песня № 10, текст которой в публикации В.Ф.Миллера дан в виде вариантов к песне № 9, помещенных в примечаниях к последней.

Девятнадцать песен, № 6, 15—32, впервые опубликованы М.Н.Сперанским (*ПК*, в. I, 55—60 и LXXII)[2].

Песни, опубликованные Н.Н.Трубицыным и М.Н.Сперанским, кроме песни № 28, перепечатаны Н.О.Лернером в статье «Народные песни в новооткрытых записях Пушкина» в *РС* 1912, I, а затем *В* VI, 236—239.

Нами текст песен печатается по копиям на отдельных листках собрания П.В.Киреевского.

Вследствие отсутствия каких-либо помет в этих копиях (а также и в «зеленых» тетрадях) остается неизвестным, в каком порядке были расположены записи в подлинной тетради Пушкина. М.Н.Сперанский напечатал песни в порядке исполнения их во время свадебных обрядов. Этот порядок сохранен и нами. Напечатанную Сперанским вне цикла песню № 22 мы поместили в общий ряд[3].

История собирания Пушкиным народных песен и передачи им своего собрания П.В.Киреевскому в настоящее время освещается с достаточной полнотой. С.А.Соболевский в письме к С.П.Шевыреву из Турина от 15 декабря 1831 г., сообщая о своих планах составления песенника, заметил: «»Я же и до отъезда <из Петербурга за

---

[1] Дальше указываем страницы отдельного оттиска этой статьи.

[2] В нумерацию напечатанных здесь песен вкралась опечатка: после песни «144 (6)» идет песня «145 (10)», затем «146 (11)» и т.д., вследствие чего получилось, что будто всех песен тридцать четыре, тогда как их на самом деле тридцать одна. Не заметив этой опечатки, М.Н.Сперанский как в предисловии к книге (с. XLVI), так и во всех своих позднейших статьях говорит о тридцати четырех песнях, отчего оказались ошибочными и все подсчеты его о числе сохранившихся пушкинских записей.

[3] Так же сделал и Н.О.Лернер в *В* VI.

границу в первых числах ноября 1828 г. — *М.Ц.*> задумал издать с Пушкиным «Собрание русских песен» (*РА* 1909, VII, 502—503).

В это же время (16 декабря 1831 г.) Н.М.Языков писал из Москвы брату: «Пушкин говорит, что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку: но он кажется хвастает» (*ИВ* 1883, XII, 533—534).

Что Пушкин не «хвастал», доказывает письмо П.В.Киреевского к тому же Н.М. Языкову от 12 октября 1832 г.: «Пушкин был недели две в Москве, — пишет Киреевский, — и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова, и намерен, как можно скорее, издавать русские песни, которых у него собрано довольно много». «Киреевский думает даже, — прибавляет Д.Н.Садовников, опубликовавший приведенную выдержку из письма, — послать Пушкину копию с своего собрания» (*ИВ* 1883, XII, 535—536).

Тот же Садовников, на основании бывших у него писем Языковых и Киреевских, говорит: «Отвлеченный другими работами, Пушкин, как видно, раздумал издавать сборник народных песен, и все материалы из разных рук стали понемногу стекаться в Москву к П.В.Киреевскому. Признавая громадное значение русской народной поэзии, Пушкин ограничился теперь обещанием написать к сборнику свое предисловие» (*ИВ* 1883, XII, 583).

Итак, когда же произошла эта передача?

Как уже указано, к песне № 1 в первой «зеленой» тетради Киреевский сделал примечание о пушкинских записях. Текст его такой: «Покойный А.С.Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностію записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, *гдѣ* именно. Вѣроятно, что [эти пѣсни записаны имъ въ его имѣніи][1] онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ, въ Псковской Губерніи».

Примечание это написано не ранее февраля 1837 г., так как Пушкин назван «покойным», и не позднее февраля 1838 г., так как 5 марта первая «зеленая» тетрадь была процензурована И.М.Снегиревым.

Лет через десять в предисловии к своему «Собранию народных песен», напечатанных в «Чтениях Общества истории и древностей российских», 1848, № 9, Киреевский так писал о пушкинских записях: «Пушкин еще в самом почти начале предприятия доставил замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии». Лет через пять, летом 1853 г., П.И.Бартенев со слов П.В.Киреевского записал рассказ его о встречах с Пушкиным в 1835 г. в Петербурге. В записи этой читаем: «Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом. Еще прежде, через Соболевского, он доставил Киреевскому тетрадку псковских песен, записанных с голоса, частью собственною рукою Пушкина, частью другой рукою (около 40 пес.) ...Обещая Киреевскому собранные им песни, Пушкин прибавил: "там есть одна моя, угадайте!" Но Киреевский думает, что он сказал это в шутку, ибо

---

[1] Стоящее в скобках у Киреевского зачеркнуто.

ничего поддельного не нашел в песнях этих» (см.: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым в 1851—1860 годах. М., 1925, с. 52—53).

В 1889—1891 гг. Ф.И.Буслаев в своих воспоминаниях так передавал слова, сказанные ему П.В.Киреевским в 40-х годах: «Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и притом сказал: "когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам". И сколько ни старался я разгадать эту загадку, — продолжал Киреевский, — никак не мог сладить. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные» (*ВЕ* 1891, X, 637).

Сопоставление буслаевской версии с записью Бартенева, сделанной сейчас же после беседы с Киреевским, заставляет предпочесть последнюю и признать, что Киревский говорил об одной песне, сочиненной Пушкиным и включенной им в свое собрание записей, а не о «песнях», как передал Буслаев.

По записи Бартенева выходит, что передача произошла до 1835 г. («еще прежде...»). С другой стороны, из приведенного нами письма самого П.В.Киреевского от 12 октября 1832 г. явствует, что в это время он еще не имел тетради Пушкина. Больше того, Киреевский в это время даже думал послать Пушкину копию своего собрания (*ИВ* 1883, XII, 535—536). Итак, передал Пушкин Киреевскому свои записи песен после 12 октября 1832 г. и до 1835 г. По словам Киреевского, получил он пушкинские записи «через Соболевского», вернулся же последний из-за границы в Петербург числа 27—29 июля 1833 г., а 17 августа поехал в Москву вместе с Пушкиным, отправившимся на Урал. 26 августа 1833 г. Соболевский с Пушкиным были у Киреевских, и здесь решено было приступить к изданию сборника. Соболевский, по обыкновению, взял на себя хлопоты по издательской части, а Пушкин, надо думать, обещал Киреевскому, во-первых, написать предисловие к его собранию песен, во-вторых, доставить ему через Соболевского тетрадь со своими прежними записями песен, и, в-третьих, привезти записи из своей поездки в Оренбургскую губернию. 29 августа Пушкин выехал из Москвы в Нижний, а Соболевский через несколько дней поехал обратно в Петербург, куда приехал 5 сентября и откуда 7 сентября писал ученому и поэту А.Х.Востокову: «Московский литератор П.В.Киреевский занимается большим собранием русских народных стихотворений. Кроме напечатанного у Чулкова, Новикова и Кирши Данилова, подслушал он сам или получил от Языкова, Шевырева и А.Пушкина более тысячи повестей, песней и так называемых стихов» (неизданное письмо из архива А.Х.Востокова в Архиве Академии наук. Сообщено Л.Б.Модзалевским).

Хотя Соболевский и пишет, что Киреевский уже «получил» записи от Пушкина, но, вероятно, к этому времени тетрадь пушкинских записей еще не была у Киреевского, так как если бы Пушкин взял ее с собой, поехав на Урал, то, конечно, и передал бы Петру Васильевичу в Москве.

Самому Пушкину Соболевский писал из Петербурга 2 октября: «Я здесь с пятого числа едва прошлого месяца, и чорт меня знает, сколько еще пробуду. Хлопочу (будто бы) об делах, стряпаю песенник... Остаюсь здесь еще несколько дней, потом в Москву, потом опять сюда, потом опять в Москву и опять сюда к генварю» (*АП* III, 48).

В одну из этих поездок в Москву Соболевский и доставил, наконец, тетрадь с пушкинскими записями песен Киреевскому. 17 января 1834 г. последний писал Н.М.Языкову: «Уральских песен обещанных перед отъездом туда он <то есть Пушкин>, кажется, ни одной не привез; по крайней мере мне не присылал» (*ИВ* 1883, XII, 538—539). Если бы у Киреевского к этому времени не было и первой тетради, он, конечно, не умолчал бы об этом. Итак, в октябре — декабре 1833 г. Киреевский получил от Соболевского пушкинскую тетрадь[1].

По словам Киреевского, в передаче Бартенева, записи Пушкина представляли собою «тетрадку псковских песен, записанных с голоса, частью собственною рукою Пушкина, частью другой рукой (около 40 пес.)». Сам же Киреевский в своем первом сообщении указывал, что Пушкин доставил ему записи пятидесяти песен без обозначения места, где они были сделаны. Только по предположению Киреевского песни были записаны в Псковской губернии. Во втором сообщении (1848 г.) Киреевский уже безоговорочно писал, что песни Пушкин собрал в Псковской губернии. Как мы теперь твердо знаем, среди полученных Киреевским пушкинских записей есть сделанные, несомненно, и в Болдине (и его окрестностях) и в Оренбургской губернии. Свое обещание Киреевскому перед поездкой на Урал привезти ему оттуда песни Пушкин исполнил. В рукописном собрании песен Киреевского нашлась одна («Не белинька березонька к земле клонится») в автографе Пушкина, датируемая октябрем — первой половиной ноября 1833 г., то есть временем пребывания Пушкина в Болдине по возвращении из Оренбургской губернии. Лист с записью этой песни был вырезан Пушкиным из своей тетради (№ 2373) и подарен Киреевскому. Было это, вероятнее всего, в июне 1835 г., когда Киреевский с Жуковским посетили Пушкина.

Сколько же всего песен Пушкин отдал Киреевскому? В своей заметке последний говорит о пятидесяти песнях, а в записи Бартенева указано: «около 40 песен».

Это разноречие мы объясняем тем, что Киреевский имел в виду общее количество полученных от Пушкина песен, а запись Бартенева говорит о тетради псковских песен. В настоящее время все пятьдесят пушкинских записей найдены в собрании песен Киреевского. Это, во-первых, сорок семь песен, сохранившихся в копиях в собрании П.В.Киреевского (тридцать две свадебных и пятнадцать необрядовых), во-вторых, две песни из этого же собрания, ни в автографе Пушкина, ни в копиях пока не найденные, и, в-третьих, песня в автографе Пушкина, найденная в собрании песен П.В.Киреевского.

Наконец, последний вопрос, связанный с переданными Пушкиным Киреевскому записями песен, — это вопрос о песнях, которые «смастерил» сам поэт. К сожалению, все писавшие об этом основывались на старческих воспоминаниях Ф.И.Буслаева, как мы уже указали, несомненно исказившего слова П.В.Киреев-

[1] Слова вышеприведенной записи Бартенева о том, что тетрадь была получена «через Соболевского», подтверждаются тем, что сам Киреевский дважды писал, что Пушкин «доставил» ему свои записи, а в копиях этих записей всегда помечал: «Доставлена *от Пушкина*».

ского. Вышеприведенная запись Бартенева слов Пушкина, сказанных им Киреевскому: «Там есть одна моя, угадайте», — существенно меняет дело. Среди песен, переданных поэтом Киреевскому, впредь нужно искать лишь одну, написанную Пушкиным в стиле народных песен. Слово «моя» нужно, нам кажется, понимать в том смысле, что песня была целиком сочинена Пушкиным, а не явилась результатом разного рода переделок и подправок текста подлинно народной песни. Эту сочиненную Пушкиным песню можно искать лишь в отделе песен необрядовых.

Сборник песен, который Соболевский «стряпал» в сентябре — октябре 1833 г. и к которому Пушкин обещал написать предисловие, в свет не вышел. Но Пушкин не ограничился обещанием написать предисловие — он набросал план этого «вступления», сохранившийся в бумагах поэта. План этот написан Пушкиным (на согнутой пополам четвертке писчей бумаги среди черновых набросков строф «Путешествия Онегина» и двух «списков» произведений), и в транскрипции Л.Б.Модзалевского читается так:

вступленіе
Но есть одно въ осн.
Оригинальность отрица[1]
Истор<ическія пѣсни>
О Ив<анѣ Грозномъ>
О Мас<трюкѣ>
О Ст<енькѣ> Раз<инѣ>
О Цыклерѣ
О Петрѣ
О Шерем<етевѣ>
О Менш<иковѣ>
Казацк<ія пѣсни>
далѣе про Фермора
про Сув<орова>
Новѣйшее вліяніе. Мѣра, рифмы *нрзбр* Сумароковъ
Свадьба
Семейственныя причины. Элегическ<ій> ихъ тонъ.
Лѣстница чувствъ[2].

Н.К.Козмин, опубликовавший впервые этот план, счел его за «план статьи о русской литературе с очерком французской» (*НП*, 183). Это же мнение повторил он и в *Ал* IX, 617. Правильнее определил набросок как «план издания русских

---

[1] *После этой строки идут зачеркнутые, частью не поддающиеся прочтению слова, транскрипции которых не даем.*

[2] На основании вышеизложенной истории передачи Пушкиным своих записей песен Киреевскому план этот нужно датировать 1833 г. Вероятно, он был набросан в Болдине в октябре этого года.

исторических песен и статьи о них» Ю.Г.Оксман, в *КН* V, 357, давший текст в исправленном виде, по сравнению с текстом, какой имеется у Козмина, но не прочитавший (так же, как и Козмин) имеющихся на обороте листа строк, начиная со слова «Свадьба»[1].

Эти строки говорят о том, что задуманный П.В.Киреевским, Пушкиным и Соболевским сборник русских песен должен был заключать в себе не только исторические, но и свадебные песни.

Перечень первых в плане статьи называет все главнейшие циклы их, начиная с песен об Иване Грозном и кончая солдатскими песнями про Суворова. Задачей дальнейших изучений должно быть определение тех печатных источников, по которым Пушкин изучал эти песни. Пока можно с уверенностью сказать, что в первую очередь такими источниками были сборник Кирши Данилова и Новиковский песенник 1780 г.

Слова плана: «Новейшее влияние. Мера, рифмы... Сумароков» — свидетельствуют о глубоком понимании Пушкиным поэтики исторических песен, до сих пор с указанных им точек зрения не изученных.

Не менее замечательны и заключительные строки плана о свадебных песнях. Намеченная здесь интересная характеристика их основана на материале, собранном самим Пушкиным.

Б. Песни необрядовые

1

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала:
— А цвет моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебе не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиков не едать! —
Злодей Ванька вор, победна голова,
Кличет Дуньку из ворот в огород.
Сорвёт Дунька лопушёк
Под самый корешок;
Сошьет Дуньке сарафан
Китаичный голубой:

---

[1] Впервые на эти строки обратил внимание Б.В.Томашевский в своей книге «Пушкин» (с. 129).

Снурочик-ат — повиличная трава
А ниточки — ковылок, ковылок,
А пуговки — репеёк, репеёк.
Где не взялся таракан,
Проел Дуньке сарафан,
Над самою над дырой.
А, дядюшка Митрофан,
Зашей Дуньке сарафан
Китаичный голубой!

2

Калина, малина!
На заднием порядке,
Под горою три солдатки:
Одна Настька, друга Машка,
Как третия Наташка.
Повадилась Наташка
Во царев кабак ходить,
Зеленòе вино пить,
Целовальника любить:
— Целовальник молодой,
Проводи меня домой
По улице мостовой,
По дорожке столбовой,
До кроватки тесовòй! —
До перинки пуховòй.
На перине де́вица
Лежит она, нежится;
Лицо разгорелося:
Чего захотелося?
— Не надо мне, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладкиих яблочков,
Ни медовых пряничков;
Приведи-ка, матушка,
Татарина с скрыпкою,

Мордвинá с волынкою,
Холостова с дудками! —
На Бóлдинском на плоту
Мыла девица фату,
Она мыла, полоскала,
Фату в воду опускала.
Милый фаточку ловил,
Кафтан с шубою сронил;
Она губушки надула,
Пошла к старосте на думу
И к бурмистру на рассуду:
Как что староста-та скажет,
И бурмистр-от что прикажет?
— Ты поставься-ка в попы! —
Как и что это за попок:
В сарафане без порток?!

3

Я вечер, вечер добрый молодец
    Вечер загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой
    Долго застоялся;
Я тайного ласкова словечка
    От ней дожидался.
Ничего-то моя сударушка
    Она мне не сказала,
Только сказала моя сударушка
    Грубое словечко:
«Ты отстань, отстань, добрый молодец,
    Отстань по охоте;
Не отстанешь ты по охотушке, —
    Отстань по неволе».
Тосковал-то я добрый молодец
    Ровно три годочка,
Что никто, никто по добром молодце
    Никто не потужит:

Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая;
Что потужит ли, погорюет ли
Красная девица,
Что названая моя прежняя,
Милая сестрица!

4

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
Приневолили меня, малёшенька женили;
Молода была жена, я глупенек,
Стал я молодцем — жена стала старенька.
Полюбилась мне молодка молодая,
Иссушила мое сердце ретивое.
Как вечёр меня молодка огорчила,
Мне несносную насмешку насмеяла:
— Отступися, мне сказала, отвяжися,
У тебя своя жена, с ней и целуйся! —
Во бору ли, во сыром ли стук, треск:
Бурлачки сосну подрубливают,
Подрубливают, поваливают;
Из сыра бора по лугу́ волокут,
По крутому бережку покатывают,
Середь лодочки устанавливают,
Тонкий парус навешивают,
Уплывают вниз по Волге по реке.
Вы постойте, добры молодцы, погодите,
Вы с собой меня возьмите, посадите,
Разлучите с опостылой со женою.

5

Ах ты, молодость, моя молодость,
Не видал я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, когда миновалася!
Живучи с женой не с корыстною

Не продать мне жену, не променять ее
Что ни братцу, ни товарищу.
Я пойду ли сам крутым бережком,
Я найму ль себе новых плотничков,
Новых плотничков, корабельщиков.
Я сострою нов тесов корабль
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных.
Я спущу ли корабль на сине море,
Посажу ли жену, свою барыню,
Отпущу ли жену в свою сторону;
А я сам пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море —
А уж корабль бежит, как сокол летит,
А жена то сидит, точно барыня.
Уж я вскрикну-ли громким голосом:
«Воротись, жена, моя барыня,
А мы будем жить лучше прежнего,
А я буду любить лучше старого!»
— Не обманывай ты, распостылый муж:
Что не греть солнцу зимой против летнего,
Не светить месяцу летом против зимнего,
Не любить тебе меня пуще прежнего!

6

Уж как но́нешние люди
Они мо́лоды, лукавы,
С измале́нька вороваты;
Не видавши — много видят,
Не слыхавши — много слышат.
Как сказали про девицу
Напрасну́ю небылицу:
Будто я красна девица
Во всю тёмну ночь не спа́ла,
В зеленом саду гуляла,
Сладко вишенье щипала;

Показалось девке мало —
Виноградом забавляла,
На белое блюдо клала,
В итальянский плат вязала,
За вороты выходила,
Извозчичка нанимала
Извозчика молодого,
Не женатого, холостого:
Вези меня поскорее,
Чтобы люди не видали,
Соседушки не слыхали*,
Мому батюшке не сказали**.
Мой батюшка очень грозен, —
Посадил меня в темницу,
Ни дверей нет, ни окошек,
Одна труба, да малая.
Ах ты, батюшка родимый!
Проруби ты мне окошко
На пра́вую на сторонку,
Куда милый гулять ходит,
Добра коня поить водит.

* Поется также: не спознали.

** В некоторых Песенниках:

Отцу, матери не сказали.
Мой батюшка очень грозен,
Грозней того моя матушка:
Не велит мне на улицу ходить,
С холостыми речи говорить.

Очевидно, из другой песни.

7

Долина — долинушка,
Раздолье широкое!
На той на долинушке

Ничто не родилося:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зеленая.
Из-за той-ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталося.
Греет, греет солнушко
Зимой не по летнему:
Любит, любит миленький,
Любит не по прежнему.
Любил, всё обманывал,
Другу́ подговаривал:
«Поди, поди, девица,
За меня замуж,
За меня, за мо́лодца,
За парня холо́стова».
Нейду, нейду девица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мне, девице,
Полюбить будет?
Полюбить холостова, —
Холост скоро женится;
Полюбить женатого, —
Жена-то рассердится
Полюблю я, девушка,
Солдата гвардейского:
Солдат в поход пойдет,
Девицу с собой возьмет.

8

На зоре-то было на зорюшке,
На зоре-то было вечернией:
Высоко звезда восходила —

Выше лесу, выше темнова,
Выше садику зелёнова.
Как во городе во Алàтыре
Случилося несчастьице.
Как несчастьице немалое:
Жена мужа потеряла,
Вострым ножичком зарезала;
Вынимала сердце с печенью.
На ноже сердце встрепехнулось, —
Она шельма рассмехнулась,
Рассмехнувшись она ужаснулась,
Взяла его за черны́ кудри,
Ударила об сыру́ землю,
Во холодный ледник спрятала,
Дубово́й доской она закрыла,
Золотым перстнём запечатала
Сама пошла в нову́ горницу,
Закричала громким голосом:
«Ты талан ли мой, талан лихой,
Или участь моя горькая!
На роду ль мне так написано?»
Прилетели к ней два сокола
Два Ивана, два Иваныча:
— Ты сноха наша, невестушка,
Где наш братец Иванушка? —
«Ваш братец — охотничек:
Уехал в лес за охотою, —
За куницами, за лисицами».
— Не обманывай нас, невестушка!
Вон шелкòв кушак на стене висит,
Перчаточки с шапочкой на пòлочке лежат.

9

Вдоль по улице по Шведской
В Слободе было Немецкой,
Генерал-от немец ходит,

За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку.
Девка Немцу говорила:
«Говори, радость, со мною,
Мы одни теперь с тобою,
Еще третий — высок терем.
Как поедешь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надёжа,
В калинову рощу;
Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:
Какова горька калина —
Таково житье за старцем»*

* Иногда прибавляется:

Каково житьё за ровнем?
Какова сладка малина,
Таково житьё за ровнем.

10

Не летай, мой соловей,
Поздно вечером один!
Парень девушку любил,
Колечушком подарил:
Колечушко, сердечушко —
Твой золотный перстенёк.
Далеко милой живет
Во матушке во Москве,
Во Покровской улице.
Как пошли наши ребята
В большу́ улицу гулять,
Красных девок забавлять;
Ах, все девки хороши,
Разлапушки пригожи!

Одна девка лучше всех:
В косе лента шире всех,
А другая голубая —
Идет славушка худая,
А третия со кистьми, —
Бежит Дуня со вестьми.
Как взял Дуню задор:
Подняла в губы подол,
Мимо окон, мимо стекол,
Мимо каменных палат
К целовальнику в кабак:
«Целовальник молодой,
Отпирай новый кабак,
Пущай малых ребят!»

11

Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
Во той во беседушке девицы сидят,
Де́вицы сидят, речи говорят*:
«Лучина, лучинушка берёзовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты лучинушка, в печи не была?**
— Я была в печи́ вчерашней ночи́,
Лихая свекровушка воду пролила,
Воду пролила, меня залила. —
Сестрицы, голубушки, ложитеся спать:
Ложитеся спать, вам нѐкого ждать!
А мне красной девице всю ночку не спать —
Кровать убирать, милà дружка ждать;
Убравши кроватушку, сама лягу спать.
Первый сон уснула — без миленького;
Второй сон уснула — без сердечного;
Третий сон уснула — зоря белый день.
Из-под белой зорюшки мой милый идет,
Собольею шубочкой пошумливает,

Пуховою шляпочкой помахивает,
Сафьянны сапожки поскрыпывают***:
«Что ж ты, добрый молодец, давно не пришел?»
— Душа-красна девица, позамешкался:
С угрюмой женой побранка была,
Журила, бранила тебя и меня.
Тебя, мою душеньку, курвой назвала;
А я ее бил, бил, чуть живу пустил. —
«Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
С угрюмой женою тебе век вековать,
Со мной красной девицей — ночку ночевать».

* Первых трех стихов обыкновенно не поют.
** Прибавляется также: В печи не была, не высушена.
*** В новейших песенниках:

Натуральной тросточкой постукивает.

И песня кончается этим стихом. Остальные же внесены в другую песню:

Сказали про молодца, будто без вести пропал,
Сказали — удаленький в синем море утонул;
А нонече молодец по улице прошел,
Любимую песенку шибко-громко просвистал.
Насвисточку свищет, голос в терем подает:
Услышала б девица удалого молодца,
Горела б у девицы воску ярого свеча,
Ждала б красна девица удалого молодца.
А что ж, добрый молодец, давно не пришел?»
— Душа-красна девица... — и проч.

12

Девушка крапивушку жала;
Красная немного нажала;
Кажется, ни с кем не стояла.
Только я с милым говорила:
«Ах ты, мой сердечный, милый друг!
Я слышала несчастье про тебя:
Идешь в поход. Возьми меня с собой,
Назови меня родной сестрой

Или душенькой молодой женой».
— Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали*.

* Поется также: Да и та старенька.

13

Плясовая.

Как но́нече куры
Поют петухами,
Ах, люшеньки, ай люли! и т.д.
Как но́нешни жёны
Владеют мужьями.
Я возьму мужа за ручку
Брошу на постелю:
Лежи, муже, тута,
Поколь схожу — кну́та[1]
Поколь схожу кну́та,
Железного пру́та.

14

Тёща про зятюшку сдо̀бничала,
Сдо́бничала да пирожничала;
Испекла пирог в двенадсять рублёв:
Со́лоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму на̀ восемь рублей.
Тёща по горинке похаживала,
Косо на зятюшку поглядывала:
«Как тебя, зятюшку, не ро́зорвало?
Как тебя, зятюшку, не пѐрервало?

[1] Т.е. схожу взять кнута.

15

Бежит речушка слезова́я;
На ней струюшка кровава́я;
По бѐрежку ро̀стёт част осинничек,
Во тем осинничке куст рябинушки;
Она а́ленькими цветочками она расцветала,
На цвету́ сидит кукушечка;
Горемы́чная куковала,
Жалобнёхонько горемы́чная причита́ла
Всем солдатушкам назо́лушку давала.
Не кукуй-ко ты, кукушечка, жалобне́нько,
Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то солдатушкам жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

16

Туто жил-поживал господин Волконский Князь,
У этого у Князя жил Ванюша Ключничик.
Ваня год живет, другой живет,
На третий год Князь доведался;
Закричал Князь Волконский своим громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные при мне?
«Вы подите — приведите вора Ваньку Ключничка!»
Как ведут Ванюшу широким двором,
Как у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на нем изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричал-та господин Волконский Князь громким голосом:
«Вы подите-ка, — вы выройте две ямы глубокиих,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыих,
«Положите перекладец сосновыий,
«Повесьте две петли шелко́вые:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!»

17

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякием корабле
По пятúсот молодцов,
Гребцов-пéсенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Всё Ракчеева бранят:
«Ты Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дорóженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Берёзами усадил,
Бедных людей прослезил!»

Первые одиннадцать песен этого отдела находятся в копиях в собрании песен П.В.Киреевского, хранящихся в *РГБ*: в папке 7 — песня, № 8 (1703)[1], в папке 7[2] — №№ 9 (2079) и 10 (2119), в папке 7[4] — №№ 11 (1944), 1 (1988) и 2 (2045), в папке 8 — № 3 (2756), 4 (2772) и 5 (2773), в папке 15 — №№ 6 (4777) и 7 (4778). См. описание этих папок в *ПК*, в. I, с. LXXI—LXXII. Здесь показаны не все пушкинские записи.

Тексты этих песен написаны на отдельных листках в 8 д.л. (писчего), на обороте которых имеется помета: «Пушк». Тексты песен №№ 3, 4, 6, 9 и 11 написаны рукой П.В.Киреевского, тексты остальных шести песен — неизвестным почерком.

Четыре песни (№№ 12—15) в копиях руки неизвестного с дополнениями П.В.Киреевского находятся в части его собрания, оказавшейся в бумагах П.А.Бессонова,

[1] Цифры в скобках — номера собрания Киреевского.

ныне хранящихся в составе собрания П.И.Щукина в *ГИМ* (по пометам собрания Киреевского №№ 4614, 2114, 1974 и 1471).

Песни №№ 16 и 17 до сих пор в рукописи не найдены.

Песни №№ 1—7 впервые опубликованы (по копиям с копий Киреевского) Н.О.Лернером в газете «Речь», 1912, № 28, от 29 января, а затем им же перепечатаны в *РС* 1912, № 4 и *В* VI, 239—241. В комментарии к публикуемым песням Лернер высказал сомнение в подлинности песни № 4, которую он склонен считать «не простою записью, а либо переделкой народной песни, либо даже оригинальным произведением в народном духе, возникшим, конечно, под влиянием народных поэтических и бытовых мотивов».

«По крайней мере, — продолжает Н.О.Лернер, — первые десять стихов скорее принадлежат Пушкину, чем народу» (*В* VI, 242). С этим мнением согласился Б.В.Томашевский, писавший в своей статье «Генезис "Песен западных славян"»: «Догадка комментатора, на наш взгляд, несомненно правильна. Десять первых стихов записи и три последних — результат литературной обработки народной песни» (Томашевский Б.В., О стихе. 1929, с. 87). Точно так же и В.И.Чернышев пишет об этой песне: «Мы вслед за Н.О.Лернером могли бы несколько заподозрить <ее> в качестве подлинной народной» (статья В.Чернышева «Стихотворения А.С.Пушкина, написанные в стиле русских песен». «Slavia», 1929, VIII, 3, с. 586). Не согласен с догадкой Лернера М.Н.Сперанский (*ПС* XXXVIII—XXXIX, 97), аргументацию которого нужно признать достаточно убедительной.

По копиям Киреевского песни эти напечатаны М.Н.Сперанским в *ПК*, в. II, ч. II, с. 231—233.

Песни №№ 8—11 впервые опубликованы М.Н.Сперанским в статье «К истории песен, собранных А.С.Пушкиным» в «Сборнике в честь 70-летия Д.Н.Анучина», М., 1913, а затем им же напечатаны в *ПК*, в. II, ч. II, с. 233—234.

Ни в одно из собраний сочинений Пушкина песни эти не вошли.

Оригинальность песни № 9 без достаточных оснований была заподозрена Н.О.Лернером («Речь», 1914, № от 6 июня), которому весьма веско возражал М.Н.Сперанский (*ПС* XXXVIII—XXXIX, 97—107). Следы «мастерства» Пушкина Лернер видел и в конце песни № 11 («Речь», 1914, № от 6 июня), не приводя, впрочем, никаких доказательств в пользу этого мнения*.

Песни №№ 12, 13 и 15 впервые были напечатаны М.Н.Сперанским в *ПК*, в. II, ч. II, с. 234—235, а затем им же в статье «Записи народных песен Пушкина в собрании П.В.Киреевского» в кн.: Памяти П.Н.Сакулина. Сборник статей. М., 1931[1]. Перепечатаны Н.О.Лернером в статье «Новые песенные записи Пушкина» («Красная панорама», 1929, № 50, от 13 декабря). И эти песни не вошли ни в одно из собраний сочинений Пушкина.

---

* См. об этом: Берестов В.Д. Когда-нибудь от нечего делать... «Знание — сила», 1987, № 2, с. 20, 24—30. — *Ред.*

[1] Статья была дана в сборник, издававшийся в честь тридцатилетия научно-педагогической деятельности П.Н.Сакулина, исполнившегося весной 1928 г., до выхода в свет *ПК*, в. II, ч. II, но последняя книга вышла раньше первой.

Песня № 14 впервые опубликована Н.Н.Трубицыным по записи в «зеленой» тетради (второй) собрания П.В.Киреевского в *ПС* XV, 141, а затем перепечатана Н.О.Лернером в *РС* 1912, № 1, с. 228 и в *В* VI, 239.

По копии руки П.В.Киреевского, оказавшейся в бумагах П.А.Бессонова, песня напечатана М.Н.Сперанским в *ПК*, в. II, ч. II, с. 335.

Песня № 16 впервые была напечатана П.А.Бессоновым в в. 5 редактированных им «Песен, собранных П.В.Киреевским», М., 1863, с. 137—138. Перед текстом песни помета: «(Псковск. губ.)», а после текста: «Записано А.С.Пушкиным».

Песня № 17 впервые была напечатана П.А.Бессоновым в в. 10 «Песен, собранных П.В.Киреевским», М., 1874, с. 211—212. Перед текстом песни помета: «Губ. Псковской», а после текста: «Образец замечателен тем еще, что записан в 30-х годах А.С. Пушкиным».

Обе эти песни в собрание сочинений Пушкина были введены лишь С.А.Венгеровым (*В* IV, 73).

Решив почему-то, что упомянутый в описании собрания Киреевского, сделанном М.Н.Сперанским, список «разгульных» песен составлен Пушкиным[1], Н.О.Лернер, получив копию этого списка от М.Н.Сперанского, напечатал список в «Речи», 1912, № 28 от 29 января, а затем в *РС* 1912, № 4, с. 103—105 и в *В* VI, 241—242. В списке этом, заключающем в себе восемьдесят пять песен, названо три песни, имеющиеся среди записанных Пушкиным: 4) «Не летай, мой соловей», 56) «Авдотья вдовина», и 60) «Как ноноче куры». Этого, конечно, совершенно недостаточно, чтобы признать список за пушкинский.

III. ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В АВТОГРАФАХ ПУШКИНА[2].

1

Пѣсня о сынѣ Сеньки-Разина[3]

Въ городѣ-то было во Астраханѣ[4],
Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ.
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ,
Черный бархатный кафтанъ на размашечку надѣтъ,
Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ,

---

[1] В папке 7[4] № 1983. См. *ПК*, в. I, с. LXXI.

[2] *В нижепечатаемых текстах знаки препинания редакторские. У Пушкина их почти нет.*

[3] *В рукописи описка:* Пѣсня о сынѣ Сеньки-Разинѣ.

[4] *В рукописи со строчной буквы.*

Свой персидский кушачокъ во правой рукѣ несетъ.

боярамъ Государевымъ[1]
Онъ [штабнымъ офицерамъ] не кланяется,

Астр<аханскому> воеводѣ
Къ [Губернатору] подъ судъ нейдетъ.

воевода
Какъ увидѣлъ молодца [губернаторъ] со крыльца,

воевода
Закричалъ онъ, [губернаторъ], громкимъ голосомъ своимъ:

Ой
«[Вы], есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы сходите, приведите удалого молодца».
Какъ поймали молодца во царевѣ-кабакѣ,

воеводѣ
Приводили удалого къ [Губернатору] на дворъ;

А какъ сталъ воевода
[Сталъ Губерн<аторъ>] его спрашивати:
«Ты скажи, скажи дѣтина, незнамой человѣкъ!
Чьего рода, чьего племени, чей отеческой сынъ?
Иль изъ нашего городу, изъ Астр<ахани>?
Или со Дону казакъ иль Казацкій сынъ?»
— Я не съ вашего городу, не съ Астр<ахани>,
Я не съ Дону[2] Казакъ, не казацкій сынъ
Я со Камы со рѣки, Сеньки[2] Разина сынокъ.
Взялся батюшка у[3] васъ[3] завтра въ гости побывать
Ты умѣй его приняти, умѣй подчивати. —
Разсердился Губерн<аторъ>[4] на удалого молодца,
Закричалъ тутъ Губ<ернаторъ>[4] гром<кимъ голосомъ своимъ:>
«Что есть ли[5] у меня <слуги вѣрны молодцы?>
Вы возьмите, отведите уд<алого> м<олодца>
Посадите удалова въ бѣлу-каменну тюрьму.

---

[1] *Эта и все следующие поправки сделаны единовременно, другими чернилами, чем основной текст.*

[2] *В рукописи со строчной буквы.*

[3] *Вставлено позднее карандашом.*

[4] *Осталось непоправленным на:* воевода.

[5] *В рукописи:* если.

2

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ,
Во лодочкѣ гребцовъ ровно 200 молодцовъ.
Посреди лодки хозяинъ Сѣ<нька> Р<азинъ> отоманъ.
Закричалъ тутъ х<озяинъ громкимъ голосомъ своимъ.>
«А мы счерпнемте воды изо Камы-со рѣки».

М
[И] [м]ы изчерпнули воды изо Камы со рѣки.
[Какъ нашъ хозяинъ] Припечалился хоз<яинъ> С<енька>-Р<азинъ> А<таманъ:>
«Знать-то[1] знать[1], что мой сыночикъ во неволюшкѣ сидитъ,
Во неволюшкѣ <сидитъ>
Въ бѣлокаменной тюрьмѣ».
— Не печалься, нашъ хозяинъ, С<енька> Р<азинъ> Ата<манъ:>
Бѣлукаменну тюрьму по кирпич[ик]у разберемъ,
Твоего милаго[1] сын[очк]а изъ неволи уведемъ,
Астр<аханскаго> Губ<ернатора>[2] подъ судъ возьмемъ.

3

Во славномъ городѣ во <Кіевѣ>
У славнаго Царя у Владиміра,
Жила была молода вдова
У вдовушки было 9 сыновъ —
$10^{ая}$ дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали — лелѣяли
9 сыновъ подъ разбой пошли
$10^{ую}$ дочь замужъ выдали,
По край моря, за Морьянина.
Они прижили малаго дѣтища[3].
Она годъ живетъ и другой живетъ,

---

[1] *Вставлено позднее.*
[2] *Не исправлено на:* воеводу.
[3] *Этот и следующий стих были в обратном порядке.*

На третій годъ стосковалася.
Стала она Морьянина въ гости звать:
«Пойдемъ, Морьянинъ-свѣтъ,
Ты къ тёщѣ, а я къ матери,
Ты къ шурьямъ, а я къ милымъ братьямъ.
Они день идутъ и другой идутъ,
На третій день становилися.
развели Нарубили огоничекъ малёшенекъ
Пустили дымочикъ тонешеникъ;
Напали воры, разбойники,
Они морянина зарѣзали,
Морьянинка въ воду бросили,
М<орьянин>ку въ полонъ взяли.
Какъ всѣ-то разбойнички стали пить и ѣсть,
Одинъ-то разбойничекъ ни пьетъ, ни ѣстъ,
Не п<ьетъ> н<и> ѣс<тъ>, богу молится.
Всѣ разбойнички спать легли,
Одинъ-то разбойничекъ ни спитъ, ни лежитъ,
Г<осподу> богу молится.
И сталъ онъ у Морьянинки разпрашивать:
«Съ какого ты села-города?
И котораго отца-матери?»
Стала ему М<орьянин>ка разказывать:
«У слав<наго Царя у Владиміра,
Жила была молода вдова;
У вдовушки было 9 сыновъ —
$10^{ая}$ дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали.
9 сыновъ подъ разбой пошли,
$10^{ую}$ дочь замужъ выдали,>
По край моря за Морья<нина>[1].
— Вставайте, братцы родимые!
Не м<орьянина> мы зарѣзали,
Не м<орьянинка> въ воду бросили,

---

[1] *В рукописи весь рассказ морьянинки показан так:* У слав — по край моря за Морья.

Не м<орьянин>ку во полонъ взяли:
<Мы зарѣзали> зятя любезнаго,
<Въ воду бросили> племянника,
Родну сестру взяли во полонъ[1]. —
Вставали братцы родимые,
Просили у сестры прощеньица:
«[За] Отчего ты намъ не сказалася,
Что ты намъ родна сестра?»
Пошли... къ родной матушкѣ,
Становились на колѣнки всѣ
И просили у нея прощеньица:
«Прости насъ, Родн<ая> мат<ушка>,
Не знавши, зарѣзали зятя люб<езнаго>,
Въ воду бросили пл<емянника>
Род<ну сестру взяли во полонъ>.

4

Какъ за церковью, за нѣмецкою,
Добрый молодецъ богу молится:
Какъ не дай Боже хорошу жену

въ честной
Хо<рошу> ж<ену> — [часто] пиръ зовутъ,
пригласить   Меня молодца не примолвили;
Мою ж<ену> — въ новы саночки,
Меня молодца — на запяточки.
Мою жену — на широкій дворъ.
Меня молодца — за вороточки.

5

Изъ Гурьева городка
Протекла кровью рѣка.
Изъ крѣпости изъ Зерной
На подмогу Разсыпной

---

[1] *Было:* Взяли во полонъ родну сестру. *Исправлено Пушкиным.*

Выслань капитанъ Суринъ
Со командою одинъ.
Онъ нечайно въ крѣпость въѣхалъ,
Начальниковъ перевѣшалъ,
Атамановъ до пяти,
Рядовыхъ сотъ до 6.

Ур<альски> Казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд.

6

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
Соколъ ясный, сизокрылый мой орелъ,
Ужь недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно 7 дней какъ спозналась съ горемъ я.
Мнѣ не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и мечи[1]
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темныимъ лѣсамъ,
Въ темномъ лѣсѣ канареички поютъ
Мнѣ дѣвчонкѣ грусть разлуку придаютъ.
Ты не пой, канареичка, въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.

7

Во лесахъ во дремучіихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Брамши-то она въ лѣсу заблудилася,
Заблудимши она приаукнулась:
«Ты ау, ау, мой любезный другъ,
Мой любезный другъ, жизнь душа моя».

---

[1] *Вероятно:* мячи.

— Ужъ я радъ бы тебѣ откликнулся,
За мной ходятъ трое сторожей:
Первый сторожъ — родной б<атюшка>,
Второй сто<рожъ> — мила м<атушка>,
А тр<етій> ст<орожъ> — молода жена!

8

Не бѣлинька березанька къ землѣ клонится,
Не камышъ трава во чистомъ полѣ разшаталася, —
Зашатался, загулялся добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой кармазиновой черкешучкѣ.
У черкешучки рукавчики назадъ закинуты.
Камчатныя его поло́чки назадъ загнуты,
За плечьми несетъ ружеецъ знать Турецкое,
шечекъ
Во правой рукѣ онъ пресо[чешекъ] карновенькой,
Онъ присошечкомъ добр<ый> мол<одецъ> подпирается,
Горючьми слезми разудал<енькій> [ра]заливается.
Вдругъ несчастьеце надъ молодцомъ случилось,
хурта
Поднималася съ горъ, погорушка все [кто] вьюга,
Все хурта подымалась съ горъ, погорушка полуденная.
Собивала то она добра молодца со дороженьки,
Прибивала то она добра молодца ко городу,
Ко тому же то ко городу ко незнамому.

9

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ,
И того-то берутъ разуд<алень>каго въ службу Царскую,
По указу его берутъ, разуд<аленькаго>, государеву.
Онъ со вечера[1] сталъ разу<даленькій> коня сѣдлать,
Ко полуночи сталъ ра<зудаленькій> съ двора съѣзжать.
Отецъ-то и мать его, разудаленькаго, провожать пошли,

---

[1] *В рукописи описка:* вечеръ.

Провожали его, разудаленькаго, весь и родъ пл<емя>.
Позади то его идетъ горюшенька молода жена;
Молоду жену, бѣлую лебедушку, уговариваетъ:
«Воротись ты, жена, воротись душа — лебедушка бѣлая,
Впереди то у насъ все огни горятъ, огни неугасимые».
— Разудал<енькій> добрый моло<децъ> меня не обманывай,
Горитъ у тебя у молодца ретиво сердце.

10

Какъ у насъ было на улицѣ,
У насъ на широкой,

Красны дѣвки разыгрались,
Молодушки разплясались

Одна дѣвка лучше всѣхъ,
На ней лента ширѣ всѣхъ

Дѣвка парню говорила
И всю правду объявила

Послушай ка, мой милой,
Сердце-радость дорогой

Мой батюшка не лихой
Тебѣ будетъ не чужой.

Все десять песен этого отдела имеются в автографах Пушкина.

Тексты первых четырех песен находятся в тетради Пушкина № 2368, лл. 52 об.—50 об. *ЛБ* (совр. шифр — *ПД* № 836, лл. 51 об.—49 об.).

Записи песен сделаны в Михайловском, вероятно, в первой половине ноября 1824 г., когда Пушкин, сообщая брату, что вечером слушает сказки, просил прислать ему «историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице Русской истории». Просьба эта вызвана, надо думать, записью песен (№№ 1 и 2) о сыне Степана Разина.

Песни, как и сказки, записывались Пушкиным со слов няни его, Арины Родионовны.

Любопытно, что, записав со слов ее: «штабным офицерам», «губернатору», Пушкин заменил первых — «боярами государевыми», а второго — «воеводой», восстанавливая этим первоначальный текст.

Песни №№ 1—3 впервые были напечатаны П.В.Анненковым в газете «Порядок», 1881, № 11 от 12 января.

Ряд исправлений к тексту, опубликованному Анненковым, дал Якушкин в *Я* VI, 547—548.

Песни вошли во все издания собрания сочинений Пушкина, начиная с *Е*² и кончая *В*, в отдел народных песен, записанных Пушкиным. В качестве таковых, песни не введены в *Ак*, *Б*, *КН* и *ПГ*.

Песня № 4 впервые напечатана П.В.Анненковым в *А* VII, 93 первой пагинации, под заглавием: «Песенка, записанная Пушкиным», и с примечанием «Нельзя ручаться, чтоб эта песенка не была составлена самим Пушкиным. Во всяком случае она — позднейшее произведение народа, если принадлежит народу»[1].

Это двусмысленное примечание как бы определило судьбу песни. В изданиях собрания сочинений Пушкина *Г*¹ и *Г*² она помещена среди стихотворений Пушкина. Так же сделано в *Е*¹. В *Е*² песня помещена уже в примечаниях, в качестве записи, сделанной Пушкиным. Среди песен, записанных Пушкиным, эта песня напечатана в *М*¹, *М*², *Е*⁴ и *В*. Не включена песня, как только записанная Пушкиным, ни в *Ак*, ни в *Б*, ни в *КН*, ни в *ГП*.

Записью народной песни считают «Как за церковью» В.Ф.Миллер[2] и Шейн[3]. Попытку В.И.Чернышева[4] доказать, что песня является сочинением Пушкина, мы считаем совершенно неосновательной. Как мы уже указали выше, местоположение текста песни в тетради Пушкина говорит за то, что это запись народной песни. Об этом же свидетельствует и пояснение Пушкина: «пригласить» к слову «примолвили» — и то исправление в четвертом стихе, которое, по мнению В.И.Чернышева, служит будто бы доказательством того, что песня сочинялась Пушкиным. Запись: «Хорошу жену часто в пир зовут», вместо: «Хорошу жену в честной пир зовут», легко объяснима тем, что Пушкин хорошо не расслышал, как пропела или сказала ему Арина Родионовна.

Песня № 5 находится в записной книжке Пушкина в малую восьмушку (л. 4), хранящейся в собрании бумаг А.А.Краевского в *ПБЛ*. (см. *Рук. П*., 27, № 44; совр. шифр — *ПД* № 844). Все записи в книжке сделаны карандашом. Эта записная книжка была у Пушкина во время его поездки в августе — ноябре 1833 г. на Урал. Записи песен сделаны, несомненно, во второй половине сентября, во время пребывания Пушкина в Оренбургской губернии.

---

[1] Забыв об этой публикации, Анненков в газете «Порядок», 1881, № 11 от 12 января, снова опубликовал песню как новость.

[2] «Пушкин как поэт-этнограф» в «Этнографическом обозрении», кн. 60—61, 1899, и отд. оттиск, с. 31.

[3] «А.С.Пушкин и народная песня» в журнале «Ежемесячные сочинения», 1900, июнь, с. 91.

[4] «Стихотворения А.С.Пушкина, написанные в стиле русских народных песен» в «Slavia», Прага, 1929, № 8, ч. 3, с. 590—593.

VIII. ЗАПИСИ НАРОДНЫХ СКАЗОК И ПЕСЕН

Пушкин в своей «Истории Пугачевского бунта» (прим. 9 к II главе) привел из записи песни четыра стиха в таком виде:

Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один и проч.

Первые десять стихов по тексту записной книжки Пушкина впервые напечатаны И.А.Бычковым в его описании бумаг А.А.Краевского в «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб., 1893, приложение, с. 37. Стихи 11—14 впервые напечатаны Н.О.Лернером в статье «Забытые стихи Пушкина» в газете «Речь», 1910, № 45, от 15 февраля, а затем перепечатаны в *ПС* XVI, 42 и в *В* VI, 219.

Ни в одно из изданий собрания сочинений Пушкина песня не введена. Лишь Морозов в *М*² VII, 216 напечатал 1—3 и 7—10 стихи (в виде двух песен, что неверно) в примечании к примечанию Пушкина в «Истории Пугачевского бунта».

Запись Пушкина представляет собою два отрывка из песни, в более полном виде записанной в 1858 г. И.И.Железновым на Урале. См. об этом статью Н.О.Лернера «Песенный элемент в "Истории Пугачевского бунта"» в книге «Пушкин. 1834 год.». Лгр., 1934.

Песни №№ 6, 7 и 9 находятся в тетради Пушкина № 2373 (№№ 6 и 7 — л. 31 об., № 9 — л. 30 об.; совр. шифр — *ПД* № 842, лл. 155 об., 154 об.). Судя по положению в тетради (верхом вниз, с обратного конца тетради, между копиями стихотворений Мицкевича и переводом «Воеводы» этого поэта), записи в ней сделаны осенью 1833 г. Записи, по-видимому, представляют собою перебеленные копии с утраченных первоначальных записей, сделанных Пушкиным во время поездки на Волгу и в Оренбургскую губернию. Переписал в тетрадь Пушкин эти записи в Болдине (в первой половине октября 1833 г.), по приезде туда с Урала. О том, что текст в тетради — копия с первоначальных записей, говорят почерк и неполные написания повторяющихся слов.

Песни №№ 7 и 9 впервые напечатаны Якушкиным в *Я* VIII, 328—329, а затем вошли в *М*¹, *Е*⁴, *М*² и *В*.

По указанию В.И.Чернышева (названная статья в «Slavia», с. 595—596) три варианта песни № 9 имеются в собрании Соболевского «Великорусские народные песни» (т. VI, №№ 131—132), причем любопытно, что все они записаны в Уральской области, то есть там же, где, как мы полагаем, записал песню и Пушкин.

В этой же статье Чернышева впервые дан печатный вариант песни № 6. Найдя этот вариант в девяти песенниках 1810—1854 гг., исследователь делает весьма странные выводы. Приведя текст из песенника в 40 стихов и сравнив его с текстом записи Пушкина (в ней всего 12 стихов, из которых лишь первые семь близки стихам печатного текста), Чернышев говорит об «энергическом сокращении» Пушкиным текста песни. Выходит так, будто бы Пушкин списал песню из какого-то песенника, сократив ее.

В заключение своих совершенно излишних и бесплодных рассуждений исследователь приходит к предположению: «Возможно и то, что весь сохранившийся в записи Пушкина текст взят из ходящего во времена поэта живого песенного материала, и переработка книжного романса — мещанско-народная, а не пушкинская». Этот вывод — не «возможный», а единственный, какой нужно было сделать. И вывод этот, вопреки мнению Чернышева, нисколько не опровергает правильных предположений Миллера и Трубицына, что текст Пушкина — запись народной песни.

Песня № 7 впервые напечатана П.В.Анненковым в газете «Порядок»,1881, № 11, от 12 января.

Входит она в собрания сочинений Пушкина, начиная с *Е*[2].

Песня № 8 была найдена заведующим отделением рукописей б. Румянцевского музея С.О.Долговым в собрании песен П.В.Киреевского, хранившимся в *ЛБ* (совр. шифр — *ПД* № 1609; об этом см. выше).

Текст песни написан на одной стороне листа голубой бумаги (размером in f°), несомненно, вырезанного из тетради Пушкина № 2373, между теперешними лл. 30 и 31, на которых записаны №№ 6, 7 и 9. В настоящей публикации мы поставили ее на том месте, где она была у Пушкина.

По определению В.Ф.Миллера («Пушкин, как поэт-этнограф», отд. отт., с. 31), запись Пушкина является «отрывком народной песни, по-видимому из казацкого цикла». Непонятно, почему Миллер считал запись «отрывком» песни. Указание же на то, что песня казацкого происхождения, весьма ценно и является новым доказательством того, что песня записана на Урале.

Песня № 10 находилась в *ЛБ* (совр. шифр — *ПД* № 1610), куда поступила в 1880 г. от П.Д.Голохвастова (см.: Отчет Румянцевского музея за 1879—1882 гг. М., 1884, с. 84).

Текст песни (автограф Пушкина) написан карандашом на одной странице листка почтовой бумаги (без водяного знака). Листок хранится в листе белой бумаги, на котором рукой П.Д.Голохвастова написано: «Автограф Александра Сергеевича Пушкина. Написано (сочинено или записано?) у соседки его по селу Болдину Прасковьи Петровны Кротковой, рожденной Новосильцевой».

Впервые песня была напечатана и факсимильно воспроизведена М.А.Цявловским в его брошюре «Два автографа Пушкина», М., 1914, с. 14—16.

В Болдине Пушкин был три раза: в сентябре — ноябре 1830 г., в октябре — первой половине ноября 1833 г. и во второй половине сентября — первой половине октября 1834 г. В какое из этих пребываний сделана запись, сказать трудно, но вероятнее всего в 1833 г., когда Пушкин занимался собиранием фольклорного материала.

IV. ПЕРЕВОД РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

1.

CHANSONS RUSSES

<1>

Ne murmures-donc pas, verte forêt, ma mère! ne m'empêche pas de reflechir. Demain je dois [répondre] comparaître devant le terrible juge, devant le Tsar lui même; le Tsar m'interrogera. Apprends moi, jeune homme, avec qui as-tu exercé tes brigandages? — Je m'en vais te le dire, tsar orthodoxe, notre Esperance, je m'en vais te dire toute la verité. J'ai eu quatre complices: le premier, c'étoit la nuit sombre; le second, c'étoit mon bon cheval; le troisieme, mon coutelas d'acier; le quatrième mon arc dur à plier. Les flêches cuires etaient mes émmissoires. Alors le tsar, notre espérance, me répondra: Bravo! jeune homme; tu as su voler, & tu as su répondre; c'est pourquoi je m'en vai te récompenser: tu auras un haut chateau au milieu de la plaine: deux poteaux avec une poutre au travers[1])

---

[1]) Une portence

<2>

Don paisible, Don, notre père! pourquoi donc es-tu si trouble? —

Comment ne serois-je pas trouble? de froides sources jaillissent du fond de mon lit; le poisson agite mes ondes; trois barques m'ont traversé.

Dans la premiere barque il y avoit les glorieux cozaques du Don. Dans la seconde on a passé les drapeaux; Dans la troisième il y avoit un jeune seigneur et une jeune fille.

Le jeune seigneur tentoit de faire entendre raison à la jeune fille. Ne pleure pas, ma belle jeune fille. Ne pleure pas, ma belle amie! je te marierai à mon fidele esclave tu seras l'épouse de l'esclave et la douce amie du maitre; tu feras son lit et tu coucheras avec moi.

La jeune fille répond au jeune homme. Je seroi la douce amie de celui dont je serai la femme. Je coucherai avec celui dont je ferai le lit.

Le jeune seigneur se facha. Il tira son sabre bien effilé, il coupa la tête à la jeune fille & la jetta dans les ondes rapides.

---

[1]) Epithète consacrée.

<3>

Un peu plus bas que la ville de Saratof un peu plus haut que la ville de Tsaritsine coule notre mère la rivière [de] Kamyschenka. Elle même à sa suite de beaux rivages escarpés [,] et des vertes prairies; elle tombe dans La Volga, notre mère. Deux belles barques voguoient sur la rapide rivière. Elles étoient tres bien ornées; elles étoient couvertes d'une foret de lances & de drapeaux. Il y avait dans les barques de braves rameurs, des Kozaques du Don, des Grebentsi, & des Zaporogiens. Ils avoient des bonnets de velours doublés de zibeline; des Kaftans bruns, doublés de Koumatch; des ceintures de soie d'Astrakan; des chemises de couleur, bordées de galon d'or; des bottes de maroquin vert avec des talons de travers. Ils rament, ils chantent des chansons, ils glorifient le tsar orthodoxe, le tsar Pierre I; ils maudissent, ils outragent le Prince Menchikoff; ils le maudissent lui, sa femme, ses enfants & ses petits-enfants: Ce chien, ce voleur, il nous mange notre paye, nos provisions & nos appointements. & encore ne nous permet-il pas de nous promener sur le Volga & de chanter le Doudinay![+])

[+]) C. à. d. — faire les pirates. le Doudinay est le refrain d'un chant de Brigands.

<4>

Ecoutez, jeunes gens, ce que nous autres vieillards nous allons vous raconter, touchant le terrible tsar Ivan Vassilievitz: Le tsar, notre Seigneur, avoit marché sur Kazan; il avoit fait creuser des mines sous la Kazanka & le Soulay (rivieres) il y avoit fait rouler des tonneaux pleins de poudre; et dans la plaine déserte il avoit établi ses batteries & ses caissons. Les tartares se promenoient par la ville; ils se mocquoient du terrible tsar, ils disoient: ha! le tsar blanc 1) n'aura pas notre ville. Alors le tsar se mit en colère de ce que la mine tardoit à jouer. Il[s] ordonna de mettre à mort les canoniers, les mineurs et ceux qui allumoient les mêches. Ils baisserent la tête & se mirent tristement à penser; un seul

canonier eut le courage de s'ecrier: ordonnes moi, Seigneur, de te dire un mot.... Il n'eut pas le tems de dire ce mot; le [es] feu des mêches gagna [les mêch] les mines; les tonnaux de poudre éclaterent; les murailles volèrent par delà le Soulai, les tartars furent frapés de terreur et ils se soumirent au tsar blanc.

1) Titre que les sujets de race tartare donnent à notre Souverain.

<5>

C'étoit sur la Kamischenka, devant l'embouchure de la Samara. Une legère chaloupe voguait d'après le courant; Le jeune Ambassadeur du tsar, le Prince Semen Konstantinovitch Karamichef étoit assis dans la chaloupe; dans sa main gauche il tenoit l'oukaze du tsar, dans sa main droite un sabre bien effilé. Sur le beau rivage escarpé, sur le sable jaune et fin, se promenoient des braves jeunes gens: des Cozaques du Don, des Grebentsi, des Zaporogiens, et puis des Cozaques du glorieux Yaïck +). Ils s'assemblèrent en un même cercle, ils pensèrent une même pensée, ils dirent un même mot. Ils pointerent un petit canon du cuivre, ils y firent rouler un petit boulet de fer, ils firent feu sur la légère chaloupe; Ils ne blessèrent personne; Ils [ne] tuèrent seulement l'Ambassadeur du tsar

---

+) Ancien nom de l'Oural.

<6>

Lune brillante, notre père 1)! pourquoi ne brilles-tu pas comme jadis? pourquoi ne brilles-tu pas du soir jusqu'à minuit, de minuit jusqu'à la blanche aurore? tu te caches derrière le nuage, tu t'enveloppes d'obscurité.

Voilà ce qui est arrivé dans la Sainte Russie 2), dans la glorieuse ville de Pétersbourg, dans la Cathedrale Petropavlovsky (de St Pierre & St Paul). A droite près du Klyros, près du tombeau de L'Empereur, Pierre I, dit le Grand, un jeune matelot prioit Dieu; il pleuroit comme coule une rivière 3), il pleuroit la mort de l'Empereur, il disoit en sanglottant: Ouvres-toi terre humide, notre mère! 4) Ouvres-toi en quatre; couvercle, otes-toi du cercueil; déplies-toi, linceul de drap d'or; & lèves-toi, reveilles-toi notre père, tsar orthodoxe 5). Jette un

regard sur ta brave, ta chère armée. Sans toi elle est devenue orpheline & impuissante.

---

1) La lune, en langue Russe, est du genre masculin.

2) Sviataya Rousse, expression consacrée. Moscou n'a jamais été appelée la ville sainte, son épithète est la ville de pierre blanche, bélo-kamennaja.

3) Expression consacrée.

4) Expr. consac.

5) Pravoslavny tsar, un de titres de nos souverains.

<7>

N'est-ce pas bien triste & bien endevant? Mon amant me quitte. Ne valoit-il pas mieux que nous ne fussions jamais connus? je n'aurais connu ni les chagrins, ni les penibles soupirs, ni les larmes de la séparation; ma poitrine ne m'auroit pas fait mal, mon sang n'aurait pas bouilloné, je ne l'aurois pas regretté.

J'irai sur le nouveau perron, je m'appuirai sur la balustrade, je m'enveloperai de fourrures, je m'inonderai de larmes, je regarderai la plaine deserte. Dans la plaine deserte l'hermine joue avec la zibeline. C'est ainsi que mon amant joue avec une autre que moi.... Mon amant seroit-il content si je jouais avec un autre que lui?

<8>

Ho! caves souterraines, caves de notre tsar!.. 1) Ho, voilà qu'un brave jeune homme sort des caves souteraines, des caves de notre tsar. Il chancelle & trebuche, mais il n'est pas ivre. Il s'appuie sur son fusil. Deux belles jeune filles ont vu de leur fenaitre le brave jeune homme. Elles descendent l'escalier, elles demandent au ve jeune homme: Es-tu marié, jeune homme? — J e suis marié, belles jeunes filles. Ma femme est une grande dame, c'est le fusil que m'a donné le tsar. [Mais] Mes petits enfants, ce sont les balles de plomb; toute ma parenté c'est ma giberne avec ses cartouches; mes terres et mon heritage c'est le large champ de bataille.

---

1) La couronne avoit le monopole de l'eau-de-vie.

<9>

C'étoit sur le Don paisible, dans la ville de Tsherkask: il est né un brave jeune homme. Stepan Timofeevitch Razine. Le bon Stepan ne fréquentait pas les Krougs +) des kozaques. Il n'y délibéroit pas avec nous autres. Le bon Stepan fréquentait le Kabak du Tsar; il y délibéroit avec les va-nus-pieds. Messieurs mes frères les va-nus-peids! Allons un peu nous promener sur la mer bleue, attaquons y les vaissaux des mécréans, prenons de l'or autant qu'il nous en faut. Et puis frères nous irons dans Moscou bâti en pierre, nous y acheterons des habits de couleur, et nous reviendrons chez nous.

+) Assemblées publiques où l'on déliberoint en commun.

<10>

C'étoit, frères, à la pointe du jour, au lever du rouge (beau) soleil +), au coucher de la claire lune: ce n'étoit pas un faucon qui planoit sous le ciel, c'étoit le Yassaoul ++) qui se promenoit par le bourg, & qui reveilloit les braves jeunes gens. Levez-vous braves jeunes gens; éveillez vous, kozaques du Don! Il ne fait pas bon chez nous; Le glorieux, le paisible Don s'est troublé depuis sa source jusqu'à la [mere] mer d'Azof. Tout le peuple Kozaque s'est ému. Nous n'avons plus d'Ataman, Nous n'avons plus Stepan Timofeevitch dit Stenka Razine. On a pris le brave, On lui a lié ses blanches mains. On l'a mené à Moscou bâtie en pierre & au milieu de la glorieuse Krasnaia-Plochtchade +++) on lui a tranché sa tête rebelle.

+) éxpression consacrée & inévitable.
++) Officier kozak
+++) Grande place au Kremle.

<11>

Loin, bien loin dans la plaine déserte, s'élevoit bien haut un arbre bel arbre; sous le bel arbre croissoit un gazon, [sur] parmi le gazon fleurissoient des fleurs bleus; un tapis étoit étendu sur les fleurs; Deux frères étoient assis sur le tapis; l'ainé frapoit sur des cymbales, le cadet chantoit une chanson: Notre mère nous

mit au mond, comme deux enfants; notre père nous éleva, comme deux jeunes faucons; il nous éleva & rien ne nous appris. La lointaine contrée étrangere fit notre éducation: la lointaine contrée étrangere desseche sans qu'il vente; la lointaine contrée étrangere fait transir sans qu'il gèle. Notre mère a cru ne pouvoir de sa vie se debarasser de nous; et la voilà qui nous a perdus en une seule heure. Elle nous a perdus, elle ne nous verra jamais.

Перевод на французский язык одиннадцати русских песен — автограф Пушкина на семи страницах в 4 д. л. — в настоящее время находится в *ПД* № 706.

Перевод сделан Пушкиным для французского писателя Лёве-Веймара (1801—1854), гостившего в Петербурге в июне-июле 1836 г. Об этом говорит приписка на рукописи перевода, сделанная рукой Лёве-Веймара (после названия: «Chansons Russes», написанного Пушкиным): «traduites par Alex. de Pouschkine pour son ami L. de Weimars aux îles de la Néva, — datcha Brovolsky[1] — juin 1836» («переведенные Алекс. Пушкиным для его друга Л. де Веймара на островах Невы, дача Бровольского[1], июнь 1836»).

В 1839 г. Веймар подарил автограф Пушкина ученому, собирателю автографов Фелье-де-Коншу (1798—1884?). В сопроводительном письме от 9 мая 1839 г. Веймар так писал об автографе Пушкина: «Voici les autographes inédits de Pouckine que je vous prie J'accepter. Ils sont précieux, car c'est un travail qu'il a fait pour moi seul, quelques mois avant sa mort, dans la campagne de Kamennoi-Ostrow, qui est une île de la Néva près S-t Pétersbourg où j'ai passé de bien bons moments» («Вот неизданные автографы Пушкина. Прошу вас принять их. Они драгоценны, так как труд этот был им совершен для меня одного, за несколько месяцев до его кончины, на даче Каменноостровской, т.е. на одном из невских островов под Петербургом, где я очень приятно проводил время»). См. *РА* 1885, № 3, с. 451.

После смерти Фелье-де-Конша рукопись Пушкина была куплена в 1884 г. на аукционе в Париже собирателем автографов, херсонским губернским предводителем дворянства Иваном Ираклиевичем Курисом (1840—1898), предоставившим рукопись для публикации П.И.Бартеневу, который и напечатал ее в *РА* 1885, № 3. Затем текст пушкинского перевода перепечатывался в собраниях сочинений Пушкина, начиная с издания *М*[1].

П.И.Бартенев, печатая перевод Пушкина, в качестве оригинала первых шести песен напечатал текст песен из сборника И.П.Сахарова «Сказания русского народа», М., 1836. Вопросу о текстах, послуживших Пушкину подлинником, посвящена статья Н.Н.Трубицына «О русских народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык» в книге: «Памяти А.С.Пушкина. Сборник статей преподавателей и слушателей Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета», СПб., 1900 (были отдельные оттиски).

---

[1] Веймар ошибся: дачи Бровольского не было; Пушкин снимал дачу у Ф.О.Долгово-Добровольского (см.: Яцевич А.Г. Пушкинский Петербург. Л., 1931, с. 37 и 191 и выше, с. 347).

Из статьи Трубицына явствует, что девять песен для перевода (1—4, 6, 8—11) Пушкин взял из сборника: «Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шутливые, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. В Москве в Университетской типографии у Н.Новикова 1780 года»[1]. Все песни взяты Пушкиным из первой части этого собрания, а именно: первая песня — № 131 (с. 147), вторая — № 129 (с. 145), третья — № 126 (с. 142—143), четвертая — № 125 (с. 141—142), шестая — № 122 (с. 137—138), восьмая — № 128 (с. 144), девятая — № 137 (с. 152—153), десятая — № 134 (с. 149—150) и одиннадцатая — № 133 (с. 148—149).

Вообще нужно заметить, что новиковский песенник был обычным источником, откуда Пушкин черпал нужный ему песенный материал. Так, в «Борисе Годунове» песня Варлаама «Как во городе было во Казани» взята из четвертой части (№ 149) новиковского песенника (см.: Орлов А.С. Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина: Художественный фольклор, ч. II—III. Под ред. Ю.Соколова. М., 1927, с. 89). В рукописи «Капитанской дочки» (№ 2381) в главе VIII Пушкин, списав первые семь стихов песни «Не шуми мати зеленая дубравушка» из новиковского песенника (ч. I, № 131), пометил: «(и проч. с. 147)», то есть указал страницу этого песенника. Не зная этого, А.С.Орлов в названной статье показал, что Пушкин и песенку Гринева (в IV главе), и эпиграфы к II, V (два эпиграфа), VI и VII главам «Капитанской дочки» взял из новиковского сборника песен[2].

Оригиналом для пятой из переведенных Пушкиным песен, как показал Трубицын в названной статье, послужила запись песни, сделанная Н.М.Языковым в Симбирской губернии и переданная им П.В.Киреевскому. От одного из них Пушкин, очевидно, и имел эту запись, напечатанную впоследствии П.А.Бессоновым в VII выпуске «Песен, собранных П.В.Киреевским», 1868 (с. 132—133).

Что касается оригинала седьмой песни, то он до сих пор не найден. Трубицын высказал, по нашему мнению, вероятное предположение, что Пушкин «мог на память воспроизвести этот варьянт плача». Трубицыным же приведена схожая с пушкинским текстом часть одной песни, первоначально напечатанной в календаре Вятской губернии на 1893 г. (перепечатана в собрании песен А.И.Соболевского, т. II, № 481):

---

[1] Эта книга находилась в библиотеке Пушкина. См. статью Л.Б.Модзалевского в № 16—18 «Литературного наследства», с. 1002.

[2] Лишь цитируемые первые два стиха «любимой» песенки Швабрина (глава IV):

Капитанская дочь
Не ходи гулять в полночь,

по мнению Орлова, взяты Пушкиным из сборника Прача (с. 89). Конечно, Пушкин знал этот сборник, но для того, чтобы привести два стиха, ему не нужно было обращаться к книге. Поэт, конечно, знал наизусть немало бытовавших в его время песен, и сводить целиком все его цитации к заимствованиям из книг совершенно невозможно.

Выйду я в новые сени,
Навалюсь на перила,
На точеные на балясы;
Обольюся слезами,
Оботрусь рукавами,
Погляжу в чисто поле:
Что там за пыль, что за копоть,
За великие туманы?
Соболь с куницею играет,
Молодец с девицею гуляет.
Чем она меня лучше,
Чем она меня краше?
Личиком не белее,
Бровями не чернее.

Ниже мы даем перевод Трубицына текста перевода Пушкиным этой (7-й) песни. Характеристика перевода Пушкина сделана Трубицыным, правильно отметившим, что «Пушкин при своей работе не преследовал никаких эстетических целей, а имел задачей познакомить Веймарса с содержанием некоторых памятников русского народного творчества».

Даем тексты песен, служившие Пушкину оригиналами для его перевода.

1

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати,
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос итти,
Перед грозного судью — самого царя.
Еще станет государь царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?»
— Я скажу тебе, надежа православной царь,
Всее правду скажу тебе, всю истину.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищ — темная ночь;
А второй мой товарищ — булатной нож;
А как третий-то товарищ-то мой доброй конь;
А четвертый мой товарищ-то тугой лук;
Что рассыльщики мои-то калены стрелы.
Что возговорит надежа православной царь:
«Исполать тебе, детинушка крестьянской сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую

Середи поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладиной».

2

Ой! ты наш батюшко, тихой Дон,
Ой, что же ты, тихой Дон, мутнехонек течешь!
Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи,
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит,
Поверьх меня, тиха Дона, три роты прошли;
Ай первая рота шла, — то донские казаки,
Другая рота шла, — то знамена пронесли,
А третья рота шла, — то девица с молодцом;
Молодец красну девицу уговаривает:
«Не плачь, не плачь, девица, не плачь, красная моя,
Что выдам тебя, девица, я за вернова слугу;
Слуге будешь ладушка, мне миленькой дружок,
Под слугу будешь постелю стлать, со мной вместе спать».
Что возговорит девица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому миленькой дружок;
Под слугу буду постелю стлать, с слугой вместе спать».
Вынимает молодец саблю острую свою,
Срубил красной девице буйну голову,
И бросил он ее в Дон, во быструю реку.

3

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролегала мать Камышенка река;
Как с собой она вела круты-красны берега,
Круты-красны берега и зеленые луга;
Она устьицем впадала в Волгу матушку реку;
Что по той ли быстрыне, по Камышинке реке
Как плывут тут выплывают два снарядные стружка,
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знамены, будто лесом поросли,
На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, всё донские казаки,
Да еще же гребенские, запорожские,
На них шапочки собольи, верхи бархатные.
Еще смурые кафтаны кумачем подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,

Пестрядиные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки,
И с зачёсами чулочки, да все гарусные;
Они веслами гребут, сами песенки поют,
Они хвалят-величают православного царя,
Православного царя, императора Петра;
А бранят они-клянут князя Менщикова,
Что с женою, и с детьми, и со внучатами,
— Заедает, вор-собака, наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное,
Да еще же не пущает нас по Волге погулять,
Вниз по Волге погулять — сдунинаю воспевать.

4

Вы, молодые робята, послушайте,
Что мы, стары старики, будем сказывати,
Про Грозного царя Ивана про Васильевича,
Как он, наш государь-царь, под Казань город ходил,
Под Казанку под реку подкопы подводил,
За Сулай за реку бочки с порохом катал,
А пушки и снаряды в чистом поле расставлял,
Ой, татаре по городу похаживают,
И всяко грубиянство оказывают,
Они грозному царю насмехаются.
«Ай, не быть нашей Казани за белым за царем!»
Ах! как тут наш государь разгневался,
Что подрыв так долго медлится,
Приказал он за то пушкарей казнить,
Подкопщиков и зажигальщиков.
Как все тут пушкари призадумалися,
А один пушкарь поотважился:
— Прикажи, государь-царь, слово выговорить.
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорели зажигальные свечи,
И вдруг разрывало бочки с порохом.
Как стены бросать стало за Сулай за реку,
Все Татаре тут, братцы, устрашилися,
Они белому царю покорилися.

5

Вниз то было по матушке Камышенке реке,
Супротив то была устьица Самары реки,

Что плывет тут легка лодочка коломенка;
Что в лодочке сидит млад посланник царев,
Карамышев князь Семен сударь Константинович,
В левой он руке держит государев указ,
А во правой руке держит саблю острую.
Что по крутому по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что ходили тут-гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, всё донские казаки,
Всё донские, гребенские, запорожские,
Да и славные казаки, братцы яицкие.
Они думали крепку думушку заедино
Что сказали все словечушко во единый глас,
Становили они пушку, братцы, медную,
Закатили в нее ядрушко чугунное,
Что палили они в лодочку коломенку:
Никого они в лодочке не ранили,
Только убили одного царского посланника.

6

Ах! ты батюшка светел месяц,
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не попрежнему,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бела света;
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого у крилоса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра Первого,
Петра Первого Великого,
Молодой сержант богу молится,
Сам он плачет, как река льется,
По кончине вскоре государевой,
Государя Петра Первого;
В возрыданье слово вымолвил:
Расступись ты, мать сыра земля,
Что на все четыре стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися золота парча,

И ты встань-пробудись, государь,
Пробудись, батюшка православной царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Без тебя мы осиротели,
Осиротев, обессилели.

7

Как ни грустно мне и ни горько мне? Мой милый меня покидает. Не лучше ль было бы нам никогда не знать друг друга? Я не ведала бы горя, ни тяжких вздыханий, ни слез разлуки; моей груди не было бы так больно, моя кровь не кипела бы, и я не сожалела бы о нем. Пойду я на новое крыльцо, обопрусь на перила, прикроюсь шубкой, зальюсь слезами и стану смотреть на пустую равнину. А в пустой равнине соболь с куницею играет. Вот так же и мой милый играет теперь с другой... Был ли бы мой милый доволен, если бы и я играла с другим?

8

Ах! вы, выходы, выходы
Погреба государевы!
Ах! из тех ли из выходов
Выходил доброй молодец:
Он не шумен, — шатается,
Он не пьян, — идет валяется,
Сам фузеею подпирается;
Что увидели из терема
Души красные девицы,
Две майорские дочери;
Как сойти было с терема,
Как спросить было молодца:
«Ах женат ли ты, молодец?»
«Я женат, женат, девицы,
Я женат, женат, красные!
Как жена моя боярыня, —
Что фузея государева,
А малые мои детушки,
Круглы пули свинцовые;
А род-племя у молодца
Сума и с патронами;
Поместье и вотчины,
Раздолье широкое;
А честь и жизнь у молодца,
Моя сабля булатная».

9

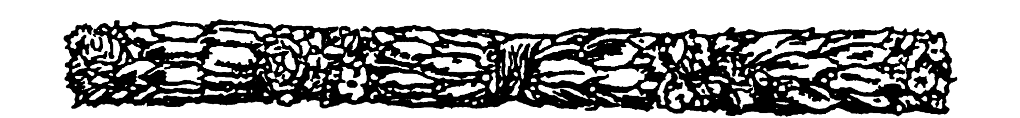
У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалой доброй молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич,
Во казачей круг Степанушка не хаживал.
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голудбою.
«Судари мои, братцы, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

10

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе краснова солнышка,
На закате светлова месяца,
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по на садику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон,
Со вершины до Черна мòря,
До Черна мòря Азовскова,
Помешался весь казачей круг;
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина;
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

11

Ах! далече, далече в чистом поле,
Стояло туто деревцо вельми высоко,
Под тем ли под деревом вырастала трава,
На той ли на траваньке расцветали цветы,
Расцветали цветы, всё лазуревые;
На тех ли на цветах разостлан ковер;
На том ли на ковре два брата сидят,
Два брата сидят, два родимые.
Большой-та братец в цымбалы играл,
А меньшой-та братец песню припевал:
«Породила нас матушка, как двух сыновей,
Вспоил, вскормил батюшка, как двух соколов,
Вспоивши, вскормивши, ничему нас не учил,
Научила молодцов чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, понизовы города;
Чужа дальна сторона без ветру сушит,
Без ветру и без морозу знобит;
Как думала матушка нас век не избыть,
Избыла нас родимая единым часом,
А теперь тебе, матушка, нас век не видать».



IX

ВЫПИСКИ ИЗ КНИГ, ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ, КОПИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЦИТАТЫ

Состав настоящего отдела довольно пестрый. Сюда вошли копии стихотворений и отрывков в прозе русских и иностранных авторов, выписки из ученых трактатов, журналов и газет, эпиграфы к произведениям, впоследствии неиспользованные, эпиграфы к рукописным тетрадям поэта, цитаты, записи по памяти стихов, копии документов и выписки из каталога библиотеки Вольтера.

Группу копий стихотворений русских авторов составляют копии стихотворений: Дм.Сеченова — «Переодетая борода», Сумарокова — «Не Парисов суд с богами», Ломоносова — «Гимн бороде» и «Ода Трисотину», Державина — «Приказ моему привратнику», Батюшкова — «Подражание Ариосту», «К NN» и «Есть наслаждение и в дикости лесов», Жуковского — «Желанье» и «Сей день есть день суда и мщенья», Д.Давыдова — «Возьмите меч — он недостоин брани», Вяземского — «Прощание с халатом», два неполных списка, и «Казалось мне» и товарищей Пушкина по лицею в сборнике «Жертва Мому». Сюда же можно отнести и записи начала стихотворения Мятлева, стихов из перевода Н.И.Дмитриева сцены из комедии Мольера и солдатской песни.

Во вторую группу входят копии стихотворений иностранных авторов: Мильвуа — «Sais-tu, pourquoi cet inquiet tourment...», Шенье — «Près des bords où Venise...», Гара — «Je t'aime tant...», Мицкевича — «Oleskiewicz», «Do przyjaciól Moscali» и «Pomnik Piotra», и неизвестного автора — «L'amant que j'adore». Сюда же можно отнести и запись начала галицийской народной песни: «Черна роля заорана».

Отрывки из прозаических произведений русских авторов составляют: примечание Жуковского к стихотворению «Лалла-Рук», отрывок о Радищеве из записок кн. Е.Р.Дашковой и отрывки из «Календаря на 1721 г.». Сюда же можно отнести выписку из «Истории Государства Российского» Карамзина названий месяцев у славян.

К выпискам из ученых трактатов, журнальных и газетных статей принадлежат выписки: из сочинения Ренуара «История муниципального права во Франции», Гизо «Истории итальянской литературы», Женгенэ «Berald prince de Savoi», «Gazette de France», «Journal des Débats», «Revue encyclopédique» и из неизвестного сочинения.

К эпиграфам, впоследствии неиспользованным, относятся: из Аблесимова, Языкова, Кюхельбекера и Державина для «Арапа Петра Великого», Мандзони, Кольриджа и «Книги Иова».

Эпиграфы к собственным тетрадям: из Шенье и Баратынского. К цитатам мы относим выписки: из Данте, Альгаротти, де Бросса, Вольтера, Бэкона и неизвестных авторов. Пушкиным сняты копии с четырех писем Петра I, с письма А.Х.Востокова, с чьего-то перевода стихотворений Сафо и с трех «описей» имений. Сюда же можно отнести выписки из каталога библиотеки Вольтера.

Транскрипция №№ 6, 11—15, 19, 22, 27, 29, 33—36, 38—40, 42—45, 54, 55, 58—65, сделана Т.Г.Зенгер, которой принадлежит и комментарий к №№ 3, 12, 13 (совместно с М.Г.Муравьевой), 18—21, 31—34, 54 и 63. Транскрипция №№ 2, 4, 5, 7—10, 18, 20, 21, 24, 26, 28, 31, 41, 42, 44 (текст перевода в ПД), 45 (idem), 50, 53, 55, 56, 63 сделана Л.Б.Модзалевским; ему же принадлежит и комментарий к №№ 4, 5, 7, 26, 53 и 56. Транскрипция №№ 3, 16, 17, 46—49 сделана М.А.Цявловским, которому принадлежит и комментарий к №№ 6, 8—11, 14—15, 23—26, 27—32, 37 (совместно с Н.И.Киселевым, которому принадлежат аннотации книг), 38—42, 43 (совместно с Б.А.Грифцовым), 46—49, 58—65. Транскрипция №№ 24, 37 и 66 сделана Д.П.Якубовичем, которому принадлежит и комментарий к № 66.

Текст № 61 печатается по копии Б.Л.Модзалевского.

Перевод текстов №№ 8, 12, 13, 19—22, 33—36 и 58 принадлежит М.Г.Муравьевой, №№ 38—40 — Н.К.Гудзию.

Перевод №№ 44 и 45 сделан М.Е.Грабарь-Пассек, которой (совместно со мной) принадлежит и комментарий к этим переводам.

М. Ц я в л о в с к и й

*Комментарии к записям №№ 2, 52, 57 принадлежат А.В.Дубровскому, к № 51. — С.А.Фомичеву. — **Ред.***

1.

ЖЕРТВА МОМУ
ИЛИ
ЛИЦЕЙСКАЯ АНТОЛОГІЯ
1814.

ЖЕРТВА МОМУ.

Нещастіе Клита.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ Гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышетъ;
Мѣра простая сія все портитъ по мнѣнію Клита,
Смыслъ затмѣваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ піита
Спорить о томъ я не смѣю, пусть онъ безвинныхъ поноситъ
Ямбъ охладилъ риѳмача, Гекзаметры-жъ онъ заморозитъ.

Надпись.

На конную статую пушкаря В. фонъ Рекеблихера.

Подъѣзжаетъ и нещастной
Къ Амариллѣ голубой
Голубокъ любовью страстной
Виля, рыцарь отставной.

Предназначеніе.

Цыплятопироговъ, ты говоришь, Дамонъ!
Не годенъ никуда ни тѣломъ ни душою,
Куда ты, братецъ, тупъ! не видишь-ли что онъ

Для важныхъ дѣлъ рожденъ судьбою?
И можно-ль подлинно бездѣлкою назвать
Всю жизнь ѣсть пироги да продавать цыплять?

Игра словъ.

Цыплятопироговъ въ себѣ заключаетъ
И разумъ Цыпленка и душу пастета.

Пѣвецъ.

Аппюлонъ, напившись пьянъ,
Пѣлъ однажды на скрыпицѣ
Музѣ, чистенькой дѣвицѣ:
Транъ, транъ, транъ.
Позабывъ сады свои
И виномъ разгоряченной,
Нимфамъ пѣлъ сатиръ влюбленной
Три, ти, ти, ти, ти, ти, ти.
А нѣмчурка-басурманъ,
Ѳеба, Сатира черты,
Вдруг запѣлъ намъ: транъ, транъ, транъ
Три, ти, ти, ти, ти, ти, ти.

Опроверженіе

Нѣтъ полно Мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое что совершенства нѣтъ
На свѣтѣ въ твари тлѣнной.
Явися, Вилинька, и докажи собой
Что ты и тѣломъ и душой
Уродъ пресовершенной. —

Жалкій Человѣкъ

Нѣмецъ нѣмцу вслѣдъ иди,
Не мѣшай ни мало

Но ты виля погоди
Коль ума не стало.
Полустишіе твое
Тянется глистою;
Воображеніе мое
Дрем<л>етъ надъ тобою; —
Какъ мертвецъ.... потухшій взоръ!.....
Не мила мнѣ муза,
Всходитъ солнце-ль изъ за горъ,
Бьетъ ли Рокъ француза,
Неприятенъ, грубъ твой стихъ.
Слогъ твой Виля слишкомъ дикъ!
Риѳмы — караибски.
О прежалкой человѣкъ!
Не заслужишь ты вовѣкъ,
Пышны обелиски. —

Вопросъ.

Ахъ! батюшки, какой уродъ!
Широкій носъ, широкій ротъ,
Широкой задъ, и узки плечи,
И узкой умъ, и плоски рѣчи!....
Скажите что это за филя?.... —
— Виля.

О Дон-Кишотѣ

Оставилъ пику Дон-Кишотъ
И нынѣ публику стихами забавляетъ;
И у него за бѣлкой котъ
Съ сучечка на сучокъ летаетъ.

Новый Аполонъ.

Поѣхалъ, поскакалъ Тарасъ
На греческой парнасъ.

Ну вотъ, ослы вскричали
Мы худо отчего мычали
Вѣдь съ нами не былъ Апполонъ;
Теперь покажемся — вотъ онъ!
И всѣ Тарасу восплескали.
И ими онъ, и имъ они довольны стали. —

Англизированіе.

Дьялоги Англиски Ѳомѣ теперь толкуютъ.
Бывало лишь однихъ коней англизируютъ,
А нынѣ — вотъ нашъ вѣкъ каковъ!
Англизируютъ и ословъ.

На случай когда Виля на балѣ разтерялъ свои башмаки. —

Разъ прекрасная Психея
На пирушки у Снохи,
Веселясь, вертясь, потѣя,
Разтеряла башмаки.
Момъ хотѣлъ сыграть ей шутку
Ихъ проворно подобралъ,
И надувъ пастушью дудку,
Augustine заигралъ.
Стары нѣмцы съ молодыми
Прибѣжали всѣ плясать;
Виля съ лапами босыми
Также сталъ вальсировать.
«Виля, Виля! стой, любезной!
«Ножку можешь занозить
«Эти башмаки не тѣсны,
«Можно, Виля, ихъ носить.
«На, возьми!» — И тотъ у Мома
Обувь взялъ, на пальцы вздѣлъ,

Но боговъ изъ свѣтла дома
Купидонъ на все глядѣлъ.
Въ вѣтеръ быстрой превратился
Хитрый, маленькой божокъ,
И туда скорѣй пустился
Гдѣ кружился дурачокъ.
Лётомъ крадется мальчишка
Сквозь кадрильные кружки,
И срываетъ — о плутишка! —
Съ грубой лапы башмачки.
Но Психея.... носъ зажала;
Башмаковъ ужъ не взяла;
Новые лишь заказала,
А Вильмушку — прокляла.
Виля, Виля будь умнѣе!
Съ рѣзвомъ Момомъ не дружись,
Твой не впору Schuh Психѣе
Лучше-жъ босикомъ кружись! —

Неправосудіе.

Даману доказать хотѣлось
Что правосудье къ чорту дѣлось:
Плутягинъ подъ судомъ;
Хваталкин подъ кнутомъ;
Того колесовали,
Того въ Сибирь сослали;
А Клитъ Теласко сочинивъ
Живъ!.

На переводъ поэмы: La religion.

Я дѣло доброе сегодня учинилъ,
И радъ тому не мало:
Какой то подъ угломъ продавецъ горько вылъ
И какъ ни выть? бумагъ для семги не достало
И не вчемъ продавать, товаръ межъ тѣмъ гніетъ

Утѣшься, я сказалъ, бѣды великой нѣтъ
Дамонъ поэму издаетъ

Виля Геркулесу, посвящая ему старыя свои штаны.

Алкидъ штанами пусть владѣетъ
Когда другихъ онъ не имѣетъ.
Сей богъ туда взойдетъ съ ногами, съ головой:
Въ сажень ихъ сшилъ портной.
Но молвить по просту, по руски,
Они... въ шагу мнѣ узки. —

Марфорій своему Зоилу.

Клитъ эпиграммами меня терзаетъ, душитъ
Скажите кстатили на брань мнѣ отвѣчать,
Чернилы по пусту съ бумагою терять,
Коль эпиграммою самъ на себя онъ служитъ?

На сочиненіе: Теласко.

Клитъ плачетъ и хлопочетъ
Что Цензоръ пропуститъ стиховъ его не хочетъ
Однако цензоръ правъ, и впрямъ
Чтобъ было.... право я придумать не умѣю.
Чтобъ было с публикой коль Авторъ самъ
Съ ума сошелъ надъ книгою своею

Новость.

Ахъ! знаешь-ли, Дамонъ? осьмое изъ чудесъ!
На свѣтѣ совершилось.
Сей часъ къ Заикину случай меня занесъ,
И чтожъ со мною тамъ случилось?
Я клитовы стихи увидѣлъ и дивлюсь!

Какой примѣтенъ смыслъ и вкусъ!
Какая чистота, Гармонья, плавность, нѣжность!
Какой высокой духъ! приятная небрежность.
Прочелъ и въ радости души къ тебѣ лечу....
Ты удивляешься, плечами пожимаешь,
И вѣришь мнѣ и нѣтъ, и что сказать не знаешь......
Дамонъ! вѣдь я шучу!

Хата поэта.

Клитъ хату сдѣлать приказалъ
Работникъ смастерилъ и Клита призываетъ
Но только Клита увидалъ
Какъ вдругъ завылъ и закричалъ:
Ай Батюшки! ай, ай, онъ головой сломаетъ!....

На новаго Лагарпа.

Скачите, Музы къ небесамъ,
Велите танцовать водамъ!
За перья!... ну теперь писать!...
Клитъ будетъ васъ критиковать!

Испытанье.

Хотѣлось мнѣ народъ однажды испытать;
И кто не безъ затѣевъ?
Пошелъ нанять я стиходѣевъ,
Чтобъ кто нибудь взялся Клеону написать
Похвальну оду или слово.
Чтожь? сто даю рублей — никто не хочетъ брать.
Даю и тысячу — нѣтъ толку никакова.
Но только попросилъ сатиру написать,
Лишь вымолвилъ — и даромъ все готово.

Впервые напечатано: *РП*, с. 473. Факсимиле стихотворения «Несчастие Клита» воспроизведено в «Вестнике Академии наук СССР», 1931, № 7, с. 49—50.

В.П.Гаевский в своей статье «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения»[1] сообщал: «Перед нами целая тетрадь стихотворений, написанных преимущественно на Кюхельбекера. Сборник этот: *Жертва Мому или Лицейская Антология* переписан в 1814 г. Пущиным. Большая часть этих стихотворений принадлежит Пушкину, но они не имеют никакого достоинства, и потому не приводим их». Из всего сборника В.П.Гаевский привел только стихотворение А.Д.Илличевского «Опровержение» («Нет, полно, мудрецы, обманывать вам свет»), указав на то, что оно было в переделанном виде напечатано Илличевским в *ВЕ* 1814 г. (ч. 1, XXVIII, ноябрь, № 22, с. 103) под псевдонимом: «ийший» и, приведя этот исправленный текст, опубликовал эпиграмму: «Несчастие Клита» («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...»), с таким пояснением: «Из помещенных в сборнике эпиграмм написаны на Кюхельбекера: *Надпись на конную статую пушкаря В. фон-Рекеблихера, Певец, Жалкий человек, Вопрос, О Дон-Кихоте, На случай, когда Виля на бале растерял свои башмаки, Виля Геркулесу, Хата поэта*, и некоторые другие с намеками не вполне понятными. Относительно лучшая из них следующая, написанная Пушкиным». Прямое утверждение В.П.Гаевского о принадлежности этой эпиграммы Пушкину не встретило каких-либо сомнений у издателей его сочинений, и она печаталась во всех изданиях сочинений Пушкина под 1814 г., начиная с издания Г.Н.Геннади и до издания В.Я.Брюсова 1920 г., со ссылкой на статью Гаевского и указанием на то, что лицейский сборник, бывший в его руках, не сохранился. То же указание мы находим и в труде К.Я.Грота[2] и в новейшем исследовании Н.В.Измайлова «Новый сборник лицейских стихотворений»[3].

Н.В.Измайлов, описывая новый сборник лицейских стихотворений, поступивший в Пушкинский Дом Академии наук в 1918 г., пишет: «Сборник, бывший в руках Гаевского, теперь, по-видимому, исчез. Но в нашем Сборнике мы находим целый отдел, носящий то же заглавие: "Жертва Мому или Лицейская Антология"; в нем содержатся все пьесы, поименованные Гаевским, и в том же порядке. Нет сомнения, что это тот же сборник, который Гаевский видел переписанным рукою Пущина, внесенный полностью в нашу тетрадь неизвестным составителем "Собрания". Таким образом восполняется значительный пробел в антологической лицейской поэзии раннего периода (если принять утверждение Гаевского, что сборник переписан в 1814 г.). К сожалению, туманное указание Гаевского, что "большая часть этих стихотворений принадлежит Пушкину", не позволяет делать никаких определенных выводов об авторах эпиграмм». Далее (на с. 58—61) Измайлов приводит несколько стихотворений, еще не появлявшихся в печати, из отдела «Жертва Мому» описанного им лицейского сборника. Теперь мы имеем возможность ознакомиться с тем самым сборником «Жертва Мому», который был у Гаевского и так кратко описан им в «Современнике» 1863 г. Он обнаружен нами в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук СССР и поступил туда дополнительно из известной коллекции автографов В.И.Яковлева, от его вдовы, в 1927 г.[4]

---

[1] См. «Современник», 1863, XCVII, с. 146—148.

[2] «Пушкинский Лицей». СПб., 1911, с. 141, прим.

[3] *СПД*, с. 44—45.

[4] Ныне хранится в *ПД* № 418. Автографы Пушкина из этой коллекции описаны В.И.Срезневским в *ПС* XXXVI, с. 1—7.

Как выяснилось, он имеет исключительное значение уже по одному тому, что переписан весь от начала и до конца не рукою Пущина, как заявлял Гаевский, а рукою Пушкина[1].

Сборник этот состоит из семи листов писчей бумаги в 8 д. л., без водяных знаков, и сшит от руки, лл. 13 и 14 — чистые. На л. 1 заглавие: «Жертва Мому или Лицейская Антология», и дата: «1814», с росчерком в виде круга вокруг даты; л. 1 об. — чистый.

Сборник открывается стихотворением «Нещастие Клита», вошедшим в издания сочинений Пушкина, без разночтений; далее находятся: «Надпись. На конную статую пушкаря В. фон-Рекеблихера» — приведено в статье Измайлова, на с. 58, без разночтений. «Предназначение» и «Игра слов» — впервые опубликованы: *РП*, с. 467; «Певец» — напечатано впервые в книге К.Я.Грота «Пушкинский Лицей», СПб., 1911, с. 219, в качестве «Национальной песни». «Опровержение» — напечатано впервые под именем А.Д.Илличевского в названной статье В.П.Гаевского, с. 147—148; см. также: Гастфрейнд Н.А. Товарищи Пушкина. Т. II, с. 134 и *СПД*, с. 49 и 61—62 примеч.; «Жалкий Человек» — *РП*, с. 468. «Вопрос» — напечатано в *СПД*, с. 59; «О Дон-Кишоте» — *РП*, с. 469; «Новый Апполон» — напечатано там же с. 59; «Англизирование» — *РП*, с. 469; «На случай когда Виля на бале растерял свои башмаки» — *РП*, с. 469—470 (ср. *СПД*, с. 60—61); «Неправосудие» напечатано Я.К.Гротом в изд. «Сочинения Я.К.Грота», т. III, СПб., 1901, с. 245 второй пагинации; «На перевод поэмы "La religion"» — напечатано там же, с. 245 (ср. *СПД*, с. 50); «Виля Геркулесу, посвящая ему свои старые штаны» и «Марфорий своему Зоилу» — *РП*, с. 471; «На сочинение Теласко» — напечатано в *СПД*, с. 60; «Новость», «Хата поэта» и «На нового Лагарпа» — *РП*, с. 472; «Испытание» — напечатано в *СПД*, с. 60.

Рассматривая стихотворения, находящиеся в «Собрании Лицейских стихотворений», где впервые оказался отдел «Жертва Мому», Н.В.Измайлов писал: «Наиболее слабые эпиграммы принадлежат "Жертве Мому". Если верно свидетельство Гаевского, что это — почти все произведения Пушкина, то можно думать, что они принадлежат к самой ранней поре его творчества. Темы их узки и не выходят почти из рамок школьного зубоскальства, подчас — грубого, и большею частью — очень примитивного. Главный предмет насмешки — В.К.Кюхельбекер, Виля, Вильмушка, Клит; под последним именем он выступает на всем протяжении "Собрания". В нем осмеиваются не только умственные и душевные свойства его, поэтическое творчество, критические опыты, но даже наружность — неуклюжесть, неумение ловко носить костюм.., как видно, очень узкое, чисто "классное" острословие. — Некоторые из эпиграмм выражены в очень неуклюжей и малопонятной форме...»[2]. С сказанным, конечно, нельзя не согласиться. Но после найденного автографа Пушкина «Жертва Мому» внимание исследователя сосредоточивается вокруг попытки определения авторства всего сборника «Жертва Мому». Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о том, какие из отдельных пьес этого сборника связывались с

[1] См. заметку Л.Б.Модзалевского «Новые автографы Пушкина» в «Вестнике Академии наук», 1931, № 7, с. 49—50.

[2] *СПД*, с. 58.

именем определенного автора и на чем эта связь была основана. Пушкину приписывается «Нещастие Клита»[1]. А.Д.Илличевскому принадлежит пьеска «Опровержение». Остальные стихотворения анонимны. Авторство Илличевского в стихотворении «Опровержение» не подлежит сомнению. Авторство Пушкина в стихотворении «Нещастие Клита», основанное лишь на свидетельстве В.П.Гаевского, в последнее время подвергается сомнению[2].

Н.В.Измайлов, печатая оглавление рассмотренного им «Сборника Лицейских стихотворений»[3], просмотрел очень важный факт, имеющий первостепенное значение. Дело в том, что в этом сборнике на заглавном листе IV отдела непосредственно после слов «Жертва Мому или Лицейская Антология» написана еще прописная буква «П». Сопоставление найденного автографа Пушкина «Жертва Мому» с буквой «П» в «Сборнике Лицейских стихотворений» окончательно устанавливает связь первого со вторым, заключающуюся в том, что по рукописи Пушкина текст «Жертвы Мому» был вписан в «Сборник Лицейских стихотворений», и что у неизвестного нам по имени переписчика «Жертва Мому» отождествлялась с именем Пушкина, тем более, что при сличении того и другого текста никаких разночтений не оказалось. Таким образом устанавливается окончательно, что именно Пушкин и никто другой из его товарищей-лицеистов был составителем сборника «Жертва Мому». Отсюда вполне естественно высказать утверждение, что самое лучшее из стихотворений сборника, «Нещастие Клита», поставленное на первом месте, принадлежит именно Пушкину; оно должно включаться в основной текст собрания его сочинений. В.П.Гаевский, зная лично многих лицеистов, однокурсников Пушкина, и несомненно получивший об этом чье-либо авторитетное указание, очевидно, поэтому так определенно и заявил об авторстве Пушкина в стихотворении «Нещастие Клита». Очевидно также, что не напрасно он с той же определенностью утверждал, что «большая часть этих стихотворений», то есть находящихся в сборнике «Жертва Мому», принадлежит Пушкину. Они, действительно, «не имеют никакого достоинства», по выражению Гаевского, но если принять во внимание, что они могли быть писаны только в 1811—1813 гг. (сборник переписан в 1814 г.) и являются ранними поэтическими опытами Пушкина и других лицеистов, то от них, конечно, и нельзя ожидать большего. Один только гипноз гения Пушкина мешает несколько прийти к такому выводу. Не располагая, однако, помимо высказанных фактов, никакими другими более точными, сейчас еще нельзя утверждать, какие именно из стихотворений нового сборника, помимо «Нещастия Клита», принадлежат Пушкину, и какие, помимо стихотворения А.Д. Илличевского «Опровержение», принадлежат другим поэтам-лицеистам. Вот почему высказанные соображения позволяют пока рассматривать текст автографа Пушкина «Жертва Мому» как результат коллективного творчества лицеистов, в котором несомненно большую долю участия принимал Пушкин.

---

[1] В *КН* и *ПГ* оно отнесено к отделу приписываемых Пушкину.

[2] См. *СПД*, с. 49.

[3] Там же, с. 36.

2.

Триолет.
Князю Горчакову.

Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо,
Звездами, почестьми гордясь!
Тебе желаю, милый князь,
Кидать любовь от черных глаз,
То для тебя, ей ей, не диво!
Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо!

Дельвиг

30 Августа
1814 год.

Копия лицейского послания А.А.Дельвига, написанного ко дню именин А.М.Горчакова тридцатого августа 1814 года. Переписано Пушкиным (возможно, из-за плохого почерка Дельвига) на почтовой бумаге малого формата с желтой каймой. Хранилась в архиве А.М.Горчакова (*ГАФКЭ*); в настоящее время в *ПД* № 1600.

Впервые текст опубликован К.Я.Гротом (Пушкинский Лицей 1811—1817. Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я.К.Гротом. СПб., 1911, с. 154. В кн.: Дельвиг А.А. Сочинения. Составление, вступительная статья, комментарии В.Э.Вацуро. Л., 1986, с. 95); первое слово в пятой строке читается: «видать».

Триолет (франц. triolet) — восьмистишная стихотворная форма, где 1-е двустишие повторяется в конце строфы, а 4-й стих точно воспроизводит 1-й.

3.

Возьмите мечь — онъ не достоинъ брани
Сорвите лавръ съ чела онъ страстью омраченъ
О Боги Пафоса, окуйте мощны длани
И робкимъ узникомъ въ постыдной риньте плѣнъ
Я вашъ! и кто невоспылаетъ
Кому не пишется любовью приговоръ
Какъ черныя она рѣсницы подымаетъ

И страстью пышетъ взоръ,
Когда Харитой улыбнется
Или въ ночной тиши
Воздушнымъ призракомъ несется
Или надъ чувствами смѣется
Любовью полныя души.

О вы, что прелестьми гордитесь!
Не вамъ ужъ болѣе покорствует любовь —
Вгляните[1] на нее — и сердцемъ содрогнитесь
Она владычица и смертныхъ и Боговъ.
Пускай Свирѣпой Марсъ стыдомъ меня стращаетъ,
И потрясая лавръ зоветъ меня къ боямъ....
Воспитанникъ побѣдъ прахъ ногъ ее лобзаетъ
И говоритъ прости торжественнымъ вѣнкамъ
Но кто сей юноша блаженный
Который будетъ пить дыханье воспаленно
На розовыхъ устахъ
Познаетъ млѣнье чувствъ въ потупленныхъ очахъ
И на груди ея воздремлетъ утомленной?.... —
Давыдовъ.

Копия стихотворения Дениса Давыдова, сделанная Пушкиным, входит в собрание автографов Пушкина в архиве кн. А.М.Горчакова (*ПД* № 1601) (см. *КА* XXXI, 156, где не указано, что копия писана Пушкиным).

Стихотворение написано на первой и второй (шесть строк) страницах согнутого полулиста синей писчей бумаги с водяным знаком «МОФЕБ». Подобной бумагой Пушкин пользовался в 1815—1816 гг.: на ней написаны стихотворения: «Воспоминания в Царском Селе» (вшито в тетрадь № 2395 *ЛБ*), «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных») и «Пирующие студенты» (автограф 1816 г.) (оба последние из лицейского собрания в *ПД*), а также дневник конца 1815 г. Вероятнее всего, датируется этот автограф 1815 г. — за это говорит еще и манера писать на четвертушках, и характерный для этого времени очень мелкий почерк. Таковы же автографы стих. 1814—1815 гг.: «Казак», «Послание к молодой актрисе» и «Пущину» («Любезный именинник») из собрания Академии наук (в *ПД*), хотя и написанные на другой бумаге.

Текст стихотворения Дениса Давыдова в копии Пушкина дан в книге: Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. В.Н.Орлова. Л., Библиотека поэта, <1933>, с. 243, в виде вариантов к основному тексту.

---

[1] *Описка вместо:* Взгляните.

Впервые напечатан: *РП*, с. 478.

В отдельном издании стихотворений Дениса Давыдова (1832 г.) первая Элегия («Возьмите меч») датирована 1814 г., копия Пушкина сделана, вероятно, в 1815 г., а впервые напечатано стихотворение было в 1821 г. (в газете «Рецензент», № 2). Таким образом в копии Пушкина мы имеем более раннюю редакцию, чем первопечатный текст, причем эта редакция является новостью, так как в ней есть отличия от самой ранней редакции, известной по автографу Дениса Давыдова (см. издание 1933 г., с. 243). В новом виде, в окончательной редакции, Элегия вошла в издание 1832 г. стихотворений Дениса Давыдова.

Стихотворения Давыдова долго распространялись в списках. М.В.Юзефович вспоминал: «Раз я выразил ему сожаление, почему он до сих пор (это было в 1826 г.) не собрал и не издал своих стихотворений? — «Эх, братец, к чему? Ведь их и без того все знают наизусть» (*РА* 1874, II, 732).

Найденная в архиве Горчакова копия Пушкина с первой Элегией Дениса Давыдова — самый ранний документ интереса Пушкина к его поэзии.

Что привлекло юного поэта к этой Элегии? Конечно, не один пафос эротизма. Несомненно, Пушкин оценил и музыкальную игру вольного ямба. Денис Давыдов строит элегии свои на выразительной аритмичности разностопного ямба, и при сравнении трех редакций стихотворения «Возьмите меч» видна работа в организации его звучания. Известны не раз цитировавшиеся слова Пушкина о том, что «в молодости он старался подражать Денису Давыдову в кручении стиха и усвоил себе его манеру навсегда» (Вяземский П.П. Александр Сергеевич Пушкин по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям 1826—1837. СПб., 1880, с. 71). Не следует ли под «кручением стиха» понимать пользование вольным ямбом? Пушкин всю жизнь обращался к этому свободному разнообразному ритму (см. статью Г.О.Винокура «Вольные ямбы Пушкина», *ПС* XXXVIII—XXXIX, 23—36).

4.

Прости, халатъ! товарищъ нѣги праздной,
Досуговъ другъ, свидѣтель тайныхъ думъ!
Съ тобою зналъ я міръ однообразной
Но тихой міръ гдѣ свѣта блескъ и шумъ
Мнѣ въ забытьѣ не приходилъ на умъ.
Искуства жить недоученный школьникъ
На поприщѣ обычаевъ и модъ
Гдѣ прихоть Царь тиранитъ свой народъ
Кто не вилялъ? въ гостинной я невольникъ
Въ углу своемъ себѣ я господинъ
Свой мѣря ростъ не на чужой аршинъ

Какъ жалкой рабъ платящій дань злодѣю
И день и ночь въ неволѣ изнурясь
Вкушаетъ рай отъ узъ освободясь
Такъ сдернувъ съ плечь гостинную ливрею
И съ ней ярмо взыскательной тщеты
Я оживалъ — когда одѣтъ халатомъ
Мирился вновь съ покинутымъ пенатомъ
Съ тобой меня чуждались суеты
Ласкали сны и няньчили мечты
У камелька гдѣ яркою струею
Алѣлъ огонь, вечернею порою[1]
Задумчивость, краснорѣчивый другъ
Живила сонъ моей глубокой лѣни
Минувшаго проснувшіяся тѣни
Въ прозрачной тьмѣ толпилися вокругъ
Иль въ будущемъ мечтаньемъ окрыленный
Я разсѣкалъ безвѣстности туманъ
Сближая даль жилъ въ жизни отдаленный
И съ истинной перемѣшавъ обманъ
Живописал воздушныхъ замковъ планъ
Какъ я въ твоемъ уступчивомъ уборѣ
Въ движеньяхъ былъ портнаго не рабомъ
Такъ мысль моя носилась на просторѣ
Съ надеждою и съ памятью въ троемъ

Текст стихотворения написан на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «УФЛП 1814», входящих в состав архива братьев Тургеневых (*ПД* № 696). Описание автографа (без воспроизведения текста) дано в издании журнала «Русский библиофил» — «А.С.Пушкин», 1911, с. 9—10 и 24—25.

Напечатанный впервые текст Пушкина представляет собою копию стихотворения кн. П.А.Вяземского «Прощание с халатом», впервые напечатанного в СО 1821, № 37, с. 178—182, с датой: «С.Астафьево. 21 сентября 1817 года» (вошло в Полное собрание сочинений Вяземского. Т. III. СПб., 1880, с. 150—153).

Судя по почерку Пушкина, копия сделана им, вероятно, вскоре после написания стихотворения, во всяком случае до отъезда в мае 1820 г. из Петербурга. Таким образом, копия сделана Пушкиным с какого-то рукописного текста (автографа Вяземского?).

---

[1] *Было начато:* за<рею>.

Из стихотворения, заключающего в себе сто двадцать стихов, Пушкиным списаны первые тридцать пять.

Отличия текста Пушкина от текста *СО* заключаются в пунктуации и правописании и одном варианте в 55 ст.: «съ памятью въ троемъ» вместо «памятью втроемъ».

5.

Прости, халатъ, товарищъ нѣги праздной!
Досуговъ другъ, свидѣтель тайныхъ думъ!
Съ тобою зналъ я міръ однообразной
Но тихой міръ — гдѣ свѣта блескъ и шумъ
Мнѣ въ забытье не приходилъ на умъ.
Искуства жить недоученый школьникъ
На поприще обычаевъ и модъ
Гдѣ Прихоть-Царь тиранитъ свой народъ
Кто не вилялъ въ гостинной я невольникъ
Въ своемъ углу себѣ я Господинъ....

Текст стихотворения написан на листе в 4 д. л. золотообрезанной писчей бумаги с водяным знаком: «John Hayes 1803», хранящемся в *ПД* № 695, куда поступил от Н.О.Лернера, получившего автограф от потомков Е.П.Полторацкой. Автограф полностью воспроизведен факсимильно в статье Лернера «Пушкин и его юношеская любовь» в «Ниве», 1913, № 43, с. 851—852. Впервые напечатан: *РП*, с. 478—479.

Как и предыдущий, этот список, судя по почерку, сделан, вероятно, в конце 1817 г. Пушкин на этот раз списал лишь первые десять стихов, переставив в последнем стихе слова «В своем углу» вместо «В углу своем». Другие отличия текста Пушкина от печатного стихотворения Вяземского сводятся к пунктуации и правописанию.

Копия сделана Пушкиным для Екатерины Павловны Бакуниной (1795—1869), в 1834 г. вышедшей замуж за А.А.Полторацкого и в лицейские годы жизни поэта бывшей предметом его романтической любви.

6.

Je t'aime tant,
Je t'aime tant,
Je ne puis assez te le dire.
Je le répète cependant
A chaque instant, que je respire.

Перевод:

Я так люблю тебя,
Я так люблю тебя,
Я не устану твердить тебе об этом,
И всё же постоянно это повторяю
Каждый миг, доколе дышу.

Запись в тетради № 2364, л. 41 об. (совр. шифр — *ПД* № 829, л. 42 об.) (верхом вниз), на странице, где беловой текст стихотворения «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный». Запись сделана, вероятно, в 1818 г.

Впервые напечатано Якушкиным в *Я* III, 648, затем в *Ак* II, 66 без каких-либо объяснений. Н.О.Лернером в *В* II, 541 указано, что стихи — романс французского певца и композитора Жана-Пьера Гара (1764—1823). Как предположительно принадлежащее Пушкину, стихотворение ошибочно введено в *КН* I, 381 (в отдел «dubia»).

7.

Желанье

Ахъ! если бъ мой милый былъ роза-цвѣтокъ
Его унесла бы я въ свой уголокъ
Его бъ посадила къ себѣ на окно
Съ нимъ сладкою бъ жизнью жила бъ за одно

———

Къ нему вѣтерочикъ въ окно бы влеталъ
Мнѣ запахъ бы свѣжій на грудь навѣвалъ
Жила бъ я, дыханьемъ цвѣточка дыша
И съ нимъ бы въ лобзаньяхъ сливалась душа

———

Его бы и ранней и поздней порой
Лелѣя поила струей ключевой
Ко мнѣ прилипая младые листы
Шептали бъ: я милый, а милая ты

———

Не сѣла бы пчелка на милый мнѣ цвѣтъ
Я ей бы сказала: здѣсь меду вамъ нѣтъ —

Для пчелки-летуньи есть шелковой [цвѣтъ] лугъ
Моимъ безъ раздѣла останься мой другъ

А если бъ Сильфиды слѣтѣлись толпой
Къ нему любоваться его красотой
Онѣ бы шепнули ласкная листы
Мы любимъ что мило, мы любимъ какъ ты.

Тогда бъ встрѣпенулся мой нѣжный цвѣтокъ
Спорхнулъ бы съ цвѣточка румяный листокъ
Къ моей бы горячей ланитѣ присталъ
И пурпурнымъ жаромъ на ней запылалъ

Родная спросила бъ: что другъ мой съ тобой?
Ты вся разгорѣлась какъ день молодой [?]
Родная, родная сказала бы я
Мнѣ въ душу свой запахъ льетъ роза моя

Жуковскiй

Напечатан впервые: *РП*, с. 482, по рукописи Пушкина, хранящейся в *ПД* № 697 из собрания Шляпкина; подлинник писан на листе писчей бумаги в 4 д. л., с водяным знаком: висячий рог в картуше в орнаментальной рамке; почерк ранний: 1817—1818 гг. Об этом стихотворении Жуковского, как о «прелести», Пушкин упоминает в письме к нему от конца мая — начала июня 1825 г. из Михайловского (см. *П* I, 134, 446).

Текст впервые, как автограф В.А.Жуковского (sic!), напечатан с небольшим комментарием И.А.Шляпкиным в издании журнала «Русский библиофил» — «В.А. Жуковский», <1913 г.>, с. 38—39.

8.

L'amant que j'adore
prêt à me quitter
D'un instant encore
voulait profiter
felicité vaine

Перевод:

Возлюбленный, которого я обожаю,
готовый покинуть меня,
еще мгновением
хотел воспользоваться;
тщетное блаженство!

Написано на л. 5 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см.: *Рук. П*, № 42, с. 20, совр. шифр — *ПД* № 830, л. 5). На этой же странице черновой набросок стихотворения «Мне вас не жаль, года весны моей», датированный: «1820. Юрзуф 20 сентября». Предположительно датируем и запись этим временем. Впервые напечатано: *РП*, с. 483.

Запись представляет собою, вероятно, стихи французской песенки.

9.

Ed ella a me: nessun magior dolore
che ricodarsi del tempo felice
nella miseria.

Перевод:

И она мне: нет сильнее скорби
Как воспоминание о днях блаженства
Во время печали.

Написано на л. 4 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см.: *Рук. П*, № 42, с. 20, совр. шифр — *ПД* № 830, л. 4). Текст этот следует непосредственно за концовкой эпилога «Руслана и Людмилы», датированного здесь 26 июля 1820 г. Очень похожий почерк этих двух записей позволяет предположительно датировать и итальянскую запись этим временем, и, во всяком случае, не позднее 8 февраля 1821 г., так как датированные так стихи «Увы зачем она блистает» обходят прежде написанные итальянские строчки. Как указано Л.Б.Модзалевским в *Рук. П*, № 42, с. 20, текст является выпиской из Дантова «Ада». Стихи взяты из V песни (стихи 121—123).

Впервые этот текст напечатан (в неправильном чтении) в «Сборнике снимков с автографов русских деятелей 1801—1825», изд. ред. «Русской старины» и Ф.К.Опочинина, СПб., 1873, с. 52, где дано и факсимильное воспроизведение автографа (табл. 42, № 92 bis). Уточненный текст напечатан в *РП*, с. 484.

Это одна из самых ранних записей Пушкина на итальянском языке, чем объясняется ошибка его: «magior» с одним g; второе — «ricodarsi» вместо «ricordarci» — можно считать опиской. Предыдущую терцину Пушкин предполагал взять эпиграфом к чет-

вертой главе «Евгения Онегина» (в беловой рукописи *ПД* № 935). Выписка этих слов из Данте очень значительна в применении к Пушкину; она показывает его душевное состояние в первые месяцы высылки из Петербурга.

10.

Просинецъ
Сѣчень
Сухiй
Березозолъ
Травный
Изокъ
Червенъ
Заревъ
Рюенъ
Листопадъ
Груденъ
Студеный

Запись сделана в той же записной книжке (л. 39 об.), где и предыдущая выписка (см.: *Рук. П*, № 42, с. 21). Впервые напечатано: *РП*, с. 484.

На странице с этой записью находится план «Кавказского пленника», почему и возможно запись датировать предположительно второй половиной 1820 г. Запись представляет собою названия месяцев года, начиная с января, у древних славян; названия выписаны из гл. III, т. I «Истории государства российского» Карамзина.

11.

ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
s'eveilloit.....

André Chénier.

Перевод:

Но хоть и был я печальным пленником, всё же
моя лира пробуждалась.

Андрей Шенье.

Написано в тетради № 2367 (совр. шифр — *ПД* № 833), на внутренней стороне передней крышки переплета. Тетрадь была заведена Пушкиным для беловых текстов лирических стихотворений. Стихи из стихотворения «Jeune captive» («Узница») Шенье написаны как эпиграф к этой рукописной антологии. Впоследствии Пушкин взял их как эпиграф к стихотворению «Андрей Шенье» (1825 г.).

Первое стихотворение, переписанное в тетради № 2367, «Нереида», написано в конце ноября-декабря 1820 г. Следовательно, тетрадь стала заполняться не раньше этого времени. С другой стороны, тут же на внутренней стороне передней крышки переплета имеется список стихотворений так же, как и стихи Шенье, датируемый, вероятно, второй половиной апреля 1821 г. Так как список стихотворений внесен сюда, конечно, после эпиграфа, то последний, так же как и начало пользования этой тетрадью, нужно отнести к концу ноября 1820 г. — второй половине апреля 1821 г.

Впервые напечатано у *Я* V, 338.

12.

Revue encyclop.
fevrier 1821
Petersbourg

Un ouvrage, publié dernierement dans cette ville, a fixé l'attention de tous les amis des lettres; c'est un poëme Romantique en dix chants intitulé: Rouslan et ludmila.

Son auteur M.Pouchkin, ancien élève du Lycée de Tzarskoe selo, et attaché dans ce moment au gouverneur general de la Bessarabie, n'a guère que 22 ans. le poëme est tiré des contes nationaux du temps du Grand prince Vladimir; il est rempli de beautés du premier ordre; le style est tantot énergique et tantot gracieux mais toujours élegant et pure et fait concevoir de son jeune auteur les plus grandes esperances.

Перевод:

Энциклопед. обозрение
февраль 1821
Петербург

Недавно изданное в нашем городе произведение привлекло внимание всех друзей словесности; это романтическая поэма в 10 песнях, озаглавленная «Руслан и Людмила».

Автору ее, г. Пушкину, бывшему воспитаннику Царскосельского Лицея, ныне состоящему при генерал-губернаторе Бессарабии, всего 22 года. Эта поэма составлена из народных сказок времени великого князя Владимира. Она полна первостепенных красот; язык ее, то энергический, то грациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора.

Написано в тетради № 2366, л. 1 (совр. шифр — *ПД* № 832, л. 1). Выписка эта расположена ниже перечня лиц, которым нужно послать письма. Ее можно датировать концом апреля-началом мая 1822 г., как и этот список. Впервые напечатано: *РП*, с. 486.

Revue encyclopédique (Энциклопедическое обозрение) — периодическое издание, выходившее в Париже в 1819—1835 гг. и заключавшее в себе обширный отдел иностранной корреспонденции. Хроника петербургской культурной жизни велась, несомненно, русским, бывшим в курсе литературной жизни столицы.

Указание, что в «Руслане и Людмиле» десять (dix) песен — очевидно опечатка, вместо six (шесть). Пушкин обратил на это внимание и подчеркнул слово «dix».

Сделанная Пушкиным выписка о себе интересна тем, что в ней впервые даны биографические сведения о нем. В «Опыте краткой истории русской литературы» Греча, вышедшем в 1822 г., по сравнению с тем, что дано в «Revue encyclopédique», ничего нового нет.

13.

Le plus ancien des poëmes romantiques est: Buovo d'Antona nel qual si tratta delle gran' battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte etc in ottava rima, 1489 Venezia.

Le heros est Beuves d'Antone descendant de constantin, et bisaïeul de Milon d'Anglante, père de Roland. Brandonie, mère de Beuves fait assassiner Guidon son mari, duc d'Antone, par Dudon de Mayence qu'elle epouse. Le jeune Beuves s'enfuit sous la conduite de Sinibalde, son père nourricier et de Thierry son fils — il tombe, Dudon l'enleve; le reste comme dans le conte russe.

Beuves, à la cour du roi d'Armenie devient amoureux de Drusiane un tournoi est ouvert — Beuves est vainqueur de ses rivaux — un fils du Soudan de Boldraque, attaque le roi d'Armenie, le fait prisonnier — mais Beuves le replace sur le trône et tue le fils du S. ne pouvant obtenir Drusiane il fuit avec elle — après grand' nombre d'aventures Drusiane accouche de deux jumaux et suit son epoux — ils rencontrent enfin Thierry et sa troupe

— retourne a Antone blesse dans un combat Dudon puis se présente au palais déguisé en medecin, tire de dessous sa robe son épée — et le force à fuir (pourquoi ne pas le tuer?) en attendant il fait murer sa mère a l'eception de le tête elle meurt un an après — Beuves la fit ensevelir richement dit le poëte. — Dudon réfugié chez Pepin — Beuves le poursuit tue les mayencois, prend le roi pepin tue le traitre Dudon, le fait ecarteler, et remet Pepin sur le trône — pendant cette guerre le roi le prenant pour un diable envoye son chapelain pour l'exorciser; Beuves le poursuit a coups de paumeau d'epée — et lui demontre qu'il est fait de chair et d'os.

Beuves, en Sardaigne se bat encore contre les Sarrasins — il en tue une partie et convertit l'autre — en attendant Antone est assiegé — Beuves fait lever le siege et ensuite celui de Paris — de là il passe en Hongrie tue et baptise (toujours les Sarrasins)

il revient enfin à Antone après d'autres grandes avantures en Europe et en Asie — mais il perd Drusiane, et lui même est assassiné dans une eglise par un assassin, soudoyé par Raymond de Mayence — ancêtre de Ganelon —

Qu'est-ce qu'Antone? le roman des Reali di Francia la place en Angleterre, pres de Londres et dit qu'elle fut fondée par Bovet, aïeul de Бова (c'est probable) il paroit par un passage de l'Arioste qu'Antone etoit un port de mer en Angleterre — le poëme fut composé quelque temps avant 1348, époque où mourut l'historien Villani qui en fait mention (donc le conte est de la 1-re moitié du 14me siècle)

(extrait de Giguené[1])

Перевод:

Самой старой из романтических поэм является: «Буово из Антоны, где говорится о больших битвах, в коих он участвовал, и деяниях, им совершонных, вместе с его смертию и проч., в рифмованных октавах. 1489, Венеция».

Герой ее — Бёв из Антоны, потомок Константина и прадед Милона Англантского, отца Роланда. Брандония, мать Бёва, заставляет Дюдона Майенцкого убить мужа ее, Гидона, герцога Антоны, и выходит за Дюдона замуж. Молодой Бёв бежит, руководимый Синнибальдом, мужем своей кормилицы, и сыном последнего — Тьерри. Он падает <с лошади>; остальное как в русской сказке.

---

[1] *Описка, вместо:* Ginguené.

Бёв при дворе армянского царя влюбляется в Друзиану. Объявляется турнир. Бёв — победитель своих соперников. Сын судана Болдракского нападает на царя армянского и берет его в плен, но Бёв возвращает ему престол и убивает сына судана. Не имея возможности добиться Друзианы, он бежит с ней. После целого ряда приключений Друзиана родит близнецов и следует за своим супругом. Наконец они встречают Тьерри и его отряд. Возвращается в Антону. Ранит в сражении Дюдона, затем является во дворец, переодетый врачом, обнажает выхваченный из-под платья меч и обращает его <Дюдона> в бегство (почему не убить его?). Тем временем он замуровывает свою мать, оставив ей свободной одну голову; она умирает год спустя. «Бёв богато ее похоронил», говорит поэт. Дюдон, укрывающийся у Пипина, Бёв преследует его, убивает жителей Майенцы, захватывает короля Пипина, убивает предателя Дюдона, велит его четвертовать и возвращает Пипину престол. Во время этой войны король, принимая Бёва за чорта, посылает своего капеллана, чтобы изгнать из него духа. Бёв преследует капеллана ударами рукоятки меча и доказывает ему, что сделан из плоти и костей.

В Сардинии Бёв сражается еще против Сарацинов. Часть их он убивает, часть обращает в христианство. Тем временем Антона подвергается осаде. Бёв заставляет снять осаду <с Антоны>, а затем и осаду с Парижа.

Оттуда он переходит в Венгрию, убивает и крестит (всё Сарацинов).

Он возвращается наконец в Антону после новых больших приключений в Европе и Азии. Но он теряет Друзиану, сам же он убит в церкви убийцей, подкупленным Раймондом Майенцким, предком Ганелона.

Что такое Антона? Роман Реали ди Франчиа помещает ее в Англию, близ Лондона, и говорит, что она была основана Бове, предком Бовы (это вероятно). Судя по одному отрывку из Ариоста, Антона была морским портом в Англии. Поэма сочинена немного ранее 1348 года, когда умер историк Виллани, который ее упоминает (таким образом сказка относится к 1-й половине 14 века).

(извлечение из Женгенэ.)

Написано в тетради № 2366, лл. 31—33 (совр. шифр — *ПД* № 832, лл. 31—33). Датируется июнем 1822 г.*, так как на обороте имеется дата: «30 июня», а год выводится из сопоставления с окружающими датами.

---

* Исследование истории заполнения тетради *ПД* № 832 позволяет отнести эту запись ко времени Михайловской ссылки (1824—1825 гг.) — см. *ПИМ*, т. 12, с. 24. — *Ред.*

У *Я* V, 335 дан лишь первый абзац и два замечания Пушкина. Весь текст выписки Пушкина впервые напечатан в *РП*, с. 489.

Текст Пушкина является, как он сам называет, «Extrait», то есть не простой цитатой, а пересказом из «Histoire littéraire d'Italie par P.L.Genguené», tome IV, deuxième partie, chap. IV, pp. 167—183. Paris, 1812 (Женгенэ. П.-Л. История италианской литературы. Париж, 1812, т. IV, ч. II, гл. IV, с. 167—183).

Пересказ Пушкина снабжен тремя попутными замечаниями его. Пушкин передает фабулу эпического романа «Buovo d'Antona» («Буово из Антоны»), точный заголовок которого взял из сноски этой главы. Пушкиным опущена даваемая в начале главы IV общая характеристика персонажей эпических романов, перечень главнейших героев таковых, характеристика авантюр этих героев и оценка октав, которыми разбираемая поэма написана.

При изложении содержания опущены упоминания о сне, который видит Дюдон, об опасности, грозящей ему от мальчика-пасынка Бёва, и о вызванном этим сном намерении матери Бёва отравить сына. Пропущено далее описание второго бегства мальчика и эпизод с купцами, продающими его в Армению. Вся эта часть у Пушкина заменена словами: «le reste comme dans le conte russe» («остальное, как в русской сказке»). Далее в рассказе о бегстве Бёва с дочерью армянского царя Друзианой опущен пересказ его подвигов (сражение с великанами, львами, змеями, медведями). В дальнейшем изложении, после эпизода со священником, опущена оценка невысоких художественных достоинств романа, сделанная Женгенэ. После рассказа об обращении сарращинов в христианство опущен юмористический отзыв о христианских чувствах героя, проявившего такую варварскую жестокость в расправе с матерью, и после описания конца Бёва и Друзианы — сравнение его по жестокости с Агамемноном. В следующей части, дающей историко-географическую справку об Антоне, к словам автора: «elle fut fondée par Bovet» («она была основана Бове») Пушкин добавляет: «aïeul de Bova, (c'est probable)» («предком Бовы, это вероятно»). На датировке поэмы выписка кончается.

Женгенэ — Пьер-Луи (Ginguené) (1784—1816) — французский поэт, музыкальный и литературный критик. Автор «Истории итальянской литературы» (Histoire littéraire d'Italie), выходившей с 1811 г. по 1816 гг. Три последних тома после смерти автора закончены Франческо Сальфи (1759—1832) и изданы в 1819 г. Второе, дополненное издание сочинения вышло в 1833 г. (10 томов in 8°). В библиотеке Пушкина[1] находился экземпляр «Ginguené P.L. Histoire littéraire d'Italie, Paris MDCCCXI—MDCCCXIX 8° vol. I, III, IV, VI, VII, VIII et IX». Здесь же приложена «Histoire littéraire d'Italie de P.L. Ginguené... continuée par F.Salfi, tome dixième. Paris, MDCCCXXIII».

Извлечения эти Пушкин сделал, интересуясь сюжетом Бовы. Его замечания указывают на хорошее знание русской лубочной сказки, сюжетом которой он еще воспользовался в лицее, но, не окончив Бову, уступил этот сюжет Батюшкову. Летом 1822 г. у Пушкина был подъем интереса к фольклору и в связи с этим возврат к теме Бовы. На следующей странице окончания этой выписки Пушкин стал вновь писать стихами «Бову», но после трех начал бросил. Два же плана предполагаемой поэмы, написанные тогда же, сохранились в Майковском собрании (опубликованы в *КН* III, 263—264). О

[1] См. *ПС* IX—X, № 494.

Buovo d'Antona Пушкин упоминает в письме к Вяземскому от 25 мая 1825 г. Третье творческое возвращение к теме Бовы было у Пушкина в 1834 г., когда он замышлял написать сказку о Бове, след чего в виде плана и двух стихов остался в рукописи, опубликованной в III выпуске «Трудов библиотеки СССР имени Ленина», «Academia», 1934, с. 24—25 и 26—27.

14.

Руссо сказалъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas[1]. Это не значитъ: только то, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ единственно для того, чтобы изчезнуть, чтобы намъ сказаться, чтобы намъ оживить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты житія. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, Счастье, Нещастіе даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго — И весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ ними грусть.... Но грусть не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремленіе.... Это произходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его непостижимости.... прекрасно только то, чего нѣтъ. Въ эти минуты живаго чувства, стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, — но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что́ съ нимъ соединяется и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души: иначе отъ чего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимо пролетающій благовѣститель лучшаго.... оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ въ одно мгновеніе соединеннымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду —

---

[1] Прекрасно только то, чего нет.

Текст написан на двух сторонах листа размером в большую четвертку бумаги верже, вклеенного в составленную жандармами тетрадь № 2387 А (л. 52; совр. шифр — *ПД* № 1602). Почерк начала 1820-х годов.

Текст представляет собою копию с неизвестного (рукописного) подлинника примечания В.А.Жуковского к своему стихотворению «Лалла-Рук». Это стихотворение 1821 г. было впервые напечатано без примечания в «Московском телеграфе», 1827 г., ч. XIV, № 5, с. 3—5.

Что касается «примечания», то оно известно в четырех редакциях, правда, мало чем отличающихся друг от друга. Первой редакцией является текст, находящийся в письме Жуковского из Берлина к А.И.Тургеневу от 7/19 февраля 1821 г., впервые напечатанном М.Л.Гофманом в его книге «Le musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits». Paris, 1926, pp. 153—156. Другая редакция была вписана Жуковским в альбом кн. Е.Н.Мещерской, рожд. Карамзиной. Этот текст был опубликован Б.Л.Модзалевским в «Русском библиофиле», 1916 г., кн. 6, с. 77—78. Эту редакцию дает и текст, списанный Пушкиным. Отличия последнего текста от текста, вписанного Жуковским в альбом Мещерской, заключаются, во-первых, в том, что у Пушкина текст короче, чем у Жуковского: первый кончается на стихе: «Он прощальную звезду» — у Жуковского после этого идет еще абзац прозаического текста; во-вторых, в тексте Пушкина нет слов: «и чего в нем нет», после слов: «что с ним соединяется»; в-третьих, в тексте Пушкина в трех словах есть незначительные отличия от текста Жуковского.

Третья редакция «примечания» впервые была напечатана П.А.Ефремовым по рукописи Жуковского (в *ПБЛ*) в седьмом издании собрания сочинений Жуковского, 1878 г. (т. II, с. 327—328). Здесь текст имеет в конце дату: «1821. 6/18 марта. Берлин». Но еще за тридцать лет до публикации Ефремова сам Жуковский напечатал в «Москвитянине», 1848, № 4, с. 11—26, свое письмо к Н.В.Гоголю, где писал: «Я позволю себе здесь повторить то, что было мною сказано в другом месте: "Руссо говорит...."». Дальше Жуковский привел свое «примечание» к стихотворению «Лалла-Рук». Текст в этой автоцитате не совпадает ни с одним из других текстов. Ничего этого не знавший, Якушкин в своем описании рукописей Пушкина напечатал рассуждение Жуковского в копии Пушкина как сочинение последнего (см. *Я* XII, 553—554). На эту ошибку Якушкина скоро указал А.Филонов в «Новом времени», 1884, № 3174, от 29 декабря, приведший в своей заметке отрывок из письма Жуковского к Гоголю. В ответной заметке Якушкин признал свою ошибку, указав, с своей стороны, что более ранним текстом рассуждения, чем письмо к Гоголю, является текст примечания к стихотворению «Лалла-Рук» (см. обложку апрельской книжки *РС* 1885).

Во второй раз как сочинение Пушкина напечатал рассуждение Жуковского М.О.Гершензон в 1919 г. в своей книге «Мудрость Пушкина». Узнав о своей ошибке до того времени, как экземпляры книги были разосланы по магазинам, Гершензон в части их изъял страницы со «скрижалью Пушкина», как было названо в книге рассуждение Жуковского. Тем не менее в заметках П.Е.Щеголева («Книга и революция», 1920, № 2, с. 57—60; перепечатано в *ЩП*^{2}) и Н.О.Лернера (там же, 1921, № 1, с. 81) еще раз было доказано, что запись Пушкина в тетради № 2387 — копия произведения Жуковского.

15.

<1> Сей день есть день суда и мщенья
Сей грозн<ой> де<нь> землѣ яв<илъ>
Неп<обѣдимость Провидѣнья>
И силы горд.<ых> сокр<ушил>

<2> Гдѣ тотъ предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать
Когда ладья его летѣла
Съ Форту<ной> къ берегу при<стать>

<3> Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны
Срывалъ съ Царей Красу Порфиръ
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь заграб<ить> м<іръ>

<4> И гдѣ онъ —

<5> И все что рушилъ онъ — Природа
Уже красою облекла
И по слѣдамъ его Свобода
жизни
Съ дарами [Лести] протекла

<6> И честь тому кто вѣрный Чести
мечь свой посвятилъ
Свободѣ [,] [Мужествомъ] [служилъ]
Кто въ грозную мину<ту> мести
Лишь благодатью отомстилъ

<7> Такъ честь тому — и миръ Вселенной
И Царскія въ вѣнцахъ Главы
И блескъ Лютеціи спасенной
И прахъ низринутой Москвы

<8> Объ немъ молитва А<льбіона>
Одна съ сын<овъ>[1]

Написано в тетради № 2370, л. 8 (совр. шифр — *ПД* № 835, л. 8). Типичная для Пушкина мнемоническая запись стихотворения, когда он само собою разумеющиеся слова, а иногда и целые стихи, заменял волнистой чертой.

Судя по тому, что на следующей странице (л. 8 об.) находится черновик письма Пушкина к А.И.Казначееву, датируемого по содержанию началом июня 1824 г., и комментируемая запись сделана в это время[*].

Пушкин по памяти записал стихотворение Жуковского «Стихи, петые на празднестве английского посла, лорда Каткарта, в присутствии е. и. величества», впервые напечатанное в СО 1816, № 14, с. 68—69, с таким примечанием: «Сей великолепный праздник дан был ныне 28 марта в день падения и отречения Бонапартова за два года перед сим. Все генералы, участвовавшие в той знаменитой кампании, были приглашены к оному».

Текст, записанный Пушкиным, совпадает с текстом «Сына отечества», кроме следующих мест:

1 строфа, 4 стих в СО:		И гордыхъ силу пристыдилъ
» »	у Пушкина:	И силы горд. сопр
4 строфа в СО:		И гдѣ онъ?.....Міръ его не знаетъ! Забытъ разбитый истуканъ! Лишь предъ изгнанникомъ зіяетъ Неумолимый Океанъ
4 »	у Пушкина:	И гдѣ онъ —
7 »	1 ст. в СО:	Такъ честь Ему; и миръ вселенной
»	у Пушкина:	Такъ честь тому — и миръ Вселенной
8 »	в СО:	Объ немъ молитва Альбіона Одна съ сыновъ Его мольбой: «Чтобъ долго былъ красою трона, И человѣчества красой»
»	у Пушкина:	Объ немъ молитва А Одна съ сын

Стихотворение Жуковского припомнилось Пушкину в связи с только что написанными собственными стихами о Наполеоне. На предыдущем листе тетради (л. 7) имеется черновой текст стихотворения «Зачем ты послан был».

---

[1] *Последние две строки написаны на полях и между строк:* Уже красою облекла.... С дарами жизни протекла *из 5-й строфы.*

[*] Исследование истории заполнения тетради *ПД* № 835 позволяет отнести данную запись к марту 1824 (возможно, к 28-му марта, т.е. к десятилетней годовщине отречения Наполеона от престола). — *Ред.*

Впервые пушкинская запись стихотворения Жуковского была напечатана П.В.Анненковым (*А* VII, 36 первой пагинации), принявшим запись за стихи самого Пушкина и назвавшим их: «Первые мысли стихотворения, обращенного к императору Александру I». Анненков опустил первую, едва намеченную Пушкиным четвертую, седьмую и восьмую строфы. Кроме того некоторые слова Анненков прочел неправильно и, наконец, принужден был, по цензурным требованиям, исключить слово «царей» (во втором стихе III строфы). Таким образом, в этой публикации запись появилась в чрезвычайно искаженном виде.

На то, что пушкинская запись является не стихами Пушкина, а Жуковского, указал П.А.Ефремов в седьмом издании сочинений Жуковского, 1878 г. (т. II, с. 491), давший на основании неправильной публикации Анненкова варианты к стихотворению Жуковского. Якушкин (в *Я* VII, 3) текста записи не дал, лишь невразумительно описав его.

Впервые полностью напечатан: *РП*, с. 494.

16.

Ан. Н.Вульф

Не говори: любовь пройдетъ
О томъ забыть твой другъ желаетъ,
Въ ея онъ вѣчность уповаетъ
Ей въ жертву сердце отдаетъ
Дельвигъ

Печатается по автографу Пушкина на л. 20 альбома Анны Николаевны Вульф (*ПД* № 211). Запись Пушкина относится к 1824 г., ко времени пребывания поэта в Михайловском, и представляет собою первые четыре строки стихотворения бар. А.А.Дельвига «Романс», впервые опубликованного в «Полярной звезде на 1824 г.», с. 315, где стих второй читается: «Того не знать твой друг желает» (см. также: Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. Под ред. Б.В.Томашевского. Л., 1934, с. 184).

Впервые опубликована М.Л.Гофманом в его статье «Из Пушкинских мест» в *ПС* XIX—XX, 99 прим., с неправильным указанием о принадлежности альбома бар. Евпраксии Николаевне Вревской. Слова «Увы на», приведенные Гофманом, написаны не Пушкиным.

17.

Подражаніе Аріосту.

(La virginella e simile alla rosa[1]
Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной
Взлѣлѣянной весной подъ сѣнію надежной
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища [бог] луговъ
Но вѣтеръ сладостный но рощи благовонны
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

См. примечание к следующей записи.

18.

Къ N N

Среди трудовъ и важныхъ Музъ,
Среди учености всемирной,
Ты не утратилъ нѣжной вкусъ
Еще ты любишь голосъ лирный
Еще въ душѣ твоей огонь
И сердце наслажденій проситъ
И Аполлоновъ борзый конь
Отъ Музъ тебя въ Киѳеру носитъ.
Отъ пепла древняго Аѳинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима
До стѣнъ Пальмира и Солима
Умомъ ты міра гражданинъ
Ты любишь отдыхать съ Эратой
Разнообразной и живой
И насъ уносишь за собой

[1] Девушка подобна розе.

Въ міры Фантазіи крылатой
Тебѣ легко, ты награжденъ,
Благословленъ, взлелѣянъ Фебомъ
Подъ сумрачнымъ родился небомъ
Но будто въ Аттикѣ рожденъ.

Автограф Пушкина находился в Остафьевском архиве Вяземских (совр. шифр — *ПД* № 932, лл. 5 об.—6).

Текст обоих стихотворений К.Н.Батюшкова написан на обороте пятого листа сшитых шести листов in f° (12 страниц). На первых девяти страницах находится текст всей второй главы «Евгения Онегина», написанный рукой Пушкина. После текста «Евгения Онегина» идет записка Льву Сергеевичу: «Доставь это Вяземскому, повторив просьбы, чтоб он никому не показывал да и сам [ничего] не пакости — ».

После этой записки без каких-либо пояснений написан текст двух стихотворений Батюшкова, после чего, — опять-таки без пояснений, — текст «Оды Его Сиятельству Гр. Дм.Ив.Хвостову».

В 20-х числах апреля (до 26-го) 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: «Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина (тебе единственно и только для тебя переписанного)». Здесь речь идет об описанной рукописи, которую 28 апреля Дельвиг привез в Петербург, и которую Вяземский получил в первых числах июня[1].

Стихотворения Батюшкова, неизвестно с какого оригинала списанные Пушкиным, Дельвиг взял себе для помещения в издаваемых им «Северных цветах на 1826 г.». Здесь оба стихотворения и были впервые напечатаны. Текст стихотворения «Подражание Ариосту», в автографе Батюшкова неизвестный, в «Северных цветах» ничем не отличается от текста копии Пушкина. Текст стихотворения «Къ NN» по автографу Батюшкова (посвящение С.С.Уварову, написанное на экземпляре «Опытов в стихах и прозе Батюшкова», изд. 1817 г.) был впервые напечатан М.П.Погодиным в «Москвитянине», 1841 г., ч. V. Этот текст по сравнению с текстом копии Пушкина дает другую редакцию стихотворения. Текст же «Северных цветов» имеет только одно разночтение с текстом пушкинской копии. В последней 9 стих читается: «От пепла древнего Афин», а в «Северных цветах» — «От древней Спарты до Афин».

Текст копии Пушкина стихотворений К.Н.Батюшкова впервые напечатан: *РП*, с. 496.

19.

On a admiré le [Phi] Cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement — le soleil fait tous les jours la même chose que Dioguène mais ne persuade personne —

---

[1] См. письмо Вяземского к Пушкину от 7 июня 1825 г. в *АП* I, № 169.

Перевод:

Восхищались [Фи] Циником, который ходил перед тем, кто отрицал движение — солнце ежедневно совершает то же, что Диоген, но никого не убеждает.

Автограф из Шляпкинского собрания (*ПД* № 77, л. 1 об.). Текст написан на четвертке грубой писчей бумаги; на обороте листка написано стихотворение «Всё в жертву памяти твоей», датированное здесь: «Триг. 23. Тригорск. 22. 1825». На листке — жандармская помета: «45».

Впервые напечатано Анненковым (*А* I, 272), с объяснением: «На обороте листка с незаконченным стихотворением читаем: "On a admiré...". Эта мысль породила небольшое стихотворение "Движение"». Неправильно поняв Анненкова, Морозов (*М*[1] I, 354) к стихотворению «Движение» сделал неверное примечание: «К этому стихотворению Пушкин сделал следующую п р и п и с к у, которая и послужила для него темою: "On a admiré..."». Поверив Морозову и ссылаясь на него, Шляпкин, описывая комментируемую запись своего собрания (*Ш*, 3), добавляет: «Эта приписка повторяется и в рукописи стихотворения "Движение"».

Выписку Пушкина из неизвестного французского автора* нужно датировать 1825 г.; так датировано стихотворение на обороте этого листка, и в этом же году было написано порожденное этой записью стихотворение.

20.

Le duc de Saxe en mourant laissa [son] l'Empereur Othon, son frère, tuteur de ses trois enfants, avec pouvoir de donner le duché au plus digne. Berald devint le favori & le confident de l'Empereur & le Joconde de la cour. Othon le chargea d'aller en Arragon pour y épouser en son nom la Princesse Marianne: en attendant l'Emp. fesoit la cour à Cunégonde fille du Prince de Mons en Hainaut. Ne pouvant en venir à bout il pria Berald de tacher de la séduire et de la lui faire avoir. Cunégonde devint effectivement amoureuse de Berald et l'avoua à Othon. Celui-ci somma son confident de lui tenir parole, Berald y consentit mais la vertueuse Cunégonde eut l'art de lui persuader que son amour prétendu n'etoit de sa part qu'un artifice afin de faire rougir Othon de ses fureurs. elle conjura Berald de faire semblant d'être vraiment amoureux, & celui-ci y consentit encore. l'Empereur étonné de son

* Источник записи Пушкина раскрыт М.Г.Алексеевым: это статья «Зенон» в «Историческом и критическом словаре Пьера Бейля» (см. Алексеев М.Г. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984, с. 73—76). — *Ред.*

changement devient jaloux, lui promet de le fiancer et [le fait p] lui ordonne de partir pour l'Arragon. le jour du départ, l'Empereur écrit au nom de Berald une lettre à Cunégonde dans la quelle il lui demande un rendez-vous. Felicime remet le billet et exorte sa maitresse à l'accorder — Cunégonde indigné la chasse et écrit avec un page à Bérald en le priant d'avoir pitié d'elle. Berald s'imagine que tout ceci est un jeu concerté entre l'Emp. et Cunégonde; qu'elle est grosse &c. il se résout à pénétrer ce mistère en observant quel effet produira son respect et sa froideur. Il vient dans la maison de Cun. et se cache dans la chambre de felicime. Il entend la voix d'Hermentrude, mère de Cunégonde, qui exorte sa fille à ceder aux desirs de son époux. Cunégonde en larmes vient se refugier dans la chambre de Felicime.

L'Empereur arrivé dans la chambre de Cunégonde ne l'y trouvant pas et ayant entendu sa voix et celle de Berald, se croit découvert et court dans la chambre d'Hermentrude. Celle-ci attendoit son amant le marquis de Brandebourg. delà un qui pro quo dont le marquis est témoin. l'Empereur leur persuade de feindre que tout étoit préparé d'avance, envoye le Mrqs chercher un aumonier et 3 témoins et se rend dans la chambre de felicime. — Il veut les marier mais Berald refuse par soupçon, et prend la poste.

Arrivé en Arragon Berald devient amoureux de la Pr. Marianne. Elle l'aime aussi avec toute la vivacité d'une Espagnole. le roi, son père, vieux bon homme voudroit favoriser leurs amours à cause d'une prédiction d'Alphonse qui déclaroit que la Pr. Marianne seroit la plus malheureuse des femmes si elle ne se livreroit pas avant son mariage à l'homme qu'elle aimeroit. Malgré cette prédiction les soins de Nugna, sa nourrice et les belles paroles de son père, Marianne concerve sa vertu. elle fait promettre à Berald de la respecter. Le jour de la cérémonie arrivé l'Archeveque les benit, Berald triomphe dans le tournois, et met la cuisse nue dans le lit de la Princesse. Il part pour visiter les villes d'Arragon et tombe malade d'amour. la Princesse part pour Vienne. Berald arrive le jour de tournois. Il renvoit à Marianne le portrait qu'il avoit eu de Nugna. l'Empereur veut le combattre. Berald s'imagine qu'il est allé jouïr de son épouse, & transporté de jalousie il monte à la chambre de Marianne. Il y trouve le M. de Brandebourg qui vient de violer l'imperatrice. Othon entre et tue le Marquis. Marianne demande l'épreuve de feu. l'Emp. y consent & exile Berald — Mais Cunégonde obtient qu'il reste pour être temoin de sa justification elle demande aussi l'epreuve: la cerémonie a lieu dans la cours du palais. Cunégonde triomphe et Marianne est brulée.

(extrait de Berald de Savoye).

Перевод:

Герцог Саксонский, умирая, оставил императора Оттона, своего брата, опекуном своих трех детей, с полномочием передать герцогство наиболее достойному. Беральд сделался любимцем и доверенным императора и баловнем двора. Оттон поручил ему отправиться в Аррагонию, чтобы быть его заместителем в бракосочетании с принцессой Марианной. Тем временем император ухаживал за Кунигундой, дочерью князя Монс в Эно.

Не придя к желанному концу, он попросил Беральда сделать попытку очаровать ее и помочь ему завладеть ею. Кунигунда действительно влюбилась в Беральда и созналась в этом Оттону. Оттон потребовал от своего наперсника, чтобы тот сдержал слово. Беральд согласился, но добродетельная Кунигунда искусно уверила его, что приписываемая ей любовь была с ее стороны лишь уловкой, имевшей целью заставить Оттона краснеть за свою необузданную страсть. Она заклинала Беральда сделать вид, что он действительно влюблен, на что он также согласился. Император, удивленный переменой в нем, начинает ревновать, обещает ему помолвить его и приказывает ему отправиться в Аррагонию. В день отъезда император пишет от имени Беральда письмо Кунигунде, в котором просит ее о свидании. Фелицима передает письмо и убеждает свою госпожу согласиться на свидание. Возмущенная Кунигунда прогоняет ее и пишет через посредничество пажа Беральду, прося сжалиться над ней. Беральд воображает, что всё это игра, согласованная между императором и Кунигундой, что она беременна и т.д. Он решается проникнуть в эту тайну, наблюдая, какое действие произведет его почтительность и холодность. Он приходит в дом Кунигунды и прячется в комнате Фелицимы. Он слышит голос Герментруды, матери Кунигунды, которая убеждает дочь уступить желанию ее супруга. Кунигунда в слезах ищет убежища в комнате Фелицимы.

Император, придя в комнату Кунигунды, не застав ее там и услыша ее голос, а также голос Беральда, предполагает, что он разоблачен, и бежит в комнату Герментруды. Последняя ожидала своего любовника, маркиза Бранденбургского. Отсюда qui pro quo, свидетелем которого является маркиз. Император убеждает их притвориться, что всё было подготовлено заранее, посылает маркиза за священником и тремя свидетелями и отправляется в комнату Фелицимы. Он хочет их повенчать, но Беральд отказывается из подозрительности и уезжает.

Приехав в Аррагонию, Беральд влюбляется в принцессу Марианну. Она тоже любит его со всем пылом испанки. Король, отец ее, добродушный старик, хотел бы покровительствовать их любви вследствие предсказания Альфонсу, что принцесса Марианна будет несчастнейшей из женщин, если она не отдастся до своего замужества человеку, которого она полюбит. Невзирая на это предсказание, заботы Нуньи, ее кормилицы, и прекрасные слова ее отца, Марианна сохраняет свою добродетель. Она берет с Беральда слово пощадить ее. Когда наступает день обряда, архиепископ благословляет их. Беральд побеждает на турнире и восходит на ложе принцессы. Он уезжает, чтобы посетить города Аррагонии, и заболевает от любви. Принцесса уезжает в Вену. Беральд приезжает в день турнира. Он отсылает Марианне портрет, который он получил от Нуньи. Император хочет его победить. Беральд воображает, что он отправился овладеть своей супругой, и, вне себя от ревности, поднимается в комнату Марианны. Он застает там маркиза Бранденбургского, который только что изнасиловал императрицу. Оттон входит и убивает маркиза. Марианна требует испытания огнем. Император на это соглашается и назначает изгнание Беральду. Но Кунигунда достигает того, что он остается, чтобы быть свидетелем ее оправдания; она тоже требует испытания. Обряд совершается во дворе дворца. Кунигунда торжествует, а Марианна сожжена.

(Извлечение из Беральда Савойского)

Автограф в тетради № 2367, лл. 65 об.—62 (совр. шифр — *ПД* № 833, лл. 87 об.—84). Текст начат на последнем листе тетради верхом вниз. Датируется июлем 1826 г., так как на л. 66, то есть на внутренней стороне задней крышки, также верхом вниз, теми же блеклыми водянистыми чернилами сделана помета: «14 Juillet 1826 Gon <?>». Этими же жидкими деревенскими чернилами писан текст стихотворения «29 июля 1826» («Под небом сладостным Италии своей»). По этим чернилам нами уже датированы июлем 1826 г. стихотворение «Едва уста красноречивы» (в тетради № 2368) и черновые строфы перевода из «Orlando Furioso» Ариосто (в тетради № 2370, л. 69).

Впервые напечатано у *Е*[4] VIII, 421—422, с копии Анненкова и с его примечаниями. По автографу впервые напечатано: *РП*, с. 500.

Как указал кн. Н.Костров из Минусинска («Москвитянин», 1856, № 1), данный отрывок является извлечением из сочинения «Beralde prince de Savoie», помещенного в сборнике «Bibliothèque de campagne ou Amusements de l'esprit et du coeur», tome septième. Bruxelles, Benoit et Francq, 1785, с. 161—254 («Сельская библиотека или развлечения ума и сердца», том седьмой, Брюссель, изд. Бенуа и Франк, 1785). Пушкин изложил страницы 165—225, причем первое лицо подлин-

ника (Беральд Савойский сам рассказывает о своих похождениях) заменено у Пушкина третьим лицом. Рассказ передан очень кратко, сбивчиво, что затемняет смысл передаваемой фабулы. Есть одна явная описка в том месте, где Беральд из комнаты Фелицимы слышит, как Герментруда уговаривает дочь уступить желанию супруга (надо: императора). В начале рассказа Пушкин слова оригинала: «j'eus le bonheur... de me voir... l'amour des Belles de la Cour» заменяет выражением: «Berald devint le Joconde de la cour». Joconde (от латинского jucundus — привлекательный) у Ариосто (1474—1533) — имя одного персонажа, любезного обольстителя[1]. Выражением: «Berald .... met la cuisse nue dans le lit de la princesse» — Пушкин сокращенно передает подробно описанный в подлиннике обряд символической брачной ночи, который в средние века следовал за благословением архиепископа в тех случаях, когда на месте жениха был его представитель (в данном случае вместо императора Оттона — Беральд Савойский).

У Пушкина пересказ Беральда обрывается на смерти Марианны. Таким образом, не изложены последующие сложные события из жизни Беральда и Кунигунды. Основой этого рассказа Пушкин предполагал воспользоваться для драматического или повествовательного замысла.

Ал. Ник. Вульф, рассказывая в дневнике о своем посещении Пушкина в Михайловском 15 сентября 1827 г., описывает его рабочий стол: «...дружно также на нем лежали Montesquieu с Bibliothèque de campagne и "Журналом Петра I"...» (Вульф А.Н. Дневники: Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1929, с. 136). Интересующая нас книга находилась в библиотеке Тригорского (ныне хранится в *ПД*) и первая страница о Беральде согнута пополам (сообщено Д.П.Якубовичем), то есть это — та самая книга, из которой делал выписку Пушкин.

21.

[Dis moi] Sais-tu, pourquoi cet inquiet tourment
De mon bonheur empoisonne l'ivresse?
Sais-tu pourquoi dans le plus doux moment
Mon oei[u]l distrait se voile de tristesse,
Pourquoi souvent a ta main qui la presse
Ma froide main répond negligeament?
Le sais-tu? Non? connais donc ma faiblesse,
Ris, tu le peux, de mes transports nouveaux!

---

[1] Это же имя позднее носит герой комической оперы «Joconde ou les coureurs d'aventures» («Жоконд или искатели приключений»), музыка Николо, текст Этьенна. Первое представление этой комической оперы было 28 февраля 1814 г. Жоконд в первой половине XIX века был одним из самых популярных сценических образов (ср.: Пушкин А.С. «Метель»), и имя его тогда же стало нарицательным.

Je suis jaloux, & jaloux sans rivaux.
Quand le présent — m'enivre de delices
Dans le passé je cherche des supplices.
Ton coeur, réponds sans nul déguisement
N'a-t-il battu que pour moi seulement?
Durant la nuit, à l'heure où tout someille,
Jamais dit-moi, les traits d'un autre amant
N'ont-ils [*нрзбр*] troublé tes songes ni ta veille?
Le regard fixe et le sein oppressé
Te rappelant une image trop chère
N'as-tu jamais le soir près de ta mère
laissé tomber le travail commencé?
Tu me dis j'aime, & d'une voix si tendre!
Ce mot charmant à moi seul l'as-tu dit?
Que sais-je? un[e] autre avant moi l'entendit,
Un autre..... & bien je ne veux plus l'entendre.
Pardonne, helas! dans mon trouble fatal.
Je te parois injuste ingrat... mais j'aime
Ah! songe bien que pour l'Amour extrême
Un souvenir est encore un rival.

Перевод:

[Скажи] Знаешь ли ты, отчего эта беспокойная мука
отравляет мне упоение счастьем?
Знаешь ли ты, отчего в самое сладостное мгновение
мой рассеянный взгляд омрачается печалью,
отчего часто пожатию твоей руки
небрежно отвечает моя холодная рука?
Знаешь ли ты это? Нет? Узнай же мою слабость,
смейся, ты это можешь, над моим новым бредом.
Я ревную, и ревную без соперников.
Когда настоящее опьяняет меня наслаждением,
в прошлом ищу я пыток.
Твое сердце, отвечай безо всякого притворства,
билось ли лишь для одного меня?
В течение ночи, в час, когда все дремлет,
никогда, скажи мне, черты другого возлюбленного

не тревожили твоих снов и твоего бдения?
С остановившимся взглядом, со стесненной грудью,
вспоминая слишком дорогой образ,
никогда вечером, сидя рядом с матерью,
не роняла ты начатой работы?
Ты говоришь мне люблю, и таким нежным голосом!
Это чарующее слово одному ли мне ты говорила?
Что знаю я? другой раньше меня его слышал,
другой... Что же, я не хочу его больше слышать.
Прости, увы, в моем роковом смятении
Я кажусь тебе несправедливым, неблагодарным, но я люблю.
Ах, подумай хорошенько, что для чрезмерной любви
воспоминание — тоже соперник.

Автограф, на листе писчей бумаги in f° без водяного знака, находится в *ПД* № 700, куда поступил из собрания Б.Л.Модзалевского, получившего его от потомков П.А. Осиповой. Судя по почерку, автограф этот относится к середине 1820-х годов. Текст автографа Пушкина впервые напечатан: *РП*, с. 503. Упоминаний в пушкиниане об этом автографе также не было. Запись, как указал Б.В.Томашевский, представляет собою копию стихотворения Millevoye «L'inquiétude» (Мильвуа, «Беспокойство»).

В библиотеке Пушкина имеется издание «Oeuvres complètes de Millevoye, nouvelle édition, Bruxelles, MDCCCXXIII», где в томе I, в отделе «Elégies», на с. 73—74, напечатано это стихотворение. Копия Пушкина имеет небольшие отличия от текста этого издания, откуда он, надо думать, выписал эти стихи. Вот главнейшие разночтения, не считая незначительных знаков препинания: в стихе 7 после слова *Non* у Пушкина «?» вместо точки оригинала; в ст. 14 у Пушкина *la nuit* вместо *les nuits*; в ст. 22 у Пушкина *à moi seul* вместо *pour moi seul*; в ст. 24 у Пушкина начинается: *Un autre... et bien* вместо *Peut-être!.. Eh bien.* Все эти варианты надо объяснить описками. Б.Л.Модзалевский на обложке автографа отметил сходство этого французского текста со стихотворением Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты», но сходство это нужно признать лишь в теме ревности и в композиции стихотворения в виде ряда вопросов, обращенных к любимой женщине.

Воздействие Мильвуа на Пушкина не раз отмечалось в критике («Пушкин и Мильвуа» Евгении Клебанской в *РС* 1902, XII, 603—604; «Элегия Ленского и французская элегия» С.Савченко в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926). Любопытно, что в пору писания элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты» (беловой текст датирован 11 ноября 1823 г.) Пушкин, излагая в письме к Вяземскому (4 ноября) обзор французской литературы, так писал о Мильвуа: «Millevoye ни то, ни се, но хорош только в мелочах элегических».

22.

Près des bords où Venise est reine de la Mer,
Le gondolier nocturne au retour de Vesper
d'un leger aviron bat la vague applanie,
Chante Renaud, Tancrède et la belle Herminie
[Comme lui] il aime ses chansons, il chante sans désir,
Sans gloires, sans projets, sans craindre l'avenir;
Il chante — & plein du Dieu qui doucement l'anime
Sait égayer du moins sa route sur l'abime —
Comme lui, sans echo je me plais à chanter —
& les vers inconnus que j'aime à méditer
Adoucissent pour moi la route de la vie
Où de tant d' Aquilons ma voile est poursuivie
Vers inédits d'André Chenier

Перевод:

У берегов, где Венеция царит над морем,
ночной гондольер с возвращением Веспера
легким веслом ударяет успокоенную волну,
воспевает Рено, Танкреда и прекрасную Эрминию,
[как он] любит свои песни, поет без желаний,
без славы, без замыслов, не боясь будущего;
он поет и, преисполненный бога, который тихо вдохновляет его,
умеет по крайней мере увеселять свой путь над бездной.
Как он, я нахожу удовольствие петь без отклика,
и неведомые стихи, которые я люблю обдумывать,
смягчают для меня жизненный путь,
на котором мой парус преследуют столько Аквилонов.
Неизданные стихи Андрея Шенье.

Автограф в книге «Oeuvres complètes d'André de Chénier, Paris, 1819», на чистом листе после верхней переплетной крышки. Книга эта хранится в библиотеке Пушкина (№ 736), в описании которой Б.Л.Модзалевский впервые и опубликовал этот автограф, а также и воспроизвел факсимильно (*ПС* IX—X, 192). Впервые эти стихи А.Шенье были напечатаны в «Annales romantiques, Recueil de morceaux choisis

de litterature moderne, 1827—1828, Paris, MDCCCXXVIII», вышедшей в свет в начале января 1828 г.

Стихи Андрея Шенье были переведены Пушкиным стихами «Близ мест, где царствует Венеция златая» 17 сентября 1827 г. Таким образом, запись стихов Андрея Шенье Пушкиным относится ко времени между 1819 г. и 1827 г. и тем самым свидетельствует о том, что стихи Шенье были списаны Пушкиным до их публикации с какого-то рукописного текста.

23.

Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ
Плоды роскошнаго забвенья
Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья....

Баратынскій. Пиры.

1824. — 1827

Москва 18 Ма<я>

Запись в тетради № 2371, л. 1 (совр. шифр — *ПД* № 838, л. 1). На странице, кроме этих стихов, ничего не написано, так что, несомненно, эта цитата из поэмы Баратынского «Пиры» (стихи 252—256) является эпиграфом ко всей тетради Пушкина.

Впервые напечатано у *Я* VII, 38. Поэма Баратынского впервые опубликована в 1821 г. Нельзя сказать, означает ли «Ма» — «марта» или «мая». Непонятен и «1824» в дате. Щеголев (*ПС* XIV, 189; перепечатано в *ЩП*[1], 177 и *ЩП*[2], 241), неправильно указавший, что Якушкин пропустил эту запись, читает «мая» и высказывает предположение, что дата означает день, когда заведена тетрадь, может быть подаренная Пушкину друзьями при отъезде его из Москвы в Петербург в ночь с 18 на 19 мая*.

Первые два стиха этой цитаты Пушкин дважды намечал в качестве эпиграфа к «Евгению Онегину»: ко всему роману, в рукописи первой главы, хранившейся в *ПБЛ* (см. *Рук. П*, № 8, с. 8; совр.шифр — *ПД* № 930), и к четвертой главе (см. *КН* IV, с. 200).

---

* На то, что дата написана рукой не Пушкина, а Баратынского, указала В.Б.Сандомирская (см.: Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (*ПД* № 838) (История заполнения). В кн.: *ПИМ, т. 10. Л., 1982, с.* 240), однако она не смогла объяснить значения этой даты. Нам представляется убедительным следующее ее истолкование: май 1827 г. ознаменован не только отъездом Пушкина из Москвы в Петербург, но и тем, что в середине этого месяца в Москве вышла в свет и была книжной новинкой его поэма «Цыганы». Объявление о ее продаже появилось в «Русском инвалиде» 15 мая

24.

P<èters>b<ourg> est la fenêtre par où la Russie regarde en Europe.

Перевод:

Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу.

Запись на л. 24 об. тетради в 8 д.л. (в 51 лист) с перебеленным текстом четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» (хранился в *ПБЛ*; см. *Рук. П*, № 14, с. 10) (совр. шифр — *ПД* № 935, л. 27 об.).

Запись (карандашом), впервые напечатанная в *РП*, с. 505, (прочтена впервые Д.П. Якубовичем; см. *КН* VI, 33), — цитата из книги итальянского писателя Франчески Альгаротти (1712—1764) «Письма о России» (1739 г.). Эту же цитату Пушкин привел в одном из своих примечаний к «Медному всаднику» в таком виде: «Альгаротти где-то сказал: "Petersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe"». Как указал Н.О.Лернер (в *В* VI, 451), Пушкин мог заимствовать цитату из бывшей в его библиотеке книги V.C*** «Tableau général de la Russie moderne et situation politique de cet Empire au commencement du XIX-e siècle», Paris, 1802 («Общая картина современной России и политическое положение этой империи в начале XIX века». Париж, 1802), где слова Альгаротти даны как эпиграф к книге в таком виде: «St.-Pétersbourg est la fenêtre par la quelle Russie regarde continuellement l'Europe» («Санкт-Петербург — это окно, через которое Россия смотрит постоянно в Европу»).

Время переписки набело четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» — 1826—1827 гг., когда, вероятно, сделана и комментируемая запись.

(см.: Синевский Н.А., Цявловский М.А. Пушкин в печати. М., 1938, с. 43). Перед 10 мая П.А.Вяземский посылал «Цыган» в Париж А.И.Тургеневу (Остафьевский архив. Т. 3, СПб., 1899, с. 160). Поэма была написана в 1824 г. К этому же году относится и «Эда» Баратынского. 8 декабря 1824 г. Пушкин писал А.Родзянке: «Боратынский написал поэму — не прогневайся, про *Чухонку*, и эта Чухонка говорят чудо, как мила. — А я про *Цыганку*, каков? <...> ай да Парнас! ай да героини! ай да честная компания!» (XIII, 128). Вероятно, перед отъездом Пушкин принес Баратынскому свою поэму, вышедшую с трехлетним запозданием, и в ответ получил альбом со знаменательной надписью, отмечавшей синхронность работы и замыслов двух поэтов. Эту синхронность и отмечает верхняя дата — «1824». Дата «1827» определяет временное расстояние между созданием «Цыган» и «Эды» и выходом книги (или днем, когда она была получена Баратынским. — *Ред.*

25.

It is a poison — tree, that
pierced to the inmost
Weeps only tears of poison.
Coleridge

Перевод:

Это — ядовитое дерево, которое,
будучи проколото до глубины,
Плачет только слезами яда.
Кольридж.

Автограф находится в *ПД* № 102 (собрание К.Р.). Запись на первой странице сбоку текста первой и второй строф перебеленного с поправками текста стихотворения «Анчар», датированного здесь: «9 ноября 1828. Малинники».

Впервые напечатано Н.В.Яковлевым в статье «Пушкин и Кольридж» (см.: Пушкин в мировой литературе. Сборник статей. Госиздат, 1926, с. 138), не нашедшим у Кольриджа этих строк. Источник найден Д.П.Якубовичем. Таковым оказалась трагедия в пяти актах Кольриджа «Remorse» («Раскаяние»), где в первой сцене первого акта, в четвертой реплике Zulimez'а имеются эти полтора стиха (см.: Якубович Д.П. Заметка об «Анчаре». «Литературное наследство», № 16—18, с. 869—874).

26.

Елегія[1]

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть Гармонія въ семъ говорѣ валовъ
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ,
Я ближняго люблю — но ты, Природа-мать
Для сердца ты всего дороже
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать

[1] *Из* Е *переделано в* Э *тою же рукою, что приписала окончание фамилии Батюшкова.*

И то чѣмъ былъ какъ былъ моложе
И то чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ
Тобою въ чувствахъ оживаю
Их выразить душа незнаетъ стройныхъ словъ
И какъ молчать объ нихъ не знаю
К Ба<тюшковъ>

Впервые по автографу Пушкина, хранящемуся в *ПД* № 699, напечатано в *РП*, с. 507. Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков. Стихотворение Батюшкова напечатано было впервые в «Северных цветах на 1828 г.», с. 23, и относится к 1819 г. Пушкин мог получить его текст от кн. П.А.Вяземского в 1826 г., после возвращения своего из ссылки. В июле этого года Вяземский записал его как свежую новость в свою записную книжку (см.: Сочинения кн. П.А.Вяземского, IX, 86). Следовательно, пушкинская запись относится к 1826—1828 гг. Более точной датировке она не поддается. Интересно отметить, что Пушкин это стихотворение Батюшкова переписал вторично, в принадлежавший ему экземпляр «Опытов в стихах и прозе К.Батюшкова», СПб., 1817, испещренный его пометами и замечаниями, относящимися также ко времени 1826—1828 гг. (см.: Майков Л.Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 290—291). Но местонахождение этого экземпляра в настоящее время неизвестно. Л.Н.Майков сделал лишь указание на самый факт пушкинской записи, но текста ее не привел. Ср. в работе В.Л.Комаровича в «Литературном наследстве», № 16—18, с. 886.

Текст комментируемой копии дословно совпадает с текстом «Северных цветов на 1828 г.»*.

27.

Я тебѣ жену добуду
Иль я мѣльникомъ не буду
Аблесимовъ, въ оперѣ Мѣльникъ
Ужъ столъ накрытъ; ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ.

Желѣзной волею Петра
Преображенная Россія
Языковъ

* См.: Вацуро В.Э. Последняя элегия Батюшкова. К истории текста. В кн.: Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994, с. 150—166. — *Ред.*

Какъ облака на небѣ
Такъ мысли въ насъ [теря] мѣняють легкій образъ
Что любимъ днесь, то завтра ненавидимъ

[Какъ сонъ какъ сладкая мечта
Изчезла и моя ужъ младость]
Не сильно нѣжитъ красота
Не столько восхищаеть радость
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ...
Желаніемъ честей размученъ
Зоветъ, я слышу, славы шумъ!

Державинъ

Написано на внутренней стороне передней крышки переплета тетради № 2378 (совр. шифр — *ПД* № 837, л. 1). Записи сделаны в августе 1827 г. — декабре 1828 г., так как «Арап Петра Великого» начат был в конце июля 1827 г., а одна глава (IV) романа была напечатана в «Северных цветах на 1829 г.», вышедших в свет в декабре 1828 г. Впервые 1—3 и 5 эпиграфы напечатаны Анненковым в *А* V, 525—526. Четвертый эпиграф — в *Я* XI, 335.

Первый эпиграф взят из явления IV действия I комической оперы А.Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват», 1779 г. Здесь взятые Пушкиным стихи читаются: «Я тебе жену добуду; Иль я Мельник век не буду!..».

Второй эпиграф взят из поэмы Е.А.Баратынского «Пиры» (впервые напечатана в 1821 г.), где 66—68 стихи читаются:

Вполне богат и лаком стол.
Уж он накрыт; уж он рядами
Несчетных блюд отягощен[1].

Пушкин, взяв 67 и 68 стихи, изменил в 67 стихе «стол» на «он».

Третий эпиграф взят из стихотворения Н.М.Языкова «Ала» («В стране, любимой небесами»), впервые напечатанного в «Северных цветах на 1826 г.». Пушкин точно записал 30 и 31 стихи.

Четвертый эпиграф был принят Н.О.Лернером за стихи самого Пушкина (см. *ПС* XVI, 56). В качестве таковых они были введены Лернером же в *В* VI, 180—181. В статье «Мнимые строки Пушкина» («Атеней», 1924, кн. I—II, с. 164—166). Ю.Г.Оксман показал, что стихи эти взяты Пушкиным из трагедии В.К.Кюхельбекера «Аргивяне». В «Мнемозине», ч. I, М., 1824, с. 93—94, Кюхельбекер напечатал стихи из своей трагедии:

[1] На то, что эпиграф взят из «Пиров», указал Н.О.Лернер в *ПС* XVI, 55.

... Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ:
Мы любим и чрез час мы ненавидим.

Пятый эпиграф взят из оды Державина «На смерть князя Мещерского», 1779 г. Запись Пушкина точно воспроизводит девятую строфу оды.

Первый эпиграф предназначался, вероятно, к пятой главе, второй — к четвертой главе «Арапа Петра Великого». Он был потом заменен стихами из «Руслана и Людмилы». Третий — ко второй главе, четвертый — вероятно к третьей главе. Что касается стихов Державина, то они, надо думать, предназначались к главе или ненаписанной, или до нас не дошедшей.

28.

Le celibat des prêtres a empeché que le clergé Chr. ne devienne une caste.
Guizot[1].

Перевод:

Безбрачие священников помешало тому, чтобы хр<истианское> духовенство стало кастой.

Гизо.

Выписка из Гизо сделана Пушкиным на листе бумаги, на котором написано черновое письмо к Бенкендорфу о женитьбе и черновой набросок «В пустыне пробился ключ», хранящемся в *ПД* № 121. Судя по этому, выписка сделана в апреле 1830 г. Впервые напечатано у *Ш*, 78.

29.

5400 десят. пашни
(покосу и кустарника 664) 2000 д<ушъ>
лѣсу строевого и дровяного
подъ тростн ([I] 176
подъ рѣками etc. (48)
подъ бол<отомъ> (17) деся.

[1] *Подпись писана карандашом.*

2400 десят. <пашни>
Куст<арнику> 66 десят.
лѣсу 100 деся.
подъ — 8 десят.
подъ рѣками 5 деся.

5400—2000 душъ
200 душъ—540
100—240[1]

Написано в тетради № 2387 А, на листе 1 (совр. шифр — *ПД* № 1059), предшествующем страницам с черновым текстом «Истории села Горюхина». На этой же странице имеется программа этого произведения.

Записи эти, сделанные, вероятно, в октябре—ноябре 1830 г., когда писалась «История села Горюхина», представляют собою материал для этой «Истории». Вероятно, Пушкин списал эти «описи» с каких-нибудь подлинных документов. Связь второй «описи», начинающейся с 2400 десятин, с «Историей села Горюхина» несомненна. В тексте последней первоначально было указано, что «страна по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 2400 десятин». Затем в числе «2400» последний нуль был зачеркнут, но, конечно, совпадение первоначального числа с числом десятин второй «описи» не случайно.

Расчет внизу справа сделан на основании первой описи. По этому расчету, для 240 десятин в «Горюхине» должно бы быть 88 душ, а в «Истории» их всего 63.

Единственный раз записи (только «описи») с ошибками напечатаны у *Я* XII, 544. Полностью исправленный по автографу текст напечатан в *РП*, с. 510.

30.

Д.А. Остафьеву

(Послѣдніе стихи Державина.)

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры иль трубы

---

[1] *Вероятно, описка, вместо:* 270.

То Вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.....
1830 Ноября 26
Болдино

Напечатано впервые в *РП*, с. *667* (совр. шифр — *ПД* № 1757, л. 104 об.). Факсимильно воспроизведено в «Литературном наследстве», № 9—10, с. 385. Описание альбома см. в статье Б.А.Садовского «Новый автограф Пушкина. Находка в старинном альбоме» в «Лукоморье», 18 апреля 1915 г., № 16, с. 10—12 (ср. также «Литературный вестник», 1902, т III, кн. 2, с. 251).

Дмитрий Алексеевич *Остафьев* (1778—16 июня 1846) — подпоручик, участник кампаний 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., вместе с русской армией был в Париже; помещик села Инкина, Княгининского уезда, Нижегородской губ., отстоявшего от Болдина на 50—55 верст; его сестра Наталия Алексеевна была замужем за Петром Алексеевичем Новосильцовым, владельцем с. Апраксина: с ними поэт был также лично знаком (см.: Разговоры Пушкина. Собрали С.Я.Гессен и Л.Б.Модзалевский. М., 1929, с. 153—155). (О Д.А.Остафьеве см. в названной выше статье Б.А.Садовского и в изд. R.I.Ermerin «Annuaire de la noblesse de Russie», seconde année, S.-Pt., 1892, p. 397). Надо думать, что Пушкин вписал в альбом Остафьева стихи Державина, когда Остафьев посетил Пушкина в Болдине как сосед и почитатель его таланта. Таких случаев посещения соседей и записи в их альбомы у Пушкина, вероятно, было немало, но судить о характере пушкинских записей в подобные «соседские» альбомы мы можем только по одной этой записи, и то дошедшей до нас лишь в фотографии.

Стихотворение Державина впервые напечатано в *СО* 1816, ч. 31, № XXX, с. 175, под заглавием «Последние стихи Державина»; под этим же заглавием вошло оно во все собрания его сочинений. Державин писал эти стихи перед своей смертью, на аспидной доске, которая хранится в *ПБЛ* (см. *СО* 1817, ч. 34, № II, с. 67). Подробнее см. в «Сочинениях Г.Р.Державина», с объяснительными примечаниями Я.Грота, т. III, СПб., 1870, с. 178—179. Пушкин вписал эти стихи, вероятно, по памяти, так как в его тексте имеются разночтения с единственным известным тогда текстом Державина: вместо державинского: «Река времен в своем стремленьи», у Пушкина: «теченьи» и вместо: «Чрез звуки лиры и трубы», у Пушкина: «Чрез звуки лиры иль трубы».

31.

Въ сельцѣ** съ деревнями въ коихъ рев.<изскихъ> душъ 227 —
Земли въ единственномъ [имѣнi] владенiи состоитъ
Пахотной 1230 дес. 577 саж.
Сенокосу 46 дес.
Лѣсу дровяноваго и между онымъ покосу
826 дес.
По болоту лѣсу дровянова 8 десят.

Подъ дорогами и рѣками 21 десятина
На 1200 саж.
Подъ селеніями, огородами и подъ скотными дворами 34 дес.
Всего земли 2170 дес. 1750 саж.
Въ семъ имени тяглъ на хлѣбопашествѣ 120.
Ежегоднаго посѣва ржи — 100 четв.
Овса ——— —— ——— 160 четв
Жита ——————— 24 четв.
Пшеницы —————— 4 четв.
Семя льнянаго ————— 2 ч.
Гороху ——— 1
Гречи ——— 10
Промышленности особой крестьяне не имѣютъ

Написано на листе в 4 д. л., хранящемся в *ПД* № 701.

Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено П.Е.Щеголевым в *ЩМ*, 65—66 и 227.

Публикуя эту опись, П.Е.Щеголев писал: «Трудно сказать, для каких надобностей сделал Пушкин это описание: для практических или для писательских?» Нам представляется, что и эта опись нужна была Пушкину для «Истории села Горюхина».

32.

Казалось мнѣ [что] теперь служить могу
На здравый смыслъ, на честь настало время
И [можно] безъ стыда несть можно службы бремя
Не гнувъ спины, ни Совѣсти въ дугу.
И сдуру сталъ просить я службы — Дали?
Да! чорта сдва! богъ дастъ, мнѣ отвѣчали
Обчелся я — знать не пришла пора
Дать ходъ уму, и мнѣньямъ не наемнымъ
Обчелся я:
[вотъ какъ нельзя] намъ, братцы, людямъ тёмнымъ
Судить впопадъ о правилахъ двора.

Запись стихотворения кн. П.А.Вяземского сделана на листе в 4 д. л., хранившемся в Остафьевском архиве (совр. шифр — *ПД* № 1603). На этом же листе (перед

записью Пушкина) рукой Вяземского написано его стихотворение «Я Петербурга не люблю», отмеченное Пушкиным знаком: *NB*.

Впервые напечатано: *РП*, с. 512.

У стихотворения, записанного Пушкиным, рукой Вяземского (позднейшим почерком) написано: «Мои стихи Пушкиным переписанные».

Это стихотворение Вяземского не опубликовано. Написано оно могло быть в то время, когда исключенный со службы (в Варшаве) в 1821 г. Вяземский, как политически «неблагонадежный», был в опале у правительства до апреля 1831 г. Пушкин, общавшийся с Вяземским с сентября 1826 г., в 1826—1830 гг. и мог записать это стихотворение.

33.

Journal des Debats 1 juillet 1831

Depuis quarante ans il semble que la Providence se soit plu à nous donner des leçons de tout genre. Nous avons vu successivement une monarchie toute républicaine, fondée par des gens aux quels ne manquoient ni les lumières, ni l'éloquence, ni les bonnes intentions, s'abimer dans l'anarchie, privée qu'elle étoit de ses appuis naturels; l'anarchie enfanter la terreur; la republique de l'an III, repoussée par nos moeurs, ne servir que de transition au despotisme militaire; le despotisme militaire, vainqueur de l'Europe comme des factions, périr par l'excès même de la gloire, et périr détesté après avoir été salué, à son origine de tant d'espérances, enfin une monarchie constitutionelle succomber à son tour pour avoir violé les lois dans lesquelles étoit toute sa force. Autant de phases de cette grande histoire de quarante ans, autant de leçons marquées par le malheur et le sang dans notre souvenir! Un trône au milieu d'une république, c'est une contradiction insensée, un problême insoluble. Toute forme de gouvernement a ses conditions de vie. Si vous livrez le trône sans défense à l'insulte, à la haine, au mépris, comment voulez vous que le trône ne périsse pas; si vous avez l'air de ne le conserver que comme une vieille machine, inutile en elle-même, mais bonne pour satisfaire, quelques années encore, un reste de préjugés, comment voulez vous qu'il ne périsse pas! Si vous créez tout autour de lui des institutions au milieu des quelles il soit comme isolé; si vous semblez regretter le peu d'influence que vous lui laissez; si au lieu d'en faire le pivot d'une sociéte libre, vous mettez la liberté en hostilité avec lui, encore une fois comment voulez vous qu'il ne périsse pas! Tel a été le sort de la monarchie, élevée, à si grands frais par l'Assemblée Constituante. — A coup

sûr, l'Assemblée Constituante ne vouloit pas renverser le trône. Jamais peut-être la France n'a présentée une reunion plus illustre de talents, de sciences, de vertus. Qu'a-t-il donc manqué à l'Assemblée constituante? De se moins défier du pouvoir. Abaissée, comme elle l'étoit, privée de ses prérogatives essentielles, la royauté, avec sa liste civile et ses palais, ne pouvoit plus servir que de point de mire aux factions. Renouvelez cet essai et vous verrez si les conséquences se feront longtemps attendre!

Nous le disions il y a quelques jours, la tyrannie des lois est la plus dure de toutes. Imposez à un peuple la forme de gouvernement la plus libre du monde, par cela seul qu'il ne l'a pas choisie, mais que vous la lui imposez, par cela seul que ses moeurs et ses opinions la repoussent, vous voilà obligés d'ouvrir le prétendu règne de la liberté par la dictature. A chaque pas que vous faites dans cette carrière,vous rencontrerez un ennemi de plus. C'est un obstacle à détruire et,de jour en jour,la masse de vos ennemis devient telle,que la terreur seule peut régir la société. N'est-ce pas là une grande part au moins de l'histoire de la Convention? On parle des circonstances terribles où s'est trouvée cette formidable assemblée; mais ces circonstances qui les a fait naître? Comptez[1] combien le 10 août a suscité d'ennemis à la revolution, combien le 2 sept., combien le 21 janvier, combien la mort[2] des Girondins, et vous verrez si la révolution dans son délire, n'a pas toujours été s'aliénant les coeurs et aggravant sa position! Chose qu'il ne faut jamais oublier! Tout ou presque tout s'est fait par les minorités. La majorité ne vouloit pas la chute du trône, la majorité ne vouloit pas la dictature, la majorité ne vouloit pas les massacres, la majorité, par faiblesse de modération, a laissé tout faire jusqu'à l'excès du mal!

Voyez encore ce que l'on gagne à vouloir plier les esprits par la force à une forme de gouvernement qu'ils rejettent! Lorsque la dictature sanglante de 1793 fit place à une république, assez sage et assez modérée, lorsque le règne des lois commenca à renaître, les partis s'emparèrent des lois mêmes et y trouvèrent des armes contre l'ordre établi. Ils reculèrent jusqu'au despotisme et la génération de 89 applaudit à la chute de la liberté. L'illusion, il est vrai, ne fut pas longue, et ceux qui, aujourd'hui, ne nous parlent que de la gloire de l'empire, n'ont pas vu apparemment ou ne se souviennent pas d'avoir vu ces longues files de conscrits arrivant de leurs villages, le visage abbatu, ils n'ont pas entendu les malédictions des familles, ils ne savent pas ce que c'est que la police impériale. Ces éxemples sont bons à rappeler. Car la mobilité des

[1] *Начиная с этого слова написано рукой Пушкина.*

[2] *Кончая этим словом написано рукой Пушкина.*

esprits est grande en France, et dès que la liberté ménace de dégénérer en licence, nombre de gens, la veille grands libéraux, tournent les yeux vers le despotisme. La gouvernement le plus dur leur semble un âge d'or; ils regrettent le vieux bias de l'Empereur; ils appellent de tous leurs voeux un ordre de choses qui leur permette au moins de diner et de dormir tranquilles, ne songeant pas que le despotisme a bien aussi sa façon de troubler le sommeil et le diner des gens — La Restauration, pour se sauver, n'avoit qu'à profiter de l'expérience du passé. Sa mission étoit avant tout de respecter les lois. Cet ordre légal, tourné par elle en ridicule, faisoit toute sa force. C'étoit l'ordre légal qui la protégeoit contre la République, contre l'Empire, contre les tristes souvenirs de deux invasion, contre le peu de sympathie qu'elle inspiroit aux générations nouvelles. Elle participoit, en quelque sorte, à l'inviolabilité des lois. La renverser c'eut été renverser les lois; et cela suffisoit pour qu'on ne la renversat pas. On lui a beaucoup passé, ses fraudes éléctorales, sa censure, ses prédilections pour le clergé catholique, toutes choses odieuses à la France! Mais la barière des lois étoit là. Retranchée derrière la restauration n'avoit rien de sérieux à craindre. Et ces lois elle les a foulées aux pieds. Elle a elle-même jeté bas le rempart qui la couvroit. Elle a défié, par un coup de folie, toutes les passions qui fermentoient contre elle. De ce jour son sort a été fixé. Car qu'étoit-ce que la Restauration sans la Charte? Qu'avoit elle à nous donner en échange de la gloire et de la liberté?

— — — —

Aprenez de la révolution à ne pas désarmer le pouvoir, c'est livrer la société aux factions! de l'empire, à vous défier de l'esprit de conquête, de la restauration, à respecter invariablement les lois. La révolution a outré la liberté; elle est morte par l'anarchie. L'empire n'a cherché que l'obeissance et la guerre; il est mort par la servilité et par les batailles. La restauration a cherché le despotisme dans la violation des lois; elle est morte sous les débris des lois renversées. La monarchie constitutionelle, voilà le seul port où il y ait salut pour la France.

Перевод:

<u>«Журналь де Деба» 1 июля 1831 г.</u>

Вот уже сорок лет, как кажется, что провидению угодно давать нам уроки всякого рода. Мы видели последовательно, как вполне республиканская монархия, основанная людьми, не имевшими недостатка ни в знаниях, ни в красноречии, ни в добрых намерениях, будучи лишена своей

естественной опоры, выродилась в анархию. Как анархия породила террор, как республика III года, отвергнутая нашими нравами, послужила лишь переходом к военному деспотизму; как военный деспотизм, победитель и Европы, и враждующих партий, погиб именно от избытка славы, притом погиб ненавидимый после того, как был встречен при своем возникновении столькими надеждами, наконец как конституционная монархия пала в свою очередь вследствие того, что нарушила законы, в которых была вся ее сила. Сколько ступеней в этой великой истории сорока лет, столько уроков, отмеченных в нашей памяти несчастием и кровью! Трон среди республики — это безрассудное противоречие, неразрешимая задача. Всякая форма правления имеет свои условия существования. Если вы трон без защиты предаете поруганию, ненависти, презрению, как хотите вы, чтобы он не погиб; если кажется, что вы сохраняете его лишь как старый механизм, который сам по себе не нужен, а годен лишь на то, чтобы еще в течение нескольких лет удовлетворять остаткам предрассудков, как хотите вы, чтобы он не погиб! Если вы создаете вокруг него ряд учреждений, среди которых он как бы изолирован, если кажется, что вы сожалеете о том небольшом влиянии, которое вы за ним оставляете, если, вместо того чтобы сделать его стержнем свободного общества, вы ставите свободу во враждебные с ним отношения, еще раз, как хотите вы, чтобы он не погиб! Такова была судьба монархии, созданной с такими усилиями Учредительным собранием. Наверное, Учредительное собрание не хотело опрокинуть трон. Никогда, быть может, Франция не представляла более славного собрания талантов, знаний, добродетелей. Чего же не хватало Учредительному собранию? — Проявлять меньше недоверия к власти. Униженная, какою она была тогда, лишенная своих существенных прерогатив, монархия со своим цивильным листом и своими дворцами могла лишь служить мишенью крамоле. Возобновите этот опыт, и вы увидите, долго ли последствия заставят ждать себя!

Несколько дней назад мы утверждали, что худшая из всех тираний — это тирания законов. Предпишите какому-нибудь народу самую свободную форму правления в мире, и только вследствие того, что не он избрал ее, а вы ее ему навязали, только вследствие того, что его нравы и взгляды ее отвергают, вы уже вынуждены начинать так называемое царство свободы с диктатуры. На каждом шагу, который вы делаете на этом пути, вы встречаете одним врагом больше. Это препятствие должно быть устранено, а количество ваших врагов с каждым днем становится таково, что

один лишь террор в состоянии управлять обществом. Не в этом ли в большой части по крайней мере история Конвента? Говорят об ужасных условиях, в которых оказалось это грозное собрание, но кто вызвал к жизни эти условия? Посчитайте, сколько 10 августа создало врагов революции, сколько 2 сентября, сколько 21 января, сколько смерть жирондистов, и вы увидите, не всегда ли революция в своем бреду отталкивала сердца и ухудшала свое положение! То, чего не следует никогда забывать. Всё или почти всё совершено было меньшинством. Большинство не хотело падения трона, большинство не хотело диктатуры, большинство не хотело резни, большинство, слабое своей умеренностью, всё допустило, вплоть до чрезмерности зла.

Взгляните еще, что выигрывают, когда хотят силой подчинить умы форме правления, которую они отвергают! Когда кровавая диктатура 1793 года уступила место довольно мудрой и довольно умеренной республике, когда царство законности начинало возрождаться, партии захватили самые законы и нашли в них оружие против установленного строя. Они отступили к деспотизму, и поколение 89 года приветствовало падение свободы. Заблуждение, правда, не было длительным, и те, кто сегодня говорят нам лишь о славе империи, очевидно не видели или не помнят, что видели эти длинные вереницы новобранцев, прибывающих из своих деревень с удрученными лицами, они не слышат проклятий семей, они не знают, что такое императорская полиция. Хорошо напомнить эти примеры, ибо подвижность умов велика во Франции, и как только свобода грозит выродиться в распущенность, множество людей, накануне больших либералов, обращают взор к деспотизму. Самое жестокое правление кажется им золотым веком, они сожалеют о старой власти императора, они всеми своими желаниями призывают такой порядок вещей, который позволил бы им по крайней мере спокойно обедать и спать, не думая о том, что и деспотизм по-своему тревожит сон и обед людей. Реставрация, чтобы спасти себя, должна была только воспользоваться опытом прошлого. Ее миссией прежде всего было уважать законы. Этот законный порядок, выставленный ею в смешном виде, составлял всю ее силу. Законный порядок был тем, что защищало ее против республики, против империи, против печальных воспоминаний двух неприятельских вторжений, против той малой симпатии, которую она внушала новым поколениям. На нее в некотором роде переносилась неприкосновенность законов. Опрокинуть ее значило бы опрокинуть законы, и этого было достаточно, чтобы ее не опрокидывали. Ей многое простили, ее под-

логи при выборах, ее цензуру, предпочтение, оказывавшееся ею католическому духовенству, — все явления, ненавистные Франции! Но преграда законов была налицо. Окопавшаяся за ней реставрация могла не бояться ничего серьезного. И она эти законы попрала ногами. Она сама опрокинула стену, защищавшую ее. Она сама в припадке безумия вызвала наружу все страсти, бродившие вокруг нее. С этого дня судьба ее была определена. Ибо — чем была реставрация без хартии? Что могла она нам дать взамен славы и свободы?

— — — —

Учитесь у революции не разоружить власть; это значит предать общество крамоле! У империи — не доверяться духу завоеваний, у реставрации — неизменно уважать законы. Революция довела свободу до крайности; она погибла от анархии. Империя искала лишь повиновения и войны; она погибла от низкопоклонства и сражений. Реставрация искала деспотизма в нарушении законов; она погибла под развалинами опрокинутых законов. Конституционная монархия — вот единственная пристань, в которой спасение Франции.

Выписка эта сделана рукой Натальи Николаевны Пушкиной в особой тетрадке для выписок (№ 2377 Б) (совр. шифр — *ПД* № 1606, лл. 2—3 об.), заведенной Пушкиным, вероятно, летом 1831 г. в Царском Селе, когда французская революция 1830 г. натолкнула мысль Пушкина на историю Франции, для которой и были сделаны соответственные выписки. От тетради этой в четвертку сохранилось 12 листов (между нумерованными лл. 4 и 5 два листка — четыре страницы — чистые) и задняя зеленая обложка. Выписка из «Journal des Debats» сделана на лл. 1—2. Пушкиным написаны лишь указание «Journal des Debats. 1 Juillet 1831» и две строки в тексте: «Comptez combien.... la mort».

«Journal des Debats» — газета, основанная в 1789 г. Меняла неоднократно название и направление; в 1830—х гг. — сторонница июльской монархии.

Печатаемый отрывок упомянут с приведением из него кратких выдержек Б.В.Томашевским в *ПХ*, 344. Полный текст выписки напечатан впервые: *РП*, с. 518.

34.

La France, depuis son origine, n'a eu que deux modes d'existances: les assemblées génerales, élues par tout le monde, exprimant la volonté de la nation, volonté que le Roi exécute après la séparation de [cette] ces assemblées — Et les assemblées souveraines ou héréditoires, ou élues par un petit

nombre, ou sedentoires ou annuelles, controlant et limitant la souveraineté royale et partageant avec le monarque le gouvernement de l'état.

Les assemblées génerales sont le droit de la France. Les Rois qui pour les nouveaux subsides, s'abstenoient de convoquer ces assemblées, usurpoient les droits de la nation. L'usurpation des parlements est née de l'usurpation des Rois.

5 Juillet 1831 Gaz.
de France

Перевод:

Франция искони имела лишь две формы существования: генеральные собрания, избранные всем народом, выражавшие волю народа, волю, которую король исполнял после роспуска этих собраний, и верховные собрания: наследственные или избранные небольшим числом, постоянные или годичные, контролирующие и ограничивающие королевскую верховную власть и разделяющие с монархом управление государством.

Генеральные собрания — право Франции. Короли, которые для новых обложений воздерживались от созыва собраний, присваивали себе права народа. Узурпация парламентов произошла от узурпации королей.

5 июля 1831
Газ<ет> де Франс

Автограф находится в тетради № 2377 Б (совр. шифр — *ПД* № 1606, л. 4). Впервые напечатано Б.В.Томашевским в *ПХ*, 345.

Разночтения печатаемого текста с текстом, опубликованным Б.В.Томашевским, объясняются тем, что в *РП*, с. 519, текст дается по рукописи Пушкина, тогда как Б.В.Томашевский воспроизводил его по «Gazette de France».

35.

Pepin usurpa sans une necessité indispensable et sans un avantage réel pour la nation, un pouvoir dont le dépôt étoit commis à son zèle et à sa fidélité, un pouvoir dont la nation, ni lui-même ne devoient disposer, avant d'avoir disposé de l'intérêt de tous.

Hugues fonda une dynastie, dont les commencemens furent peu éclatant, mais qui par des moyens lents et heureux, sans trop offusquer les rivaux du dedans, ni les ennemis du dehors, repara le malheur des règnes passés.

«Ces heureux moyens furent:

«1°. De ramener à l'unité le royaume si souvent divisé par les prétentions héréditaires et les ambitions politiques; il suffit à la nouvelle dynastie d'adopter avec prudence et de maintenir avec courage, en l'associant à la loi salique, un système de succession par primogéniture, système presqu'inconnu à cette époque dans les monarchie européennes.

«2°. De revendiquer et de réunir, avec soin et avec constance, l'autorité et les pouvoirs que l'usurpation des seigneurs féodaux avoient ravis au trône et à la dignité royale;

«3°. D'assurer les droits des cités et des bourgs, en respectant l'antique administration municipale, en y ajoutant même, sous le tître de droits de commune, des privilèges, une juridiction et des moyens qui en favorisoient l'éxercice et en assurant les avantages.

«Les Carlovingiens eurent le malheur de ne voir la nation que dans les grands, dans les prélats et dans les armées.

Les Capétiens sentoient qu'au-delà de leur cour et des grands, il y avoit un peuple; cette véritable nation qui constitue la force des états, et sans laquelle et les grands et les rois ne sont presque rien, ils commencèrent à compter les peuples par ce qu'il est,à communiquer et à traiter directement avec lui.

«La dynastie de Capet, la plus ancienne de l'Europe dure depuis 9 siècles, parce que le principe de l'hérédité, la reprise des droits que la feodalité avoit envahis, ainsi que l'abrogation des privilèges qu'elle s'étoit arrogés, et surtout l'émancipation politique du peuple françois formèrent la triple base sur la quelle le trône repose et peut reposer inébranlable. Pour maintenir et assurer à jamais la sécurité politique, qu'on se hâte surtout de rétablir dans son intégrité, dans sa plénitude, ce régime municipal, dont nos ancêtres ont eu l'heureux et le libre exercice, d'abord sous la domination romaine, ensuite sous les trois dynasties,la liberté municipale étoit pour eux un véritable patrimoine de famille, un héritage sacré, ainsi que le trône est devenu l'héritage sacré, le patrimoine de famille de la dynastie capétienne.

Raynourd[1]

La pairie est un corps que le peuple n'a pas le droit d'élire et que le gouvernement n'a pas le droit de disoudre.

B.Constant.

---

[1] *Описка, вместо:* Raynouard.

Перевод:

Пипин узурпировал без настоятельной необходимости и без реальной выгоды для нации власть, которая была поручена его рвению и честности, власть, которою ни народ, ни он не должны были располагать, не обосновав этого в общих интересах.

Гуго основал династию, начала которой были не блестящи, но которая при помощи медленных и удачных средств, не раздражая особенно ни своих внутренних соперников, ни внешних врагов, исправила несчастия предыдущих царствований.

Эти удачные средства были:

1°. Привести к единству королевство, так часто делившееся в силу наследственных притязаний и политических честолюбий; новой династии достаточно было принять с осторожностью и удержать со смелостью, присоединив ее к салическому закону, систему наследования по признаку первородства, систему, почти неизвестную в это время европейским монархиям.

2°. Востребовать и воссоединить тщательно и со стойкостью влияние и власть, которые узурпация феодальных сеньеров похитила у трона и у королевского сана.

3°. Укрепить права городов и посадов, щадя древнее городское управление, прибавив к нему даже под названием коммунальных прав привилегии, юрисдикцию и средства, которые способствовали ее применению и обеспечивали ее преимущества. Карловинги имели несчастье видеть нацию лишь в знати, в прелатах и в армии. Капетинги чувствовали, что вне их двора и знати имелся народ — эта настоящая нация, составляющая силу государства, и без которой и знать и короли почти ничто; они начали считать народ за то, что он есть, общаться и договариваться с ним непосредственно.

Династия Капетингов, самая старинная в Европе, существует уже 9 веков, так как принцип наследования, взятие обратно прав, захваченных феодализмом, так же как отмена привилегий, самовольно им себе присвоенных, и, главное, политическая эмансипация французского народа образовали тройную базу, на которой трон покоится и может незыблемо покоиться. Для того, чтобы удержать и укрепить навсегда политическую безопасность, пусть поторопятся в особенности восстановить в его неприкосновенности, в его полноте, этот муниципальный режим, которым наши

предки счастливо и свободно пользовались сначала под римским владычеством, затем при трех династиях; муниципальная свобода была для них настоящей родовой собственностью, священным наследием, так же, как трон стал священным наследием, родовой собственностью капетингской династии.

Ренуар.

Палата пэров — это корпус, который народ не имеет права избирать, а правительство не имеет права распускать.

Б.Констан.

Выписки из Ренуара сделаны рукой Натальи Николаевны Пушкиной в тетради № 2377 Б (см. с. 518) (совр. шифр — *ПД* № 1606, лл. 4 об.—5). Помета «Ренуар» сделана Пушкиным.

Впервые напечатано: *РП*, с. 521, анализ этого текста сделан Б.В.Томашевским в *ПХ*, 345.

Выписки эти являются рядом выдержек из сочинения: M.Raynouard, «Histoire du droit municipal en France sous la domination romaine et sous les trois dynasties», 2 vol., Paris., 1829 (Ренуар, «История муниципального права во Франции при римском владычестве и при трех династиях», 2 т., Париж, 1829).

Отрывок взят из тома II, главы XIII («Résumé des diverses preuves et conclusions» — «Сводка различных доказательств и выводы»), с. 377—380, 382—383, 388.

Ренуар Франсуа-Жюст-Мари (1761—1836) — литератор, историк и политический деятель.

Выписка из Бенжамена Констана сделана рукой Пушкина. Автограф находится в тетради № 2377 Б, л. 4, непосредственно вслед за предыдущей выпиской.

Напечатано единственный раз у *Я* X, 92.

Этот отрывок взят Пушкиным без указания источника из сочинения Benjamin Constant (Бенжамен Констан, 1767—1830) «Cours de politique constitutionnelle» («Курс конституционной политики»), глава IV: «Du pouvoir représentatif» («О власти представительной»), по 3—му брюссельскому изд., 1837 г., с. 16. В библиотеке Пушкина находилось издание: «Benjamin Constant. — Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la constitution actuelle de la France, formant une espèce de cours de politique constitutionnelle» (Бенжамен Констан, «Полное собрание статей, изданных о представительном образе правления и современной конституции Франции, образующих некоторого рода курс конституционной политики», Париж, 1818—1820) (см. *ПС* IX—X, № 815).

У Бенжамена Констана это место читается так: «Cette chambre legislative est un corps» и т.д. Пушкин слова "cette chambre legislative" (эта законодательная палата) заменил, в соответствии с предыдущим текстом, словом «la pairie», что и дает основание переводить в данном случае «la pairie» — как «палата пэров».

Выписки эти сделаны в связи с занятиями Пушкина историей Великой французской революции, которой он заинтересовался после революции в Париже 1830 г.

36.

.....les Francs envahissoient la Gaule; les Visigoths s'emparoient de l'Espagne; les Ostrogoths sous Theodose dominoient en Italie, bientôt après chassés pas les Lombards. L'Empire Romain, du tems de Clovis, n'existoit plus que dans la Grèce, l'Asie mineure et dans l'Egypte, tout le reste étoit la proie des Barbares. Scythes, Vandales et Francs se firent Chrétiens.....

Les Goths s'emparerent de Rome après les Hérules. Theodoric établit le siège de son empire à Ravenne au comm. du 6—me siécle. Il exerça sur les Romains la même autorité que les Cesars, conservant le Sénat, jugeant les Goths par les loix gothiques et les Romains par les loix Romaines..... Le Gouvernement municipal subsistoit toujours..... Venise étoit déjà puissante.

Pepin avoit partagé ses état entre ses deux enfants, Karlman et Karl: une assemblée solennelle de la nation avoit ratifié le testament.

le royaume de Pepin s'étendoit de la Bavière aux Pyrenées et aux Alpes. Mais il n'en avoit pas à beaucoup près, le domaine directe. La Baviere, l'Aqquitaine, la Provence, la Bretagne rendoient hommage et payoient tribut.

Charlemagne transporta près de 10,000 familles Saxonnes en Flandre, en France et dans Rome; Il établit des Colonies de Francs dans les terres des vaincus...... Il institua la cour Veimique, ou la cour de Westphalie, dans le bourg de Dortmund......

C'est sous Dagobert que commence l'autorité des maires du Palais. Après lui viennent les rois fainéants la confusion et le despotisme de ces maires.

Ni Clovis ni ses successeurs ne firent du Clergé un ordre de l'état. le Gouvernement ne fut que militaire..... Les éveques n'assistoient[1] pas aux assemblées de la Nation franque. Ils étoient tous ou Gaulois ou Italiens, regardés Serfs.... les maires s'appuyerent sur leur autorité en les appelant aux assemblées du Champ de mai (en 692).

Charlemagne étoit obligé à de très grands ménagements devant une nation de guerriers rassemblée en parlement. «Nous vous avertissons, dit-il dans un de ses capitulaires, qu'en considération de notre humilité et de notre obeissance à vos conseils, etc.» mais le parlement dissous, il devenoit despote.

La nation des Francs eut le droit d'élection. Charlemagne le reconnoissoit.... Des comtes, nommés par le Roi rendoient sommairement la justice. Ils avoient leur district assignés. Chaque comte avoit sous lui un lieutenant (viguier)

---

[1] *Было*: ne s'assembloient.

sept assesseurs (scabini) un greffier (notarius) les Comtes publioient l'ordre des marches,enroloient les soldats sous les centeniers; en tems de guerre leur lieutenant fesoient la fonction de juges. Les Rois envoyoient des commissaires (missi dominici) qui examinoient la conduite des comtes.

Presque tous les délits se rachetoient.... Dans les causes criminelles indécises on se purgeoit par serment..... Quand les deux parties oppossoient serment à serment, on ordonnoit le combat.

La loi salique étoit facilement éludée et les filles héritoient. On emmenoit la fille devant le comte ou[1] le commissaire; on lui disoit: Ma fille, Un usage ancien et impie etc., mais considérant l'injustice etc.

Il n'y avoit que deux ordres de cytoyens: les libres et les serfs. Le terme nobilis signifioit dignitaire. toutes les villes de France et d'Italie se gouvernoient selon leur droit municipal, leurs tributs consistoient en foderum, paratum, mansionaticum (fourrages, vivres, meubles).

Charles le Gros assembla un parlament à Mayence, lequel lui ota le trône.

(912) Le Danois Rolon, ou Raoul s'empara de Rouen; il épousa la fille de Charles-le Simple. Il obtint la Normandie et puis la Bretagne. Ce fut un état séparé, quoique les Ducs rendissent hommages au Rois de France.

Le Gouvernement Féodal a pour origine la coutume d'imposer un hommage et un tribut au plus faible.

(948)[2] Louis d'Outremer, fils de Charles le Simple dit dans un concile d'évèques que tenoit Othon — le Grand à Mayence: «J'ai été reconnu roi et sacré par les suffrages de tous les seigneurs et de toute la noblesse de France etc».... l'usage de donner la couronne par les suffrages des Seigneurs fut bientôt après aboli.

Louis, le dernier des descendants de Charlemagne, n'avoit plus pour tout domaine que les villes de Laons et de Soissons. Chaque province avoit ou ses comtes ou ses ducs hereditoires; celui qui n'avait pu se saisir que de deux ou trois bourgades, rendoit hommages aux usurpateurs d'une province, et qui n'avoit qu'un chateau relevoit de celui qui avoit usurpé une ville...

Le tems et la necessité établirent que les seigneurs des grands fiefs marcheroient avec des troupes au secours du roi. Tel seigneur devoit 40 jours de service; tel autre 25. Les arrieres-vassaux marchoient aux ordres de leurs Seigneurs imediats — On servoit l'état quelques jours et on se fesoit la guerre entre soi toute l'année. Les conciles entrevinrent en vain; ils établirent

[1] *Было*: et.

[2] *Было*: 988.

qu'on ne se battroit pas depuis le jeudi jusqu'au point du jour de lundi; au tems de pâques et dans d'autres fêtes. Cependant chaque chateau etoit la capitale d'un petit état de brigand; chaque monastère étoit en armes.

Une anarchie semblable à celle de la France dans tous les royaumes fit sa sureté.

Le Faste consistoit à avoir le plus de chevaux, et d'écyers (vaslets, vassalet) qu'on pouvoit. Les armées consisterent en cavaleries.

Les paysans servoient plutôt de pionniers que de combattants.

Les loix génerales et en vigueur furent celles que plus puissants firent pour le service des fiefs. tous les autres objets de justice distributives furent abandonnés aux maitres d'hotel, prévots, baillis nommes par les possesseurs des terres.

Les vassaux d'un même seigneur l'accoutumèrent à s'appeler pairs (par, pares, égal)

On institua (mais non partout) le Jury en matiere criminelle. Mais leur nombre n'étoit pas fixé; ils étoient pairs entre eux, mais non pairs de leur seigneur féodal.

Les Ducs de Guienne, de Normandie, de Bourgogne, les comtes de Flandres, de Toulouse étoient en effet pairs de France.

Les Barons de Normandie, assemblés en forme d'état, refuserent de l'argent à leur Duc lors de l'expedition de Guillaume (1066).

Au 12 siecle le gouvernement féodal étoit en vigueur dans toute l'Europe... Si le seigneur d'un fief disoit à son homme lige: venez vous-en avec moi, car je veux guerroyer le Roi, mon maître, qui me dénie justice; l'homme lige devoit d'abord trouver le Roi, et lui demander s'il étoit vrai qu'il eu refusé justice à ce seigneur — En cas de refus l'homme lige devoit marcher contre le Roi au service de ce seigneur le nombre de jours prescrits, ou perdre son fief..... Cette loi fut en vigueur en France jusqu'à l'extinction de la maison de Bourgogne.

....Sous[1] les premiers Capets tous les petits vassaux combattoient contre les grands, et les Rois conte les barons du Duché de France. Les Ducs de Normandie protegoient ces desordres. Voilà pourquoi Louis le Gros eut tant de peine à soumettre un sire de Couçi; un Baron de Corbeil, un Sire de Montlhéri, de Puiset un seigneur de Baudoin, de Chateaufort. Il n'osa pas les condamner à mort.

Le Gouvernement feodal déplaisoit également au Rois d'Angleterre, de France et d'allemagne. Ils s'y prirent presque de même et presqu'en même tems pour avoir des troupes independemment de leur vassaux. Louis le-jeune

---

[1] *Было*: Dans.

donna des privilèges à toutes les villes de son domaine à condition que chaque paroisse marcheroit à l'armée. Plusieurs serfs affranchis devinrent cytoyens et on eut le droit d'élire ses officiers municipaux, ses échevins et ses maires (1137 et 38).

(1199) Jean sans terre s'emparra de la Bretagne qui apartenoit à son neveu Artur. Celui-ci fut fait prisonnier et disparu bientôt après. la Comtesse de Bretagne sa mère, fit présenter à la cour des pairs de France une requête signée de tous les Barons de Bretagne. Le Roi d'Angleterre fut sommé par les Pairs de comparaître. Ne l'ayant pas fait, les Pairs de France le condamnerent à mort (1203) et declarerent tous ses biens cités en France acquis et confisqués au Roi. Quels étoient ces pairs? Les Eclesiastiques ne pouvoient assister à un jugement criminel; Il n'y avoit à Paris ni Comte de Toulouse, ni comte de Flandre, le comte de Champagne étoit morf. C'étoit l'accusé qui étoit Duc de Guienne et de Normandie. L'assemblé des Pairs fut donc composés de Hauts Barons relevant imédiatement de la couronne; celle-la même qui étoit convoquée alors à Melun pour régler les loix feodales (stabilimentum feudorium) Eudes, Duc de Bourgogne y présidoit sous le roi Philippe-Auguste. On n'y trouve aucun grand officier de la couronne.

Louis IX établit le premier la justice de ressort; il créa 4 grands baillages Royax. des lettrés furent admis aux séances des parlements ou les chevaliers décidoient de la fortune des cytoyens.

La liberté que la plupart des bourgardes acheterent de leurs seigneurs est due aux croisades. Le gouvernement municipal s'accrut der ruines des possesseurs des Fiefs.

Le gouvernement feodal de[1] France[1] avoit été conquerant. l'Angleterre, la Sicile, Antioche, Jerusalem et Constantinople furent subjugués tour à tour.

Sous Philippe le-bel (1285) Le tiers-état fut admis aux assemblées de la nation; des tribunaux suprêmes furent érigés sous le nom de parlements, une nouvelle pairie fut instituée. Les états furent convoqués (1303) pour décider que Boniface VIII n'étoit pas roi de France.

Les état-géneraux étoient semblables aux parlements Anglois; et le parlement de Paris étoit ce que la cour du bar du Roi étoit à Londres.

Les états de 1355 firent signer au Roi Jean de France les mêmes reglements qu'avoit signé Jean d'Angleterre: les subsides, la nature des subsides, leur durée, le prix des espéces. Ils imposerent un subside d'environs 190,000 marcs

---

[1] *Вставлено позднее.*

d'argent (10,500,000 l.) pour trente milles gendarmes, c. à. d. 80,000 hommes en tout. Cette Charte fut passagère; celle des Anglois fut perpetuelle.

Перевод:

.....Франки вторгались в Галлию, вестготы захватывали Испанию; остготы, владычествовавшие в Италии при Теодорихе, вскоре были изгнаны ломбардцами. Римская империя во времена Хлодвига существовала уже только в Греции, в Малой Азии и в Египте. Всё остальное было добычей варваров. Скифы, вандалы и франки приняли христианство.....

Готы захватили Рим после герулов. Теодорих установил местопребывание своего престола в Равенне в начале VI века. Он пользовался над римлянами той же властью, что и цезари, причем он сохранил Сенат и судил готов по готским законам, а римлян по римским..... Городское управление всё продолжало существовать..... Венеция уже была могущественна.

Пипин разделил свое государство между своими двумя детьми — Карломаном и Карлом: торжественное народное собрание ратифицировало завещание.

Королевство Пипина простиралось от Баварии до Пиренеев и Альп. Но прямого владения в большей его части он не имел. Бавария, Аквитания, Прованс и Бретань приносили присягу верности и платили дань.

Карл Великий переселил около 10 000 саксонских семей во Фландрию, во Францию и в Рим; он основал колонии франков в землях побежденных..... Он учредил тайный уголовный суд или Вестфальский суд в Дортмунде.....

При Дагобере начинается власть мэров дворца. После него идут короли-бездельники, беспорядок и деспотизм этих мэров.

Ни Хлодвиг, ни его преемники не сделали из духовенства государственной категории. Управление было исключительно военное. Епископы не присутствовали на собраниях франкского народа. Они все были или галлы, или итальянцы, рассматриваемые как рабы. Мэры нашли поддержку в их авторитете, призвав их на собрания майского поля (в 692 г.).

Карл Великий был вынужден очень считаться с нацией воителей, собранной в парламенте. «Мы вас уведомляем, — говорит он в одном из своих капитуляриев, — что во внимание к нашему смирению и покорно-

сти вашим советам и т.д.», но, как только парламент бывал распущен, он вновь становился деспотом.

Франкский народ имел право выборов. Карл Великий признавал его... Графы, назначенные королем, творили краткий суд. У них были определенные округи. Каждый граф имел в своем подчинении одного заместителя (viguier — судья), семь заседателей (scabini) и одного секретаря суда (notarius). Графы отдавали приказы о походах, вербовали солдат в отряды сотников. Во время войны их заместители выполняли обязанности судей. Короли посылали комиссаров (missi dominici), которые проверяли поведение графов.

Почти при всех преступлениях можно было откупаться.... В неясных судебных случаях снимали с себя обвинение клятвой..... Когда обе стороны противопоставляли клятву клятве, назначался поединок.

Салический закон легко обходился, и дочери наследовали. Дочь приводили к графу или к комиссару; ей говорили: «Дочь моя, старинный и нечестивый обычай и т.д., но, принимая во внимание несправедливость и т.д.».

Существовали лишь две категории граждан — свободные и рабы. Термин nobilis обозначал высшее должностное лицо. Все города Франции и Италии управлялись согласно своему муниципальному праву. Foderum, paratum и mansionaticum (фураж, продовольствие, движимость) составляли их дань.

Карл Толстый созвал парламент в Майнце, который лишил его престола.

(912) Датчанин <?> Ролон или Рауль захватил Руан; он женился на дочери Карла Толстого. Он получил Нормандию, затем Бретань. Это было отдельное государство, хотя герцоги приносили присягу верности королям Франции.

Феодальный образ правления возник из обычая налагать на более слабого присягу верности и дань.

(948) Людовик Заморский, сын Карла Толстого, сказал на соборе епископов, созванном Оттоном Великим в Майнце: «Я был признан королем и помазан волей всех сеньеров и всего дворянства Франции и т.д.»... Обычай предоставлять корону голосованием сеньеров был вскоре отменен.

Людовик, последний из потомков Карла Великого, имел в своем владении всего лишь города Лан и Суассон. Каждая провинция имела или

своих графов, или наследственных герцогов; тот, кто сумел захватить только два или три поселка, приносил присягу верности захватчикам провинции, а кто имел один лишь замок, зависел от того, кто захватил город...

Время и необходимость установили, что сеньеры крупных фьефов должны были со своими войсками выступать на помощь королю. Так один сеньер обязан был 40 днями службы, другой 25 днями. Под-вассалы выступали по требованию своих непосредственных сеньеров. Государству служили несколько дней, а между собой воевали круглый год. Соборы напрасно вступались; они установили, что воевать нельзя было с четверга до зари понедельника, в пасхальное время и в другие праздники. Тем не менее каждый замок был столицей маленького разбойничьего государства, каждый монастырь был вооружен.

Анархия, подобная французской, укрепилась во всех королевствах.

Роскошь состояла в том, чтобы иметь возможно больше лошадей и оруженосцев (vaslets, vassalets). Армии состояли из кавалерии.

Крестьяне служили скорее разведчиками, чем воинами.

Общими и действующими законами были те, что составлялись самыми могущественными для нужд фьефов. Все другие предметы распределительного правосудия предоставлялись домоуправителям, старостам и судьям (бальи), назначенным землевладельцами.

Вассалы одного и того же сеньера приучили его именоваться пэром (par, pares — одинаковый).

Установили (но не всюду) суд выборных по делам уголовным. Но их количество не было определено; они были равны (pairs) между собой, но не равны со своим феодальным сеньером.

Герцоги Гиени, Нормандии, Бургундии, графы Фландрии и Тулузы действительно были пэрами Франции.

Бароны Нормандии, собранные в форме штатов, отказали в деньгах своему герцогу во время похода Вильгельма (1066).

В XII веке феодальная форма правления была в силе во всей Европе... Если сеньер фьефа говорил своему вассалу: «Идите со мной, так как я хочу воевать с королем, моим господином, который отказывает мне в правосудии», вассал должен был сначала отправиться к королю и спросить его, правда ли, что он отказал в правосудии сеньеру. В случае отказа, вассал должен был участвовать в походе против короля на службе этого сеньера предписанное число дней или потерять свой фьеф... Этот закон действовал во Франции до пресечения Бургундской династии.

При первых Капетингах все мелкие вассалы сражались против крупных, а короли против баронов герцогства Франции. Герцоги нормандские покровительствовали этим беспорядкам. Вот почему Людовик Толстый с таким трудом подчинил господина де Куси, барона де Корбейль, господина де Монлери, де Пюизе, сеньера де Бодуэн, де Шатофор. Он не решился приговорить их к смерти.

Феодальный образ правления одинаково не нравился королям Англии, Франции и Германии. Они почти одинаково и почти одновременно взялись за то, чтобы иметь войска независимо от своих вассалов. Людовик Молодой дал привилегии всем городам своего владения при условии, что каждый приход будет нести военную службу. Несколько рабов, получивших свободу, стали гражданами, и было получено право избирать своих муниципальных должностных лиц, своих заседателей и своих мэров (1137 и 1138).

(1199) Иоанн Безземельный захватил власть, которая принадлежала его племяннику Артуру. Последний был взят в плен и вскоре исчез. Графиня Бретонская, его мать, представила в палату пэров Франции ходатайство, подписанное всеми баронами Бретани. Пэры потребовали, чтобы король Англии явился в палату. Когда он на это не пошел, пэры Франции приговорили его к смерти (1203) и объявили все его владения, находящиеся во Франции, приобретенными и конфискованными у короля. Кто были эти пэры? Духовные лица не могли присутствовать при рассмотрении уголовного дела. В Париже не было ни графа Тулузского, ни графа Фландрского; графа Шампанского уже не было в живых. Подсудимый был герцогом Гиеньским и Нормандским. Собрание пэров было, стало быть, составлено из высших баронов, непосредственно подчиненных короне. Что касается того, которое было созвано в Мелёне, чтобы установить феодальные законы (stabilimentium feodorium), то на нем председательствовал Эд, герцог Бургундский, при короле Филиппе-Августе. Ни одного высшего чиновника короны на этом собрании не было.

Людовик IX первый установил инстанционные суды; он создал четыре больших королевских судебных округа. Лица с образованием были допущены на заседания парламентов, где рыцари решали судьбу граждан. Свободой, которую большинство посадов покупали у своих сеньеров, они были обязаны крестовым походам. Муниципальное управление росло за счет разорения владельцев фьефов.

Феодальное правление во Франции было завоевательным. Англия, Сицилия, Антиохия, Иерусалим и Константинополь по очереди были покорены.

При Филиппе Красивом (1285) третье сословие было допущено в народные собрания; были учреждены верховные суды под названием парламентов, основана была новая пэрия. Штаты были созваны (1303), чтобы решить, что Бонифаций VIII не является королем Франции.

Генеральные штаты были подобны парламентам Англии; и парламент Парижа был тем же, чем суд королевской скамьи в Лондоне.

Штаты 1355 года заставили Иоанна Французского подписать те же установления, которые подписал Иоанн Английский: налоги, природу налогов, их срок, цену денежных знаков. Они наложили приблизительно 190000 серебряных марок (10 500 000 л.) за тридцать тысяч вооруженных человек, то есть 80 000 человек всего. Эта хартия была временной, тогда как у англичан она была постоянной.

Выписки эти сделаны рукой Пушкина в той же тетради № 2377 Б, в которой и предыдущие, но начаты с последнего листа тетради верхом вниз (совр. шифр — *ПД* № 1606, лл. 6—11 об.).

Впервые напечатано: *РП*, с. 531.

Многоточия поставлены Пушкиным и обозначают, что на их месте какой-то текст пропущен.

Откуда сделана Пушкиным эта выписка по истории французского феодализма, установить пока не удалось. Нами обследованы следующие издания:

1) *Anquetil* — Histoire de France depuis les gaulois jusqu'à la fin de la monarchie, P., 1805, 14 vol.
2) *Barante* — Histoire des Ducs de Bourgogne. 13 vol.
3) *Daunou* P.C.F. — Cours d'études historiques, Paris.
4) *Guizot* — Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en France depuis la chute de l'empire romain jusqu'à la révolution française, P., 1828.
5) *Guizot* — Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'empire romain jusqu'en 1789, P., 1829—1830 (4 vol.).
6) *Guizot* — Essais sur l'histoire de France.
7) *Hallam Henry* — L'Europe au moyen âge. Traduit de l'anglais par P.Dudoit, avocat, et A.Borghers, P., 1828. 4 vol.
8) *Liqquet* T. — Histoire de Normandie depuis les temps les plus reculés jusqu'à la conquête de l'Angleterre en 1066, Rouen, 1835.
9) *Mezeray F. de* — Histoire de France, depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le Juste, Paris, nouvelle édition, 1685.
10) *Michelet* — Histoire de France, Bruxelles, 1834.

11) *Michelet* — Précis de l'histoire de France, 1 vol. in 18°, P.
12) *Michelet* — Précis d'histoire moderne, Paris, III édit., 1832.
13) *Mignet F.-A.* — De la féodalité, des institutions de St. Louis et de l'influence de ce prince, Paris, 1822.
14) *Mignet F.-A.* — Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814.
15) *Millot Claude-François-Xavier, l'abbé* — Elements de l'histoire de France depuis Clovis jusqu'à Louis XV, P., 1806.
16) *Müller Jean* — Histoire universelle divisée en vingt quatre livres. Ouvrage posthume. Traduit de l'allemand par J.G.Hess., Liège, 1829, 4 vol.
17) *Robertson William* — Histoire du règne de l'empereur Charles-Quint, précédé d'un tableau des progrès de la société en Europe, traduite de l'anglais par Suard, P., 1817, 4 vol.
18) *Sismonde de Sismondi Y.C.L.* — Histoire de la chute de l'empire romain et du déclin de la civilisation du l'an 250 à l'an 1000, Bruxelles, 1836.
19) *Sismonde de Sismondi Y.C.L.* — Histoire des français, P., 1821—1823, 4 vol.
20) *Staël M-me de* — Considérations sur les principaux événements de la Révolution française, Paris, 1820, 3 vol.
21) *Thierry Augustin* — Dix ans d'études historiques, Bruxelles, 1835.
22) *Thierry Augustin* — Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire, P., 1827.
23) *Thierry Augustin* — Récits des temps mérovingiens, precédés de considérations sur l'histoire de France.
24) *Thiers M.-A.* — Histoire de la Révolution française.
25) *Vélly, l'abbé* — Histoire de France depuis l'établissement de la Monarchie jusqu'au règne de Louis XIV, Paris, 1769 (40 volumes).

37.

<л. 100>

10 mars 1832

Bibl<iothèque> de Volt<aire>

<лл. 99 об.—97 об.>

1) Biblia. Breves in eadem annotationes ex doct.<is> interpret.<ationibus> & Hebraeorum commentariis — Paris<iis> 1532 1 vol. in f<olio>.

2) S.P. Justinii Philosophi & martyris opera quae ex<s>tant omnia cum Mss coidicibus collata, ac novis Interpretationibus, notis, ad monitionibus & praefationi illustrata, cum indicibus copiosis — Opera & studii unius ex monachis Congregagationis[1] S.Mauri Venetiis 1747 — 1 vol. in f.

---

[1] *Описка Пушкина, произошедшая из-за переноса на новую страницу.*

3) Q. Septimi Florentis Tertulliani Opera ad vetustissimorum exemplarium fidem Sedulo emendata, diligentia Nic. Rigaltii I.C. — Cum ejusdem annotationibus integris & variorum commentariis Seorsim antea editis. Ph. Priorius Argumenta et nota in libros omnes de novo adjecit — accedunt Novatiani Tractatus de Trinitate, et cibis Judaicis cum Notis. Lutetiae Parisiorum 1675 1 vol. in f.

4) Sancti Hieronymi Stridonensis Opera omnia cum notis et Scholiis, variis item Lectionibus,Desiderii Erasmi Roterdami,Mariani victorii Reatini, Henrici Gravii Frontionis Ducaei Latini Latinnii aliorumque. Francofurt<i>. 1684 — 4 vol. in f.

5) Thesaurus Temporum Eusebii Pamphili Caesariae Palestinae Episcopi chronicorum Canonum omnimodae historiae libri duo interprete Hieronymo ex fide vetustissimorum Codi<c>um Castigati — Item auctores omnes derelicta ab Eusebio, & Hieronimo continuantes — Opera ac studio Josephi Justi Scaligeri Julii Caesaris a Burden filii — Lugduni Batavorum 1606 — 1 vol in f.

---

première page du
Catalogue de[1] la Bi<bliothèque> de V<oltaire>.

<л. 96 об.>
manuscrit La Poloniade

<л. 96>
Extraits de convulsions et discours de differents convulsio<n> naires [tout] concernant Mr Arouet connu dans les convulsions sous le nom de Fr<ère> Brou ou de gros Brou, frère de Mr de V.<oltaire> — manuscrit 1 vol<ume> in 4. 1re
(armoire 2)

Записи карандашом на лл. 96, 97 об.—99 об. и 100 тетради Пушкина, хранившейся в *ПБЛ*, в бумагах А.А.Краевского (см. *Рук. П* № 43, с. 26) (совр. шифр — *ПД* № 840). Записи делались начиная с конца тетради.

Из этих записей впервые были напечатаны И.А.Бычковым в описании бумаг А.А. Краевского (см. «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб. 1893, с. 37 отт.) лишь две даты, о самих же записях сказано, что это «заглавия некоторых старинных книг». Л.Б.Модзалевским в *Рук. П.*, с. 26, напечатана небольшая часть записей.

---

[1] *Переправлено из* des.

Полностью записи напечатаны Д.П.Якубовичем в № 16—18 «Литературного наследства» с воспроизведением факсимиле на с. 913—917.

Записи представляют собою выписки из каталога библиотеки Вольтера и сделаны Пушкиным в самой библиотеке Вольтера, после смерти писателя приобретенной русским правительством и хранившейся в Эрмитаже.

Поводом для Пушкина проникнуть в эту библиотеку было желание познакомиться с «разными редкими книгами и рукописями, доставленными Вольтеру Шуваловым для составления его "Истории Петра Великого"», как писал поэт Бенкендорфу 24 февраля 1832 г. Просимое разрешение было дано, и 10 марта Пушкин уже занимался в библиотеке Вольтера.

Из какого каталога делал выписки Пушкин, неизвестно. Можно думать, что он начал было снимать копию с этого каталога, но, списав первую страницу, бросил это делать.

Выписаны (с ошибками) заглавия пяти изданий:

1. Библия на латинском языке с краткими примечаниями. Второе издание знаменитого парижского печатника Роберта Этьенна, вышедшее в свет 6 ноября 1532 г. и подвергшееся преследованиям со стороны Сорбонны. Подробно описано у Panzer «Annales typographici», VIII, p. 156, № 2147, и у A.A.Renouard «Annales de l'imprimerie des Estienne». Deuxième édition, Paris, 1843, pp. 35—36.

2. Сочинения Юстина Мученика и Философа, греческого христианского писателя II века, автора «Апологии в защиту христиан». Бенедиктинец из конгрегации св. Мавра, редактировавший сочинения Юстина, назывался P.Maranus. Первое его издание вышло в Париже в 1742 г., второе — в Венеции в 1747 г.

3. Собрание сочинений Тертуллиана, знаменитого христианского писателя II-III вв., под редакцией филолога и юриста Никола Риго (по-латыни Rigaltius). Первое его издание вышло в 1634 г.

4. Собрание сочинений Иеронима Стридонского, знаменитого латинского отца церкви IV—V вв., автора латинского перевода Библии, принятого в католической церкви (Вульгата). Это одно из многих изданий.

5. «Сокровище времен» Евсевия Памфила (III—IV вв.), первого и важнейшего историка древнего христианства. Это сочинение сохранилось лишь в армянском переводе, но главная часть сохранилась также в переводе Иеронима на латинский язык. Этот перевод многократно переиздавался, начиная с 1475 г. Издание 1606 г. в Лейдене сделано известным филологом XVI в. Иосифом Юстом Скалигером, сыном философа Юлия Цезаря Скалигера.

По указанию Д.П.Якубовича (в статье в № 16—18 «Литературного наследства») все эти книги и ныне хранятся (№№ 229—233 нового шифра) в библиотеке Вольтера, находящейся в *ПБЛ*.

Из рукописей в библиотеке Вольтера Пушкин отметил трактат о конвульсионерах. По весьма вероятному предположению Якубовича, о существовании этой рукописи в библиотеке Вольтера Пушкин узнал из «Мемуаров» Лонгшмана и Ваньера, секретарей Вольтера. Рукопись посвящена секте конвульсионеров, распространенной в высших классах Парижа в 1730-х гг. Вольтер выступал против этих изуверов, истязавших девушек.

La Poloniade — поэма Фридриха II, направленная против польских конфедератов.

Обе рукописи также хранятся в библиотеке Вольтера (№ 211 и 240).

38—40.

Z Mickewicza
Oleszkiewicz.

Dzień przed powodzią Peterzburską 1824.

—

Gdy się najtęźszym mrozem niebo źarzi[1]
Nagle ssinialo, plamami czernieje
Podobne zmarzlej nieboszczyka twarzy
Ktora się w iźbie przed piecem rozgrzeje
Ale nabrawszy ciepla a nie źicia,
Zamiast oddechu, zionie parą gnicia.
Wiatr zawial cieply. — Owe slupy dymów[2],
Ow gmach powetrzny jak czarów widziadlo[3],
Runęlo w gruzy i na ziemlę spadlo:
I dym rzekami po ulicach[4] plynąl,
Zmieszany s parą cieplą i wilgotną;
Snieg zaczął topnieć i nim wieczor minął,
Oblewal bruki rzeku Stygu blotną.
Sanki uciekli, Kocze i landary
Zerwano s plozow; grzmia po bruku kola
lecz pośród mroku i dymu i parzy,
Oko pojazdow rozróźnic nie zdola;
Widac je tylko po latarek blyskach
Jako plomyki blędne na bagniskàch

———

Sczli owi mlodzi podróźni nad brzegiem
Ogromnei Newy; lubiąe iść o zmroku,
Bo czinownikow uniknu widoku,
I w pustèm miejscu nie zejdą się szpiegiem.

---

[1] *Было*: czernije.

[2] *Написано русское* м *и* в, *переделанное в* w.

[3] *В автографе ошибочно соединены два стиха*:

Ów gmach powietrzny jak miasto olbrzymòw,
Niknąc pod niebem jak czarów widziadło,

[4] *Было*: ulyzim.

Sczli obcym s sobą gadającjezykiem
Czasem pieśń jakąś obcą, s cicha nócą,
Czasami staną i oczy obrocą,
Czi Kto nie slucha? — Nie zeszli się s nikiem
Nocąc blądzili nad Newy karytem
Które się scągnie jak Alpejska s ciana,
Aź się wstrzymali, gdzie między granitem
Ku rzece droga spada wyrąbana.
Stamtąd, na dole, urzeli z daleka
Nad brzegiem wody z latarką czlowieka;
Nie szpieg, bo tylko szledzil czegoś w wodzie,
Ani przewoźnik, ktoź plywa po lodzie?
Nie jest rybakiem, bo nicnie mial w ręku
Oprocz latarki i papierow pęku.
Podeszli bliźej, on nie zwrócil oka,
Wyciągnal powroz, ktory w wodę zwisal,
Wyciągnąl, węzly zliczyl i zapisal;
Zduwal się, mierzić jak woda gląboka
Odblask latarki otbity od lodu
oblewa jego xiegi tajemnicze,
I pochylone nad świécą oblicze
Żolte, jak oblok nad sloncem zachodu;
Oblicze piękne, szlachetne, surowe.
Okiem tak pilnie w swojej xiędze czytal
Że słysząc obcych kroki i razmowę
tuź po nad sobą, kto są nie zapytal,
I tylko z ręki lekkiego skinienia
Widać źe prosi, wymaga milczenia.
Coż tak dziwniego bylo w ręku ruchu,
Że choć podróźni tuź nad nim Stanęli
Patrząk, i scepcąc i śmiejąc[1] w duchu,
Umilkli wszyscy, przerwac mu nie śmieli.
Jedeń w twarz spójrzal i poznal i krziknąl:
to on! i ktoź on? Polak, jest molarzem,
lecz go wlasciwej nazywać guślarzem,

[1] *Дальше зачеркнуто* [ąs] *вместо нужного:* się.

Bo dawno od farb i pędzla odwyknął,
Biblią tylko i kabalę bada
I mowią nawet, że z duchami gada.
Malarz tym czasem wstal,pisma swe zlożyl,
I rzekl jak gdyby rozmawiając sobą:
Kto jutra dożyl, wielkich cudow dozyl,
będze to drugą, nie ostatnią probą,
Pan Wstrąsnie sczceble assurskiego tronu
Pan wstrąsnie grunty miasta Babilonu
lecz trecią widziec, Panie, nie daj czasu! —
Rzekl i podrożnich zastawil u wody
A sam z latarką zwolna szedl przez schody
I zniknął wkrotze za parkan terasu.
Nikt nie zrazumial, co ta mowa znaczy:
Jedni zdumieni, drudzi rozsmiesceni,
Wszyzcy krzyknąli: Nasc guślarz dziwaczy.
I chwilę jesze stojąc posròd cieni,
Widząc noc poźną, chlodną i burzliwą
Każdy do domu powracal co żiwo.
Jeden nie wrócil, lecz na schody skoczil,
I begl terasem,nie widzial czlowieka,
tylko latarku jego zdala zoczyl,
Jak blędna gwiazda świecila zdaleka.
Chociaź w malarza nie zajrzal oblicze
Choć nie doslyszal co o nim mowili,
Ale dzwięk glosu,slowa tajemnicze
tak nim wstrząsnely — przypomnial po chwili
Ze glos ten slyszal, i begl, co mial mocy
Nieznaną drogą, sròd sloty sròd nocy.
Latarka prędko niesiona mignęla,
Coraz mniejszala,zakryta mgly mrokiem
Zdala sie gacnąc; w tem nagle stanęla
W posròdku pustek na placu szerokim.
Podrożni kroki podwoil, dobiega.
Na placu lieźal wielki stos kamieni
Na jednym glazie malarza spostrzega:
Stal nieruchomy posród nocnych cieni,

Glowa otkryta, odsloniony barki
A prawa ręka wzniesiona do góry,[1]
I widac bylo s kierunku latarki,
Że patrzyl w dworca cesarskiego mury.
I w murach jedno okno w samym rogu
Blysczalo światlem, to światlo on badal,
Szeptal ku niebu, jak modląc się bogu,
Potem glos podniosl i sam s sobą gadal.
ty nie[2] spisz carzel — noc już w kolo glucha,
Spią już dworzanię — a ty nie spisz carze
Jescze bóg laskaw poslal na cię ducha[3],
On cie w przeczuciach ostrzega o karze,
Lecz car chce zasnąć, gwaltem oczy zmruża.
Zaśnie głęboko — dawnej, ileż razy
Byl ostrzegany od aniola stroża
Mocnej, dobitnej, sennemi obrazy.
— On tak zly nie byl; dawniej byl czlowiekem
Powoli wreszce, sszedl aż na tyrana,
Anioly Panskie uszli, a on z wiekiem
Coraz to gblęjej[4] padal w[5] moc szatane.
Ostatnią radę, to przeczucie ciche
Wybije s glowy jak marzenie liche
Nazajutrz w dumę wzbiją go pochlebce
Wyżej i wyżej, aż go szatan zdepce....
— Ci w niskich domkach nikczemni poddani,
Naprzód za niego będą ukarani;
Bo piorun w martwe gdy bije zywioly
Zaczina z wierzchu, od gory i wieży,
Lecz między ludzmi, naprzod bije w doly
I najmniej winnych najperwej uderzy....
— Usnęli w pijanstwie, w swarach lub w roskoszy
Zbudzą się jutro — biednie czaszki trupie!

[1] *Было*: [nieb].
[2] *Вставлено над строкой.*
[3] *В этом слове* u *написано над зачеркнутым русским* у.
[4] *Вместо*: głębiéjd. *Было начато*: głęb.
[5] *Было*: въ.

Spijcie spokojnie jak źwierzęta glupie
Nim was gniew Panski jak myśliwiez sploszy
Tepiący wszystko co w knei spotyka
Aź dojdzie w koncu do legowisk dzika. —
Slyszę! — tam! — wichry — juz wytknęli glowy
S polarnych lodow, jak morskie straszydla;
Juź sobie z chmury porobili skrzydla,
Wsiedly falę, zdjęli jej okowy;
Slyszę! — juź morska otchlan roschelznana[1]
Juź mokra szyję pod obloki wzdyma;
Juź — jescze jeden, jeden lancuch trzyma
Wkrótce rozkują; slyszę mlotow kucie...

Rzekl i postrzeglszy ze ktoś slucha z boku
Zadmuchnąl święcę i przsepadl w pomroku.
Blysnąl i zniknąl jak niesczęść przeczucie,
Ktore yderzi[2] w serce, niespodziane
I przeide straszne — lecz niezrozumiane

Do Przyiaciol moskali.

Wy czy mnie wspominacie! ja ilekroc marze
O mych przyiaciol smerciach, wygnaniach, więzieniach
I o was myslę: wasze cudoziemskie twarze
Mają obywatelstwa pravo w mych marzeniach.
Gdzieź wy teraz? Ślachetna szyja Rylejewa,
Ktorąm jak bratnią ściskal, carskiemi wyroki
Wisi do hańbiącego przywiązana drzewa,
Klątwa ludóm co swoje morduja proroki?
ta ręka, którą do mnie B<estuźew> wyciegnal,
Wieszcz i źolnierz; ta ręka od piora i broni,
Oderwana, i car ją do tacki zaprzągnąl;
Dziś w minach ryje, skuta obok polskiej dloni —

---

[1] *В автографе дальше пропущен следующий стих:*

Wierzga i gryzie lodowe włdzidła.

[2] *Описка: первая буква русское* у *вместо латинского* u.

Innych może dotknęla srośsza niebios kara;
Może kto z was, urzędem, orderem zhańbiony,
Duszę wolną na wieki przedal w laskę cara,
I dziś na progach jego wybija pokloni
Może platnym językiem triumf jego slawi,
I cieszy się ze swoich przyjaciol męczęstwa;
Może w ojczyźnie mojej moją krwią się krwawi,
I przed carem jak z zaslug, chlubi sie s przeklęstwa.
Ieśli do was z daleka, od wolnych narodow
Aż na polnoc zalecą te piesni żalosne
I odezwą się z góry nad krainą lodow,
Niech wam swiastują wolnosc, jak żorowie wiosnę
Poznacie mię по[1] glosie; pókim byl w okuciach
Pelzając milczkiem jak wąż ludzilem despotę
lecz wam odkrylem tajnie zamknięte w uczuciach
I dla was mialem zawsze golębia prostotę.
teraz na świat wylewam ten kielych trucziny
Zrąca jest i paląca, mojej gorycz mowi
Gorycz wyssana ze krwi i z lez mej ojczyzny
Niech zrze i pali, nie was, lecz wasze okowy
Kto z was podniesie skargę, dla mnie jego skarga
Będzię jak psa szczekanie, ktory tak się wdròzy
Do cierpliwie i dlugo noszonej obroży,
Ze w końcu gotow kąsac, rękę coja targa.

Pomnik Piotra Wielkiego.

Z wieczora na dżdzu stali dwaj mlodzieńce
Pod jednym plaszczem, wziąwszy się za ręce
Jeden ow pielgrzym przybylec z zachodu,
Nieznana carskiej ofiara przemocy.
Drugi byl wieszczem ruskiego narodu,
Slawny piesniami na calej polnocy.
Znali się <z> sobą, niedlugo lecz wiele —
I od dni kilku już są przyjacele.

[1] *Описка: первая буква русское п вместо латинского р.*

Ich dusze, wyźsze nad ziemne przekody,
Jako dwie Alpów spokrewione skaly,
Choć je na wieki rozerwał nurt wody:
ledwo szum slyszą swej neprzyjaciólki,
Chyląc ku sobie podniebne wierchołki.
Pielgrzym coś dumal nad Piotra Kolosem
A wieszcz rossyjski tak rzekl cichym glosem

Pierwszemu z carow, co te zrobil cuda,
Druga carowa pamietnik stawiala.
Juz car odlany w kształcie wielkoluda
Siadl na bronzowym grzbiecie bucefala,
I miejsca czekal gdzieby wjechal konno.
Lecz Piotr na własnej ziemi stać niemoże,
W ojcziznie jemu nie dosyć przestronno,
Po grunt dla niego poslano za morze.
Poslano wyrwać z Finlandzkich nadbrzeźy
Wzgorek granitu; ten, na Pani slowo
Plynie po morzu i po lądzie bieźy
I w miescie pada na wznak przed carową.
Juź wzgorek gotów leci car miedziany
Car knutowladny w todze Rzymianina,
Wskakuje rumak na granitu sciany,
Staje na brzegu i w gòrę się wspina.

Перевод:

Из Мицкевича
Олешкевич

День накануне петербургского наводнения 1824

Когда небо пламенеет от лютого мороза,
Оно вдрут посинеет, почернеет пятнами —
Подобно замерзшему лицу мертвеца,
Которое, отогревшись в комнате перед печью,
Но набравшись тепла, а не жизни,
Вместо дыхания отдает запахом гниенья.
Повеял теплый ветер. Столбы дыма,

Воздушная громада, как призрак царей[1],
Рухнули и упали на землю,
И по улицам реками плавал дым,
Смешанный с теплым и влажным туманом.
Снег начал таять и, прежде чем минул вечер,
Заливал мостовые стигийской болотной рекой.
Сани исчезли, коляски и колымаги
Сняты с полозьев, гремят по мостовой колеса;
Но в сумерках, в дыму и в тумане
Глаз неспособен различать экипажи;
Видны они только по блеску фонарей,
Похожих на блудящие болотные огоньки.

Шли молодые путники по берегу
Огромной Невы. Они любят ходить в сумерки:
Не встретятся с чиновниками
И в глухом месте не наткнутся на шпиона.
Шли они, разговаривая на чужом языке;
Порой они тихо напевают какую-нибудь чужую песню,
Порой остановятся и оглянутся:
Не слушает ли кто-нибудь? Но не встретили никого.
Напевая, блуждали вдоль русла Невы,
Которое тянется, как альпийская стена,
И задержались там, где между гранитом
Высечен путь к реке.
Оттуда внизу увидели издалека
На берегу человека с фонариком.
Это не был шпион, так как он только следил за чем-то в воде,
И не перевозчик: кто ж плавает по льду?
И не рыбак, потому что ничего не имел в руках,
Кроме фонарика и связки бумаг.
Подошли ближе; он, не поворачивая головы,
Вытянул веревку, погруженную в воду,
Вытянул, сосчитал узлы и записал;

[1] *В автографе ошибочно соединены две строки:*

Воздушная громада, как город великанов,
Исчезнув в небе, как призрак царей,

Казалось, он измерял глубину воды.
Отблеск фонарика, отражающийся ото льда,
Освещает его таинственные книги
И лицо, склонившееся над свечой,
Желтое, как облако над заходящим солнцем,
Красивое, благородное, строгое лицо.
Он так внимательно читал свою книгу,
Что, слыша посторонние шаги и разговор
Тут же, над собой, не спросил, кто это,
И только по легкому движению руки
Было видно, что он просит, требует молчания.
Было что-то такое необычное в движении руки,
Что хотя путники тут же над ним остановились,
Глядя, перешептываясь и посмеиваясь в душе,
Но все умолкли, не смея ему мешать.
Один посмотрел в его лицо, узнал и крикнул:
«Это он!» — «Кто ж он?..» — «Поляк, художник,
Но его правильнее называть кудесником,
Потому что он давно отвык от красок и кисти
И только Библию и Кабалу изучает
И, говорят, даже разговаривает с духами».
Художник между тем поднялся, сложил свои бумаги
И сказал, как бы говоря с самим собой:
«Кто доживет до утра, тот будет свидетелем великих чудес,
То будет второе, но не последнее испытание:
Господь потрясет ступени ассирийского трона,
Господь потрясет основание Вавилона,
Но третьего не приведи, господи, увидеть!»
Сказал и, оставив путников у реки,
Сам с фонариком медленно пошел по лестнице
И вскоре исчез за оградой площадки.
Никто не понял, что значит эта речь,
Одни удивленные, другие рассмешенные,
Все воскликнули: «Наш кудесник чудачит!»
И, постояв еще минуту в темноте,
И, видя, что ночь уж поздняя, холодная и бурная,
Каждый поторопился домой.

Лишь один не ушел, а взбежал на лестницу
И побежал по площадке. Он не видел человека,
Только издали приметил его фонарик,
Который светил издалека, как призрачная звезда.
Хотя он не заглянул в лицо художника,
Хоть не расслышал, что о нем говорили,
Но звук голоса, таинственная речь
Так его потрясли... Тотчас припомнил,
Что он слыхал этот голос, и пустился, что было силы,
Незнакомой дорогой, в ночной темноте.
Свет быстро несомого фонарика мигал,
Всё уменьшался и, потонув в ночной мгле,
Казалось, потухал, но вдруг остановился
Среди пустынной широкой площади.
Путник удвоил шаги, догнал.
На площади лежала большая груда камней.
На одном из них он увидел художника.
Стоял тот неподвижно, в ночной темноте,
С обнаженной головой, подняв плечи,
С протянутой вверх правой рукой.
И видно было по направлению фонаря,
Что вглядывался он в стены царского дворца.
В одном окне, в самом углу,
Горел свет; этот свет он наблюдал
И шептал, глядя в небо, как будто молясь богу,
Потом заговорил вслух сам с собой:
«Ты не спишь, царь. Кругом глухая ночь,
Двор уж спит, а ты, царь, не спишь.
Милосердный бог еще посылает тебе духа,
Он в предчувствиях предостерегает тебя о возмездии,
Но царь хочет заснуть, он насильно закрывает глаза.
Заснет глубоко... Бывало, сколько раз
Предостерегал его ангел-хранитель
Сильнее, настойчивее в сонных грезах...
«Он раньше не был так дурен: он был человеком,
Но постепенно стал тираном,
Божьи ангелы его покинули, а он с летами

Всё больше становился добычей дьявола.
Последнее напутствие, то тихое предчувствие
Он прогонит прочь, как злое наваждение,
А на другой день льстецы вознесут его гордыню
Всё выше и выше, пока его не растопчет дьявол...
«Эти жалкие подданные, живущие в лачугах,
Прежде всего будут покараны за него.
Потому что молния, когда она поражает неживое,
Начинает сверху, с горы и башни;
Когда же бьет людей, то начинает снизу
И поражает прежде всего наименее виновных.
«Заснули в пьянстве, ссорах или в наслаждениях,
Проснутся утром — несчастные мертвые черепные чашки.
Спите спокойно, как неразумные животные,
Пока божий гнев не спугнет вас, как охотник,
Сокрушающий всё, что встречает в лесу,
Добираясь до логовища дикого кабана!
«Слышу!.. там!.. вихри... уже подняли головы
С полярных льдов, как морские чудовища,
Уже сделали себе крылья из тучи,
Сели на волны, сняли с них оковы.
Слышу!.. уж морская пучина разнуздана[1].
Уже вздымает влажную шею под облака,
Уже... еще лишь одна цепь удерживает.
Но скоро ее раскуют... слышу удары молотов...»
Сказал и, заметив, что кто-то его сбоку слушает,
Задул свечу и исчез во мраке.
Блеснул и скрылся, как предчувствие беды,
Которое неожиданно взволнует сердце
И пройдет — страшное и непостижимое.

---

[1] *В автографе пропущена следующая строка:*

Лягается и грызет ледяные удила.

Русским друзьям

Вспоминаете ли вы меня... Всегда, когда думаю
О смерти, изгнании, заточении моих друзей,
Думаю и о вас, вы — чужеземцы —
Имеете ли право гражданства в моих мечтах.

Где же вы теперь? Благородная шея Рылеева,
Которую я обнимал, как шею брата, по царскому приговору
Висит, привязанная к позорному дереву...
Проклятье народу, который казнит своих пророков!

Та рука, которую протягивал ко мне Бестужев,
Поэт и воин, от пера и сабли
Оторвана, и царь приковал ее к тачке.
И она теперь роет в рудниках, работает бок-о-бок с польской рукой.

Иных, быть может постигла еще более тяжелая божья кара...
Быть может, кто-нибудь из вас, чином, орденом обесславленный.
Свободную душу продал за царскую ласку
И теперь у его порога отбивает поклоны.

Быть может, продажным языком славит его торжество
И радуется страданиям своих друзей.
Быть может, в моей отчизне пятнает себя моей кровью
И перед царем хвалится, как заслугой, тем, что его проклинают.

Если до вас издалека, от свободных народов,
На север, дойдут эти жалобные песни
И отзовутся сверху над страной льдов,
Пусть возвестят они вам вольность, как журавли возвещают весну.

Узнаете меня по голосу... Пока я был в оковах,
Полз я тихо, как уж, я хитрил с тираном,
Но вам открыл то, что таилось в душе,
И для вас всегда хранил чистоту голубя.

Теперь я опрокидываю в мир кубок яда...
Едка и жгуча горечь моей речи,
Горечь, высосанная из крови и слез моей отчизны.
Пускай же она ест и жжет — не вас, но ваши оковы.

А кто из вас посетует на меня, для меня его жалоба
Будет как лай собаки, которая так привыкла
К ошейнику и так терпеливо и долго его носила,
Что готова кусать руку, срывающую его.

Памятник Петра Великого

Вечером, в ненастье стояли двое юношей
Под одним плащом, взявшись за руки.
Один был странник, пришелец с запада,
Неведомая жертва царского гнета,
Другой — руский поэт,
Прославленный на севере своими песнями.
Они недолго, но близко были знакомы
И через несколько дней уж стали друзьями.
Их души, возвышаясь над земными препонами,
Были подобны двум породнившимся альпийским скалам,
Хоть и навеки разделенным водной стремниной;
Они едва слышат шум своего врага,
Сближаясь друг с другом поднебесными вершинами.
Странник о чем-то думал над колоссом Петра,
А русский поэт так промолвил тихим голосом:
«Первому из царей, вершителю чудес,
Вторая царица соорудила памятник.
Уж царь, отлитый в образе великана,
Сел на медный хребет буцефала,
И искал места, куда бы он мог въехать на коне,
Но Петр на собственной земле не может стать,
В отечестве ему не хватает простора;
За пьедесталом для него послано за море,
Послано вырвать на финляндском побережьи
Глыбу гранита; она, по приказу государыни,

Плывет по морю и бежит по земле
И падает в городе навзничь перед царицей.
Уж пьедестал готов; летит медный царь,
Царь-кнутодержец в тоге римлянина;
Конь вскакивает на стену гранита,
Останавливается на самом краю и поднимается на дыбы».

В тетради № 2373, на лл. 41 об.—36 об., 35 об.—34 об. и 33 об.—33 (совр. шифр *ПД* № 842, лл. 166 об.—161 об., 160 об.—159 об., 158), верхом вниз по отношению к большинству исписанных листов, списаны стихотворения Мицкевича: «Oleskiewicz», «Do przyjaciół Moscali» и «Pomnik Piotra Wielkiego».

На лл. 166 об.—161 об., на наружных половинах согнутых пополам листов чернилами списано полностью стихотворение «Oleskiewicz».

Л. 161 — чистый.

На лл. 160 об.—159 об. строками во всю ширину страницы, карандашом списано полностью стихотворение «Do przyjaciół Moscali».

Л. 159 — чистый.

На лл. 158 строками во всю ширину страницы карандашом списаны первые тридцать один стих (из шестидесяти шести), стихотворения «Pomnik Piotra Wielkiego».

Впервые напечатано: *РП*, с. 548—549.

Копия Пушкина текстов Мицкевича представляет такую картину: необыкновенно четким, аккуратным почерком списаны польские слова. Впечатление такое, что человек пишет с большим трудом, без всякого навыка, на незнакомом языке. Каждая буква вырисована, отстоит от другой; постоянные описки, часто исправленные; трафаретные ошибки. Пушкин не только заменяет букву ł буквой *l*, букву *z* буквой *c* или *s*, букву *y* буквой *i*, пишет не *z*, а *ź*, не *ó*, а *o*; он даже ставит, вместо латинских букв, русские (*в* вместо *w*, *у* вместо *u*, *Л* вместо *L*), правда, обычно видоизменяя их на ходу письма, но в одном месте осталось даже неисправленным «yderzy» (вместо «uderzy»). Самый частый тип ошибок, кроме указанных, это пропуск специфически польских шипящих букв в словах, близких к русским: «kriknall» вместо «krziknall»; «razumial» вместо «zrozumial»; или «otkryta» вместо «odkryta». Вообще заметно невольное приближение к русскому языку, через который Пушкин и воспринимал польский.

О том, что Пушкин «в зрелом возрасте выучился по-польски в той степени только, в какой это знание было необходимо для чтения великих образцов поэзии и литературы», писал О.И.Сенковский в биографическом очерке Пушкина, помещенном в издании «Портретная и биографическая галлерея словесности, художеств и искусств в России. I. Пушкин и Брюллов, СПб. 1841». Против этого совершенно неосновательно возражал отец поэта: «Еще ошибка, будто А.Пушкин после учился по-польски. Он не учился этому языку, а мог его понимать столько, сколько все русские понимают другие славянские наречия» (см.: Цявловский М.А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 376). Конечно, Сенковский лучше Сергея Львовича знал, занимался или не занимался Пушкин польским языком.

В библиотеке Пушкина имеются две грамматики польского языка: одна на польском языке (*ПС* IX—X, № 951), другая — на немецком (№ 1270), словарь польского языка Линде (№ 1105) и словарь польско-немецко-французский на этих языках (три тома) Троцы (№№ 1451—1453).

Стихотворения Мицкевича списаны Пушкиным из IV тома Собрания сочинений Мицкевича (в четырех томах) парижского издания 1828—1832 гг.

В библиотеке Пушкина сохранилось это издание. На обложке IV тома (он весь разрезан) имеется надпись: «А.С.Пушкину, за прилежание, успехи и благонравие С.Соболевский» (см. *ПС* IX—X, № 289).

Этот том, привезенный Пушкину в подарок возвратившимся из-за границы в Петербург 22 июля 1833 г. С.А.Соболевским, заключает в себе вводный эпизод «Петербург» («Uster Petersburg») в третьей части поэмы «Дзяды», посвященный «русским друзьям» и представляющий собою цикл из семи стихотворений: «Do przyjaciół Moscali» («Русским друзьям»), «Droga do Rossyi» («Дорога в Россию»), «Przedmiescia stolicy» («Предместья столицы»), «Petersburg» («Петербург»), «Pomnik Piotra Wielkiego» («Памятник Петра Великого»), «Przegląd wojska» («Смотр войскам») и «Oleszkiewicz» («Олешкевич»).

Эти вдохновенные, проникнутые гражданским пафосом стихотворения, дающие сатирическое изображение Петербурга, символизирующего для поэта николаевскую Россию, не могли не обратить на себя самого пристального внимания Пушкина. Прочитав их, вероятно, вскоре после получения книги, Пушкин взял ее в поездку в Оренбургскую губернию. На обратном пути оттуда, в Болдине, где поэт прожил с 1 октября до середине ноября, Пушкин занимался Мицкевичем.

Из семи стихотворений цикла «Петербург» Пушкин списал в свою тетерадь три для того, чтобы их тут же переводить. Понятно, почему именно эти стихотворения выбрал Пушкин для перевода. Стихотворение «Oleczkiewicz» интересно ему было описанием наводнения 1824 г. (в это время Пушкин писал «Медный всадник»), «Do przyjaciół Moscali» было не только адресовано ему как одному из «русских друзей», но и заключало в себе обидные строки, которые Пушкин мог принять и, вероятно, принял на свой счет; наконец, в стихотворении «Pomnik Piotra Wielkiego» говорилось о дружбе Пушкина с Мицкевичем и излагались их задушевные беседы.

Но от перевода этих стихотворений Пушкин отказался[1]. Приняв «Петербург» Мицкевича как вызов со стороны польского собрата, поэт посчитался с ним иначе. «Медный всадник», написанный тогда же в Болдине, был ответом Пушкина на памфлет польского патриота. Сатирическому изображению северной столицы России в стихотворениях «Петербург», «Смотр войскам» и «Олешкевич» Пушкин во вступлении к поэме противопоставил свой панегирик в честь Петербурга, а описанию наводнения 1824 г. у Мицкевича в стихотворении «Олешкевич» — свое описание в первой части «Медного всадника», сопроводив его примечанием: «Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому навод-

---

[1] Трудно сказать, почему из последнего стихотворения списана лишь первая часть. Пушкин мог оставить переписывание или потому, что отказался от перевода, или потому, что намеревался перевести лишь первую часть стихотворения.

нению. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было. — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта».

Но, отказавшись от перевода политических стихотворений Мицкевича, Пушкин в это же пребывание в Болдине перевел две баллады польского поэта: «Czaty» (у Пушкина «Воевода») и «Trzech Budrysów» (у Пушкина «Будрыс и его сыновья»).

41.

Настоичка травная,
Настоичка тройная,
Изъ зелья составная
Удивительная!...
Въ присядку при народѣ
Тряхнулъ бы въ хороводѣ
Подъ: Збранной Воеводе
Побѣдительная!...

Запись на обороте листа с письмом П.В.Нащокина к Пушкину от второй половины апреля 1834 г. (XV, № 920; о датировке этого письма см. «Искусство» 1923, № 1, с. 316—317). Письмо хранилось в *ЛБ* (№ 3379) (совр. шифр — *ПД* № 1613).

Впервые напечатано П.И.Бартеневым в *РА* 1904, XI, 450, где было напечатано письмо Нащокина.

П.И.Бартенев еще 8 октября 1851 г., читая у Нащокина его письма к Пушкину[1], списал себе эту запись (см. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым в 1851—1860 годах», М., 1925, с. 33). В тетради Бартенева, на полях у этой записи приятель Пушкина С.А.Соболевский приписал: «Стихи Мятлева, которого произведения Пушкин очень любил и беспрестанно твердил».

Запись представляет собою первые восемь стихов стихотворения И.П. Мятлева «Восторг» (см. Полное собрание сочинений И.П.Мятлева, изд. Д.Федорова, т. I, СПб, 1857, с. 101).

С автором «Курдюковой» Пушкин был в приятельских отношениях, 18 мая этого же (1834) года Мятлев приглашал к себе на обед Пушкина, обещая прочесть ему новые свои стихотворения, которые Вяземский называл «стихи на матерный манер». Возможно, что на этом обеде (или на другом, 28 мая, на который звал Пушкина Вяземский) и читались эти стихи, так понравившиеся Пушкину и приобревшие впоследствии огромную популярность. Об И.П.Мятлеве и его отношениях к Пушкину см. *ДП*, 70—72 и *ДМ*, 211—216.

---

[1] После смерти Пушкина письма к нему П.В.Нащокина были возвращены последнему вдовой поэта.

42.

Черна роля заорана
Гей гей
Чер &c.
И кулями засіяна
Билымъ тиломъ взволочена
Гей гей
И кровію сполочена
&& —

Запись на обороте письма (бумага без водяного знака) Гоголя к Пушкину, начинающегося словами: «Я вчера был у Уварова», и датируемого июлем 1834 г. (см. XV, 146). В конце записи какие-то арифметические вычисления. Письмо хранится в собрании М.И.Семевского (*ПД* № 704). Факсимильно воспроизведено в *РС*, 1879, IV, 776—777.

Впервые напечатано: *РП*, с. 553.

В подаренной Пушкину М.А.Максимовичем и сохранившейся в библиотеке поэта (см. *ПС* IX—X, № 227) книге: «Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. Часть первая. Книга I. Украинские *Думы*. Книга II. Песни Козацкие *былевые*. Книга III. Песни Козацкие *бытовые*», М. 1834, на с. 154—156 имеется эта песня.

Текст ее такой:

(Гàлицкая)

Чóрна рôля́ (170) заóрана —, *гей гей* —
Чóрна рôля́ заóрана
И кýлями (171) засѣ́яна
Бѣлымъ тѣломъ зволóчена, — *гей, гей* —
И кровóю сполóщена.

Лежи́ть воя́къ на купинѣ́ — *гей, гей* —
Лежи́ть воя́къ на купинѣ́
Накры́въ óчû китайкóю
Китайкою червонóю — *гей, гей* —
Накры́въ óчи китайкóю.

А нû труны́ (172), а нû я́мы — *гей, гей* —
А нû труны́, а нû я́мы,

170 Рôля — пашня.
171 Кýля — пуля.
172 Труна́ — гробъ.

А нû вôтця́, а нû ма́мы.
А нѣкому задзвонúти — *гей, гей* —
А нѣкому затужúти!

Дзво́нять ко́нû копытáми — *гей, гей* —
Дзво́нять ко́нû копытáми,
А воякú острогáми
Дзво́нять конû копытáми — *гей, гей* —
А воякú острогáми.

Летúть во́ронъ зъ чужúх сторо́нъ — *гей, гей* —
Летúть во́ронъ зъ чужúх сторо́нъ,
На могúлѣ усѣдáе,
Очû ёму́ выпивáе — *гей, гей* —
Очû ему́ выпивáе.

Хо́дить мáти гукáючи — *гей, гей* —
Хо́дить мáти гукáючи,
Сы́на своro пытáючи.
— Ой я́ твоró сы́на знáю, — *гей, гей* —
Бо я́ зъ ёго по́пасъ (173) маю!

«Скажú менѣ́, во́ронъ мúлый — *гей, гей* —
Скажú менѣ́, во́ронъ мúлый:
Чи мôй сыно́к ищé бѣ́лый,
Чи щé о́ченьки ясне́нькû — *гей, гей* —
Да чи устá румяне́нькû?...»

— Вже ёго́ устá сине́нькû — *гей, гей* —
Вжé ёго́ устá сине́нькû,
Его́ лúчко вжé чорне́ньке,
Я на лúчку присѣдáю — *гей, гей* —
Очû ёму́ выпивáю!...

В виду отличия правописания записи Пушкина от правописания печатного текста сборника Максимовича, можно, кажется, определенно утверждать, что Пушкиным четыре стиха песни не списаны с книги Максимовича, а записаны под чью-нибудь диктовку, может быть, того же Гоголя, который, по свидетельству Максимовича, принимал участие в составлении его сборника 1834 г. (см. предисловие к этому сборнику).

По положению записи на письме Гоголя датируем ее второй половиной 1834 г.

По правдоподобному предположению Н.О.Лернера, Пушкин мог заинтересоваться этой песней в связи со своими занятиями «Словом о полку Игореве», где есть сравнения битвы со вспаханным полем. См. статью Лернера «Из истории

173 Паству

занятий Пушкина "Словом о полку Игореве"» в кн. «Пушкин. 1834 год». Лгр., 1934, с. 102.

43.

Ma chi cerca sinceramente la verità, invece di lasciarsi spaventare del ridicolo, dave far un oggetto di esame el ridicolo stesso.

Osservazioni sulla morale Cattolica.

Перевод[1]:

Но кто чистосердечно ищет истину, должен, вместо того, чтобы пугаться смешного, — сделать предметом своего исследования самое смешное.

Замечания о католической морали.

Автограф находится на л. 1 сшитой жандармами тетради № 2386 Б (совр. шифр — *ПД* № 1111). Бумага in f°, с водяным знаком: «1830». На той же странице имеются слова в скобках: «О Байроне и о преметах важных», рисунок мужской головы, дата: «1835», запись адреса: «Черн. Рѣчк. да <ча> Мил<лера>», и фраза к статье о Байроне, расположенной на других листах. Оборот страницы и продолжение этого листа (38 по жанд. нумерации) — чистые.

Впервые напечатано Анненковым (*А* I, 272). У *Я* XII, 534 упоминалось Морозовым (*М*[2] VI, 654) текст этот дан в примечаниях, в качестве эпиграфа к переводу из «Чайльд-Гарольда». Запись представляет собой выписку из бывшей в библиотеке Пушкина книги: «Sulla morale cattolica osservazioni di Alessandro Manzoni. Unum gestit interdum ne ignorata damnetur. (Tertull. Apol. cap. I) Parigi, Baudry, libreria europea, 1834» («Замечания на католическую мораль Александра Мандзони. Между тем она <истина> желает только одного, чтобы ее не осуждали, не зная ее (Тертулиан. Апология, гл. I), Париж, Бодри, Европейская библиотека, 1834») (см. *ПС* IX—X, № 1130).

Цитата взята из XVI главы (с. 176) «Sulla sobrietà e sulle astinenze, sulla continenza e sulla verginità» («О трезвости, умеренности, воздержании и девственности»)*.

---

[1] Перевод П.В.Анненкова в *А* I, 272.

* В *РП* отмечается, что «лист этот, вероятно, служил Пушкину обложкой к различным статьям во главе со статьей о Байроне» и что Пушкин воспользовался словами из «Горя от ума»: «О Бейроне и о матерьях важных» (действие 4, стих 103), и применил их к своим будущим работам» (с. 555). Дальше сообщается, что М.Н.Розанов считал, что выписка из книги Манцони «очевидно, должна была служить как "motto" к статье о Байроне». Исходя из предположения, что статья Пушкина о Байроне является выдержкой из «Воспоминаний Байрона», опубликованных Т.Муром (Memuares de Lord

Б.А.Грифцов для книги *РП* написал следующую заметку о сделанной Пушкиным выписке:

«Цитата из малоизвестного сочинения чрезвычайно известного автора, лишний раз доказывающая, как важно изучить круг чтения Пушкина, как много дает для характеристики его ума и его культуры принцип, которым он руководился при выборе своих выписок. Говоря коротко: из очень скучной, полной условного пиэтизма и казуистики книги выбрана единственная острая мысль. Почему этот трактат, вернее — апологетический этюд во славу католической церкви и католической морали, оказался в руках Пушкина и даже попал в его библиотеку? Напасть на него Пушкин мог по ряду причин. Во-первых, он очень ценил знаменитый роман Мандзони "Обрученные" ("I Promessi Sposi", 1-е изд., 1825—1827 гг.)[1] и, естественно, мог заинтересоваться теоретическими сочинениями, как бы слабы они ни были, того автора, которого он ставил выше столь популярного тогда Вальтера Скотта. Во-вторых, этюд Мандзони есть не что иное, как опровержение мыслей женевского свободомыслящего историка Сисмонди, имя которого, согласно тогдашним литературным обычаям, Мандзони не называет ни разу[2], но книгу которого, "История итальянских республик в средние века", цитирует на

Byron, publiés par T.Moor. Paris, 1830. T.I.), Розанов не находит в этих воспоминаниях «ничего смешного, что бы оправдывало подобный эпиграф» (*РП*, с. 555—556). Однако, вполне возможно, что под «предметами важными» Пушкин понимал актуальные для него самого в это время отношения между поэтом и его критиками. В «Опровержении на критики» (1830) Пушкин часто делает «смешное» предметом своих «опровержений». Бессмысленные и беспомощные отзывы критиков он постоянно связывает со словами: «шутки», «смешат» («Мы так привыкли читать ребяческие критики, что оне даже нас не смешат», «...шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностью» и др. — XI, 154). Можно думать, что часть задуманной статьи о Байроне должна была соответствовать эпиграфу из Манцони, тем более что понятие «смешное» можно применить к отзывам самого Байрона о своих критиках. Он называет их отзывы «кваканьем» и «пошлостью, которую выдавали за humor». Книга Томаса Медвине «Разговоры Байрона», из которой взяты эти примеры, вышла в 1824 и 1825 году на английском языке. Второе ее издание было в библиотеке Пушкина («Conversations of Lord Byron: noted during a residence with his lordship at Pisa in the years 1821 and 1822. By Thomas Medwin... A new editions. См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина: (Библиогр. Описание). СПб, 1910, № 1149. В 1835 г. появился русский перевод книги: Капитан Медвин. Записки о лорде Байроне. СПб, 1835. Ч.1—2). Отметим, что в десятитомном собрании сочинений Пушкина, вышедшем в издательстве «Художественная литература» (2-е изд., М., 1976. Т. 6, с. 366) заглавие «О Бейроне и о предметах важных» отнесено уже не к группе «будущих работ» Пушкина, а к незаконченной статье «Байрон». — *Ред.*

[1] См. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И.Бартеневым в 1851—1860 гг.», М., 1925, с. 35 и 98 и *ПХ*, с. 250—251.

[2] Характерно, что парижский издатель книги Мандзони помещает на ее обложке перечень изданных им книг; здесь имеются и «Айвенго» и «Веверлей», «Тристрам Шенди» и «Уэкфильдский священник», но имена Вальтер Скотта, Стерна и Гольдсмита не названы.

каждой странице. Исследование Сисмонди также имелось в библиотеке Пушкина, который естественно заинтересовался полемическим опытом Мандзони. На чьей стороне Пушкин в этом очень резком поединке двух мировоззрений? Самым выбором цитаты из Мандзони дается ответ совершенно бесспорный. Экземпляр из пушкинской библиотеки весь разрезан, выдержка взята из главы XVI, со с. 176.

Если даже предположить, что само заглавие главы XVI — "О трезвости, умеренности, воздержании и девственности" — заинтересовало Пушкина, то, может быть, он прочел не всю книгу от строки до строки (ход мыслей Мандзони ясен с первой же страницы), но во всяком случае он перелистал ее всю.

Прежде всего этот факт дает окончательное решение вопросу, до сих пор остающемуся спорным, — о том, знал ли Пушкин итальянский язык. Да, он его знал в 1835 г. Правда, он читал "Обрученных" во французском переводе. Но не следует забывать того, что мы читаем этот роман по второму, вышедшему в 40-х годах, варианту, переделанному, с точки зрения языковой, очень существенно уже после того, как автор "прополоскал свои пожитки в водах Арно" и имел возможность изъять многочисленные диалектизмы первого издания, единственно доступного Пушкину. А для того, чтобы прочесть трактат Мандзони, вовсе уж не такой легкий по языку, Пушкин владел итальянским достаточно. Ведь он выбрал не какое-нибудь бросающееся в глаза основное положение книги, а мысль, незаметную по ходу изложения, но яркую самое по себе, совершенно чуждую вялому и приторному благочестию Мандзони, и таким образом определил свою позицию в борьбе двух мировоззрений. Ход мыслей Сисмонди таков: "церковь завладела нравственностью", "авторитетность предписаний — вместо света разума и совести, казуистика — вместо нравственной философии" и вот "нравственность совершенно потеряла всякую естественность в руках казуистов", "учение о покаянии еще более извратило нравственность, уже достаточно затемненную произвольной таблицей грехов", "чревоугодие и бесстыдство укоренились в сердцах тех, кому внушались монашеские добродетели", "до какой же степени пагубно повлияло на нравственность ложное религиозное воспитание в Италии, где все постоянно заняты религиозными обрядами, но никто не соблюдает заповедей, где все научились не слушаться голоса совести, а обманывать свою совесть". Что этим мыслям противополагает Мандзони? Он приводит не факты, а цитаты из проповедей Бурдалу и Массильона, цитаты из отцов церкви, дедуцируя тот вывод, что католическая церковь и есть настоящее христианство, что католическая мораль и есть единая подлинная мораль. "Прежде чем осуждать религиозное рвение, оглянемся вокруг, и глаза наши встретят кого-нибудь из тех людей, кои являются живым свидетельством того, сколь прекрасна католическая мораль".

Во всей этой псевдо-смиренной казуистике и аффектированной растроганности деятельный ум Пушкина не нашел ни одной достойной быть оттмеченной мысли, кроме выписанного им афоризма, который, конечно, понравился бы и Сисмонди. Иные пушкинисты пытались сделать из Пушкина середины тридцатых годов кого-то вроде Массильона, но одна эта цитата из книги Мандзони, этот один из тысячи фактов работы Пушкина, свидетельствует, наоборот, о том, каким легким и свободным движением руки устранял он со своей дороги всякого рода массильонизм».

44 — 45.

Пѣсенка Аѳродитѣ.

О Венера, безсмертная драгоцѣнно престольная (разно-каменно-престольная), хитрая, обманчивая дщерь Юпитера прошу тебя: не огорчай меня, о [Мор] Богиня, въ душѣ обманомъ и печалiю, но приди [для] любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала, оставивъ [отце] златой

по воздуху несли

отцевскiй домъ ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые везли тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая — лишь только были они отпряжены, ты, о Богиня щастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицемъ спра-

тебя

шиваешь меня чѣмъ я огорчена и зачѣмъ [меня] ([ты] здѣсь) я позвала? что ты хочешь изъ себя сдѣлать [? — Изъ] въ любовномъ изступленiи? Кого я должна слушать? кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь Онъ тебя избѣгаетъ, скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если подарковъ не присылаетъ, скоро будетъ давать. Если теперь не любитъ, скоро полюбитъ — Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь избавь меня отъ печали тяжкой — И то что сердце мое хочетъ совершить, соверши сама, о Венера, и будь моей помощницей — — —

Дiонизiи.

Тотъ мнѣ кажется равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую — и улыбаясь приятно, то что мнѣ сердце въ груди наполнило страхомъ какъ только тебя увидѣла — — Теряю голосъ — языкъ мой [сломанъ] ломается — огонь проникаетъ въ мою кожу — [уши] [les oreilles] въ ушахъ звенитъ, и глаза покрываются ночью — и холодный

καῖσαν

потъ течетъ — дрожь по всему тѣло[1] — я становлюсь зеленѣе травы — боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна — — — —

Текст перевода двух од греческой поэтессы Сафо написан рукой Пушкина на отдельном листе белой бумаги верже, in f°, с водяным знаком: «1830 АО pro patria».

---

[1] *Описка, вместо:* тѣлу.

Лист этот вшит в тетрадь, составленную жандармами (№ 2386 В, л. 1) (совр. шифр — *ПД* № 1087).

Первые строки переводов обоих стихотворений даны впервые у *Я* XII, 539. Полностью напечатано в книге А.И.Незеленова «Шесть статей о Пушкине», СПб., 1892, с. 82—83, затем в *М*² VI, 435—436, и еще один раз у *В* IV, 352. Морозов в примечании (*М*² VI, 655) указывает письмо П.А.Катенина к Пушкину из Ставрополя от 1 июня 1835 г., где, между прочим, читаем: «Нет ли у тебя знакомого греколога, кто мог бы en vile prose <низкой прозой> рабски переложить крошечные два стихотворения Сафы: Венере и Heureux qui etc. Очень бы ты одолжил. Кантата засела в голове и не может вылезть за недостатком книжных пособий». За две недели до этого письма, 16 мая, Катенин писал об одном стихотворении своем, что оно «припасено в состав кантаты: Сафо... Всей кантаты здесь сложить не могу, хочется поместить стихи самой Сафы, а ни подлинника, ни словаря, ни точного перевода в Ставрополе не достанешь». 7 июля Катенин опять просил у Пушкина перевода: «Кантата "Сафо" рисуется прелестно в воображении, так и манит; но без топора не рубят дров, и я с низким поклоном повторяю мое прошение о присылке оного, то есть немногих греческих стихов в оболочке новейшей прозы, сколько можно vile et servile».

Очевидно, после этих писем и оказался у Пушкина этот «низкий и буквальный» перевод с греческого. После перевода первого стихотворения в автографе сделана такая концовка, какую Пушкин делал в 1835—1836 гг. Таким образом, перевод можно датировать второй половиной 1835 г. О своем незнании греческого языка Пушкин писал Гнедичу 6 января 1830 г. и в черновом наброске своего «объяснения» к заметке об «Илиаде» в переводе Гнедича (см. *Ак.* IX, прим. 221 и выше, с. 23). Об этом же свидетельствует и напечатанный выше опыт Пушкина перевести стихи из «Одиссеи». Поэтому сделать перевод двух стихотворений Сафо он не мог. Остается предположить, что Пушкин или записал под диктовку, или списал чей-то перевод. Любопытно, что в Онегинском собрании автографов Пушкина имеется лист писчей бумаги, in f°, с водяным знаком: «1830» (см. *ПС* XII, 18, № 46), с текстом, написанным неизвестной рукой, перевода этих же самых стихотворений (*ПД*. Ф. 244. Оп. 3, № 15). Даем этот текст, как он был напечатан в *РП*, с. 559.

Пѣснь къ Венерѣ

(слово въ слово)

О пестрый престолъ имѣющая, безсмертная Венера, хитрая дщерь Юпитера! прошу тебя, не угнетай сердца моего скорбію и печалію, о богиня! но сюда пріиди, если когда и въ другое время, слыша частыя мои мольбы, ты имъ внемляла, и оставя отцёвскій [домъ] златый домъ пріѣзжала, запрягши колесницу. Тебя везли по воздуху съ неба надъ черною землею прекрасные, быстрые воробьи, часто махавшіе крыльями. Скоро долетели. (т.е. воробьи). И ты, о блаженная, улыбаясь безсмертными устами спрашивала меня, [че]чѣмъ страдаю, за чѣмъ (тебя) призываю и чего желаетъ мое изступленное сердце (До сихъ поръ были слова Сафы, теперь слѣдуютъ слова Венеры) Какого [тебѣ] плѣняющаго (слово въ слово: [въ] [за] въ

сѣтяхъ запутывающаго) любовника [склоня] [склоню] привлеку (къ тебѣ)? Кто огорчаетъ Сафу? Если (кто) тебя [огорч] убѣгаеть, то скоро будетъ преслѣдовать; если не принимаетъ даровъ, самъ будетъ давать, если не любитъ, скоро полюбитъ даже не желающую (т.е. противъ твоей воли. — (теперь опять слова Сафы) Приди ко мнѣ и теперь, избавь меня отъ тяжкихъ печалей, и все что свершить желаетъ мой духъ. Сверши, и сама будь мнѣ помощницей.

Тотъ человѣкъ мнѣ кажется равнымъ богамъ, который напротивъ тебя сидитъ и вблизи слушаетъ (тебя) говорящую и пріятно смѣющуюся: это потрясаетъ сердце въ груди моей. Ибо когда я тебя [увидѣлъ] вижу, я тотчасъ [онѣмѣлъ] теряю голосъ (слово въ слово: ничего болѣе отъ голоса у меня не оста[лось]ется) У меня слома[лся]нъ языкъ, тонкій огонь быстро пробѣ[жалъ]гаетъ по тѣлу, [я] глазами ничего не вижу, звенитъ въ ушахъ, [и] холодный потъ выступаетъ, дрожь меня всю пробѣгаетъ, я становлюсь зеленѣй травы и, будучи бездыханною, кажусь долженствующею скоро умереть. —

Текст подлинника такой:

<I>

<1> Ποιχιλόθρον', ἀθάνατ' Αφρόδιτα,
παῖ Δίος, δολόπλοχε, λισσομαί σε,
μή μ'ἄσαισι μήτ'όνίαισι δάμνα,
πότνα, θδμον.

<2> ἀλλὰ τυῖδἔλθ', αἴ ποτα χἀτέρωτα
τᾶς ἔμας αὖδως ἀΐοισα πήλυι
ἔχλυες, πάτρος δέ δόμον λίποισα
χρύσιον ἦλθες

<3> ἄρμ'ὑπαζεύξαισα • χάλοι δε σ'ἆγον
ὤχεες στροῦθοι περί γᾶς μελαίνας
πύχνα δίννεντες πτέρ'ἀπ ὠράνω αἰθε-
ρος διὰ μέσσω.

<4> αἶψα δ'ἐξίχοντο σύ δ', ὦ μάχαιρα,
μειδιάσαισ' ἀθανάτῳ προσώπῳ,
ἤρε', ὄττι δηῦτε πέπονθα χὤττι
δηῦτε χάλημι,

<5> χὤτι ἔμῳ μάλιστα θέλω γένεσθαι
μαινόλα θύμω • „τίνα δηῦτε Πείθω
μαῖς ἄγην ἐς σὰν φιλότατα, τίς σ', ὦ
Ψάπφ', ἀδιχήει;

<6> χαὶ γὰρ αἰ φεύγει, ταχέως διώξει,
αἰ δὲ δῶρα μὴ δέχετ', ἀλλὰ δώσει,
αἰ δὲ μὴ φίλει, ταχέως φιλήσει
χωὐχ ἐθέλοισα".

<7> ἔλθε μοὶ χαι νῦν, χαλεπᾶν δε λῦσον
εχ μεριμνᾶν, ὄσσα δέ μοι τέλεσσαι
θῦμος ἰμμέρρει, τέλεσον· σύ δ'αὔτα
σύμμαχος ἔσσο.

<II>

<1> Φαίνεταί μοι χῆνος ἴσος ϑέοισιν
ἔμμεν ὤνηρ, ὄστις ἐνάντιός τοι
ἰζάνει χαὶ πλάσιον ἄδυ φωνεύ–
σας ὐπαχούει

<2> χαὶ γελαίσας ἰμμέροεν˙ τό μοι μάν
χαρδίαν ἐν στήϑεσιν ἐπτόασεν˙
ὡς γὰρ ἐσχίδω βροχέως σε, φώνας
οὐδεν ἔτ εἴχει˙

<3> ἀλλὰ χὰμ μὲν γλῶσσα χέαγε, λέπτον δ'
αὔτιχα χρῶ πῦρ ὐπαδεδρόμακεν,
ὀππάτεσσι δ' οὐδεν ὄρημ', ἐπιρρόμ-
βεισι δ' ἄχουαι.

<4> ἀ δέ μ' ἴδρως καχχέεται, τρόμος δὲ
παῖσαν ἄγρει, χλωροτέρα δε ποίας
ἔμμι, τεϑνάχην δ'ὀλίγω 'πιδεύης
φαίνομαι ἄλλα.

<I>

<1> Пестропрестольная, бессмертная Афродита, дочь Зевса, козни плетущая, не подавляй мне душу ни досадой, могущественная, ни печалями.

<2> Но приди сюда, если ты и прежде иногда, услышав издали мои призывы, следовала им, и, оставив дом отца, являлась, запрягши золотую колесницу.

<3> Красивые, быстрые воробьи несли тебя (мимо) вокруг черной земли взмахивая густыми крыльями, с неба, сквозь середину эфира.

<4> И тотчас же улетали. А ты, блаженная, улыбнувшись бессмертным лицом, спрашивала, что такое я сейчас претерпела, и почему я сейчас зову.

<5> И чего я более всего желаю для моей безумной души? «и кого, ты хочешь, чтобы Пейто привела к твоей любви, кто, Сафо, обижает тебя?»

<6> Если бежит, — скоро погонится; если не принимала даров, — пришлет их; если (не любит) не целует, — скоро поцелует (полюбит), даже не желая.

<7> Приди ко мне и теперь, освободи изъ тяжких скорбей и все, чего душа желает, чтоб оно совершилось (закончилось), соверши (закончи), а сама будь мне союзницей.

1. Переводчик употребляет более распространенное в то время римское название «Венера» вместо греческого «Афродита». У переводчика «обманом»; ἆση— пресыщение, недовольство, огорчение, а не обман.

2. У переводчика «ради любви» переведено на основании слова κἀτέρωτα; очевидно, в старых изданиях было κατ'ἔρωτα — «по любви», в новейших — κἀτέρωτα— сложное слово из καὶ и ἐτέρωτα, что значит: «и в другое время», «и прежде». У переводчика «золотой» отнесено к «дому отца», по более новым переводам это, согласно с изображениями Афродиты, относится к колеснице (форма падежа χρύσιον одинакова в обоих случаях).

3. «Черный» относится к земле, а не к крыльям; περὶ γᾶς μελαίνας — частный эпитет. Напротив, эпитет к крыльям: πύκνα — «плотные, густые» — у него опущен.

5. «что ты хочешь из *себя* сделать» — очень приблизительно; «из себя» — неправильно вообще, скорее: «чего я хочу, чтобы произошло для моей безумной души» или «моей безумной душой», «Кого я должна слушать» — имеется двоякое толкование: а) если πειθώ — существительное, то «кого Пейто» (богиня убеждения и внушения) должна привести...»; б) если πείθω — глагол, то «кого я должна привести...».

6. «когда прикажешь» — неверно понято; слова «когда» нет вовсе; κωὐκ ἐθέλοισα — есть два разночтения: а) полюбит против воли (своей), б) даже против твоего желания; это основано на чтении ἐθὲλοισαν (то есть, «не желающую») — винительный падеж единственного числа женского рода.

<1> Тот муж мне представляется равным богам, что сидит против тебя и из близи внимает тебе, сладко говорящей

<2> и прелестно смеющейся; мне же это потрясает сердце в груди; как только взгляну на тебя кратко (на миг), уже ни один звук не идет (из горла).

<3> но у меня язык ломается, тотчас же пробегает легкий огонь под кожу, глазами я ничего не вижу, и гудит в ушах,

<4> пот меня обливает, дрожь охватывает всю, я зеленей травы, я кажусь почти умершей, безумная.

1. «и улыбаясь приятно» — по-видимому «улыбающейся приятно», «сладко говорит и прелестно смеется» (повторный параллельный эпитет); *γελῶ* — смеюсь; «улыбаюсь» — есть особый глагол — *μειδιῶ*.

3. «глаза покрываются ночью» — вольный перевод; в тексте: «глазами ничего не вижу».

4. «*боюсь* скоро умереть»; этой мысли нет: «я кажусь почти что умершей»; лучше и точнее можно передать по-немецки: «Es scheint mir wenig zum Sterben zu fehlen».

Опущено последнее слово *ἄλλα* — эолическая форма от *ἠλεά* — безумная, одержимая; возможно, что переводчик его не знал или принял за союз *ἀλλά* — но.

Вторая ода у Пушкина озаглавлена: «Дionизiи». Четвертая буква этого слова написана так, что ее можно прочесть как латинское «n», но шестая — несомненно русское «з». Этому заглавию посвящена специальная заметка Г.Г.Гельда в *ПС* XXXVIII—XXXIX, 202, в которой автор, основываясь на чтении Н.В.Измайлова, утверждает, что Пушкин написал по-латыни: «Dionusiu», неправильно транскрибируя греческое: «*Διονυσίου*». Последнее предположение весьма вероятно, но транскрипцию эту Пушкин сделал не по-латыни, а по-русски.

46 — 49.

Неизданные стихи Ломоносова и Димитрія Сѣченова.

Гимнъ[1] бородѣ

Ломоносова

Не роскошной я Венерѣ
Не уродливой Химерѣ
Въ гимнахъ жертву воздаю;
Я похвальну пѣснь пою
Волосамъ отъ всѣхъ почтеннымъ
По грудямъ распространеннымъ
Что подъ старость нашихъ лѣтъ
Уважаютъ нашъ совѣтъ.
Борода предорогая!
Жаль что ты некрещена
И что тѣла часть срамная
Въ томъ тебѣ предпочтена.
Попечительна природа
О блаженствѣ смертныхъ рода
Несравненной красотой
Окружаетъ бородой
Путь которымъ въ міръ проходимъ,
И свой первый взоръ возводимъ.
Неотверста борода
Неотверсты ворота.
Борода предорогая etc.
О сколь въ свѣтѣ ты блаженна!
Борода глазамъ замѣна,
Люди обще говорятъ;
И по правдѣ-то твердятъ.
Дураки, врали, пролазы!
Были-бы безъ ней безглазы.
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;

[1] *Первоначально было:* Гимны.

Ею здравъ и цѣлъ ихъ зракъ.

Борода etc.

Если правда что планеты
Нашему подобны свѣты
Нонче въ оныхъ мудрецы
И всѣхъ пуще тамъ жрецы
Увѣряютъ бородою
Что насъ нѣтъ сдѣсь головою.
Если-жъ скажутъ что мы тутъ
Въ струбѣ тамъ того сожгутъ.

Борода etc.

Борода въ казну доходы
Умножаетъ по вся годы
Керженцамъ[1] (?) любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Зборъ за оную приноситъ;
И съ поклономъ низкимъ проситъ
Въ вѣчной пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой.

Борода etc.

Ненапрасно онъ дерзаетъ
Вѣрно свой прибытокъ знаетъ.
Лишь разгладитъ онъ усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачутъ въ пламень суевѣры.
Сколько... изъ пещеры
Послѣ ихъ похабствѣ долгой
Достаетъ онъ бородой.

Борода etc.

Есть ли кто невзраченъ тѣломъ,
Или въ разумѣ незрѣломъ,
Если въ скудости рожденъ,
Или чиномъ не почтенъ
Будетъ взраченъ и разсуденъ

[1] Первенцамъ? *Прим. Пушкина.*

Знатенъ чиномъ и нескуденъ
Для великой бороды.
Таковы ея плоды!

Борода etc.

О прикраса дорогая,
О прикраса золотая
Мать достатковъ и чиновъ | 2
Мать дородства и умовъ, | 1
Корень дѣйствій невозможныхъ,
И завѣса мнѣній ложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслугу заплатить?

Борода etc.

Черезъ многія разчесы,
Заплету тебя я въ косы,
И всю хитрость покажу
По всѣмъ модамъ наряжу;
Черезъ разныя затѣи
Я завить хочу въ тупеи.
Дайте ленты, кошельки
И крупичетой муки!

Борода etc.

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться!
Всѣ уборы не вмѣстятся.
Для ихъ многаго числа
Борода недоросла.
Я крестьянамъ подражаю,
И какъ пашню удобряю,
Борода, теперь прости,
Въ жирной влажности рости.

Борода etc.

Переодѣтая борода или гимнъ пьяной головѣ.

Пасквиль
Митрополита Димитрія
Сѣченова, на Ломоносова по поводу предыдущихъ
стиховъ.

Бороды я неругаю,
Почитая праотцевъ.
И ей гимновъ не слогаю.
Я пою изъ тѣхъ творцевъ
Однаго главу избранну
Славой Гудеровъ (?) вѣнчанну
Съ молодыхъ который лѣтъ
Сыномъ Бахуса слыветъ.

Голова предорогая,
Жаль что ты окрещена
И что тѣла часть срамная
Предъ тобой не почтена.

Попечительна природа,
О блаженствѣ смертныхъ рода
Въ свѣтъ тебя произвела;
Вѣдь не тѣмъ путемъ вела
Что украшенъ бородою.
Бочки ты тоя дырою
Въ человѣческій лезъ родъ
Гдѣ сидитъ оный Уродъ.

Голова etc.

О коль въ свѣтѣ ты блаженна!
Борода глазамъ замѣна.
Люди въ правду хоть велятъ
Въ бороду глупцамъ плевать,
Но твоя хмѣльная рожа
Болѣе къ тому есть гожа
И на твой разумный зракъ
Правый харкать можетъ всякъ.

Голова etc.

Если правда что планеты
Нашему подобны свѣты,
Нонче пьяницъ тамъ такихъ,
Нѣтъ, ни сумазбродовъ злыхъ,
Вѣру чтобъ свою ругали,
Тайны оной осмѣяли;
Есть ли проявятся тутъ
Дѣльно въ срубѣ коль сожгутъ.

Голова etc.

Голова въ казнѣ доходы
Уменьшаетъ по вси годы.
Пьяницамъ любезный братъ,
Взявши годовой окладъ,
Безполезно пропиваетъ,
И безпутства всѣ вчиняетъ
Не дадутъ когда вина
Сходитъ онъ тогда съ ума.

Голова etc.

Ненапрасно онъ дерзаетъ
Пользу въ томъ свою щитаетъ,
Чтитъ обманомъ вѣкъ прожить,
Общество чтобъ обольстить
Либо мазаніемъ ложнымъ,
Либо бисеромъ подложнымъ
Иль сребро сыскать в дерьмѣ
Хоть къ ущербу все казнѣ.

Голова etc.

Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ,
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты преподло бывъ рожденъ,
Хоть чинами и почтенъ,
Но безмѣрное буянство,
Бѣшенство, обманъ и пьянство
Всѣхъ когда лишитъ чиновъ
Будешь пьяный рыболовъ.

Голова etc.

Голова о прехмѣльная,
Голова ты препустая,
Дурости, безумства мать,
Нечестивыхъ мыслей кладь
Корень изысканій ложныхъ,
О забрало дѣлъ неложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслугу заплатить?

Голова etc.

Я тебѣ тріумфы новы,
Чести я тебѣ отцевы[1]
Сколько можно покажу
Въ тѣжъ уборы наряжу
Украшу тебя рогами;
И Индійскими слонами
Прямо весть велю въ кабакъ
Съ хоромъ пьяницъ и бурлакъ.

Голова etc.

Ужъ и чарки...........
Склянки, кружки и стаканы
Тамъ готовы для тебя,
Ужъ и стойка тамъ чиста
Холмогорскія ярыги
Собрались встрѣчать тя съ лики
Дайте дудку и сопѣль
И волынку и свирѣль.

Голова etc.

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?
Всѣ тріумфы негодятся
Для Бакусова сынка.
Онъ бѣжалъ до кабака
На пути въ калъ повалился,
И такъ торжества лишился.
Голова, теперь прощай;
Со свиньями почивай.

etc.

---

[1] Бахусовы *Прим. Пушкина.*

Возраженіе Ломоносова.

Гимнъ II.

Не Парисовъ судъ съ богами,
Не Гигантовъ брань пою,
Бородѣ надъ бородами
Честь за судъ я воздаю;
Бородѣ, что тѣхъ судила
Коихъ ненависть вредила
Посмѣяніемъ своимъ
И ругалась явно имъ.

О Брада, что для покою
Тамъ сидишь гдѣ всѣ стоятъ,
Чешешься чужой рукою
Вкругъ тебя вездѣ кадятъ.

Бородѣ всѣ поклонились;
Бороду за старость чли;
Тутъ предъ нею появились
Разныхъ тьмы бородъ вдали.
Первая къ ней приступила
И разширясь говорила:
О защита Бородамъ!
Дай советъ и судъ ты намъ.

О брада etc.

Тутъ Брада возопіяла,
Разтрепавшись предъ судьей:
Ненависть на насъ возстала
Въ дерзкой наглости своей.
Брадоборецъ неотложно
Говоритъ что есть безбожно
Почитать наши чины,
Тѣмъ что мы некрещены.

О брада etc.

Только рѣчи окончала
Борода предъ бородой,
Издалека приступала
Къ ней другая чередой.

Съ сердца вся почти дрожала.
Издалека закричала
Сквозь широкія усы.
Что ей придало красы.

О брада etc.

Я похвастаться дерзаю,
О Судья, передъ тобой:
Тридцать лѣтъ ужъ покрываю
Брюхо толстое собой.
Много я слыхала злова;
Но ругательства такова
Не слыхала я нигдѣ
Что нѣтъ нужды въ бородѣ.

О брада etc.

Послѣ той кричитъ сквозь следы
Борода вся въ сединахъ,
Что на силу изъ трапезы
Поднялась на костыляхъ:
Сколько лѣтъ меня всѣ чтили!
Всѣ меня всегда хвалили;
Я теперь живу въ стыдѣ.
Сносно-ль старой бородѣ?

О брада etc.

Множество бородъ ходили
Другъ за другомъ предъ судью.
Всѣ отмщенія просили
За обиду имъ свою.
Та служила многи годы,
Та запомнитъ всѣ походы,
Та умѣетъ всѣхъ учить.
Какъ за нихъ не отомстить!

О брада etc.

Наконецъ чуть слышны рѣчи
Бороды еще одной,
Что судьѣ взвалясь на плечи
Шепчетъ въ ухо съ бородой.

Что двѣ бороды шептали,
Говорятъ что отгадали
А жестокой суевѣръ
Что и ставилъ намъ въ примеръ.

О брада etc.

Тутъ не стало уже мочи
Бородѣ хулу сносить;
Возводя на небо очи
Стала во слезахъ просить,
Чтобъ ей помощи послало
Притупить клеветъ всѣхъ жало.
Но какую хоть сыскать,
Брадоборца наказать?

О брада etc.

Борода надъ бородами
Съ плачемъ къ стаду обратясь
Осѣнила всѣхъ руками
И кричала разсердясь.
Становитесь всѣ рядами
Вейте бороды кнутами
Бейте ими сатану!
Самъ его я прокляну.

О брада etc.

О какой-же крикъ раздался
Отъ бородъ сердитыхъ тутъ!
Усъ со усомъ въ плеть свивался
Борода съ брадою въ кнутъ.
Тамо сѣть изъ нихъ готовятъ;
Брадоборца тѣмъ изловятъ,
Злобно потащатъ на судъ
И усами засекутъ.

О брада etc.

Ода

Трисотину

(Ломоносова.)

Что за дымъ
По глухимъ
Деревнямъ курится?
Тамъ Разколъ
Дно крамолъ
Въ грубости крѣпится.
Середи того гнѣзда
Поднятая борода
Глупыхъ капитановъ флагъ
Далъ къ соборищамъ ихъ знакъ.
Всѣ спѣшать
Всѣ кричать:
Борода святая!
Мы съ тобой
Съ дорогой
Въ рай идемъ пылая.
Ты намъ вѣра и законъ,
Ты обѣдня и трезвонъ
О Апостольская сѣть!
Рады мы съ тобой сгорѣть.
Кто зажегъ?
Лже-пророкъ
Изъ какого лѣсу?
Онъ одинъ
Трисотинъ
Сердцемъ сроденъ бѣсу.
Онъ безбожный лицемѣръ
Пободряга Побродяга, изувѣръ,
Онъ продерзостью своей
Ободрилъ бородочей.
Онымъ въ лесть
Добрыхъ честь
Понося терзаетъ

И святошъ
Глупу ложь
Правдой объявляетъ.
Только-жъ угождая имъ
Мерзокъ бредомъ сталъ своимъ;
И хотя чтитъ праотцевъ
Онъ почтилъ отца бесовъ.
Оглянись,
Веселись,
Адская утроба!
О Уродъ,
Твой комплотъ
Возстаетъ изъ гроба.
Образецъ твой Геростратъ
Храмъ зажечь Парнасскій радъ;
Адъ готовъ тебѣ помочь
День наукъ затмить как ночь.
Братецъ твой
Пал лецкой
Адскимъ углемъ пишетъ,
Какъ песъ золъ
За разколъ
На святыню дышетъ.
На Россійскаго Христа
Отперъ срамныя уста
Къ защищенію бородъ
Злой къ тебѣ валится сбродъ.
Ахъ, какъ радъ
Пустосвятъ
Для того разпопа
Что в тебѣ
Какъ въ себѣ
Видитъ злость холопа!
Аввакумъ протопопъ
Поднялъ лысину и лобъ
Улыбаясь, на тебя
Смотритъ, злость твою любя.

Что за гамъ?
Валаамъ,
Іюда и Каіафа
Чу! кричать
Эй, нашъ брать,
Ты не бойся штрафа.
И отъ тартарскаго дна
Самъ поднялся Сатана,
Онъ поджегъ тебя на зло,
За свое мстить помело.
Нужъ, хватай,
Поскоряй!
Не теряй минуты!
Тѣшься такъ,
Какъ Исаакъ,
Въ пляску, въ валку, жгуты!
Какъ Петриль тебя каталъ,
И Балакеревъ гонялъ.
Всѣ ревуть тебѣ: куражъ!
Трисотинъ угодникъ нашъ.
Лжесвятой
Керженской!
Какъ тебя прославить?
Какъ почтить?
Чѣмъ кадить?
Что тебѣ поставить?
Вмѣсто ладону и свѣчь,
Въ бородахъ тебя сожечь;
Чтобы ихъ поганый смрадъ
Былъ горчае какъ самъ адъ.

Рукопись в 13 листов (26 страниц) голубой тонкой бумаги «конторского» формата с золотым обрезом (без водяного знака). Такую бумагу Пушкин употреблял в 1835—1836 гг.

На 1 стр. написано рукой Пушкина: «Неизданные стихи Ломоносова и Димитрія Сѣченова». Под этими словами — рукой кн. П.А.Вяземского: «Переписанные А.Пушкинымъ». С. 2 — чистая. На с. 3—26 находится текст четырех стихотворений, сплошь написанный Пушкиным. До публикации в *РП*, с. 575 этот автограф не только не был опубликован, но

даже о существовании его никто никогда не упоминал в печати. Листы с текстом стихотворений вошли в том рукописей разных лиц, составленный кн. П.П.Вяземским и названный им «Автографы». Том этот хранится в составе Остафьевского архива (*РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. № 5083).

С какого текста, при каких обстоятельствах и когда Пушкин сделал описанную копию, неизвестно. Во всяком случае ко времени написания главы «Ломоносов» в статье «Мысли на дороге», датируемой 1833—1835 гг., «Гимн бороде» и относящиеся к нему стихотворения были Пушкиным списаны, так как о них он упоминает в этой главе. Но еще в марте 1830 г. Пушкин из Москвы посылал Вяземскому в Петербург «донос» Сумарокова на Ломоносова, прося «состряпать из этого статью». Вероятно, и с интересующими нас стихотворениями Пушкин поступил так же — отдал Вяземскому, чем и объясняется факт нахождения автографа в архиве Вяземского.

Направленный преимущественно против старообрядцев, но, весьма вероятно, метивший и в духовенство, «Гимн бороде» был написан Ломоносовым в начале 1757 г. Автограф стихотворения Ломоносова не сохранился, и текст стихотворения известен в девяти копиях XVIII— начала XIX века.

Впервые «Гимн» был напечатан по рукописному сборнику библиотеки Казанского университета А.Н.Афанасьевым в «Библиографических записках», 1859, № 15, в статье «Образцы литературной полемики прошлого столетия». Насколько можно судить по неполно и с ошибками приведенным М.И.Сухомлиновым в академическом издании сочинений Ломоносова (т. II, 1893 г., с. 161—162) разночтениям списков стихотворения с основным текстом (неизвестно, по какому источнику напечатанным), текст оригинала, с которого списывал Пушкин, был, пожалуй, ближе всего к тексту, опубликованному Афанасьевым. Полное намеков на современные «злобы дня», стихотворение Ломоносова в частностях было непонятно читателям уже второй половины XVIII века. Не понимал некоторые места и Пушкин. В 4 строфе 3 стих у Пушкина читается: «Нонче въ оныхъ мудрецы», тогда как в казанском сборнике: «Конче всѣ ихъ мудрецы», а во всех остальных известных списках: «Конче въ оныхъ мудрецы». Как объяснил Афанасьев, «конче» — значит «конечно», и Пушкин, очевидно, не зная этой формы, написал вместо нее «нонче». В 3 стихе 5 строфы Пушкин не понял слова: «Керженцамъ». Поставив у этого слова знак вопроса, он внизу написал: «Первенцамъ?», предлагая, таким образом, «первенцами» заменить непонятных ему «керженцев». Но «керженцы» (они имеются во всех списках) — это раскольники, жившие в лесах по р. Керженцу, впадающему в Волгу и протекающему по Костромской и Нижегородской губерниям. По указу Петра I раскольники были обложены двойным окладом. 5 стих 6 строфы: «Скачутъ въ пламень суевѣры», говорит о массовых самосожжениях раскольников, не желавших подчиняться распоряжениям власти, в которой они видели слугу антихриста. Стихи 6 и 7 строфы 6-й во всех списках, кроме казанского, читаются: «Сколько съ Оби и Печеры Послѣ нихъ богатствъ домой», а в казанском: «Сколько послѣ изъ печеры Послѣ тѣхъ богатствъ домой». Пушкин или не смог прочесть: «съ Оби», и поставил, вместо этих слов, пять точек, или, что менее вероятно, в оригинале, с которого он списывал, уже стояли эти точки[1].

[1] Других разночтений текста пушкинской копии «Гимна бороде» с опубликованными текстами других копий не приводим.

Но, с другой стороны, один стих, искаженный во всех списках, пушкинская копия дает в правильном виде. В 3 строфе 5 стих в казанском сборнике читается: «Дураки зрѣли проказы», а в других списках: «Дураки, врали, проказы». Афанасьев в своей публикации текста казанского сборника предложил конъектуру: «Дураки, врали, пролазы», то есть как раз тот текст, какой дает копия Пушкина.

Чтобы понять смысл сатиры Ломоносова, нужно вспомнить то значение, какое придавали бороде противники реформ Петра. Сухомлинов в примечании к стихотворению Ломоносова приводит отзыв о раскольниках Дмитрия Ростовского, предлагавшего называть их за такую приверженность к бороде не «христианами», а «бородианами». М.Чулков в «Абевеге русских суеверий» 1786 г. писал: «Раскольники, именующие себя староверами, сию кучу волосов почитают выше всех своих членов и дороже самой их головы, мня, что они с бородою составляют образ и подобие божие... А для сей неправосоставленной ими системы лучше хотят быть лишены головы, нежели бороды». (Сочинения М.В.Ломоносова, изд. Имп. Академии наук, т. II, СПб., 1893, с. 164, прим.).

Распространявшийся в рукописных списках «Гимн бороде» вызвал сильнейшее негодование в членах святейшего синода, усмотревших в стихах Ломоносова «бесстрашное кощунство святых тайн». Императрице Елизавете Петровне «князьями церкви» был представлен специальный доклад о стихотворении Ломоносова. Этот любопытнейший доклад был подписан архиепископом санкт-петербургским Сильвестром, епископом рязанским Димитрием, епископом переяславльским Амвросием и архимандритом донским Варлаамом. Доклад не имел никаких последствий для Ломоносова, но слухи об этом произведении членов синода распространились в соответствующих кругах, и имена двух наиболее видных архиереев, авторов доклада, с течением времени связались с той стихотворной полемикой, которая возникла вокруг «Гимна». В одном из списков он назван: «Стихи на архиепископа Кулябку, соч. г. Ломоносова». Архиепископ Кулябко — это архиепископ санкт-петербургский Сильвестр, первый подписавший доклад. «Гимн бороде» считал «пасквилем Ломоносова на Сильвестра, архиепископа петербургского» и историк митрополит Евгений (см.: Перетц В.Н. К биографии Ломоносова. Ломоносовский сборник, СПб., 1911, с. 89). Второе из списанных Пушкиным стихотворений названо в его копии: «Переодѣтая борода или гимнъ пьяной головѣ. Пасквиль Митрополита Димитрія Сѣченова на Ломоносова по поводу предыдущихъ стиховъ». Атрибуция эта — новость. Ни в одном из известных до сих пор списков «Переодетой бороды» это стихотворение не приписывалось митрополиту Димитрию Сеченову. По связи «Переодетой бороды» с прозаическими письмами «Христофора Зубницкого», в котором видели Тредьяковского, и стихотворение, пародирующее «Гимн бороде», приписывали ему же. В указанной статье В.Н.Перетц, на основании опубликованной им записи митрополита Евгения, довольно убедительно доказывает, что под «Христофором Зубницким» скрывался архиепископ Кулябко. Что же касается «Переодетой бороды или гимна пьяной голове», то, по мнению Перетца, «слог этого стихотворения, легкий и живой, даже слишком развязный для Тредьяковского, особенно в последних строфах (8—11), так же мало похож на Тредьяковского, как и стиль «Гимна бороде» (указ. соч., с. 103). «Не составлен ли, — заключает свои соображения Перетц, — "Имн голове" каким-нибудь бойким секретарем Сильвестра?» (там же). Вместо этого гипотетического «бойкого секретаря», копия Пушкина называет митрополита Дмитрия Сеченова. Соответствует ли это действительности, мы, за неимением данных, сказать не можем, но вполне понятно, почему автором стихотворе-

ния, порочащего Ломоносова, назван этот иерарх. Он ведь тот «епископ рязанский Димитрий», который вторым подписал доклад синода против Ломоносова.

Таким образом выходит, что архиереи, потерпев неудачу у Елизаветы, обратились к средствам литературной борьбы и пустились в сочинительство памфлетов. В публику «было пущено» три письма «Христофора Зубницкого» из «Колмогор», то есть Холмогор, родины Ломоносова, — к нему, Миллеру и Поповскому и к Тредьяковскому, — сочиненных Кулябкой; к письмам же прилагалось стихотворение Сеченова, пародирующее «Гимн» Ломоносова. «Впрочем нельзя лутче, — пишет Кулябко, — заплатить сему предерзкому безбожнику, как сей же самый Гимн переворотить и, вместо б о р о д ы, описать п ь я н у ю его г о л о в у со всеми ее природными свойствами, кои бы нам его живо представляли». В своем стихотворении автор и «переворачивает» строфу за строфой «Гимн» Ломоносова, цинично изображая его пьяным сумасбродом.

Имея в виду «Гимн бороде» и относящиеся к нему стихотворения, Пушкин в статье своей «Мысли на дороге» писал: «Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве, Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепался его с Дмитрием Сеченовым по случаю *Гимна Бороде*, не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника».

В 1 строфе 6 стих был, очевидно, искажен в оригинале, с которого списывал Пушкин. В тексте казанского сборника стих читается: «Славно гедерой вѣнчанну». Афанасьев, опубликовавший в указанной статье текст стихотворения, вместо «гедерой» предложил чтение «чередой», пояснив, со ссылкой на академический словарь, что «череда» — особая порода травы. Конъектура Афанасьева неправильна. Гедера значит по латыни — плющ (hedera), растение, посвященное Бахусу.

В 4 строфе 3 стих в казанском сборнике: «Конче пьяницъ тамъ такихъ», как, вероятно, было и в оригинале, с которого списывал Пушкин. В 6 строфе 5 стих в казанском сборнике, вероятно, правильнее читается: «Либо мозаикомъ ложнымъ» — намек на устроенную Ломоносовым мозаичную фабрику. В 10 строфе 1 стих в казанском сборнике: «Ужъ и чарки, ужъ и канны». Вероятно, так же было и в оригинале, с которого списывал Пушкин, почему он и поставил недоуменные точки. Афанасьев предлагает чтение: «Ужъ и чарки изысканны».

Третье стихотворение, названное у Пушкина: «Возраженіе Ломоносова. Гимнъ II», на самом деле, вероятнее, принадлежит А.П.Сумарокову. Ему, по крайней мере, оно приписано в казанском сборнике. Так же, как и Тредьяковский, противник Ломоносова, Сумароков, на этот раз стал на его сторону.

В 8 строфе 7 и 8 стихи в казанском сборнике, кажется, лучше: «О жестокой суевѣръ! Что поставиль имъ въ примѣръ». В 9 строфе 7 стих в казанском сборнике тоже лучше: «Но какую бъ казнь сыскать». То же самое и 3 стих 10 строфы: «Осѣняла всѣхъ крестами».

Последнее из списанных Пушкиным стихотворений — «Ода Трисотину» — обозначено как произведение Ломоносова. Ломоносову же приписано оно и в казанском сборни-

ке, где называется: «Сатира на Тредьяковского». Под заглавием «Ода Тресотину» имеется это стихотворение и в сборнике, принадлежавшем А.Ф.Бычкову, где автор не указан. (Сочинения М.В.Ломоносова, изд. Имп. Академии наук., т. II, СПб., 1893, с. 179—182, прим.)

Тресотиниусом или *Тресотином* — принято было называть Тредьяковского после того, как под этим именем он был выведен Сумароковым в его комедии «Тресотиниус» 1750 г.

В стихе 52 у Пушкина находится не имеющее смысла слово. В обоих указанных сборниках это слово читается: «Керженской». Стих 53 в обоих сборниках: «Адскимъ углемъ пышетъ».

Помета у стиха 28: «Пободряга» означает, по-видимому, что так было написано в оригинале, с которого списывал Пушкин.

В стихах 87 и 88 *Петраль* и *Балакерев* — Педрило и Балакирев, придворные шуты. Ломоносов этим намекает на шутовскую роль, которую играл при дворе Анны Иоанновны Тредьяковский.

50.

Quod non fecere Barbari, fecere Barberini +)
de Brosse tom II—314

+ Urbain VIII

Перевод:

Что не сделали варвары, сделали Барберини +)
де Бросс том II—314

+ Урбан VIII

Автограф находится в Шляпкинском собрании (*ПД* № 334). Написано карандашом на л. 2об. четвертке бумаги с водяным знаком: «1834». На первом листе выписка из письма Вольтера.

Впервые напечатано Шляпкиным (*Ш*, 120) без каких-либо объяснений, потом в кн.: *РП*, с. 579.

Слова эти представляют выписку из книги: Charles de Brosses «Lettres historiques et critiques sur l'Italie», Paris, an VII, t. II, p. 315. (Шарль де Бросс «Исторические и критические письма об Италии»). Книга эта находилась в библиотеке Пушкина (*ПС* IX—X, № 675), и второе ее издание вызвало восторженные слова его в статье 1836 г. «Вольтер»: «Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями, но лучшим из его сочинений мы почитаем письма, им написанные из Италии в 1730—1740, и недавно вновь изданные под заглавием "L'Italie il y a cent ans". В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость, истинная, но никогда не отягощенная

педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде» (*Ак* IX, 314).

Выписанные Пушкиным слова находятся в XVII письме де Бросса, обращенном к M. De Quintin (Кентену) и названном «Mémoires sur Rome» («Воспоминания о Риме»), с. 289—335. Все письмо посвящено подробному описанию архитектуры и скульптуры Рима. По поводу старинных бронзовых дверей на колодце на площади Пантеона де Бросс говорит: «On a beaucoup crié contre le pape Urbain VIII, de ce qu'il fit enlever les poutres de bronze du portique et les autres revetissements du même métal: *Quod non fecêre Barbari, fecêri Barberini*» («Очень возмущались папой Урбаном VIII по поводу того, что он приказал снять бронзовые перекладины с портика и другие части из бронзы: что не сделали варвары, сделали Барберини»). Дальше де Бросс защищает папу Урбана VIII.

Слова, выписанные Пушкиным, относятся к папе Урбану VIII[1], который был из семейства Барберини. Надо думать, что Пушкину понравилась игра слов, звучащая по-французски острее, чем по-русски.

Неравнодушие Пушкина к каламбуру известно. Достаточно вспомнить слова его в письме к Вяземскому (от середины апреля 1825 г.): «Переписываю для тебя Онегина — желаю чтобы он помог тебе улыбнуться. В первый раз улыбка читателя me sourit[2]. (Извини эту плоскость: в крови!..)». Или еще слова в письме к Кюхельбекеру (от начала декабря 1825 г.): «со злости духом прочел "Духов"», и сноску к этому слову: «Calembourg! Reconnais tu le sang?» («Каламбур! Узнаешь ли ты кровь?»). Отец Пушкина и дядя Василий Львович славились своими каламбурами. Пушкин с детства мог заразиться этой страстью к острословию. Выписка Пушкина датируется 1836 г., так как, во-первых, в это время он рецензировал второе издание книги, откуда взял цитату, и, во-вторых, бумага с водяным знаком «1834» употреблялась Пушкиным в 1836 г.

51.

<1.>

Трапѐза
толкъ, толмачь
разрѣвать (кого)
Римъ ветхій
Великородный
тверда аки наковальня
мужъ коннскаго чина (всадникъ)

---

[1] Шляпкин ошибочно счел это за слова самого Урбана VIII (*Ш*, 127).

[2] Мне улыбается.

Вложи (діаволъ) убо ему мысль о родителехъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающе велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. Из глаголиша ему помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь, и *тугу̀* и плачь о тебѣ, яко не вѣдущимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближнія жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали есть тебе ради. Еще же воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братій его и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнемощѝ ему тѣломъ, и еле живу быти ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ, изсше яко ско̀удель крѣпость его, и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема.

Житїа прп̃дбн. оц̃ н̃ш Іѡанна Кꙋщника Іаннуар єі.

ру́бо — рубище
дѐльва — (бочка или ящикъ?) [1]
и дубраву всякаго древа своего
рукою насади (Ч.<етьи> М.<инеи> Житіе Св. Ора черноризца)
Куколь (capuchon) cuculum
убрусъ
съ путемъ (съ жалованіемъ)[2]

Пріидоша къ прельщенному преподобныя отцы Никонъ игуменъ и Іоаннъ иже по немъ бысть игуменъ, Пименъ постникъ, Исаія, иже бысть Еп.<ископ> Ростовскій, Матѳей прозорливый, Исаія затворникъ печерскій, Агапітъ врачь, Григ.<орий> Чуд.<отворец>, Никола иже бысть Еп.<ископ> Тмут.<араканский>; Несторъ лѣтописецъ, Григорій творецъ каноновъ, Ѳеоктистъ иже бысть Еп.<ископ> Черниг.<овский>, Онисифоръ прозорливый: сіи вси въ добродѣтеляхъ сіяющіи пришедше молитву творяху къ Богу о Никитѣ

(Житіе П̃р. Никиты затворника П̃еч.).

---

[1] Делва (ц. слав.) — бочка.
[2] Карандашом ниже снова записано: «с путем (с жалованием)».

<2.>

Житія и похвалы Святыхъ подобаятся свѣтлостію звѣздамъ: яко же бо звѣзды положеніемъ на небеси утвержденны суть, всю-же поднебесную просвѣщаютъ, тыя же и отъ Індіанъ зрятся, несокрываются отъ Скиѳовъ, землю озаряютъ и морю свѣтятъ и плавающихъ корабли управляютъ: ихъ-же именъ аще и невѣмы множества ради, обаче свѣтлой добротѣ ихъ чудимся. Сице и свѣтлость Святыхъ, аще и затворены суть мощы ихъ во гробѣхъ, но силы ихъ въ поднебесней земными предѣлы не суть опредѣленны. Чудимся тѣхъ житію и удивляемся Славѣ, Ею-же Богъ угодившія ему прославляетъ.

Св. Иг.<умен> Метаѳрастъ, в жит.<ии>
Св. Ксеніи Іянуарія 24.

Выписки из «Житий святых» Димитрия Ростовского (*ПД* № 709 и № 1605), 1830-е гг. В выписке из Жития Никиты — описка Пушкина; в подлиннике: «Исаакий затворник печерский» (указано Н.И.Николаевым).

Впервые напечатано — № 1 — *М*[2], т. 6, с. 437, № 2 — *РА*, 1987, 1, с. 30).

52.

Реестръ что украдено у надворного совѣтника Буткевича при хуторѣ въ пригородѣ Заинскѣ

Кобылъ большихъ 65 цѣною на 780 рублей.

Трехъ и дву<х> лѣтъ 21 цѣною на 5 р.

Коровъ большихъ нетѣльныхъ 58 — на 230 ру<блей>

Три сѣдла черкасскихъ съ кожаными подушками, съ хометами, войлоками и подметками, и 3 узды ямских и сыромятныхъ ремней съ мѣдными пряжками — на 8 рублей.

Котловъ мѣдныхъ 3, въ 43 а I ведро вѣсомъ I п. на 10 р. 70 к.

Гусей 20, 4 утокъ, 45 куръ русскихъ на 8 р. на 80 к.

Людской одежды пять шубъ бараньихъ на 7 р. на 50.

Епанечь валеныхъ на 3 р.

3 пары суконныхъ онучь на I р.

5 п. шѣрстяныхъ чулокъ на 60 коп.

Три шапки въ 60 коп.

Холстовъ на 3 р. посконныхъ

Сѣна поставленного 38 стоговъ на 76 рубл

Овса 30 четв. на 25 р.

Два человѣка дворовыхъ

Спасителевъ образъ въ ризѣ и серебряном окладѣ

Казанская богоматерь въ окладѣ съ жемчугомъ на 330 рублей

Экипажу: сундукъ окованный железомъ съ внутреннимъ замкомъ на 5 рублей; въ немъ: три [п.] кафтановъ нѣмецкихъ 1) люстриновая, вторая кофейная — на 25 р.

Епанча суконная, алая, обложенная золотымъ прорезнымъ позументомъ 65 р.

Два тулупа одинъ мерлущетой второ<й> изъ бѣличьего мѣху 60 руб

Два халата одинъ хивинский, другой полосатый на 20 рубл.

Жѣнского платья Два лаброна одинъ люстрирован<ный>, другой грезетовый на 100 р

Три кофты съ юбками тафтяныхъ на 90 р.

Салопъ штофный на лисьемъ мѣху въ 50 р.

Мантилья черная на сибирскихъ бѣлк<ах> 26 р

Платковъ штофныхъ три, тальянскихъ пять на etc ситцовыхъ на 46 р.

Косынокъ шелковыхъ на 10 р

Черевиковъ шитыхъ золотомъ 9 руб.

Башмаковъ шит.<ых> зол.<отом> 2 п. на 4 руб

12 рубахъ мужскихъ полотняныхъ съ манжетами на 60 р

Скатерти и салфетки на 45 р

Одѣяло изъ лисьихъ хвостовъ, другое изъ барсучьихъ 26 руб

Одѣяло ситцевое, другое на хлопчатой бумагѣ [19 р.] etc.

Копия (с небольшими сокращениями) документа из Пугачевских дел. Местонахождение оригинала неизвестно. Возможно, он был приложен к рапорту А.И.Бибикова о взятии Заинска, копия которого имелась у Пушкина и использовалась им в «Истории Пугачева». «Реестр» Буткевича Пушкин частично воспроизвел в «Капитанской дочке» в виде «счета Савельича», предъявленного Пугачеву. Копия датируется 29 марта 1833 — 11 ноября 1835 г. На лицевой стороне листа жандармская нумерация (цифра «11»). Хранится в *ПД* № 1745.

Заинск — старинный укрепленный пункт, входивший в Закамскую линию пограничных постов Московского государства, был без боя взят Пугачевым в конце 1773 г. Полковник А.И.Бибиков отбил город у мятежников.

Впервые «Реестр» Буткевича опубликован в статье Ю.Г.Оксмана «Пушкин в работе над "Капитанской дочкой"». «Лит. наследство». М., 1952, т. 58, с. 235—239.

53.

[печатать][1]

[Отправить въ цензуру][2]

ое стихотвореніе[3]

Неизданн[ыя стихи] Державина[4]

(переписанное рукою Пушкина, который
хотѣлъ напечатать его въ «Современникѣ».)[5]

Этой статьи печатать нельзя

А.Крыловъ

Приказъ моему привратнику

<1> Единъ есть Богъ, единъ Державинъ
Я въ глупой гордости мечталъ.
Одна мнѣ рифма — древній Навинъ
Что Солнца бѣгъ остановлялъ.
Теперь другой Державинъ зрится
И рифма тажъ ему годится
Но тотъ Державинъ попъ — не я.
На мнѣ парикъ, на немъ скуфья.

<2> И такъ чтобъ вратъ моихъ приставу
Въ Державиныхъ различье знать,
Пакетовъ, чести по уставу,
Чужихъ мнѣ въ домъ не принимать,
Не брать отъ имрековъ пасквилей,
Цыдулъ, листковъ; не будь впредь филей,
Тебѣ даю на то приказъ
Не выпускай сего изъ глазъ.

---

[1] *Карандашом, рукою А.Краевского; зачеркнуто чернилами одной чертой.*

[2] *Чернилами, рукою Краевского; зачеркнуто карандашом.*

[3] *Поправка рукою Краевского, чернилами.*

[4] *Рукою Пушкина; зачеркнуто Краевским. Писано все чернилами.*

[5] *Карандашом, рукою Краевского.*

<3> На имя ктобъ мое пакеты,
Какія письма не принесъ,
Вопросы долженъ на отвѣты
Тотчасъ онъ дать: +) бумагъ тѣхъ вѣсъ,
Сказать отколь къ кому писанья
Свободнымъ безъ запинокъ ртомъ;
Отъ неизвѣстныхъ-же посланья,
Подложны сплетни жги огнемъ

———

<4> А чтобъ Державина со мною
Другова различалъ ты самъ,
Вотъ знакъ: тотъ младъ, но съ бородою;
Я старъ, юнъ духомъ по грѣхамъ.
Онъ въ рясѣ длинной и широкой,
Мой фракъ кургузъ и полубокой;
Онъ въ волосахъ, я голъ главой;
Я подлинникъ, онъ списокъ мой.

———

+) То есть отвѣты на вопросы. Промахъ совершенно Державинскій

<5> Онъ пѣлъ малебны, панихиды,
И ихъ понынѣ все поетъ;
Я Марса былъ слуга, Ѳемиды —
А нынѣ отставной поэтъ.
Онъ Пастырь, чадъ Отецъ духовный,
А я правитель былъ народный;
Онъ Оберъ-попъ, я ктиторъ музъ
И днесь пресвитеръ ихъ зовусь.

———

<6> Кропитъ водой, брянчитъ кадиломъ,
Онъ руку тянетъ ко рту дамъ;
За честь я чту тянуться рыломъ
И цаловать ихъ ручки самъ.
Онъ молитъ небеса о мирѣ,
Героевъ славлю я на лирѣ;
Онъ — тайны сердца изповѣсть,
Скрывать я тайны чту за честь.

———

<7> Различенъ платьемъ и дѣлами,
Онъ ѣсть кутью, а я сальму;
Гремитъ онъ многими псалмами,
Я въ день шепчу по одному.
Державинъ родъ съ потопа влекся,
Онъ въ семинаріи нарекся
[Но] Лишь сходствомъ рифмъ моихъ и стопъ;
Мой дѣдъ Мурза, его дѣдъ Попъ.

<8> И словомъ онъ со мной несходенъ
Ни видомъ, ростомъ, ни лицомъ;
Душой быть можетъ благороденъ
Но Гербомъ не Державинъ онъ.
Въ моемъ: Звѣзда рукой державима;
А имъ клюка иль трость носима.
Онъ можетъ четки внесть въ печать,
Я — лирою златой блистать.

<9> А потому, почталіоновъ
Его носящихъ письма мнѣ
Отправя съ множествомъ поклоновъ,
Ни средь обедовъ, ни во снѣ
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
Съ двора ихъ съ честью провожай.
Державу съ мтрой различай.

Впервые по автографу Пушкина, хранившемуся в *ПБЛ* (см.: *Рук.П* № 127, с. 44; совр. шифр — *ПД* № 1616), напечатано в *РП*, с. 583. Подлинник на четырех листах тонкой голубой почтовой бумаги большого формата, без водяного знака, с золотым обрезом.

Так как при жизни Пушкина стихотворение Державина, написанное в 1808 г., напечатано не было, то Пушкин, предполагая опубликовать его в 1836 г. в своем «Современнике», переписал его текст, написав заглавие: «Неизданные стихи Державина». А.А.Краевский, бывший в это время помощником Пушкина по изданию «Современника», изменил заглавие, исправив его на: «Неизданное стихотворение Державина», и отправил пушкинскую рукопись на рассмотрение цензуры. Вследствие запретительной надписи цензора А.Л.Крылова стихотворение не было напечатано, и рукопись Пушкина осталась в бумагах А.А.Краевского (см.: «Отчет Публичной библиотеки за 1889 г.». СПб., 1893, с. 39 в приложении (№ 7), и *Рук. П* № 127, с. 44).

Ходившее во множестве списков стихотворение впервые было напечатано в «Библиографических записках» 1859, т. II, № 11, с. 329. По копии, с поправками Державина, находящейся в одной из тетрадей поэта, стихотворение (датировано 16 января 1808 г.) было напечатано Я.К.Гротом в «Сочинениях Державина», т. III (СПб. 1866, с. 420—424). Текст Пушкина дает следующие разночтения с текстом, напечатанным Гротом.

2	строфа	5	стих	П Не брать от имреков пасквилей
»	»	»	»	Д Не брать из *имреков* пасквилей
»	»	6	»	П Цыдул, листков; не будь впредь филей
»	»	»	»	Д Цидул, листков, — не быть впредь филей
»	»	7	»	П Тебе даю на то приказ
»	»	»	»	Д Даю сей вратнику приказ
»	»	8	»	П Не выпускай сего из глаз
»	»	»	»	Д Не выпускать сего из глаз
3	»	1	»	П Какія письма не принесъ
»	»	»	»	Д Какіе, письма не принесъ
»	»	4	»	П Тотчас он дать: бумаг техъ вес
»	»	»	»	Д Тотчас он дать, — бумаг тех в вес, —
»	»	6	»	П Свободным без запинок ртом;
»	»	»	»	Д И те все произнесъ признанья
»	»	7	»	П От неизвестных же посланья
»	»	»	»	Д Свободным без запинок ртом; —
»	»	8	»	П Подложны сплетни жги огнем.
»	»	»	»	Д Подметны сплетни жги огнем.
5	»	3	»	П Я Марса был слуга, Фемиды:
»	»	»	»	Д Слуга был Марса я, Фемиды,
»	»	8	»	П И днесь пресвитер их зовусь.
»	»	»	»	Д Иль днесь пресвитер их зовусь.
6	»	1	»	П Кропит водой, брянчит кадилом,
»	»	»	»	Д Кропит водой, курит кадилом,
»	»	2	»	П Он руку тянет ко рту дам;
»	»	»	»	Д Он тянет руку дам к устам:
»	»	3	»	П За честь я чту тянуться рылом
»	»	»	»	Д За честь я чту тянуться с рылом
»	»	8	»	П Скрывать я тайны чту за честь
»	»	»	»	Д Скрывать я шашни чту за честь
7	»	1	»	П Различен платьем и делами,
»	»	»	»	Д Различен также и делами:
»	»	3	»	П Гремит он многими псалмами,
»	»	»	»	Д Он громок многими псалмами,
»	»	6	»	П Он в семинарии нарекся
»	»	»	»	Д Он в семинарьи им нарекся
8	»	7	»	П Он может четки внесть в печать
»	»	»	»	Д Он может четки взнесть в печать
9	»	3	»	П Отправя с множеством поклонов,
»	»	»	»	Д Отправя множеством поклонов.

54.

Мнѣ сказывалъ знатокъ (пок<ойный> А.И.Ермолаевъ) видѣвшій рукопись до истребленія ея въ 1812 году, что почеркъ ея былъ полууставъ XV вѣка. Что касается до нарѣчія ея, будто бы не согласнаго ни со Славянскими, ни съ нашими областными, не сходство сіе касается только[1] до нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ словъ, какъ то: харалугъ, стрикусъ и проч. вообще-же въ ней нарѣчіе то-же самое, какое и въ лѣтописяхъ нашихъ и въ другихъ древнихъ памятникахъ языка Русскаго, Чистое Русское, а не Польское, ниже какое-либо другое нарѣчіе.

Окончаніе глаголовъ шетъ или шеть, вмѣсто ше, и хуть вмѣсто ху, напр. бяшетъ, помняшетъ, сыпахуть, говоряхуть отличается отъ простаго ше или ху только усиливательною[2] приставкою ть, которая не въ одномъ Словѣ о Полку Игоревѣ[3], но и въ другихъ старинныхъ памятникахъ языка встрѣчается. Напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ временника Несторова л. 98: «и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церкви внидишетъ, и слыша пѣніе, и абіе слезы испущашетъ». — Одѣвахте есть, вѣроятно, описка, вмѣсто одѣвахуть: Впрочемъ, въ спискѣ XV вѣка, по которому напечатано Сл. о Плк. Иг., нельзя искать первобытнаго правописанія сей поэмы, сочиненной въ концѣ XII вѣка. Каждый перепищикъ перемѣнялъ правописаніе своего подлинника, частію неумышленно по привычкѣ; частію-же и съ умысломъ поправить мнимую ошибку.

Востоковъ.

Автограф Пушкина находился в сшитой из разных бумаг жандармами тетради № 2386 Г (л. 4 по жанд. нумерации)(совр. шифр — *ПД* № 1611). Бумага белая (зеленоватая) верже, in f°, с водяным знаком: «FAO pro patria».

Впервые напечатано Е.В.Барсовым в «Чтениях в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете» 1882, кн. 2, и отдельным оттиском: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина», с предисловием Е.В. Барсова. М., 1883, с. 15—16. Барсов напечатал текст по копии (об этом см. с. 148—149), находящейся в тетради № 2395, лл. 424—425 (или по повторению его на лл. 447—448), где писарем не была списана подпись Востокова (совр. шифр — *ПД*. Ф. 244. Оп. 8. № 93, лл. 449—450, 472—473). Поэтому Барсов счел эту выписку за текст Пушкина. В его публикации, вообще изобилующей неточностями, почему-то отсутствует конец (со слов: «Впрочем в списке»). Конец этот напечатан Якушкиным (*Я* XII, 543).

---

[1] *Дальше было:* до нарјчія ея

[2] *Было*: [усилительною].

[3] *В рукописи описка*: Игорор.

Весь текст затем был напечатан у E^4 V, 213, у M^2 VI, 639—640, где сказано о том, что эта «записка о "Слове" принадлежит А.Х.Востокову», и у E^4 V, 617.

По какому же поводу написал Востоков эту записку?

Специальной работы о «Слове о полку Игореве» у Востокова нет. В «Филологических наблюдениях А.Х.Востокова», собранных И.Срезневским, СПб., 1865, и в ученой переписке его, охватывающей 1798—1864 гг., изданной также И.Срезневским («Сборник II отд. Имп. Академии наук», т. V, вып. 2, СПб., 1873), нет даже ни одного упоминания ни о «Слове о полку Игореве», ни о Пушкине. Лишь в его «Опыте о русском стихосложении» есть страницы, посвященные этому памятнику, но исключительно с точки зрения построения стиха.

Н.К.Козмин, напечатавший (в *Ак* IX, прим., 596) текст копии Пушкина с письма Востокова в сноске к своим примечаниям, полагает, что «Пушкин, по-видимому, обращался и к А.Х.Востокову за разрешением своих сомнений о рукописи "Слова", и последний составил для него особую записку, где было изложено его мнение».

Навряд ли прав Н.К.Козмин; странным кажется, что в бумагах Пушкина не сохранился столь значительный автограф так ценимого им Востокова, когда всякое письмо к себе Пушкин берег. Гораздо вероятнее предположить, что Востоков написал эту записку о «Слове о полку Игореве» для Жуковского, может быть Вельтмана или еще кого-нибудь из тех, кто занимался этим произведением, а Пушкин уже списал для себя интересующие его строки великого филолога.

Текст письма Востокова, судя по словам: «покойный А.И.Ермолаев», написан не ранее 10 июля 1828 г. (дня смерти этого ученого). Списал же себе Пушкин это письмо в 1833—1836 гг., когда занимался «Словом».

55.

Je tâche de n'en rien croire, mais j'ai peur d'être comme les cocus, qui s'efforcent à penser que leurs femmes sont très fidèles. Les pauvres gens sentent au fond de leur coeur quelque chose qui les avertit de leur désastre.

Ce dont je suis très sûr c'est que mon gracieux maître m'a honoré d'un bon coup de dents dans ses mémoires etc.

Перевод:

Я стараюсь не верить этому, но я боюсь уподобиться рогоносцам, которые силятся думать, что жены их очень верны. Бедняги чувствуют в глубине сердца что-то предупреждающее их об их бедствии.

Но в чем я очень уверен, это, что мой благосклонный повелитель удостоил меня здорового злословия в своих мемуарах и т.д.

Печатается по автографу Пушкина, хранящемуся в *ПД* № 334; писано карандашом на листе 1 (2 л. в 4 д.л.) бумаги с водяным знаком: «1834».

Впервые опубликовано И.А.Шляпкиным (*Ш* 120), с неправильным толкованием текста как письма Пушкина к А.О.Смирновой. Ошибку Шляпкина указали П.Е.Щеголев в «Известиях Отд. русск. языка и словесности Имп. Академии наук», т. VIII, 1903, кн. 4, с. 379, и П.А.Ефремов в своей книге «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях», СПб., 1903, с. 40—41. Текст Пушкина является выпиской из письма Вольтера к д'Аржанталю.

В своей статье «Вольтер» Пушкин, говоря о разрыве в 1752 г. писателя с Фридрихом II, писал: «Он <Вольтер> видел в поступках короля явное к нему охлаждение и предчувствовал опалу. "Я стараюсь тому не верить", — писал он в Париж к д'Аржанталю, — "но боюсь быть подобну рогатым мужьям, которые силятся уверить себя в верности своих жен. Бедняжки втайне чувствуют свое горе!"» На основании этого указания по сорокадвухтомному изданию собрания сочинений Вольтера, бывшему в библиотеке Пушкина («Oeuvres complètes de Voltaire» Nouvelle édition. Paris MDCCCXVII — MDCCCXX), были просмотрены письма Вольтера не только к д'Аржанталю, но и к другим корреспондентам писателя за 1752—1755 гг., но текста, цитируемого Пушкиным, мы нигде не нашли. Поэтому есть основания предполагать, что эта мнимая цитата — новая мистификация Пушкина*.

56.

<1>

Календарь или Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Хріста, 1721. указующій затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полный мѣсяцъ съ четвертми. такожде время солнечнаго восхожденія и захожденія долгоденствіе и долгонощіе на всякій день. Учиненный по меридіану, и шірінѣ царствующаго санктпітербурха. Въ санктпітербурхской Тіпографіи, лѣта Господня, 1720 Декабря въ 12 день

(Въ началѣ означены)

Знаки мѣсячные.

Имена по гречески и Римски седми планетъ я-же показуютъ и седмічные дни. солнце, Соль. луна, луна. Арісъ, Марсъ. Ермій, Меркурій. Дій и Зевсъ, Іовішъ. Афродита Венера. Кронъ, Сатурнъ. — Воскресеніе названо Недѣлею. Слѣдуютъ знаки и имена 12 зодіи.

* См.: *ВПК*. Вып. 20, с. 41. — *Ред.*

<2>

Генварь имать 31 день. Здравіе благословеніе и миръ да подасть Богъ православнымъ. — Слѣдуеть обыкновенное показаніе числъ [также] и праздниковъ, съ присовокупленіемъ предсказаній о погодѣ. На пр. 8-го Генв. зело мразно, 12 марта не весело и проч.

<3>

При семъ картинки изображающія Весну лето осень и зиму

<4>

Форма календаря

Впервые напечатано: *РП*, с. 588 по подлиннику, входящему в состав Майковского собрания автографов Пушкина (*ПД* № 708); подлинник писан частью Пушкиным, частью рукою писца на двенадцати листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «A.F.Rall» с гербом; нами печатается лишь текст Пушкина.

Л. 1 — заглавный лист календаря, сплошь переписанный рукою Пушкина; приведен нами как <1>.

Л. 1 об. — чистый.

Л. 2 — содержание календаря — переписано писцом; нач. «Во имя Иисусово» «от Начатия 4-х монархий. А имянно». В конце этого отдела на том же листе Пушкин сам написал текст, приведенный нами как <2>.

Лл. 2 об.—5 — текст календаря, нач.: «О затмениях», переписанный писцом; на л. 5 в отделе «О четырехъ Временѣхъ Года», Пушкин приписал сбоку примечание, приведенное нами как <3>.

Лл. 5 об.—9 — продолжение текста календаря, переписанного писцом.

Лл. 10—12 — чистые.

На л. 12 об. Пушкин графически изобразил форму календаря и сделал надпись, приведенную нами как <4>.

Описание этого автографа Пушкина впервые дано В.И.Срезневским в *ПС* IV, 32. Самый календарь уже во времена Пушкина представлял большую библиографическую редкость. Поэт совершенно точно списал титульный лист издания и отметил все его особенности, изобразив даже внешнюю его форму, представляющую перегнутую пополам четвертку в 36 ненумерованных листов, с гравированными на меди изображениями в конце текста (подробное описание календаря см. у П.П.Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом», т. II, с. 490). Интерес к этому изданию возник у Пушкина, надо думать, после приобретения им экземпляра календаря. Хотя он и не сохранился в библиотеке Пушкина, судя по библиографическому описанию ее, составленному Б.Л.Мод-

залевским (*ПС* IX—X), но поэт имел его у себя, в чем убеждает нас опись его библиотеки 1837 г., в которой календарь этот значится (см. в нашей работе о библиотеке Пушкина в № 16—18 "Литературного наследства", с. 998; см. также "Искусство", 1929, № 3—4, с. 42, в статье П.Е.Щеголева «Материальный быт Пушкина»). Сделав для себя копию календаря, Пушкин намеревался написать о нем специальную статью для «Современника», но не успел осуществить это намерение. В перечне статей, намеченных им к помещению в журнале, находится краткое упоминание о календаре, с знаком + с правой стороны, что, вероятно, должно было означать, что материал к этой работе уже был собран. Публикуемый нами текст календаря в копии Пушкина и есть тот еще сырой материал, которым он предполагал воспользоваться для своей библиографической работы.

57.

Выписки из Библии.

Вельблюды полны фимиама
ритúны и стакти
Ведомъ (гл. о Фомарѣ)
изтягнулъ (истягнеши слово
Кольцами (Изходъ Гл. К И
Щиты (тамъ же) и
ЛS два щитца злата
И надраги (тамъ-же)
Левит глава Д(роги алтаря

Выписки слов и словосочетаний из книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит. Строки 1—2: Бытие, 37:25; строка 3: Бытие, 38:25; строки 4—5: Исход, 28:28; строка 6: Исход, 28:29; строка 7: Исход, 28:13, 36; строка 8: Исход, 28:42; строка 9: Левит, 4:25.

На обороте неровно оторванного листка — обрывок заглавия: <Кирджа>ли. <...> повесть. О.С.Соловьева предположительно датирует «Выписки» 1834—1835 гг. (*ПД* № 1614).

58.

Mon frère avoit sous ses ordres le département du comerce et des douanes. Je voyois chez lui un jeune homme Mr Raditchef qui avoit fait ses études à Leipzig, et pour lequel il avoit beaucoup d'amitié. L'on me montra un jour à l'Academie

Russe, comme une preuve que nous avions beaucoup d'écrivains qui ne savoient pas leur langue, une brochure qu'avoit écrit et fait imprimer ce même Radichtchef. C'étoit la vie et l'éloge d'un de ses compagnons d'étude de Leipzig, un certain Ouchakof. Je le dis le soir même à mon frère qui envoya d'abord chez un libraire chercher cette brochure, et je lui remarquai que son protégé avoit une démangeaison d'écrire sans que son style et ses idées soient bien digerées, et qu'il y a même des pensées ou expressions qui dans le tems où nous vivions étoient dangereuses. Quelques jours après mon frère me dit que j'avois jugé trop severement le petit ouvrage de Radischtchef qu'il l'avoit lu et que l'on pourroit en dire qu'il est menteur, puisque cet Ouchakof n'avoit jamais fait ni dit rien de remarquable: et puis c'est tout. Il se peut, je dis, qu'il y ait de la séverité dans le jugement que j'en ai porté. Mais comme il s'interessoit à l'auteur, je crus de mon devoir de l'avertir de ce que je croyois avoir vu dans cette sotte petite brochure; que quand un homme n'a éxisté que pour dormir, boire et manger, il ne sauroit trouver des panégéristes, sinon dans quelques uns qui étoient attaqués de la folie de s'imprimer tout vifs et que cette démangeaison d'auteur, pouvoit porter son protégé à écrire à l'avenir quelque chose de plus reprehensible encore. Effectivement, l'été suivant j'étois par congé à troitskoe quand je reçus une lettre de mon frère, par laquelle il m'annonça qu'il est dans le plus grand chagrin, que ma prophetie au sujet de Радищевъ était accomplie, qu'il avoit publié un ouvrage qu'il est faché d'avouer que l'on pourroit nommer le tocsin, qu'il a été dénoncé et qu'il vient d'être relegué en Sibérie. Loin d'être flatté de la vérité (que cette catastrophe prouvoit) de ma conclusion; je m'attristoi sur le sort de Radischtschef et surtout sur le chagrin que je savois que mon frère ne dissiperoit pas de sitôt. Je prévis même que le favori qui n'étoit pas l'ami du comte Alexandre tacheroit de jetter sur lui quelque blâme à ce sujet. Effectivement il l'essaya et sous un autre souverain que la Grande Catherine il auroit réussi à lui faire du tort, mais cela ne fit pas impression sur elle. Mon frère cependant en ressentit quelques dégouts, qui joints aux intrigues du procureur Général, le mirent de mauvaise humeur. Sur quoi mon frére demanda un congé d'un an, prétextant une mauvaise santé, qui demandoit du repos et l'air de la campagne. Je me voyois à Petersbourg seule, dans ce cercle qui me devint encore plus odieux; mais j'esperois toujours qu'après le terme mentionné il retourneroit. Avant le terme de son congé il demanda sa demission et l'obtint. Ce fut l'année 1794 qu'il finit la carriere de ses services utiles à la patrie et honorables pour luimême.

(Изъ записокъ Княгини Дашковой (Mon histoire), часть II).

Перевод:

Мой брат имел под своим началом коммерц-коллегию и таможни. Я встречала у него одного молодого человека, г. Радищева, который получил образование в Лейпциге и к которому брат был очень привязан. Однажды в Российской академии, в доказательство того, что у нас много писателей, не знающих родного языка, мне показали брошюру, которую написал и издал этот самый Радищев. Это было жизнеописание одного из его товарищей по учению в Лейпциге, некоего Ушакова, и похвальное слово ему. Я об этом в тот же вечер сказала брату, который начал с того, что послал к книгопродавцу за этой брошюрой. Я заметила ему, что его протеже страдает зудом писать, несмотря на то, что ни его стиль, ни мысли не переварены как следует, и что у него встречаются даже мысли или выражения, опасные по нашему времени. Несколько дней спустя мой брат сказал мне, что я слишком строго осудила маленькое произведение Радищева, что он прочитал его и что о нем можно было бы сказать, что оно лживо, ибо этот Ушаков никогда не сделал и не написал ничего замечательного, и вот и все. Возможно, сказала я, что слишком много строгости в вынесенном мной суждении. Но, так как брат интересовался автором, я сочла своим долгом предупредить его о том, что, казалось мне, я усмотрела в этой глупой маленькой брошюре: что, когда человек существовал лишь для того, чтобы спать, пить и есть, он не мог бы найти панегиристов, разве что в лице некоторых, охваченных безумием печататься при жизни, и что этот писательский зуд может привести его протеже к тому, что он напишет в будущем что-нибудь еще более предосудительное. Действительно, следующее лето я была в отпуску в Троицком, когда получила письмо от брата, в котором он меня извещал, что находится в величайшем огорчении, что мое пророчество по отношению к Радищеву сбылось, что он издал работу, которую, как брат с досадой должен признать, можно было бы назвать набатом, что на него донесли и что он только что сослан в Сибирь. Далекая от того, чтобы быть польщенной правотой моих выводов (доказанной этой катастрофой), я опечалилась судьбой Радищева, и в особенности огорчением моего брата, которое, я знала, не так скоро рассеется. Я предвидела даже, что фаворит, который не был другом графа Александра, попытается набросить на него тень по этому поводу. Действительно, он пробовал это сделать, и при ином государе, а не при великой Екатерине, он бы успел повредить ему, но на нее это не произвело впечатления. Мой брат, однако, почувствовал некоторое отвращение, которое так же, как интриги генерал-прокурора, привело его в плохое настроение. Вслед-

ствие этого мой брат испросил годовой отпуск под предлогом расстроенного здоровья, требующего отдыха и деревенского воздуха. Я оказалась в Петербурге одна в этом обществе, которое стало мне еще более ненавистным; но я всё надеялась, что после упомянутого срока он <брат> вернется. До срока своего отпуска он подал в отставку и получил ее. В 1794 году окончил он свою деятельность, полную заслуг, полезных для его родины и почетных для него самого.

Выписка находится на лл. 3 и 77 тетради № 2386 В, сшитой жандармами из отдельных листов (совр. шифр — *ПД* № 1617).

Якушкин в *Я* XII, 539 только упомянул об этой выписке. Впервые она напечатана в *РП*, с. 592.

Записки кн. Е.Р. Дашковой, рожд. гр. Воронцовой, имелись в двух рукописях руки приятельницы Дашковой, англичанки Вильмот, по мужу Бредфорд. Одна рукопись была увезена Вильмот-Бредфорд в Англию, где и издана в 1840 г. на английском языке: «Memoirs of the princess Daschkaw, London 1840» (см. кн. А.Б.Лобанов-Ростовский «Еще о записках кн. Дашковой (Рукопись, сохранившаяся в Англии)» — *РА* 1881, I (2), 366—369), другая рукопись после смерти Дашковой, в 1810 г., была найдена в ее бумагах и взята Ю.А.Нелединским-Мелецким, державшим рукопись у себя два года. В 1812 г. рукопись поступила в архив кн. М.С.Воронцова (М.Шугуров, «Мисс Вильмот и княгиня Дашкова» — *РА* 1880, III (1), 196), где и пролежала до 1881 г., когда была издана П.И.Бартеневым в XXI томе «Архива кн. Воронцова».

В 1859 г. записки Дашковой были изданы Герценом в Лондоне на французском и русском языках (в двух отдельных книгах). Во время нахождения рукописи у Нелединского-Мелецкого с нее пошли списки. Один из них был у кн. П.А.Вяземского, что видно из его письма к И.И.Дмитриеву от 27 июля 1829 г., где читаем: «Позвольте мне, следуя вашему примеру, задрать вас допросом: не у вас ли Записки кн. Дашковой? Если они у вас, то прошу оставить их у себя до моего приезда. Не находя их в своих книгах, я что-то стосковался о них. Боюсь, не пропали ли» (*РА* 1866, стб. 1721).

Вероятно, с экземпляра, принадлежавшего Вяземскому, и сделал выписку Пушкин. Было это, надо думать, в 1836 г., когда поэт работал над своей статьей о Радищеве.

Мой брат — гр. Александр Романович Воронцов (1741—1805), президент коммерц-коллегии в 1773—1794 гг. и государственный канцлер в 1802—1804 гг. Яркий представитель либеральных магнатов, англоман Воронцов покровительствовал Радищеву (см. статью В.П.Семенникова «Радищев и гр. А.Р.Воронцов» в его книге «Радищев. Очерки и исследования», 1923).

Брошюра Радищева — вышедшее в свет в 1789 г. «Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений».

Троицкое — подмосковная (близ Серпухова) кн. Е.Р.Дашковой.

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева вышло в свет в июне 1790 г. 27 июня состоялся приказ об аресте Радищева, 30 июня он был заключен в Петропавловскую крепость, 24 июля приговорен к смертной казни, замененной 4 октября лишением прав и ссылкой на десять лет в Сибирь.

Фаворит — кн. Платон Александрович Зубов (1767—1822).

Пушкин интересовался кн. Е.Р.Дашковой как крупной фигурой XVIII века и безотносительно к Радищеву. Об этом свидетельствует и запись, напечатанная в *РП*, с. 332, и тот факт, что в имеющемся в библиотеке Пушкина третьем томе собрания сочинений Дидро издания 1821 г. поэтом отчеркнут ряд мест в статье о Дашковой (см. *ПС* IX—X, № 881, с. 225).

59.

Т.е.

Г. Подполковникъ,

Зело желаю отъ васъ вѣдать можетели вы успѣть къ Дунаю прежде тур-
ф
ковъ или нѣтъ и буде еще того вамъ вскорѣ подлинно знать не льзя, то дайте знать въ сколько дней можете (по принятію сего письма) подлинную вѣдомость [отпустите на сіе] намъ дать а сего курьера не державъ отпустите на сіе съ отповѣдію У насъ ничего новаго нѣтъ. Отшедъ отъ Бреславля 5 мая въ 9 іюня 1711.

См. примечание к № 61.

60.

Г. Подполковникъ. Зело удивляюсь что вы такъ оплошно дѣлаете для чего посланы. Ежелибъ такъ сдѣлали какъ приказано, давно бъ были у Дуная я зело на васъ надѣялся а нынѣ вижу что тебѣ тожъ пристава (надо) что же ссылаетесь на письмо Савино, то отвѣтствовалъ Гр. Головкинъ а что требуете указовъ новыхъ то я не знаю что больше писать ибо обо всемъ Указы уже даны что-же (цыфирь) дѣлѣ принадлежитъ потомъ пространнѣе буду писать. Сего дня отъ Днѣстра съ Костентиномъ когда будемъ къ вамъ не уморите солдатъ съ голоду. Piter

См. примечание к № 61.

Копия письма Петра I фельдмаршалу кн. В.В.Долгорукову

61.

Г. Подполковникъ объявляю вамъ что мостъ симъ вѣтромъ попортило и по утру чинить будемъ. Только трудно при сей погодѣ скоро здѣлать. Того ради намѣрились мы солдатъ на здѣшнія морскія большія суды посадить въ низъ и въ верхъ сколько возможно и прямо на тотъ берегъ[1] высадить однако если и сіе замѣшкается а неприятелей осмотрите что не гораздо много перебралось и Вамъ подъ силу то лучше съ помощію Божіей атаковать (ежели[2]) ждать чтобъ оныхъ болѣе перебралось того ради Вамъ тяжеле будетъ и ретирада далече. Сіе мое намѣреніе объяви прочимъ Генераламъ и дѣлайте что возможно, а я перевезя солдатъ самъ напередъ къ Вамъ буду. Однакожъ когда случай позоветъ недожидайтесь меня

Петръ

Изъ Фридерихштата въ 10 февр
1713.

Написано в тетради № 2388 Б (совр. шифр — *ПД* № 1201) на трех отдельных листах писчей бумаги верже, in f°, с водяным знаком: «1833 г.». Такую бумагу Пушкин употреблял в 1835—1836 гг.; на ней написана статья «Российская академия», «Записки бригадира Моро-де-Бразе» и «Материалы по истории Петра I».

У *Я* XII, 572 только упомянуто.

Впервые напечатано: *РП*, с. 594.

Письма Петра I Пушкин скопировал сначала «факсимильно», а затем написал их текст в своем чтении, без соблюдения особенностей начертания Петра. См. прим. к следующему номеру.

62.

17.

Г. Подполковникъ

Письма Ваши два дошли о мундирѣ и прочемъ трудить ся да будемъ. Мы отъѣзжаемъ на двухъ дняхъ въ путьевой а въ какой силѣ о томъ писалъ я про бъ странно къ К.М. Правда зело жалѣю что отъ Васъ поѣхалъ. Тогда когда

[1] *Пушкиным оставлено пустое место, так как он не разобрал слов Петра.*

[2] *Было*: нежели.

при мнѣ что партикулярное оныя здѣлали то бъ я ни съ тѣмъ ни сѣмъ остался тако жъ ежелибъ сюды ни поспѣлъ въ о пискахъ все бы пропало ибо отъ и акартову дивизiю хотѣли послать (отъ   ) къ Кiеву которая бъ туды непоспѣла а здѣсь [Нива стала] безъ нее все такъ же и прочее о чемъ время объявить

изъ С.П.Б.   23 апрѣля 1713

В тетради № 2388 В (совр. шифр — *ПД* № 1200), лист тонкой голубой бумаги в большую четвертку («конторского» формата), с золотым обрезом, употреблявшейся Пушкиным в 1835—1836 гг. У *Я* XII, 573 только упомянуто.

Впервые напечатано: *РП*, с. 595.

Копия письма Петра I. Из неопубликованных выписок Пушкина из «Деяний Петра Великого» Голикова явствует, что адресат этих писем кн. Долгоруков. Это — кн. Василий Владимирович Долгоруков (1667—1746), видный деятель царствования Петра I. За участие в полтавском сражении произведен в генерал-поручики, но с оставлением в звании подполковника гвардии. Письма Петра Пушкин получил от кн. Вас. Вас. Долгорукова (1787—1858), которому кн. Вас. Влад. Долгоруков приходился братом прадеда.

63.

Сонетъ, сударь, хорошъ скажу вамъ наконецъ
И доказательство: я самъ его
[Вы? Я. — Не можетъ быть — по чести]
                    [это чудо]
Конечно
[Когда мнѣ его]

Записано на полулисте писчей бумаги с текстом «Примечания о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину», написанному в августе-сентября 1836 г., когда, надо полагать, была сделана и комментируемая запись (*ПД* № 344).

Впервые напечатано Н.В.Измайловым в *НП*, с. 211, писавшим о стихотворной записи: «вследствие крайней неразборчивости ее, воздерживаемся от высказывания наших догадок по этому поводу» (с. 212). Б.В.Томашевский сначала утверждал в заметке «Попытка Пушкина переводить Мольера» («Жизнь искусства» 1924, № 2 (296), от 8 января, с. 18), что «строки эти представляют собою попытку перевода нескольких стихов Мольера из его "Ученых женщин"», а затем указал, что стихи эти — запись отрывка перевода И.И.Дмитриева из Мольера (см.: Томашевский Б.В. Писатель и книга. 1928, с. 181).

Дмитриевым переведена сцена «Триссотин и Вадиус» из комедии Мольера «Ученые женщины».

В этой сцене есть стихи:

Вадиус.

Сонет, сударь, хороши, скажу вам, наконец;
А доказательство... Я сам его творец.

Триссотин.

Вы?

Вадиус.

Я.

Триссотин.

Не может быть; по чести это чудо!
Конечно, мне его читали очень худо,
Иль я был развлечен.

Перевод Дмитриева был впервые напечатан в издании 1810 г. собрания его сочинений.

64.

Чувствительная барыня идетъ въ пол-пьяна, за нею честный Инвалидъ идетъ и проситъ ради Христа барыня поетъ: голос томный и жалостливый

Солдатъ бѣдный человѣкъ;
Ему негдѣ взять —
Изъ за евтаго бездѣлья
Не домой ему идти bis
Не свою жену <...>
(Нѣжнее) Ужъ я дамъ сиротѣ
На своемъ <.......> —
(Плачетъ) Пусть онъ мой голубчикъ
Попатѣшится
За <............>
Понадержится.............

Записано на листке в 4 д.л. без водяных знаков, хранящемся в Остафьевском архиве (*РГАЛИ*. Ф. 195. Оп. 1. № 5548). Копия с автографа была в свое время сделана Б.Л.Модзалевским, сообщившим текст Н.О.Лернеру, который, назвав эту, по его словам «народную сценку» «Солдат и блядь», упомянул ее в «Трудах и днях Пушкина», СПб., 1910, с. 382.

Впервые по копии Б.Л.Модзалевского напечатано: *РП*, с. 597.

Судя по тому, что листок оказался у кн. П.А.Вяземского, текст едва ли был написан ранее второй половины сентября 1926 г., когда началось тесное общение Пушкина с Вяземским. Поэтому время записи приходится относить к 1826—1836 гг.

Текст представляет собою запись солдатской песни. А.О.Россет передавал П.И.Бартеневу: «Пушкин, играя в банк, заложит бывало руки в карман и припевает солдатскую песню с заменой слова *солдат*:

Пушкин бедный человек,
Ему негде взять.
Из-за эвтова безделья
Не домой ему идтить...

См. *РА* 1899, кн. II, с. 356.

65.

farewell my friend
——— my foes! —

Перевод:

прощай, мой друг,
прощайте, мои враги! —

Запись на внутренней стороне задней крышки переплета тетради № 2382 (совр. шифр — *ПД* № 841, л. 129).

Впервые напечатано у *Я* XI, 371, с ошибками. Исправленный текст в *РП*, с. 597.

Запись представляет собою, вероятно, цитату. Во второй строке первая черта, надо думать, означает, что повторяется первое слово первой строки. Тетрадью *ПД* № 841 Пушкин пользовался в 1829—1831 гг., но есть в ней тексты и 1834 г. и 1836 г. Таким образом, эта запись, сделанная изолированно, не поддается более точной датировке, чем 1829—1836 гг.

66.

It is a reverend thing to see an ancient castle or building not in decay, or to see a fair timber-tree sound and perfect; how much more to behold an ancient noble family, which hath stood again the waves and weathers of time

Bacon

Перевод:

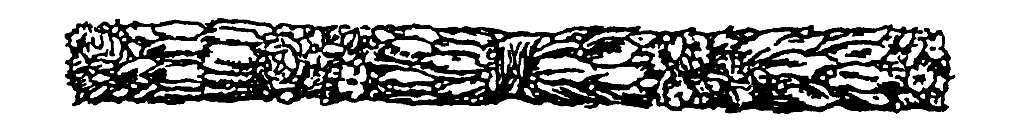
Достойная уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное строевое дерево крепким и целым. Сколь

еще более (достойно уважения) взирать на древний дворянский род, который выстоял против волн и непогод времени.

Бэкон

Написано карандашом на полулисте писчей бумаги in f° без водяных знаков (*ПД* № 703).

Означенная выписка сделана Пушкиным из «Essays, moral, economical and political by Francis Bacon». Эта книга в лондонском издании 1819 г. имелась в библиотеке Жуковского. В ней разрезаны предисловие с оценкою Бэкона и с. 57—73. На с. 57—59 находится главка «of Nobility» («о дворянстве»), заключающая в себе и место, заинтересовавшее Пушкина. Однако, как показывают некоторые особенности пушкинского текста, Пушкин пользовался каким-то другим экземпляром. Внешний вид листка, на котором сделана выписка, также говорит за то, что он лежал в какой-то другой книге, из которой и выпал при разборке Пушкинской библиотеки. Выписка тематически связана с набросками Пушкина «О дворянстве» 1833 г. (см. подробнее заметку Д.П.Якубовича «Неизвестная запись Пушкина» в сборнике «Звенья» 1932, № 2, 225—231, там же снимок).



X

НАДПИСИ НА КНИГАХ

*В первой части собраны надписи на книгах о принадлежности их Пушкину, о прежних владельцах книг и об обстоятельствах покупки. Всего таких книг оказалось двадцать одна, число совершенно ничтожное, принимая во внимание, что в библиотеке Пушкина находится по описанию Б.Л.Модзалевского 1522 названия книг**.

Свои издания Пушкин дарил друзьям и знакомым в большом количестве, причем почти всегда делал какую-либо надпись. Подобных экземпляров должно было сохраниться множество, но, когда мы собрали тексты всех дошедших до нас дарительных надписей, выяснилось, что сохранилось их очень немного. Достаточно пересмотреть переписку Пушкина, чтобы увидеть, сколько экземпляров подаренных Пушкиным книг своих сочинений пропало безвозвратно из-за небрежения многих владельцев, в том числе друзей поэта. Нет ни одной надписи, обращенной к бар. А.А.Дельвигу, П.А.Катенину, кн. П.А. Вяземскому, В.А.Жуковскому, Н.П.Гнедичу, А.А.Бестужеву, братьям Раевским, С.А.Соболевскому и многим другим. Значение этих надписей до сих пор не осознано в достаточной степени, поэтому есть еще надежда, что некоторые экземпляры сочинений Пушкина с дарительными надписями, хранящиеся в недрах государственных библиотек СССР или у частных лиц, будут опубликованы, но чтобы их было много — на это надежды мало. Мы обследовали специально для выявления подобных экземпляров библиотеки: Пушкинского Дома (Института русской литературы) Академии наук, Библиотеку Академии наук Ленинградского университета и Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ПБЛ). К сожалению, обследовать систематически библиотечные хранилища Москвы нам не удалось. Все же и то, что удалось собрать, представляет немалый научный интерес. Правда, наиболее замечательные надписи Пушкина уже были опубликованы ранее, но и из впервые печатаемых нами некоторые заслуживают внимания, как по своему содержанию, так и по лицу, к которому они обращены (например, надписи бар. Е.Н.Вревской, кн. Э.П.Мещерскому, И.И.Дмитриеву, Г.П.Небольсину, В.Г.Теплякову и др.).

* В настоящее время — 1526. Нами в данный отдел внесены еще две надписи — № 6.8 и № 8. — *Ред.*

X. НАДПИСИ НА КНИГАХ

В этот отдел не включены две надписи Пушкина, которые хотя и написаны на изданиях Пушкина, но по своему содержанию рассматриваются как письма и входят в собрание писем поэта. Таковы: надпись на экземпляре «Бориса Годунова», подаренном П.Я.Чаадаеву[1]*, и надпись на экземпляре «На взятие Варшавы», 1831 г., подаренном А.О.Смирновой*[2]*.*

По неточности текста не включена также надпись на экземпляре «Цыган», подаренном А. А. Ивановскому 23 апреля 1828 г. (см. РС 1874, № 2, с. 399). Во вторую часть этого отдела включены надписи, сделанные Пушкиным на книгах своих сочинений, а в третью — надписи, сделанные Пушкиным на книгах других авторов.

Транскрипция №№ 13, 18, 22 и 29 первой группы сделана М. А. Цявловским, транскрипция всех остальных номеров и комментарий ко всем надписям принадлежат мне.

Л. Модзалевский

---

[1] См.: Лонгинов М.Н. Сочинения. Под. ред. П.К.Симони. М., 1915. Т. 1 (1850—1859), с. 70.

[2] См. статью М.А.Цявловского в «Голосе минувшего», 1917, № 11—12, с. 160. Подлинник был у Ю.П.Бартенева (Каталог Пушкинской выставки в Московской 5-й гимназии. М., 1899, с. 3).

I. Надписи на книгах

1.

ce 13 juillet 1817, à Michailovskoy.

Перевод:

13 июля 1817, в Михайловском.

Надпись эта находится на листке перед переплетом в конце книги из библиотеки Пушкина: Fables choisies mises en vers par M. De La Fontaine. Paris. MDCCLXXV (Лафонтена. Избранные басни в стихах. Париж, 1785). (См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина в *ПС* IX—X, с. 265, № 1060; здесь же и факсимиле между с. 264—265.) Подлинник хранится в *ПД*.

2.

Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. Получена въ Симбирскѣ отъ А.М.Загряжскаго 14 синт. 1833.

Впервые напечатано: *РП*, с. 601 (ср.: Hofmann M. Le Musée Poushkine d'Alexandre Onéguine à Paris. Paris, 1926, с. 33, 64), по автографу из собрания А.Ф.Онегина (*ПД* № 702). Надпись сделана на обороте карты, наклеенной квадратами на полотне, под названием «Генеральная Карта Екатеринославской Губернiи съ показанiемъ почтовыхъ и большихъ проѣзжихъ дорогъ, станцiй и разстоянiя между оными верстъ. Сочинена по новѣйшимъ достовѣрнымъ свѣденiямъ въ С-тъ Петербургѣ 1821 года Сочин. и Гравир. Полков. Пядышевъ. Вырез. слова М.Ивановъ <тоже по-французски>.

Александр Михайлович *Загряжский* (1797 — после 1878), дальний родственник Екатерины Ивановны Загряжской и ее сестры Наталии Ивановны (матери Н.Н.Пушкиной); на его дочери Елизавете (с 13 октября 1843 г.) был женат Л.С.Пушкин. А.М.Загряжский в молодости служил в военной службе в л.-гв. Преображенском полку, а с 1826 г. перешел на службу по гражданскому ведомству; с 2 июля 1831 г. по 5 марта 1835 г. был Симбирским губернатором, затем служил членом консультации при министре юстиции (1837 г.), с 1863 г.

состоял по Министерству внутренних дел и вышел в отставку в 1867 г. См. о нем в записках Э.И.Стогова (*РС* 1903, № 5, с. 314—328), *ОА* III, 744 и «Воспоминания» И.А.Гончарова, который изобразил его под именем Льва Михайловича Углицкого (Гончаров И.А. Полное собр. соч. Т. IX. СПб., 1889; ср. *ВЕ* 1907, № 2, с. 573—574).

Пушкин приехал в Симбирск по дороге в Оренбург, для собирания сведений о Пугачеве, 10 сентября 1833 г. и остановился ненадолго в доме Загряжского, где получил письмо от жены (см. *АП* III, 43). О пребывании Пушкина у А.М.Загряжского в это время сохранился не лишенный интереса и достоверности рассказ московской старожилки К.И. Коротковой, которая лично видела поэта в Симбирске (см. статью Д.Лебедева «А.С. Пушкин и симбирские старожилы» в «Московских ведомостях», 1901, № 242; перепечатана в «Новом времени», 1901 г., № 9161, и в «Литературном вестнике», т. II, кн. VI, 1901, с. 180). Очевидно, А.М.Загряжский перед отъездом Пушкина из Симбирска в Оренбург и подарил поэту 14 сентября 1833 г. карту Екатеринославской губернии на память о пребывании поэта у него в доме. О знакомстве Пушкина с А.М.Загряжским более не дошло до нас никаких свидетельств; напечатанный же Н.П.Кичеевым со слов А.М.Загряжского рассказ о проигрыше Пушкиным в карты 5-й главы «Евгения Онегина» настолько фантастичен, что не может быть принят во внимание (см. *РС* 1874, № 3, с. 564).

3.

Купл. 17 іюля 1835 года, день Демид.
праздн. въ годовщину его смерти.

Эта надпись сделана на внутренней стороне обложки книги из библиотеки Пушкина: «Specimens of the Table Talk of the late Samuel Taylor Coleridge. London». MDCCCXXXV («Образцы застольных бесед покойного С.Т.Кольриджа». Лондон, 1835) (см. *ПС* IX—X, 198, № 760). Подлинник хранится в ПД*.

* «Демид. праздн.» — грандиозный праздник, который устроил 17 июля 1835 г. Павел Николаевич Демидов (1798—1840) — владелец уральских и сибирских заводов, известный меценат. Об этом празднике Екатерина Николаевна Гончарова писала брату Дмитрию 22 июля 1835 г.: «17 числа мы были в Стрельне, где мы переоделись, чтобы отправиться к Демидову, который давал бал в двух верстах оттуда, в бывшем поместье княгини Шаховской. Этот праздник, на который было истрачено 400 тысяч рублей, был самым неудавшимся: все, начиная со двора, там ужасно скучали, кавалеров не хватало, а это совершенно невероятная вещь в Петербурге, и потом, этого бедного Демидова так невероятно ограбили, один ужин стоил 40 тысяч, а был самый плохой какой только можно себе представить; мороженое стоило 30 тысяч, а старые канделябры, которые тысячу лет валялись у Гамбса на чердаке, были куплены за 14 тысяч рублей. В общем, это ужас что стоил этот праздник и как там было скучно». (Подлинник по-фр. См.: Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975, с. 282). Так как на празднике присутствовала императорская чета, запись имеется и в камер-фурьерском журнале. На празднике был Пушкин. — *Ред.*

Под *«Годовщиной его смерти»* Пушкин разумел смерть поэта Кольриджа, умершего 25 (13 по старому стилю) июля 1834 г. В качестве предположения это было высказано еще Н.В.Яковлевым («Не была ли эта покупка своего рода поминками по Кольридже?») в его статье «Пушкин и Кольридж» в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926, с. 139.

Любопытно, что Пушкин отмечал годовщины смерти любимых поэтов, как людей лично близких: в годовщину смерти Байрона он служил по нем панихиду, в годовщину смерти Кольриджа (не совсем правильно вычисленную Пушкиным) он купил его посмертную книгу.

4.

Achété dans une vente publique (avec de sots commentaires au crayon).

Перевод:

Куплена на распродаже (с дурацкими комментариями карандашом).

Запись сделана карандашом, на внутренней стороне обложки I тома издания: «Oeuvres complètes de Machiavel, traduites par J.V.Périès». Paris, MDCCCXXIII — MDCCCXXVI (в двенадцати томах) («Полное собрание сочинений Макиавелли в переводе Ж.В.Периэ». Париж, 1823—1826). Подлинник хранится в *ПД* (см. *ПС* IX—X, 278, № 1118).

Факсимиле воспроизведено при статье М.Н.Куфаева в «Альманахе библиофила», Л., 1929, с. 68—69.

«Дурацких комментариев», о которых говорит Пушкин, на книге нет. По предположению Б.Л.Модзалевского, они, может быть, были сделаны на отдельном листке, который не сохранился.

5.

Экземпляръ бывшiй въ тай-
ной канцелярiи запла-
ченъ двести рублей
А. Пушкинъ.

Первые три строчки писаны Пушкиным на обороте мраморного листка книги А.Н.Радищева в красном сафьяновом с золотом переплете с золотым обрезом, под заглавием: «Путешествие из Петербурга в Москву. 1790. В Санктпетербурге», 8°. Последняя строчка с подписью Пушкина писана на следующем чистом листке той же книги. Подлинник хранился в *ПБЛ* (см. *Рук. П*, с. 44 (№ 128) и 49; совр. шифр — *ПД* № 1608). Об этом редком экземпляре издания см. специальную статью Вл.

Бурцева «Пушкинский экземпляр "Путешествия" Радищева с пометами императрицы Екатерины II» («Биржевые ведомости», 13 декабря 1916 г., № 15981); см. также E^4 VIII, с. 561; Б.Л.Модзалевский *ПС* IX—X, с. XVII; Анучин Д.Н. Судьба первого издания "Путешествия" Радищева. М., 1918, с. 23—24; «Заметки и воспоминания В.М.Флоринского» в *РС* 1906, № 3, с. 585, № 5, с. 307—308; «Библиотека гр. Строганова в Томском университете» в «Русском библиофиле», 1914, № II, с. 9—10. Текст Пушкина воспроизведен факсимильно в книге П.Н.Полевого «История русской словесности», т. II, с. 208—209, при статье М.Н.Куфаева «А.С.Пушкин-библиофил» в «Альманахе библиофила», Л., 1929, между с. 80—81 (см. там же, с. 80) и в «Литературном наследстве», №№ 9—10, с. 343.

6.

А.Пушкинъ.

С этой пометой в библиотеке Пушкина имеются следующие книги, хранящиеся ныне в *ПД:*

1. «Старая погудка на новый лад или полное собрание древних простонародных сказок». М., 1795. Ч. 2.

Надпись находится на оборотной стороне переплетной крышки (см. Модзалевский Б.Л., *ПС* IX—X, 99—100, № 367).

2. «Oeuvre complètes de la Fontaine, ornées de trente vignettes dessinées par Deveria et gravées par Thompson». Paris. MDCCCXXVI («Полное собрание сочинений Лафонтена, украшенное тридцатью виньетками, рисованными Деверья и гравированными Томсоном». Париж, 1826).

Надпись находится на обложке книги (см. ibidem, 265, № 1061).

3. «Stownik jêzyka Polskiego, przez M.Samuela Bogumiła Linde». Warszawa, 1807 («Словарь польского языка, составленный М.С.Богумилом Линде». Варшава, 1807).

Надпись находится на III томе (из четырех томов), на чистом листе после переплетной крышки (см. ibidem, 275, № 1105).

4. «Oeuvres complétes de Montesquieu, précédées de son Eloge, par d'Alembert». Nouvelle édition. Paris. MDCCCXXVII («Полное собрание сочинений Монтескье, с приложением похвального слова д'Аламбера». Новое издание. Париж, 1827).

Надпись находится на листе после обложки книги (см. ibidem, 293, № 1187).

5. «Voyages dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin. Par le Comte Jean Potocki». Paris. 1829 («Путешествия в астраханские и кавказские степи. История первобытных народов, обитавших некогда в этих странах. Новое описание путешествия по Черному морю. Соч. гр. Яна Потоцкого». Париж, 1829).

Надпись находится наверху обложки I тома (из двух томов) (см. ibidem, 314, № 1279).

6. «Српски рјечник. Истолкован немачким и латинским риjечма. Скупио га и на свиjет издао Вук Стефановиħ». У Бечу. Wien, Viennae. Gedruckt bei den P.P.Armeniern.

1818 («Сербско-немецко-латинский словарь. Собрал и издал Вук Стефанович. Вена. Напечатано у П.П.Армениер». 1818).

Надпись находится на оборотной стороне переплета книги (см. ibidem, 343, № 1409).

7. «De la Démocratie en Amérique, par Alexis de Tocqueville». Paris MDCCCXXXVI («Демократия в Америке, соч. Алексея Токвиля». Париж. 1836).

Надпись находится на обложке II тома (из двух томов) наверху (см. ibidem, 350, № 1440).

8. Надпись (*ПД* № 1612) находится на обороте форзаца книги «Атлас Российской...». СПб., 1745, слева от карандашной записи, сделанной, возможно, А.Краевским: «Редкость. По времени первый атлас изданный на русском языке. Издан также на латинском и французском языках. У Сопикова нет. У Губерта т. I, 54. А.К.» Надпись датируется 1833—1836 годами. Аннотация Краевского, по-видимому, указывает на то, что книга была подарена Пушкину им.

7.

Пушкинъ

С этой пометой в библиотеке Пушкина имеются следующие книги хранящиеся ныне в *ПД:*

1. «Стихотворения Владимира Бенедиктова». СПб., 1835.

Надпись находится наверху обложки (см.: Модзалевский Б.Л., *ПС* IX—X, 7, № 23).

2. «Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира». СПб., 1836.

Надпись находится наверху обложки 3-й тетради (см. ibidem, 47—48, № 174).

3. «Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук профессором». СПб., 1786.

Надпись находится на листе после переплетной крышки (см. ibidem, 54, № 200).

4. «История Села Царского. В трех частях. Составленная из дел Архива Правления Села Царского Ильею Яковкиным. СПб., 1829—1831.

Надпись находится на чистом листке после переплетной крышки (см. ibidem, 119—120, № 443).

5. «Tragedie scelte di Vittorio Alfieri, publicate de A.Buttura». MDCCCXXV («Избранные трагедии В.Альфиери, изданные Буттура». 1825).

Надпись находится на верхней обложке 3-го томика (см. ibidem, 138, № 533).

6. «Le chemin le plus court, par Alphonse Karr». Paris. 1836 («Кратчайший путь, соч. А.Карра». Париж., 1836).

Надпись находится наверху обложки I тома (см. ibidem, 262, № 1043).

7. «Voyages d'un Gentihomme Irlandais à la recherche d'une religion. Avec des notes et des éclaircissements. Par Thomas Moore, traduit de l'Anglais par L'abbé D***». Paris, 1833 («Путешествия ирландского дворянина в поисках религии». С примечаниями и пояснениями. Соч. Томаса Мора, перевод с английского языка аббата Д***». Париж, 1833).

Надпись находится наверху обложки (см. ibidem, 294, № 1190).

8. «Mémories, fragments historiques et correspondance de Madame la Duchesse d'Orleans». Paris. MDCCCXXXII (на обложке: MDCCCXXXIII). («Воспоминания, исторические отрывки и переписка герцогини Орлеанской». Париж, 1832).

Надпись находится на шмуцтитульном листе (см. ibidem, 303, № 1229).

9. «Histoire de René d'Anjou, Roi de Naples, Duc de Lorraine et C-te de Provence. Par M. le Vicomte F.L. de Villeneuve Bargemont». Paris. 1825 («История Рене Анжуйского, Короля Неаполитанского, герцога Лотарингского и графа Прованского, соч. виконта Ф.Л. де Вильнев Баржемон». Париж. 1825).

Надпись находится на обложке каждого из трех томов этого издания (см. ibidem, 359—360, № 1487).

8.

Ce livre appartient a Catherine Gontcharoff
Александръ Пушкинъ

Перевод:

Эта книга принадлежит Екатерине Гончаровой

Автограф (*ПД* № 1599) на обороте верхней крышки переплета книги «Fables de Fenelon», Paris, 1809.

Надпись сделана предположительно в 1830-е годы. Книга принадлежала Пушкину и впоследствии была подарена им Е.Н.Гончаровой.

II. Надписи на книгах сочинений А.С.Пушкина

9.

Его Высоко-Превосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу
Дмитрiеву
отъ Сочинителя.

Впервые напечатано: *РП*, с. 710 по подлиннику, хранящемуся в библиотеке Московского университета. Надпись сделана неизвестною рукою, вероятно по поручению Пушкина на обороте шмуцтитула книги: «Руслан и Людмила. Поэма в шести

песнях. Соч. А.С.Пушкина. Санктпетербург. В Типографии Н.Греча. 1820»; 8°, 142 с.

Как известно, Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) благожелательно встретил юную музу Пушкина и угадал в нем поэтический гений. Эта надпись Пушкина ценна как памятник подношения молодого Пушкина маститому старцу-поэту. Однако «Руслана и Людмилу» И. И. Дмитриев не вполне одобрил (см. в письмах И. И. Дмитриева к кн. П. А.Вяземскому в *СН* II, 125—200, в письмах Дмитриева к А. И. Тургеневу в *РА* 1867, стлб. 1091—1136 и в *РС* 1903, № 12, с. 713, 717 и 718, а также в *ОА* II, 427).

10.

Парасковіи Александровнѣ
Осиповой
отъ Автора
въ знакъ глубочайшаго
почтенія и сердечной
преданности

Впервые напечатано: *РП*, с. 711 по подлиннику (*ПД* № 748). Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1825»; 12°, XXII+2нен.+60 с.

Дружеские и приятельские отношения Пушкина с Прасковьей Александровной Осиповой (1781—1859) и ее семьей от первого и второго брака общеизвестны, поэтому здесь нет надобности об этом говорить подробно. Надпись Пушкин сделал, вероятно, вскоре после выхода книги (15 февраля 1825 г.) при посещении Осиповой в ее имении Тригорском, в то время, когда поэт жил в ссылке по соседству с ней, в своем Михайловском.

11.

Дорогой Имянинницѣ
Аннѣ Николаевнѣ
Вульфъ
отъ нижайшаго
ея доброжелателя
А. Пушкина
Въ село Вороничь
1826 года

3 февраля
изъ сельца Зуёва

Напечатано впервые в *ПС* I, 11 и 38—39: ср. в «Известиях Имп. Академии Наук», VI сер., 1911 г., Т. 5, № 7, 15 апр., с. 512 и *ВПД* на 1914 г., с. 8 (№ 24). Надпись находится на обороте обложки книги без переплета: «Стихотворения Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1826», 8°, XII+192 с. (*ПД* № 749). В правом верхнем углу лицевой стороны обложки имеется оттиск перстня-талисмана на красном сургуче. Текст надписи, кроме подписи Пушкина, позже густо вымаран чернилами.

Эту книгу Пушкин преподнес Анне Николаевне Вульф (1799—1857) во время пребывания своего в с. Михайловском, называвшемся также Зуёвым. Отношения Пушкина к А. Н. Вульф — общеизвестны: она была длительно увлечена Пушкиным.

12.

Александру Ивановичу
Тургеневу
отъ А. Пушкина
20 октября
1826
Москва

Впервые напечатано: *РП*, с. 712 по подлиннику (*ПД* № 750). Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин. Роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. В типографии Августа Семена при Импер. Мед. Хирург. Академии. 1826»; 12°, 42 с. <глава II>.

Судя по дате, Пушкин подарил этот экземпляр книжки, как только она вышла из печати. Поэт незадолго до этого возвратился из своей ссылки и один из экземпляров преподнес одному из ближайших старших своих друзей. Александр Иванович Тургенев (1784—1845) находился в это время за границей, и книжка была, вероятно, послана ему туда. Кн. П.А.Вяземский писал ему 5 октября: «Пушкин напечатал 2-ю часть Онегина стихов 500 не с большим, и книгопродавцы уже предлагают ему 5000, а он просит семь» («Архив бр. Тургеневых», VI, 45).

13.

Другу Олёсеньк<ѣ>
отъ Француза.

Написано на обложке первого издания второй главы «Евгения Онегина» 1826 г., вышедшего в свет в октябре этого года.

Книга хранилась в *ЛМ* (совр. шифр — *ПД* № 1679).

«Олёсенькой» в Лицее прозвали Алексея Демьяновича Илличевского, а «французом» Пушкина. См. запись протокола празднования лицейской годовщины 1828 г.

Предположительно датируем надпись 1827—1828 гг.

14.

Ея Превосходительству А. П. Кернъ
отъ господина Пушкина,
усерднаго ея почитателя.
Трактиръ Демутъ № 10.

Впервые напечатано в «Воспоминаниях А.П.Керн» (см.: Майков Л.Н. Пушкин. СПб., 1899, с. 251; Керн А.П. Воспоминания. Под ред. Ю.Н.Верховского. Л., 1929, с. 271). Надпись сделана по свидетельству Керн в 1828 г. на обложке издания «Цыганы», М., 1827. Подлинник не сохранился.

Об Анне Петровне Керн (1800—1879) и об отношениях ее к Пушкину см. в названных выше изданиях, в *П* I и II по указателю и в книжке Б. Л. Модзалевского «Анна Петровна Керн», Л., 1924.

15.

Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ
отъ Автора
Твоя отъ твоихъ
22 февр.
1828

Впервые опубликовано М.И.Семевским в «Русском вестнике», 1896, № 11, с. 71, а затем в *ПС* I, 6; ср. статью М.Л.Гофмана «Голубово-Тригорское» в газ. «Против течения», 1911, № 15, и в «Известиях Имп. Академии Наук», VI серия, 1911, с. 512. Факсимиле воспроизведено в *ВПД* на 1913 г., с. VIII. Описание дано в *ВПД* на 1914 г., с. 8 (№ 25).

Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1828», 12°, 92+2 нен. с. <главы IV и V> (*ПД* № 751).

Слова: «Твоя от твоих» взяты из возгласа священника во время литургии.

Евпраксия Николаевна *Вульф* (1809—1883), дочь П. А. Осиповой, вышедшая замуж за бар. Бориса Александровича Вревского, называлась в семье Зизи, Зина или Euphrosine; она была предметом увлечения Пушкина во время пребывания его в Михайловском и Тригорском у П. А. Осиповой. Слова «Твоя от твоих», по разъяснению М. Л. Гофмана, относятся к тому месту из 5-й главы «Евгения Онегина» (строфа XXXV), где Пушкин говорит о Е. Н. Вульф:

...За ним — строй рюмок узких, длинных,
Подобных талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал, —
Ты, от кого я пьян бывал...

См.: *ПС* XIX—XX, 103—105. Ср. *П* I, 363—364.

16.

Евпраксеи Николаевнѣ
Вульфъ

Опубликовано впервые М. Л. Гофманом в газ. «Против течения», 1911, № 15; ср. «Известия Имп. Академии Наук», 1911, VI серия, с. 512, и в *ВПД* на 1914 г., с. 10 (№ 26). Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1828», 12°, 48 с. <глава VI> (*ПД* № 752). Книга вышла в свет около 22—23 марта 1828 г. Вероятно, Пушкин подарил ее Е. Н. Вульф осенью 1828 г., когда провел около шести недель в имении Малинники, Старицкого уезда, Тверской губернии.

17.

Екатеринѣ Николаевнѣ
Ушаковой
отъ Пушкина
1 апр.
1829

Впервые напечатано: *РП*, с. 714. Факсимиле воспроизведено в очень уменьшенном виде при статье Н.С.Ашукина «Путеводитель по Пушкину» в «Красной ниве» № 49, от 1 декабря 1929 г., с. 15. Надпись сделана на лицевой стороне обложки книги в простом переплете: «Полтава, поэма Александра Пушкина. Санктпетербург, в типографии департам. народного просвещения. 1829», 8°, VIII+4 нен.+92 с. (*ПД* № 753). Книга вышла в свет около 27—28 марта, и , судя по дате надписи, Пушкин подарил ее сразу же по получении. Он находился в это время в Москве, где увлекался Е. Н. Ушаковой (1809—1872). О Пушкине и Ушаковой см. статью Л.Н.Майкова «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых» в его сборнике «Пушкин», СПб., 1899, с. 355—377, статью И. Виноградова «Автографы Пушкина в Тверском музее» в «Материалах Общества изучения Тверского края», апрель 1925 г., вып. 3, с. 17—21, и *П* II, 376—377, а также выше.

18.

Полторацкому отъ Пушкина.
2 Апр. 1829. Москва.

Впервые напечатано. Факсимиле воспроизведено в № 16—18 «Литературного наследства», с. 491. Подлинник принадлежал И.С.Остроухову в Москве, купившему его в книжном магазине П.П.Шибанова, хранился в Третьяковской галерее (совр. шифр — *ПД* № 1680). Надпись находится на шмуцтитуле книги: «Полтава, поэма Александра Пушкина, СПб., 1829».

Сергей Дмитриевич *Полторацкий* (1803—1884), известный впоследствии библиофил и библиограф, находился с Пушкиным в приятельских отношениях. К этому же времени, что и надпись Пушкина, относится небольшая записочка поэта к Полторацкому, писанная 25 марта 1829 г. в Москве: «Ты совершенно забыл меня, мой милый. А. П.» (см. *П* II, 63 и 247—248). В издании «Венок на памятник Пушкину», СПб., 1880, с. 323, сообщается, что на Пушкинской выставке 1880 г. в Москве находился экземпляр «Цыган» 1827 г. с подписью Пушкина: «С.Д.Полторацкому отъ А.Пушкина»; местонахождение его теперь неизвестно.

19.

Евгенію Баратын<скому>
отъ Александра Пуш<кина>
7 апр
1829.

Впервые напечатано: *РП*, с. 715. Подлинник, принадлежал А.Ф.Онегину в Париже (совр. шифр — *ПД* № 754). Надпись сделана на шмуцтитуле книги без обложки, в

позднейшем переплете: «Полтава, поэма Александра Пушкина, СПб., 1829». При переплетании экземпляра концы слов обрезаны.

Евгений Абрамович *Баратынский* (1800—1844) — известный поэт, которого очень ценил Пушкин. В последние годы его жизни между ним и Баратынским наступило некоторое охлаждение. О них см. в *П* I—II, по указателю.

20.

всякое даянiе благо — —
Всякъ даръ совершенъ свыше есть.
Катеринѣ Николаевнѣ
Ушаковой
отъ А. П.
21 сентября
1829
Москва
Nec femina, nec puer...[1]

Впервые опубликовано неточно в *ПС* II, с. III; затем в статье И.Виноградова «Автографы Пушкина в Тверском музее» в «Материалах Общества изучения Тверского края», апрель 1925 г., вып. 3, с. 17—21, с воспроизведениями, и в статье Н.Н.Фатова «Дефинитивный текст стихотворения "19 октября (1825 г.)"» в сборнике «Пушкин», вып. II, под. ред. Н.К.Пиксанова, М.-Л., 1930, с. 173—175. Надписи сделаны на экземпляре книги: «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург в типографии Департамента народного просвещения. 1829», 8°, 224 с. (*ПД* № 755).

Первая строка надписи находится наверху лицевой стороны обложки; вторая строка надписи — на узкой полоске бумаги того же цвета, что и обложка, наклеенной внизу лицевой стороны обложки. Текст их — цитата из так называемой «заамвонной» молитвы священника во время литургии. Следующие шесть строк написаны на оборотной стороне обложки. Последняя строка, значащая в переводе: «Ни женщина, ни мальчик», находится на задней стороне обложки, внизу. Экземпляр переплетен в простой переплет. При нем находится в таком же переплете экземпляр второй части «Стихотворений А. Пушкина», замечательный тем, что на с. 43 Пушкиным вписан карандашом текст 21 строфы стихотворения «19 октября <1825 г.>». Об этом см. подробнее в названных статьях И. Виноградова и Н.Н.Фатова. О Е.Н.Ушаковой см. выше.

[1] *Перевод:* Ни женщина, ни мальчик...

21.

Княгинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Гагариной
отъ Пушкина. Семеновой — отъ сочинителя.

Впервые опубликовано Н.И.Стародубским в статье «Артистки Семеновы» в *РС*, 1873, № 2, с. 267. Ср. «Русский биографический словарь», т. Сабанеев—Смыслов, СПб., 1904, с. 303. Подлинник ныне неизвестно где находится. Надпись Пушкина сделана на обложке экземпляра книги: «Борис Годунов. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1831», 8° 6 нен.+142 с. Вышла она в свет около 22—23 декабря 1830 г.

Екатерина Семеновна *Семенова* (1786—1849) — знаменитая драматическая артистка. В мае 1828 г. вышла замуж за сенатора кн. Ивана Алексеевича Гагарина (1771—1832), с которым до брака прожила пятнадцать лет и прижила сына и трех дочерей, получивших фамилию Стародубских. Пушкин в период своего увлечения театром (1817—1820) был горячим поклонником Семеновой. Ей он посвятил восторженные строки в своей статье «Мои замечания о русском театре», которую затем ей подарил. По словам Н.И.Гнедича, Пушкин в 1819 г. «приволакивался» за Семеновой, «но бесполезно» (см. *П* I, 250—251). Семенова воспета Пушкиным в «Евгении Онегине» (XVIII строфа первой главы):

...Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил.

22.

Его Высокопревосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу Дмитріеву
отъ Автора

Впервые напечатано: *РП*, с. 717 по подлиннику, хранившемуся в Библиотеке Московского университета (совр. шифр — *ПД* № 1681). Надпись сделана на экземпляре «Бориса Годунова», изд. 1831 года, на обороте лицевой обложки. Экземпляр в переплете. В письме к Пушкину 3 января 1831 года Дмитриев благодарил поэта за «драгоценный подарок» (*АП* II, 210).

23.

К. Елиму Мещерскому

Впервые напечатано: *РП*, с. 717. Подлинник, принадлежавший Н. О. Лернеру, хранился в *ЛМ* (совр. шифр — *ПД* № 1686). Надпись сделана на обложке книги в переплете: «Борис Годунов. СПб., 1831 г.».

Князь Элим Петрович *Мещерский* (26 октября 1808—2 ноября 1844)[1] — поэт и переводчик; писал преимущественно на французском языке. Член-корреспондент Лионской академии наук. Служил по Министерству иностранных дел, при русской миссии в Дрездене (1828—1830), затем в Турине (1831—1833) и все остальное время — в Париже. Мещерский сотрудничал в русских альманахах и журналах, а также в иностранных журналах, например, в издававшемся в Париже журнале «Le Panorama litteraire de l'Europe» («Литературная панорама Европы»). В 1830 г. он издал книгу: «De la litterature russe. Discours prononcé à l'Athenée de Marseille,dans le séance du 26 juin 1830, par le prince Elim Mestchersky («О русской литературе. Речь, произнесенная в "Атенее" в Марселе, на заседании 26 июня 1830 г. кн. Элимом Мещерским»), выдержки из которой на русском языке были опубликованы в «Литературной газете», 1831, № 7, с. 56. Пушкин, несомненно, читал их. Перу Мещерского принадлежит также изданная анонимно книга: «Lettres d'un russe adressées à M. M. Les rédacteurs de la Revue Européenne, ci-devant du correspondant. Nice 1832 («Письма русского, адресованные гг. редакторам "Европейского обозрения" от бывшего корреспондента». Ницца), в которой много места уделено Пушкину. Несколько произведений Пушкина в переводе Мещерского помещено в его изданиях «Les Boréales par B. de G. et le prince Elim Metscherski, membre correspondant de l'Académie de Lyon». Paris. 1839 («Северные сияния». Соч. Б. де Г. и кн. Э. Мещерского, члена-корреспондента Лионской академии. Париж); «Les roses noires par le prince Elim Mestchersky». Paris 1845. («Черные розы». Соч. кн. Э. Мещерского); «Les poètes russes, traduits en vers fransais, par le prince Elim Metscherski», в двух томах. Paris 1846 («Русские поэты в переводе на французский язык стихами кн. Э. Мещерского») (см. рецензию в «Северной пчеле», 1847, № 38). Содержание этих трудов Мещерского см. в книге В.И.Межова «Puschkiniana», СПб., 1886, №№ 3247, 3278, 3284, 3289. О других сочинениях его см.: Геннеди Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых. Т. II. Берлин, 1880, с. 316, и в примечаниях В.И.Саитова к *ОА* III, 695—698, 700, 715 и др. по указателю. (См. также: Барсуков Н.П. Жизнь и труды Погодина, IV, с. 25 и 137; Записки М. И. Глинки. Под ред. А. Н. Римского-Корсакова. Л., 1930, с. 297—298; Дурылин С.Н. Русские писатели у Гете в Веймаре. «Литературное наследство», № 4—6, 1932, с. 222—236).

Кроме публикуемой нами надписи Пушкина, сохранился еще один материальный след их встреч. В библиотеке Пушкина имеется книга «Dernières Paroles, Poésies, Paris, 1835» («Последние слова. Стихотворения»), со следующей надписью: «à M. le prince Elim Metschersky Antoni Desch <amps>» («князю Элиму

[1] Дата смерти в «Петербургском некрополе» 2 октября — ошибочна.

Мещерскому Антон Деш<амп>») (см. *ПС* IX—X, 222; ср. *ПС* XXXVIII—XXXIX, 79). В июне 1836 г. Мещерский приезжал временно из Парижа в Петербург (см. *ОА* III, 322), и имя его довольно часто мелькает в петербургском дневнике А. И. Тургенева в период времени с 7 декабря 1836 г. по 16 января 1837 г. (см.: Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина, 3-е изд. Л., 1928, с. 276, 279, 285 и 287). В это время, очевидно, Мещерский задумывал, по свидетельству Н. В. Кукольника, издавать в Петербурге «Revue русских произведений для русских во французских переводах» (см.: Записки М.И.Глинки. Л., 1930, с. 460), довольно часто встречался с Пушкиным у общих знакомых, беседовал на литературные темы и ссудил Пушкина книгой, подаренной Мещерскому Антонием Дешамп. Книгу эту Пушкин так ему и не возвратил. В это же время, очевидно, Пушкин и преподнес Мещерскому экземпляр «Бориса Годунова».

24.

Плетневу отъ Пушкина
Въ память Дельвига
1832
15 февр.
С.П.Б.

Впервые опубликовано Б.Л.Модзалевским в *ПС*, XVI, 38, а затем в *ПХ*, с. 91. Подлинник принадлежал П.Е.Щеголеву, приобретшему его от Петра Александровича Плетнева — внука, позднее — П.П.Щеголеву. Надпись сделана на экземпляре (в переплете) книжки: «Северные цветы на 1832 год. Санктпетербург, в Типографии Департамента Внешней Торговли. 1831, 12°». См. воспроизведение в №№ 16—18 «Литературного наследства», с. 595. Издание «Северных цветов» на этот год Пушкин взял на себя после смерти Дельвига, в пользу вдовы его — бар. С.М.Дельвиг; в этом деле Пушкину помогал П.А.Плетнев, чем объясняется, что вскоре по выходе книжки в свет (она вышла в конце декабря 1831 г.) Пушкин один экземпляр ее подарил Плетневу, сделав на нем соответствующую надпись (о смерти бар. А.А.Дельвига и об издании «Северных цветов» см. в *ПХ*, с. 83—91).

25.

Его Превосходительству
Милостивому Государю
Александру Николаевичу
Мордвинову

въ знакъ глубочайшаго
уваженія

отъ Автора

16 декабря
1834

Впервые напечатано: *РП*, с. 719 по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (№ 340—51 особого хранения). Надпись сделана на обороте форзаца 1-й части «Истории Пугачевского бунта», СПб., 1834; экземпляр без обложек в одном издательском переплете (обе части). (Ср. «Известия ЦИК СССР», 26 октября 1934, № 251.)

Александр Николаевич *Мордвинов* (5 июня 1792—31 января 1869) в это время (с 1 сентября 1831 г.) состоял управляющим III Отделением собственной е. и. в. канцелярии; с 1832 г., кроме того, служил в Главном управлении цензуры; впоследствии был вятским гражданским губернатором и умер в звании сенатора. А. Н. Мордвинов был правою рукою А.Х.Бенкендорфа и нередко заменял последнего в сношениях с Пушкиным (подробнее см. в *ПС* VI, 110—113). Судя по дате, экземпляр книги Пушкин поднес Мордвинову еще до выхода ее в свет; очевидно это был первый экземпляр.

26.

Александру Петровичу
Куницыну
отъ Автора
въ знакъ глубокаго уваженія
и благодарности
11 Янв
1835

Впервые напечатано: *РП*, с. 720 по подлиннику (*ПД* № 758). Надпись сделана на обороте листка перед шмуцтитулом книги в издательском переплете: «История Пугачевского бунта. Часть первая. Санктпетербург. 1834»; 6. 8°. В таком же переплете имеется и вторая часть «Истории Пугачевского бунта», но без надписи. Книга вышла около 28 декабря 1834 г. См. факсимиле в «Литературном наследстве», № 16—18, с. 445.

Александр Петрович *Куницын* (1783—1840) был адъюнкт-профессором Царскосельского Лицея (1811—1816) и преподавал в нем нравственные и политические науки (1814—1820). Из всех своих учителей Пушкин только одного Куницына вспоминает с благодарностью в своих стихотворениях (см., например, его стихотворение «19 октября 1836 г.»). А.П.Куницын, очевидно, сообщал Пушкину какие-либо сведения во время его работы над историей Пугачева, но в своем издании Пушкин о нем нигде не упоминает.

Александру Петровичу
Куницыну

отъ Автора

въ знакъ глубокого уваженія
и благодарности.

11 Янв
1835

Дарительная надпись на книге «История Пугачевского бунта»

Надпись Пушкина является единственным документом, свидетельствующим о сношениях Пушкина с Куницыным в последние годы жизни поэта. О надписи и о Пушкине и Куницыне см. в книге А. А. Фомина «К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века», с. 55 прим. и др., а также «Известия ЦИК СССР», 26 октября 1934, № 251.

27.

Сергѣю Дмитриевичу
Комовскому
отъ А. Пушкина
въ память Лицея
26 Янв
1835
С.П.Б.

Впервые напечатано: *РП*, с. 721 по подлиннику (*ПД* № 759). Надпись сделана на обороте шмуцтитула книги в обложке, без переплета: «История Пугачевского бунта, СПб., 1834, часть первая». Имеется и вторая часть «Истории Пугачевского бунта», но без надписи (ср. «Известия ЦИК СССР», 26 октября 1934, № 251).

Сергей Дмитриевич *Комовский* (1793—1880) — товарищ Пушкина по Лицею; в это время служил правителем канцелярии Совета воспитательного общества благородных девиц. С Пушкиным Комовский никогда не был в особенно близких отношениях. К 1861 г. относится записка Комовского о пребывании Пушкина в Лицее, но дальше общих мест и всем известных фактов она не идет (см. «Труды Я. К. Грота», т. III, СПб., 1901, с. 218—222 второй пагинации). О Комовском см.: Гастфрейнд Н.А. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею. В 3-х т. СПб., 1912. Т. 1, с. 517—548.

28.

Любезному другу
Алѣксѣеву
отъ Пушкин<а>
въ память б<ылова>

Впервые напечатано: *РП*, с. 721 по подлиннику (*ПД* № 760). Надпись сделана на лицевой стороне обложки первой части «Истории Пугачевского бунта», СПб., 1834. Экземпляр в простых переплетах (имеется и вторая часть, но без надписи) с позднейшими (сделанными по заказу Лицейского музея) супербложками. При переплетании

часть букв, заключенных в угловые скобки, отрезана; слово «былова» восстановлено по надписи, сделанной, вероятно, самим Алексеевым. На экземпляре имеется exlibris: «Библіотека Н.Алексѣева № «..» полка...томъ №...». (Ср. «Известия ЦИК СССР», 26 октября 1934, № 251.)

Николай Степанович *Алексеев* (род. в 1789 г. — ум. в 1850—1860-х гг.) — был едва ли не единственным интимным другом Пушкина в годы его ссылки в Кишиневе. Есть основания думать, что «Гавриилиада» посвящена Пушкиным Н. С. Алексееву (см. *П* I, 283 и кн. Пушкин А.С. Гавриилиада. Поэма. Ред., примеч. и коммент. Б.В.Томашевского. Труды Пушкинского Дома. Петербург, 1922, с. 26, 29, 43, 46, 47, 48, 79 и 102). Из переписки Пушкина с Алексеевым до нас дошли два письма Пушкина и четыре письма Алексеева (см. *АП* I, №№ 278, 289, II, №№ 309, 500 и III, № 887). В письме от 23 января 1835 г. (№ 887) Алексеев писал Пушкину: «В заключение напоминаю тебе об обещанном экземпляре Пугачева с твоею подписью, которая не раз уже украшала полученные мною от тебя книги». Надо думать, что вскоре же по получении этого письма Пушкин и подарил экземпляр Алексееву с публикуемой надписью.

29.

Его Высокопревосходительс<тву>
Милостивому Государ<ю>
Ивану Ивановичу
Дмитріеву
отъ Автора,
въ знакъ глубочайшаго почт<енія>
преданности и благодарно<сти>

Впервые напечатано: *РП*, с. 722 по подлиннику, хранившемуся в библиотеке Московского государственного университета (совр. шифр — *ПД* № 1685). Надпись сделана на шмуцтитуле книги: «История Пугачевского бунта». Часть первая, СПб., 1834». При переплетании книги концы четырех слов, заключенных нами в угловые скобки, срезаны. (Ср. «Известия ЦИК СССР», 26 октября 1934, № 251.)

Пушкин благодарил И. И. Дмитриева за некоторые сведения, которыми он воспользовался для своей «Истории Пугачевского бунта». Так, И. И. Дмитриев сообщил Пушкину о распоряжении Г. Р. Державина повесить двух мужиков: «более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости», когда мужики одного села намерены были присоединиться к Пугачеву; в другом месте Пушкин воспользовался отрывком неизданных записок Дмитриева, где последний описывал казнь Пугачева (см. *Ак* XI, 154, 206 и др. по указателю). И. И. Дмитриев благодарил Пушкина за присылку экземпляра «Истории Пугачевского бунта» письмом от 10 апреля 1835 г. (Москва): «Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего Автора. Сердечно благодарю вас за приятный гостинец и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное

надписание» (*АП* III, 191), и далее передает Пушкину о толках в Москве по поводу нового труда поэта.

30.

Баронессѣ Евпраксіи Николаевнѣ
Вревской

22 сент
1835
Михайловское

<стр. 1, глава I, внизу>[1]	+ Написан въ Кишеневѣ и Одессѣ 1823
<стр. 39, глава II, внизу>	Писана въ Одессѣ въ 1823 и 24
<стр. 67, глава III, внизу>	Писано въ 1824 въ Од<ессѣ> и Михайловскомъ
<стр. 101, глава IV, внизу>	Въ Михайл. 1825
<стр. 131, глава V, внизу>	въ Мих. въ 1826
<стр. 161, глава VI, внизу>	въ Мих. 1826
<стр. 191, глава VII, внизу>	въ Мих. и въ П. Б. 1827 и 28
<стр. 227, глава VIII, внизу>	Въ Болдинѣ 1830[2]

Впервые напечатано: *РП*, с. 723 по подлиннику (*ПД* № 173). Надпись Пушкина сделана карандашом (теперь полустертым и покрытым молоком) на шмуцтитуле книги в простом переплете с красным кожаным корешком, без обложек: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Александра Смирдина 1833», 8°. Другие пометы писаны также карандашом, при каждой главе, внизу указанных страниц. При переплетании часть слова, вставленная нами в угловые скобки, отрезана. Вверху надписи Пушкина на шмуцтитуле рукою бар. П.А.Вревского написано: «Прошу не стирать карандаш, ибо это почерк поэта А. С. Пушкина. П.Вревский». На листке перед шмуцтитулом бар. Е. Н. Вревская написала: «Donné à mon cher Paul en souvenir de sa visite à Goloubowo l'année 1877 le 3 janvier par sa grande maman E.Wrewsky» («Подарено моему дорогому Павлу на память о его посещении Голубова 3 января 1877 г. его бабушкой Е.Вревской»).

---

[1] *После печатных слов:* глава первая — *сделан знак сноски:*+

[2] *На этой же странице в эпиграфе, в слове* Buron *Пушкин сделал палочку к букве* и, *чтобы получить* у.

Книга вышла около 23 марта 1833 г. Пушкин подарил ее Вревской в 1835 г., когда был в Михайловском с начала сентября до середины октября 1835 г[1]. Экземпляр замечателен отметами Пушкина о времени написания каждой главы «Онегина». Отличия этих помет от помет на листе так называемой «Хронологии Онегина» заключаются в следующем: в последний не поставлены годы написания I и VIII (бывшей IX) песен, II песня имеет один год — «1824»; V песня — два года: «1825, 1826» и VII песнь — «Мих. П. Б. Малинн<ики> 1827, <182>8».

31.

Милостивому Государю
Григорью Павловичу
Небольсину
въ знакъ глубочайшаго
уваженія
отъ издателя
1836 декабрь

Впервые напечатано: *РП*, с. 724 по подлиннику (*ПД* № 762). Факсимиле в уменьшенном виде воспроизведено при статье Д. Горбова «Зачем нам Пушкин?» в «Красной ниве», № 48, от 24 ноября 1929 г., с. 18, и в «Литературном наследстве», 1934 г., № 16—18, с. 433. Надпись сделана на лицевой стороне обложки книги без переплета: «Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Второй том. Санктпетербург. В Гуттенберговой типографии. 1836», 8°. Экземпляр «Современника» является единственным материальным следом знакомства Пушкина с Г.П.Небольсиным.

Григорий Павлович *Небольсин* (25 октября 1811 — 16 июня 1896 г.) — член Государственного совета, сенатор и почетный член Совета мануфактур и Московского университета. В молодости служил в Министерстве финансов по Департаменту внешней торговли, а затем чиновником особых поручений этого департамента; с 1829 г. по 1859 г. был редактором «Коммерческой газеты» и позднее товарищем министра финансов. Он был известен статистическими и научно-литературными трудами; принимал участие в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара и печатался в разных периодических изданиях, например, в «Библиотеке для чтения» и «Трудах Вольного экономического общества», в котором состоял секретарем в течение многих лет и был затем его почетным членом (подробнее о нем см. в *ИВ* 1896, № 8, с. 561—563, а также: Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. В 4 т. Пг., 1917. Т. IV, с. 506, где указана библиография). В 1835 г. Небольсин составил и издал «Статис-

[1] Пушкин подарил Е.Н.Вревской также и экземпляр последней главы «Евгения Онегина», но без всякой надписи (см. «Известия Имп. Академии Наук», VI сер., 1911, с. 512; *ВПД* на 1914 г., № 27, с. 10).

тические записки о внешней торговле России». Возможно, что Пушкин знал эту книгу и, желая привлечь молодого автора к участию в «Современнике», подарил ему экземпляр своего журнала.

32.

Твоя отъ твоихъ!
Сказочнику казаку Луганскому,
сказочникъ Александръ Пушкинъ

Впервые напечатана П.Мельниковым в «Полном Собрании сочинений Владимира Даля (казака Луганского)», т. I, 1897 г., с. XXXIII. По словам Мельникова, надпись была сделана Пушкиным на рукописи его сказки о рыбаке и рыбке, подаренной с этой надписью В. И. Далю, после того как последний напечатал в 1832 году свои «Русские сказки. Первый пяток». «Они встречены были с восторгом всеми лучшими писателями того времени; особенно Пушкин был от них в восхищении. Под влиянием первого пятка сказок Казака Луганского, он написал лучшую свою сказку — *О рыбаке и золотой рыбке* и подарил Владимиру Ивановичу ее в рукописи» с приведенной выше надписью. Сказка о рыбаке и рыбке датирована в рукописи (в тетради № 2376-В, лл. 2 и 21) «14 окт. 1833. Болдино». Действительно, незадолго до этого, 18—19 сентября, Пушкин виделся с Далем в Оренбурге, когда поэт был там, собирая сведения о Пугачеве. В своей статье «Пушкин и Даль» (в книге «Пушкин», СПб., 1899, с. 415) Л.Н.Майков не соглашается с Мельниковым в том, что сказка Пушкина написана под влиянием Сказок Даля; можно только предположить, говорит тот же исследователь, «что от Даля Пушкин получил материал для своей сказки». С этим мнением согласился и Н.О.Лернер в *В* VI, с. 445.

Рукопись сказки, подаренной Далю, не сохранилась. Пушкин подарил ее ему несомненно после 14 октября 1833 г., но точнее определить дату не представляется возможным.

О Пушкине и Дале (1801—1872 г.) известна большая литература. Кроме названной выше статьи Л.Н.Майкова об их взаимоотношениях, см. еще: *РС*, 1907, № 10, с. 63—67 (записки Даля о Пушкине), *СПД* на 1923 г., с. 18—30; Грот Я.К. Труды, т. III, СПб., 1901, с. 397; *РА*, 1880, III, с. 473—480 (статья Даля, оставшаяся в бумагах Пушкина и, вероятно, предназначавшаяся к напечатанию в «Современнике», с датой 16 августа 1836 г.); *РА*, 1872, столб. 2026; *РС*, 1907, № 12, с. 280; «Известия отд. рус. яз. и слов. Академии Наук, 1910, т. XV, вып. 1, с. 63—77; *ПС*, в XXIII-XXIV, с. 67—100 и 301—304; «Киевские Университетские Известия», 1912 г., № 12, с. 140; Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина, 3-е изд., Л., 1928, по указ., и Рассказы о Пушкине, записанные П.И.Бартеневым. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1925, с. 21—22 и 67—68, где указана главнейшая литература. О самом Дале ценные биографические сведения см. в *РС*, 1913, № 7, с. 82—86.

III. Надписи на книгах сочинений других авторов

33.

Другу отъ Друга

Печатается по автографу, хранившемуся в *ПБЛ* (см.: «Отчет Библиотеки за 1887 г.», с. 105—106; Майков Л.Н. Материалы для академического издания сочинений Пушкина, СПб., 1902, с. 1; *ПС* IX—X, с. XVII и *Рук. П.*, 5—6 и 46, где указана библиография; совр. шифр — *ПД* № 876). Надпись Пушкина сделана, вероятно в 1818 г., на листке перед титульным листом книги: «La Pucelle, poéme en vingt un chant avec les notes par Voltaire Edition stéréotype d'aprés le procédé Firmon Didot. A Paris. An X (1801)». («Девственница, поэма в двадцати одной песне, с примечаниями Вольтера». Стереотипное издание по способу Фирмон Дидо, 12°, 300 с.). Экземпляр этот в темно-синем сафьяне с золотым тиснением и обрезом подарен был Пушкиным Н.И. Кривцову. После печатаемой нами надписи Пушкина в экземпляр вклеен листок (13x8½ см.) с автографом послания Пушкина Н.И.Кривцову: «Когда сожмешь ты снова руку», с датой: «1818 Марта 2». Листок этот, вероятно, был вклеен самим Кривцовым, и, когда Пушкин дарил эту книгу, его не было[1]. См. снимок в «Литературном наследстве», 1934 г., № 16—18, с. 989.

Николай Иванович *Кривцов* (1791—1843) познакомился с Пушкиным в 1817 г.; в 1818 г. Кривцов был причислен к русскому посольству в Лондоне; перед отъездом его за границу Пушкин и подарил ему этот экземпляр поэмы Вольтера (см. *П* I, 195—196).

34.

Милостивому Государю
Братцу Льву Сергѣевичу Пушкину

Напечатано впервые Б.Л.Модзалевским в *ПС* IX—X, 15 (№ 50). Факсимиле воспроизведено в «Литературном наследстве», № 16—18, с. 777. Эта шуточная надпись Пушкина сделана на внутренней стороне верхней крышки переплета книги: «О запое и о лечении оного. В наставление каждому, с прибавлением подробного изъяснения для неврачей о способе лечения сей болезни. Сочинение Доктора К. Бриль-Крамера. Москва. В Университетской Типографии. 1819», 8°, 197 с. Пушкин

---

[1] Надпись Пушкина ввела в заблуждение Л.Н.Майкова, озаглавившего послание Пушкина: «Другу от Друга» (см.: Материалы для академического издания сочинений А.С.Пушкина. Собр. Л.Н.Майков. СПб., 1902, с. 1; ср. в *Ак* II, прим. 3—4).

мог подарить эту книгу брату не ранее мая 1827 г., когда приехал в Петербург после ссылки. Л.С.Пушкин отличался беспорядочным образом жизни, много проигрывал в карты и кутил.

Весьма вероятно, что Пушкин книгу с надписью фактически и не подарил беспутному братцу, так как книга сохранилась в библиотеке поэта.

35.

Павлу Воиновичу
Нащокину
отъ Автора
6 мая 1830 г
Москва 1 билетъ

Напечатана впервые Н.С.Ашукиным в «Литературной газете», № 7 от 3 июня 1929 г., по копии, снятой В. Я. Брюсовым с оригинала (*ПД* № 727). Надпись сделана на обороте печатного пригласительного билета о помолвке Пушкина с Н. Н. Гончаровой, следующего содержания: «Николай Афонасьевичъ и Наталья Николаевна <sic!> Гончаровы, имѣютъ честь объявить о помолвкѣ дочери своей Натальи Николаевны съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, сего Маія 6 дня 1830 года». Подробности см. в названной заметке Ашукина. (Ср. «Вечерняя красная газета», 23 октября 1934: «Новый Пушкинский автограф».)

36.

Souvenir aimable de la part de M-r Pouchkine, jeune littérateur très distingué.

Перевод:

Любезный подарок г-на Пушкина, молодого писателя, весьма почтенного.

Напечатана впервые Б.Л.Модзалевским, как надпись Пушкина, в «Каталоге Пушкинской юбилейной выставки в Имп. Академии Наук в С.-Петербурге», СПб., 1899, с. 21 (№ 169). Подлинник принадлежал П.П.Зубовой, внучке бар. Е.Н.Вревской, к которой, вероятно, и относится эта шуточная надпись Пушкина, сделанная на книге: «Popular ballads and songs, from tradition, manuscripts and scarce editions». Paris, 1825. Издание бар. Лёве-Веймарса («Народные баллады и песни по преданиям, рукописям и редким изданиям». Париж, 1825).

Экземпляр этой книги Пушкин подарил Е.Н.Вульф-Вревской, вероятно, в 1825—1826 гг. в Михайловском, но может быть и позже. Подлинник в настоящее время неизвестно где находится.

37.

поэту Тѣплякову
отъ поэта Пушкина
Въ 1836
25 сентября
С. П. Б.

Печатается по подлиннику (*ПД* № 761). Напечатано впервые в № 16—18 «Литературного наследства», с. 1022. Надпись Пушкина сделана на листке перед шмуцтитулом первого тома книги: [Thomas Hope] «Anastase, ou mémoires d'un grec, écrits a la fin du XVIII-e siècle; traduits de l'anglais par l'auteur de Londres en 1819». Paris, 1820, т. I—4 нен. + 1 карта Оттоманской империи + 499 с.; т. II—525 с. Оба тома в простых переплетах. На шмуцтитуле второго тома надпись, вероятно, прежнего владельца книги: «Ивановский». Слово «Тѣплякову» печатается нами по чтению Б.Л.Модзалевского, хотя оно написано неясно и, по мнению Б.В.Томашевского, может читаться: «Тяпяшову». Мы все же склонны придерживаться чтения Б.Л.Модзалевского, считая вторую букву за «ѣ», а не за «е», как читал последний.

Виктор Григорьевич *Тепляков* (1804—1842) — известный поэт и путешественник-археолог.

На творчество Теплякова Пушкин имел сильное влияние. Тепляков называл его «великим учителем». Личное знакомство Теплякова с Пушкиным, вероятно, произошло в 1835—1836 гг.; до этого времени они не могли сталкиваться[1]. «Во время пребывания в Петербурге, — говорит Ф. А. Бычков, — с 21 мая по 4 июля 1835 г. и с 15 октября того же года по 21 июня 1836 г. Тепляков вращался в среде светил тогдашнего русского литературного мира; в дневнике его, оставшемся в рукописи, то и дело встречаются заметки об обедах и вечерах, проведенных Виктором Григорьевичем в обществе Жуковского, Пушкина, князя Одоевского, Плетнева, графа Виельгорского, Норова, Соболевского и др.» (*ИВ* 1887, № 7, с. 11). К сожалению, дневник этот до сих пор не напечатан. 26 августа 1836 г. Тепляков был уже в Одессе (см. письмо его кн. В. Ф. Одоевскому в *ПС* XXIX—XXX, 221). Очевидно, Пушкин книгу Hope'а послал Теплякову уже после его отъезда из

[1] Выдержки из дневника В.Г.Теплякова, опубликованные А.Греном в «Петербургском вестнике», 1861, № 14, вымышлены. Они вошли в книгу Н.В.Гербеля «Русские поэты в биографиях и образах», 3-е изд., СПб., 1888, с. 273—274, и в книгу П.И.Бартенева «Пушкин в Южной России», М., 1862, с. 72—73 (ср. «Известия Отд. Русск. Яз. и слов. Имп. Академии Наук», 1911, т. XVI, кн. 3, с. 321).

Петербурга. К его поэзии Пушкин относился также весьма сочувственно. Известен его благоприятный отзыв о напечатанном в «Северных цветах на 1830 г.» стихотворении Теплякова «Странники» (см. *РС* 1896, № 3, с. 660 и 662).

В 1836 году вышел в свет второй том «Стихотворений Виктора Теплякова» под заглавием: «Фракийские элегии», о котором Пушкин написал восторженную рецензию в своем «Современнике», т. III, с. 170—186 (ср. *Ак* IX, 322—335 и прим., 813—821). Надо думать, что Пушкин и лично высказывал Теплякову свое мнение по поводу его «самобытного таланта».

Об отношении Теплякова к Пушкину см. еще *РС* 1896, № 9, 661; ibid, № 4, 201, 203; ИВ 1887, № 7, 20—22; *РС* 1896, № 8, с. 415—418; ibid, № 10, 236; *ПС* XXIX—XXX, 212—214.

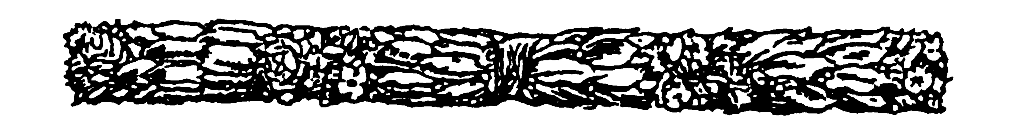
38.

А. Норову
Отъ А. Пушкина

Печатается по подлиннику (*ПД* № 757). Напечатано впервые в №№ 16—18 «Литературного наследства», с. 1022 и снимок на с. 993. Надпись Пушкина сделана на листке перед титульным листом книги в кожаном переплете: «Poesies sur la constitution unigenitus. Recueillies par Ie Chevalier de G... Officier du Regimen de Champagne. A. Villefranche, M.DCC.XXIV»; т.1—2 нен.+XXIV+317+1 нен. с.+1 гравюра; m. II—2 нен.+389+3 нен. с. (с нотами и виньетками); в одном переплете. *ИРЛИ* книга приобретена в 1929 г. за восемь рублей в Художественно-антикварной конторе Госторга.

Авраам Сергеевич *Норов* (1795—1869) — поэт и писатель, служил по Министерству внутренних дел. В 1834 г. путешествовал по Египту и Нубии и по Палестине и издал описания своих поездок. Впоследствии был министром народного просвещения (1853—1858) и членом Академии наук. Пушкин был с ним «на ты» и пользовался его замечательной по подбору книг библиотекой, о чем свидетельствуют письма к нему поэта от 1833 г. (см. *АП* III, №№ 759 и 760; «Русский вестник», 1899, № 6, с. 393—394 и прим.). Пушкин упомянул его в своем дневнике 2 апреля 1834 г. и дал нелестный отзыв в письме от 1836 г. (см. *ДП* 10 и 250—251 и *АП* III, 314, а к 1827 г. относится неодобрительный отзыв Пушкина о переводах Норова из Данте, напечатанных в альманахах «Северная лира на 1827 г.» (см. *ПС* XXIII—XXIV, 1—8 и *Ак* IX, ч. 1, с. 44 и ч. 2, с. 104). Рассказ Норова о «Гавриилиаде» Пушкина см. в «Записках и дневнике А.В.Никитенко». СПб., 1905, II, с. 240.

Книгу подарил Норову Пушкин, вероятнее всего, в 1833—1834 гг., и этот дар был, по-видимому, данью благодарности со стороны Пушкина за пользование библиотекой Норова (о ней см. сведения в книге У.Г.Иваска «Частные библиотеки в России», ч. II, прилож. к «Русскому библиофилу» за 1911. СПб., 1912, с. 17).



XI

ПРОТОКОЛЫ ПРАЗДНОВАНИЙ «ЛИЦЕЙСКИХ ГОДОВЩИН»

Празднование «лицейских годовщин» началось в среде лицеистов первого курса с первого же года существования лицея, но документальные свидетельства об этих годовщинах дошли до нас далеко не за все годы. Подробности и исчерпывающие сведения о лицейских праздниках можно найти в следующих статьях: В. П. Гаевского «Празднование лицейских годовщин в пушкинское время» в «Отечественных записках», 1861, № 12, с. 29—41 второй пагинации; Я. К. Грота «Лицейские годовщины» (Труды Я. К. Грота, III. Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1901, с. 81—86 второй пагинации) и К. Я. Грота «Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него» в ПС XIII, 38—89. Публикуемые два протокола годовщин 19 октября 1828 и 1836 гг. писаны почти сплошь рукою Пушкина.

Впервые в извлечениях оба протокола опубликованы В. П. Гаевским в названной выше статье его, на с. 34—35 и 37—38. В извлечениях же напечатаны в работах Я. К. и К. Я. Гротов (почти полностью). См. также Е[4], т. VII, с. 304—305 и 661—662.

Л. Модзалевский

1.

19 октября 1828. С. П: Б.

Собралися на пепелище скотобратца Курнофеіуса Тыркова[1] (по прозвищу Кирпичнаго бруса) 8 человѣкъ скотобратцевъ а имянно: Дельвигъ — Тося, Илличевскій — Олосенька, Яковлевъ — поясъ, Корфъ — дьячокъ морданъ, Стевенъ Шведъ Тырковъ (смотри выше) Комовскій лиса, Пушкинъ—французъ (смѣсь обѣзіаны съ тигромъ —)

a) пѣли извѣстный лицейскій пэанъ

лѣто, знойна

NB. Пушкинъ-французъ открылъ, и согласилъ съ нимъ соч. Олосенька что должно вмѣсто общеупотребляемаго припѣва лѣто знойно, пѣть какъ выше означено.

b) Вели бесѣду.

c) выпили вдоволь ихъ здоровій.

d) пѣли рефутацію Гна[1] Беранжера[2].

e) пѣли пѣсню о Царѣ Соломонѣ

f) пѣли скотобратскія куплеты прошедшихѣ 6ти годовъ —

g) Олосенька въ видѣ фр. тамбура Мажора утѣшалъ собравшихся

H) Тырковіусъ безмолствовалъ

I) Толковали о Гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ

K) Паясъ представлялъ восковую персону ——————

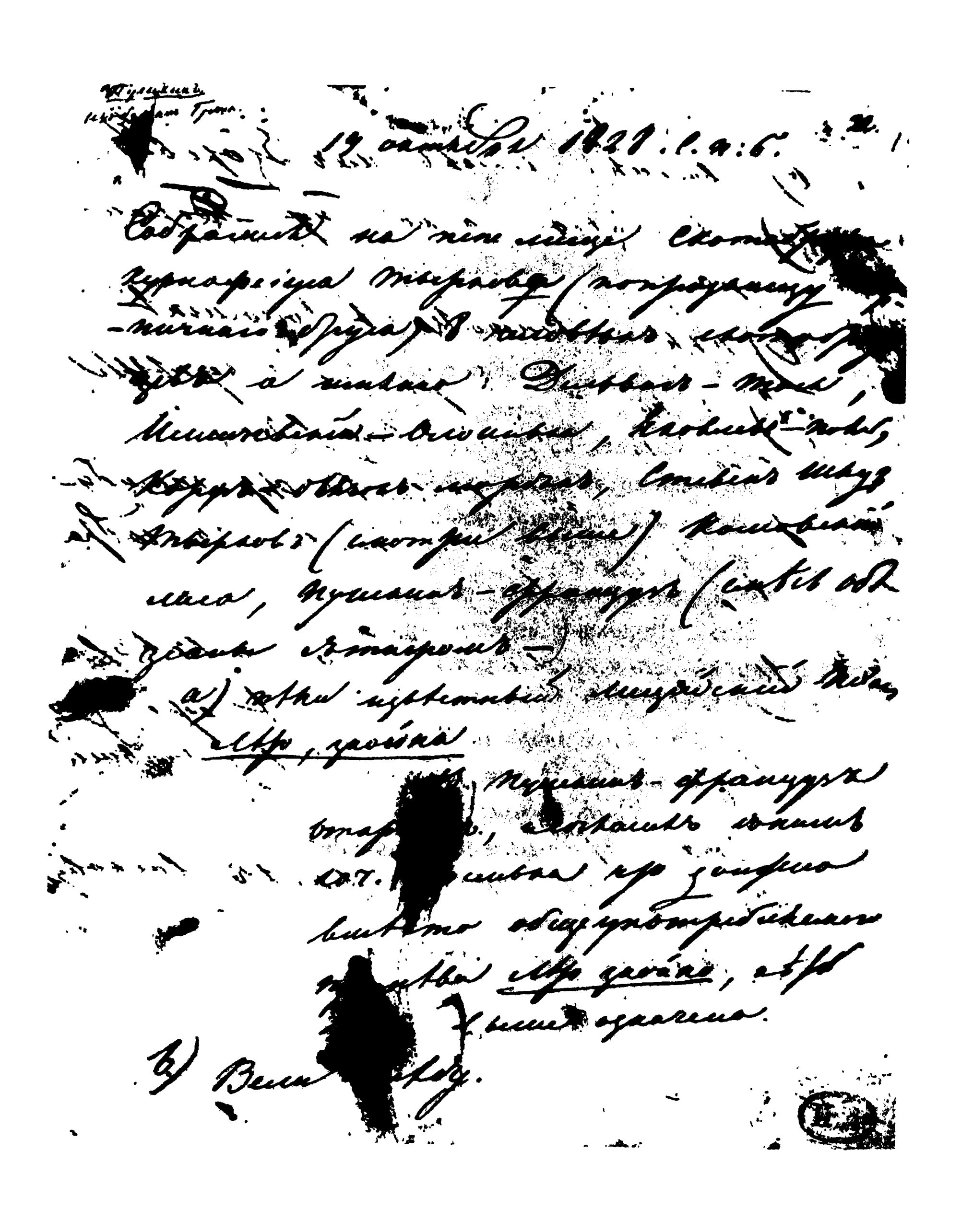
L) И завидѣли на дворѣ часъ 1ой и стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелавъ [3] добраго пути Воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину французу, иже написа сію грамоту

---

[1] а *переделано из* у.

[2] Б *переделано из* В.

[3] *Переделано из:* пожалѣвъ.



Протокол празднования лицейской годовщины 19 октября 1828 г.

Дельвигъ (Тосинька)
Илличевскій (Олесинька)
Яковлевъ (Поясъ-Комикъ)
Корфъ (Дьячокъ Морданъ)
Стевенъ (шведъ)
Кирпичный брусъ (Тырковъ)
Камовскій — (Лиса)
Пушкинъ (французъ)

Усердно помолившись Богу
Лицею прокричавъ Ура
Прощайте, братцы: мнѣ въ дорогу
А вамъ въ постель уже пора

Весь текст, кроме подписей, написан рукой Пушкина на двух листах почтовой бумаги большого формата без водяного знака (*ПД* № 725; см.: Грот К. Я. Пушкинский лицей. СПб., 1911, с. 349; здесь же между с. 352—353 приложено факсимиле начала протокола).

Относительно лицейских прозвищ лицеистов бар. М. А. Корф сообщил В. П. Гаевскому следующее: «Самая подпись протокола этими прозвищами доказывает, что никто не считал их для себя обидою, даже и при тогдашних наших, более тридцати лет тому назад, понятиях. Сколько могу припомнить, это было так: Яковлев — паяс, по чрезвычайному дару к самым разнородным фарсам и к передразниванию[1]; Корф — дьячок Мордан, первое вследствие особенного знания им церковных служб, последнее из переделки его имени Модест (как у Дельвига из Антона — Тося, у Илличевского из Алексея — Олосенька); Комовский, очень проворный и лукавенький (в школьном смысле) мальчик — лиса. Тырков был курнос и какого-то смугло-бурого цвета (кирпичный брус); Стевен был точно швед, родом из Финляндии; наконец Пушкина прозвали французом еще с первых почти дней лицейской жизни, потому что он поступил к нам с совершенно французским воспитанием» («Отечественные записки», 1861, № 12, с. 34—35 прим.).

Тырков — Александр Дмитриевич (1799 — 7 ноября 1843).

Дельвиг — Антон Антонович, барон (6 августа 1798 — 14 января 1831).

Илличевский — Алексей Демьянович (1798 — 6 октября 1837).

Яковлев — Михаил Лукьянович (19 сентября 1798 — 4 января 1868).

Корф — Модест Андреевич, барон, затем граф (11 сентября 1800 — 2 января 1876).

Стевен — Федор Христианович (1797 — 1/13 августа 1851).

Комовский — Сергей Дмитриевич (1 июля 1798 — 8 июля1880).

О перечисленных лицах см. в книге Н. А. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина», СПб., 1912—1913, тт. I—III.

Лицейский пэан «Лето, знойна...» — бар. М. А. Корф в своих заметках, приложенных к рукописи статьи В. П. Гаевского о лицейских годовщинах (*ПД* № 18031) пишет: «Этот

---

[1] Список ролей, в которых «паясил» М. Л. Яковлев (200 номеров), напечатан в книге К. Я. Грота «Пушкинский лицей». СПб., 1911, с. 80—81.

"пэан" был написан на манер Тредьяковского и в подражание ему. Вместо "согласиль" должно быть "согласился", то есть что сочинитель Илличевский принял вариант, предложенный Пушкиным, кажется, лишь для увеличения бессмыслицы». Пэан принадлежит к числу лицейских, так называемых «национальных песен» и полностью опубликован в книге К. Я. Грота «Пушкинский лицей», СПб., 1911, с. 192—193 и 221. Сочинен он А. Д. Илличевским.

Рефутация Беранжера — пародия Пушкина, начинающаяся: «Ты помнишь ли, ах, ваше благородие», впервые как произведение поэта опубликованная В. П. Гаевским в «Отечественных записках», 1861, № 12, с. 36 (ср. Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1912, с. 127—128). Входит в собрания сочинений Пушкина *КН* II, 41—42 и *ПГ* II, 284—285, но достоверного канонического текста ее не имеется. У Беранже подобного стихотворения, послужившего Пушкину материалом для пародии, нет. Стихотворение принадлежит Эмилю Дебро (Emile Debraux, 1788—1831), популярному во Франции поэту буржуазно-демократического направления. Песенка Дебро была широко известна и начинается следующими стихами: «T'en souviens tu, disait un capitaine» («Ты помнишь ли, говорил капитан»). Текст ее, с нотами на голос, по которому она пелась, напечатан Б. В. Томашевским в *ПС* XXXVII, 119—122. Беранже посвятил памяти Дебро («Oeuvres complètes», Paris, 1853, pp. 543—544, 636) стихотворение на голос этой песенки («Soldat, t'en souviens-tu...»), в котором говорил: «Debraux dix ans régna sur le goguette... du pauvre peuple il chanta les amours...» («Дебро десять лет царил в шутливых песенках... бедного народа он пел любовь...» (См. об этом подробнее *в В* V, с. VII—VIII, а также: Фонтон Ф.П. Воспоминания. Лейпциг, 1866, II, 182.)

Песня о царе Соломоне — стихотворение бар. А. А. Дельвига «Друзья поверьте, не грешно Любить с вином бокал...»; в отрывке приведено В. П. Гаевским в «Библиографических записках», 1861, № 12, с. 35, прим. В «Сочинения бар. А. А. Дельвига», изд. журнала «Север», СПб., 1893, не вошло. Нет о нем сведений и в позднейших исследованиях о Дельвиге (например: Дельвиг А.А. Неизданные стихотворения. Под ред. М. Л. Гофмана. П., 1922, и Верховский Ю. Барон Дельвиг. Изд. А. С. Кагана, 1922). Стихотворение ныне полностью по записи М.Л. Яковлева напечатано в «Полном собрании стихотворений А. А. Дельвига», под ред. Б. В. Томашевского, Л., 1934, с. 395 и 495.

Конец стихов Пушкина имеет в виду его отъезд. Действительно, в этот же день, в ночь на 20 октября, Пушкин уехал в с. Малинники, Старицкого уезда, Тверской губернии, в имение П. А. Осиповой, где и провел около шести недель (об этом см. *П* II, 56—58 и прим. к ним, и заметку Л. Б. Модзалевского «Два новых автографа Пушкина» в «Звеньях», № 1, М.; Л., 1932, с. 50—52).

2.

19 Октября 1836.

Праздновали дватцатипятилѣтіе Лицея (на Екатерининскомъ каналѣ, въ бывшемъ Библейскомъ домѣ, возлѣ Михайловскаго Дворца, на квартирѣ Яковлева):

П. Юдинъ
П. Мясоѣдовъ
П. Гревеницъ
М. Яковлевъ.
Мартыновъ.
Модестъ Корфъ
А. Пушкинъ
Алексѣй Иллитчевскій
С. Комовскій
Ф. Стевенъ.
К. Данзасъ

Собрались выше упомянутыя Господа лицейскія въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

1) Обѣдали вкусно и шумно
2) выпили три здравія (по заморскому toasts)
a) за дватцати пятилѣтіе Лицея
b) за благоденствіе Лицея
c) за здоровье отсутствующихъ
3)[1] Читатели письма писанныя нѣкогда отсутствующимъ братом Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.
4) Читали старинныя протоколы, пѣсни, и проч. бумаги хранящіяся въ Архивѣ Лицейскомъ у старосты Яковлева —
5) Поминали Лицейскую старину
6) Пѣли національныя пѣсни.
7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-ти лѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ; но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегоднишнему протоколу.

Примѣчаніе. Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ десятаго.

Текст, напечатанный обычным шрифтом, написан рукой Пушкина, начало и конец протокола (мелкий шрифт) написаны рукой М. Л. Яковлева. Подписи участников празднования — их автографы.

Протокол написан на двух листах писчей бумаги с водяным знаком: «Б. У. 1835»(*ПД* № 746; см.: Грот К. Я. Пушкинский лицей. СПб., 1911, с. 349 и с. 350 и 351, где полностью воспроизведено факсимиле протокола).

Юдин — Павел Михайлович (1798 — 28 января 1852).

[1] *Переделано из 2.*

Мясоедов — Павел Николаевич (1799 — 3 ноября 1868).

Гревениц — Павел Федорович, барон (17 мая 1798 — 10 мая 1847).

Мартынов — Аркадий Иванович (1801— 2 мая 1850).

О М. Л. Яковлеве, бар. М. А. Корфе, А. Д. Илличевском, С. Д. Комовском, Ф. Х. Стевене — см. выше.

Данзас — Константин Карлович (1801 — 3 февраля 1870).

О перечисленных лицах см. в книге Н. А. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина», СПб., 1912—1913, тт. I—III.

Письма Кюхельбекера — по утверждению В. П. Гаевского, обращены к С. Д. Комовскому. Одно из них напечатано Я. К. Гротом (см.: Грот Я.К. Труды. III, 257—258 второй пагинации). Ср. *ПС* XIII, 61 прим.

Стихи Пушкина — «Была пора: наш праздник молодой...»

Обещания своего приложить к протоколу список с этого стихотворения Пушкин не выполнил.

По поводу чтения Пушкиным этих стихов до нас дошло два рассказа товарищей Пушкина — один, записанный П. В. Анненковым со слов неназванного лица, другой — В. П. Гаевским со слов М. Л. Яковлева, как бы в возражение Анненкову. Анненков писал: «...По обыкновению и к 1836 году он < Пушкин> приготовлял лирическую песнь, но не успел ее докончить. В день праздника он извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного, и только что начал, при всеобщей тишине, свою удивительную строфу:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,

как слезы покатились из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты, на диван... Другой товарищ уже прочел за него последнюю лицейскую годовщину» (*А* I, 425).

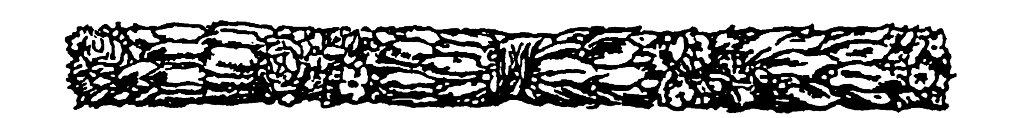
Через несколько лет В. П. Гаевский, в своей статье «Празднование лицейских годовщин», писал: «По свидетельству Яковлева, поэт только что начал читать первую строфу, как слезы полились из его глаз. Он не мог продолжать чтение». Далее Гаевский возражает Анненкову, цитируя конец только что приведенного нами абзаца: «Заметил, что Пушкин читал наизусть и, следовательно, никто не мог дочитать его стихов» («Отечественные записки», 1861, № 11, с. 38).

Кроме первого чернового автографа, до нас дошел лишь один перебеленный автограф этого стихотворения, писанный на отдельном листе (*ПД* № 992). Он представляет собою текст с поправками, зачеркнутыми и не замененными словами и недописанным последним стихом. Стихи так и не были закончены. Вообще говоря, Пушкин писал стихи чаще в тетрадях, чем на отдельных листах. Не исключена возможность, что он написал на листе именно для того, чтобы взять его с собой на празднование лицейской годовщины.

Как видно из приведенных рассказов участников празднования, Пушкин так разволновался, что не мог продолжать чтение. Это отразилось и на протоколе празднования. Конец его написан Яковлевым.

День 19 октября 1836 г. совпал со днем 25-летия существования лицея. В этот день Пушкин последний раз в жизни присутствовал на товарищеском празднике.

Кроме этого протокола, написанного частью Пушкиным (весь текст, кроме даты, адреса Яковлева, подписей и конца протокола, с пункта 6-го), сохранилась еще его записочка к М. Л. Яковлеву от начала октября 1836 г. (*ПД* № 668), касающаяся вопроса о необходимости, по примеру прежних лет, собраться только лицеистам первого курса. С этим мнением согласились и другие лицеисты-первокурсники. Записка Пушкина впервые напечатана В. П. Гаевским в названной выше статье его на с. 37 и вошла *в АП* III, 379.



XII

ПОКАЗАНИЯ ПО ДЕЛАМ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СТИХОТВОРЕНИЙ

В этот отдел выделены показания Пушкина по делам о распространении стихов из элегии «Андрей Шенье» и «Гавриилиады», занимающие совершенно особое место среди биографических документов по своему политическому значению.

Транскрипция текстов (кроме черновика второго показания по делу о «Гавриилиаде», транскрибированного Т.Г.Зенгер) и комментарий принадлежат мне.

Л. Модзалевский

I. Показания по делу об элегии «Андрей Шенье»

Впервые сведения о деле, возбужденном против Пушкина и других прикосновенных к нему лиц, появились в статье чиновника III Отделения М. М. Попова, напечатанной в *РС* 1874, № 8, под заглавием: «Александр Сергеевич Пушкин» (с. 691—694). Затем П. А. Степанов в том же издании (1874, № 11, с. 584—588) опубликовал «Решение суда по поводу элегии А. С. Пушкина "Андрей Шенье" 1828 г.», а в 1882 г. в том же издании (№ 2, с. 465—469) П. А. Ефремов напечатал «Официальное объявление А. С. Пушкину решения по делу об элегии "Андрей Шенье" 1827—1831». В 1887 г. некоторые документы из производившегося над Пушкиным следствия и в том числе два его подлинных показания (второе и третье) переданы были из Департамента министерства юстиции в Пушкинский музей Александровского лицея (см.: Памятная книжка Имп. Александровского лицея за 1898—1899 гг. К биографии Пушкина, с. 26—28; ср.: Аснаш С. М., Яхонтов А. Н. Описание Пушкинского музея Имп. Александровского лицея. Под ред. И.А.Шляпкина. СПб, 1899, с. 4; Шляпкин И.А. К биографии Пушкина. СПб, 1899, с. 26—28 и *Ш* 339—341). Факсимиле двух документов по этому делу напечатано было в журнале «Звезда», 1887, № 4, с. 13—15. Новые материалы по тому же делу Пушкина были введены в научный оборот А.Слезскинским в его статье «Преступный отрывок элегии "Андрей Шенье"», напечатанной в *РС* 1899, № 8, с. 313—326. Новый автограф Пушкина (второе показание), опубликованный здесь в пересказе А.Слезскинского, вошел в *Е*[4] 260—261, где перепечатаны были и два другие (третье и четвертое) показания Пушкина (с. 276—277 и 286). Впервые полностью второе показание Пушкина напечатано было по сообщению П.Е.Щеголева П.А.Ефремовым в *Е*[4] VIII, 597—602. Дополнительные сведения к этому делу появились в *СД*, 15—17 и 267—300. Наконец, покойный исследователь Пушкина П.Е.Щеголев, разобравшись во всем накопившемся к этому времени материале и занявшись вновь подлинными следственными делами, опубликовал в 1909 г. свою обширную, подводящую итоги этому вопросу, работу под заглавием: «А. С. Пушкин — в политическом процессе 1826—1828 гг. (из архивных разысканий)» (см. *ПС* XI, 1—51, перепечатана в *ЩП*[1], 266 и *ЩП*[2], 95—126). К этой работе П.Е.Щеголева мы и отсылаем.

1.

Московской Оберъ-Полицмейстеръ получивъ Отношеніе Коммисіи военного Суда, учрежденной Лейбъ-Гвардіи при Конно-Егерскомъ полку от 13-го сего Генваря за № 4, по дѣлу производящемуся въ оной по Высочайшему повелѣнію надъ Штабсъ-Капитаномъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерскаго полка Алексѣевымъ, требуетъ отъ прикосновеннаго къ оному дѣлу Сочинителя А. Пушкина письменное показаніе противъ нижеслѣдующихъ пунктовъ:

1) Имъ ли сочинены извѣстныя стихи, когда, и съ какою цѣлію они сочинены?

Александръ Пушкинъ не знаетъ о какихъ извѣстныхъ стихахъ идетъ дѣло, и проситъ ихъ увидѣть.

2) Почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное?

Онъ не помнитъ стиховъ могущихъ дать поводъ къ таковому заключенію.

3) Кому отъ него сіи стихи переданы?

4) Въ случаѣ же отрицательства, неизвѣстно ли ему кѣмъ оные сочинены?

Впервые напечатано в *РП*, с. 744, по подлиннику, находившемуся в деле московского обер-полицмейстера (л. 161 об.) и хранившемуся в Московском Облархиве (совр. шифр — *ПД* № 1638, л. 15 об.). Факсимиле воспроизведено в № 16—18 «Литературного наследства», с. 693.

Это первое показание Пушкина было дано им 19 января 1827 г. Отношение комиссии военного суда от 13 января было получено московским обер-полицмейстером генерал-майором Шульгиным 18 января, о чем в деле имеется соответствующая помета (на л. 160). Уже на следующий день Пушкин был призван к Шульгину, где и дал свое показание. На основании ответа Пушкина Шульгин в тот же день 19 января за № 38 отправил в комиссию отношение, в отпуске сохранившееся в том же деле (л. 164) и по подлиннику из дела комиссии, напечатанное П.Е.Щеголевым в его работе «Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.» (см. *ЩП*^{2}, 112). Из сличения показания Пушкина с текстом ответа Шульгина видно, что последний почти дословно воспроизвел слова Пушкина.

2.

Сіи стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи Андрей Шенье, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ Стихотвореній.

Они явно относятся къ Французской революціи, коей А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славилъ твой небесный громъ
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
Взятіе бастиліи, воспѣтое Андреемъ Шенье.
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ
Великодушную присягу.
И самовластію безтрепетный отвѣтъ -
Присяга du jeu de paume, и отвѣтъ Миробо: allez dire à votre maître &c.
И пламенный трибунъ и проч.
Онъ-же, Мирабо.
Уже въ безсмертной Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни
Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ Пантеонъ.
Мы свергнули царей — — —
въ 1793.
Убійцу съ палачами
Избрали мы въ Цари
Робеспьера и конвентъ.

Всѣ сіи стихи никакъ, безъ явной безсмыслицы не могутъ относится къ 14 декабрю.

Nе знаю кто надъ ними поставилъ сіе ошибочное заглавіе
Nе помню кому могъ я передать мою Элегію А. Шенье.

Александръ Пушкинъ

27 января
1827
Москва

Для большей ясности повторяю, что стихи извѣстныя подъ заглавіемъ: 14 декабря, суть отрывокъ изъ элегіи, названной мною Андрей Шенье.

Печатается по подлиннику (*ПД* № 719); подлинник писан на двух листах писчей бумаги in f°, без водяного знака, и находился в деле Главного военно-судного управления. Впервые опубликовано, в пересказе, в статье А.Слезскинского в *PC*, 1899, № 8, с. 317, и перепечатано отсюда П.А.Ефремовым в *Е*[4] VII, 260—261. Полностью по автографу Пушкина напечатано им же в том же издании, VIII, 599—600, а затем в статье П.Е.Щеголева *ПС* XI, 31—32 и факсимиле, *ЩП*[1], 291—293 и факсимиле и *ЩП*[2], 114—115 и факсимиле.

3.

Элегія Андрей Шенье напечатана въ Собраніи моихъ стихотвореній вышедшихъ изъ Цензуры 8 окт. 1825 года. Доказательство тому: одобреніе цензуры на заглавномъ листѣ.

Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна какъ и прочія рукописи мною напечатанныхъ стихотвореній.

Опять повторяю что стихи найденные у Г.Алексѣева взяты изъ Элегіи Андрей Шенье, не пропущены Цензурою и замѣнены точками въ печатномъ подлинникѣ, послѣ стиховъ

Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? поетъ она свободу:
Не измѣнилась до конца.
«Привѣтствую тебя, мое свѣтило &c.

Замѣчу что въ семъ отрывкѣ поэтъ говоритъ

О взятіи Бастиліи.
О клятвѣ du jeu de paume.
О перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ.
О побѣдѣ революціонныхъ идей.
О торжественномъ провозглашеніи Равенства.
Объ уничтоженіи Царей.

Чтоже тутъ общаго съ нещастномъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?

Въ заключеніи объявляю что послѣ моихъ послѣднихъ объясненій мнѣ уже ничего не остается прибавить въ доказательство истинны.

10го класса Александръ Пушкинъ

С. Петербургъ
1827 г. 29 іюня.

Помета канцелярская вверху: получено 3-го Іюля 1827 года.

Печатается по подлиннику (*ПД* № 720); подлинник писан на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «j. Whatman Turkey Mill. 1826», и находился в деле департамента министерства юстиции о Пушкине, Леопольдове, Алексееве и др.

Впервые напечатано в пересказе М. М. Попова в *РС* 1874, № 8, с. 693, и полностью в «Памятной книжке Имп. Александровского лицея на 1898—1899 г.», с. 26—27, и в брошюре И.А.Шляпкина «К биографии Пушкина», СПб., 1899, с. 26—27 (ср. *Ш*, 339—340 и *Е*[4] VII, 276—277).

4.

Господину С. Петербургскому Полицмейстеру Полковнику Дешау

от 10го класса чиновника
Александра Пушкина

Объясненіе.

На требованіе суда узнать отъ меня: «какимъ образомъ случилось что отрывокъ изъ Андрея Шенье будучи не пропущенъ Цензурою сталъ переходить изъ рукъ въ рукѣ во всемъ пространствѣ» отвечаю: стихотвореніе мое Андрей Шенье было всѣмъ извѣстно вполнѣ гораздо прежде его напечатанія, потому что я не думалъ дѣлать изъ него тайну.

Александръ Пушкинъ

24 Nоября
1827
С. Петербургъ

Печатается по подлиннику (*ПД* № 721); подлинник писан на двух листах писчей бумаги in f° с водяным знаком: «A F R» и «Pro Patria», и находился в деле Департамента министерства юстиции о Пушкине, Леопольдове, Алексееве и др. Впервые очень кратко, в пересказе, напечатано М. М. Поповым в *РС* 1874, № 8, с. 694, и полностью в «Памятной книжке Имп. Александровского лицея на 1898—1899 г.», с. 27—28, и в брошюре И.А.Шляпкина «К биографии Пушкина», СПб., 1899, с. 27—28 (ср. *Ш*, и *Е*[4] VII, 286).

В фамилии петербургского полицмейстера Пушкин сделал описку. В это время в Петербурге полицмейстером был полковник Карл Федорович *Дершау* (1784 — 20 февраля 1862), впоследствии генерал-лейтенант и комендант г. Або в Финляндии.

II. Показания по делу о «Гавриилиаде»

Фактическая сторона дела по привлечению Пушкина к дознанию об его авторстве в написании «Гавриилиады» находится в следующих основных печатных источниках: *СН* V, 3—5; Щеглов В. Новые документы о «Гавриилиаде» (*СН* XIII, 1—2); Дело архива III Отделения Собственной е. и. в. канцелярии о дурном поведении шт. кап. Митькова и др. в *СД*, 313—367; Переписка по делу о развращении отставным шт.-кап. Митьковым своих дворовых людей в понятиях христианской религии чтением рукописного стихотворения «Гавриилиады», а также о допросе по этому делу А. С. Пушкина и его письменных ответах на вопросном листе, им лично подписанном 1828 г. в *СН* XV, 184—213; Модзалевский Б.Л. К истории «Гавриилиады» (*ПС* XVII—XVIII, 74—76 и *П* II, 299—301; «Гавриилиада», поэма. Под ред. Б.В.Томашевского. П., 1922; Алексеев М.П. «Мелкие заметки к "Гавриилиаде"» в сб: Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М.П.Алексеева. В.I. Одесса, 1925, с. 20—31 и др.

1.

<между 3 и 5 августа 1828 г.>

1828 Года, въ присудствiи С. Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ, бывъ спрашиванъ по изложеннымъ ниже сего вопросамъ, показалъ:

1) Вами ли писана Поэма, известная подъ названiемъ Гавриліады?	Не мною
2) Въ котором году сию Поэму вы писали?	въ первый разъ видѣлъ я Гаврiиліаду въ Лицѣе въ 15мъ или 16 году и переписалъ ее; не помню куда дѣлъ ее — но съ тѣхъ поръ не видалъ ее —
3) Имѣете ли вы и нынѣ у себя екземпляръ этой поэмы? — Если таковой находится, то представьте его.	Не имѣю —

10го класса Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые в пересказе в *СН* V, 4, и в таком виде перепечатано в *Е*[4] VII, 301. Полностью напечатано в *СН* XV, 207, с приложением факсимиле на с. 205.

Нами печатается по автографу (*ПД* № 723); подлинник писан на одном листе писчей бумаги без водяного знака и находился в деле о «Гавриилиаде» (л. 35) из архива Собственной е. и. в. канцелярии.

2.

1828 года Августа 19ч нижеподписавшійся 10го класса Александръ Пушкинъ въ слѣдствіи Высочайшаго повеленія объявленнаго Г. Главнокомандующимъ въ С. Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ къ С. Петербургскому военному Губернатору, спрашиванъ отъ кого именно получилъ поэму подъ названіемъ Гавріиліады показалъ:

Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полку, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой-же списокъ сжегъ я вѣроятно въ 20мъ году —

Осмѣливаюсь прибавить что не въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я наиболѣе разкаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіей. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное.

10го класса Александръ Пушкинъ

Печатается по подлиннику (*ПД* № 724); автограф писан на двух листах почтовой бумаги большого формата, без водяного знака, и находился в деле III Отделения собственной е. и. в. канцелярии (л. 21).

Впервые опубликовано в *СН* V, 4—5 и вошло в *Е*[4] VII, 301 (ср. VIII, 604—607); см. также *СД*, 332 и 345.

черновое[1]

рукопись ходила между [офицер] юнкерами Гус. полку, но я никакъ [*нрзбр*] не запомню отъ кого именно я досталъ оную [Знаю только что ее припи] [ее приписали покойному поэту <?> Кн. Дм. Горч.<акову>]

[Осмѣливаюсь зам] Списокъ [оный] сей я сжегъ въ 20-мъ году — но [помню что никому не давалъ] [его]

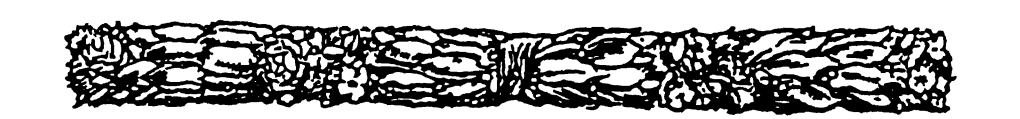
Осмѣливаюсь замѣтить что ни въ одномъ изъ моихъ сочин<еній> [нѣтъ] даже и въ тѣхъ, въ коихъ, я разк<аиваюсь> — не видно ни направленія къ безвѣрію ни кощунства надъ религіей — Темъ прискорбнѣе для меня мнѣніе приписывающее мнѣ въ [нынѣшнемъ] [возрастѣ]

---

[1] Транскрипция сделана Н.В.Измайловым и Т.Г.Зенгер.

[м] настоящихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ, произведенiе столь жалкое и постыдное.

Вторая часть, со слов: «Осмеливаюсь заметить», опубликована впервые В.Е.Якушкиным в *Я* VII, 43, но без всякого объяснения, к чему этот отрывок относится. Более точно и с текстом начала показание напечатано Б.В.Томашевским в издании: А.С. Пушкин. «Гавриилиада». П., 1922, с. 51—52. Нами печатается по подлиннику, написанному карандашом, теперь плохо читаемым, в тетради № 2371 (лл. 21—21 об.; совр. шифр — ПД № 838, л. 22—22 об.). На л. 21 по тексту начала показания чернилами сделан набросок «Анчара», почему Якушкин и пропустил его в своем описании рукописей Пушкина.



XIII

ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В настоящий отдел входят деловые документы Пушкина, характеризующие его денежные и правовые отношения. Документы эти являются биографическим материалом первостепенного значения.

Транскрипция текстов (кроме №№ 8, 10, 15 и 16, транскрибированных Т.Г.Зенгер) сделана мною. Комментарий к №№ 3 и 8 сделан М.А.Цявловским. Мне принадлежит комментарий ко всем остальным текстам.

Л. Модзалевский

Комментарий к № 14 принадлежит А.В.Дубровскому. — ***Ред.***

1.

Расписка в приеме повестки полиции

<2 Мая 1821 г.>

Получ. 1-го Марта 1821 года

1-й Части Города Кишинева

№ 2658

Прилагаемую при семъ повѣстку на имя Коллежскаго Секретаря Пушкина предписывается оной части вручивъ ему потребовать должные дворовому человѣку Федору Росину по передачѣ отъ Барона Сергѣя Шиллинга 2000 Р. ассигнаціями деньги, и таковые представить в сію Полицію. — Апрѣля 29 дня 821 года

Полицмейстеръ <подп. *нрзб.*>

Столоначальникъ <подп. *нрзб*>

<*на обороте*>

Принята повѣстка

Александръ Пушкинъ

2 мая
1821.
Кишиневъ.

Впервые напечатано, по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (совр. шифр — *ПД* № 1626, л. 10 об.), Л.Б.Модзалевским в *Рук. П*, с. 42. Расписка Пушкина писана на обороте предписания полицмейстера г. Кишинева (два листа голубоватой писчей бумаги в 4 д. л., с водяным знаком «СФС»; ср. «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1900—1901 г.», с. 231). После вручения повестки Пушкину частный пристав сообщил следующее: «Приложенная при сем предписании повестка Г. Коллежскому Секретарю Пушкину вручена и требовано надлежащей уплаты должных им денег но он в место уплаты оных подал отзыв которой присем в Кишиневскую градскую полицию подлинником преправождается. Маия дня 1821 года Частный пристав <подпись *нрзб*>». См. следующий номер.

2.

Отзыв о долге по векселю

Копія

<5 Мая 1821 г.>

Проигравъ заемное письмо Барону Шиллингу будучи еще не въ совершенныхъ лѣтахъ и не имѣя никакого состоянія движимаго или недвижимаго, нахожусь въ несостояніи заплатить вышеозначенное заемное письмо

Коллежской Секретарь Александръ
Пушкинъ

1821
мая 5
Кишеневъ

Напечатано впервые Л.С.Мацеевичем в его статье «Карточный должок А.С.Пушкина» в *РС* 1878, № 7, с. 502 (ср: Дело о Пушкине (1820). Изд. Пушкинской комиссии Одесского литературно-артистического общества. Одесса, 1899, с. 7) по копии, сохранившейся в деле кишиневской городской полиции (см.: «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1900—1901 г., с. 231) (совр. шифр — *ПД* № 1626, л. 4). Подлинник отзыва был препровожден 2 сентября 1822 г., согласно постановлению журнала Бессарабского областного правительства от 28 августа 1822 г., в С.-Петербургский приказ общественного призрения «на его о том дальнейшее распоряжение»; (ПД № 1627).

Отзыв Пушкина стоит в связи с векселем его, выданным им бар. С. Р. Шиллингу.

3.

Билет на проезд в Петербург

<29 ноября 1825 г.>

Билетъ

Сей данъ села Тригорскаго людямъ: Алексѣю Хохлову росту 2 арш. 4 вер. волосы темнорусыя, глаза голубыя, бороду брѣетъ, лѣтъ 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3 $^1/_2$ в. волосы светлорусыя, брови густыя глазомъ кривъ, рябъ лѣтъ 45, въ удостовѣреніе что они точно посланы отъ меня въ С. Петербургъ по собственнымъ моимъ надобностямъ и потому прошу господъ командующихъ на заставахъ чинить имъ свободный пропускъ.

Сего 1825 года, Ноября 29 дня.

Село Тригорское что въ Опоческомъ уѣздѣ.

Статсткая Советница

Прасковья Осипова

[*Печать Пушкина*]

Напечатан впервые П. С. Поповым в сборнике «Звенья», кн. 3—4, М. 1934, с. 146, где воспроизведено факсимиле: ср. в заметке М. А. Цявловского «Пушкин — Хохлов» в «Литературной газете», 6 июня 1934 г., № 71 (387). Подлинник хранился в *ЛМ*, куда поступил в составе части архива Пушкина от его внука Григория Александровича Пушкина (совр. шифр — *ПД* № 1637).

«Билет» написан Пушкиным вскоре после получения известия о смерти в Таганроге 19 ноября 1825 г. императора Александра I. Сейчас же из Таганрога выехали с извещением об этом два фельдъегеря. Первый фельдъегерь приехал в Варшаву 25 ноября, второй приехал в Петербург 27 ноября. От этих фельдъегерей по пути их следования и узнавали неофициально о смерти Александра. Весть о смерти царя легко могла дойти до Пушкина 29 ноября. Получив это важное известие, поэт решил нелегально ехать в Петербург, для чего и написал этот «билет» сильно измененным почерком. Подпись Осиповой также написана Пушкиным другим, остро очиненным пером[1]. Это говорит о том, что даже ей, обычно посвящаемой поэтом в его дела, Пушкин не решился доверить свой план. Текст «билета» свидетельствует о том, что под именем Алексея Хохлова скрывается сам Пушкин. Приметы этого «Хохлова» совпадают с приметами поэта. По свидетельству художника Чернецова рост поэта был «2 аршина 5 с половиной вершков» (*В* VI, с. 568—569. Ср. Майков. Пушкин. СПб., 1899, с. 9). Годы себе Пушкин прибавил, очевидно считая, что на вид ему было больше, чем было в действительности. О спутнике Пушкина, Архипе Курочкине, мы не имеем никаких сведений. Можно только отметить, что эту фамилию носит в «Капитанской дочке» (гл. VIII) казак, пáривший Пугачева, и в «Барышне-крестьянке» — Акулина Петровна.

План побега из Михайловского в качестве слуги для Пушкина был не нов. Незадолго до этого он замышлял уехать за границу (см.: Цявловский М. Тоска по чужбине у Пушкина. «Голос минувшего», 1916, № 1, с. 41—42). Теперь поэт решил отправиться дворовым своей соседки П. А. Осиповой.

Как известно, существуют рассказы современников поэта о том, как он в дни «междуцарствия» выехал из Михайловского в Петербург и как, напуганный «дурной приметой» (перебежавшим дорогу зайцем), вернулся домой. Сохранившийся в архиве Пушкина «билет» документирует эту поездку. Вопрос теперь только в том, когда, почему и зачем Пушкин поехал в Петербург. Можно выдвинуть две гипотезы: или поэт по собственному почину, вне всякой связи с действиями декабристов, решил бежать из места ссылки и самым приездом в Петербург поставить друзей перед совершившимся фактом, чтобы они затем выхлопотали ему легализацию его самовольного «освобождения», или Пушкин

[1] Что текст билета и подпись П. А. Осиповой написаны Пушкиным, установлено Л.Б.Модзалевским.

поехал, вызванный Пущиным для того, чтобы принять участие в предпринимаемых декабристами приготовлениях к государственному перевороту. Мне кажется, правдоподобнее будет принять первую версию, потому что при второй версии нужно предположить, что, написав «билет» 29 ноября, Пушкин раздумал ехать и воспользовался самодельным документом лишь числа 10 декабря, когда получил письмо от Пущина. К этому нýжно добавить, что предъявлять 13 декабря на петербургской заставе «билет», датированный две недели тому назад, едва ли было удобно.

4.

Доверенность П. А. Плетневу

<7 сентября 1828 г.>

Текст доверенности напечатан не был. Подлинник ее неизвестно где находится. П.А.Плетнев 14 декабря 1853 г. писал П.И.Бартеневу: «Доверенность Пушкина, которую он формально выдал мне на все сделки с альманашниками и прочими литературными факторами, собственноручно им написана и подписана 7 сентября 1828 года» (см. *РА* 1912, II, 311).

5.

Брачный обыск

<18 февраля 1831 г.>

1831-го года февраля 18 дня по Указу Его Императорскаго Величества Никитскаго Сорока Церкви Вознесенія Господня, что на Царицыной улицѣ Протоіерей Іосифъ Михаиловъ съ причтомъ о желающихъ вступить въ бракъ женихѣ 10-го класса Александръ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, и невѣстѣ Г-на Николая Афонасіевича Гончаровѣ дочери Его дѣвицѣ Наталіи Николаевной Гончаровой обыскивали и по троекратной публикаціи оказалось: 1-е что они православную вѣру исповѣдуютъ такъ какъ святая, соборная и Апостольская Церковь содержитъ; 2-е между ими плотскаго кровнаго и духовнаго родства т. е. кумовства, сватовства и крестнаго братства по установленію Св. Церкви не имѣется; 3-е состоятъ они въ цѣломъ умѣ, и къ сочетанію бракомъ согласіе имѣютъ вольное, и отъ родителей дозволенное, женихъ и невѣста первымъ бракомъ; 4-е лѣта ихъ правильны, женихъ имѣетъ отъ роду 31 годъ, а невѣста 18 лѣтъ. И въ томъ сказали самую сущую правду. Естли же что изъ объявленнаго показанія окажется что ложное, или что скрытое, за то повинны суду, какъ духовному, такъ и гражданскому. Во увѣреніе всего вышеписаннаго какъ сами женихъ и невѣста, такъ и знающіе состояніе ихъ поручители своеручно подписуются.

Къ сему обыску во всемъ вышеписаннымъ вышеозначенный 10го класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.

Къ сему обыску Наталья Николаевна дочь Гончарова руку приложила.

Къ сему обыску Мать ея Калежская Ассесорша Наталья Иванова Дочь Гончарова руку приложила.

Къ сему обыску по женихѣ братъ его Поручикъ Левъ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.

Къ сему обыску по женихе 9-го Класса Алексѣй Семеновъ сынъ Передѣльскій руку приложилъ.

Къ сему обыѣску по нѣвестѣ Коллегскій Совѣтникъ и Кавалеръ Павелъ Матвѣевъ сынъ, Азанчевскій руку приложилъ. —

Къ сему обыску по невестѣ Отецъ ея, Коллегскій Асессоръ, Николай Афанасьевъ сынъ Гончаровъ, руку приложилъ.

Къ сему обыску по женихѣ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Князь Петръ Андреевъ сынъ Вяземскій руку приложилъ.

Напечатано впервые в «Петербургской газете» от 27 апреля 1899, № 113, и Н.Невзоровым в его брошюре «К биографии А.С.Пушкина. Материалы из архива и других малоизвестных источников», СПб. 1899, с. 6—7, и факсимиле с подписей, начиная с подписи Пушкина. Перепечатано П.А.Ефремовым в *Е*[4] VII, 396—397. Весь текст полностью факсимильно воспроизведен в «Московском листке. Прибавление к № 146», четверг, 27 мая 1899 г., № 21, с. 4. Подлинник писан на лл. 41 об.—42 об., книги для брачных «обысков Никитского Сорока вознесенской церкви, что на Царицынѣ улицѣ» в Москве, где венчались Пушкин и Н.Н.Гончарова (совр. шифр — *ПД* № 729).

Из всех подписей свидетелей под документом неизвестны только имена двух лиц — А.С.Передельского и П.М.Азанчевского. Интересно отметить, что А.С.Передельский подписался свидетелем по женихе, то есть по Пушкине. Имя Передельского нигде в пушкинской литературе не упоминается и встречается только здесь. О нем никаких сведений найти не удалось*.

Павел Матвеевич *Азанчевский* (15 октября 1789 — 11 октября 1866 г.) — помещик Бронницкого уезда, Московской губернии, статский советник писатель по агрономии; служил в Коллегии иностранных дел (с 1805 г.), а в 1811 г. перешел в Московский архив Министерства иностранных дел, где служил библиотекарем; в 1833 г. оставил службу, посвятив досуги хозяйству и писательству (см.: Русский биографический словарь, т. I; Русский провинциальный некрополь, т. I, и «Месяцесловы» 1831 и 1832 гг.). Во время службы Пушкина в ведомстве Министерства иностранных дел (с 1832 г.) Азанчевский был сослуживцем Пушкина.

Свадьба Пушкина, решенная еще в мае 1830 г., как известно, откладывалась в течение целых девяти месяцев — то вследствие невыясненности отношений к Пушкину, хотя 20 июля 1830 г. С.Л. и Н.О. Пушкины официальным письмом на имя А.Н.Гончарова известили его о принятии сватовства сына (см.: «Известия Калужской ученой архивной комиссии», вып. 1901 г., с. 8), то из-за смерти В.Л.Пушкина (20 августа 1830 г.), то по причине ссоры с будущей тещей, то по вине холеры и невозможности жениху вернуться в Москву из Болдина, куда он уехал для устройства своих дел, то,

* Алексей Семенович *Передельский* (ум. не ранее 1850 г.) — титулярный советник, впоследствии чиновник земского суда Орловской губернии, надворный советник. — *Ред.*

наконец, из-за безденежья, капризов тещи и тому подобных задержек. Кн. В.Ф.Вяземская даже по просьбе Пушкина ездила однажды к Н.И.Гончаровой, чтобы просить ее «скорее кончать дело» (*РА* 1888, II, 306). Часто женитьба поэта грозила совсем расстроиться, о чем сохранилось несколько свидетельств современников (см.: «Вестник всемирной истории», 1899, № 1, с. 101; *РА* 1902, I, 52; Рассказы о Пушкине. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1925, с. 64; *РА* 1902, I, 54). Накануне свадьбы, 17 февраля, Пушкин устроил у себя холостой обед («мальчишник» или «девишник») (см. *РА* 1902, II, 50—51; *ПС* XXIII—XXIV, 112; *ИВ* 1883, № 12, с. 531; *ВЕ* 1897, № 12, с. 604; Рассказы о Пушкине. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1925, с. 53 и 129; *РА* 1904, № 1, обложка; *РС* 1884, № 7, с. 134; «Русский библиофил» 1916, № 8, с. 75—76). Быть может, на этом «мальчишнике» у Пушкина кн. П.А.Вяземский написал нескромные стихи, сохранившиеся в бумагах поэта (второй зачеркнутый куплет их был писан не Пушкиным; утверждение П.А.Шляпкина, об автографичности почерка Пушкина не верно, — см. *Ш*, 136—137). «Сегодня свадьба Пушкина наконец, — сообщал А.Я.Булгаков брату, — с его стороны посаженными Вяземский и гр. <Елизавета Петровна> Потемкина, а со стороны невесты — Ив.Ал.Нарышкин и А.П.Малиновская. Хотели венчать их в домовой церкви кн. Серг.Мих.Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать, видно в домовых нельзя» (*РА* 1902, I, 53). Обряду венчания, назначенному на вечер, предшествовал так называемый «брачный обыск», текст которого напечатан выше. Во время венчания[1], по свидетельству кн. Е.А.Долгоруковой (дочери посаженной матери Н.Н.Гончаровой), нечаянно упали с налоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка — «Tous les mauvais augures»[2], — сказал Пушкин (Рассказы о Пушкине. Под ред. М.А.Цявловского. М., 1925, с. 64; ср. *РС* 1880, № 1, с. 148). После венчания молодые поехали на квартиру поэта, где был большой ужин (см.: Сочинения кн. П.П.Вяземского. СПб., 1893, с. 529 и Рассказы о Пушкине. Под ред. М.А.Цявловского. М., 1925, с. 64). О самой свадьбе ср. рассказ Пушкина в письме к жене из Москвы от сентября 1832 г. (*АП* II, 392); см. также *ЩП*[2], 313. Из писем, которыми друзья приветствовали Пушкина со вступлением в новую жизнь, до нас дошли только два: П.А.Плетнева (от февраля) и Е.А.Карамзиной (от 3 марта) — см. их в *АП* II, 224 и 228—229. А.Н.Вульф, приятель Пушкина, лишь кратко отметил в своем дневнике 28 марта: «Сегодня Ушакова брат привез из Москвы известие, что Пушкин наконец женился» (ПС XXI—XXII, 162). Тонко охарактеризовал новую эру в жизни поэта Н.М.Смирнов, когда вспоминал впоследствии, что «женитьба была его несчастие» и что «все близкие друзья его сожалели, что он женился. Семейные обязанности должны были неминуемо отвлечь его много от занятий, тем более, что, не имея еще собственного имения, живя произведениями своего пера и женясь на девушке, не принесшей ему никакого состояния, он приготовлял себе в будущем грустные заботы о необходимом для существования. Так и случилось. С первого года Пушкин узнал правду, и хотя никто из самых близких не слыхал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо» (*РА* 1882, I, 232—233).

---

[1] Пушкин венчался во фраке П.В.Нащокина, чтобы не тратить денег на заказ нового («Девятнадцатый век», I, 386, прим.).

[2] «Все плохие приметы».

6.

Контракт на наем квартиры в доме П. А. Жадимеровского

<копия> < 1 декабря 1832 г.>

Санктъ Петербургъ. Тысяча восемьсотъ тридцать второго года, Декабря перваго дня. Я, нижеподписавшійся, Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, заключилъ сей контрактъ съ Фридрихсгамскимъ первостатейнымъ купцомъ Петромъ Алексѣевичемъ Жадимеровскимъ въ томъ, что нанялъ я Пушкинъ у него Жадимеровскаго въ собственномъ его каменномъ домѣ, состоящемъ 1-ой адмир. час. 2-го квар. подъ № 132-мъ Отдѣленіе въ 3-мъ этажѣ, на проспектѣ Гороховой улицы, состоящее изъ двѣнадцати комнатъ и принадлежащей кухни, и при ономъ службы: 1-нъ сарай для экипажей, конюшня на 4 стойла, 1-нъ небольшой сарай для дровъ, 1-нъ ледникъ и чердакъ для вѣшанья бѣлья, — отъ вышеписаннаго числа впредь на одинъ годъ, т. е. по 1-е декабря 1833 года, за которой наемъ обязанъ я Пушкинъ платить ему Жадимеровскому по три тысячи триста рублей банковыми ассигнацiями въ годъ, платежъ оныхъ денегъ производить за каждые четыре м-ца по равной причитающейся суммѣ впередъ безъ всякаго отлагательства, а ежели я Пушкинъ въ платѣже наемныхъ денегъ буду неисправенъ и по срокамъ не заплачу, то воленъ онъ, Жадимеровскій, оные покои отдать другому, хотя бы то и с уменьшеніемъ противъ моей наемной цѣны, а я Пушкинъ обязанъ какъ за содержаніе, такъ и за всѣ убытки, отъ сего последовать могущіе, ему Жадимеровскому заплатить и до показаннаго срока отъ платежа отказаться не могу — также оную квартиру не передавать другому безъ согласія Жадимеровскаго. — Покои оные нынѣ мной приняты во всякой цѣлости и чистотѣ, въ 3-хъ комнатах стѣны обклеены французскими обоями, въ 5-ти комнатахъ полы штучные, въ прочихъ сосновые, находящіяся въ комнатахъ печи съ мѣдными дверцами, — двери съ задвижками, замками и ключами, переплеты какъ лѣтніе такъ и зимніе съ цѣлыми стеклами и оные всѣ съ мѣдными задвижками, въ кухнѣ англійская плита, очагъ съ котломъ и пирожная печь съ машинкою; — въ срочной день сего контракта сдать мнѣ Пушкину ему Жадимеровскому все сіе во всякой цѣлости, исправности и чистотѣ; а если при выѣздѣ моемъ, что окажется изломано, потеряно или разбито, то обязанъ я заплатить что стоитъ, или привести въ прежній видъ какъ было мною принято — Если я Пушкинъ пожелаю въ тѣхъ покояхъ сдѣлать что залучшее или передѣлать какое неподвижное украшеніе безъ поврежденія дому и стѣнъ, то не иначе какъ на свой счетъ и съ согласія его Жадимеровскаго а по выѣздѣ моемъ ничего не отнимать и не отламывать и не требовать за оное никакой платы, и всѣ неподвижныя украшенія остаются въ пользу Жадимеровскаго. Отъ пожарнаго случая (отъ чего Боже сохрани) имѣть мнѣ, Пушкину, осторожность и смотрѣніе, и если случится отъ моей или живущихъ у меня людей — неосторожности пожаръ — и отъ того причинится поврежденіе дому и стѣнамъ, то обязываюсь за все сгорѣвшее и поврежденное отвѣтствовать безъ прекословно, — а ежели же оный случится отъ сосѣдей или молніи, тогда я не отвѣтствую. — Во всѣхъ тѣхъ покояхъ имѣть мнѣ чистоту — помои и соръ приказывать выносить на показанное дворникомъ мѣсто — и не выливать никакой воды въ нужныя мѣста, ибо отъ сего большой вредъ дому. — О прибылыхъ ко мнѣ для жительства и отбылыхъ, тотъ самый часъ давать знать черезъ записки управляющему домомъ, съ приложеніемъ паш-

портовъ и билетовъ Конторы адресовъ, и не держать у себя людей безъ тѣхъ и другихъ видовъ, или безъ прописки оныхъ у г. Надзирателя того квартала, а буде таковые люди окажутся у меня въ жительствѣ, то всѣ налагаемые Правительствомъ штрафы, обязываюсь платить я Пушкинъ самъ, не доводя хозяина ни до какой отвѣтственности и платежа. — До срока сего контракта за три мѣсяца, долженъ я Пушкинъ объявить ему Жадимеровскому желаю ли я имѣть квартиру впредь или нѣтъ — равно и онъ Жадимеровскій долженъ въ то же время, мнѣ объявить намѣренъ ли онъ впредь имѣть меня в жильцахъ. — Контрактъ сей съ обѣихъ сторонъ хранить свято и ненарушимо. — Подлинный контрактъ получилъ и копію выдалъ — съ подлиннымъ вѣрно: Петръ Жадимеровский.

Печатается по копии (*ПД*, ф. 244, оп. 3, № 122), опубликованной в статье П.Е. Щеголева «Квартирная тяжба Пушкина». Там же факсимиле начала контракта. Подлинник, подписанный Пушкиным, неизвестно где находится.

На копии контракта имеются три расписки в получении денег:

1832 года Декабря 2 дня получено отъ г-на Пушкина въ уплату тысячу рублей, банк. ассигнаціями. —

Управляющій Иванъ Ананьинъ.

Декабря 10 дня получилъ достальныя отъ г-на Пушкина съ 1 Декабря по 1-ое Апрѣля 1833 года, денегъ сто рублей.

Управляющій Иванъ Ананьинъ.

Съ 1 Апрѣля по 1 Августа 1833 года получилъ отъ г. Пушкина денегъ тысячу сто рублей.

Прикащикъ Иванъ Ананьинъ.

Подробности тяжбы с купцом Петром Алексеевичем Жадимеровским (1791—1844) исчерпывающе освещены в указанной выше статье П.Е.Щеголева «Квартирная тяжба Пушкина. Из истории материального быта — по неизданным материалам» («Красная нива», № 24, от 9 июня 1929 г., с. 7—9).

7.

Обязательство по ссуде в 20 000 руб.

<22 марта 1834 г.>

Я нижеподписавшійся Камеръ Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, на основаніи Высочайшаго Указа на имя Г. Министра Финансовъ въ 9-й день Марта 1834 года послѣдовавшаго, о выдачѣ мнѣ изъ Государственнаго Казначейства на напечатаніе написаннаго мною сочиненія подъ заглавіемъ Исторія Пугачевскаго бунта двадцати тысячь рублей ассигнаціями въ ссуду на два года безъ процентовъ и безъ вычета въ пользу увѣчныхъ, съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ сію сумму въ теченіе двухъ летъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года, даю сіе обязательство Государственному Казначейству въ томъ, что оные выданные мнѣ въ ссуду двадцать тысячь рублей, долженъ я, а по мнѣ наслѣдники мои возвратить Государственному Казначейству въ теченіи двухъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года; считая срокъ отъ дня выдачи означенныхъ 20.000 руб: то есть: (отъ двадцать втораго Марта

тысяча восемьсотъ тридцать четвертаго года:) и платежи произвести въ Санктпетербургскую Казенную Палату. Въ непремѣнномъ исполненіи сего обязательства, подписуюсь своеручно. — 22 Марта 1834 года.

Двора Его Императорскаго Величества камеръ юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Напечатано впервые П.И.Бартеневым в *РА* 1890, II, 100, а по копии в *ГД*, 57—58. Вошло в *Е*[4] VII, 524—525. Подлинник на гербовой бумаге «для письма крепостей от 15001 до 20000 рублей, цена сорок рублей», с водяным знаком: «1823 г.» хранился в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1656).

Ссуда в 20 000 рублей выдана была Пушкину вследствие его ходатайства 26 февраля 1834 г. о выдаче этих денег заимообразно для печатания «Истории Пугачевского бунта». Подробности об этом, а также вся переписка между ведомствами напечатаны в *СД*, 243—256, в *РА* 1890 II, 99—100 и в *ГД*, 55—57.

8.

Положение о довольствии О.М.Пеньковскому

<30 октября 1834 г.>

1834 году Октября 30 дня мною ниже подписавшимся Назначается Управителю по данной мною доверенности на Село Болдино и Сельцо Кистенево Іосифу Матвѣеву Пеньковскому Жалованья въ Годъ, одну тысячу рублей ходячей монетой, дозваляется держать пару Лошадей собственныхъ и для оныхъ Сено и Овса дватцать чатыри четверти —

О р д и н а р і й — Ржи Четыри Чатверти, Ячьменью три четверти, Гороху Четыре Четверика, Гречьи Одна Четверть Четыре Четверика, Муки крупичетой шесть пудовъ, Крупъ рисовыхъ десять фунтовъ, Манныхъ пятьнадцать фунт; Соли три пуда, Говядины восемь пудовъ, Свинины три пуда, Коровьего масла три пуда, Индѣекъ десять, Гусей пятнадцать, Утокъ дватцеть, Куръ тридцать, Телятъ Четыри, барановъ пять, поросятъ десять, Яицъ Четыриста, Свечей Сальныхъ два пуда двадцать фунтовъ, Вина Пенного шесть ведеръ, въ разѣздахъ росходы мои, если по собственному моему дѣлу, еслиже по какимъ другимъ дѣламъ касающихся лично однихъ Крестьянъ, тогда на щетъ вотчины, Угощеніи приѣзжихъ по должности Чиновникамъ дѣлать умѣренныя.

Александръ Пушкинъ.

30 Октября
1834

Напечатано впервые В.В.Каллашом в «Былом», 1907, № 5, с. 53, и вторично В. Я. Брюсовым в «Известиях литературно-художественного кружка в Москве», 1913, № 1, с. 38—39 и 43. Перепечатано в *ЩМ* 116. Подлинник на листе in f° хранился в собрании Е.Ф.Никитиной в Москве, которая любезно разре-

шила нам вновь выверить текст по автографу (совр. шифр — *ПД* № 1662). Текст документа писан рукою И.М.Пеньковского. Рукою Пушкина — подпись и дата. Положение о довольствии было послано Пеньковским к Пушкину в Петербург, повидимому при письме от 30-го же октября 1834 г. См.: Лернер Н.О. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, с. 321. Поэт поставил ту же дату, которая стоит в начале документа.

Вероятно, Пушкин подписал все условия, поставленные самим Пеньковским, не участвуя предварительно в их обсуждении. Щедрый «ординарий», положенный себе Пеньковским, был увеличен им в 1839 г. при договоре с С.Л.Пушкиным и еще увеличен в 1849 г. при сговоре с Л.С.Пушкиным.

Иосиф (Осип) Матвеевич *Пеньковский* (ум. в г. Саранске в 1885—1886 г.) приглашен был на должность управляющего имениями Болдиным и Кистеневым С.Л.Пушкиным, который выдал ему 25 сентября 1833 г. формальную доверенность (см. *ЦМ*, 230—232). В 1834 г. Пушкин сам взялся за управление имениями, о чем сообщил Пеньковскому в письме от 13 апреля: «Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его. По сему утверждая доверенность им данную вам, извещаю вас, чтобы отныне относились вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина» (*АП* III, 96).

В связи с тем, что часть Болдинского имения принадлежала другим невыделенным из него наследникам, брату Л.С.Пушкину и сестре О.С.Павлищевой, Пушкину пришлось по второму поводу вступить в довольно неприятную переписку с мужем последней, Н.И.Павлищевым. Осенью 1834 г. Пушкин был сам в Болдине, где он прожил с половины сентября до половины октября (вернулся в Петербург к 15 октября; *ДМ*, 62) и где сговорился с И.М.Пеньковским, поручив ему непосредственное управление своей частью имения, для чего выдал ему доверенность на ведение хозяйства по части Кистенева и Болдина. 10 ноября он писал Пеньковскому, что «доверенность посылает к нему на следующей почте» (*АП* III, 170), а после 22 ноября действительно выслал ее ему, вероятно, одновременно с другим документом, определявшим вознаграждение и натуральное довольствие И.М.Пеньковского. (Об управлении имениями Пушкина см. подробно в *ЦМ*, 109—156; ср. *ДП*, 210—211 и *ДМ*, 484—486.) Пеньковский в полной мере оправдал доверие Пушкина и после смерти поэта оставался управляющим имениями до пятидесятых годов (см. письмо Л.С.Пушкина к вдове поэта, от 1 сентября 1849 г. — *ЦМ*, с. 202—205; ср. письмо Пеньковского от 14 февраля 1852 г. из Саранска к П.П.Ланскому, из которого видно, что он продолжает управлять имением; подлинник хранится в *ТМ*. Об этом периоде деятельности Пеньковского см. в главе «Кистеневское изнурение» в *ЦМ*, 189—211). Помимо выданных Пушкиным Пеньковскому двух вышеназванных деловых документов, сохранилось еще четыре письма к нему поэта от 1834—1836 гг. (они напечатаны а *РА* 1890, I, 435—439, и в *АП* III, №№ 801, 874, 904 и 1033. Подлинники их хранятся в *ПД* №№ 600, 616, 626, 664) и двадцать девять писем Пеньковского с декабря 1835 г. по 28 апреля 1836 г., из которых пятнадцать писем — С.Л.Пушкину, одно письмо без обращения и тридцать к А.С.Пушкину (см.: «Звенья», сб. III—IV, 1934, с. 135). О Пеньковском см. еще *ПС* XVII—XVIII, 163, 165, 179, 184, 190, 202, и XXIII—XXIV, 205, 210—211; XII, 102. После 1849 г. Пеньковский был управляющим имением у камергера А.А.Полянского в с. Макаровке Нижегородской губернии; в 1875—1885 г. жил в г. Саранске в собственном доме, где и умер.

9.

Предложение об издании «Краткого священного словаря» А.И.Малова

<8 декабря 1834 г.>

Въ Императорскую Россiйскую Академiю

Предложенiе

Дѣйствительный Членъ Россiйской Академiи Протоiерей Алексѣй Иванович Маловъ проситъ Академiю объ оказанiи ему пособiя къ изданiю въ свѣтъ сочиненной имъ и С. Петербургскою Духовною Цензурою одобренной книги подъ названiемъ: Краткiй Священный Словарь, напечатанiемъ въ Академической Типографiи на иждивенiи Академiи 800 экземпляровъ.

Представленную мною Г. Сочинителемъ рукопись я поручилъ тремъ Г. г. Членамъ Академiи: Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Языкову, Коллежскимъ Совѣтникам: Лобанову и Панаеву разсмотрѣть сiе сочиненiе и о достоинствѣ его представить въ Академiю письменное свое мнѣнiе за общимъ их подписанiемъ.

Основываясь на поданномъ ими 24-го минувшаго Ноября мнѣнiи, въ которомъ прописываютъ, что ясное изложенiе предметовъ въ семъ Словарѣ заключающихся, и полезная цѣль, съ которою единственно предпринято сiе сочиненiе, даютъ ему полное право на вниманiе Императорской Россиiской Академiи, предлагаю Академiи, неблагоугодно ли будетъ напечатать сего сочиненiя 800 экземпляровъ на ея щетъ въ пользу Сочинителя.

Президентъ Академiи Александръ Шишковъ

Алексѣй Оленинъ
Графъ Хвостовъ
Голенищевъ-Кутузовъ
В.Полѣновъ
Д.Языковъ
Яков Захаровъ
Александръ Востоковъ

М.Лобановъ
В.Панаевъ
А.М.Данилевскiй
К.Бороздинъ
П.Загорскiй
Гр. Н.Мордвиновъ
Совершенно согласенъ Кн. Ширинскiй-Шихматовъ

Протоiерей Мысловскiй
Д.Чижовъ
Прот.Кочетовъ
А.Пушкинъ
И.Крыловъ

«<8>» Декабря
1834 Года

Впервые напечатано: *РП*, с. 773, по рукописи, находящейся в делах Российской Академии (записки заседаний 1834 г., № 39, л. 531), хранящихся в Архиве Российской Академии наук (фонд 8). Текст документа писан рукою А.С.Шишкова, а затем подписан членами Академии (один лист писчей бумаги в лист, без водяного знака).

Алексей Иванович *Малов* (1787 — 31 октября 1855) — известный в свое время проповедник, мракобес, протоиерей Исаакиевского собора: по окончании Петербургской духовной академии в 1814 г. был наставником в армейской семинарии в Петербурге, с 1818 г. — священник при церкви Военносиротского отделения, в 1822 г. переведен в церковь при Инженерном замке, а с 1836 г. служил в Исаакиевском соборе. По получении священнического сана был законоучителем в восьми разных учебных заведениях. Пользовался большим успехом как проповедник; его проповеди были изданы несколькими изданиями: в 1822—1824 гг. Под заглавием «Поучительные слова и речи», в 3 томах (3-е издание в 1835 г.); кроме того им составлены несколько сочинений: «О вере и нравственности христианина», 2 ч., СПб., 1826—1831; «Письма к русским воинам», 2 ч., СПб., 1831, и др. В последнем сочинении, где Малов говорит «о любви и преданности государю», декабристы сравниваются им с «собаками, взбесившимися с жиру». Эта фраза характерна для Малова; она ярко рисует его реакционные взгляды, под знаком которых прошла вся его церковно-педагогическая деятельность. Кроме того Малов был членом известного скопческого корабля Е.Ф.Татариновой (см.: Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПб. духовной академии 1814—1869 гг. СПб., 1907, с. 262—263; Центрархив. Восстание декабристов. Библиография. Составил Н.М.Ченцов. Под ред. Н.К.Пиксанова. М.; Л., 1929, с. 143; *РА* 1873, II, 1449; Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. II. Берлин, 1880, с. 284—285; о Малове как о священнослужителе и законоучителе см. в *РА* 1901, III, 415, и «Наша старина», 1917, III, 45—46; Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым, II, 357 — отзыв о речи Малова на похоронах И.А.Крылова).

Имена Малова и Пушкина на протяжении жизни последнего и сразу же после его смерти сталкиваются несколько раз.

Пушкин и Малов одновременно, 3 декабря 1832 г. (предварительно) и 7 января 1833 г. (окончательно), были избраны в члены Российской Академии вместе с П.А. Катениным, М.Н.Загоскиным и Д.И.Языковым (см.: Сухомлинов М.И. История Российской академии. VII, 472, и Модзалевский Б.Л. Список членов Имп. Академии наук. СПб., 1903, с. 116 и 337—338). Когда Академия была закрыта (в 1841 г.) и присоединена к Академии наук, Малов не попал в академики, а был сделан лишь почетным членом вновь образованного Отделения русского языка и словесности Академии наук, которым и оставался до своей смерти. Пушкин вначале довольно часто посещал заседания Академии и вместе с Маловым присутствовал на них 11 марта, 18 марта, 13 мая, 10 июня 1833 г. и последний раз 8 декабря 1834 г[1]. Вот на этом-то заседании 8 декабря и было подписано заранее приготовленное А.С.Шишковым предложение об издании «Краткого священного словаря» А.И.Малова. Предварительно, как видно из этого предложения, рукопись словаря была рассмотрена Рассматривательным комитетом в составе членов Академии Д.И.Языкова, М.Е.Лоба-

[1] На заседаниях 28 января, 4 февраля и 25 февраля 1833 г., на которых присутствовал Пушкин, Малова не было. В названном труде М.И.Сухомлинова (с. 83) дата 13 мая вообще пропущена.

нова и В.И. Панаева. Чтение их отзыва, датированного 24 ноября 1834 г., произошло в заседании Академии от того же числа (§ 1), причем было постановлено: «мнение сие представить господину президенту на его благоусмотрение». Предложение А.С.Шишкова было занесено в протокол заседания 8 декабря 1834 г., постановлено: «Предложение сие произвести в исполнение, когда оное утверждено будет подписанием двадцати действительных членов Академии». Очевидно, что во время заседания присутствующие на нем члены Академии, в том числе и Пушкин, подписали его, таким образом постановление вошло в силу. Чем руководствовался Пушкин, скрепляя своею подписью новое издание, сказать трудно. Вернее всего предположить, что он присоединился лишь к мнению большинства сочленов, не вникая в существо дела. «Краткий священный словарь» А.И.Малова был отпечатан в 800 экземплярах в 1835 г. (разрешение СПб. комитета для цензуры духовных книг на выпуск его в свет выдано было 29 апреля 1835 г.)[1]. Это издание находится в библиотеке Пушкина (см. *ПС* IX—X, 62), причем часть страниц в нем разрезана.

После смерти Пушкина А.И.Малов предполагал произнести над гробом поэта приготовленное им надгробное слово, но, вероятно, оно произнесено не было, так как в многочисленных воспоминаниях современников и в их письмах об этом нет никаких упоминаний (см.: *ПС* VI, 64, и Поляков А.С. О смерти Пушкина. Пг., 1922, с. 42). Интересно отметить, что Николай I подозревал Малова в авторстве известного анонимного пасквильного письма Пушкину, но на чем это подозрение было основано, остается неизвестным (см. назв. книгу А.С.Полякова, с. 42, 45 и 92).

10.

Контракт на наем квартиры в доме С.А.Баташева

<1 мая 1835 г.>

Санктпетербургъ, Мая въ первый день Тысяча восемьсотъ тридцать пятаго года, Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, нанявъ въ домѣ Отставного Гвардіи Полковника и кавалера Силы Андрѣева сына Баташева, Литейной части Перваго квартала подъ № 20-мъ Бельэтажъ, состоящій изъ поименованныхъ въ прилагаемой при семъ описи[2] комнатъ со службами отъ вышеписаннаго числа на одинъ годъ, т. е. по первое Мая будущаго Тысяча восемь сотъ Тридцать Шестаго года, цѣною за Шесть Тысячъ рублей ассигнаціями, обязываюсь исполнять слѣдующее: П е р в о е платежъ означенной суммы производить мнѣ Пушкину владѣльцу дома Г. Баташеву по третямъ и имянно при заключеніи сего контракта двѣ тысячи рублей ассигнаціями, 1-го Сентября 1835 и 1-го Генваря 1836 года

---

[1] «Дела Российской Академии» 1834, № 9, в Архиве Российской Академии наук (фонд 8). Ср.: Срезневский В.И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Имп. Академии наук в 1903 г. СПб., 1904, с. 173.

[2] *Опись при контракте не сохранилась.*

тожъ по двѣ тысячи рублей за каждую треть ассигнацiями, съ подписанiемъ сей уплаты владѣльцомъ дома или уполномоченнымъ отъ него на контрактѣ, или на копiи съ онаго. В т о р о е, бельэтажъ и всѣ принадлежности къ нему, принятыя мною по описи, по изтеченiи контракту срока, ежели въ теченiи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ не послѣдуетъ взаимнаго соглашенiя на продолженiе найма на слѣдующiй годъ, сдать мнѣ бельэтажъ въ той самой исправности, въ какой принятъ былъ по описи не доводя владѣльца дома ни до какихъ убытковъ и хлопотъ. Т р е т i е чищенiе печныхъ трубъ, отхожихъ местъ, помойныхъ и мусорныхъ ямъ производится должно отъ владѣльца дома безъ всякаго моего за то въ платежѣ участiя. Ч е т в е р т о е наблюдать съ моей стороны, чтобы живущiе въ нанятомъ мною бельэтажѣ обходились съ огнемъ осторожно, и въ случаѣ (отъ чего Боже сохрани) учинится въ домѣ Г. Баташева отъ неосторожности моей, или служащихъ при мнѣ, пожаръ, доказанный законнымъ порядкомъ, то я обязанъ отвѣтствовать за послѣдовавшiй дому вредъ всею собствѣнностiю моею безъ всякихъ хлопотъ, не доводя владѣльца дома, ни до какихъ убытков; а на противъ того, ежели пожаръ пройзойдѣтъ не отъ меня и живущихъ при мнѣ, но отъ Грозы, или отъ неисправности трубъ и печей, кои остаются на отвѣтственности хозяйской, или же отъ другихъ жильцовъ, или сосѣдей, тогда я за причиненные дому пожаромъ убытки не отвѣчаю, обязываясь предупреждать владѣльца дома объ опасностяхъ печей и трубъ. Пунктъ сей въ случаѣ застрахованiя дома до меня не касается. П я т о е, людей, находящихся у меня в услуженiи, имѣть мнѣ съ узаконенными видами, о коихъ и объявлять мнѣ въ кварталѣ подъ собственною моею за неисполненiе сего отвѣтствѣнностiю. Ш е с т о е, въ случаѣ поступленiя въ другiе руки дома Г. Баташева, ежели покупщикъ онаго, не согласится оставить меня въ нанятой мною квартирѣ до окончанiя срока контракту, въ такомъ случаѣ по предварительномъ меня о семъ извѣщенiи, я предоставляю себѣ право выѣхать изъ квартиры не ранѣе трехъ мѣсяцевъ, но съ тѣмъ чтобы въ семъ случаѣ излишне-переданныя мною деньги за наемъ квартиры, были мнѣ владѣльцомъ дома по росчету возвращены. С е д ь м о е, контрактъ сей содержать съ обѣихъ сторонъ Свято и ненарушимо, записавъ оный у Маклерскихъ дѣлъ, подлинному хранится у владѣльца дома, а копiю съ него у наемщика квартиры. В о с ь м о е, в случаѣ выѣзда моего изъ Петербурга по какимъ либо обстоятельствамъ предоставляю я Пушкинъ себѣ право квартиру передать другому до истеченiя контракту срока, но съ полнымъ владѣльца дома за все контрактное время отъ меня удовлетворенiемъ.

Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ

№ 289-мъ

1835-го Года Маiя Пятьнадцатаго дня; в С. Петербургѣ, въ Конторѣ Частнаго Маклера; Сей Контрактъ явленъ; и въ книгу; подъ № Двѣсти-Восемъ Дѣсятъ-Дѣвятымъ Записанъ! — и съ онаго въ Доходъ Города слѣдующiе пошлинные деньги принялъ

Частный Маклеръ Яковъ Степановъ

у Сего Контракта Его
Императорскаго
Величества Мак-
лерская Печатъ! —

Комментарий см. к № 15 (*ПД* № 1665).

11.

Подпись под отпускным билетом крестьян бар. Е.Н.Вревской

<После 5 октября 1835 г. С. Тригорское.>

БИЛѢТЪ.

Предъ-явителямъ Сего Тверской Губерніи Старицкаго Уѣзда Крѣпостные Крестьянѣ. Нераздѣльныя съ братомъ Исестрою Моей Вульфовымъ находясь у меня въ работы Псковской Губерніи Островскаго Уѣзда въ селѣ Голубове отъ сего числа 5-го октября отъ правлены обратно нажительство ихъ въ выше прописанною Губернію и уѣздъ 1-го Матвѣй Петровъ 2-й Сергей Максимовъ 3-й Александръ Ивановъ 4-й Захаръ Ивановъ срокомъ отъ нижеписаннаго числа надвѣ недели т: е: по семнатцатое число сего мѣсяца почему прошу Господъ команду имѣющихъ научрежденныхъ заставахъ дожительства ихъ безпрепятственно пропускать, для чего имъ отъ меня сей б и л ѣ т ъ данъ за подписаніемъ моей руки и съ приложеніемъ Герба фамиліи моей печати мѣсяца Октября 5-го дня 1835-го Года.

<Место сургучной печати> Островская помѣщица Евпраксея дочь Николаева Баронесса Вревская

При семъ былъ свидѣтелемъ и руку приложилъ
Двора Его Императорскаго Величества
камеръ-юнкеръ Александръ Пушкинъ

въ томже свидетельствую Полковникъ *<подпись нрзб.>*
Въ томъ свидетельствую Поручикъ *<подпись нрзб.>*

На полях написаны:

П р и м ѣ т ы.

1-й М а т в ѣ й П е т р о в ъ отроду 45-ть лѣтъ росту 2 арш. 9-ти вер.; волосы на головѣ бровяхъ темнорусые глаза серые носъ остръ лице белое подбородокъ круглой особые примѣты усахъ и бородѣ волоса темнорусые лысоватъ. —

2-й С е р г е й М а к с и м о в ъ отроду 35-ти лѣтъ росту 2 ар. 4 $^1/_2$ верш., волосы наголове бровяхъ и бородѣ усахъ, рыжеватые. Глаза светлорусые лицемъ белъ ротъ умеренной носъ посредственной особыхъ примѣтъ нѣтъ. —

3-й А л е к с а н д р ъ И в а н о в ъ отъ роду 50 лѣтъ росту 2 арш., 5 $^1/_4$ вер., волосы наголове бровяхъ бородѣ усахъ темнорусые глаза каріи лицемъ темноватъ ротъ умеренной носъ посредственной особыхъ примѣтъ нѣтъ. —

4-й З а х а р ъ И в а н о в ъ отроду 39-и лѣтъ росту 2 арш. 7 $^1/_2$ вер.; волосы на головѣ бровяхъ бородѣ и усахъ темнорусые глаза темнокаріи лицемъ белъ ротъ умеренной носъ посредственной особыхъ примѣтъ нѣимѣется. —

Напечатано впервые: *РП*, с. 782—783, по подлиннику из собрания Лицейского музея; подлинник писан на двух листах гербовой бумаги in f°, ценою в 50 копеек, с

водяным знаком 1834 г. (*ПД* № 742). Текст документа писан писцом, а затем идут подписи бар. Е.Н.Вревской, Пушкина и двух других лиц, фамилии которых разобрать не удалось.

С середины сентября до середины октября 1835 г. Пушкин провел время у себя в Михайловском: здесь он неоднократно навещал своих соседей по с. Тригорскому, а также был у бар. Вревских в с. Голубове, о чем писал жене 21 сентября (см. *АП* III, 230 и *ПС* XIX—XX 104—105, 106 и XXI—XXII, 392 и 393). Но больше всего Пушкин бывал в любимом Тригорском; 25 сентября он даже письмо писал жене именно оттуда: «Пишу тебе из Тригорского» (*АП* III, 231), а в следующем письме ей же сообщал: «Утром дела не делаю, а так из пустова в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах, да орехи грызу» (ibid, с. 234), он и поддерживал дружескую близость с обитателями Тригорского и Голубова. 22 сентября он подарил бар. Е.Н.Вревской в Михайловском экземпляр «Евгения Онегина», изд. 1833 г., с надписью и с пометками. 2 октября вписал в альбом Анны Николаевны Вульф XLVI строфу шестой главы «Евгения Онегина» и, наконец, 5 октября, по просьбе бар. Е.Н.Вревской, подписался свидетелем под паспортом крепостных ее крестьян. Помимо подписи Пушкина, паспорт этот интересен и сам по себе, как образец паспортов помещичьих крестьян; такие паспорта выдавал и Пушкин своим крепостным, но они не дошли до нас.

12.

Подпись под разрешением П.А.Осиповой на вступление в брак своей крепостной за крестьянина деревни Дмитревой

<После 12 октября 1835 г. С. Тригорское.>

Пригорода Воронеча Церкви Воскресенія Христова, Священнику Ларіону.

Соглосясь Позволяю Вотчины моей деревни Новой Березовки кресьянину Семіону Герасимову, что преждѣ жилъ въ деревни Пентузовой; выдать дочь свою Иринію Семенову въ замужьство за кресьянина Удѣльной волости Воронецкаго приказа деревни Дмитревой, Егора Силова, а какъ помянутая Иринья Семенова по послѣдней ревизіи писана 18-ти годовъ то не находя никаких прѣпятствій, прошу васъ покорнейши объвѣнчать вышеозначенныхъ Егора Силова и Иринью Саміонову законнымъ бракомъ.

Статская Совѣтница Прасковья
Осипова

1835 года
Октября 12го
С. Тригорское.

<на обороте>

Что сей отпускъ писанъ дѣйствительно статской совѣтницей Прасковіей Александровной Осиповой въ томъ свидѣтельствую Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-юнкеръ Александръ Пушкинъ

И я свидѣтельствую въ томъ, что сей видъ дѣйствительно писанъ Статской Совѣтницей Прасковіей Александровной Осиповой. Отст: 14го класса Николай Шминке.

Въ томъ же свидѣтельствую Отставной Гвардіи подпоручикъ Баронъ Борисъ Александровъ сынъ Вревскій.

<Стершаяся печать
на красном сургуче>.

Напечатано впервые: *РП*, с. 784 (ср. заметку Н.Л.Пацко «Новый автограф А.С.Пушкина» в газете «Пушкинский колхозник», изд. в Пушкинских Горах, 6 октября 1834 г., № 206 (855)). Подлинник писан на гербовой бумаге ценою в 50 копеек, с водяным знаком: 1834 (*ПД* № 743). Текст обращения писан весь рукою П.А.Осиповой; на обороте автографы Пушкина, Н.Шминке и бар. Б.А. Вревского.

Священник Ларион — Ларион Евдокимович Раевский, по прозвищу «Шкода», священник села Воронича. «Шкоде» поручен был надзор за духовною жизнью Пушкина во время пребывания поэта в ссылке в с. Михайловском в 1824—1826 гг. (подробнее см. в *П* 1, с. 127, 128, 428, 429, а также в рассказах дочери Раевского — Акулины Ларионовны, по мужу Скоропостижной, в «Историческом вестнике», 1908 г., № 10, с. 139—141, 1911 г., № 9, с. 590—591, и приложении к «Новому времени», 21 февраля 1909 г., № 11834, с. 7). Дочь Раевского умерла 105 лет в июне 1924 г. в с. Михайловском («Известия ЦИК», 25 июня 1924 г.).

О пребывании Пушкина в сентябре-октябре 1835 г. в Михайловском и Тригорском см. выше.

О Николае Шминке — никаких сведений нет.

Барон Борис Александрович Вревский (род. 29 ноября 1805, ум. 17 декабря 1888), муж дочери П.А.Осиповой — Евпраксии Николаевны Вульф (о нем см.: Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг А.С.Пушкина. СПб., 1903, с. 127, 143, 144, 248, 255, 258, 273 и в *АП*, II, с. 284, 307, и III, с. 342, 370, 391, 437). В сентябре и октябре (до 20-го) 1835 г. Пушкин приезжал к Вревскому в им. Голубово (см. *ПС*, в. XXI—XXII, с. 392—393).

13.

Обязательство по ссуде в 20 000 руб.

<22 ноября 1835 г.>

Я нижеподписавшійся Коллежскій Ассесоръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, на основаніи Высочайшаго повѣленія, на имя Господина Министра Финансовъ въ 30 сентября / 12 октября послѣдовавшаго, о рассрочкѣ выданныхъ мнѣ изъ Государственнаго Казначейства въ ссуду въ 1834 году Двадцати тысячь рублей, начиная съ 1836 года на четыре года безъ процентовъ съ тѣмъ, что бы я возвратилъ сію сумму въ теченіи четырехъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года, даю сіе обязательство Государственному Казначейству въ томъ, что оные выданные мнѣ въ ссуду двадцать тысячь рублей долженъ я, а по мне наслѣдники мои, возвратить Государственному Казначейству на

изъясненномъ основанiи и платежи производить въ Санктпетербургскую Казенную Палату. Въ непременномъ исполненiи сего обязательства подписуюсь своеручно. Ноября двадцать втораго дня Тысяча восемь сотъ тридцать пятаго года.

Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Коллежскiй ассесоръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Напечатано впервые П.И.Бартеневым в *РА* 1890, II, 104; затем Гастфрейндом по копии в *ГД*, 57 и в *Е*[4] VII, 622—623. Подлинник, писанный на гербовой бумаге «для письма крепостей от 15001 до 20000 цена сорок рублей», с водяным знаком 1834 г., хранился в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1670).

26 июля 1835 г. Пушкин обратился к А.Х.Бенкендорфу с письмом, в котором сообщал, что «из 60.000 рублей моих долгов, половину составляют долги чести. Для уплаты их я вижу себя вынужденным прибегнуть к займам под проценты, что удвоит мое затруднение, или поставит меня в необходимость снова прибегнуть к великодушию императора», и просил предоставить ему возможность уплатить 30 000 руб. с тем, чтобы обратить эту сумму в ссуду, которую он будет выплачивать путем удержания получаемого им жалованья (см. *РС* 1880, № 5, с. 100, *АП* III, 218—219, и *СД*, 160). Николай I, вследствие ходатайства Пушкина, пожаловал ему 30 000 руб., с удержанием этой суммы из жалования (переписку по этому делу см. *ГД*, 47—51 и 55—58; *РА* 1880, II, 103—104, и *СД*, 162—164, 168—169). На самом деле, однако, Пушкин получил на руки лишь 18 231 руб. 67 коп., за вычетом 10 000 руб. с процентами в погашение первой ссуды в 20 000 руб., выданной в 1834 г. Поставленный в затруднительное положение, поэт обратился 6 сентября 1835 г. с письмом к министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину, в котором, изложив ход дела, просил получить сполна всю сумму в 30 000 руб. (см. *АП* III, 225—226). Вследствие просьбы Пушкина гр. Е. Ф. Канкрин доложил дело Николаю I, который и согласился на возвращение 10 000 руб. с процентами, вычтенных у поэта в погашение прежней ссуды; долг же в 20 000 руб. по ссуде 1834 г. повелел рассчитать на 4 года, начиная с 1836 г., без процентов (см. *СД*, 168—169 и *ГД*, 49 и 56). Согласие Николая I состоялось 30 сентября (12 октября) 1835 г., на которое и ссылается Пушкин в тексте своего нового обязательства. Между тем, пока вопрос этот разрешался в высших инстанциях, срок первого платежа в 10 000 руб. по первому обязательству Пушкина истек (9 марта 1835 г.), и С.-Петербургская казенная палата принимала меры к своевременному погашению Пушкиным взятого на себя обязательства. Вторичным отношением палата 12 августа 1835 г. за № 10488, запросила С.-Петербургского обер-полицмейстера о том, приняты ли какие-нибудь меры к «понуждению камер-юнкера Пушкина к платежу должных им по ссуде 20 000 руб. денег», на что С.-Петербургский обер-полицмейстер генерал С.А.Кокошкин отвечал следующим отношением:

С. Петербургский
Обер-Полицмейстер
Канцелярия
Стол 2
17 июля 1836 года

В С.Петербургскую Казенную Палату

На отношение Казенной палаты от 12 августа 1835 года № 10488, уведомляю, что камер-юнкер Пушкин, был побужда-

№ 5440

ем к платежу следующих казне 10/т. рублей, но он за всеми настояниями полиции денег сих не плотит, а о причине того подал отзыв, при сем препровождаемый

Генерал майор Кокошкин

№ 431

14.

Подпись в списке лиц, желающих участвовать в издании журнала «Северный зритель»:

Пушкинъ

Список представляет собой тетрадь, состоящую из пяти двойных сшитых листов. К заголовку на лицевой стороне первого листа, написанному рукой писаря, В.Ф.Одоевский добавил название журнала. «Список» составлялся с целью наметить круг участников большого энциклопедического журнала, издаваемого на акционерных началах. По замыслу организаторов В.Ф.Одоевского и А.А.Краевского, журнал предназначался массовому читателю. Он должен был издаваться с 1837 г. К участию в журнале было привлечено 34 человека, подписи которых в алфавитном порядке значатся в четырех графах. Подпись А.С.Пушкина находится на обороте четвертого листа, ниже подписи П.А. Плетнева, в графе: «Участвующие только трудами своими». В этой же графе на других листах расписались Н.В.Гоголь, В.А.Жуковский, А.В.Кольцов, А.А.Краевский, С.А.Соболевский и др.

Издание журнала не состоялось, по-видимому, по материальным соображениям. Из 34-х участников лишь А.В.Веневитинов, П.А.Вяземский, В.Ф.Одоевский намеревались участвовать «трудами своими и деньгами», а С.С.Хлюстин «только деньгами как акционер».

А.С.Могилянский датирует «список» ноябрем 1835 — январем 1836 г. (см. его статью «А.С.Пушкин и В.Ф.Одоевский, как создатели обновленных "Отечественных записок"». Известия АН СССР, сер. истории и философии. 1949, т. 6, № 3, с. 209—226); О.С.Соловьева — мартом-маем 1836 г. (см. ее статью «Новейшие приобретения пушкинского текста (1955—1956)». *ПИМ*, т. 2. М.; Л., 1958, с. 399—400). Список хранится в *ПД* № 1707.

15.

Контракт на наем квартиры в доме С.А.Баташева

<1 мая 1836 г.>

С.-Петербургъ. 1836 года Мая в 1-й день. Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ,

нанявъ въ домѣ отставного Гвардіи Полковника и Кавалера Силы Андрѣева сына Баташева, Литейной части перваго квартала подъ № двадцатымъ, верхній этажъ, состоящій изъ двадцати жилыхъ комнатъ, съ находящеюся въ нихъ мебѣлью, значущеюся въ приложенной при семъ описи[1], на одинъ годъ съ платежемъ, т. е. по первое Іюня будущаго тысяча восемь сотъ тридцать седьмаго года цѣною за четыре тысячи рублей ассигнац. обязуюсь исполнить слѣдующее: 1-е) платежъ означенной суммы производить мнѣ Пушкину владѣльцу дома Г.Баташеву по третямъ, и именно: при заключеніи сего контракта тысячу триста тридцать три рубли тридцать три копѣйки ассигн. 1-го Октября 1836 и 1-го Февраля 1837 года тожъ по тысячѣ триста тридцать три рубли тридцать три копѣйки за каждую треть ассигн., съ подписаніемъ сей уплаты владѣльцемъ дома, или уполномоченнымъ отъ него на контрактѣ, или на копіи съ онаго. 2-е) Верхній этажъ, всѣ принадлежности къ нему, и мебѣль принятыя мною по описи, по изтеченіи контракту срока, ежели въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцовъ не послѣдуетъ взаимнаго соглашенія на продолженіе найма на слѣдующій годъ, сдать верхній этажъ и мебѣль[2] въ той самой исправности, въ какой принято было по описи, не доводя владѣльца дома ни до какихъ убытковъ и хлопотъ. 3-е) Чищеніе печныхъ трубъ, отхожихъ мѣстъ, помойныхъ и мусорныхъ ямъ, производиться должно отъ владѣльца дома безъ всякаго моего за то въ платежѣ участія. 4-е) Наблюдать съ моей стороны, чтобы живущіе въ нанятомъ мною этажѣ обходились съ огнемъ осторожно, и въ случаѣ (чего Боже сохрани) учинится въ домѣ Г.Баташева отъ неосторожности моей, или служащихъ при мнѣ, пожаръ, доказанный законнымъ порядкомъ, то я обязанъ отвѣтствовать за послѣдовавшій дому вредъ всею собственностію моею безъ всякихъ хлопотъ, не доводя владѣльца дома, ни до какихъ убытковъ; а на противъ того, ежели пожаръ произойдетъ не отъ меня и живущихъ при мнѣ, но отъ грозы, или отъ неисправности трубъ и печей, кои остаются на отвѣтственности хозяйской, или же отъ другихъ жильцовъ, или сосѣдей, тогда я за причиненные дому пожаромъ убытки не отвѣчаю, обязываясь предупреждать владѣльца дома объ опасностяхъ печей и трубъ. Пунктъ сей въ случаѣ застрахованія дома до меня не касается. 5-е) Людей, находящихся у меня въ услуженіи, имѣть мнѣ съ законными видами, о коихъ и объявлять мнѣ въ кварталѣ подъ собственною моею за неисполненіе сего отвѣтственностію. 6-е) Въ случаѣ поступленія въ другія руки дома Г.Баташева, ежели покупщикъ онаго не согласится оставить меня въ нанятой мною квартирѣ, до окончанія сроку контракту, въ такомъ случаѣ по предварительномъ меня о семъ извѣщеніи, я предоставляю себѣ право выѣхать изъ квартиры не ранѣе трехъ мѣсяцовъ, но съ тѣмъ, чтобы въ семъ случаѣ излишне переданные мною деньги за наемъ квартиры были мнѣ владѣльцомъ дома по расчету возвращены. 7-е) Контрактъ сей содержать съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо, записавъ оный у Маклеровскихъ дѣлъ, подлинному храниться у владѣльца дома, а копію съ него у наемщика квартиры. 8-е) Въ случаѣ выѣзда моего изъ Петербурга по какимъ либо обстоятельствамъ предоставляю я Пушкинъ себѣ право квартиру передать другому до истеченія контракту срока, но съ полнымъ владѣльца дома за все контрактованное время отъ меня удовлетвореніемъ.

Къ сему контракту Гвардіи Полковникъ Сила Андрѣевъ сынъ Баташевъ руку приложилъ. —

---

[1] *Описи при контракте не оказалось.*

[2] *Подчеркнуто карандашом.*

Къ сему контракту титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.

№ 172 въ СПетербургѣ 1836 года Іюня Семнадцатаго Дня сей Контрактъ въ Конторѣ Городоваго Маклера Явленъ и въ Книгу подъ № СТО Семдесятъ вторымъ Записанъ въ доходъ Города Двадцать рублей приняты.

Городовый Маклеръ Василей Селезневъ

У сего конъ
тракта
Маклерская
«Печать»

Контракт от 1 мая 1835 г. (см. выше) и этот впервые опубликованы в *РП*, с. 789. Подлинник первого писан на гербовой бумаге с штампом: «для письма крѣпостей от 5001 до 7000 рублей, цѣна четырнадцать рублей», с водяным знаком: «1822 г.»; подлинник второго — на такой же бумаге «для письма крѣпостей от 3001 до 5000 рублей цѣна десять рублей», с водяным знаком: «Гербовая бумага 1835 цѣна 10 рублей». Оба контракта хранились в *ЛБ*, под № 3735, куда поступили 26 ноября 1912 г. от В.А.Венкстерна (см.: «Русское слово», № 283, от 8 декабря 1912 г., заметка «Пушкинские автографы»; совр. шифр — *ПД* № 1672).

Пушкин переехал в дом Баташева, вероятно, в середине августа 1834 г., но, к сожалению, первого контракта на наем квартиры не сохранилось. Первое упоминание о новой квартире в письмах Пушкина находится в письме к жене из Петербурга в Калугу в конце июля 1834 г.: «Наташа, мой Ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими» (*АП* III, 156). В следующем письме он писал ей же (конец июля): «С кн. Вяземским я уже условился. Беру его квартиру. К 10 августа припасу ему 2500 рублей и велю перетаскивать пожитки: а сам поскачу к тебе» (ibid., III, 157); «я взял квартиру Вяземских, — писал поэт жене 3 августа, — надо будет мне переехать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься в дорогу» (ibid., 161).

Дом Баташева находился на Гагаринской, затем на Дворцовой набережной у Прачешного моста, вблизи Фонтанки. В настоящее время это желтый четырехэтажный дом № 32 по Набережной Жореса. Пушкин переехал в ту самую квартиру в бельэтаже, которую до того занимал кн. П.А.Вяземский. Судя по публикуемым теперь контрактам, в доме Баташева Пушкин занимал две квартиры: с момента въезда в 1834 г. до 1 мая 1836 — в бельэтаже за 6000 руб. ассигнациями, а с 1 мая 1836 г. по день выезда (об этом см. дальше) — в верхнем, то есть в третьем этаже за 4000 руб. ассигнациями (весь дом состоял из трех этажей; см.: Яцевич А. Пушкинский Петербург. Вып. 1. Л., 1930, с. 69). На подлиннике первого контракта имеются черновые карандашные исправления, свидетельствующие о том, что квартира в бельэтаже 1 августа 1836 г. была снята после Пушкина генерал-майором Алексеем Николаевичем Авдулиным уже за 6500 руб. ассигнациями; вследствие повышения цены за квартиру на 500 руб. Пушкин, надо думать, принужден был ее переменить на другую, в этом же доме, этажом выше,

стоящую только 4000 руб. В августе 1836 г. у Пушкина с управляющим домом Баташева произошел разрыв, и Пушкин вынужден был искать себе другую квартиру: он вскоре переехал на набережную р. Мойки, в дом кн. Волконской, где и умер. «Дорогой отец, — писал Пушкин 20 октября 1836 г., — вот мой адрес: на Мойке, близ Конюшенного мосту в доме Кн. Волконской. Я вынужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого — негодяй» (см. статью Б. Л. Модзалевского «Новое письмо Пушкина к отцу» в *ПС* XXXVII, 2). Предполагая расторгнуть публикуемый нами второй контракт, Пушкин писал в конце августа петербургскому обер-полицмейстеру С.А.Кокошкину, приложив копию с этого контракта. К сожалению, текста письма мы не знаем, так как оно, вероятно, не сохранилось, но из ответного письма С.А.Кокошкина, от 5 сентября 1836 г., видно, что Пушкин просил обер-полицмейстера сообщить ему, как он должен поступить, чтобы иметь право нарушить контракт с домовладельцем. С.А.Кокошкин ответил Пушкину, что «для уничтожения сего акта нужно формальное прошение, в коем следует описать причины, нарушающие условие со стороны владельца дома и поставляющие Вас в необходимость отказаться от дальнейшего проживания в оном, без чего Вы от ответственности за квартиру освободиться не можете» (*АП* III, 374). Дальнейший ход дела неизвестен, но уже во второй половине октября 1836 г. Пушкин жил на новой квартире (см. также: Яцевич А. Пушкинский Петербург. Вып. 1. Л., 1930, с. 54, 66, 68—69).

О Силе Андреевиче *Баташеве* (22 июля 1794 — 15 августа 1838) известно, что он был отставным полковником л.-гв. Гусарского полка. Подлинники контрактов Пушкина, согласно пункту 7 их, хранились у Баташева и затем перешли, вероятно, от детей Баташева к В.А.Венкстерну, пожертвовавшему их в Румянцевский музей (*ЛБ*); у Пушкина же находились только копии с контрактов.

16.

Контракт на наем квартиры в доме кн. С.Г.Волконской

<Копия> <1 сентября 1836 г.>

Получ. 24 февр. 1837 г.

Тысяча восемь сотъ тридцать шестого года Сентября Перваго дня, я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ заключилъ сей контрактъ по довѣренности Госпожи Статсъ Дамы Княгини Софіи Григорьевны Волконской, данной Господину Гофмейстеру Двора Его Императорскаго Величества, Сенатору и Кавалеру Льву Алексѣевичу Перовскому въ томъ: 1-е Что нанялъ я Пушкинъ въ собственномъ Ея Свѣтлости Княгини Софьи Григорьевны Волконской домѣ, состоящемъ 2-й Адмиралтейской части 1-го квартала подъ № 7-мъ весь, отъ однихъ ворот до другихъ нижній этажъ изъ одинатцати комнатъ состоящій со службами, какъ-то: кухнею и при ней комнатою въ подвальномъ этажѣ, взойдя на дворъ направо; конюшнею на шесть стойловъ, сараѣмъ, сеноваломъ, мѣстомъ въ ледникѣ и на чердакѣ, и сухимъ для винъ погребомъ, сверхъ того двѣ комнаты и прачешную взойдя на дворъ на лѣво въ подвальномъ этажѣ во 2-мъ проходѣ; сроком

впредъ на два года, то есть: по первое число Сентября, будущаго тысяча восемь сотъ тритцать восмаго года. 2-е За наемъ оной квартиры съ принадлежностями, обязываюсь я Пушкинъ заплатить Его Превосходительству Льву Алексѣевичу Перовскому въ годъ четыре тысячи три ста рублей ассигнаціями, что составитъ въ два года, восемъ тысячь шесть сотъ рублей, которыя и имѣю вносить по три мѣсяца, при наступленіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ впередъ по тысячи семидесяти пяти рублей, бездоимочно. 3-е. Въ какомъ видѣ теперь нанимаемыя мною комнаты приняты, какъ то: полы чистые, двери съ замками и ключами крѣпкія, рамы зимнія и лѣтнія съ цѣлыми стеклами, печи съ крышками тарелками и заслонками, въ такомъ точно видѣ, по выѣздѣ моемъ и сдать я обязанъ; а если что окажется изломано, разбито и утрачено, то за оное заплатить или исправить мнѣ какъ было Пушкину своимъ коштомъ. 4-е. Буде я пожелаю во время жительства моего въ квартирѣ сдѣлать какое-либо неподвижное украшеніе, то не иначе какъ на свой счетъ и то съ позволенія Его Превосходительства Льва Алексѣевича но отнюдь не ломая капитальныхъ стѣнъ. 5-е. Въ нанятой мною квартирѣ соблюдать мнѣ должную чистоту: не рубить и не колоть въ кухнѣ дровъ, на лѣстницахъ не держать нечистоты также и на дворѣ ничего не лить и несыпать, но всякую нечистоту выносить въ показанное мѣсто. 6-е. Отъ огня имѣть мнѣ Пушкину крайнюю осторожность; а дабы со стороны моего жительства никакого опасенія не было, обязываюсь я наблюсти, что бы люди мои не иначе выносили огонь на дворъ, какъ въ фонарѣ. 7-е. Чищеніе печныхъ трубъ и прочая Полицейская повинность зависитъ отъ распоряженія Его Превосходительства Льва Алексѣевича. 8-е. О всякихъ пріѣзжающихъ ко мнѣ и отъѣзжающихъ отъ меня, долженъ я немѣдленно давать знать Управляющему домомъ; безъ паспортныхъ же съ непрописанными въ кварталѣ и просроченными билетами людей обоего пола ни подъ какимъ видомъ не держать, а если паче чаянія, сіе и случится, то вся отвѣтственность падаетъ на меня. 9-е. Въ случаѣ продажи дома, Его Превосходительство Левъ Алексѣевичь состороны своей обязывается увѣдомить меня объ оной заблаговрѣменно, дабы — если покупщикъ несогласенъ будетъ хранить — контрактъ въ сей силѣ то могъ бы я пріискать для жительства моего въ иномъ домѣ квартиру; равно и я Пушкинъ если болѣе означеннаго въ семъ контрактѣ срока, нанять квартиры не пожелаю, то долженъ увѣдомить Его Превосходительство Льва Алексѣевича, до истеченія срока за мѣсяцъ; и наконецъ 10-е. Сей контрактъ до срочнаго время хранить съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо для чего и явить его гдѣ следуѣтъ, подлинному же храниться у Его Превосходительства Льва Алексѣевича, а мнѣ Пушкину имѣть съ него копію. А что на второй страницѣ, на третій и на четвертой строкахъ почищенному написаны слова: мѣсяцевъ впередъ по тысячи семидесяти пяти рублей, то считать вѣрно.

Гофмейстеръ и Сенаторъ Перовскій.

№ 155. 1836 года Декабря десятаго дня, въ Спетербургѣ, въ Конторѣ Нотаріуса, Сія Копія при подлинномъ контрактѣ явлена, и въ книгу подъ № сто пятьдесятъ пятымъ записана.

Нотаріусъ Григорей Сидневъ.

Получено по контракту отъ Госпожи Пушкиной съ 1-го Сентября по 1-е Декабря сего 1836-го года тысячу рублей ассигнаціями.

Смотритель дома Захаръ Шумовъ.

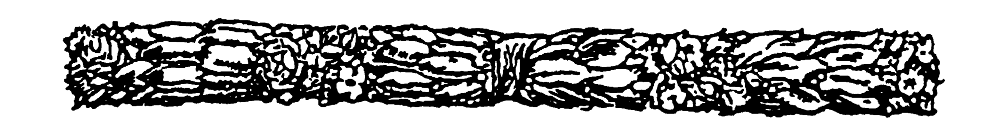
Впервые напечатано: *РП.*, с. 791, по экземпляру, хранившемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 94—95, где приведены краткие выдержки из текста; совр. шифр — *ПД*, ф. 244, оп. 19, № 59, л. 1—2).

На этом экземпляре нет подписи Пушкина, так как это экземпляр, принадлежавший Пушкину, почему он и остался в бумагах поэта; экземпляр же, подписанный Пушкиным, принадлежал Л.А.Перовскому, и где находится ныне, неизвестно. Текст написан на двух листах гербовой бумаги с вод. зн.: «1835, цѣна 50 копѣек».

Квартиру в доме кн. С.Г.Волконской Пушкин нанял, нарушив контракт с Баташевым. Точная дата переезда Пушкина с семьей в дом Волконской неизвестна, но, вероятно, это было в сентябре 1836 г. Последней квартире Пушкина посвящена работа М.Д.Беляева «Квартира, где умер Пушкин», Л., 1930. В настоящее время в части этой квартиры устроен музей*.

---

* В настоящее время весь дом кн. С.Г.Волконской принадлежит Всероссийскому музею А.С.Пушкина. — *Ред.*



XIV

ВЕКСЕЛЯ И ДЕНЕЖНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В настоящий отдел вошли векселя и денежные обязательства, выданные Пушкиным. Эти документы, являясь необходимым дополнением к приходо-расходным записям поэта, дают красочную картину материального быта Пушкина[1].

Все тексты транскрибированы и комментированы мною.

Л. Модзалевский.

---

[1] В подготавливаемой к печати Ю. Г. Оксманом книге П.Е.Щеголева «Будни Пушкина» (книга издана не была. — *Ред.)* будут опубликованы векселя Пушкина, еще не бывшие в печати. Благодаря любезности редактора, мы можем сообщить содержание этих векселей: первый из них (*ПД* № 817) выдан Пушкиным 9 января 1832 г. на имя кн. Н.Н.Оболенского в сумме 10 000 руб. сроком на два месяца; на векселе имеется расписка Оболенского в получении 10 февраля 1832 г. 8000 руб. Другой вексель (*ПД* № 818) выдан поэтом 27 апреля 1832 г. иностранцу Христиану Соренсену в сумме 500 рублей сроком на 15 дней; на векселе имеются пометы Пушкина об уплате: 125 руб. — 26 января 1833 г., 100 руб. — 15 февраля того же года, 100 руб. — 27 марта того же года и 100 руб. — 11 января 1834 г. Третий вексель (*ПД* № 819) выдан Пушкиным 22 апреля 1833 г. прапорщику В. Г. Юрьеву в сумме 6500 руб. сроком на три месяца; никаких помет об уплате этих денег на векселе нет. Последний вексель (частично) факсимильно воспроизведен в № 16—18 «Литературного наследства», с. 755.

1.

Вексель, выданный бар. С.Р.Шиллингу

<20 ноября 1819 г.>

№ 735

Копія

Тысяча восемь Сотъ девятнадцатаго Года Ноября двадцатаго дня я нижеподписавшійся Коллегскій Секретарь Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ занялъ у барона Сергея Романовича Шилленга денегъ Государствеными ассигнациями две тысячи рублѣй за указныя проценты. Срокомъ въ предь нашесть мцовъ то есть будущаго тысяча восемсотъ двадцатаго Года маія по двадцатое число на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить: а буде чего не заплачу то воленъ онъ Г. баронъ Шиллингъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ Колегскій Секретарь Алѣксандръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ.
1819 Года Ноября двадцатаго дня въ С. Петербургѣ сіе Заемное Письмо явлѣно и въ книгу подъ № семсотъ тридцать пятымъ записано Публичной Нотаріусъ Ларіонъ Иевлевъ.
Обязуюсь по сему векселю дворовому Человѣку Федору Михайлову сыну Росину сполна заплатить Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ.
Права Сего заемнаго письма передаю Г.Капитана и Кавалера Егора Карловича фонъ Лоде дворовому его человѣку Федору Михайлову Росину.
Декабря 3 дня 1819 года Баронъ Сергѣй Романовъ Шиллингъ
1819 Года декабря 5 дня въ С. Петербургѣ сіе заемное письмо съ передачьною надписью отъ барона Сергея Шилленга явлено и вкнигу подъ № семъ сотъ шестьдесятъ третьимъ записано Публичный Нотаріусъ Ларіон Иевлевъ.
1820 Года Маія 21 дня въ С. Петербургѣ сіе Заемное Письмо Посроке занеплатежъ явлено ивъ книгу подъ № 349 записано Публичной Нотаріусъ Ларіонъ Іевлевъ

Съ подлиннымъ вѣрно:

Столоначальник <*подпись нрзб*>

Впервые опубликован по копии Л.С.Мацеевичем в *РС* 1878, № 7, с. 501, в его статье «Карточный должок А.С.Пушкина», написанной на основании «дела № 1936 по отношению Екатеринославского губернского правления о взыскании с коллежского секретаря Александра Пушкина должных дворовому человеку капитана фон-Лоде Федору Росину 2.000 р. ассигнациями денег от 11 ноября 1820 г. На 18 листах». Как новость, дело изложено И. А. Смирновым в его брошюре «Дело о Пушкине (1820)», изд. Пушкинской комиссии Литературно-артистического общества, Одесса, 1899,

с.10. Текст векселя публикуется по копии, находящейся в упомянутом деле на л. 2 и 2 об., хранившемся в *ПБЛ* (совр. шифр — *ПД*, ф. 244, оп. 16, № 143); там же хранилось и другое дело по этому же вопросу (№ 1394 по столу Кишиневской градской полиции, от 23 декабря 1820 г.), где имеется копия с копии векселя на л. 2 и 2 об. (см.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1900—1901 г., с. 231[1]; совр. шифр — *ПД* № 1626).

История с векселем Пушкина подробно изложена в указанных статьях. К этому можно добавить, что, кроме этого векселя, выданного бар. С.Р.Шиллингу, существовал еще один вексель Пушкина, выданный ему же, в сумме 500 рублей, но не дошедший до нас. По этому векселю Пушкин расплачивался с неким Кистером в 1832 г. (ср. записку Пушкина к Кистеру, опубликованную И.А.Шляпкиным в *Ш*, 87 и в *АП* II, 376).

В «Сенатских объявлениях о запрещениях на недвижимые имения» от 1 ноября 1830, № 44, с. 2853, в статье 15456, напечатана публикация, стоящая в связи с запиской Пушкина к Кистеру и объясняющая ее: «От С.-Петербургского Губернского Правления 16 октября 1830 г. за № 2447 налагается запрещение на недвижимое имение, где бы какое ни оказалось отставного Коллежского Секретаря Александра Сергеева Пушкина за неплатеж Титулярному Советнику Кистеру по заемному письму, данному 1820 года февраля 8-го на имя Барона Шиллинга, переданному портному мастеру Серендену, а от сего к Кистеру по передаточной надписи дошедшему, 500 рублей». Очевидно, и этот вексель имеет то же происхождение, что и первый, — карточный проигрыш Пушкина.

2.

Вексель, выданный Л.И.Жемчужникову

<3 июля 1830 г.>

Тысяча Восемь сотъ Тридцатаго Года Іюля въ 3-й день Я нижеподписавшійся 10-го класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ занялъ у Полковника Лукѣ Ильина сына Жемчужникова денегъ Государственными ассигнаціями двѣнадцать тысячь пять сотъ рублей, за указные проценты, срокомъ въ предь на два Года, то есть: будущаго Тысяча восемь сотъ тридцать втораго Года Іюля по Вышеписанное число, на которое долженъ всю ту Сумму Сполна заплатить, а будѣ чего не заплачу то воленъ онъ Господинъ Жемчужниковъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму 10го Класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

№ 1196й

1830 Года Іюля третьяго дня сіе заемное письмо къ определенному въ Москвѣ публичному Нотаріусу явлено и въ книгу подъ № тысячу сто девяносто шестымъ записано. — Нотаріусъ Ратьковъ.

---

[1] Ср. недоумения В.Стратена в его статье «Об исчезнувшем Пушкинском деле» в *ОП* I, 58—59.

<*на обороте*>

По сему заемному письму въ уплату получилъ семь тысячь пять сотъ рублей Полковникъ Лука Жемчужниковъ 1831-го года Декабря 24-го дня. Остальную по сему заемному письму сумму капитальную пять тысячь рублей и процѣнты за просроченное время по 1-е маія сего года отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ Пушкина получилъ. Полковникъ Лука Жемчужниковъ 11-го маія — 1837-го года.

Впервые напечатано: *РП*, с. 799, по автографу, хранившемуся в Театральном музее им. А.А.Бахрушина в Москве (см. *ПС* XIII, 96 и 104; совр. шифр — *ПД* № 1639). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 10001 до 15000 рублей, ценою тридцать рублей», с водяным знаком: «1826». Факсимиле воспроизведено в «Красной ниве», 1923, № 10.

Жемчужников, Лука Ильич (3 февраля 1783 — 22 декабря 1856) — с 11 июня 1817 г. полковник л.-гв. Измайловского полка с назначением в Отдельный грузинский корпус для особых поручений; 6 июня 1818 г. уволен за болезнью от службы (см Жемчужников П.П. Родословие дворян Жемчужниковых. Новгород, 1907, с. 14, и С Петербургский некрополь, II, 152—153); профессиональный карточный игрок, проживал в Москве; член С.-Петербургского английского собрания с 1818 по 1857 г. (см Столетие С.-Петербургского английского собрания. СПб., 1870, с. 93), где встречался за карточным столом и с Пушкиным, который также был членом этого собрания с 1832 г. (см.: ibid., 111). Пушкин, по свидетельству П.В.Анненкова, занял у Л.И.Жемчужникова, а может быть и проиграл в карты , до 14 000 руб. (см.: Модзалевский Б.Л. Пушкин, с. 357). В денежных расчетах с Жемчужниковым в 1831 г. помогал Пушкину П В Нащокин (см.: *АП* II, 315, 331, 332, 339). Для устройства своих денежных дел Пушкин принужден был в начале декабря 1831 г. уехать в Москву в сопровождении Л.И.Жемчужникова (ibid., 350), где поэт частично и рассчитался с ним 24 декабря. См. также в письме А.Рахманова к Пушкину от 10 апреля 1832 г., из которого видно, что Пушкин выдал Жемчужникову еще другой вексель (*АП* II, 379). Н.М.Языков, говоря о поездке Пушкина в Москву, писал брату в декабре 1831 г.: «Между нами будь сказано он <то есть Пушкин> приезжал сюда <то есть в Москву> по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком; между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он бывает опрятнее. Видно, брат, не права пословица: женится-переменится!» (*ИВ* 1883, № 12, с. 534; ср. *ВЕ* 1897, № 12, с. 603).

3.

Надпись на векселе П.В.Нащокина

8 Mars 1830 <22 декабря 1831 г.>

1830 Года Декабря 8-го дня я нижеподписавшійся отставной Порутчикъ Павѣлъ Воиновъ Сынъ Нащокинъ занялъ у Московскаго Купца Никиты Андрѣева сына Веіера денегъ Банковыми Ассигнаціями Двѣ тысячи рублей за указные проценты срокомъ впредь на три мѣсяца то есть будущаго тысяча восемъ сотъ тридцать

перваго Года Марта по восьмое число на которое долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а будѣ чего не заплачу то воленъ онъ Веiеръ просить о взысканiи и поступленiи по Законамъ Къ сему Заемному письмо отставный Порутчикъ Павелъ Воиновъ Сынъ Нащокинъ руку приложилъ.

№ 720 1830-го года Декабря восьмого Дня сiе Заемное письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру явлено, и въ книгу подъ № Семъ Сотъ двадцатымъ записано; Маклеръ Борисъ Герценбергъ

<на обороте>

Право сего Заемнаго Письма передаю 10-го Класса Александру Сергѣевичу Пушкину 1831-го Года февраля 9-го дня. Московский 2 Гильдiи Купецъ Никита Андрѣевъ Сынъ Веiеръ

№ 90 1831 Года февраля девятаго дня сiе Заемное Письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру по передаче явлено, и въ книгу подъ № девяностымъ записано — Маклеръ Борисъ Герценбергъ

Деньги сполна получены 1831 года
22 декабря Александръ Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 800—801, по автографу, полученному в дар от А.А.Журавлева. Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 рублей, ценою в шесть рублей», с водяным знаком «1827» (*ПД* № 730). Об этом векселе см. ниже.

4.

Надпись на векселе П.В.Нащокина

10 février 1831 <22 декабря 1831 г.>

1831-го Года Генваря 10-го дня, я нижеподписавшiйся отставный Порутчикъ Павелъ Войновъ сынъ Нащокинъ занялъ у Московскаго 2-й Гильдiи Кyпца Никиты Андрѣевича Веiера денегъ Банковыми Ассигнацiями пять тысячь рублей за указные проценты срокомъ впредь на одинъ мѣсяцъ то есть сего жъ тысяча восемь сотъ тридцать перваго года февраля по десятое число на которое долженъ всю ту сумму сполна заплатить а будѣ чего не заплачу то воленъ онъ Веiеръ просить о взысканiи и поступленiи по законамъ. Къ сему заѣмному письму отставный Поруччикъ Павелъ Войновъ Сынъ Нащокинъ руку приложилъ.

№ 12 1831 Года Генваря десятаго дня сiе Заемное Письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру явлено, и въ книгу подъ № двѣнадцатымъ записано; Маклеръ Борисъ Герценбергъ.

Право сего Заемнаго письма передаю 10-го класса Александру Сергѣевичу Пушкину 1831-го года февраля 9-го дня Московскiй Купецъ

№ 89 Никита Андрѣевъ сынъ Веiеръ. — 1831 года Февраля девятаго дня, сiе Заемное Письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру по передаче явлено, и въ книгу подъ № -омъ восемьдесятъ девятымъ записано Маклеръ Борисъ Герценбергъ.

деньги сполна получилъ
1831 года
декабря 22

№ 1804

Впервые опубликован И.Л.Поливановым в журнале «Искусство», 1923, № 1, с. 313—314. Подлинник написан на вексельной бумаге «от 3001 до 5000 рублей, ценою в десять рублей», и принадлежал М.Б.Гершензон (*ПД* № 1643).

Текст этого векселя, как и предыдущего, имеет прямую связь с письмом Пушкина к П.А.Плетневу от середины февраля 1831 г. (см.: *АП* II, 223—224), в котором поэт, распределяя полученные от заклада 200 душ крестьян деньги, определял выдать Нащокину 10 000 руб. «для выручки его из плохих обстоятельств»; таким образом оба векселя Нащокина, всего на сумму 7000 руб., перешли к Пушкину за уплатой им этих денег купцу Н.А.Вейеру. Будучи зимою 1831 г. в Москве (Пушкин выехал туда 3 декабря), он 22 декабря рассчитался с Нащокиным, который погасил свой долг Пушкину. Выехал из Москвы обратно в Петербург Пушкин 24 декабря (см.: «Красный архив», кн. 37, с. 243).

5.

Вексель, выданный И.Т.Лисенкову

<12 июля 1833 г.>

1833-го Года Іюля двѣнадцатаго дня, Я нижеподписавшійся Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ у Книгопродавца Ивана Тимофѣевича Лисенкова денегъ Государственными Ассигнаціями Три тысячи рублей за указные проценты, срокомъ впредь, на Шесть мѣсяцевъ, то есть по двѣнадцатое число Генваря будущаго Тысяча восемь сотъ тридцать четвертаго года, на которое я долженъ всю ту Сумму сполна заплотить, а буде чего не заплочу то воленъ онъ Г.Лисенковъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

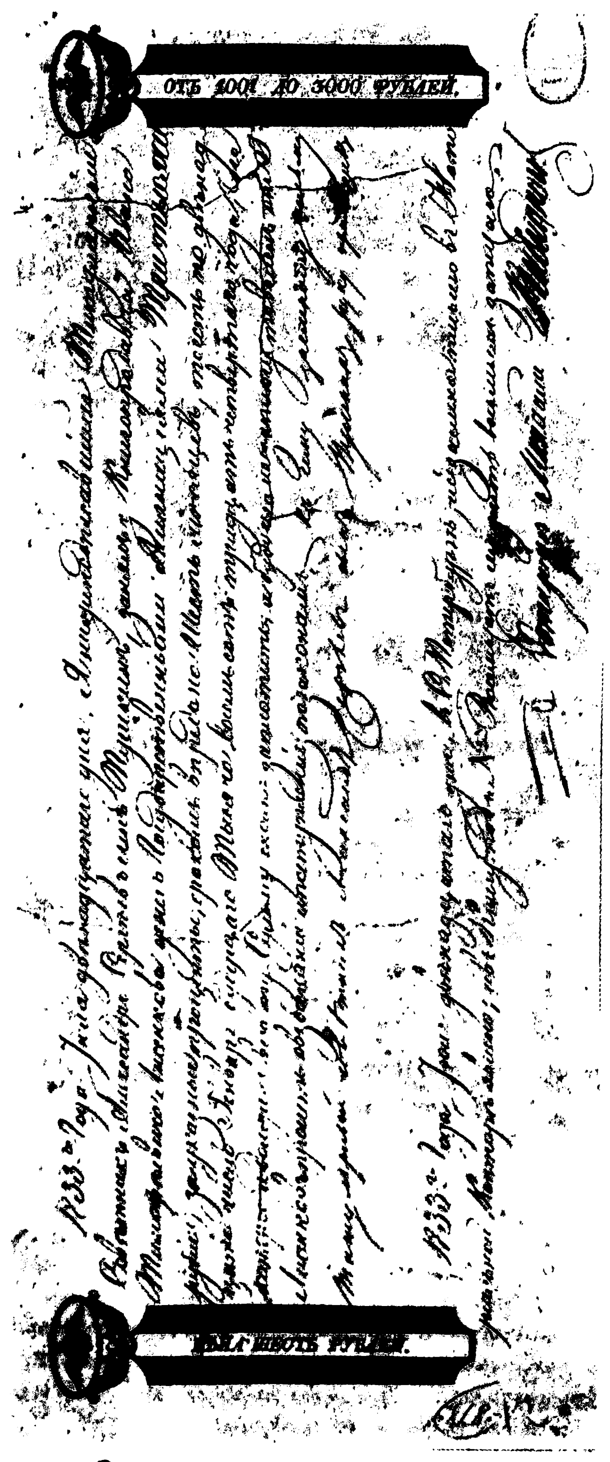
Къ сему заемному письму Титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.

№ 878 1833-го Года Іюля двѣнадцатого дня въ С. Петербургѣ сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ явлено; и въ Книгу подъ № Восемьсотъ семдесять восьмымъ записано. Nотаріусъ Михайла Кабацкой.

<на обороте>

въ щетъ сего получено въ уплату тысячу рублей 1834 года Генваря 12 дня, Книгопродавецъ Иванъ Лисенковъ.

№ 74 1834 Года Генваря тринадцатаго дня въ С. Петербургѣ въ Нотаріальной Конторѣ сіе заемное письмо по срокѣ занеплатежъ явлено, и въ книгу подъ № № семьдесятъ четвертымъ записано, въ доходъ Города четверть процентныя деньги приняты Nотаріусъ Александръ Кабацкой.



Заемное письмо на имя И.Т.Лисенкова

Впервые опубликован в «Описании Пушкинского музея имп. Александровского лицея», составленном С.М.Аснашом и А.Н.Яхонтовым, под ред. Н.А.Шляпкина, СПб., 1899, с. 5 (№ 9). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 рублей, ценою в шесть рублей», с водяным знаком 1827, разорван на десять частей и склеен (собрание Лицейского музея; совр. шифр *ПД* № 736).

Лисенков Иван Тимофеевич (ум. 15 марта 1881) — известный в свое время петербургский книгопродавец-букинист, с которым имел дело ряд писателей (Н В Гоголь, Т.Г.Шевченко, Н.А.Некрасов и др.). С Пушкиным Лисенков был довольно хорошо знаком во второй период жизни поэта, после 1826 г., и распространял его издания. Он оставил о Пушкине интересные, но малоизвестные воспоминания, напечатанные в редкой брошюре под заглавием: «Материалы для истории русской журнальной торговли», СПб., 1879, с. 61—70. В них Лисенков, между прочим, пишет: «Пушкин посещения делал Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал "Современник"; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале; иногда ему приходила охота острить у Лисенкова в магазине над новыми сочинениями; взявши книгу в руки в прозе, быстро пробегал ее, читая гласно одно лишь предисловие и по окончании приговаривал, что он имеет о ней полное понятие; стихотворные же книги он просматривал еще быстрее и забавнее, и Лисенков иногда невольно хохотал, и сам Пушкин улыбался, читая только одни кончики слова рифм, и, закрывая книги, произносил иногда "а! бедные!", а заглавия их выписывал дома из газет своих. Но как литераторы не все были достаточны, то Лисенков одолжал их без процентов на короткое время, но время это проходило иногда до конца их жизни; так за А.С.Пушкина, по смерти его, Лисенков получил уплату по акту 5 т. руб. от попечителя семейства Пушкина графа <Г.А.>Строганова, по сборам за отпечатанные его сочинения»[1] и др.; далее Лисенков рассказывает, как после смерти поэта «при Лисенкове Л.В. Дубельт с другими лицами со стола переложили покойника в гроб и живописец начал тотчас писать с лежащего покойника во гробе голову его на подушке» (ср. еще «Известия Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии наук», т. XVI, 1911, кн. 3, с. 324). По словам сына Лисенкова, у последнего «долгое время хранилась невыкупленная шинель А.С.Пушкина, заложенная вечно нуждавшимся в деньгах поэтом незадолго до его дуэли. Шинель, находившаяся в магазине Гостиного двора, погибла от моли и крыс» (см.: «Альманах библиофила». Изд. Ленинградского общества библиофилов, Л., 1929, с. 349). Известны также и другие воспоминания И. Т. Лисенкова о Пушкине и бар. А. А. Дельвиге, напечатанные А.Н. Сальниковым в «Молве», № 170, от 22 июня 1880 (подлинная рукопись их, написанная старческим, дряхлым почерком И. Т. Лисенкова, хранится в *ПД*, в собрании В.И.Яковлева).

О самом И.Т.Лисенкове см. в названной брошюре «Материалы для истории русской книжной торговли», СПб., 1879, в воспоминаниях Н.Г.Овсянникова (с. 21—22) и в книге Н.И.Свешникова «Воспоминания пропащего человека», под ред. Л.Б.Модзалевского и С.П.Шестерикова, Л., 1930, с. 89, 357, 396—401.

[1] Документальных сведений, подтверждающих это сообщение И.Т.Лисенкова, в использованных в печати материалах опеки нет. Ср. вексель Пушкина № 7.

6.

Вексель, выданный В.В.Энгельгардту

№ 44-й <3 мая 1834 г.>

1834-го Года Маія третьяго дня я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Каммеръ-Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ занялъ у Полковника Василія Васильева сына Энгельгарда денегъ Государственными Ассигнаціями Тысячу триста тридцать рублей за указные проценты срокомъ впредь на одинъ годъ т. е. будущаго тысяча восемъ сотъ тридцать пятаго года Маія по третье число, на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то воленъ онъ Г-нъ Энгельгардъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму Камеръ Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

<*на обороте*>

№ 521 1834-го Года Маія третьяго дня С. Петербургъ. Сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ явлено и въ книгу за № пятьсотъ двадцать первымъ записано

Нотаріусъ Михайла Кабацкой

Слѣдующіе по сему Заемному письму деньги Тысячу триста тридцать рублей ассигнаціями отъ опѣки учрежденной надъ имѣніемъ покойнаго А. С. Пушкина получилъ 1837-го года Маія 28 дня Полковникъ и Кавалеръ Василій Васильевъ сынъ Энгельгардтъ.

Впервые напечатано в *РП* по автографу, хранившемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 97 и 105; совр. шифр — *ПД* № 1657). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 руб., ценою в шесть рублей», с водяным знаком: «1827». Факсимиле векселя воспроизведено дважды: в журн. «Искры» (приложение к «Русскому слову»), 1909, № 45, с. 357, и в «Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1910, № 1, с. 14.

7.

Вексель, выданный И.Т.Лисенкову

№ 46 <26 мая 1834 г.>

1834 года Маія двадцать шестаго дня. Я нижеподписавшійся Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ занялъ у Ивана Тимофѣевича Лисенко денегъ Государственными Ассигнаціями Четыре тысячи рублей за указные проценты срокомъ впредь на три мѣсяца т. е. сего же года Августа по двадцать шестое число, на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то воленъ онъ Г-нъ Лисенко просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ руку приложилъ

№ 639 1834 года Маія двадцать шестаго дня Въ С. Петербургѣ сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ явлено и въ книгу подъ № шестьсотъ тридцать девятымъ записано

Nотаріусъ Михайла Кабацкой

<*на обороте*>

№ 1282 1834 Года Августа двадцать седьмаго дня въ Ст Петербургѣ въ Нотаріальной Конторѣ, сіе заемное письмо, по срокѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № тысяча двѣсти восемьдесятъ вторымъ записано, въ доходъ Города четверть процентные деньги приняты

Nотаріусъ Александръ Кабацкой

По сему векселю уплачено двѣ тысячи триста сорокъ три рубля; за симъ остается уплатить тысячу шесть сотъ пятьдесятъ семь рублей. Александръ Пушкинъ (1657)

Право сего заемнаго письма передаю Титулярному Совѣтнику Ильи Ивановичу Татаринову. С. Петербургскій Купецъ Иванъ Тимоѳеевъ Лисенко

№ 19 1836-го Года Іюня двадцать шестаго дня въ С. Петербургѣ въ Конторѣ Маклерскихъ дѣлъ сіе заемное письмо въ передачѣ явлено и въ книгу подъ № Девятьнадцатымъ записано. А что между первой и второй строками написано письмо то считать вѣрно. — Частный маклеръ Гаврила Устрицовъ

1837 Года маія 29 д Слѣдующія посему заемному письму достальныя капитальныя деньги Тысячу шесть сотъ пятьдесятъ семь рублей отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ умершаго Г.Пушкина получилъ Титулярный Совѣтникъ Илія Татариновъ.

Напечатано полностью впервые в *РП*, с. 805, по автографу, хранившемуся в *ТМ* (см.: *ПС* XIII, 93 и 105; совр. шифр — *ПД* № 1658). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 3001 до 5000 рублей, ценою в десять рублей», с водяным знаком: «1827». Факсимиле векселя воспроизведено в журн. «Искры» (приложение к «Русскому слову»), 1909, № 45, с. 357.

Об Иване Тимофеевиче Лисенкове см. выше.

8.

Обязательство и надписи об уплате денег на счете каретника

<2, 3 июля и 1 августа 1834 г.>

Ваше Превосходительство

Нужно укареты Поправить упередния оси
дерево ново........................цена — 20 р

Нужно на колесахъ шины перетенутъ
Ивесъ станокъ перекрепитъ иперелния
лесоры починитъ изаету работу закузнешную
изалесорною стоитъ — цены — 100 р

и зашорные ремни Выходитъ четыре паза
идва помошныя иполесорамъ разъвязныя
Вся мелкія ремни новыя цена — 100 р.
И Всю Выкрасить Карету заново
Закраску стоитъ — цены — 100 р.
И заперекровку бронъзы — цена — 15 р.
Назади лакеиские кисти новыя 15 р.
Назади лакеискую подушку починитъ 5 р.
Накозлахъ чехолъ вымазатъ икарманъ
вымазатъ и поправитъ — 60 р.
еще за починку фонарей 5 р.

Итого денехъ — 370 р.
308
итого 678
запл. изъ нихъ 300
остается 378 —

Обязуюсь заплатить 2го іюля
А.Пушкинъ
Заплачено двести дватцать пять
3 іюля
1 Августа заплачены остальныя
А.Пушкинъ[1]

Печатается по подлиннику (*ПД* № 820). Напечатано впервые П.Е. Щеголевым в *ЩМ*, 228 и 133. Об этом счете см. там же, с. 132 и 135.

9.

Вексель, выданный кн. Н.Н.Оболенскому

№ 3-й <1 июня 1836 г.>

1836 года Іюня перваго дня я нижеподписавшійся, Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ у Поручика Князя Николая Николаевича Оболенскаго денегъ Государственными Ассигнаціями пять тысячь Рублей за указные проценты, срокомъ отъ вышеписаннаго числа впредь по первое Декабря сего же года, на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить; а буде чего не заплачу то воленъ онъ К-зь Оболенскій просить о взысканіи и поступленіи по законамъ. —

Къ сему заемному письму Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

[1] *Запись 3 июля сделана карандашом.*

<на обороте>

№ 651 1836 года Іюня перваго дня. Въ Санктпетербургѣ, сіе заемное письмо при написаніи въ Нотаріальной Конторѣ явлено, и въ книгу подъ № шестьсотъ пятьдесятъ первымъ записано. — Въ доходъ Города Двѣнадцать Руб. 50 коп. принято.

Nотаріусъ Михайла Кабацкой

№ 66 1837 года Генваря шестнадцатаго дня, въ СПБургѣ, сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № шестьдесятъ шестымъ записано. Въ доходъ Города двѣнадцать рублей 50 коп. принято

Nотаріусъ Михайла Кабацкой

По сему заемному письму деньги получилъ сполна Князь Н. Оболенскій отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ Александра Пушкина Маія 8-го дня 1837 года

Впервые напечатано: *РП*, с. 807 по автографу, хранившемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 95, 96 и 103; совр. шифр — *ПД* № 1673). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 3001 до 5000 рублей, ценою в десять рублей», с водяным знаком: ‹ 1834 ›.

Князь Оболенский — Николай Николаевич (1792 — 17 ноября 1857); в ноябре 1811 г. — прапорщик 7-го егерского полка; в 1827 г. — отставной поручик, помещик Саратовской губ., Хвалынского уезда; игрок: располагал большими средствами, но после смерти был объявлен несостоятельным должником. Пушкину приходился дальним родственником, так как сестра Оболенского, Анна Николаевна (1782—1814), была матерью поэта Д.В.Веневитинова, бывшего четвероюродным братом Пушкина (см.: Власьев Г.А. Потомство Рюрика, т. I, ч. 2, с. 295; в кн.: Николай Михайлович Петербургский некрополь, III, 285; Бартенев П.И. Рассказы о Пушкине. Под ред. М.А.Цявловского. М., 1925, с. 46 и 121, — рассказ о Пушкине и кн. Н.Н.Оболенском; *РА* 1885, I, 118; *ПС* XI, 120; «С.-Петербургские ведомости», 1825, с. 745 и 931 и картотека Б.Л.Модзалевского в ИРЛИ). Вероятно, об этом же Оболенском писал П.А.Плетнев Пушкину 21 мая 1830 г. (см. *АП* II, 155).

10.

Вексель, выданный кн. Н.Н.Оболенскому

№ 3-й <1 июня 1836 г.>

1836 года Іюня перваго дня. Я нижеподписавшійся, Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ у Поручика Князя Николая Николаевича Оболенскаго, денегъ государственными Ассигнаціями три тысячи Рублей зауказные проценты срокомъ отъ вышеписаннаго числа впредь по первое Декабря сего же года, накоторое идолженъ всю ту сумму сполна заплатить; а буде чего незаплачу то воленъ онъ К-зь Оболенскій просить о взысканіи и поступленіи по законамъ. —

Къ сему заемному письму титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

<*на обороте*>

№ 652 1836 года Іюня перваго дня. Въ Санктпетербургѣ, сіе заемное письмо принаписаніи въ Нотаріальной Конторѣ явлено, ивъ книгу подъ № шестьсотъ пятьдесять вторымъ записано. — Въ доходъ Города Семь Руб. 50 коп. принято.

Nотаріусъ Михайла Кабацкой

№ 67 1837 года Генваря шестнадцатаго дня, в СПБургѣ, сіе Заемное письмо въ Нотаріаль. Конторѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № шестьдесятъ седьмымъ записано. Въ доходъ Города семь рублей 50 коп. принято

Nотаріусъ Михайла Кабацкой.

По сему заемному письму деньги сполна получилъ Князь Н.Оболенскій Отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ А.Пушкина Маія 8 дня 1837 года.

Впервые напечатано: *РП*, с. 808, по автографу, хранившемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 95, 96 и 103; совр. шифр — *ПД* № 1674). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 рублей, ценою в шесть рублей» с водяным знаком: «1835».

О кн. Н.Н.Оболенском см. выше.

11.

Вексель, выданный В.Г.Юрьеву

№ 2 <19 сентября 1836 г.>

1836 года Сентября девятнадцатаго дня, Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Каммеръ Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ Гвардейскаго Инвалида № 1 роты у Г. Прапорщика Василья Гавриловича Юрьева, денегъ Госу. асс. десять тысячь рубл. за указные проценты, срокомъ впредь по первое число Февраля будущаго тысяча восемь сотъ тридцать седьмаго года на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то воленъ онъ Г. Юрьевъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму Двора Е. И. В. камерюнкеръ Александръ Пушкинъ руку приложилъ

<*на обороте*>

№ 924 1836 года Сентября девятнадцатаго дня, въ СПбургѣ Сіе Заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ принаписаніи явлено и въ книгу подъ № девять сотъ двадцать четвертымъ записано. Въ доходъ города двадцать пять рублей принято.

Nотаріус Михайла Кабацкой

№ 146 1837 года Февраля перваго дня въ СПБургѣ, сіе Заемное Письмо въ Нотар. Конторѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № сто сорокъ шестымъ записано. Въ доходъ Города двадцать пять рублей принято

Nотаріус Михайла Кабацкой

Слѣдующіе по сему заемному письму деньги десять тысячь рублей Ассигнаціями получилъ сполна отъ Опеки, учрежденной надъ имѣніемъ Каммеръ-юнкера А.С. Пушкина. 8-го Маія 1837 года

Прапорщикъ Юрьевъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 809, по автографу Пушкина, хранившемуся в *ТМ* (см. ПС XIII, 96, 97, 103 и 105; совр. шифр — *ПД* № 1675). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 7001 до 10000 рублей, ценою в двадцать рублей», с водяным знаком: «1835».

О прапорщике гвардейской № 1 роты Василии Гавриловиче *Юрьеве* никаких сведений не сохранилось; вероятно, это был ростовщик, к помощи которого должен был прибегать Пушкин в трудную минуту жизни. У этого же Юрьева заняла 3900 руб. на три месяца, 30 декабря 1836 г., и Н.Н.Пушкина, вексель которой имеется в делах опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина, хранящихся в Театральном музее им. А.А.Бахрушина (см. *ПС* XIII, 105). Вексель Н.Н.Пушкиной воспроизведен факсимиле в журнале «Искры» (приложение к «Русскому слову»), 1909, № 45, с. 357.

12.

Обязательство об уплате денег на счете фабрики Е.Н.Кайдановой

<28 октября 1836 г.>

Оныя двѣ тысячи четыреста сорокъ семь рублей обязуюсь заплатить въ исходѣ нынѣшняго 1836 года

А.Пушкинъ

28 октября
1836

Обязательство это находится на счете бумажной фабрики Е Н Кайдановой от 28 октября 1836 г., на сумму 2935 руб., за поставленную Пушкину бумагу с 2 апреля по 26 июня 1836 г. в количестве 190 $^1/_4$ стоп. На счете имеется пометка об уплате Пушкиным 14 августа — 487 руб. 50 коп., за вычетом этой суммы оставалось уплатить 2447 руб. 50 коп. Счет и обязательство Пушкина впервые опубликованы Б.Л.Модзалевским в *ПС* XIII, 118. Подлинник хранился в делах опеки над детьми и имуществом Пушкина в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1676).

Должную Пушкиным сумму после его смерти уплатила опека 12 мая 1837 г., о чем имеется надпись на том же счете.

13.

Обязательство об уплате денег на счете Ф.Беллизара

<10 ноября 1836 г.>

Je reconnais ce compte montant à la somme de 3713 (trois mille sept cent treize) dont sept cent roubles payables le 10 janvier 1837 et mille cinq pour le 10 avril de la même année — le reste vers le 1r Septembre 1837.

Alexandre Pouschkine

10 Novembre
1836

Перевод:

Я признаю этот счет в сумме 3713 (три тысячи семьсот тринадцать), из которых семьсот рублей обязуюсь уплатить 10 января 1837 и тысячу пятьсот к 10 апреля того же года — остальные около 1 сентября 1837.

Александр Пушкин

10 Ноября
1836.

Впервые опубликовано Б.Л.Модзалевским в *ПС* XIII, 124. Факсимиле воспроизведено в журнале «Искры» (приложение к «Русскому слову»), 1909, № 45, с. 356. Подлинник хранился в деле опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина, в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1677). Обязательство Пушкина писано на счете книгопродавца Ф.Беллизара от 9 ноября 1836 г. за полученные Пушкиным книги с 23 апреля 1836 г. (с долгом на 21 марта 1836 г.) по 3 ноября 1836 г., всего на сумму 3713 руб. 65 коп. На счете имеется помета Беллизара в получении 350 рублей от Пушкина, 12 января 1837 г.; остальную сумму Беллизар получил уже от Опеки.

Беллизар, Фердинанд Михайлович (F.Bellizard) умер в Петербурге 28 августа 1863 г. — содержатель книжного магазина у Полицейского моста в Петербурге; издатель «Revue Etrangère» и «Journal de St.Pétersbourg». О нем см. в статье Б.Л.Модзалевского «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина» в *ПС* XIII, 96, 97, 108, 109, 111, 112, 115—117, 119, 125 и 127, где опубликованы письма Беллизара к Пушкину и счета его за книги, приобретенные Пушкиным. См. также в *АП* II, 226, 231, 268, и III, 469—470, 472—473.

Рассказ о встрече Пушкина с Н.И.Гречем в магазине Беллизара напечатан в *РС* 1871, № 11, с. 501. См. также: Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина (*ПС* IX—X, с. VI, VIII, XVI, XVIII, 259, 302 и 369).

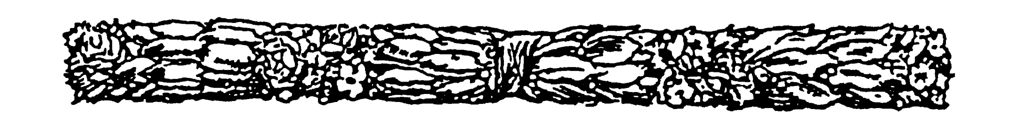
14.

Отметки выплат на счете портного Бригеля

<Август 1835—1836 г.?>

отдано 97—50
отдано 214—50
Камеръ-юнкеръ А.Пушкинъ
Дано 200 рублей
дано 100 рублей

Напечатано впервые Б.Л.Модзалевским в *ПС* XIII, 104. Отметки Пушкина сделаны чернилами на счете портного Бригеля от 10 августа 1835 г. на сумму 1142 руб. Подлинник хранился в *ТМ* в деле опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина (см. *ПС* XIII, 96; совр. шифр — *ПД* № 1667). Пушкин уплатил Бригелю 612 руб.; остальную сумму (530 руб.) Бригель получил от опеки. Сохранился и другой счет Бригеля, на сумму 1065 руб., но на нем помет Пушкина нет (ibid., 104).



XV

ЧЕРНОВИКИ ПИСЕМ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ ДРУГИХ ЛИЦ

В этот отдел выделены три черновика просительных писем, сочиненных Пушкиным для неизвестного, приятеля поэта Н.Н.Раевского и вдовы писателя Е.Шишковой.*

Человек исключительной доброжелательности, Пушкин не раз являлся ходатаем перед власть имущими за своих друзей и знакомых. Таковы его записки о Мицкевиче, Сухорукове, письма о диаконе.

Эту коллекцию существенно дополняют печатаемые документы, приготовленные к печати мною.

Л. Модзалевский

---

* Опубликованы впервые в *РП*. — *Ред.*

1.

Черновик письма, составленного для неизвестного

<1820-е гг>

M. I. C. ayant quitté le service en 1808 pour [& desirant] le perfectionnement de mes études, je quittoi ma patrie & [pendant] je parcouroi les differentes contrées de l'Europe — j'ose dire avoir été reçu avec distinction dans les coures de Saxe, de Prusse, de Weimar, de Paris, de Naples, de Florence, de Londres, de Paris [(*)] de *нрзбр* (dans le règne actuel): Je fus chargé (en 1805) de dépêches de la Part de P.Kourakine de vienne à paris & de paris à Francfort. J'avois aussi de lettres de recomandations de la part de plusieurs personnes distinctes (entres autres du Pr. P. Dolg.) pour M^r^ *нрзбр* [M^r^ Kl] M^r^ tatischef (&tc. &tc.) braun *нрзбр* Gens, Moller [et] Aucillon, M^de^ de Staël &t &tc. à Pirmont S. Ch<?> la *нрзбр* de P. m'acceullit aves bienveillance. Je fus assez heureux pour l'interesser et S. A. la Gr. D. Marie de Veimar appuya sa demande aupres de Notre Auguste souverain pour que je fus nommé gentil'homme de la Ch. — c'était en juillet 1806 — avant l'oukaze de 1808). Les evenements de 1812 13 et 14 le succederent — une maladie cruelle (& connue à S. M.) s'opposa à mon ardent désir de servir ma patrie dans les circonstances difficiles où elle se trouvoit, ce qui cependant ne m'empêchat de me retrouver parmi mes compatriôtes en 1812. [Je n'a] J'ai toujours et partout manifesté hautement ce desir. En 1807 je demandois [du] au Pr. M. Dolg. [tué] la faveur d'êtres attaché à la mission de Paris — En [1812][1] la même année je bliguois une place

[1] En 1812 je demandois par le conseil de Mr Tatichtchef l'honneur de porter ses ordres à l'armée en qualité de son aidecamp. à l'ambassade de Londres sans que je fus assez heureux pour voir mes desirs accomplis — [La] la nomination de V. Ex. — [à *нрзбр*] a de nouveau reveillé mes éspérances.

[Vous voyez Mes] Son Ex. daignera remarquer que ce n'est pas un caprice momentanné qui me porte aujourd'hui à lui demander de nouvau du service, mais que tel furents toujours mes désirs & mes voeux —

à S. M.

[Exclus du service par [P] feu l'E. Paul à l'age de 15 ans], ayant perdu [9] les premieres annees de ma jeunesse — je voudrois consacrer en âge pas avancé à l'avancement de ma carrière & au bienêtre de ma patrie je laisse à l'Experiance de Votre Ex-ce a juger si je puis esperer le rang de C. d'Et. ou de colonel ou bien la plâce de votre aide-camp place que j'ambitionne d'autant plus que les devoir<s>, m'en sont famliers.

Перевод:

Ваше сиятельство, оставив службу в 1808 г. для [и желая] совершенствования в занятиях, я покинул свою родину и [в то время] объезжал разные местности Европы. Смею сказать, что я был принят с отличием при дворах Саксонии, Пруссии, Веймара, Парижа, Неаполя, Флоренции, Лондона, Парижа [(*)] (при нынешнем царствовании). Мне были поручены (в 1805 г.) депеши от кн. Куракина из Вены в Париж и из Парижа во Франкфурт. У меня были также рекомендательные письма от ряда различных лиц (между прочим от кн. П. Долгорукова) к г. *нрзбр* [г. Кл.] г.Татищеву [и т. д. и т. д.] брауну нрзбр Жану Моллеру [и] Осильону, г-же Сталь и т. д. и т. д. в Пирмонт. Ее высочество *нрзбр* П. приняла меня благосклонно. Я имел счастье заинтересовать ее, и ее высочество великая герцогиня Мария Веймарская поддержала ее просьбу к нашему августейшему повелителю о том, чтобы я был назначен камер-юнкером. Это было в июле 1806 г. — до указа 1808 г. Последовали события 1812, 13 и 14 годов. Жестокая болезнь (известная его величеству) воспрепятствовала моему горячему желанию служить родине при тех трудных обстоятельствах, в которых она находилась, что, впрочем не помешало мне оказаться среди моих соотечественников в 1812 г. [Я не и.] Я всегда и всюду громко заявлял об этом желании. В 1807 г. я просил у кн. М. Долгорукова [убитого] милости быть причисленным к парижской миссии. В [1812][1] том же году я ожидал места при посольстве в Лондоне, но не имел счастия видеть мои желания осуществившимися. Назначение вашего превосходительства снова пробудило во мне надежды.

[Вы видите] Его превосходительство удостоит обратить внимание на то, что не минутный каприз побуждает меня теперь снова просить службу, но таковыми всегда были мои желания и намерения.

---

[1] В 1812 г. я, по совету г. Татищева, просил о чести передавать его приказы по армии в качестве его адъютанта.

Его величеству

[Исключенный со службы [П] покойным императором Павлом в возрасте 15 лет], потеряв [9] первые годы моей молодости, я бы хотел еще не в старом возрасте посвятить себя продвижению по службе и благополучию моей родины. Предоставляю опытности вашего превосходительства судить, могу ли я надеяться на чин статского советника или полковника или на должность Вашего адъютанта, должность, к которой я тем более стремлюсь, что обязанности по ней мне привычны.

Впервые опубликовано: *РП*, с. 815, по автографу Пушкина, найденному в бумагах Л.Н.Майкова. Подлинник писан на трех листах плотной синей писчей бумаги неровного формата, с водяным знаком: «Н О К Ф 1820», и с жандармскими пометами: «5, 6, 7» (совр. шифр — *ПД* № 726). На обороте двух листков находится полуграмотная запись неизвестною рукою сказки про царя Арола и птиц. Текст Пушкина писан почерком 20-х годов.

К сожалению, по имеющимся в тексте данным нам не удалось установить автора письма, от имени которого Пушкин его составлял. Не удалось также выяснить, на чье имя оно писано. Мы пересмотрели множество биографий лиц окружения русского посольства в Вене в конце XVIII и в начале XIX века, но ни одна из них не подошла к изложенной Пушкиным. Очевидно, только простая случайность поможет нам открыть имя одного из новых, как нам представляется, знакомых Пушкина и тем даст возможность установить, для кого составлял Пушкин публикуемое письмо.

2.

Поправки на письме Н.Н.Раевского к гр. А.И.Чернышеву[1]

<Начало января 1832 г.>

Милостивый Государь,

Графъ Александръ Ивановичь!

Я принялъ смѣлость всепокорнѣйше просить Ваше Сіятельство довести до Высочайшаго сведенія мое оправданіе и испросить [о] *мнѣ* возвращені[и]е наградъ, [къ которымъ] *коихъ* удостоенъ былъ представленіями *начальства*

Его Императорскому Величеству благоугодно *было* [сверхъ мною просимаго] *нетолько соизволить на всеподданнѣйшую просьбу мою но и* опредѣлить меня на дѣйствительную службу.

[1] *Поправки Пушкина выделены курсивом.*

[Язъ] [въ[1] полнѣ чувствую въ глубинѣ души моей сію новую Высочайшую милость].

Съ чувствомъ благоговѣні[емъ] я [и] и глубочайшей благодарности принялъ я [сію] Высочайшую Милость Но послѣ смерти отца моего, [отвѣтственность на мнѣ] *судьба моего семейства* лежитъ [перед моимъ семействомъ] *на мнѣ.* [Такъ] *и* какъ въѣздъ въ столицы [во] *запрещенъ старшему* брату моему, то я долженъ на мѣсто его заниматься дѣлами нашего имѣнія, *и думать объ устройствѣ двухъ сестеръ.*

[Кромѣ того положеніе моего брата препятствуетъ устройству] двух сестеръ [*принужден.*] раздѣляющихъ *съ братомъ* его уединеніе.

Не осмѣливаюсь [я] [съ нескромной просьбой] *[озабочивать]* [*преждевременно*]* [взывать къ] Высочайш[ей]*ее* *[вниманіе]* [милости], но вынужденъ [съ прискорбіем] изспрашивать *себѣ* позволеніе *прожи*[ть]-*вать* в Петербургѣ [пока возможно] *и въ Москвѣ*, сохраняя мое назначеніе.

Позвольтѣ Ваше Сіятельство принести мою [совершенную] *глубочайшую* багодарность за участіе, которое изволили принять въ моемъ положеніи, и поручить себя милостивому покровительству Вашему.

Впервые опубликовано Б.Л.Модзалевским в «Архиве Раевских», т. II, СПб., 1909, с. 107—108. Подлинник написан на листе почтовой бумаги большого формата, без водяного знака (*ПД* № 735).

Поправки сделаны Пушкиным на черновике письма Н.Н.Раевского к гр. А.И.Чернышеву, переписанном писарской рукой, и относятся, по датировке Б.Л.Модзалевского, к началу января 1832 г., когда Пушкин и Н.Н.Раевский находились в Петербурге. Ср. в «Литературном наследстве», №№ 16—18, с. 571—572.

Николай Николаевич Раевский (14 сентября 1801 — 24 июля 1843) — сын генерала Н.Н.Раевского и брат А.Н.Раевского, М.Н.Раевской-Волконской и Е.Н. Раевской-Орловой, столь хорошо известных по биографии Пушкина, издавна находился с ним в дружеских отношениях. В это время он состоял при командующем 4-й гусарской дивизией (назначен 24 декабря 1831 г.) и еще испытывал на себе последствия доноса И.Ф.Паскевича, обвинившего его в 1829 г., когда Н.Н.Раевский был на Кавказе, в сношениях с сосланными туда декабристами. Совершенно естественно, что когда Раевский решил ходатайствовать о пожаловании ему наград за прежнюю его службу, которых он не получал несколько лет, ответственное письмо с просьбой об этом он попросил проредактировать Пушкина, что тот и сделал. Следствием письма Раевского — Пушкина было получение Раевским ордена св. Анны I степени (7 февраля 1832 г.), а вскоре и назначение (2 июня 1832 г.) командиром 2-й бригады 2-й Конно-Егерской дивизии. В это время Раевский проживал то в Москве, то в Петербурге, то в своих имениях Киевской губ. (см.: Архив Раевских, II, 110; Модзалевский Б.Л. Род Раевских герба лебедь.

[1] в *переделано Пушкиным на* В.

СПб., 1908, с. 70; Русский биографический словарь», т. Притвиц — Рейс, СПб., 1910, с. 403; *П* II, 405).

Отец Раевского — генерал-от-кавалерии Николай Николаевич Раевский, умер 16 сентября 1829 г. в имении Болтышке, Чигиринского уезда, Киевской губернии, в один из тяжелых в жизни Н. Н. Раевского-младшего моментов.

Александр Николаевич Раевский (16 ноября 1795 — 23 октября 1863) — старший брат Н.Н.Раевского (о нем см. *П* I, 214 и др.); в июле 1828 г. был, по доносу гр. М.С.Воронцова, выслан из Одессы в Полтаву, без права жить в Петербурге и Москве (об этом см. подробно в *П* II, 308—309).

Сестры Раевского — Елена Николаевна (29 августа 1803 — 4 сентября 1852) и София Николаевна (17 ноября 1806 — 13 февраля 1881).

3.

Черновик письма, составленного для Е.Шишковой

<Июль-август 1833 г.>

[По смерти мужа моего] [Находясь въ бѣдственномъ и безпомощн положенiи] осмѣливаюсь прибѣгнуть [В.] [съ почтитель] къ В. С. не только какъ къ Министру покровителю просвѣщенiя — [По смерти моего мужа] [пр<...>] [но] [представила я Г. Имп.] [послѣ смерти] [мо] [между тѣмъ] [представила] представила я Въ [Имп.] Росс. Ак. сочиненiя и переводы [имъ самимъ] [оставленные послѣ] него — [Г] [Г. Имп.] единственное наслѣдство [м], имъ оставленное мнѣ и [и] семилѣтней его дочери [его] Академiя рѣшила напечатать ихъ на свой щетъ, но до сихъ поръ не приступила къ изданiю оныхъ — [ибо] встрѣтились и затрудненiя со стороны Ценсуры — [за] державшей перевод[итъ] Гетев[ой] а [Трагедiи] Эgmont [задерженъ —] Траг. эта входитъ въ составъ Нѣм. Т. который покойный мой мужъ вознамѣривался издать. Эgm. изданный не особливой книжкою [могъ бы], но помѣщенный въ числѣ другихъ 5 или 6 тр. кажется можетъ быть дозволенъ — [Обращаюсь]* [къ Вамъ]* какъ другу и цѣнителю Велик Гете съ просьбою [чтобы] не лишить Р. лит. хорошаго перевода съ однаго изъ прекраснѣйш. произведенiй поэта.

Еще просьба: [находясь въ бѣдств.] я было обратилась к Г. Имп., описывая ему свое бѣдств положенiе и моля его о помощи — Г. приказалъ, писать Кн. П. М. В. развѣдать обо мнѣ и узнать точно-ли не имѣю я никак состоянiя — съ тѣхъ поръ [нѣ] [не было мнѣ] не получала я никакого отвѣта, вѣроятно обо мнѣ забыли — Слово В. С. было бы сильно и могло бы перемѣнить мою участь —

Съ глуб. почт. имѣю

В — —

пок слугою

А.Пушкинъ К Ши<шкова>

Впервые опубликовано И.А.Шляпкиным в *Ш*, 93. Середина письма воспроизведена факсимиле в той же книге Шляпкина, между с. 84 и 85, и неправильно введено в *Е*[4] VII, 539—540. Подлинник написан на листе почтовой бумаги большого формата, сложенном пополам, с водяным знаком: «1830», и с жандармской пометой: «81» (*ПД* № 589, л. 1—2 об.).

Екатерина (Текла) *Шишкова*, рожд. Твердовская, — дочь отставного поручика польских войск, жена известного в свое время поэта и переводчика Александра Ардальоновича Шишкова (род. в 1799 г., умер (зарезан на улице А.П.Черновым) 27 сентября 1832 г.), племянника адмирала и президента Российской Академии А.С. Шишкова (об А.А.Шишкове см. *П* I, 298—299 и др., где указана библиография; Алфавит декабристов. Под ред. Б.Л.Модзалевского и А.А.Сиверса, в серии «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л., 1925, с. 425—426).

13 марта 1833 г. Н.И.Греч обратился к Пушкину с письмом, в котором писал о бедственном положении вдовы А.А.Шишкова, оставшейся с дочерью Софьею, семи лет, единственной наследницей его литературных произведений, и просил его помочь устроить печатание сочинений А.А.Шишкова на счет Российской Академии, указав на то, что А.С.Шишков, как родственник А.А.Шишкова и президент Российской Академии, не решается сам внести это предложение (письмо напечатано в *АП* III, 14—15). Обращение Н.И.Греча к Пушкину было вызвано тем, что поэт находился в приятельских отношениях с покойным А.А.Шишковым и незадолго перед тем (7 января 1833 г.) был избран членом Российской Академии (см.: Сухомлинов М.И. История Российской Академии, т. VII, СПб., 1885, с. 77—84). После письма Греча Е. Шишкова, очевидно, была лично у Пушкина и сама просила его о помощи в ее деле. Пушкин принял в Шишковой деятельное участие и, взявшись за хлопоты, довел дело до благоприятного решения. Из документов и дел Российской Академии и из письма Шишковой к Пушкину (о котором см. ниже) видно, что по предложению Пушкина была составлена записка следующего содержания, подписанная членами Академии и в том числе Пушкиным[1] и направленная на имя А.С.Шишкова:

«Нижеподписавшиеся члены Императорской Российской Академии, желая оказать вдове покойного Александра Ардалионовича Шишкова вспоможение в предпринимаемом ею издании сочинений и переводов ее мужа и приняв в уважение дарования покойника и недостаточное состояние вдовы его, представляют, не благоугодно ли будет Вашему Высокопревосходительству предложить о напечатании его сочинений, какие доставлены будут, на щет Российской Академии».

---

[1] К сожалению, подлинник записки с автографом Пушкина в делах Российской Академии, хранящихся в Архиве Российской Академии наук (фонд 8), до нас не дошел. Печатаем ее по копии, извлеченной из протокола заседания Российской Академии 3 июня 1833 г., §1 («Записки заседаний 1833 г.», лл. 51—52).

Эта записка слушалась в заседании Академии 3 июня, на котором Пушкин не присутствовал, причем в протоколе этого заседания записано следующее:

«После сего представлены Собранию некоторые сочинения и переводы покойного А.Шишкова 2-го сколько по сие время собрать было можно, а именно <следует перечисление>. Из сих сочинений прочитано в нынешнее заседание несколько глав из Катеваны, и все присутствовавшие г.г. члены единогласно признали, что сочинение сие написано слогом чистым и правильным. А Г. Президент его высокопревосходительство Александр Семенович Шишков объявил, что он на поданное ему г. г. членами представление сообщит в Академию свое мнение» («Записки Заседаний 1833 г.», лл. 51—52). Действительно, в следующем заседании, 17 июня (§ 2), собрание (Пушкин на нем не был) имело возможность выслушать мнение президента, который объявил, что «по близости родства моего с упоминаемым здесь покойным Шишковым (ибо он сын родного брата моего) я не могу присовокупить голоса моего к сему поданному ко мне представлению, но предоставляю решение по оному достаточному по уставу числу господ подписавшихся членов» (подписано: «Президент Академии Александр Шишков, Июня 9 дня 1833 года»).

Собравшиеся члены Академии постановили: «Приступить к напечатанию в Академической типографии на щет Академии Сочинения и Переводы покойного Шишкова 2-го, по одобрении С.-Петербургским Цензурным Комитетом в числе 1200 экземпляров и по напечатании все сии экземпляры предоставить в полное распоряжение оставшейся после его вдове» («Записки заседаний 1833 г.», л. 57 об.).

Узнав об этом решении Академии, Е.Шишкова благодарила Пушкина письмом в следующих выражениях[1]:

«Милостивый Государь Александр Сергеевич! После того, как я вас видела, я все время была больна и потому не могла вас видеть и что-нибудь доброе услышать: вчера я только от Александра Семеновича узнала, что по вашему предложению многие члены согласны на то, чтобы все, что я хотела издать после моего мужа, было напечатано в Академии: я вчера была у вас, чтобы лично благодарить вас, вас, как виновника этого благодеяния и в лице вашем всех господ членов Российской Академии, которые были так милостивы, что не отвергли помочь, сколько от них зависило Сколь ни горька моя участь, но эта черта меня поддерживает; не помощь, конечно, сделанная мне, нет, она меня не может сделать счастливой; могу быть покойней от нее, но меня утешает то, что есть люди, принимающие во мне участие, об которых в самых моих бедствиях я могу сказать, что я не совсем одна. Благодарность моя столь велика, сколь много может чувствовать смертный!

Я бы желала очень видеть, чтобы посоветываться на счет подписки: но не знаю, в которое время можно вас застать дома. Я надеюсь, что если вам время позволит, то вы не откажете посетить меня, чем много, премного обяжете.

Остаюсь с истинным почтением, Милостивый Государь, готовая к услугам К.Шишкова».

Однако постановлением Академии дело с изданием сочинений А.Шишкова не кончилось: пришлось иметь дело с цензурой, вследствие чего Е.Шишкова вторично

---

[1] Письмо без даты, но правильно отнесено В.И.Саитовым ко второй половине июня 1833 г. (см. *АП* III, 23).

прибегнула к помощи Пушкина и просила его составить от ее имени письмо на имя управляющего Министерством народного просвещения С.С.Уварова, незадолго до того (21 марта) назначенного на этот пост и бывшего в то же время (с 1818 г.) президентом Академии наук.

Публикуемый нами автограф Пушкина и есть черновик составленного им от имени Е.Шишковой письма на имя Уварова. Автограф Пушкина не имеет даты, но должен быть отнесен к июлю — первой половине августа 1833 г.[1]

Перевод «Эгмонта» Гете, сделанный Шишковым, так и остался ненапечатанным, и судьба рукописи перевода остается неизвестной[2].

Интересно отметить, что Пушкин, говоря об Уварове как ценителе Гете, был хорошо осведомлен об этом факте. Вероятно, Пушкин только что перед этим прочел выпущенную Уваровым в издании Академии наук к годовщине со дня смерти Гете, в 1833 г. его брошюру «Notice sur Goethe», написанную на основании многолетней с ним переписки. (См. об этом историческую справку Л.Б.Модзалевского «Гете — почетный член Петербургской Академии Наук», в изданном Академией наук СССР сборнике памяти Гете, Л., 1932, с. 93—97; в «Литературном наследстве», №№ 4—6, с. 211—216, и в статье П. Н. Беркова в «Вестнике Академии наук СССР», 1932, № 9, с. 47—54).

Кн. П. М. В. — министр императорского двора, князь Петр Михайлович Волконский (1776—1852).

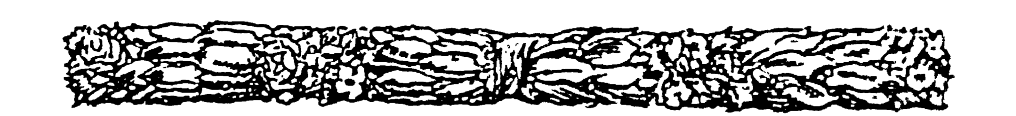
Письмо Е.Шишковой к Николаю I и письмо Волконского неизвестны.

Сочинения А.А.Шишкова изданы были Российскою Академией в 4 частях, СПб., 1834—1835, под заглавием: «Сочинения и переводы капитана А.А.Шишкова». Содержание их см. в статье Д.Д.Рябинина «А.А.Шишков 2-й, 1794—1833» в *ИВ* 1889, № 10, с. 69. В архиве Российской Академии сохраняется дело о печатании этого издания (см.: Срезневский В.И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отд. Библиотеки Имп. Академии Наук в 1903 г. СПб., 1904, с. 212).

---

[1] См. правильные соображения П.Е.Щеголева в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наук», 1903, т. VIII, кн. 4, с. 380. (Ср. в статье Н.О.Лернера в *ИВ* 1905, № 6, с. 957—958.)

[2] См. в статьях В.М.Жирмунского и С.А.Рейсера в «Литературном наследстве», № 4—6, с. 611 и 919—920.



XVI

СЛУЖЕБНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В настоящем отделе мною собраны официальные документы, связанные со службой Пушкина в Коллегии иностранных дел в 1817—1824 гг., с высылкой его из Одессы в 1824 г., со службой в той же Коллегии в 1831—1836 гг. и с «пожалованием» в камер-юнкеры в 1834 г. Все эти «клятвенные обещания», «прошения», «расписки» и «подписки» — единственное, что пока известно из написанного Пушкиным в качестве чиновника. Трудно допустить, чтобы в течение всей своей «службы» поэт буквально не написал ни строчки. В Кишиневе, например, по поручению И.Н.Инзова, он «был занят переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов» (см. РС 1887, I, с. 243). Есть указание на то, что были какие-то «дела» с подписями Пушкина кишиневской эпохи (см. В II, с. 162).

Л. Модзалевский

*Комментарии к №№ 16 и 27 принадлежат А.В.Дубровскому. — **Ред.***

1.

Присяжный лист

<15 июня 1817 г.>

Клятвенное обѣщаніе

Я нижеименованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліем въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, который назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, как скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную мнѣ тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, как по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

По сей формѣ присягалъ вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 10го класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Къ присягѣ Приводилъ Сенатскія церкви Священникъ Никита Полухтовичъ 1817 года. Іюня 15 дня.

При Сей Присяге Свидѣтелемъ былъ оной Коллегіи Экзекуторъ Коллежскій Совѣтникъ Константиновъ.

Подписи под «обещанием» впервые напечатаны Л.И.Поливановым в *РС* 1887, № 1, с. 236, по подлиннику, хранившемуся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (совр. шифр — *ПД* № 1623, л. 11). Текст «клятвенного обещания» впервые напечатан: *РП*, с. 828.

2.

Расписка в чтении указа Петра I

<15 июня 1817 г.>

Читалъ 10го класса Александръ Пушкинъ 1817 Іюня 15

Впервые напечатано: *РП*, с. 828, по подлиннику, хранившемуся в Музее революции в Ленинграде (№ 885 кн. пр. Док. до 1917 г., № 853); (совр. шифр — *ПД* № 1624, л. 45). Воспроизведено факсимиле в № 16—18 «Литературного наследства», с. 345.

Подпись Пушкина сделана на одном из листов переплетенной тетради в лист под определением Коллегии иностранных дел от 5 марта 1744 г. о неразглашении служебных тайн и указом за подписью Петра I (копия от 13 февраля 1720 г.) «О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим, и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними», среди подписей других лиц, с 1744 г. поступающих на службу в Коллегию иностранных дел, непосредственно после подписей А.С.Грибоедова, Н.А.Корсакова, В.К.Кюхельбекера, кн. А.М.Горчакова и С.Г.Ломоносова.

Текст указа напечатан в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 г.», VI, 1720—1722, изд. 1830 г., № 3518, с. 130—131.

3.

Расписка в получении жалованья

<9 июля 1821 г.>

Кишеневъ Іюля 9 дня 1821 года. Слѣдуемые мнѣ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ жалованье за майскую и Сентябрскую прошлаго 1820 и за Генварскую сего года трети 700 р. ассигнаціями оклада, всего за вычетомъ на гошпиталь и за уплатою въ почтовый доходъ страховыхъ за пересылку отъ С.-Петербурга

до Кишинева остальныя шесть сотъ восѣмдесять пять рублей и серебромъ тридцать копѣекъ получилъ

Александръ Пушкинъ

1821 года

Іюля 9.

Печатается по подлиннику, написанному на листе, проколотом при окуривании, in f° писчей бумаги верже с водяным знаком: «1820». Хранился в деле «Об отправлении коллежского секретаря Александра Пушкина к Главному попечителю колонистов Южного края России генерал-лейтенанту Инзову» Московского архива Министерства иностранных дел 1820, IV, 6, № 1 в *ГАФКЭ* (совр. шифр — *ПД* № 1628).

Впервые напечатано В.Я.Брюсовым в *ПП*, 5, 7—8 (ср. *PC* 1887, № 1, с. 244; статью Г.Сербского «Неизвестные расписки Пушкина» в *ОП* I, 50—55; *ГД*, 3—7.

4.

Расписка в получении жалованья

<22 октября 1821 г.>

1821 Года Октября 22 дня, Присланныя отъ Господина Статсъ-Секретаря Графа Нессельрода къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области Генералъ-Лейтенанту Инзову принадлежащія мнѣ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ за Майскую сего Года треть въ жалованье двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и серебромъ восѣмдесять пять копѣекъ получилъ Александръ Пушкинъ

Эта и следующая расписки печатаются по подлинникам, каждый из которых написан на листе in f° писчей бумаги верже с водяным знаком: «1818». Хранились в деле Московского архива Министерства иностранных дел в *ГАФКЭ* (совр. шифр — *ПД* № 1629). Напечатаны впервые В.Я.Брюсовым в *ПП*, 5—6.

5.

Расписка в получении жалованья

<25 января 1822 г.>

Присланныя къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области Генералъ Лейтенанту Инзову, отъ Господина Статсъ-Сек-

ретаря Графа Нессельрода принадлежащія мнѣ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ жалованье за Сентябрскую истекшаго 1821 Года треть деньги: двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и серебромъ восѣмдесятъ пять копѣекъ Генваря 25 дня 1822 года Принялъ

Коллежской секретарь Александръ Пушкинъ

См. примечание к предыдущему документу. Совр. шифр настоящего документа — *ПД* № 1630.

6.

Расписка в получении жалованья

<23 августа 1822 г.>

1822 Года Августа 23 дня. Присланныя отъ Господина Статсъ-Секретаря Графа Нессельрода къ Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области, принадлежащія мнѣ изъ Государственной коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ жалованье за Генварскую сего года треть Государственными Ассигнаціями двестѣ двадцать пять рублей и серебром восѣмдесятъ пять копѣекъ мною получены.

Александръ Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 832. Подлинник, написанный на листе in f° писчей бумаги с водяным знаком: «1818 г.», проколотом при окуривании, хранился в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1822, IV, 11, № 11, л. 35, в *ГАФКЭ*. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

7.

Расписка в получении жалованья

<октябрь 1822 г.>

Октября дня 1822 года. Присланныя къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской области отъ Управляющаго Государственной Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ при отношеніи № 6048, деньги, принадлежащія мнѣ отъ оной Коллегіи въ жалованье за Майскую сего года треть двѣстѣ двадцать пять рублей ассигнаціями и серебромъ восѣмдесятъ пять копѣекъ мною получены. Въ чемъ и дана отъ меня сія росписка.

Александръ Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 832. Подлинник, написанный на листе писчей бумаги in f°, хранился в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1822, IV, 11, № 11, л. 106, в *ГАФКЭ*. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

8.

Расписка в получении жалованья

<3 марта 1823 г.>

Присланные къ Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области Господину Генералъ-Лейтенанту Инзову при отзывѣ Управляющаго Коллегiею Иностранныхъ дѣлъ Господина Тайнаго Совѣтника Дивова двѣсти двадцать пять рублей Государственными Ассигнацiями и одинъ рубль серебромъ, изъ слѣдующихъ мнѣ въ жалованье за сентябрскую прошедшаго 1822 года треть мною получены. Кишиневъ. Марта 3 дня 1823 года

Александръ Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 833. Подлинник, написанный на листе in f° писчей бумаги верже с водяным знаком: «1822», хранился в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1822, IV, 11, № 11, л. 106 в *ГАФКЭ*. Местонахождение в настоящее время неизвестно; копия — *ПД*, ф. 244, оп. 16, № 124, л. 25. В.Я.Брюсовым в *ПП*, 6 эта расписка напечатана с таким примечанием: «Вся расписка писана рукою А.С. Пушкина, хотя подписи нет. Внизу помета: «переписано». На обороте: «1821, № 401, Пушкин о жалованье». В тексте, напечатанном Брюсовым, нет числа дня в дате. В том «деле», в котором находится публикуемая нами расписка с подписью Пушкина, документа, напечатанного и списанного Брюсовым, в настоящее время нет.

9.

Расписка в получении жалованья

<30 июля 1823 г.>

Присланныя къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области отъ Господина Статсъ-Секретаря Графа Нессельрода, принадлежащiя мнѣ изъ Государственной Коллегiи Иностранныхъ дѣлъ въ жалованье за Генварскую сего года треть деньги: Ассигнацiями Двѣстѣ двадцать пять рублей и серебромъ одинъ рубль, мною получены. Кишеневъ. Iюля 30-го дня 1823 года.

Александръ Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 833. Подлинник, написанный на листе писчей бумаги с водяным знаком: «1822», хранился в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1823, IV, 11, № 12, л. 47, в *ГАФКЭ* (совр. шифр — *ПД* № 1631).

10.

Расписка в получении жалованья

<13 декабря 1823 г.>

13-го декабря. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и шестьдесятъ копѣекъ серебромъ, по приказанію Правителя Канцеляріи Господина Новороссійскаго Генералъ-Губернатора и Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области, выданы по принадлежности вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Александру Пушкину

Получилъ двѣсти дватцать пять рублей 60 коп. сер. Александръ Пушкинъ

Впервые напечатана Г.Сербским в *ОП* I, 49, по подлиннику, хранившемуся в Архиве новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (совр. шифр — *ПД* № 1632, л. 19). Об этой и следующих расписках Пушкина см. там же, с. 50—55. Жалованье за майскую треть было прислано Пушкину генералом И. Н. Инзовым 6 декабря 1823 г.

11.

Расписка в получении жалованья

<4 февраля 1824 г.>

4-го Февраля. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и вмѣсто трехъ рублей мѣдью, серебромъ одинъ рубль выданы по принадлежности находящемуся въ Одессѣ вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Александру Пушкину

Двѣсти дватцать пять рублей ассигнаціями получилъ Александръ Пушкинъ

Напечатано там же, с. 50 (совр. шифр — *ПД* № 1633, л. 16). Жалованье за сентябрьскую треть 1823 г. прислано было Пушкину гр. К.В.Нессельродом 31 января 1824 г.

12.

Расписка в получении жалованья

<12 февраля 1824 г.>

Присланные къ Господину Новороссійскому Генералъ-Губернатору Полномочному Намѣстнику Бессарабской Области слѣдовавшіе мнѣ въ жалованье за Сентябрскую прошлаго 1823 года треть по исключеніи за промѣнъ и за пересылку остальные ассигнаціями двѣсти двадцать пять рублей и серебромъ одинъ рубль получены мною. Одесса 12 Февраля 1824 года.

Александръ Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 835. Подлинник, писанный на листе почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: «1821», хранился в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1823, IV, 11, № 12, л. 164, в *ГАФКЭ* (совр. шифр — *ПД* № 1634).

13.

Расписка в получении прогонов по командировке

<23 мая 1824 г.>

Одесса Маія 23 дня 1824 Года. По случаю отправленія меня для собранія свѣденій о саранчѣ въ Уѣздахъ: Херсонскомъ Александрійскомъ и Елисаветградскомъ, науплату прогоновъ за двѣ почтовыя лошади примѣрно четыреста рублей Ассигнаціями отъ Казначея Титулярнаго Совѣтника Архангельскаго

Получилъ Коллежскій
Секретарь Александръ
Пушкинъ

400 р.

Напечатано впервые Г.Сербским в *ОП* I, 50, и факсимиле на с. 51 (воспроизведено также в «Известиях Одесского губисполкома», литературно-художественное приложение, 15 июля 1923 г., к № 1084 при статье Ю.Г.Оксмана «Неизвестная одесская расписка Пушкина», с. 3). Печатается по факсимиле. 22 мая 1824 г. Пушкин получил от новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области гр. М.С.Воронцова предписание за № 7976 отправиться в уезды Херсонский, Елизаветградский и Александрийский для сбора сведений о находящейся в этих районах саранче (текст предписания напечатан К. П. Зеленецким в «Заметке о Пушкине» в *БЗ* 1858, I, 138). Эта командировка очень обидела Пушкина, но отказаться от исполнения ее он не решился. Дата возвращения Пушкина точно неизвестна. Вероятно, он возвратил-

ся в Одессу 31 мая (см.: Лернер Н.О. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, с. 98)*. О командировке Пушкина см. письмо его к А.И.Казначееву от 25 мая 1824 г. (*П* I, 77—80) и примечание к нему (ibid. I, 320—323); ср. также *РА* 1889, III, 405; F. Arago. «Notices scientifiques». 1854, т. I, с. 324; Автобиография А.О.Смирновой. Под ред. Л.В.Крестовой. М., 1931, с. 185; *РС* 1899, № 5, с. 244, и 1881, № 4, с. 850, и статью П.Е.Щеголева «А.С.Пушкин и гр. М.С.Воронцов» в *КА*, т. 38, с. 176—178.

14.

Расписка в получении жалованья

<23 июня 1824 г.>

23-го Іюня. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнацiями и вмѣсто 3 руб. 72 коп. мѣдныхъ одинъ рубль серебромъ выданы по принадлежности состоящему въ вѣдомствѣ Государственной Коллегiи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Пушкину

Двѣсти дватцать пять рублей асс. и одинъ рубль сер. получилъ Александръ Пушкинъ

Напечатана впервые Г.Сербским в *ОП* I, Одесса 1925, с. 50 (совр. шифр — *ПД* № 1633, л. 50). См. Примечание к № 13.

15.

Подписка об отправлении в Псковскую губернию и расписка в получении прогонов

<29 июля 1824 г.>

Къ № 4844 Къ П218/5

Нижеподписавшiйся Симъ обязывается по данному отъ Г-на Одесскаго Градоначальника Маршруту безъ замедленiя отправиться изъ Одессы къ мѣсту назначенiя въ Губернскiй Городъ Псковъ, неостанавливаясь нигдѣ на пути по своему произволу; а по прибытiи въ Псковъ явиться лично къ Г-ну Гражданскому Губернатору. Одесса 29. <iюля> дня 1824.

Коллежской секретарь Александръ
Пушкинъ

---

* В *Лет.* указана дата 28 мая. — *Ред.*

P.S.

По Маршруту отъ Одессы до Пскова изчислено верстъ 1621. На сей путь прогонныхъ на три лошади Триста восемь десятъ девять руб. четыре коп.

получилъ коллежской секретарь

Александръ Пушкинъ

389 р. 4 коп.

Напечатано впервые Л.И.Поливановым в *РС* 1887, № 1, с. 247, по подлиннику, хранившемуся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (совр. шифр — *ПД* № 1636, л. 5): подлинник писан на бумаге с золотым обрезом и водяным знаком: «А.Гончаров 1817»; перепечатано Н.А.Гастфрейндом в *ГД*, 4—5; в *ПП*, 10; *Е*[4] VII, 120 и КА, т. 38, с. 184; факсимиле воспроизведено в *ГД* между с. 4—5 и 6—7; в книге П.Н.Полевого «История русской словесности», т. III, СПб., 1900, с. 60, и в «Красной панораме», № 12 (30) от 19 июня 1924, с. 6.

Подробности о высылке Пушкина из Одессы в с. Михайловское напечатаны Н.О.Лернером в *РС* 1908, № 10, с. 109—118 («Дело о высланном из столицы коллежском секретаре Пушкине 1824»); Б.Л.Модзалевским в его сборнике «Пушкин», Л. 1929, с. 67—94 («К истории ссылки Пушкина в Михайловское»), и П.Е.Щеголевым («Пушкин и гр. М.С.Воронцов») в *КА*, т. 38, с. 173—185. (Ср. *П* I, 339—340, 343—347.)

16.

Расписка в приеме имения

<16 сентября 1830 года>

1830 года сентября 16 дня прибывшему на место Сергачьскаго земскаго суда дворянскому заседателю Григорьеву изъ дворянъ коллежскій секретарь Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ въ следствіе сообщения реченнаго земскаго, последовавшаго съ указа Сергачьскаго уезднаго суда далъ сію росписку в томъ что минувшаго іюня 27 дня родной отецъ мой чиновникъ 5 класса и ковалеръ Сергей Львовичъ Пушкинъ по данной ему отдельно записи совершенной Санктпетербургской Палаты Гражданскаго Суда во второмъ департаменте отделил мне в вечное и потомственное владеніе изъ собственнаго своего недвижимаго имения доставшегося ему по наследству послѣ смерти брата его артиллеріи подполковника Петра Львовича Пушкина состоящаго Сергачьскаго уезда в сельцѣ Кистеневѣ Тимашево тожъ писаннаго по 7 ревизіи мужеска полу 474 души — из числа оныхъ двѣсти душъ мужеска пола съ женами ихъ и рожденными отъ нихъ после 7 ревизіи обоего пола дѣтьми и со всеми ихъ семействами съ принадлежащею на число оныхъ двухъ сотъ душъ в упомянутомъ сельцѣ пашенною и непашенною землею с лесы с сенными покосы и ихъ крестьянскимъ строеніемъ и заведениями съ хлебомъ наличнымъ

и в землѣ посеяннымъ со скотомъ птицы и прочими угодьи и принадлежностями что онымъ душам и во владенiи ихъ состояло въ свое владенiе принялъ 10-го класса

Александр Сергеевъ сынъ Пушкинъ

Дворянский заседатель Григорьев.

Подпись А.С.Пушкина под «Вводным листом» на владение сельцом Кистеневым находится на обороте л. I гербовой бумаги 1829 г. На двух последующих листах записан текст крестьянской присяги с перечислением имен и фамилий 68 кистеневских мужиков. Два этих документа, в свое время изъятые из «Дела Сергачского уездного суда № 561 по прошению коллежского секретаря Пушкина о вводе его по отдельной записи во владение имением в сельце Кистеневе» (*ПД* № 728), были обнаружены в 1974 г. Н.И.Куприяновой в Государственном архиве Горьковской области (см. ее статью «Осень 1830-го. Архивные находки». Записки краеведов. Горький, 1975, с. 86—96). В 1978 г. они были переданы в *ПД* (№ 1759).

17.

Присяжный лист

<27 января 1832 г.>

Клятвенное обѣщанiе

Я нижеимянованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангелiемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссiйскому, и Его Императорскаго Величества Всероссiйскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскому Величеству Самодержавству, силѣ и власти принадлежащiя права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнiю, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, нетокмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкцiямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благо-

пристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

По сей формѣ присягалъ коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ

К присягѣ приводилъ Священникъ Ксенофонтъ Делакторскій.

При приводѣ къ присягѣ былъ экзекуторъ Министерства Иностранных дѣлъ Титулярный Совѣтникъ Приваловъ.

27 Генв.

1832 года.

Напечатано впервые Н.Гастфрейндом в *ГД*, 24.

Подлинник на одном листе серой писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «Е.Р.Ф.», хранился в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1644). См. *Е*[4] VII, 463.

Определен на службу в Коллегию иностранных дел Пушкин был еще 14 ноября 1831 г., но оформление его поступления на службу произошло лишь 27 января 1832 г. Оформление это совпало с оформлением пожалования Пушкину следующего чина (6 декабря 1831 г.), поэтому поэт должен был в один и тот же день дать присягу и как коллежский секретарь и как титулярный советник (см. следующий документ).

18.

Присяжный лист

<27 января 1832 г.>

Клятвенное обѣщаніе

<Печатный текст>[1]

По сей формѣ присягалъ Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ

К присягѣ приводилъ Священникъ Ксенофонтъ Делакторскій.

При приводѣ къ присягѣ былъ экзекуторъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Титулярный Совѣтникъ Приваловъ

27 Генв.

1832 года.

Напечатано впервые Н.Гастфрейндом в *ГД*, 26. Ср. *Е*[4] VII, 463. Подлинник находился в деле С.-Петербургского главного архива Министерства иностранных дел, 1831 г., о «пожаловании коллежского секретаря Александра Пушкина в титулярные

[1] *Такой же, как предыдущий.*

советники» (совр. шифр — *ПД* № 1646). Производство поэта в следующий чин титулярного советника произошло еще 6 декабря 1831 г.

19.

Обязательство о непринадлежности к тайным обществам

<27 января 1832 г.>

Я нижеподписавшійся симъ объявляю что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри Имперіи, ни внѣ ея не принадлежу и обязываюсь впредь онымъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть

Титулярный совѣтникъ Пушкинъ

Напечатано впервые Н.А.Гастфрейндом в *ГД*, 8 и 24 (факсимиле воспроизведено там же между с. 22 и 23 и П.Н.Полевым в «Истории русской словесности», т. III, СПб., 1900, с. 104). Подлинник находился в деле Московского главного архива Коллегии иностранных дел, 1831 г., об «определении коллежского секретаря А.Пушкина в ведомство Коллегии иностранных дел с дозволением розыскания в архивах оной материалов для истории Петра Великого» (совр. шифр — *ПД* № 1645). Подписку датируем днем фактического поступления поэта на службу. Ср. *Е*[4] VII, 462.

Известно еще одно обязательство Пушкина о непринадлежности к тайным обществам, приложенное им к прошению на имя Николая I в мае 1826 г. Мы не перепечатываем его здесь, так как оно вошло в *П*, II, 10—11; см. о нем там же, с. 156—157.

Как известно, Пушкин был членом кишиневской масонской ложи «Овидий», куда он был принят 4 мая 1821 г. и о чем сохранилась запись поэта в дневнике (см.: «Нива», 1912, № 5, с. 93, *НП*, с. 225). Исчерпывающую литературу по этому вопросу см. также в работе П.Е.Щеголева «К истории Пушкинской масонской ложи» в *ЩП*[2], с. 281—285; ср. *РС*, 1907, № 3, с. 642.

20.

Расписка в чтении указа Петра I

<27 января 1832 г.>

Читалъ Титулярный Совѣтникъ Пушкинъ

Впервые напечатано: *РП*, с. 845, по подлиннику, хранившемуся в Музее Революции в Ленинграде (№ 885 кн. пр. Док. до 1917 г., № 853; совр. шифр — *ПД* № 1624, л. 51). Подпись Пушкина находится на одном из листов переплетенной тетради in f°, под определением Коллегии иностранных дел от 5 марта 1744 г. о неразглашении служебных тайн и указом за подписью Петра I (копия 13 февраля 1720 г.): «О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними», среди подписей других лиц, между 23 января и 5 февраля 1832 г., т. е. была сделана 27 января, когда Пушкин подписался под клятвенным обещанием (см. выше с. 844). Текст указа Петра I напечатан в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 г.», т. VI, 1720—1722, изд. 1830 г., № 3518, с. 130—131.

21.

Расписка в получении жалованья

<27 июля 1832 г.>

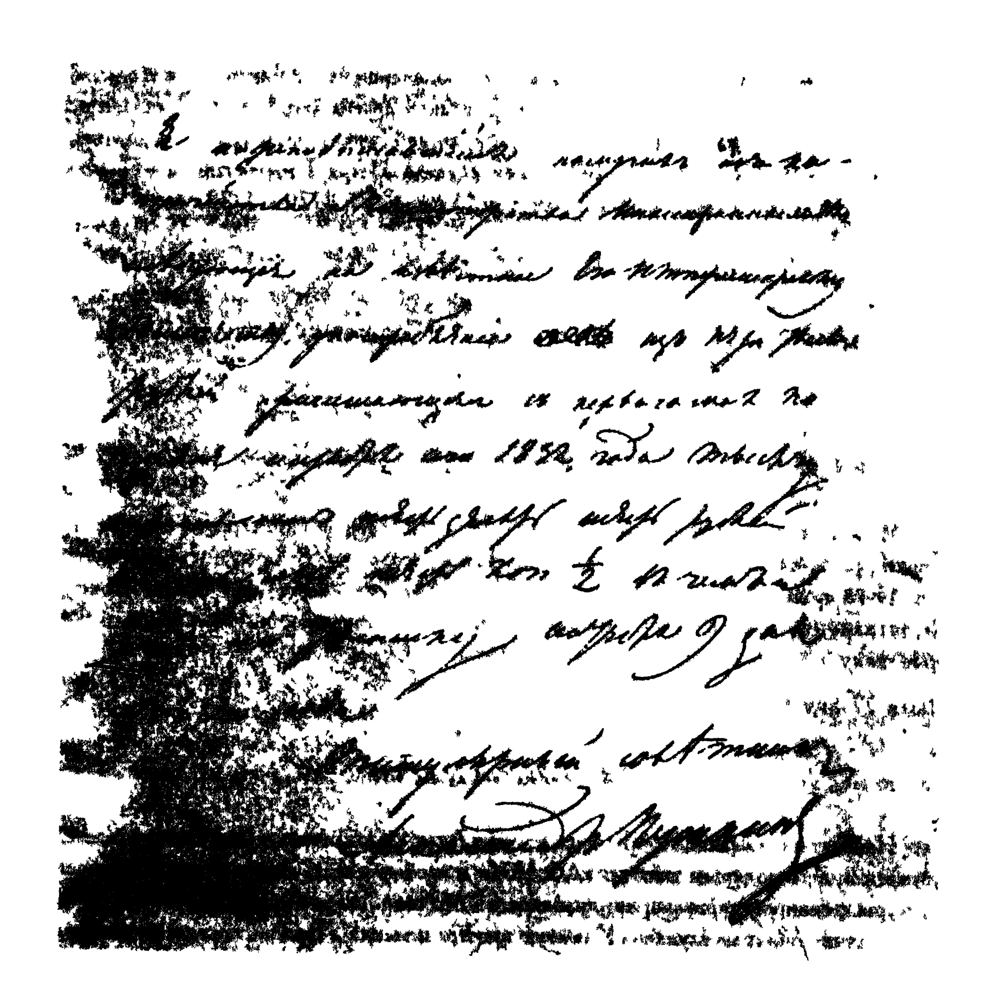
Я нижеподписавшійся получилъ изъ Казначейства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, следующіе на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе съ 14-го ноября 1831 г. по 1-е. Маія сего 1832 года всего двѣ тысячи триста девятнадцать рублей сорокъ четыре копейки съ четвертью, въ чемъ и далъ сію росписку.

Іюля 27 дня 1832 года.

Титулярный Совѣтникъ
Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н.А.Гастфрейндом в *ГД*, 31. Подлинник на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «АО 1831» и изображением льва с мечом и сидящей фигуры с секирою, «pro patria», хранился в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1648).

Будучи принят на службу в Коллегию иностранных дел, Пушкин, однако, не получал жалованья, и только после обращения к А.Х.Бенкендорфу 3 мая 1832 г. (см. *Е*[4] VII, 465, *СД*, 131 и *АП* II, 381) состоялось распоряжение Бенкендорфа от 10 мая гр. К.В.Нессельроде о назначении Пушкину жалованья. Размер его был определен Бенкендорфом в сумме 5000 руб. в год (см. *ГД*, 29—30 и *СД*, 132—134). При комментируемой расписке поэт получил свое первое жалованье после перерыва службы в 1824 г. Интересный рассказ о назначении жалованья поэту напечатан в дневнике Н.А.Муханова (*РА* 1897, I, 655).



Расписка в получении жалования

22.

Расписка в получении жалованья

<9 сентября 1832 г.>

Я нижеподписавшійся получилъ изъ казначейства Министерства Иностранныхъ дѣлъ слѣдующія на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе [съ 14] изъ пяти тысячь рублей причитающіяся съ перваго мая по первое сентября сего 1832 года тысячу шестьсотъ шесть десять шесть рублей шестьдесятъ шесть коп $^{1}/_{2}$ въ чемъ и далъ сію росписку сентября 9 дня 1832 года

Титулярный совѣтникъ
Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н.А.Гастфрейндом в *ГД*, 32. Факсимиле воспроизведено там же между с. 32 и 33. Подлинник находился в деле Московского Главного архива Министерства иностранных дел, «об отпуске из Государственного казначейства ежегодно по 5000 руб. Ассигнациями на известное его императорскому величеству употребление и о выдаче сих денег титулярному советнику Александру Пушкину» (совр. шифр — *ПД* № 1648).

23.

Расписка в получении жалованья

<27декабря 1832 г.>

Я нижеподписавшійся получилъ изъ Казначейства Министерства иностранныхъ дѣлъ іслѣдующія на извѣстное[1] Его Императорскому Величеству употребленіе изъ пяти тысячь рублей ассигн. причитающіяся съ перваго [мая] сентебря по первое января сего 1833 года тысячу пятьсотъ пятьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть коп $^{1}/_{2}$ въ чемъ далъ сію росписку декабря 27 дня 1832

Титулярный Совѣтникъ
Александръ Пушкинъ

---

[1] *Переделано из:* извѣстныя.

Напечатано впервые Н.А.Гастфрейндом в *ГД*, 33; там же воспроизведено факсимиле между с. 48 и 49. Подлинник, писанный на одном листе почтовой бумаги большого формата, без водяного знака, со штемпелем Петергофской бумажной фабрики, хранился в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1652). В сумме полученного жалованья Пушкин описался, — вместо 1666 руб. 66 $^1/_2$ коп. написал 1556 руб. 66 $^1/_2$ коп.

24.

Расписка в чтении указа о пожаловании в камер-юнкеры

№ 26 <27 января 1834 г.>

№ 26-й

Въ слѣдствіе предписанія I Отдѣленія Департамента Хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ отъ 27 Генваря за № 405-м Экзекуторъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ долгомъ поставляетъ симъ дать знать Г.Г.Коллежскому Ассесору Ремеру и Титулярному Совѣтнику Пушкину, что они по Высочайшему Имянному Его Императорскаго Величества указу данному Придворной Конторѣ въ 31 день минувшаго Декабря Всемилостивѣйше пожалованы въ званіе Камеръ Юнкеровъ Двора Его Императорскаго Величества. Генваря 27 дня 1834 г.

Экзекуторъ Приваловъ

Господину Коллежскому Ассесору Ремеру

Господину Титулярному Совѣтнику Пушкину

<*на обороте:*>

Читалъ Коллежскій Ассесоръ Николай Ремеръ

Читалъ Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н.А.Гастфрейндом в *ГД*, 38. Подлинник, писанный на двух листах почтовой бумаги большого формата, с водяным знаком: висящий рог в картуше в орнаментальной рамке, хранился в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1654).

О пожаловании Пушкина в камер-юнкеры см. *ГД*, 38—40, *ДП*, 5 и 79—81, и *ДМ*, 237—241.

Пожалованный вместе с Пушкиным в камер-юнкеры *Николай Ремер* — Николай Федорович (28 ноября 1806 — 13 июля 1889 г.), состоял в это время при Неаполитанской миссии, впоследствии тайный советник и сенатор (см. его биографию в «Русском биографическом словаре», т. Рейтерн — Рольцберг. СПб., 1913, с. 50—51). Пушкин упоминает о нем в письме к жене от 17 апреля 1834 г. под именем «Реймерса» (*АП* III, 98). При пожаловании в камер-юнкеры для Пушкина и Н.Ф.Ремера были составлены формулярные списки; см. список о службе Пушкина (1834 г.) в издании: Пушкин. 1834 год. Л., 1934, с. 141—144.

25.

Расписка в получении отпускного свидетельства

<27 августа 1835 г.>

Министерство
Иностранныхъ дѣлъ
Департаментъ
Хозяйственныхъ и Счетныхъ
Дѣлъ
Отдѣленіе
Столъ

августа 27 дня
1835
№ 4471

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего состоящій въ вѣдомствѣ М.И. дѣлъ Титулярный Совѣтникъ въ званіи Камеръ-Юнкера Александръ Пушкинъ, съ высочайшаго его императорскаго величества соизволенія уволенъ въ отпускъ на четыре мѣсяца [в разныя Россійскія губерніи]. Въ удостовѣреніе сего и дано ему сіе свидѣтельство отъ Департамента Хоз. и счет. дѣлъ, съ приложеніемъ печати. С. Петербургъ [Августа]

Подлинное свидѣтельство получилъ
Титулярный Совѣтникъ Александръ
Пушкинъ 27 августа 1835 —

Напечатано впервые Н.А.Гастфрейндом в *ГД*, 45. Подлинник, писанный на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «А.Б.Ф. 1835», хранился в *ТМ* (совр. шифр — *ПД* № 1669).

Официального прошения Пушкина об отпуске не сохранилось, и, вероятно, его не было вовсе. Поэт обратился к А.Х.Бенкендорфу 1 июня 1835 г. с письмом о дозволении ему отправиться на несколько лет в деревню (это обширное письмо напечатано в *АП* III, 203—206; ср. III 101—103). На письме имеется резолюция Николая I: «нет препятствий ему ехать куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить сие со службою. Спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок» (*СД*, 155). Попытка Пушкина уединиться в деревню на несколько лет не удалась (см.: Бартенев П.П. Рассказы о Пушкине. Под ред. М.А. Цявловского. М., 1924, с. 52). По прочтении резолюции Николая I Пушкин отвечал Бенкендорфу письмом от 4 июля о том, что передает свою судьбу в царскую волю. Бенкендорф на письме наложил резолюцию: «если ему нужны деньги, Государь готов ему помочь, пусть мне скажет, если ему нужно дома побывать, то может взять отпуск на 4 месяца» (*СД*, 157). На основании этой резолюции Пушкин и получил отпуск на 4 месяца (ibid. 161 и *ГД*, 45). Свидетельство выдано было поэту 27 августа, в получении которого он и расписался. Занятый устройством своих денежных дел, Пушкин выехал в Михайловское и Тригорское лишь 7 сентября; вернулся он оттуда гораздо ранее

срока, в середине октября 1835 г. Официальное же возвращение его из отпуска считалось 23 декабря 1835 г. (см. *ГД*, 45 и 46).

26.

Ответ на запрос о представлении свидетельства о дворянстве

<Середина марта 1836 г.>

1-е Отдѣленіе Департамента Хозяйственныхъ и Счетныхъ дѣлъ покорнѣйше проситъ нижепоимянованныхъ Г. г. Чиновниковъ написать на семъ: имѣютъ ли они свидѣтельства о дворянствѣ и учебные аттестаты, какіе именно и гдѣ они находятся, если же кѣмъ изъ нихъ сіи акты еще не представлены, то поспѣшить доставленіемъ ихъ въ помянутый Департаментъ.

Г.г. Титулярныхъ Советниковъ

<. . . . .>

Александра Пушкина	кромѣ фамильныхъ бумагъ[1], — свидѣтельства о дворянствѣ не имѣю. Атестатъ имѣю данный мнѣ изъ Царско-сельскаго Лицея при выпускѣ моемъ въ 1817.

Подлинник хранился в Москве, в Архиве внешней политики. Фонд СПб. Гл. Арх. IV—4—№ 14: «Дело Департамента хозяйственных и счетных дел. Отделение 1. Стол 1. О производстве некоторых чиновников Министерства иностранных дел в следующие чины за выслугу лет. — 1836 года», л. 5 (совр. шифр — *ПД* № 1671).

Впервые напечатано: *РП*, с. 853. Автограф обнаружен К.В.Пигаревым.

Аттестат об окончании Пушкиным Лицея при поступлении его на службу был представлен в Министерство иностранных дел, в архиве которого он и хранился. Факсимильно воспроизведен в книге Н.Гастфрейнда «Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов Министерства иностранных дел». СПб., 1900. Ср. здесь же, с. 24.

Свидетельство Департамента герольдии Сената в том, что Пушкин «происходит от древнего дворянского рода Пушкиных, коего герб внесен в общий дворянских родов Гербовик и высочайше утвержден», выданное 23 марта 1811 г., было представлено в Лицей при поступлении туда Пушкина и ныне хранится в *ПД*. См. *РА* 1887, № 12, с.

[1] *По-видимому, вписано после всего остального.*

576; Шляпкин И.А. К биографии А.С.Пушкина (Малоизвестные и неизвестные документальные данные). СПб., 1899, с. 24, и *ПС* III, с. 91

27.

Текст расписки для купца Кельберха

Изъ остальныхъ шести сотъ рублей
три ста рублей получилъ

Напечатано впервые Л.Б.Модзалевским в «Литературном архиве», М.-Л., 1938. Т. 1, с. 70. Предположительно датируется 1836 г. Хранится в *ПД* (№ 821).

После надписи А.С.Пушкина — две расписки А<лексея> Герасимова, управляющего купца Кельберха, в получении от Пушкина по 300 рублей. Никаких сведений о том, за что Пушкин был должен деньги купцу Кельберху, не сохранилось.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

IV. Планы изданий

VII. Подсчеты. Приходо-расходные записи

X. Надписи на книгах

XIV. Векселя и денежные обязательства

XV. Черновики писем, написанные для других лиц

XVI. Служебные документы

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 2 августа 1997 г. № 1083-р

г. Москва

1. В соответствии с Положением о грантах Правительства Российской Федерации в сфере средств массовой информации, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 июня 1996 г. № 906-р (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 26, ст. 3144), в целях государственной поддержки деятельности средств массовой информации, направленной на решение конкретных общественно значимых задач улучшения информационного обеспечения населения Российской Федерации, предоставить гранты Правительства Российской Федерации:

в сфере электронных средств массовой информации согласно приложению № 1;

в сфере печатных средств массовой информации согласно приложению № 2.

2. ФСТР России и Госкомпечати России заключить с получателями грантов Правительства Российской Феде-

рации в сфере средств массовой информации договоры о целевом использовании этих грантов.

3. Минфину России осуществить финансирование грантов Правительства Российской Федерации в сфере средств массовой информации за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете на 1997 год по разделу "Средства массовой информации".

Председатель Правительства Российской Федерации **В.Черномырдин**

Приложение № 2
к распоряжению Правительства
Российской Федерации от 2
августа 1997 г. № 1083-р

СПИСОК

получателей грантов Правительства Российской Федерации в сфере печатных средств массовой информации

(Извлечение)

1. Газетно-журнальное объединение "Воскресенье" (г.Москва). На завершение издания полного академического собрания сочинений А.С.Пушкина (к 200-летию со дня рождения) и полного академического собрания Н.С.Гумилева в 10 томах...

Оргкомитет по выпуску 17-го, ранее не издававшегося тома Полного академического собрания сочинений А.С.Пушкина: И.Д.Лаптев (председатель), Р.И.Вяхирев, А.Г.Гучев, В.Н.Игнатенко, Б.Б.Ким, Д.С.Лихачев, А.Г.Лысенко, Ф.Д.Поспелов, Г.В.Пряхин, Н.А.Пугин, Г.Г.Пушкин, Ю.В.Сизов, Н.Н.Скатов, И.П.Скляров, Е.П.Челышев, В.Н.Шевченко, А.П.Юрков.

Изданию Полного академического собрания сочинений А.С.Пушкина, приуроченного к 200-летию со дня рождения поэта, содействуют: Государственный Комитет РФ по печати, Российское акционерное общество "Газпром", банк "Огни Москвы".

Издание Полного академического собрания сочинений А.С.Пушкина осуществлено при информационной поддержке "Российской газеты", "Комсомольской правды", "Вечерней Москвы", ОАО "ТВ-Центр", Дирекции художественного вещания "Лад" Всероссийской государственной телерадиокомпании, программы "Доброе утро" ОРТ, радиостанции "Маяк", газет "Сельская жизнь", "Рабочая трибуна", "Труд", "Книжное обозрение", информационного агентства ИТАР-ТАСС.

А.С.Пушкин
Полное собрание сочинений в 19 томах (тт.17 и 18 дополнительные)
Том 17 (дополнительный)
Рукою Пушкина

Главный редактор *кандидат философских наук В.В.Милюков*

Заместитель главного редактора *кандидат филологических наук И.И.Жуков*

Редакторы: *А.Н.Панкова, Л.Г.Фронина*

Именной указатель, содержание:
А.В.Быстров, кандидат исторических наук В.С.Кудинов, кандидат филологических наук М.И.Никитин, кандидат филологических наук Л.М.Ульянова

Компьютерный набор:
В.П.Глазкова, М.Ю.Глазкова, Е.Ю.Сокольская, Е.Е.Федотова

Верстка:
А.А.Байкова, А.Г.Бровко, В.Э.Воротынцева

Корректоры:
О.А.Быстрова, О.В.Фронина, Е.А.Шипова

Материально-техническое обеспечение:
Н.И.Мастерова, Д.К.Соколова

Оригинал-макет подготовлен компьютерным центром газетно-журнального объединения "Воскресенье". Руководитель *П.О.Иванов*.

Издательство "Воскресенье" благодарит московского библиофила И.И.Потоцкого за предоставление для издательской работы экземпляра уникальной книги "Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты" издания 1935 г.

Лицензия ЛР № 010193 от 19. 02.1997.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.

Сдано в набор 02.06.1997 г. Подписано в печать с оригинал-макета 29.07.1997 г.
Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная № 1. Объем 46,5 п.л.
Тираж 15 000 экз. (1-й завод). Заказ № 6632.

Газетно-журнальное объединение "Воскресенье" при участии
ТОО ИИА "Евразия +":
125805 ГСП-47 г.Москва, ул. "Правды", 24
Телефон для справок (095) 257-39-46, факс: (095) 257-31-06.
e-mail: voskres@glasnet.ru.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Государственного комитета Российской Федерации по печати.
214020, г. Смоленск, ул. Смольяиинова, 1.